ПРАВЛЕНИЕ САХАРОТРЕСТА С. С. С. Р.

Профессор К. Г. ВОБЛЫЙ.

ОПЫТ ИСТОРИИ СВЕКЛО-САХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ С.С.С.Р.

Том I.

(До освобождения крестьян 1861 г).

ИЗДАНИЕ ПРАВЛЕНИЯ САХАРОТРЕСТА
Москва — 1928

ПРАВЛЕНИЕ САХАРОТРЕСТА С. С. С. Р.

Профессор К. Г. ВОБЛЫЙ.

ОПЫТ ИСТОРИИ
СВЕКЛО-САХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ С.С.С.Р.

Том I.

(До освобождения крестьян 1861 г.).

ИЗДАНИЕ ПРАВЛЕНИЯ САХАРОТРЕСТА
Москва 1928.

Бібліографічний опис та шифри для бібліотечних каталогів на цю книгу вміщено в „Літописі Українського Друку“ та „Картковому репертуарі Української Книжкової Палати“.

„Пров 30“.

1877
28

Киевский Окрлит № 818.
Гострест „Киев - Печать“,
1-ая фото - лито - типогр.
Зак. № 3242—2000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Отечественная наука не богата работами по изучению истории народного хозяйства. Мы не имеем монографий даже по самым основным отраслям нашей промышленности. Выпускаемый труд посвящен истории свекло-сахарной промышленности, представляющей основную отрасль народного хозяйства С. С. С. Р. Хотя мы и имеем несколько небольших работ, освещающих историческое развитие данной отрасли, все же ни одна из них не дает полной истории этой важнейшей отрасли народного труда.

Первый том выпускаемого исследования охватывает период в развитии свекло-сахарной промышленности до падения крепостного права. Это период помещичьей, вотчинной, крепостной сахарной фабрики. В основу работы положен архивный материал, собранный преимущественно в Ленинграде. В виду того, что Киевские архивные материалы, относящиеся к истории отдельных сахзаводов, еще не описаны, автор был лишен возможности их использовать. Думается, что этот частный материал не изменит тех основных выводов, к которым автор пришел на основании изучения центральных архивов, где сосредоточены материалы, по свекло-сахарной промышленности в целом. Возможно будет использовать местный Киевский архивный материал для специальных монографий по отдельным сахарным заводам или по частным вопросам свекло-сахарной промышленности.

Вторым источником, широко использованным автором, была журнальная литература, необычайно богатая и разнообразная в первой половине 19 столетия. В значительной массе этот источник был использован в Публичной Ленинградской библиотеке.

Первый том охватывает историю свекло-сахарной промышленности до освобождения крестьян (1861 г.), последующие томы будут посвящены дальнейшей истории свекло-сахарной промышленности СССР вплоть до настоящего времени. Первый том, выходящий в русском издании, несколько отличается от украинского; в него вошел ряд дополнений, полученных мною после выхода в свет украинского издания. За эти дополнения я приношу глубокую благодарность немецкому историку свекло-сахарной промышленности Rudolf Grotkass (Magdeburg).

ВВЕДЕНИЕ.

Общая характеристика народного хозяйства Украины в тридцатых и сороковых годах XIX ст.

Деление Украины на три района. Крепостное состояние. Панский двор. Барщина. Трехполье. Технические культуры. Скотоводство. Положение украинской промышленности. Суконная промышленность. Упадок сукноделия. Промышленность по обработке животных продуктов. Фарфоро-фаянсовая. Винокурение. Упадок винокуренной промышленности. Табачная промышленность. Кустарные промыслы. Отход на заработки. Хлебная торговля. Отпуск пшеницы за-границу. Снижение хлебных цен в лесостепной полосе. Экспорт льняного семени, животноводственных продуктов. Ярмарочная торговля. Перевозка товаров. Аграрный кризис в лесостепной полосе Украины. Свеклосеяние и свеклосахарная промышленность, как выход из кризиса в глазах современников.

Историю свекло-сахарной промышленности нельзя рассматривать вне общей народно-хозяйственной среды. Зарождение и развитие этой промышленности органически связано с общими экономическими условиями соответственных эпох. Понять происхождение этой промышленности можно только на фоне развития производительных сил страны. Без общей народно-хозяйственной рамки картина исторического развития свекло-сахарной промышленности потеряла бы в своей выпуклости и четкости. Так как эта промышленность сосредоточена преимущественно на Украине (свыше $^4/_5$ продукции), то в настоящем случае можно ограничиться характеристикой положения народного хозяйства Украины к моменту зарождения свекло-сахарной промышленности. Возникла впервые эта промышленность в средне-черноземной полосе (Тульская губ.), но укрепилась и достигла своего мощного развития на Украине. Только здесь она приняла коммерческий характер, стала важнейшей отраслью и наконец здесь сосредоточилась дальнейшая история ее развития.

Зарождение свекло-сахарной промышленности на Украине относится к тридцатым-сороковым годам XIX ст. Для выяснения условий и обстановки ее зарождения необходимо охарактеризовать общее положение украинского народного хозяйства в указанный период. Тогда нам станет ясным, почему именно возникла свекло-сахарная промышленность в лесостепной полосе Украины и почему она здесь приобрела значение крупной отрасли народного хозяйства.

В украинском народном хозяйстве первой половины 19 века можно различить три района: северную часть Украины, от северных границ Черниговской губернии к югу, до Ирпеня, Десны и Сейма. Эта часть отличалась угрюмой природой Полесья, здесь преобладали леса, главным образом, сосновые, непроходимые болота, изредка встречались пахотные поля, на крайне скудной почве. На юг от берегов рр. Ирпеня, Десны и Сейма простиралась средняя полоса, ее можно назвать лесостепной. Здесь уже лесов меньше, сосновые встречаются в виде редкого исключения. Преобладали лесные или дерновые почвы, т. н. деградированный

чернозем; болота редкие, почти все возвышенные места покрыты полями. Далее к югу за Харьковом, Кременчугом тянулась пустынная степь с черноземной почвой.

Это разнообразие почв и произведений природы определило и разное направление хозяйства в указанных трех районах. В северной полосе хлебопашество было слабо развито. Скудная почва требовала значительных затрат капитала и знаний, какими крестьяне не располагали. Помещики также не находили выгодным улучшать эту отрасль: соседство Орловской и Курской губ. давало возможность как крестьянам, так и помещикам получать хлеб из этого соседнего района по ценам более дешевым, чем это стоило бы лесному жителю при улучшенной обработке скудных полей. В Глухове, игравшем тогда крупную роль в хлебной торговле, куда свозился хлеб в большом количестве из соседних губерний, пуд ржаной муки продавался (в 1842 г.) по 24 коп. асс., четверик овса по 14 коп. асс. [1]) «При такой ценности, замечает современник, никакое улучшение не может вознаградить трудов».

В средней полосе хлебопашество составляло главное занятие населения. «Волынский хлоп, кроме земледелия, пишет Стецкий, которое вознаграждает его труды, не имеет других источников заработка» [2]).

В средней полосе, давно заселенной, уже чувствовалась земельная теснота; излишки населения отливали на юг для заработков и колонизации. В южном степном районе, при наличии значительных пространств земли, отведенных для скотоводства, в изучаемую эпоху уже стало усиленно развиваться хлебопашество. Не без основания агрономы того времени называли степную полосу настоящей пшеничной землей [3]). Она не требовала никакого удобрения; достаточно было двух или 3-х вершков разрыхления и нужного количества влаги, чтобы получить богатую жатву. Правда, недостаток влаги, с одной стороны, и рабочих сил, с другой, не всегда обеспечивал в этой полосе успешный результат хозяйствования. Хорошие урожаи здесь представляли сравнительно редкое явление.

Причину частых неурожаев современники видели в недостатке рабочей силы—людей и скота в сравнении с потребностью в них. Степные хлебопашцы занимали под посев столь значительные пространства земли, что местное население не в состоянии было справляться с полевыми работами. Тысячи рабочих приходили в степь из окрестных губерний, особенно во время покоса и жатвы. «Наличие рук, пишет современник [4]), было бы недосталочно для безмерных сенокосов края, не только по их обширности, но и по причине климата, т. е. скороспелости трав. С конца апреля целые тысячи рабочих из соседних губерний являются в эту пору на заработки в Новороссию. Все дороги покрываются тогда временными эмигрантами из Западной и Средней России, мужчинами и женщинами, с косами и с серпами в руках, которые остаются здесь месяц или два, иногда все лето, к осени же возвращаются во свояси». По словам Арандаренко, из одной Полтавской губ. уходило на отхожие заработки до 90 тыс. человек обоего пола [5]).

---

[1]) Лялин.—Нынешнее состояние сельского хозяйства Малороссийского края. Журнал Министерства Госуд. Имуществ, кн. X, 1844 год, стр. 18. Заблоцкий.—Хозяйственные замечания о некоторых губ. южного края России 1841 г., кн. I, журнал Министерства Госуд. Имуществ.

[2]) См. Wołyn pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym przez Tad. Steckiego. T. I S. 51.

[3]) Скальковский.—О хлебопашестве в Новороссийском крае. Жур. Мин. Внутр. Дел. 1851 г., кн. VII.

[4]) См. Скальковский, выше цит., стр. 68—69.

[5]) Арандаренко.—Записки о Полтавской губ. Полтава, 1848 г., стр. 365.

В северной и средней Украине преимущественно сеяли рожь, в частности потому, что винокуренные заводы пред'являли на нее спрос. Напротив, в степной полосе возделывали пшеницу как для собственного потребления, так и для продажи в портовые города. По словам Заблоцкого, «Полтавская губ. долгое время с выгодою сбывала свою пшеницу в Одесском порту; но теперь, когда усилилось земледелие в степном крае, малороссийские помещики считали выгоднее вместо пшеницы сеять рожь, которая по крайней мере могла перекуриваться на вино» [1]).

Хозяйственная жизнь Украины в изучаемый период складывалась и строилась на базе крепостного состояния. Основной хозяйственной единицей, вокруг которой вращалась тогдашняя жизнь, было поместье. Последнее обслуживало панский двор, его материальное благосостояние опиралось на рабский труд сотен и даже тысяч крепостных. Поместье представляло собой в большей или меньшей степени самодовлеющее целое, удовлетворяя большинство своих потребностей своими собственными силами и средствами. Выступать за пределы своего замкнутого круга ему приходилось сравнительно редко, со стороны приобретались предметы роскоши (сахар, вино, дорогие ткани) или такие продукты, которые не могли быть производимы у себя на месте, как соль, железо и пр. В дневнике малороссийского подскарбия генерального Я. Марковича находим такую заметку. «Покупки привезены из Ромна: вино выморозки по 20 коп. кварта; волошского по 14 коп. кварта, сахара капорского пуд 8 р. 90 к.; оливок по 9 к. ф.; родзинков по 9 коп». [2]). Такого рода закупки делались главным образом на ярмарках.

Панский двор включал в себя несколько десятков и сотен людей. Это сложная замкнутая хозяйственная единица с разнообразными экономическими функциями. В рабочем составе панского двора необходимо различать два рода подвластных людей: собственно крестьян и дворовых людей. Последние, являясь потомками древних хлопов, жили на полном иждивении своих владельцев, составляя домашнюю прислугу, домашних ремесленников, иногда и рабочих в вотчинных мастерских, фабриках.

Основной повинностью для крестьян являлась барщина, отбываемая по 3 дня в неделю с мужской и женской души в течение целого года. За этой простой формулой скрывалось большое разнообразие по областям Украины в числе дней, способах отправления барщины, в количестве требуемой от селян работы.

В отношении исполнения барщины различалось несколько групп. Тяглыми назывались те хозяева, которые отрабатывали барщину скотом; они разделялись на паровых, работавших своим плугом шестью скотинами; поединичных, работавших 2 или 3 скотинами и пеших или полутяглых, которые лично отрабатывали следуемую с них барщину [3]).

На Правобережной Украине, этом будущем районе свекло-сахарной промышленности, мера работ определялась дневными уроками в инвентарях. Последние ограждали крепостных в известной мере от излишних требований арендаторов и управляющих имений. По словам Журавского, в одних имениях уроком считалось запашка плугом в шесть волов

---

[1]) См. Заблоцкий, выше цит., стр. 19.

[2]) См. Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича, ч. I. М. 1859, стр. 408.

[3]) См. Тверетинов. — Военно-Статистическое Обозрение Подольской губ. 1849, стр 94. Ср. Maczyńskiego—Statystyka gubernii Podolskiego. Wilno 1820 str. 230. «Плуг, запряжений трьома парами волів, становив вищий обов'язковий капітал,— замечает М. Корнилович, Бібіковські обов'язкові інвентарі в Володимирському повіті. Український Археографічний Збірник. т. I, у Київі, 1926 р., стр. 219.

1/6 десятины, в других—1/4, в третьих 1/2 и иногда даже 3/4 десятины[1]). Амплитуда колебаний в степени тяготы барщины по отдельным имениям была значительна.

В барщину включалась иногда и перевозка продуктов помещичьих хозяйств на расстояние 50, 100, 150 и даже 200 верст. Более отдаленные перевозки, напр., пшеницы в Одессу, совершались по вольному договору помещика с крестьянами за особую плату. Барщинные перевозки для крестьян были крайне тягостны, так как они требовали от них лишних путевых расходов, отрывали от своего хозяйства, наконец, вели к истощению и гибели скота. Барщина представляла основную форму эксплоатации земледельческого труда.

В северных частях Украины (напр., Радомысльский у.) практиковалась отдача помещиками своих крестьян лесопромышленникам в наем на суда на весь сплавный период от льда до льда, получая за каждого рабочего по 30 р. сер. Эта форма барщины наносила крестьянам большой ущерб, так как их хозяйство лишалось рабочей силы; из уплачиваемой помещику суммы в 30 р. сер. в счет барщины, едва ли оставалось крепостному третья часть[2]).

Помимо барщины, панский двор требовал от крепостных не менее тягостных добавочных повинностей: так, привлечение женщин на работы в садах, огородах, конопляниках, на трепание льна и пеньки, на обделку проса в пшено, на обмазку строений и т. д. На крепостных возлагалась охрана господских строений и полей во время жатвы, ночной караул, отправление разных экономических должностей, ремесленные и заводские работы, разные вещественные приношения, наконец, и денежные сборы с промышленников. Некоторые из этих повинностей отправлялись без всякого урока и меры.

Крестьяне, исполнявшие экономические должности, в большинстве имений, не получали особой платы, освобождались только с семьями от трехдневной барщины, и то обычно делались исключения на время уборки хлеба, когда использовались все крепостные, в том числе и члены семейств должностных.

По словам Журавского, вещественные сборы оставались в обычае до 1847 г.[3]). Селяне несли на панский двор домашнюю птицу, индеек, гусей, каплунов, кур, яиц и лесные продукты—грибы, орехи, майку и пр. И здесь не было однообразия, в одних имениях эти сборы падали в равной мере на все дворы, в других они соразмерялись с наделами. Так, напр., полагалось в год с каждого хозяина плугового по 4 курицы и 40 яиц, четвертного 3 курицы и 30 яиц, парового 2 курицы и 20 яиц, пешего 1 курица и 10 яиц, в других случаях с каждого четвертного двора—одного каплуна, две курицы, 20 яиц, 100 грибов, хмелю 2 четверика 2 гарнца и т. д. На панском дворе накапливались горы продуктов. Все шло на содержание многочисленной дворни, с другой стороны, эти приношения служили базой стародавнего помещичьего хлебосольства[4]).

Панский двор облагал сборами также промыслы крестьян, как пчеловодство, ткачество, содержание мельниц, рыбные ловли, выделку горшков, лесные, древообделочные промыслы и пр. Эти сборы носили иногда натуральный, иногда денежный характер, напр., с улья по 2 ф. меду, в других поместьях по 10, 16 к. сер. с каждого улья. По расчетам Журав-

---

[1]) Фундуклей.—Статистическое описание Киев. губ. 1852 г., ч. II, стр. 341.
[2]) См. Фундуклей, ч. II, стр. 334—395.
[3]) См. Фундуклей, ч. II, стр. 369.
[4]) Такими же чертами характеризовалось и русское крепостное хозяйство. См. П. Струве—Крепостное хозяйство 1913 г., стр. 37—38.

ского, ценность отбываемых повинностей в среднем на десятину крестьянской земли достигала пять руб. 89 коп. сер. Эта цифра сама по себе являлась высокой, принимая во внимание ценность денег того времени и с другой стороны крайне низкий уровень хлебных цен. Все же она далеко не покрывает тяжести повинностей и сборов, падавших на селян, так как сплошь и рядом эти повинности совпадали с самым горячим временем для селян, отрывая рабочие руки от своего хозяйства, нанося крестьянам не поддающийся учету ущерб. Повинности крестьян в Правобережной Украине с давнего времени были определены письменными актами или инвентарями, служившими главным основанием управлений имениями.

В 1843 г. правительство обратило внимание на об'единение и согласование повинностей, падавших на крестьян, для чего решено было выработать положение об инвентарях для помещичьих имений в западных губерниях. Предполагалось соразмерять повинности не с числом наличных душ или рабочих сил, но с количеством и качеством наделов и других выгод, предоставляемых им в поместьях [1]). Для составления общего инвентаря был образован Инвентарный Комитет, собравший в течение двух лет, рассмотревший и описавший инвентари имений. По обсуждении собранных данных, были выработаны правила для управления помещичьими имениями, установлено однообразие в мере повинностей и в способах их исправления и, наконец, были сокращены и самые повинности. Указанные правила были введены в действие с 1848 г. В более благоустроенных имениях велся учет отрабатываемых крестьянами дней барщины и уплачиваемых денежных сборов. В начале года выдавалась каждому хозяину книжка, куда записывалось число дней барщины и количество даней и сборов, падавших на него в течение года. В эту же книжку записывались положенные дни сгонные, строительные и сторожевые. Формы книжек утверждены правилами о помещичьих имениях 1847 г.

Поместье, представлявшее столь сложную хозяйственную единицу, имело не менее сложную систему управления. Обычно, оно разделялось на экономии или фольварки, ими на Правобережной Украине заведывали экономы из вольных людей, чаще польские дворяне и шляхтичи. Меньшими фольварками управляли свои крестьяне, называемые прикащиками. Крупные польские латифундии делились на ключи, где учреждались ключевые управления, подчиненные главноуправляющему всем имением. Для об'единения и согласования работы экономов, прикащиков устраивались еженедельно с'езды (сессии) в воскресенье или субботу всех официалистов (так назывались должностные лица поместья), на этих сессиях заслушивались отчеты о работе за прошлую неделю и намечался план работ на предстоящую неделю. Должности официалистов носили сплошь и рядом наследственный характер: после отца вступал на его место сын.

Кроме официалистов в каждом имении насчитывалось большое количество постоянных сельских должностных из крепостных, как то гуменников, десятских, скотников, овчаров, воловщиков, лесничих и т. п. Одни несли эти должности постоянно, другие за освобождение от барщины кого-либо из членов семьи, третьи на жалованьи помещика и пайке. Число таких должностных в поместьях достигало обычно внушительных цифр. Журавский приводит одно имение Киевского у. [2]), где числилось 2.000 ревизских душ муж. пола, 7,6 тыс. пахотной и сенокосной земли

[1]) См. Корнилович, выше цит., стр. 222.
[2]) См. Фундуклей, выше цит. Ч. II, стр. 269.

и 1,2 тыс. дес. леса. В этом имении официалистов было 15: главноуправляющий, конторщик, механик, смотритель лесов, овцевод, эконом, прикащики, писаря, фельдшер и ключник; должностных из крестьян—138, сюда входили гуменные, шафар, подвальный, прикащики или старосты, степовники, конюха, скотарь, коровник, свинарь, воловики, пчельники, мальчики при пасеках, садовники, кузнецы, столяры, десятники, овчары, лесничие, об'ездчики, грабари, плотники, каменщики, кирпичный мастер, смотритель снастей, кухарки, птичницы, пекаря хлеба и т. д. Управленческий аппарат составлял 8% общего числа крепостных, столь было расточительно в отношении трудовых затрат помещичье хозяйство.

В другом имении Звенигородского у. в управлении числилось 24 человека, кроме поименованных, новые должности—архитектор, регент. При господском дворе существовал ряд мастерских, где были столяры, штельмахеры, кузнецы, маляры, обойщики, портные, сапожники, мастер над ткачами, штукатуры и каменщики. Помещичий дом был полон прислуги: экономка, расходчик, буфетчик, лакеи, повара, булочница, ее ученик, швея, девки, прачки, стряпуха для людей, сторожа и проч.; при должностных лицах (управляющем, докторе и проч.) опять лакеи, повара, стряпухи, прачки, кучера, сторожа, всего прислуги 70 душ.

На каждом дворе и конюшне имелся свой многочисленный штат—кучера, форейторы, конюхи, табунщики, стряпухи, прачки, сторож, ученик ветеринара (19 человек); при больнице—фельдшера и ученики, стряпуха, прачка, сторож (9 человек); при училище и певческой—учителя, стряпуха, сторож, (15 человек), в результате число лиц, обслуживающих господский двор, определялось в 137 человек.

Далее мы имеем при винокуренном заводе и пивоварне, составлявших необходимую принадлежность поместья, винокура, его помощника, писаря, учеников, затрубщика, бондарей, подвальных, сушильников, рабочих, сторожа и стряпух (25 человек), при господских садах и огородах находился значительный штат садовников, работников и работниц, огородников, стряпух (28 чел.). При экономии (по надзору за экономическими работами, лесами, и пропинацией) состояли: а) при гумне и полях—атаманы, гуменщики, токовые, эсаулы, ланновые, сторожа; б) при лесах—полесовщики, атаман над полесовщиками, при винной продаже—ревизор, об'ездчики при ревизоре, шинкари, сторожа при корчме, в) при плугах—плугаторы, погонщики, плотники; г) при молотилках—машинисты, их помощники, сеяльщики, мальчики при лошадях, погонщики, работницы, стряпухи; д) при мельницах—мастер и мельники; е) при скоте, птице и пасеке, воловнике, телятнике—свинари, птичницы, смотритель пасек, пасечники, смотритель запасного магазина, казаки для рассылок (итого 205 человек). Для исполнения разных служб привлекалось 409 крепостных; в том числе 332 муж. и 79 женщ. Штатные должностные составляли 20% общего числа ревизских душ. По расчету Журавского, общее число всех сельских должностных из крепостных достигало 10% ревизских душ[1]). В поместьях Киевщины не менее 50 тыс. крестьян постоянно использовалось на господские надобности, что составляло около $^1/_5$ всей рабочей мужской силы.

---

[1]) У одного иностранного путешественника, посетившего Россию в конце XVIII века, находим такое интересное указание: «русские дворяне посылали своих крепостных в Москву или Петербург с целью обучения различным ремеслам и потом или пользуются их услугами в своих собственных хозяйствах, или отдают их в наймы на сторону, или продают их по повышенной цене, или за известную годовую плату позволяют им заниматься своим ремеслом за их собственный счет" Coxe-Travels in Poland, Russia цит. у Струне: Крепостное хозяйство, стр. 44.

Для пропитания многочисленной дворни, для снабжения ее одеждой, обувью при господском дворе существовали мастерские, где ткали холст, рядна, простые сукна, выделывали кожи сыромятные, воловьи, коровьи, конские, свиные и телячьи, изготовлялись сапоги, головки к ним, свиты, тулупы, полушубки, починялись и изготовлялись бочки, обручи к ним, починялись и изготовлялись мешки, прялись мотки из пеньки, поскони, льна, приготовлялись бочки, обручи к ним, починялись и делались новые земледельческие орудия, колеса, оси, фуры, сани, ярма, плуги, бороны и т. п. Крепостное ремесло служило потребительным целям панского двора.

В группе крепостных своеобразное место занимали «месячники» крестьяне по занятию и образу жизни, но переведенные на положение дворовых [1]). «Не имея ни собственных изб, ни земли, ни хозяйства, они получают от своего помещика помещение, обыкновенно в нарочно выстроенных флигелях или казармах, по несколько семейств в одной избе, получают определенное продовольствие, одежду и за то круглый год работают на него целою семьею. Месячники, кажется, появились прежде всего в Малороссии и Белоруссии».

Если пан выезжал из своего поместья на ярмарку, с ним двигался целый поезд. Выезд на контракты, пишет Ulashyn в эту эпоху играл значительную роль в тихой, монотонной жизни сельских обывателей [2]). Приготовление в дорогу причиняло много хлопот и отнимало не мало времени. Нагружали сани, брички, возы, кареты устанавливались на полозья, чтобы в случае оттепели можно было добраться домой на колесах. Брали с собой большое количество прислуги, повара, кухонную посуду, самовары, ящики с бигосом, мешки и боченки со звонкою монетою, сундуки, окованные железом, наполненные векселями и ассигнациями. Панский поезд, состоявший из десятка саней, окружали верховые, набранные из дворни.

Нередко везли с собою охотничье оружие и собак, во время продолжительных остановок в пути занимались иногда и охотой.

Аналогичными чертами описывает один современник состав господского дома Слободской Украины: «Имелись дворецкие, повара с поваренками, кучера с форейторами и конюхи, лакей и выездные лакеи и казачки, камердинеры, кухарки для людей, прачки, швеи, горничные, фрейлины, поломойки, полотеры, швейцары и рассыльные. В аристократических домах весь штат находился на лицо, иногда еще метр д'отель, буфетчик и парикмахер. За приезжающими на время, особенно на зиму поразвлечься, следовал целый караван в колясках с гувернерами, гувернантками, боннами и в других рыдванах, с прислугою, и целый обоз с провизиею под наблюдением повара [3]). Тождественные экономические условия вызывали и сходные черты помещичьего быта.

Так невероятно растрачивались рабочие силы в процессе обслуживания господского двора. Сложной системой управления приводилось в движение поместное хозяйство. Главнейшие его потребности, качественно не разнообразные, но количественно интенсивные удовлетворялись силами и рессурсами тысячерукого организма. Сравнительно небольшая часть потребностей, главным образом, роскоши, покрывалась закупками на ярмарках на весь сезон, иногда даже на целый год.

---

[1]) См. Струве. Крепостное хозяйство... 59—60.

[2]) Ułashyn-Kontrakty Kijowskie. Skic historyczno-obyczajowy 1798–1898. Petersburg 1900. St. 47—49.

[3]) Г. Харьков в 20-х и 30-х годов по воспоминаниям Рейнгардта. Харьковский Сборник. В. I 1887 г., стр. 22.

О тяжести крепостного состояния едва ли нужно говорить. Более передовые представители чиновного мира сознавали это, в одной правительственной записке того времени мы находим такие замечания:

«Жилище крестьянина—едва похоже на человеческое жилище и часто разделяется с домашним скотом. Ни в домашней утвари, ни в одежде, ни в пище, ни в полевом хозяйстве, ни в средствах передвижки, ни в чем не видно за немногими исключениями (некоторые бумажные материи, косы и т. п.) таких вещей, которые составляли бы предметы мануфактурных заведений, требующих для себя денежных капиталов,— нет у нашего мужика ни кровати, ни стула, ни ножа, ни вилки, ни стекла и фаянса; не употребляет он фабричного сукна, полотна, сахару, чаю, кофе, виноградного вина, колониальных продуктов, ничего такого, что может питать народную промышленность значительным спросом и потреблением» [1]).

Крестьянство отвечало на угнетения со стороны помещиков и их управителей восстаниями. Так в связи с движением декабристов на Правобережной Украине (1826 г.) распространился слух о том, что появился сын Гонты. Говорили, будто-бы он разослал всем панам указы с требованием отдать всю землю крестьянам и выбраться как можно скорее в Варшаву, а кто не послушается указа и до светлого праздника останется на месте, тот будет убит крестьянами [2]).

В 1855 г., в связи с указом о государственном ополчении, «распространились упорные слухи, что все помещичьи крестьяне, которые добровольно запишутся и пойдут в ополчение, будут освобождены вместе с своими семействами и т. обр. навсегда избавятся от помещичьей власти с ее ненавистной барщиной. К этому прибавляли, что царский указ о свободе уже вышел, но что этот указ, как крайне невыгодный для помещиков, скрывается от народа.

Волнения охватили весной 1855 г. громадный район. Сначала они выразились в том, что крестьяне прекращали всякие работы у помещиков [3]). Когда были присланы войска для усмирения крестьян, последние кричали: «делайте, что хотите, а на панщину не пойдем». Они ничего не хотят слышать о панах и к барщинным работам более не возвратятся. Крестьяне в исступлении хватались голыми руками за солдатские штыки, вырывали и мяли их.

В описываемую нами эпоху крестьянские волнения подавлялись с крайней жестокостью. Многие крестьяне заплатили своей кровью в борьбе за свободу.

Любопытно, что даже ген.-губ. Бибиков счел нужным послать в 1840 г. циркуляр уездным предводителям дворянства, где указывал, что помещичьи крестьяне слишком стеснены своими владельцами, которые сплошь да рядом заботятся лишь о том, как бы извлечь из крепостных наибольшую для себя выгоду. Замечено, что наказания, применяемые в экономиях, нередко слишком жестокие; для наказания крестьян в некоторых имениях заведены были деревянные колодки и кандалы. В течение 2 лет и 5 месяцев было более 500 крестьян, посягнувших на жизнь свою» [4]).

---

[1]) См. Замечания на записку о денежных средствах России в настоящих обстоятельствах. Рук. Киевск. библ. Бунге, 729.

[2]) См. Иконников—Крестьянское движение в Киевской губ. в 1826 г. Спб. 1905, стр. 79.

[3]) К истории крестьянских движений в России. Ясинский. — Волнение помещичьих крестьян Киевской губ. 1855 г. Чтения в Истор. Обществе Нестора Летописца. Кн. IV. 1890.

[4]) См. Иконников, выше цит., стр. 181.

Натуральный строй помещичьего хозяйства не должен закрывать от нас той основной движущей силы помещичьего крепостного хозяйства, какой являлось получение дохода [1]). Этот animus capitalisticus уже веял над крепостным хозяйством Украины тридцатых и сороковых годов. Наиболее ясное выражение этот дух находил в отпуске пшеницы на внешний рынок, в котором принимало столь интенсивное участие помещичье хозяйство изучаемой эпохи. Владельцы латифундий в большинстве случаев не жили постоянно в своих поместьях. Их бюджет в столицах, за-границей носил чисто денежный характер, естественно, что они стремились получать свой доход в денежной форме. Это стремление к повышению денежной рентабельности поместий привело дворянство к учреждению винокуренных заводов, дававших возможность перегонять хлеб на водку, имевшую огромный спрос и дававшую высокий доход, в особенности в связи с правом пропинации. Это стремление к извлечению денежного дохода обратило внимание помещичьего класса на новую отрасль промышленности—сахароварение, сулившее столь значительные выгоды и к тому же органически связанное с сельским хозяйством.

Помещичье хозяйство, несмотря на жестокую эксплоатацию крепостного труда, не являлось самодовлеющим ойкосом. Оно не стояло изолировано от национального и даже мирового хозяйства. С одной стороны, создаваемые внутри его блага хлеб, вино, шерсть и проч. далеко превышали его потребности, с другой стороны, оно нуждалось в благах, вырабатываемых за его пределами; сюда нужно отнести предметы роскоши, к которым уже привык помещичий класс, некоторые предметы оборудования, металлы, соль. В более мелких хозяйствах, в особенности в крестьянском, натуральный строй преобладал, поскольку здесь не могло быть значительных излишков для отчуждения, с другой стороны, не было и спроса на предметы роскоши. Денежный элемент в крупных поместьях приобретал довлеющее значение; он являлся двигателем на пути развития производительных сил страны.

Крестьянское хозяйство в большей степени, чем помещичье представляло в изучаемый период замкнутую натуральную единицу. Крестьянин, пишет Тверетинов, приготовлял сам с своим семейством большую часть необходимых в хозяйстве вещей... «Каждый хозяин умеет сделать для себя сани и телегу, но зато все эти вещи очень непрочны и самой грубой отделки» [2]). По селам встречались кустари-ремесленники, которые, по замечанию Шафонского [3]), «своим ремеслом жителей довольствуют». Деньги селянину нужны на рыбу, соль, на железные орудия. Все остальное давала ему земля и скот. Селянин строил сам себе хату, клуню и другие хозяйственные постройки, сам делал соху, борону, воз, сани, сам изготовлял сбрую [4]).

Из пеньки и льна выделывались полотна, ткались самодельные сукна из овечьей шерсти. Деревянные части земледельческих орудий, как плуг и борона, делались обыкновенно самим хозяином, кроме железных частей, изготовлявшихся деревенским кузнецом.

В сельском хозяйстве помещики и крестьяне держались трехпольной системы. Шафонский пишет: «Пахотные земли разделяются, как и во всей Малой России, на три поля или, по малороссийскому названию, на

---

[1]) Струве.—О книге В. Г. Бажаева—Крепостное хозяйство 1913, стр. 325—326.
[2]) См. Тверетинов... стр. 119, ср. стр. 94. Ср. Кованько:—Описание Харьковской губ. X. 1857, стр. 63.
[3]) См. Шафонский.—Черн. Намест., стр. 648.
[4]) См. Wołyn nod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym przez Steckiego T. I. st. 53. Ср. Padalica—Listy z podroży. T. I st. 13.

три руки или на три смены, с которых одно после сеяния ярового хлеба, одно лето не пашется, а оставляется на толоку, на которой пасется скот» [1]).

«О плодосмене или многопольных севооборотах мы знаем только по слуху», писал еще в 1855 г. Тадеуш Падалица [2]).

«Тучные поля, пишет современник, не требуют еще мозолистого труда и работы от земледельца. Это одно и об'ясняет нам обилие хлеба, которым Украина снабжает Польшу, Литву и Одесский порт. Селянин испорчен плодородием чернозема и относительно работает мало [3]). В другом месте тот же автор замечает: «старосветскую рутину на три поля видим всюду здесь (район Белой Церкви)» [4]). «Плодородная почва земли и благорастворенный климат, пишет Арандаренко о Полтавщине, щедро содействует успехам здешнего хлебопашества. Труд земледельца без особенных усилий часто вознаграждается обильным урожаем. До сего времени еще не настает надобность в удобрении земель. Кроме конопляников и табачных плантаций земля возделывается без унаваживания, хотя некоторые места более населенные и требуют удобрения. Но большая часть полей в губернии столь тучного грунта, что унаваживание под дождливое лето приносит более вреда, нежели пользы; хлеб вырастает столь высок и сочен, что от собственной тяжести ложится стеблем на землю» [5]). О Слободской Украине, путешественник Гильденштедт писал: «крестьяне здешних деревень делят обыкновенно свою пахотную землю на три части, из которых каждая после 2-летней обработки оставляется на третий год под пар» [6]).

Правда, некоторые помещики уже сознавали пользу и значение удобрения. Падалица пишет: «плодородный Украинский чернозем не долго будет тешить нас обильным урожаем... Хозяева, вывозившие несколько фур навоза на несколько сот моргов, считались прогрессивными» [7]). Зажиточные казаки и те крестьяне, какие занимались возделыванием конопли, табака, унаваживали огородную землю. Заблоцкий упоминает об обычае в северной части Воронежской губ. собирать зимою навоз в кучи на дворах и жечь во время Рождественских праздников; это называлось у крестьян—«греть родителям ноги» [8]).

Помещичье земледелие велось лучше, чем крестьянское. Это об'яснялось не тем, что помещики обрабатывали землю усовершенствованными

---

[1]) См. Шафонский—Черниг. Наместничество, стр. 614.

[2]) См. Ułachyn выше цит. Stor. 35. Менцель, управляющий вотчинами гр. Потоцкого в Подольской губ. пишет от 10 янв. 1834 г.: «При вступлении моем в 1827 г. в управление фольварком Николаевским, я застал здесь древнее трехполье, вообще принятое в России. Землед. Газета № 3, от 10/VII 1834 г. «Выписка из письма Менцеля, управляющего вотчинами гр. Потоцкого в Подольской губ. от 10 янв. 1934 г.»

[3]) См. Padalica—Listy z podrozy. Wilno 1859, stor. 13.

[4]) Там же, стр. 23.

[5]) См. Арандаренко, стр. 314. Шафонский также пишет: «Землю только ту навозом удобряют, которую для посева конопель употребляют; прочая же земля без удобрения пашется, ибо в дождливое лето по тучности земли, хлеб прежде созрения валится». Черниговского Наместничества топографическое описание с краткими географическими историческими описаниями Малыя России. А. Шафонского в Чернигове 1786 г. К. 1851 г., стр. 614.

[6]) См. путешествия Акад. Гильденштедта по Слободско-Украинской губ. Ф. 1892 г., стр. 19.

[7]) См. Padalica выше цит., St. 73.

[8]) См. Заблоцкий, выше цит., стр. 27. Помещик тридцатых годов пишет: «в селениях разного звания казенных крестьян и в некоторых больших помещичьих имениях, находящихся на оброке, доселе не приступали еще к удобрению земли навозом. Поселяне принуждены бывают оставлять прежние свои усадьбы от бугров навоза, накопившегося на дворах в продолжение десятка лет». Бунин—Отчет о сельском хозяйстве за 1833 г. Землед. Журнал 1834, кн. I, стр. 68—69.

орудиями или применяли какие-либо улучшения, а просто тем, что у них было больше земли, что позволяло им чаще менять нивы и держать большее количество скота.

В степной Украине господствовала переложная система. Все поле делилось на более или менее равные части: 1) царину или пахотное поле, 2) сенокос и 3) толоку. После 2-х, 3-х или 4-х лет царина менялась с толокой. Крестьяне, задумав пахать, выезжали на поле и пахали в том месте, где хотели и сколько могли. Снявши одну жатву, он по заведенному обычаю, имел право на том же месте снять один раз сено. После этого земля делалась опять общим достоянием и кто первый приходил на нее с плугом, тот и обрабатывал ее. В случае, после жатвы ржи, всходила падалица, хозяин имел право пользоваться землею три года, т. е. снять рожь, потом падалицу и, наконец, сенокос. Нередки случаи, что по снятии падалицы рожь всходит еще один раз (т. н. пропадалица), тогда крестьянин имел право снять и ее.

Все невспаханное, считавшееся сенокосом, представляло общее достояние. Однако никто не имел права косить прежде других. Для этого назначался один день, на заре которого каждый, кто хотел, мог выйти в поле, привести с собой работников и косить по желанию. Такой способ косьбы назывался косовицей на захват.

В степных местностях удобрение земель вовсе не употреблялось. Плодородие почвы поддерживалось пастьбой скота, естественным разложением растительных веществ или сжиганием их, и наконец, переложной системой. Многие владельцы степной полосы держались того взгляда, что по свойствам земли и климата удобрение здесь принесло бы больше вреда, чем пользы.

Отсюда ясно видно, что степное земледелие имело значительные преимущества перед земледелием центральной полосы Украины. К этому присоединялось еще удобство географического положения: близость портов и возможность сбыта хлеба за-границу.

В степной полосе в сороковых годах, по расчетам Скальского, 12 милл. дес. занято уже земледельцами, из них не менее 5 милл. дес. обрабатывается уже для посева хлебов, в хороший год с этой площади собирали до 30 милл. четв., а в плохой год до 15 милл. четв. «Среднее число между ними, т. е. $22^1/_2$ милл. четв. почитаем мы истинным, нормальным количеством хлеба, которое Бессарабия и Новороссийский край легко, даже при общей грубости здешнего земледелия могут производить и вероятно производят» [1]). В указанный период степь выступала сильным конкурентом лесостепной полосы в продукции хлеба, главным образом, пшеницы.

В северной Украине и в лесостепной полосе сеялась рожь, в степной полосе и затем в южных уездах Подольской, Киевской, Полтавской губ. пшеница. На юге излюбленным злаком была пшеница—арнаутка, на которую был значительный спрос со стороны внешнего рынка [2]).

Яровые хлеба, т. е. гречка, овес и ячмень сеялись более или менее во всех губерниях. В южной части просо составляло также необходимую принадлежность степного севооборота, давая высокие урожаи при посеве на нови.

---

[1]) См. Скальковский—Взгляд на хлебопашество и хлебную торговлю в Новороссийском крае и Бессарабии. Жур. Мин. Вн. Дел, 1848 г., кн. VII, стр. 45.

[2]) Пшеница на юге являлась рыночной культурой (une culture industrielle), замечают составители Enquête, цена ее исключительно и абсолютно зависит от заграничного спроса. См. Enquête sur la production et les prix des Cèrèales en Russie. 1859. Odessa (манускрипт библиотеки высшей школы).

В рассматриваемую эпоху помещичьи хозяйства засевали пшеницу на $^2/_3$ поля, напротив крестьяне засевали пшеницею только $^1/_4$ часть поля [1]). Это различие показывает, что помещичье хозяйство работало на рынок, крестьянское занято было больше удовлетворением своих нужд, почему оно и отдавало предпочтение ржи, как продовольственной культуре.

Рожь и ячмень в помещичьих хозяйствах шли почти целиком на винокуренные и пивоваренные заводы, овес совсем не поступал в продажу, его использовали на содержание многочисленного экономического скота.

Из технических культур на Украине пользовались вниманием конопля и табак. Первая составляла важный источник доходов северовосточных уездов Черниговской губ. [2]). Население этого района весь свой навоз употребляло для конопляников. В лесостепной полосе посевы конопли были незначительны. Крестьяне сеяли ее столько, сколько нужно для домашних потребностей. Помещики сеяли коноплю в небольшом количестве главным образом для того, чтобы занять зимой женскую барщину. В лесостепной полосе небольшое количество пеньки поступало на рынок, продажа ее производилась на базарах в небольших размерах. Цены на нее стояли низкие—за пуд 1 р. 20 к. асс., четверть конопляного семени стоила 3 р. асс. Домотканное полотно из пеньки продавалось на ярмарках от 17 до 22 к. асс. за арш. [3]). В северной части Украины коноплеводство было более рентабельно именно потому, что с ним связан был маслобойный промысел. По словам Есимонтовского, маслобойный промысел получил сильнейшее развитие в крестьянских и помещичьих хозяйствах с начала 19 столетия под влиянием раскольников, поселившихся в Суражском уезде. Собираемое торговцами конопляное масло сливалось в дубовые бочки весом с тарой от 25 до 27 пуд., зимой перевозилось на санях в Поречье или Витебск для сплава в Рижский порт или в Столбцы (м. Минской губ.) для сплава в Кенигсберг, в Пруссию. Небольшие партии отправлялись гужем в Варшаву и реже в Зубцов для сплава в Ленинград. Продажа и покупка конопляного масла сосредоточивалась на Покровской ярмарке при Сенском монастыре вблизи г. Брянска, куда с'езжались местные и портовые купцы. Эта ярмарка устанавливала цены на коноплю и масло в наступающую зиму [4]).

Табак привлекал на Роменскую ярмарку в виде обратной клади вели-вито в районах, прилегающих к Десне и по течению р. Сулы. В описываемую нами эпоху табаководы жаловались на затруднения в сбыте его «Бывали годы, жалуется Лялин, когда пуд табаку продавался до 10 руб. асс., а теперь $1^1/_2$ руб. асс., да и то с трудом можно продать» [5]). Все же, по словам Арендаренко, табак с древних времен вывозился в Москву, Ригу, Ленинград и Сибирь, доставляя значительные выгоды для табаководственных районов.

Табаководством занимались в лесостепной полосе, особенно оно разкорусских извозчиков из самых отдаленных мест. Благодаря этому до-

---

[1]) Там же.

[2]) Домонтович.—Черниговская губ. Материалы для географии и статистики России, состав. офицерами Генер. Штаба. Спб., 1865, стр. 195, 200 и д.

[3]) См. Журнал Мин. Госуд. Имущ. 1844 г., кн. X, стр. 22. Ср. Фундуклей. ч. II, стр. 438.

[4]) См. Есимонтовский.—Сельское хозяйство в Суражском у. Черниговской губ., статья I. Журнал Мин. Госуд. Имущ. 1844 г., кн. XI, стр. 229—233.

[5]) См. Лялин.—Нынешнее состояние сельского хозяйства Малороссийского края. Жур. Мин. Госуд. Имущ. 1844 г., кн. X, стр. 23.

ставка товаров в Ромны обходилась много дешевле. Местный табак вывозился не только в Великороссию, но даже в Сибирь [1]).

Для северной и лесостепной полосы существенное значение мог бы иметь в севообороте картофель, но он не находил сбыта. Использование его для винокурения не имело места в виду крайней дешевизны ржи. Паточное производство в ту эпоху не получило развития из-за отсутствия рынков сбыта. Справедливо заметил вдумчивый украинский помещик того времени Лялин: «сбыт картофельной патоки возможен только для губерний, близких к Москве».

В югозападной части Херсонской губ. сеяли значительное количество кукурузы, преимущественно на нови. Посевы ее производились большею частью задунайскими переселенцами—болгарами, румынами.

Огороды составляли необходимую принадлежность украинского селянина. Здесь он разводил не только овощи, но и плодовые деревья, иногда и лесные. Такого рода насаждения назывались левадами. В степной полосе встречались бакши, где сеялись арбузы и дыни. В тридцатых годах стали появляться в лесостепной полосе посевы свекловицы, которая позже явилась предтечей плодопеременного севооборота. Интересно, что Заблоцкий в своих хозяйственных замечаниях, написанных в 1839 г., не упоминает вовсе о свекле, хотя очень подробно характеризует полеводство Украины. Лялин, писавший в начале сороковых годов, говорит о наличии в Сумском уезде ряда имений, с плодопеременным севооборотом, где уже насчитывалось до 1.000 десятин свекловичных плантаций. В известном труде Фундуклея, написанном в пятидесятых годах, свеклосеянию отведено значительное место.

Поля обрабатывались большею частью украинским плугом, в который запрягались от 3 до 5 пар волов. Лошадей для пахоти на Украине, за исключением севера, не применяли, в некоторых местах только подпрягали к волам. Из описаний Полтавской г. в начале 19 столетия мы узнаем, что для вспашки пользовались исключительно волами [2]). В тридцатых годах уже появились, сторонники лошадиной тяглой силы—Ракович, Лялин и др. В прессе оживленно обсуждался вопрос о пользе и значении перехода от вола к коню. Затруднение видели в том, что селяне не умели обращаться с лошадьми. Высказывали мысль отобрать молодежь и постепенно обучать ее обращению работе с лошадьми. Предпочтение, оказываемое населением волу перед лошадью, обосновывалось на том, что содержание лошади обходилось дороже. Вол широко использовался в изучаемую эпоху для перевозки товаров.

Нужным количеством волов для обработки земли располагали только зажиточные селяне. Современные наблюдатели правильно отмечали, что украинские крестьяне никогда не в состоянии достигнуть такого положения, чтобы каждый хозяин мог иметь полное число голов скота, необходимое для обработки его земли обычным для того времени плугом. Наличие полухозяев и пеших в то время обусловливалось тем, что получаемый с земли доход не мог покрыть издержек на столь дорогую обработку земли [3]).

Бороны, применявшиеся на Украине, также были тяжелы, имели тонкие, короткие и редко посаженные деревянные зубья, не разрыхлявшие

---

[1]) См. Николайчик.—Ильинская ярмарка в период ее существования в Ромнах. Труды Полтавской ученой архивной Комиссии. В. III.—1907 г., стр. 61.

[2]) См. Павловский.—Статистические сведения о Полтавской губ. сто лет назад. Труды Полтавской ученой архивной Комиссии. В. II.—1906 г., стр. 134. См. Ракович.—Исследование причин бедности Малороссийского края. Землед. Газета, 1839 г., № 101.

[3]) См. Журнал Мин. Госуд. Им., 1844 г., кн. XI, стр. 38.

почву надлежащим образом. У очень немногих помещиков встречались бороны с железными зубьями; для крестьян такие бороны были дороги.

Коневодство на Украине было в упадке, заводы для рабочих крестьянских лошадей отсутствовали. В северной части Украины крестьяне работали преимущественно лошадьми. По словам Есимонтовского, лошади были малорослы и малосильны; он прямо называет их выродками. Количество рабочих лошадей определялось Есимонтовским от 40 до 50 на 100 ревизских душ. Цена такой лошади колебалась от 30 до 40 руб. асс. «Десять пудов на самой легкой телеге есть умеренная кладь для такой лошади и то на малом пространстве обыкновенно при хозяйственных работах бывает» [1]). В виду слабосильности местной лошади, отпускные продукты севера Украины—пенька и конопляное масло—отправлялись на подводах великорусских крестьян или раскольничьих слобод.

В виду широко развитого чумацкого промысла спрос на волов был значителен, чумаки платили хорошие деньги за сильных волов [2]) и потому помещичьи хозяйства занимались разведением сильной Черкасской породы волов. Разведение рогатого скота и овцеводства, особенно мериносов, составляло важную отрасль тогдашнего хозяйства. Овцеводство, как экстенсивная форма животноводства, вполне отвечала тогдашним условиям—наличию свободных земель; с другой стороны, овца удовлетворяла разнообразные потребности замкнутого домашнего хозяйства, давая молоко, мясо, шерсть и овчину, перерабатываемые на месте в сукно, в полушубки. Помещичьи хозяйства занимались овцеводством в целях использования своих земель, которых они не в силах были обработать. Шерсть составляла важный предмет отпуска за-границу, имела сбыт и на внутреннем рынке. Некоторые крупные помещики имели свои шерстяные фабрики для изготовления сукон, поставляемых, главным образом, в армию. На широко развитом овцеводстве базировалась украинская текстильная промышленность, носившая в ту эпоху довольно значительные размеры. Арандаренко насчитывал на Полтавщине в 1846 г. 18 фабрик, на коих выделывались сукна, как из простой, так и тонкорунной шерсти, на сумму свыше 315 тыс. руб. сер. [3]).

О Подольской губ. Тверетинов пишет: «редкий помещик не имеет тонкорунных овец». Овцеводство было широко распространено и на Киевщине в Каневском, Чигиринском уу. Разумеется, центром овцеводства в изучаемый период являлась степная полоса Украины, где господствовала переложная система хозяйства, и к тому же имелись свободные просторы, по которым плуг не проходил.

Помещики степной Украины вкладывали капиталы в разведение мериносов. Для владельцев крупных имений на юге, где малое количество выпадающего снега давало возможность содержать мериносов на подножном корму в течение большей части зимы, эта отрасль хозяйства представлялась весьма рентабельной. Разведением мериносовых овец занимались и колонисты, особенно поселившиеся в Молочных водах. Улучшенное овцеводство от них стало понемногу распространяться и среди крестьян.

---

[1]) См. Есимонтовский, выше цит. Журнал Мин. Госуд. Им., 1844 г., кн. XII, стр. 1. Ср. Домонтович—Черниг. губ., стр. 243.

Тверетинов о крестьянских лошадях в Подолии бросает такое замечание: «вообще, малорослы и весьма малоценны», стр. 109.

[2]) Цена пары обыкновенных рабочих волов колебалась от 30 до 50 р.; за чумацких волов платили более высокие цены—80—100 руб. Авторы Enquête отмечают: «Чумаки имеют прекрасных волов (des boeufs excellentes).

[3]) См. Арандаренко—выше цит., стр. 335.

Рогатый скот содержали в большом количестве как помещики, так и крестьяне, потому что сбыт его всегда обеспечен. Это та отрасль сельского хозяйства, в которой обращался значительный торговый капитал великорусских купцов. Промышленники скупали молодой скот, оставляли его на год и более на нанятой земле для нагула и потом перепродавали. Мясо сбывали на местных городских рынках, кожи вывозились за-границу. Большие опустошения в скотоводстве производили неурожайные годы, в особенности 1833 г., когда погибла значительная часть скота не только пользовательного, но и рабочего [1]).

По словам Заблоцкого [2]), овцеводство в степной полосе занимало главнейшее место после хлебопашества. Разводили овец простых, калмыцких, испанских и цыгейских. Для селян и мелких владельцев наиболее выгодны были простые овцы, так как они всю зиму находились на подножном корму, для защиты их от холода устраивались загоны из камыша.

Свиноводство стало приобретать в указанный период серьезное значение в украинском народном хозяйстве. Украинское сало пользовалось широким спросом на внутреннем рынке. В Черниговской губ. славилось разведением свиней местечко Короб [3]). Его жители рассыпал[illegible]том по всей Украине, покупали свиней, пригоняли к себе, обставл[illegible] хорошим уходом и затем били их, сало продавали на внутрен[illegible]рынке, а частью отправляли и за-границу.

Лялин пишет о Путивле: «танцуя здесь французскую кадриль, вы из самых нежных уст подробно узнаете лучший способ вываривать сало и приготовлять» [4]).

На эту отрасль хозяйства оказывала большое влияние внешняя торговля. Ее процветание и упадок зависили от заграничного спроса. Сокращение требования из-за границы на сало резко снижало цены, как было в 1843 г., когда цена на сало упала с 12 руб. до 7 руб. за пуд вследствие сокращения спроса внешних рынков. Эта зависимость внутренних дел от внешнего рынка показывает, что внутренняя торговля скотом, в частности сбыт на столичные рынки, далеко не поглащала тех излишков, какими располагала Украина, в особенности степная полоса. Современник пишет: «если бы по каким нибудь обстоятельствам заграничный сбыт сала и кож прекратился, то со скотоводством было бы то же, что теперь с хлебопашеством... Во всяком случае торговля рогатым скотом в средней Малороссии теперь далеко уже не доставляет тех выгод, как это было прежде. Причиною этому—соседство Новороссийского края» [5]).

Промышленность на Украине в изучаемую эпоху не вышла из младенческого состояния. Для суждения о положении Украинской промышленности в интересующий нас период можно использовать обследование департаментом мануфактуры и торговли и промышленности в отдельных

---

[1]) «Прискорбно было видеть, сообщает в своем хозяйственном отчете за 1833 г. Бунин, в нынешнее лето гибельное истребление рогатого скота и овец в южном краю. Обыватели, допустив их до изнурения, или лишались на месте, или прогоняя в северные губернии, теряли их на дорогах и распространяли повсеместно заразу. Таковой убыток в скоте явно доказывает, что поселяне не умеют приготовлять в прок мяса и через то доставлять себе пищу здоровую и заменяющую хлеб. Необходимо составить и обнародовать постановление, в каком виде лучше приготовлять впрок мясо». Землед. Жур. 1834 г., кн. I, стр. 46.

[2]) См. Заблоцкий.—Хозяйственные замечания 1839 г., стр. 33.

[3]) См. Лялин.—Нынешнее состояние сельского хозяйства Малороссийского края. Жур. Мин. Госуд. Им. 1844 г., кн. X, стр. 35. Ср. Домонтович—Черн. губ., стр. 405.

[4]) Лялин.—Нынешнее состояние свекло-сахарного производства. Библиотека для чтения, 1838 г. Т. 29, стр. 23.

[5]) Жур. Мин. Гос. Им., стр. 27—28, 1844 г., кн. X.

губерниях. Результаты этого обследования опубликованы в Журнале Мануфактуры и Торговли под заглавием: состояние фабрик и заводов в такой то губернии в 1828 г.

Из этих обзоров видно, что главное богатство украинских губ. составляло хлебопашество, все же в последние годы стал намечаться интерес к мануфактурной промышленности, вероятно, как замечает автор описания фабрик Подольской губ., от затруднительности и менее выгодного сбыта земных продуктов [1]). «Промышленность сия сделалась (в Подольской губ.) уже весьма разнообразна, фабрик заведено много родов, но все они находятся еще в возникающем положении».

Что собою представляли промышленные предприятия того времени, можно видеть из описания промышленных заведений Харьковской губ.

«Если судить по числу фабрик и заводов, в сей губернии находящихся, то она должна бы стоять на ряду с первоклассными по мануфактурной промышленности, но судя по маловажности заведений, настоящее ее место между последними. Число фабрик увеличивается только множеством селитрянных и салотопенных заводов, по большей части мелких по малому производству. Многочисленное скотоводство всей губернии было поводом к учреждению салотопенных, а способная почва земли к устроению селитрянных заводов. Сим последним благоприятствовали наиболее высокие цены на селитру бывшие, когда же число заводов сего рода чрезмерно умножилось и цены на произведения оных понизились, а напротив того цены материалов и плата работникам увеличилась, то заводы в действии своем начали ослабевать и многие вовсе прекратили производство, не находя в оном никаких выгод, а еще убытки» [2]).

Об усиленной индустриализации Волынской губ. говорит описание состояния фабрик в этой губернии так: «Какое множество фабрик и заводов возникло в последние 15 мирных лет»? Очевидно, были серьезные экономические основания, побуждавшие помещиков взяться за устройство фабрик и заводов. Они лежали в нерентабельности сельского хозяйства, в стесненном состоянии хлебного торга под влиянием резкого падения цен и на мировом рынке, как увидим дальше, а с другой стороны, под влиянием сильной конкуренции степной полосы. Как видно из этих описаний, помещичьий капитал, направляясь в мануфактурную промышленность, привлекал к сотрудничеству купеческий, торговый капитал. Формы такого сотрудничества были разнообразны: иногда помещики утраивали за свой счет фабрики и сдавали их в аренду купцам, иногда они предоставляли землю в своих имениях для устройства фабрик купцам.

Нарождавшаяся мануфактурная промышленность охватывала разнообразные отрасли. Необходимо иметь в виду, что по принятой тогда классификации в мануфактурную промышленность не включалось винокурение, это основная отрасль промышленности той эпохи.

Статистической картины положения украинской мануфактурной промышленности, которая могла бы удовлетворять вкус современного читателя, нельзя дать в виду отсутствия доброкачественных материалов. Профессор Оглоблин в своей истории украинской фабрики предкапиталистического периода, после ряда изысканий, приводит такие общие итоги о положении промышленности, к сожалению, без разделения по отраслям [3]).

---

[1]) См. Состояние фабрик и заводов в Подольской губ. в 1828 г. Жур. Мануфактуры и Торг. 1831 г., кн. X, стр. 33.

[2]) См. Журнал Мануфактуры и Торговли 1831 г., кн. 4. Состояние фабрик и заводов Слободско-Украинской губ. в 1828 г., стр. 58.

[3]) См. Проф. Оглоблин.—Очерки истории Украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика. К. 1925 г., стр. 88—89.

Губернии	Число предприятий		Число рабочих	
	1825 г.	1844 г.	1825 г.	1844 г.
Волынская	185	322	4.377	5.777
Екатер. с Таганр. град.	38	115	457	1.857
Киевская	107	168	3 164	10.337
Подольская	53	199	847	2.369
Полтавская	29	175	1.590	8.905
Харьковская	76	198	923	10.742
Херсонская с Одес. град.	87	181	622	3.591
Черниговская	74	184	2.994	8.139
Итого	649	1.542	15.014	51.744

Эти данные, выбранные из тех и других источников, полученные разными методами, при всем их низком качестве показывают, что в изучаемый нами период мануфактурная промышленность сделала значительные шаги: количество предприятий более чем удвоилось, а число рабочих даже утроилось, так что с ростом промышленности происходило и укрупнение заведений. В двадцатых годах по числу предприятий и по числу рабочих на первом месте стояла Волынская губ., за ней шла Киевская и Черниговская, в сороковых годах по числу рабочих на первое место выдвигаются Харьковская и Киевская губ. (свыше 10 т. рабочих), затем идут Полтавская и Черниговская (свыше 8 т. рабоч.). Здесь уже несомненно сказалось влияние свекло-сахарной промышленности, обосновавшейся в сороковых годах в названных четырех губерниях. Размер производства украинской промышленности проф. Оглоблину удалось установить не ранее 1851 г. [1]).

Губернии	Ценность производства в тыс. руб.	На одно предприятие в руб.
Волынская	1.119,9	3.363,2
Екатер. с Таганр. град.	503,9	4.270,1
Киевская	4.724,0	22.603,1
Подольская	631,0	3.108,5
Полтавская	961.3	5.524 9
Харьковская	1.893,8	7.485.6
Херсонская с Одес. град.	3.605 8	1.355.4
Черниговская	2.294,8	9.179,3
Для всей Украины	1[illegible].734,8	9.507,4

По ценности продукции доминирующее положение занимала Киевская губерния, затем в нисходящем порядке шли Херсонская, Черниговская, Харьковская. Херсонская и Киевская губ. выделялись и размерами своих предприятий: ценность продукции на одно предприятие в Херсонской губ. достигала 31,3 тыс. р., в Киевской 22,6 т. р. Следует отметить, что ценность продукции Одесского градоначальства (2 милл. р.) превышала ценность производства Херсонской губернии без градоначальства (1,6 милл. р.).

В пятидесятых годах уже сказалось влияние сахарной промышленности. Украинская промышленность до возникновения свекло-сахарной промышленности распадалась на такие группы производств—текстильную, и группу по обработке животных продуктов—кожевенные, сало-

[1]) См. Оглоблин там же, стр. 90—91.

топенные, свечно-сальные, мыловаренные, фарфоро-фаянсо-стекольную группу и наконец, железоделательную и химическую.

В изучаемую эпоху текстильная промышленность представляла на Украине важную отрасль труда. Из видов текстильной промышленности на Украине существовала только суконная и пенькообрабатывающая. Источники происхождения суконной промышленности—это помещичий капитал и затем прилив иностранных мастеров. Устройство помещиками суконных фабрик поддерживалось широко развитым овцеводством, с другой стороны, заказами военного ведомства и потребностями в одежде многочисленной дворни. Правительство, озабоченное снабжением войска сукнами, оказывало всяческую поддержку отечественному сукноделию. Ряд крупных помещиков, как Чарторыйский, Понятовский, Радзивил, Румянцев, Разумовский, Миклашевский и др. взялись за основание суконных фабрик в целях поставки сукон на армию. Понятовский, киевский помещик, предпринял даже поездку в Бельгию для ознакомления с положением суконной промышленности, оттуда он привез машины и бельгийского инженера Янсена, игравшего большую роль в насаждении на Украине суконной промышленности. Крупные помещичьи суконные фабрики работали на казенный рынок. Другая группа помещичьих суконных фабрик полукустарного типа обслуживала нужды поместья. «Шпанских овец имеется завод во владении Румянцева в деревне Ташане состоящем, с которых овец добываемая шерсть употребляется для выделки сукон на экономические надобности, сверх того выделывается сукно разных цветов по малой части во владении Суханой и те сукна никуда в продаже не выходят, а употребляются только на одеяние и убор крестьянских дворовых» [1]). Эти фабрики дополняли то замкнутое целое, какое представляли в ту эпоху поместья.

Другой источник образования суконной промышленности на Украине это иммиграция иностранных ремесленников, немецких, польских. Немецкие ремесленники оседали в Волынской и Подольской губ., реже иммигранты продвигались вглубь Украины. Таким путем появились колонисты в Полтаве, Кременчуге, Константинограде. Отсюда ведут свое начало такие центры кустарной суконной промышленности, как Дунаевцы, Немиров, Коростышев. В 1846 г. в Дунаевцах (Подольской губ.) было 76 суконных фабрик с продукцией в 13 тыс. сер. руб., в Немирове (той-же губ.) 17 суконных фабрик с годовой выработкой в 12 тыс. сер. руб.

Иммиграция мастеров-сукноделов на Украину в конце XVIII и в начале XIX отражала влияние тех причин, которые вызвали усиленный прилив ремесленников в Царство Польское, послуживший началом развития мощной польской текстильной промышленности. С тридцатых годов, когда доступ к польским сукнам в империю был затруднен, ремесленники, работавшие в Польше на русский рынок, начали переселяться на Украину за таможенную черту. Интересное описание суконного производства в Коростышеве находим у Журавского: «лет двадцать тому несколько семейств иностранцев, выходцев из Ц. П., поселились в этом местечке и занялись почти исключительно выделкою сукна и полотна. Неизвестно, от них ли переняли коростышевские жители это мастерство, или еще прежде занимались им; только в настоящее время считается там 16 мастерских этого рода, из числа которых в десяти приготовляют пряжу и ткут, в двух красят, в двух ткут холст, а иногда и шерсть, и в двух стригут и ворсуют сукно... Каждая штука сукна выделывается соединенными силами нескольких фабрикантов и переходит из

[1]) См. Павловский.—Стат. сведения. Труды Полтавской ученой архивной комиссии, в. II, стр. 154,

одних рук в другие до окончательной отделки. Шерсть, краски и другие материалы покупаются в Бердичиве или получаются от купцов в обмен на сукно. Выделывается ежегодно до 320 штук сукна, на сумму до 2.600 р. сер. Высшая цена выделываемых сукон ими до 2 руб. сер. за аршин, но такого сорта выделывают очень мало, а обыкновенно ценою в 1 р. 50 к. и в 1 р. 30 к. сер. аршин. Если оказывается надобность в высшем сорте, то для окраски и окончательной отделки таких штук посылают их на Хабенскую фабрику» [1]).

Заведения иностранных ремесленников носили кустарный характер, работали они на ручных станках. В приведенном описании интересно указание на то, что существовало разделение труда между отдельными ремесленниками и затем, что они работали иногда для Хабенской фабрики, сдавая на нее для окончательной отделки свои изделия. Это характеризует подчинение кустарного промысла фабрике.

Необходимо подчеркнуть образование в изучаемую эпоху на севере Украины нового центра суконной промышленности в посаде Клинцах. Зарождение этого центра обязано купеческому капиталу. Клинцовские купцы вели сначала торговлю польскими и прусскими суконами. Ознакомившись с рынками сбыта, с условиями производства и наконец, накопив средства, клинцовские купцы стали превращаться в фабрикантов-сукноделов. Клинцовский купец Лихоманов основал в 1814 г. первую суконную фабрику в Клинцах, выписав из-за границы механика и мастера [2]). К началу тридцатых годов в Клинцах насчитывалось четыре суконных фабрики. На развитие клинцовской промышленности большое влияние оказало установление таможенной черты между Ц. П. и Россией, ослабившей конкуренцию польских сукон [3]). В тридцатых годах возникли значительные чулочные заведения. По исчислению Гутмана, в Клинцах в 1851 г. находилось десять суконных фабрик, семь чулочных заведений. Было занято рабочих в Клинцах 1.538 мужчин и 581 женщин, ценность годовой продукции достигала 838,7 тыс. руб. [4]). Наличие клинцовского центра текстильной промышленности об'ясняет нам достаточно высокий удельный вес Черниговщины по числу и по ценности промышленного производства в изучаемый период.

За отсутствием данных мы лишены возможности определить точно, какие губернии занимали первое место по ценности вырабатываемого сукна. Выделялись значительным развитием суконной промышленности Подольская, Волынская, Киевская, Черниговская и Полтавская губ. По словам Тверетинова, суконных фабрик в Подольской губ. насчитывалось 105, с продукцией в 49,7 тыс. сер. руб. Очевидно, в число фабрик зачислены мелкие мастерские, такой-же характер носила и суконная промышленность Волынской губ. В Киевской губ. в 1845 г. насчитывалось 15 фабрик с продукцией в 668,5 тыс. руб. В этой губ. имелись три фабрики, «отличнейших», как их характеризует Комитет Мануфактур и Торговли. Изделия Киевских суконных фабрик пользовались большой известностью в то время на украинских ярмарках. В 1828 г. на всех фабриках Киевской губ. было занято 2.940 человек, в том числе на суконных—2.218 человек. По данным Арандаренко, в 1846 г. на Полтавщине числилось 18 суконных фабрик с продукцией в 315 тыс. руб. сер. Из этих сопоставлений видно, что впереди других по ценности вырабатываемых сукон, как будто,

---

[1]) См. Стат. описание Киевск. губ. ч. III. 237—238.

[2]) См. Оглоблин, выше цит. стр. 134. Домонтович—Черниг. губ., стр. 236.

[3]) Обозрение фабричной и заводской промышленности Черниговской губ. в 1851 г. Журнал Ман. и Торг. 1853 г. Окт.—декабрь, стр. 187.

[4]) См. Гутман выше цит. 187.

можно поставить Киевскую губ. Выше Киевской губ. стояла Черниговская с посадом Клинцами.

Глазомерно подводя итоги продукции суконной промышленности, можно прийти к выводу, что в тридцатых годах по ценности продукции и по числу занятых рабочих текстильная промышленность уступала одной винокуренной. В дальнейшем эта промышленность не получила развития. В настоящее время характерную особенность украинского народного хозяйства составляет отсутствие сколько-нибудь значительно развитой текстильной промышленности. Чем можно об'яснить этот экономический парадокс? Ряд причин обусловил упадок текстильной промышленности, процветавший в начале 19 века. Прежде всего упадок овцеводства. Австралийская конкуренция вызвала длительный кризис в этой отрасли украинского народного хозяйства. Цены на шерсть стали падать: в 1825 г. тонкая шерсть продавалась от 26 до 60 руб. асс. С 1830 до 1840 гг. цены колебались в таких пределах 18 — 35 руб., в 1843 г. — от 12 до 20 руб. [1]). В этом же направлении должно было действовать расширение пшеничного хозяйства. Усиленное участие в пшеничном экспорте степной полосы обусловило расширение посевов пшеницы; в результате распашка степей сокращала целину, по которой кочевали стада мериносов [2]).

В эпоху длительного кризиса тонкорунного овцеводства на Украине в лесостепной полосе стала зарождаться свекло-сахарная промышленность, открывшая необычайно благоприятные перспективы для помещения дворянских капиталов. В сороковых годах помещичьи круги лесостепной полосы, где именно и сосредоточивалась суконная промышленность, были схвачены сахароманией. Все усилия, все думы, наконец, все средства были брошены в модную отрасль производства, обещавшую баснословные барыши. «Весьма вероятно, что быстрое и огромное развитие одной отрасли промышленности свекловичного сахара, поглащая капиталы и привлекая внимание помещиков было причиною упадка многих других частей промышленности, как менее доходных для заводчиков» [3]). Упадок суконной промышленности совпал с расцветом свекло-сахарной.

Вторая группа промышленных заведений интересующей нас эпохи была тесно связана с животноводством. Украинский рогатый скот давал сырье, для кожевенных и сало для салотопенных, свечно-сальных и мыловаренных заводов. В Киевской губ. в 1828 г. числилось 24 кожевенных завода, один салотопенный, 8 свечно-сальных. Все это были мелкие заведения кустарного типа. Достаточно сказать, что на 105 предприятий насчитывавшихся в 1828 г., было рабочих 2.940 человек, в том числе на суконных фабриках было занято 2.218 чел. [4]). Значит для 100 предприятий оставалось около 700 рабочих. По данным указанного источника, на один кожевенный завод приходилось рабочих 5 человек, салотопенный 2, свечно-сальный—4 человека. В описании промышленности Волынской губ. мы находим такое замечание по поводу заведений по обработке животных продуктов: «удивительно также, что здесь весьма мало кожевенных, салотопенных и свечных заводов, тогда как скотоводство того края весьма многочисленно. Это можно, однако же, об'яснить тем всеобщим у нас обыкновением, что крестьяне занимаются кожевенным мастерством по

[1]) П. Струве.—Крепостное хозяйство 1913 г., стр. 77.

[2]) Бобровский в своих воспоминаниях говорит о том, что помещики занялись расширением продукции пшеницы, запахивая вековые степи, уничтожая выпасы, в связи с этим начало падать с большими затратами недавно введенное овцеводство, скотоводство и коневодство. Pamiętniki. T. II We Lwowe 1900, st. 28.

[3]) Фундуклей.... Ч. III, стр. 10.

[4]) Состояние фабрик и заводов Киевской губ. в 1822 г. Журнал Мануф. и Торговли 1831 г., кн. I, стр. 4.

домам, каждый для своей потребности, а также и свечи делаются в каждом семействе для домашних надобностей, которая в том краю весьма ограничена, по всеобщему обычаю освещать маслом, а за недостатком оного и лучиною». Промышленность по обработке животных продуктов удовлетворяла широкие потребности населения, но в виду простоты и несложности производства изделия ее могли изготовляться в домашнем хозяйстве. Домашнее ремесло успешно конкурировало с полукустарной фабрикой. Хотя указанные заведения и были рассеяны по всей Украине, однако, они носили в исследуемую эпоху мелкий характер. При натуральном хозяйстве потребность в освещении, в обуви удовлетворялась внутри самого хозяйства.

Мелкие размеры предприятия по обработке животных продуктов, несложность и дешевизна оборудования, необходимость в сборке животного сырья по мелочам—все это было причиной того, что названная отрасль находилась в руках не помещичьего, а торгового капитала. «Купечество и мещане упражняются наиболее в простых и грубых работах: салотопленнии, мыловарении и кожевенном деле» [1]). Салотопенные заводы работали отчасти на внешний рынок.

В 1828 г. четыре Крюковских салотопенных завода с общей продукцией в 68,7 тыс. руб. продавали свои изделия «для заморского отпуска». О салотопенных заводах Херсонщины Жур. Мануфактуры и Торговли сообщал: «многочисленное скотоводство и удобство сбыта в заморский отпуск через Одесский порт способствовал умножению сих заводов». Возможность экспорта сала на внешний рынок содействовала быстрому развитию салотопенной промышленности: на Херсонщине производство салотопенных заводов оценивалось в 1846 г. в 363 тыс. сер. руб., в 1857 г. уже в 1,1 милл. руб. сер. [2]).

По исчислениям проф. Оглоблина, предприятий по обработке животных продуктов числилось в 1832 г.—304, в 1846 г.—494 [3]). Наиболее значительным числом их в тридцатых годах располагала Херсонская губ., в сороковых—Херсонская и Черниговская. Концентрация предприятий по обработке животных продуктов в Херсонской губ. стояла в связи с работой их на экспорт. Выдвижение Черниговской губ. в сороковых годах можно об'яснить ростом заведений по обработке продуктов свиноводства. Нужно иметь в виду, что стат. данные, приведенные выше, имеют чисто ориентировочную ценность.

У проф. Оглоблина мы находим соотношение купеческого и дворянского предпринимательства в названной отрасли промышленности: по всей Украине купеческих заведений было 94,1% и дворянских 5,9% [4]). Более значителен процент дворянских предприятий мы находим в Подольской (11,1%), в Полтавской (12,0%) и Волынской губ. (26,7%). Не впадая в ошибку, можно сказать, что в названной отрасли происходило накопление торгового капитала. Этот капитал не украинского, а великорусского происхождения. По словам Шмидта, «сальный промысел возник здесь (в Херсонской губ.) издавна вследствие промышленной деятельности и сметливости здешнего великорусского населения, преимущественно раскольников» [5]). Указание на роль великорусского торгового капитала находим и у современника Лялина: «скотоводством Малороссия обязана

---

[1]) Состояние фабрик и заводов в Курской губ. 1828 г. Журнал Мануф. и Торговли, кн. X, стр. 3.
[2]) Оглоблин—104 и 105.
[3]) Там же, стр. 103.
[4]) Там же, стр. 103.
[5]) Там же, стр. 106.

тем, что капиталы великороссийских купцов оживляют несколько ее торговлю» [1]).

Из предприятий по обработке минералов следует назвать ряд стекольных заводов в Волынской, Киевской и Черниговской губ. для выделки оконного стекла и питейной посуды, несколько фарфоро-фаянсовых заводов в том же лесном районе. Бутылки, штофы, рюмки, стаканы находили значительный сбыт по многочисленным корчмам. Эта промышленность тяготела к лесным массивам, где она получала столь важное для производства дешевое топливо. Фарфоро-фаянсовая промышленность, насажденная на Украине под влиянием моды, находилась в руках помещичьего класса.

Из металлургических заводов встречались медные для выделки чанов, посуды для многочисленных винокуренных заводов; железные заводы изготовляли сошники для плугов. Железная руда добывалась в Волынской губ., «из оной выделывали дурное железо на земледельческие орудия» [2]).

В группу химической промышленности нужно отнести поташевые заводы, селитренные. В изучаемую эпоху эта промышленность не имела серьезного значения в народно-хозяйственном балансе. По словам Лялина, «селитренные заводы составляли когда-то значительную промышленность края, но после начали приходить в такой упадок, что многие владельцы уничтожили свои бурты, обращая их на удобрение различных плантаций» [3]).

Твердую почву под собой имели те отрасли промышленности, какие были связаны с обработкой сельско-хозяйственного сырья. Здесь на первом месте следует поставить старую отрасль промышленности винокурение и, затем, табачную промышленность, возникновение которой нужно отнести к изучаемому периоду. Винокурение в северной и лесостепной Украине представляло собою ту ось, вокруг которой двигалась вся народно-хозяйственная жизнь изучаемой эпохи. «Главная отрасль промышленности, читаем мы в замечаниях о хозяйстве Полтавской губ., в этом крае, не имеющем водяных сообщений, винокурение основано также на земледелии; одно поддерживается другим» [4]).

«Право винокурения, говорит Струве, имело огромную хозяйственную цену. Достаточно сказать, что идущее во главе русского сельского хозяйства помещичье хозяйство остзейских провинций развилось, опираясь на винокурение... В этом отношении южная Россия с ее экстенсивным хозяйством и ее дешевым хлебом, которого часто некуда было девать, и который поэтому в буквальном смысле слова не имел цены, сходилась с передовым остзейским краем. В южной России винокурение было главным источником дохода для сельских хозяев» [5]).

Украина принадлежала в отношении винокурения к привилегирован-

---

[1]) Лялин. Журнал Мин. Госуд. Им., кн. X, 1844 г., стр. 26.

[2]) О состоянии фабрик и заводов в Волынской губ. в 1828 г. Жур. Мануф. и Торговли 1831 г., кн. XI, стр. 69.

[3]) Лялин.—Журн. Мин. Госуд. Им. 1844 г., кн. X, стр. 40.

[4]) Замечания о хозяйстве в Полтавской губ. Журн. Мин. Госуд. Им. 1844 г., XI, стр. 39.

[5]) П. Струве.—Крепостное хозяйство 1913 г., стр. 47—48.

Ген.-губ. Левашев в докладной записке Мин. Ф. так определил значение винокурения: «промышленность сия есть единственное средство сбыту хлеба». Харьковский губернатор в своем докладе на проект Мин. Фин. об уничтожении свободной продажи вина указывал на то, что «отсутствие хороших путей сообщения не дает помещикам возможности сбывать свой хлеб, который падает в цене». Павловский.—К истории винокурения.—Труды Полтавск. Архивн. Комиссии, в. V, стр. 82.

ной части России. В последней с 1788 г. утвердилась откупная система, просуществовавшая вплоть до 1863 г., за исключением небольшого периода (1819—1827 г.г.), когда существовало казенное управление. Для привилегированных губерний указом 1791 г. право винокурения и продажи снова подтверждено «за дворянами в их поместьях, а право одной продажи за казаками чарочною мерою в домах своих». Указом 1805 и 1806 гг. винные сборы в городах и казенных селениях постановлено передавать с торгов на откуп. С 1811 г. установлен в пользу казны сбор с продаваемого вина по 60 коп. за ведро. Сбор этот уплачивали по числу душ, считая по одному ведру на каждую душу. В 1812 г. подушный сбор увеличен до 1 руб. за ведро, с 1819 г. до 2 руб. асс. [1]). В 1827 г.—1830 г. права помещиков были ограничены установлением вблизи городов двухверстной откупной черты для продажи откупных напитков. На двухверстной черте от города откупщики имели право держать своих смотрителей и об'ездчиков. Установление откупной системы в городах и затем двухверстной полосы привело к тому, что в городах цены на вино держались на более высоком уровне, чем в сельских местностях. В результате, откупщикам приходилось вести энергичную борьбу с тайным подвозом вина в город. «Со всех сторон на окраинах города, по большим дорогам за заставою устроены были кордоны, пишет современник, и ко всякому входящему и приезжающему в город, подходил кордонщик свидетельствовать, не несет ли или не везет ли корчемное вино. Длинные железные в сажень и заостренные шупы вонзал он в возы с сеном, соломою или другим товаром, строго осматривал внутренность экипажей приезжающих, в чем ему препятствовать не могли. Охотники до водочки и притом дешевой мало в городе пивали, а в свободное время, особенно в воскресение и праздничные дни массами тянулись за город на вольницу... Там при цене в 8 или 10 раз дешевле городской, натягивались они до положения риз и шатаясь с песнями мимо косящихся на них кордонщиков проходили обратно в город» [2]).

Учреждение в городах «скатных площадей», отдаваемых на откуп, и установление двухверстной полосы тяжело отразилось на сбыте вина помещичьих винокурень. Откупщики скупали вино в соседних губерниях и этой конкуренцией снижали цены. «Едва откроется судоходство по Днепру, читаем мы в протоколе Полтавского дворянского собрания, как он покрывается судами, переполненными бочками вина, принадлежащего тамошним винокурам» [3]). «С учреждением в Малороссии при городах откупной двухверстной черты, сообщает журнал заседания дворян Полтавской губ., многие дворяне лишались доходов своих, проистекавших от винокурения и продажи горячего вина в имениях своих, состоявших в сей черте» [4]). Дворянство возбуждало ходатайства об отмене откупов в городах, с другой стороны, оно окружало вольными шинками каждый город со всех сторон. Репин, предводитель Полтавского дворянства, в своем докладе министру финансов в 1835 г. присоединяется к заключению предводителей дворянства Полтавской губ. относительно уничтожения учрежденных по городам и местечкам скатных для вина площадей. «От приведения в исполнение сей меры, несомненно, будет зависить не только

---

[1]) Корсак.—О винокурении. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности. Т. III. Спб. 1865 г., стр. 257—265.

[2]) Харьков 20-х и 30-х г.г. по воспоминаниям Рейнгардта. Харьковский сборник В. IX. 1887 г., стр. 15.

[3]) Павловский.—К истории винокурения в Малороссии. Труды Полтавской ученой архивной комиссии. В. V. 1908 г. Стр. 70.

[4]) Там-же, стр. 69.

увеличение выгод здешних помещиков, но даже выгод хлебопашцев, ибо с возвышением цены на вино необходимо возвысится ценность хлеба, а таковое последствие было бы первым и надежным шагом к улучшению состояния всего народонаселения, не имеющего никакого другого источника к сбыту произведений земли своей» [1]). Министр финансов, озабоченный изысканием новых источников доходов, не согласился на уничтожение «скатных» площадей [2]).

Еще более ухудшилось положение Украинской винокуренной промышленности с установлением акцизно-откупной системы с 1851 г., отразившейся крайне неблагоприятно на положении винокуренной промышленности. По словам Корсака [3]), откупщики снижали цены в районе деятельности винокуренных заводов до такого уровня, что курение вина приносило помещикам убыток. Пользуясь теми и другими постановлениями устава, откупщики всячески препятствовали выпуску вина в другие губернии и за-границу, иногда вовсе запрещая вывоз его под разными предлогами или взимая за это особую плату по 10 коп. и более с ведра. На то, что порядки, связанные с функционированием акцизно-откупной системы, были крайне стеснительны для помещиков, имеются указания в воспоминаниях Бобровского. «Эта отрасль (винокурение) именно в этот период была затронута введением акциза и порядками с ней связанными. Начали бросать винокурение» [4]).

О том ущербе, какой нанесла винокурению акцизно-откупная система, говорит представитель Черниговского дворянства А. Калиновский следующее [5]): «Еще до введения акцизной системы многие предрекали, что она с годами разорит край и вредно подействует на хлебопашество, на все роды хозяйства, зависимые от труда производительного. Нельзя сказать, чтобы в настоящее время такие предречения не имели своих применений практических.

Все те имения, у которых с появлением акциза, непроизвольно в силу необходимости, исчезали винокурни, понесли значительные убытки в самых существенных производительных интересах: скотоводстве и улучшенном хлебопашестве; я знаю одно имение, где до появления акциза около тысячи голов рогатого скота готовилось на барде для сгонов в Петербург, а в то же время более десяти тысяч возов навозу ежегодно вывозилось на поля, но с влиянием акциза это производство исчезло, навозу вывозят вместо десяти едва одну тысячу возов, а волов не только не выкармливают ни одного, но и необходимый для хлебопашества скот уменьшен в числе своем по недостатку сенокосов».

Роль винокурения в хозяйственной системе изучаемой эпохи определялась тем, что винокурни пред'являли спрос на хлеб (рожь), таким путем открывался рынок сбыта для основной культуры северной и лесостепной полосы. В ту эпоху винокуренные заводы являлись важнейшими потребителями ржи. «Наши винокуренные заводы, писал Небольсин [6]), именно существуют для траты хлеба». Хлеб, громоздкий и малотранспортабельный по тому времени продукт, превращался в вино, выдержавшее по своей ценности более отдаленную перевозку и находившее широкий

---

[1]) Там-же, стр. 75.

[2]) Генер-губ. Левашов о казенном откупе выразился так: «мера чрезвычайно вредная для целого края, где все направление хозяйства основано на винокурении, которое состоит в самой тесной связи с земледелием и скотоводством» Павловский. К истории винокурения, стр. 89.

[3]) Корсак выше цит., стр. 276—277.

[4]) Bobrowskiego-Pamiętniki. T. II, st. 28.

[5]) Модзалевский—выше цит., стр. 212 и 213.

[6]) Статистические записки о внешней торговле. Т. II, стр. 219.

рынок сбыта. Украина была усеяна корчмами. В Великороссии одно питейное заведение приходилось на 802 ревизских душ, в привилегированных губерниях на 135 душ, в Черниговской губ. даже на 129 душ [1]). Арандаренко определил для 1846 г. число шинков в Полтавской губ. в 8.808 [2]).

Винокурение давало возможность выкармливать на барде скот и этим поддерживало животноводство. Наконец оно давало работу крестьянам на производстве, по подвозу хлеба, картофеля, топлива, по вывозу вина и др.

Мы не располагаем исчерпывающими данными о положении винокуренной промышленности на Украине в изучаемый период. Все же и отрывочные данные о винокурении в отдельных губ. достаточны для того, чтобы понять удельный вес винокурения в народно-хозяйственном балансе интересующего нас периода.

Так, в Киевской губ. числилось заводов 372, выкурено 3.186.383 (1845 г.) ведер.

В Полтавской губ.—457 зав. с продукцией 3 милл. (1845 г.) ведер.

В Черниговской—442 зав. с 1.891.148 (1845 г.) ведер.

О Сумском у. Харьковской губ. Лялин писал: «винокурень множество; во время цветущего состояния винной торговли один Сумский у. выпускал вина ежегодно в Полтавскую и Курскую губ. более миллиона ведер».

Средняя цена вина в 1846 г. без акциза определялась в 50 к. сер. за ведро. Значит ценность продукции вина в Киевской губ. выразится в 1,6 милл. руб. сер., в Полтавской губ.—1,5 мил. руб., в Черниговской—0,9 милл. руб.

Эти цифры показывают достаточно ясно, какое крупное значение принадлежало винокуренной промышленности на Украине. В одной Киевской губ. сахароварение с 2,2 милл. р. сер. продукции в 1845 г. стояло впереди винокурения; в других же губерниях первое место было за винокуренной промышленностью. По числу предприятий эта промышленность являлась самой распространенной; по словам одного современника, «вся средняя полоса была усеяна винокурнями» [3]).

Под влиянием вышеуказанных изменений акцизной и откупной системы, винокурение начало падать, во всяком случае приносить меньший доход. От всех современников мы слышим жалобы на упадок винокурения. Красочно описывает это известный нам Лялин: «взгляните на Малороссию, здесь с давних времен любят покушать, попить и покурить. Предки наши тотчас поспешили удовлетворить эти отрадные наклонности малороссийского народа; все степи обратили они в пахотные земли; села, деревни, хутора украсили винокурнями, огороды свои обратили в табачные плантации. Были ли награждены их труды? Неимоверно плохой был тот хозяин, кто не получал 100 на 100... Но под луной ничто не прочно... Теперь порядочный хозяин и смотреть не захочет на хлеб, водку и табак, так это все ничтожно для наших доходов» [4]). Тот же Лялин в другом месте жалуется: «все винокурни завалены вином и нет ему сбыта. Теперь по установленной цене в шинке надо заплатить за ведро водки 5 руб. 25 коп. асс. Чтобы крестьянину купить ведро водки, ему надо

---

[1]) Павловский.—К истории винокурения, стр. 70.

[2]) Арандаренко, выше цит., стр. 361.

[3]) Лялин.—Журнал Мин. Госуд. Им. 1844 г., кн. X, стр. 40—41.

[4]) Лялин.—Нынешнее состояние свеклосахарной промышленности. Библиотека для чтения, 1838 г. Т. 27, стр. 14.

продать шесть четвертей ржи. Без сомнения, это самое верное средство заставить не пить вино» [1]).

Эта промышленность, являвшаяся, по мнению дворян, «единственным продовольствием» для них, составлявшая некогда главный источник их доходов, «обратилась в последнее время (тридцатые годы К. В.) в убыток производителям оного». На одну причину падения доходности винокурения мы уже указывали—именно: введение в городах откупной системы и установление двухверстной откупной полосы; второй причиной являлась конкуренция производителей вина северных губерний. Полтавские дворяне жаловались на то, что умножилось до невероятности количество ввозимого в Полтавскую губ. вина из других губерний; «таковое привозимое вино продается в Полтавской губ. ценами, несравненно низшими против существующих местных» [2]).

Наличие откупной системы в остальных частях России заставляло помещиков вывозить излишки вина в привилегированные губернии. Этот вывоз мог носить характер бросового экспорта и ронять цены на Украине до уровня, делавшего не рентабельным местное винокурение [3]). Упадок цен в тридцатых годах служил темой оживленных обсуждений дворянских собраний, где выдвигался ряд проектов для борьбы с низкими ценами. Черниговское дворянство выдвигало проект установления единой согласительной цены. Черниговские предводители дворянства полагали, что возвышение цены на вино можно было бы «достигнуть только тогда, если бы дворянство согласилось по примеру остзейских губерний установить общую и единообразную цену вину, подвергнув таковому же обязательству шинкующих козаков и винопродавцев соседственных губерний» [4]). Эта мысль встречена была сочувственно и министром финансов Канкриным. Последний предлагал ежегодно по соглашению предводителей дворянства с губернским начальством назначать цены, ниже которой не могло быть продаваемо вино. Здесь уже мысль об установлении согласительных цен сближалась с идеей о правительственной нормировке продажи вина.

В целях поддержки винокурения выдвигалась еще одна мера—экспорт спирта за-границу. Президент Московского Общества сельского хозяйства обратился к министру финансов в 1825 г. с письмом, в котором указывал, что «при нынешнем упадке цен на хлеб, кажется, ничто не могло бы принести более пользы земледелию хлеборобных губерний наших, как сбыт в чужие края произведения оного в таком сгущенном виде» [5]).

В своем ответе Канкрин считал с своей стороны полезным не только «дозволить беспошлинный вывоз за-границу хлебного вина, спиртов, водок, ликеров и бальзама, но и предоставить всей отрасли торговли некоторые преимущества». Опыт остзейских губерний ясно доказывал нереальность

---

[1]) Лялин.—Журн. Мин. Госуд. Им. 1844 г. Ч. X, стр. 40—41.

[2]) Павловский.—К истории винокурения..., стр. 73.

[3]) Значение винокурения для Украины в интересующую нас эпоху так охарактеризовано у одного из последующих наблюдателей хозяйственной жизни Правобережья. «Хлебопашество до 1863 г., писал Мещерский, представляло во всем крае (на Правобережье Украины, К. В.) две значительные статьи дохода—хлеб и затем винокурение. Эта вторая статья дохода—винокурение, связано было, как известно, с исключительным правом помещику продавать водку и, действительно, представляло для каждого имения огромные выгоды. С превращением этой монополии... помещичьи имения лишились приблизительно половины своих доходов с этой статьи повсеместно». Мещерский.—Очерки нынешней общественной жизни в России. Вып. II. 1869 г., Петер., 1870 г., стр. 100—101.

[4]) Павловский.—К истории винокурения, стр. 79.

[5]) Земледельческий журнал 1826 г., кн. XVI. О вывозе хлебного спирта. Письмо Президента к министру финансов, стр. 143—146.

этой меры. Винокуренная промышленность стояла на высоком уровне в чужеземных странах, с другой стороны, наличие таможенных пошлин, акциза, показывало не обоснованность надежд на сколько-нибудь значительный отпуск спирта за-границу. «Доныне остзейские помещики не могут сбыть за-границу вина или спирта ни за какие деньги», таков пессимистический вывод наиболее распространенного в эту эпоху Земледельческого журнала.

Введение на Украине в 1851 г. акцизно-откупной системы с ее крайне стеснительными порядками еще более ухудшило положение украинского винокурения. Один из представителей дворянского класса Ханенко пишет: «винокурение давало изрядные обороты выкормкой свиней, рогатого скота; но с введением акциза потеряло свое значение как источник дохода; оно сделалось только необходимостью многих хозяйств для поддержания скотоводства» [1]).

Таким образом, с тридцатых годов винокурение стало терять свое значение основной отрасли промышленности на Украине [2]). Во времени этот кризис совпал с зарождением новой отрасли промышленности на Украине—сахароварения.

Дворянство прекрасно сознавало, что на место винокуренной промышленности должна была стать свеклосахарная. Представитель Черниговского дворянства Лизогуб, член губернской комиссии по крестьянским делам, в своем особом мнении об основаниях к наделу крестьян землею отчетливо выразил эту мысль: «теперь, когда винокурение у нас до того стеснено, что едва-ли одна десятая часть винокуренных заводов осталась, последовал бы кризис народной промышленности, но явились, можно сказать, благодетели нашего края и устроили сахарные заводы [3]).

Торговля хлебным вином в изучаемую эпоху представляла важную отрасль народно-хозяйственной деятельности. Она являлась «необходимым дополнением хлебной торговли, будучи органически связана с ней. В виде вина сбывалось большое количество зернохлеба—ржи, ячменя, пшеницы худшего качества. Вино составляло крупную статью отпуска всей лесостепной полосы Украины. По данным Фундуклея, в 1826 г. продано в Киевской губ. на месте в имениях 919.617 ведер, внутригубернский оборот достигал 1,9 милл. ведер, отпуск за пределы губернии 1,6 милл. ведер [4]).

---

[1]) Ханенко.—О пользе свеклосахарной промышленности для Черниговской губ., Журн. Мин. Госуд. Им. 1852 г., кн. VI, стр. 235. «Усилению свеклосахарной промышленности в губерниях малороссийских способствовало, между прочим, и новое положение об акцизе на хлебное вино, введенное там в действие в 1851 г. Оно заставило почти всех хозяев уменьшить, а некоторых и вовсе прекратить винокурение и изыскивать другой, более постоянный источник дохода. С этою целью многие из них обратились к сахароварению». Обзор действий департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет с 1844 по 1853 г.г. Спб., 1855, стр. 130.

[2]) Домонтович в конце 50-х г. писал: «в настоящее время винокурение дает доходы заводчикам весьма ничтожные, сравнительно с прежними... Капиталы, затраченые на устройство винокурень, если не совсем потеряны, то мертвы». Черниг. губ., стр. 290.

[3]) Модзалевский.—Материалы по истории освобождения крестьян. Труды Черниговской Архивной Комиссии. Чернигов, 1912 г., стр. 176.

Появление свеклосахарной промышленности нанесло новый удар винокурению. «Свеклосахарная промышленность, писал Кедрин в начале пятидесятых годов, потрясла и разорила большую часть винокуренных заводов Киевской губ.». Н. Кедрин.—Материалы для хозяйственной статистики Киевской губ. Журн. Мин. Госуд. Им. 1852 г., кн. II, стр. 53.

[4]) Фундуклей... Ч. III, стр. 424—425.

Вино, кроме сбыта на месте, закупалось откупщиками украинских губ. (для городов), в значительном количестве вывозилось по Днепру вниз в степную полосу, где винокурение не получило развития. Днепр представлял в то время важную артерию, соединявшую северную, лесостепную полосу Украины со степной. В Екатеринославской и Таврической губ. имелся емкий рынок для сбыта вина [1]). При обильном урожае сюда стекалось большое число рабочих; угощение их водкой составляло часть заработной платы. При отсутствии местного винокурения степная полоса пред'являла усиленный спрос на вино лесостепной Украины. Этим рынком особенно широко пользовались районы, прилегающие к Днепру и Десне. Винокуренные заводы, лежавшие вблизи названных рек, сбывали свой спирт в Кременчуге, Херсоне и Одессе, где они содержали свои склады. Для перевозки вина заводчики нанимали берлины, подвозили вино к ближайшим пристаням и направляли в Кременчуг, Херсон. Черниговский спирт иногда доходил даже в Крым. По подсчетам Янсона, расходы по перевозке спирта из Глуховского уезда в Херсон достигали 15 коп. на ведро, в т.-ч. 10—11 коп. на фрахт с ведра, 4—5 коп. на перевозку гужем от завода до пристани (в среднем 30 вед.). На месте в Херсоне складские и торговые расходы достигали 5 коп.; в результате, получалось до 20 коп. с ведра или 0,2 коп. с градуса спирта. Градус спирта, стоивший на месте 1 коп., в Одессе продавался по $2^1/_2$ коп., в Таврической губ. 4—5 коп. [2])

Сбыт харьковского спирта частью направлялся в Ростов и Черноморье, а частью в те же губернии Екатеринославскую и Таврическую. Главные обороты харьковским спиртом происходили на Ильинской ярмарке, куда приезжали складчики степной полосы и винокуры—помещики. Перевозка спирта производилась поздней весной и летом на чумацких фурах, отправлявшихся за солью и рыбой. Чумаки нанимались зимой оптовыми складчиками (покупщиками) при посредстве комиссионеров в районе тех винокурень, где закупалось вино. Чумаки обыкновенно ставили на зиму своих волов на барду (с платой 6—10 руб. за зиму с головы) и охотно брали кладь с тех же заводов.

Доставка чумацкая обходилась до 1 р. с ведра, т. е. значительно выше доставки речной, к тому же в летнее время при гужевом транспорте происходила значительная усушка в пути [3]).

Табачная промышленность имела на Украине сырьевую базу для своего развития; в списке 1832 г. числилось на Украине только две табачных фабрики (в Одессе и Могилеве), в 1843 г. в одной Правобережной Украине насчитывалось 18 табачных фабрик с продукцией в 32,8 тыс. руб. Все это были мелкие предприятия, одна табачная фабрика вырабатывала в среднем изделий на 1,8 т. руб. В шестидесятых годах ценность продукции табачной промышленности определялась в 2 милл. р., из этой суммы на Херсонскую губ. (Одессу) приходилось 1,1 милл. В тех губерниях, где развито было особенно табаководство, в Черниговской и Полтавской, ценность табачной продукции выражалась в скромных числах, для первой 15 т. р., для второй 48 тыс. руб. [4]). Как видим, табачная промышленность не имела сколько-нибудь серьезного хозяйственного значения для помещичьего класса лесостепной полосы. Табачная промышленность сосредотачивалась в крупных торговых центрах (Одессе и Киеве) и находилась, главным образом, в руках представителей торгового, а не дворянского капитала [5])

[1]) Янсон.—Хлебная торговля на Волыни. Спб., 1870 г., стр. 437.
[2]) Там же, стр. 422.
[3]) Там-же, стр. 440—441.
[4]) Оглоблин—выше цит., стр. 109.
[5]) Там-же, стр. 110.

В изучаемую нами эпоху потребность в промышленных изделиях широких масс населения удовлетворялась домашним ремеслом или кустарными промыслами. Уже нам приходилось говорить, что крестьянский двор удовлетворял свои потребности в изделиях собственными силами. В селениях жители занимались «единственно одни для себя, другие для заработка рукодельем: шьют сапоги, ткут сукно сермяжное, шьют одеяние, ткут полотно, рубанки делают, строят для себя хаты и прочие домашние строения» [1]). «Между рукодельниками, пишет Шафонский, есть по селениям сапожники, портные, кузнецы, плотники, которые своим ремеслом жителей довольствуют. Местечко Грунь и Куземин особливо деланием телег и колес, а Куземин, сверх того, гончарною работою все селения превосходит» [2]).

В виду того, что потребности крестьян были ограничены, кроме того, в значительной мере удовлетворялись силами собственного хозяйства (т. н. домашнее ремесло), то и занятия ремеслом и кустарными промыслами представляли на Украине сравнительно редкое явление. В подгородных селениях, имевших рынок сбыта среди городского населения, встречались крестьяне, занимавшиеся исключительно мастерством. В лесостепной полосе сельские ремесла и кустарные промыслы были более развиты, главным образом, древообделочный, гончарный и кузнечный промыслы. «В степных селениях, как сообщает Заблоцкий, часто нельзя найти даже кузнеца» [3]).

Слабо развитая промышленность Украины не могла использовать всю ту рабочую силу, какая была в лесостепной полосе. Естественно, излишки населения, имевшиеся и в то время в средней Украине, двигались в поисках за заработком на юг в степную полосу, в Крым, Дон и Северный Кавказ. В изучаемую эпоху в лесостепной полосе, достаточно густо населенной в то время, уже успела образоваться резервная рабочая армия. Наличие массы труда уже превысило поглотительную способность тогдашней промышленности и сельского хозяйства.

Отхожие промыслы существовали в лесостепной полосе; отсюда выходили в степь десятки тысяч рабочих мужского и женского пола. «Черноработчий класс, говорит Арандаренко о Полтавской губ., за излишеством по занятию в своей губернии, выходит на заработки в Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую губ., также в Крым и на Дон; выход этот простирается в год до 90.000 человек обоего пола» [4]). У Заблоцкого мы находим такие цифры: «из одной Курской губ. по паспортам выходит ежегодно малоземельных крестьян около 30.000 чел., столько же из Полтавской и до 15 тыс. из Харьковской. Самое обширное поле для заработков представляет Новороссийский край» [5]). Разницу цифр в количестве выходящих на заработки из Полтавской губ., у Заблоцкого и Арендаренко, можно об'яснить тем, что последний говорит об отходе на заработки в степь, в Крым и на Дон, первый только в степь. В отхожие промыслы ходил рабочий люд не только из Полтавской и Харьковской губ. «Ко времени открытия полевых работ, пишет один современник, особенно косовицы, работники сходятся в Херсонскую губ. с разных сторон, даже из Великороссийских губерний, но всего более приходят из губерний, Полтавской, Киевской и Подольской» [6]). В отхожем промысле

[1]) Павловский.—Стат. сведения..., стр. 152.
[2]) Шафонский.—Черниг. Наместничество..., стр. 648.
[3]) Заблоцкий.—Хоз. Зам., стр. 43.
[4]) Арандаренко, выше цит., стр. 365.
[5]) Заблоцкий.—Хозяйств. замечания, стр. 39—40.
[6]) Журнал Мин. Госуд. Имуществ, 1861 г. Ноябрь, стр. 127.

участвовало и население Киевской и Подольской губ. Очевидно, в срединной Украине образовался значительный слой работников, не находивших приложения своему труду на месте.

Отход на заработки в степь шел не только самотеком. Землевладельцы степной полосы еще до начала полевых работ посылали в соседние губернии доверенных для найма сроковых рабочих. Последние вербовались преимущественно из государственных крестьян. Срок найма был принят годовой и полугодовой. При заключении договора выдавался аванс в размере 20—30 руб. сер. на уплату повинностей и на покрытие тех и других нужд в связи с отходом на заработки.

Та рабочая масса, которая шла самотеком, сосредоточивалась первоначально в крупных торговых пунктах, где образовался рынок труда. К этим основным пунктам нужно отнести Киев, Полтаву, Елисаветград, Новомиргород, Балту. В степной полосе рабочий люд стихийно распылялся по херсонским и екатеринославским базарам. Те, кто не нанялся на работу в степи, шли дальше, добираясь до Одессы, Крыма; другой людский поток, преимущественно из Харьковской губ. и восточной части Полтавской, двигался на Дон и дальше на северный Кавказ.

Рабочие годовые или полугодовые нанимались в степи для пастьбы скота, доения овец и коз; поденные и временные занимались сенокошением, уборкой хлеба, стрижкой овец и пр. Рабочие, направлявшиеся на Дон, находили заработок на рыбных промыслах. Попадавшие в Крым занимались ломкой или выволочкой соли на казенных озерах, лиманах.

Отход происходил весной и летом, «особенно же летом подчас косовичного времени [1]). Более зажиточные слои населения, располагавшие рабочим скотом, занимались привозом соли и рыбы из Крыма и от Азовского моря. «Народ замечает Лизогуб, несмотря на производство торговых растений, все таки не находил для себя работы в краю и в самое рабочее время длинные обозы чумаков на дебелых волах, при дюжих погонщиках тянулись в Крым за солью. Этот промысел до того был общим, что редкий крестьянин не давал в приданое за своей дочерью несколько маж (возов) соли» [2]).

Приведенные факты для нас важны в том отношении, что они свидетельствуют об образовании в лесостепной полосе в изучаемую эпоху многочисленного рабочего класса, не находившего применения своему труду в самое горячее время — весной и летом. Основная производительная сила—труд далеко переросла уровень развития сельского хозяйства и промышленности.

Натуральный строй помещичьего и крепостного хозяйства не исключал того, что хлебная торговля имела большое значение для Украины в исследуемый период. В это время сложилась внутренняя и внешняя хлебная торговля. «Производство хлеба на продажу, заметил Струве, вовсе не было чем-то противоречившим существу крепостного хозяйства, наоборот, составляло его движущий мотив и определяющую цель» [3]).

Главным потребителем хлеба, ржи, ячменя, являлись винокурни. Сбыт зерна на винокуренные заводы, давал оживление хлебной торговли. Так как винокурни были рассеяны по всей лесостепной Украине, то значит, и сбыт хлеба для целей винокурения носил местный характер. И только винокурни северной Украины вынуждены были закупать рожь в лесостепной полосе, что давало движение хлебной торговли южным

---

[1]) Павловский. Статистические сведения о Полтавской губ. Сто лет назад. Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Вып. II. 1906, стр. 149.

[2]) Модзалевский, выше цит., стр. 176.

[3]) Струве.—Крепостное хозяйство, стр. 159.

районам Черниговщины и северным — Полтавщины. Помещичьий хлеб считался по качеству выше крестьянского, последний сохранялся в ямах и это понижало его качество [3]).

Значительное количество хлеба заготовлялось для продовольствия армии, расквартированной в разных уездах Украины. В виду наличия безземельного населения, городского, существовал и внутригубернский хлебный оборот; часть хлеба распродавалась мелкими партиями на базарах и ярмарках с возов. Хлебные районы, прилегавшие к Днепру и Десне, сбывали хлеб в Белоруссию и Литву. Крупным хлеботорговым пунктом являлся Конотоп, его называет Янсон, самым значительным из самовозных рынков [2]). По базарным дням привоз хлеба превышал 10 тыс. пудов. Различали покупку оптовую и сборку. Оптовую, т. е. покупку целых партий в помещичьих хозяйствах, вели почти исключительно евреи. Помещичьий хлеб закупался с выдачей задатков до 10% от суммы и более в зависимости от кон'юнктуры рынка.

Сборкой крестьянского хлеба занимались и русские скупщики. Последние скупали хлеб на базарах, иногда крестьяне привозили хлеб к их амбарам. Главные покупщики сборного хлеба жители северных районов Черниговской и Могилевской губ. Встречалась меновая торговля: жители лесных уездов выменивали хлеб на горшки, корыта, деготь [3]). В снабжении Украинского Полесья хлебом принимала участие Киевская губ. Хлеб, закупаемый мелкими промышленниками у помещиков Киевской губ. направлялся сухопутно на подводах, прибывших с деревянными изделиями, смолою и дегтем в Радомысльский у. и в лесные районы Волынской губ., также в Бердичев для дальнейшей перепродажи.

Журавский пишет: «уезды более северные и западные (Киевщины) почти не принимают участия в хлебной Одесской торговле, снабжая своими излишками лесные места Белоруссии. Складочным пунктом на Одесском пути служат г. Умань, местечки Богуславль, Златополь, Белая-Церковь, Липцы и Сквира.

Хлебная торговля с Одессой производилась через купцов евреев, через поверенных одесских торговых домов и здешних помещиков, отпра-

---

[1]) Гильденштедт пишет: «Я видел чрезвычайно большие ямы для сохранения хлеба; каждая из них вмещала до 300 четв... по словам жителей хлеб может храниться в них невредимо лет 10». Путешествие акад. Гильденштедта по Слободско-Украинской губ. К. 1892 г., стр. 30.

Случалось, что и помещики хранили хлеб в ямах. Во время неурожая в 1839 г. в Полтавской губ. предводитель дворянства ездил к Базилевским (помещики Белоцерковки, Хорольского у.) и убедил в необходимости кормить поселян и пустить в продажу огромные запасы хлеба, который сгнивал в ямах. «Как утверждают, у Базилевских находится хлеб в сложности за 200 тыс. четв., но есть много уже испорченного, хранящегося с 1825 г. и с последующих». Из записки генер.-майор. Липранди о некоторых уездах Полтавской губ. в 1841 г. Труды ученой архивной комиссии. В. VII. 1910, стр. 144.

У Есимонтовского находим такое описание хлебных ям: «они выкапываются в глинистом грунте, в виде кувшина; величина их сонзмеряется с потребностью; внутренность выжигается соломой, обивается березовою скалою: отверстие по всыпке хлеба, закрывается доскою, засыпается землею, а иногда на верху делается небольшая крыша или колпак. Большею частью зажиточные крестьяне стараются скрыть свой достаток и для того запасные ямы выкапывают на гумнах под крышею и, насыпавши их, наваливают соломою или сноповым хлебом. В этих запасных хлебных ямах сберегают и запасную наличную копейку. Вору добраться до нея невозможно. Сухое зерно в таких ямах, куда совершено нет доступа воздуха, сохраняется превосходно несколько десятков лет. Случалось, что внуки нечаянно отыскивали ямы, наполненные дедами и забытые—и хлеб нисколько не был испорчен. Журн. Мин. Гос. Имущ. 1844, кн. XI, стр. 258.

[2]) Янсон.—Хлебная торговля... 260.

[3]) Там-же, стр. 262—263.

влявших собственные и купленные продукты в Одессу от себя. Евреи обыкновенно скупают большими партиями по предварительному сношению с одесскими купцами.

Помещики, доставлявшие свои продукты в Одессу, сами или сбывали их с возов на рынках, или складывали в собственных и наемных магазинах. В первом случае для продажи употребляются маклера и факторы из евреев, во втором, продажа поручается торговым комиссионерам, постоянно проживающим в Одессе» [1]).

Доставка помещиками продуктов своих в Одессу предпочиталась продаже на месте в имениях. Организацию хлебной торговли Журавский характеризует такими словами:

«Скупщики хлеба выдают небольшие задатки, отсрочивая главную уплату до контрактов, т. е. Крещенской ярмарки в Киеве; во время контрактов они перепродают часть или все количество купленного на кредит хлеба, смотря по обстоятельствам их и величине собственных капиталов другим, более значительным местным купцам или в одесские конторы или приезжим купцам, Белорусским. К контрактовому времени обыкновенно являются посторонние купцы, делающие большие заготовки, поэтому декабрь, январь и февраль можно считать удобнейшим и выгоднейшим временем для сбыта, за исключением днепровских отпусков, для которых цены весенние бывают также хороши и даже иногда лучше» [2]).

В изучаемую эпоху существовал сложный аппарат хлебной торговли. Отсутствие железнодорожных путей сообщения обусловило концентрацию хлебной торговли в зимние месяцы (удобство санного пути), в приднепровских районах хлебный торг носил оживленный характер и весной.

Крупное значение в хлебной торговле в районе Днепра принадлежало Киеву. В Киеве были устроены обширные магазины, из них особенно крупный гр. Браницкого на берегу Днепра [3]). Хлебные сделки почти всего надднепровского края заключались во время Киевских контрактов. Различались двоякого рода цены: базарные, устанавливаемые при мелкой продаже крестьянского хлеба; это цены местечковых базаров, ярмарок на месте продажи зерна, и оптовые цены, которые устанавливались в более крупных пунктах хлебной торговли, в частности для хлеба, идущего на Лигву, Белоруссию и в Одессу, на днепровских пристанях, здесь на ценообразование доминирующее влияние оказывали Киевские Контракты [4]).

К концу тридцатых годов посредническая роль Контрактов в хлебной торговле падает, благодаря увеличивающемуся значению Одессы, как важного хлеботоргового пункта. Магнаты юго-западного края стали высылать пшеницу прямо до Одессы, привлекавшей их своим порто-франко. В Одессу хлеб направлялся и из лесостепной полосы, в частности из Подольской губ. В мемуарах Липковского мы находим указание на то, что его отец по примеру других обывателей скупал пшеницу и отправлял большими партиями в Одессу на комиссию [5]). Тверетинов замечает, что торговля Подольской губ. с Одессой производится исключительно хлебом, которого ежегодно вывозится туда на 500.000 руб. сер. [6]). Из Киевской губ. в отпускной торговле в Одессу принимали деятельное участие уезды: Сквирский, Уманский, Липовецкий, Бердичевский и Таращан-

---

[1]) Фундуклей... Ч. III, стр. 385.
[2]) Там-же, стр. 419.
[3]) Иконников.—Киев в 1654—1855. К. 1904..., стр. 203. прим.
[4]) Ułashyn..., стр. 36.
[5]) Leon Lipkowski. Moje Wspomnienia. 1849—1912. Kraków, 1913, st. 6.
[6]) Тверетинов, выше цит., стр. 88.

ский. По словам Журавского, «одна из причин значительного отпуска пшеницы из означеных уездов заключалась в том, что большая часть тамошних имений, посредственной величины, состоит в арендном содержании посессоров, которые весь расчет арендования, выручку платы и прибыли основывают на пшенице, потому они прилагают все усилия к произведению возможно большего количества этого продукта»[1]). Есть указания на то, что и Полтавская губ. имела надежный сбыт хлеба в Новороссийский, даже в самые порты Черного моря[2]).

Отпуск хлеба из Украины через Одессу стал интенсивно развиваться по окончании наполеоновских войн. В 1814 г. вывезено было одной пшеницы на 6 милл. руб. слишком. Эта цифра казалась тогда огромной, в следующие годы она была значительно превзойдена. В 1815 г. из Одессы отпущено хлеба на 14,6 милл. руб., из Таганрога —на 3,7 милл. руб., всего из Черноморско-Азовских портов на 20 милл. руб. В следующем году европейские страны постиг неурожай, это еще более усилило отпуск хлеба из Украины. В мае 1816 г. ген. губ. Ланжерон писал мин. финансов, что «Италия и Мальта требуют от нас такого количества хлеба, что без увеличения миллион четвертей пшеницы из одной Одессы отпущено быть может; помещики, предвидя сие еще в прошлом году, обратили все свое старание на пшеницу и очень мало занимались посевом ржи; между тем, явились заграничные требования и на рожь; от того цена на этот продукт в 15 дней возвысилась от 14 до 22 руб.»[3]). Ожидания оправдались, в 1816 г. наш вывоз заграницу достиг до 36 милл. руб. асс., в том числе до 1 милл. четв. пшеницы на 33 милл. руб. и ржи на 765 тыс. руб. В 1817 г. мы наблюдаем дальнейшее усиление экспорта (61,6 милл. руб. асс.); в том числе одной пшеницы

из Одессы (более 1 мил. четв.) . . .	на	38.298.300 руб. асс.
„ Таганрога	„	7.386.600 „ „
„ др. портов	„	7.500.000 „ „
Всего . . .		53.184.900 руб. асс.

Два года 1816—1817—это благословенный период в истории нашей хлебной торговли. Золотой дождь, падавший в таком изобилии на Украину, принес ей неисчислимые выгоды; в степной и лесостепной полосе благоденствие населения значительно поднялось, посевы пшеницы, этой излюбленной статьи экспорта, начали быстро расширяться на юге. Пшеничная лихорадка охватила не только юг, но и лесостепную полосу Украины. Следующие годы приносят разочарованье. Восстановление сельского хозяйства в Европе, после наполеоновских войн, заметно сократило спрос на украинский хлеб. Общий оборот по внешней торговле в 1817 г. достиг 100 милл. руб. асс., в следующем году начинается упадок

1818 г.	65.600.000	руб. асс.
1820 г.	44.700.000	„ „
1823 г.	29.500.000	„ „

---

[1]) Фундуклей..., ч. III, стр. 385.
[2]) Павловский.—К истории винокурения, стр. 75.
[3]) Скальковский. Торговая промышленность в Новороссийском крае. Журн. Мин. Внутр. Дел. 1850 г., кн. III, стр. 326.
«Мальта, говорит Гагемейстер, своим положением и независимостью среди этой войны (1805—1815 г.г.) сделалась запасною точкою всей средиземно-морской торговли». Скальковский выше цит., стр. 327, прим.

«Цена пшеницы—вернейший барометр, говорит Скальковский, нашего торгового благосостояния, доходившая в Одессе в 1823 г. и 1824 г. до 14 руб. асс., в начале 1826 г., т. е. три года спустя был уже только 9 руб. асс., так что продукт оплачивался только половиною своей настоящей ценности» [1]).

Продукт, от сбыта которого зависили процветание и упадок Одессы—это пшеница Подолии, Бессарабии и Новороссии. Пшеница вывозилась почти исключительно в Англию и Италию. Торговля Одессы оказывала решающее влияние на всю прилегающую область [2]). «Радость и горе всех соседних провинций Бессарабии, Новороссии, Подолии, Киева, Украины и Крыма, говорит Kohl [3]) тесно связаны с радостью и горем города; провинции и город вместе процветают и замирают. Насколько обогащается и заселяется Одесса, постолько оживают и возделываются эти области. Капиталы Одессы, ее авансы, ее плата и закупки оказывают благодетельное влияние до самых глубин области. Только подумать, что один фрахт, который город платит деревне ежегодно достигает до 3—4 милл. руб., от которых питается так широко распространенное в стране чумачество»... «Годы, в которые торговля Одессы развернулась самым блестящим образом и на которые как провинция, так и город все еще смотрят как на золотое время, были годы 1815—1820, причины сего заключались в тогдашнем положении Европы. С удовольствием рассказывают еще купцы, до какой огромной высоты поднималась цена четверти пшеницы и возчики, как они получали за одну перевозку из склада в гавань от 5 до 6 руб. и Украинское дворянство, как веселы и блестящи в это время были балы, ведь их пшеница так сказочно быстро превращалась в серебро».

Землевладельцы, работавшие на экспорт, получали от Одесских купцов авансы, которые покрывались поставкой зерна. Комиссионеры Одесских домов об'езжали и раздавали задатки, закупая хлеб значительными партиями по твердым ценам. Бывали случаи, когда вследствие резкого снижения хлебных цен на заграничных рынках, цены стремительно падали и в Одессе, в таких случаях комиссионеры нередко отказывались от приемки хлеба, теряя задатки. Крупные помещики, именно поляки, самостоятельно занимались отправкой в Одессу зерна. Существовали в Одессе склады, конторы, и значительные амбары польского дворянства, откуда без чьего либо посредничества хлеб из рук производителя непосредственно переходил на борт судна. Польские помещики занимались даже скупкой хлеба, здесь уже производитель об'единял в себе и хлебного продавца. По всей Одессе расположены были зернохранилища, через их открытые двери можно было видеть, «золотое благословение полей». Емкость Одесских зернохранилищ Kohl определял в 70—80 тыс. лашт. пшеницы [4]).

Землевладельцы держались в курсе портовых цен своими комиссионерами с которыми они находились в постоянных сношениях (les propriétaires sont constamment tenus au courant des prix dans les portes par les courtiers. Enquête). Так была организована коммерческая информацияв изучаемую эпоху

Для характеристики хлебного отпуска в конце тридцатых и сороковых годов Скальковский приводит такие данные [5]):

---

[1]) Скальковский выше цит., стр. 337.

[2]) Манифестом 16 апр. 1817 г. были дарованы порту и городу Одессе права свободы торговли, присвоенные порто-франко, на 30 лет.

[3]) Kohl-Reisen in Südrussland. Erster Teil. Dresden ünd Leipzig. 1841, s. 72.

[4]) Kohl выше цит., стр. 56.

[5]) Скальковский.—Взгляд на хлебопашество и хлебную торговлю в Новороссийском крае и Бессарабии. Журн. Мин. Вн. Дел. 1848 г., кн. VII, стр. 56.

	1839 г.	1847 г.
	Четвертей	
Из Одесского порта	1.410.972	3.250.784
» других порт. Черном.	172.359	376.632
» Азовских портов	571.936	1.941.263
Всего	2.155.267	5.568.679

1839 г. можно назвать нормальным с интенсивным отпуском, 1849 г. это неурожайный год для всей Европы [1]). Скальковский ставит вопрос, сколько в этом отпуске местного (Новороссийского) хлеба? По его словам, не свыше половины, а иногда и гораздо меньше. «Знаем только, что пшеница арнаутка, кукуруза и льняное семя все идут отсюда: ибо только здесь и производятся. Может ли Западная Россия, Галиция и даже Малороссия доставить больше хлеба, нежели доставили они в 1847 г. при настоящих путях и средствах сообщения... Из 2.000.000 четвертей хлеба, доставляемого в Новороссийские порты из Восточной и Западной России, не более 500.000 четв. приходит туда по Дону, Днепру и Днестру; остальное количество идет сухопутно, большею частью на волах. Чтобы поднять миллион четвертей, надобно не менее 200.000 повозок или 400.000 волов. После этого предположив даже, что караваны делают два оборота, выходит, что 100.000 пар должно употребить только на миллион четвертей, а на 3 милл. 300.000 пар, какое число волов вероятно и употреблено было в 1847 г. Зная близко и Западную и Малую Россию, мы скажем смело, что при настоящем состоянии скотоводства, дорог, переправ и водопоев, равно как и при частых засухах, поражавших наши степи, не только 300.000, но даже и 150.000 пар волов для Южной и Западной России добыть трудно, без отчаянных усилий. Говорим «отчаянных», ибо на это количество должно считать 10% убытка в скоте и ни одного рубля в чистой прибыли; никто еще не видал разбогатевших чумаков: их заработок или остается в кабаках или поглощается немедленно падежом скота в дороге или болезнью его по совершении двукратной поездки в Одессу, Таганрог или Ростов» [2]).

Усиленный спрос внешнего рынка на пшеницу, вызвал расширение запашек в степи. В результате выгодами хлебного отпуска стала пользоваться степная Украина. В известной мере с ней конкурировать могли южные уезды Подольской, Киевской губ.

Имеется ряд указаний современников, что хлеб вывозился в большом количестве из Подольской губ., из южных уездов Киевской, из южных районов Полтавщины. Kohl говорит о том, что в случае очень высоких цен в Одессе, и Кременчуг вывозил туда свою пшеницу. В противном случае почти весь хлеб потреблялся на месте и перегонялся в водку [3]). Из Харьковской губ. пшеница поступала в Бердянск и Мариуполь, хотя эти порты вообще не играли сколько нибудь заметной роли в экспорте Украинской пшеницы [4]).

---

[1]) Пшеница почти исключительно вывозилась из России в изучаемый период через черноморско-азовские порты: из всего вывоза пшеницы за период с 1812 г. по 1859 г. через украинские порты прошло 85% (весь вывоз пшеницы 95,8 мил. четв., через черноморско-азовские порты 82,1 мил. четв.).

[2]) Скальковский. Взгляд на хлебопашество, стр. 56—57.

[3]) Kohl—Reisen in Südrussland, s. 8.

[4]) «Хлебопашество здесь (в Харьк. губ.) почти не дает дохода, по недостатку сбыта и требований на хлеб, кроме пшеницы, отправляемой в Бердянск и Мариуполь, и поэтому рожь почти исключительно употребляется на винокурение». Взгляд на свеклосахарную промышленность в России. Журн. Мин. и Торговли за 1853 г. Ч. I, стр. 114.

Отпуск пшеницы через Черноморско-азовские порты мог иметь значение только для южной полосы лесостепной Украины, где пшеница родилась хорошо и откуда доставка в порты обходилась сравнительно дешевле. Выгодами хлебного экспорта пользовалась преимущественно степная Украина. Значение пшеничной торговли падало по мере удаления от портов.

Мощное и быстрое развитие пшеничного хозяйства в степи создавало непосильную конкуренцию для средней Украины, слишком были в ту эпоху высоки накладные расходы по перевозке столь мало транспортабельного продукта, каким тогда являлась пшеница. В одном официальном документе того времени мы находим ценные указания на гибельное значение этой конкуренции для лесостепной Украины. «Постепенно с умножением народонаселения в Екатеринославской и Херсонской губ. и с усилением в оных хлебопашества (Полтавская губ. К. В.) лишилась возможности такого сбыта (в Черноморские порты К. В.). Последствие сие в соединении с упадком винокурения и цены на вино, поставило произведение хлебопашцев в самую ничтожную цену» [1]). По словам Скальковского, на основании таможенных таблиц с 1823 г. по 1847 г. видно, что новая Россия отпускала ежегодно не менее 1 милл. и не более 4 милл. четвертей всех сортов хлеба. В последние три года в этой массе хлебного товара было только по два, даже по полтора миллиона четвертей собственного произведения [2]). Значит, только в годы усиленного заграничного спроса на пшеницу, степной район не мог покрыть его своим предложением и в таком случае открывалась возможность для смежных районов лесостепи принять участие в отпуске пшеницы.

Стоимость доставки хлеба в Одессу обходилась при гужевом транспорте крайне дорого. В Стат. описании Киевской губ. мы находим такие данные: «цены за доставку в Одессу одной четверти в Черкасском, Чигиринском, Уманском и Звенигородском уездах колебались в таких пределах: 1 руб. 28½ коп. (в декабре), 1 руб. 75 к. (в апреле) и 1 руб. 86 к. (в июне); в прочих уездах платили по 2 руб. сер. за четверть. Кроме платы, с четверти дается еще на перевоз через реку Буг по 7 коп. сер. на воз, а иногда еще на смазь по 21½ коп. сер. [3])». В том же труде мы находим интересное исчисление себестоимости четверти пшеницы, отправленной из южных районов Киевщины в Одессу [4]).

Средняя цена на пшеницу:

	за четверть
на месте в 1847 г. была	3 руб. 70 коп. сер.
доставка в Одессу стоила	1 „ 75 „
Кроме того, на воз давали по 28½ к. сер. на смазь или на четверть . . .	— „ 4 „
за прокат мешков	— „ 7 „
2 гарнца на потери при сдаче. . . .	— „ 12 „
1 четверть в Одессе . .	5 „ 68 „

Средняя цена в Одессе на хорошую пшеницу в 1847 г. была 6 руб. 85 коп. сер.

Если прибавить к указанной стоимости четверти Киевской пшеницы расходы по посредничеству и по раз'ездам, то все же помещик получал

[1]) Павловский. К истории винокурения, стр. 75.
[2]) Скальковский. Взгляд на хлебопашество, стр. 44.
[3]) Фундуклей... Часть III, стр. 421.
[4]) Там-же, стр. 385.

чистой выгоды 96 коп. сер. на четверть. Таким образом для Киевского землевладельца накладные расходы составляли 2 руб. сер. на четверть, не считая расходов в Одессе (оплата маклера, хранение на складе и проч.). Отсюда ясно видно, насколько неблагоприятно было положение землевладельцев лесостепной полосы по сравнению со степной [1]). К этому можно еще добавить, что перевозка хлеба тянулась неделями, между тем колебания кон'юнктуры хлебного рынка происходят крайне быстро и в результате хлеб из отдаленных районов не прибывал, когда нужно, или наоборот подвозился к портам в моменты падения цен и депрессии [2]).

Прекрасную характеристику состояния сбыта хлеба в лесостепной полосе Украины находим у Аксакова:

«Вся эта сторона между Днепром и Доном богата была хлебопашеством, скотоводством, овцеводством, пчеловодством, садоводством, табачною промышленностью и винокурением. Хлеба родится «багато», как говорится по малороссийски, но куда сбыть его. В Новороссийский край, но он не только изобилует хлебом, он отпускает его и за-границу в огромном количестве. К Черноморским и Азовским портам, но провоз дорог и не удобен. Днепр судоходен только до Кременчуга, а с Кременчуга судоходство затруднено порогами и сопряжено с опасностью. И так хлеба много, цены дешевы, а все-таки нет сбыта. Случается, что в то время, когда в Херсонской губ. покупают пшеницу за 8—10 руб. сер., в Средней Малороссии платят за нее же 3 руб., а в северной и вовсе нет покупателей».

«Остается одно табаководство, которое производится в довольно обширном виде, но по дешевизне цен, стоит не на высокой степени развития. Самый естественный сбыт для Малороссийского хлеба винокурение; самый богатый ее товар—вино... Но винокурение затруднено высоким акцизом, сбыт вина в непривиллегированные губ. загражден откупщичьими заставами» [3]).

Для начала пятидесятых годов имеется интересный подсчет хлебного баланса России. «За внутренним продовольствием и заграничным отпуском, пишет один автор в Журнале Мануфактуры и Торговли, у нас остается еще на месте без потребления значительная масса хлебов, которые, не имея торговой ценности, производят между тем влияние на понижение цен хлеба, находящегося в торговле... По статистическим данным Тенгоборского у нас остается всего 25 милл. четвертей хлеба для внутреннего винокурения, запасных магазинов, заграничной торговли и проч. Полагая на винокурение 10 милл. четвертей и столько же на внешнюю торговлю, запасы и проч., остается 5 милл. четвертей без сбыта» [4]).

Этот излишек должен был держать хлебные цены на низком уровне.

---

[1]) Трудность сбыта хлеба для лесостепной полосы Украины удачно выражена Падалицей в следующих словах:

„Kiedy napòlnocy, w Litwie i Białéjrusi cierpiauo giòd, kiedy w Odessie kupowano na okreta pszenicę, u nas cierpiano na stagnacye zupełną handlu, z przyczyny obległosci „od owych konsumpcyjnych punktòw i zupełnego braku przewozowych żrodków" Padalica. Opowiadania i krajcbrazy T. II. Wilno, 1856, st. 27.

[2]) В период интенсивного вывоза пшеницы 1816—1817 г. доля пшеницы в ценности всего экспорта через Черноморско-азовские порты подымалась до 86,6%—87,5%. В конце двадцатых годов удельный вес ее понизился до $^2/_3$, в сороковых годах даже до половины. Можно заметить ясную тенденцию к падению удельного веса пшеницы в экспорте. Во всяком случае, за исследуемый период пшеница не потеряла своего первенствующего положения в украинском экспорте. С тридцатых годов заметно возрос экспорт льняного семени. В конце пятидесятых годов ценность отпускаемого семени достигала $^1/_5$—$^1/_4$ ценности вывозимой из Украины пшеницы (исчислено на основании «Видов внеш. торг.»).

[3]) Аксаков—Исследование о торговле на Украинских ярмарках стр. 13.

[4]) Взгляд на свеклосахарную промышленность. Журн. Мануфакт. и Торговли 1853 г., кн. I, стр. 158.

В исследуемый период современники жалуются на упадок хлебных цен. Та отдушина, какую представлял отпуск пшеницы за-границу была слишком незначительна для лесостепной полосы. «Земля давала такой обильный урожай, что он превышал средства сбыта. Гумна были заполнены скирдами хлеба и однако для того, чтобы проводить с выгодой хлебную торговлю достаточно было 1/20 части годового сбора».

Еще Шафонский обратил внимание на низкие хлебные цены в средней полосе: «окружившие Малую Россию со всех сторон, кроме Белоруссии, плодородные места и собственный ее урожай причиною, что хлеб бывает весьма дешев, так что почти и труды хлебопашца незаплачены» [1]). В другом месте он выражается так, это—«край, где труд земледельца мало платится» [2]).

Об упадке хлебных цен в сороковых годах пишет один администратор казенного имения: «вместе с прочими администраторами и помещиками здешнего края постоянно испытываю разорительное понижение цен на все произведения сельского хозяйства. Упадок цен на озимый и яровой хлеб по свидетельству здешних хозяев-старожилов стало обнаруживаться с самого начала нынешнего столетия и понижение это, делаясь ощутительнее год от году, продолжается с неизменным постоянством, исключая некоторые примеры дороговизны в случае всеобщего неурожая. С того же времени и требование на хлеб заграницу, равным образом, год от году уменьшается. Настоящий отпуск хлеба за-границу так незначителен, что нисколько не поддерживает цен на произведения сельского хозяйства» [3]). В этом свидетельстве достаточно ясно подчеркнуто слабое влияние отпуска хлеба за-границу на уровень хлебных цен на внутреннем рынке.

У некоторых современников мы находим и указание, до какого предела опускались цены: «в Конотопе, сборном месте торговли хлебом, прошедшего зимою (1842 г.) под ржаной муки продавался 18 коп. ассигнациями (1 руб. 44 коп. асс. четверть), четверик гречихи 8 коп. асс. (в первом случае—при переводе на серебрянный рубль $5^1/_2$ коп., во втором—$^1/_3$ коп.), в Глухове (где производится главная торговля хлебом) пуд ржаной муки стоил 24 коп. асс., четверик овса—14 коп. асс.» [4]). В голодные годы (1833 г.) хлебные цены стремительно подымались вверх.

Знакомый нам Харьковский помещик Лялин живописует так: «с нашим урожаем сам пять мы не знаем, куда девать наши сельские произведения... Хлеба в Малороссии теперь много, но никто его не покупает. Везти его—но куда. Малороссия окружена хлебородными губерниями; отправить его далее, как, напр., в Псковскую губ., где теперь хлеб 20 руб. четверть, каким путем? Малороссия не имеет с северными губерниями ни водных, ни сухопутных сообщений. Если везти рожь или пшеницу к северным местам, где сбыт хорош, надобно издержать на путевые издержки все вырученные деньги и кроме того, надобно еще рисковать скотом, как это часто случается в наших топких и невылазных дорогах» [5]).

«Никогда еще в Малороссии хлебная торговля не была в таком упадке... Видеть свои гумна и магазины, заваленные произведениями, для которых употреблен труд, капитал, видеть вокруг себя изобилие во всем и не иметь денег для необходимых потребностей жизни—такое положение от изобилия столь же тягостно, как и бедность от недостатка».

---

[1]) Черниговского Наместничества Топографическое описание, стр. 19.
[2]) Там-же, стр. 21.
[3]) Нагловский.—Об упадке цен на хлеб и о пользе разведения торговых растений. Журнал Сел. Хоз. 1844 г., кн. V, стр. 341.
[4]) Лялин... Журнал Мин. Госуд. Им. 1844 г. Ч. X, стр. 18—20.
[5]) Лялин... Жур. Мин. Госуд. Им. 1844 г., ч. X, стр. 42.

В другом месте тот же автор пишет [1]): «год, два урожая и у крестьян все завалено хлебом. Думаете ли вы, что с этим запасом они богаты. Совсем нет: жена, дети требуют одежды; самое хозяйство пахаря требует поддержки; государство требует подати, надо продать хлеб, но куда. Он повез бы к нам, далеко на север, но та беда, что из Малороссии не только с грузом, но часто и на легке с трудом выберешься: там, где нет судоходных рек, где нет дорог, там поневоле должно сбывать свои произведения на месте и от того-то хлеб свой мы продаем—как вы думаете по чем? В Малороссии есть уезды, где за пуд ржи платят двадцать копеек. Оскорбительнее этой цены для человеческих трудов, кажется, и быть не может. Стоить только себе представить все изнурительные труды земледельца, сосчитать все, что может получить самый неутомимый человек, трудясь целое лето над хлебным своим полем, и наконец,—оценить все это по существующим ценам: тогда легко понять тот результат, какое доставляет теперь хлебопашество. Без сомнения, надо отыскивать другие отрасли промышленности, свойственные климату и почве».

Эти жалобы повторяются и в пятидесятых годах.

Ханенко жалуется [2]): «даже значительные пожертвования на земледелие, основанное на зерновых хлебах, наверное дадут результаты неважные. В настоящее время, при довольно хорошем урожае, цены на хлеб существуют чрезвычайно низкие до 10 коп. сер. за пуд ржи; между тем в течение 12 последних лет, в продолжении коих случались неурожаи соседственных губерниях, цена на рожь не возвышалась у нас более 35 коп. сер. за пуд (цены г. Глухова, как главного рынка нашей хлебной торговли). Мы должны сознаться в той истине, что наши доходы могут только увеличиваться местными неурожаями».

Струве в своем «Крепостном хозяйстве» указывает на то, что двадцатые и сороковые годы полны жалобами на низкие цены хлеба, на невыгодную для хозяев дешевизну земледельческих продуктов. Хотя он и признает, что в чисто статистическом смысле эти жалобы не основательны, наоборот, даже полагает, что при наличии падающей валюты, некоторые производители хлеба, в особенности, экспортировавшие хлеб, должны были выигрывать от обесценения денег, все же считает, что в тот период с 1822—1832 вся восточная Европа со включением значительной части Германии действительно страдала от низких хлебных цен и переживала аграрный кризис. В период 1845—1853 г., по подсчетам Струве, заграницу отпускалось в среднем около $5^1/_2$ милл. четвертей, что составляло $^1/_6$ всего среднего производимого излишка. Хотя внешний рынок и расширился, но это расширение шло на пользу пшеничного юга [3]). Цитируемый автор считает колебание хлебных цен в дореформенной России общественным бедствием, от которого страдали и помещики и еще более крепостные. Из диаграммы, о движении цены ржаной муки в Москве с 1797 г. по 1860 г., приведенной у Струве, видно, что цены на хлеб резко

---

[1]) Лялин.—Библиотека для чтения. 1838 г., стр. 11.

Герсеванов в Земледельческой Газете за 1846 г. (№ 19, стр. 154—5) в статье «О хлебных запасах Курской губ.» пишет: «Низкие цены и трехлетние запасы в Курской губернии проистекают от недостатка сбыта, чем страждут постоянно Курская и смежная с ней Полтавская и Харьковская губернии. за исключением юго-западной части сей последней, продающей свои произведения в Таганроге. Положение сих губерний самое невыгодное; у них нет ни водяных, ни сухопутных сообщений, и ни какой промышленности, кроме хлебопашества».

[2]) Ханенко.—О пользе свекло-сахарной промышленности для Черниговской губ. Жур. Мини. Госуд. Им., кн. 6, стр. 234.

[3]) С 1848 г. отпускная торговля через южные порты возрасла на 444%, через Балтийские порты только на 12%. Струве.—Крепостное хозяйство стр. 126, прим.

поднялись в 1833 г. и 1840 г.—это неурожайные годы. За исключением неурожайных годов кривая опускается ниже того уровня, на каком она стояла до 20-х годов.

В виду того, что для Украины имел крупное значение внешний рынок, приведем данные о движении цен на пшеницу на английском рынке, на который украинский хлеб преимущественно вывозился. У Тука и Ньюмарча находим такую таблицу цен на пшеницу в Ливерпуле [1]):

Средняя цена пшеницы за квартер.

Сел. хоз. год.	l.	sh.	d.	Сел. хоз. год.	l.	sh.	d.
1815—16	3	3	1	1836—37	2	15	—
1816—17	4	17	10	1837—38	2	17	10
1817—18	4	4	6	1838—39	3	11	8
1818—19	3	18	5	1839—40	3	8	—
1819—20	3	8	5	1840—41	3	8	6
1820—21	2	17	—	1841—42	3	3	4
1821—22	2	10	5	1842—43	2	9	4
1822—23	2	6	4	1843—44	2	13	9
1823—24	2	19	9	1844—45	2	6	7
1824—25	3	4	8	1845—46	2	14	8
1825—26	3	1	1				
Средняя . .	3	6	6	Средняя . .	2	18	4
1826—27	2	16	1	1846—47	3	8	9
1827—28	2	13	2	1847—48	3	7	7
1828—29	3	10	4	1848—49	2	12	5
1829—30	3	3	9	1849—50	2	8	—
1830—31	3	7	10	1850—51	2	—	7
1831—32	3	1	3	1851—52	1	12	7
1832—33	2	14	5	1852—53	2	3	8
1833—34	2	9	9	1853—54	3	12	—
1834—35	2	1	5	1854—55	3	9	1
1835—36	2	2	4	1855—56	3	15	—
Средняя . .	2	16	1	Средняя . .	2	17	8

Высшей точки кривая движения цен достигла в Англии в 1816—1817 г.г. С 1818—1819 г. она стала падать. В двадцатых годах цены на пшеницу опускаются до низкого уровня. Хотя в последующие годы иногда повышались цены сравнительно с двадцатыми годами, но это были случайные годы недородов в Европе, с другой стороны, цены никогда не поднимались до той высоты, на какой они стояли после наполеоновских войн. Средние величины по трем десятилетиям с 1826 г. обнаруживают большую устойчивость. Все же они значительно ниже средней первого десятилетия с 1815 г. Аналогичное движение цен на пшеницу мы наблюдаем и на Берлинском и Парижском рынках и здесь период с 1816 г. по 1820 г. выделялся высокими ценами [2]). Это то золотое время, которое осталось в памяти у всех обитателей южной Украины, так или иначе связанной с отпуском пшеницы. Падение хлебных цен на внешних рынках крайне затрудняло отпуск хлеба из лесостепной полосы.

[1]) Tooke und Newmarch—Die Geschichte und Bestimmung der Preise wäh end der Jahre 1793—1857. 1858. Bd. II. S. 49—50

[2]) Tooke, выше цит. B. I. стр. 235—280.

Падение хлебных цен интересовало и научные круги. В декабре 1826 г. Российская Академия Наук дала такую задачу по части полит. экономии:

«Известно, что ходячая цена земледельческих произведений России, постоянно возвышавшаяся с половины 17-го столетия, в продолжении последних лет понизилась. Определить в точности время, с которого началось сие изменение в ценах каждого из важнейших произведений, об'яснить притом, какие причины сего явления; в какой мере понижалась цена означенных произведений как во внутренней, так и во внешней торговле; вероятно ли, что понижение сие будет продолжительно, и наконец, какое вознаграждение ущерба, причиненного оным народному доходу, может Россия обрести в произведениях земли и в промышленности своей».

На эту тему представил сочинение А. Фомин, изданное Академией Наук «О понижении цен на земледельческие произведения в России» (Спб. 1829 г.). По указаниям автора, возвышение цен прекратилось с 1819 г., понижение оных началось с 1820 г. «Оно оказалось: 1) во всех портах, где отпускался хлеб за-границу; 2) во всех местах, продовольствуемых хлебом из отдаленных областей.

Причины понижения цен, по Фомину, 1) восстановление всеобщего мира; оно и прежде оказало бы сие действие, если бы не препятствовали тому бывшие в 1817 г. в Южной Европе неурожаи; 2) восстание греков служило к нарушению Черноморской нашей торговли; 3) уменьшение запроса из чужих краев. Хлеб наш легко мог бы соперничать даже на таких иностранных рынках, из которых он в другие страны вывозится; но торговые постановления всех почти европ. государств воспрещают свободный оного ввоз. Далее Фомин указывает на то, что одно из самых выгодных употреблений нашего хлеба есть превращение онаго в хлебное вино; но потребление сего последнего более уменьшается, нежели возрастает.

Автор об'яснял падение хлебных цен слабым развитием городов, затруднениями в передвижении населения, связанными с крепостным состоянием.

«Если бы обитатели сел, пишет он, могли свободно переходить из состояния земледельцев в состояние ремесленников и торговцев, то они умножили бы народонаселение городов и занялись бы в оных разными промыслами; сырые произведения, которые они употребили бы производительным образом, придали бы новую ценность земледельческим продуктам; но население наших городов находится или в неподвижном состоянии, или в упадающем».

А. Фомин видит в свободе перемены занятий одно из средств урбанизации страны.

«Переход большого числа лиц из состояния земледельцев в состояние ремесленников и торговцев мог бы усилить народонаселение городов и чрез умножение среднего состояния, доставлять сбыт земледельческим произведениям; но города в России находятся или в неподвижном состоянии или в упадающем; число купцов и купеческие капиталы уменьшаются, число мещан также».

Автор верит в то, что выгода индивидуума совпадает с общественной выгодой (влияние идей классической школы).

«Пол. экономия доказывает, что выгоднейшее употребление способностей или капитала для обладающего оными есть выгоднейшее и для общества; в свободном состоянии промышленности производительные силы всегда будут употреблены на те предметы, которых ходячая цена сравнительно выше; следовательно на те, которые требуются и дают большие

прибыли. При крепостном состоянии крестьян, помещики назначали те занятия, в которых взимание с работника дохода вернее, не смотря на потерю для работающего происходящую».

У А. Фомина есть указание на то, что «некоторые с успехом возделывают светлый сахар. Может быть, в местах, где пшеница чрезмерно дешева, добывание из нее сахара также было бы выгодно». Таким образом, автор видел в свекло-сахарной промышленности выход из того сельско-хозяйственного кризиса, в каком находилась страна.

Низкие цены на хлеб беспокоили правительство. В отчете управляющего министерством внутренних дел за 1838 г. читаем:

«Главная причина упадка цен на хлеб и вообще на земледельческие произведения состоит в затруднительном сбыте на оные при изобильных урожаях. Несовершенство земледелия, которое у нас исключительно обращено на возделывание одного лишь колосного хлеба, трудность и неверность сообщений между разными, более или менее отдаленными пунктами, важными для торга, и ослабевающий уже давно отпуск хлеба за-границу постоянно поддерживают такую затрудненность» [1]).

Из приведенных свидетельств современников ясно видно, что зерновое хозяйство не отличалось в исследуемую эпоху рентабельностью. Уже была осознана помещиками необходимость введения в севооборот корнеплодов. Все чувствовали потребность в изменении системы полеводства, в частности, в расширении площади технических культур. Из тех технических растений, какие существовали в то время, для лесостепной полосы оказалось наиболее подходящей, наиболее рентабельной свекловица, культура которой и начала быстро расширяться с тридцатых годов [2]).

После пшеницы крупное значение в Черноморском отпуске принадлежало льняному семени.

До тридцатых годов наблюдались случайные отправки льняного семени за-границу, не превышавшие 1 тыс. четв. В 1831—32 г.г. впервые вследствие усиленного спроса со стороны Англии вывоз семени принял значительные размеры, как показывает следующая таблица:

---

[1]) Извлечения из отчета управляющего министерством внутрен. дел за 1838 г. Спб. 1839, стр. 39. Опытный, сведущий хозяин Бунин писал в начале тридцатых годов: «сии хлеба в плодоносных губерниях столь дешево продаются, что нет выгод оные сеять; ибо селянин за своим продовольствием, выпродав весь хлеб, собранный с количества владеемой им земли, не удовлетворяет своих нужд». В целях поднятия цен на хлеб Бунин рекомендует закупку хлеба казной для хлебозапасных магазинов: «покупка казенного хлеба при дешевых ценах ржи и овса послужит к возвышению цен на сии материалы». Теперь назвали бы такую меру валоризацией хлеба. Отчет о сельском хозяйстве за 1833 г. Землед. Журнал 1834 г., кн. I, стр. 48—49.

[2]) Интересно указать, что и во Франции падение хлебных цен толкало к насаждению свекло-сахарной промышленности. У Лялина находим такую выдержку из донесения Societé royale etcentrale d'agriculture „постепенное понижение цен на хлеб, дурное состояние дорог, вот причины, которые с каждым годом более и более утесняют состояние наших хлебопашцев. Состояние это можеть быть худшим, если не найдем средства, чтобы сырой материал превращать в такие произведения, которых сбыт мог бы быть удобным и выгодным. Достигнуть этого иначе невозможно, как к земледелию присоединив мануфактурную промышленность». В этом донесении указывается на добывание туземного сахара, как на промышленность, удовлетворяющую указанному условию. Библиотека для чтения 1838 г., стр. 19.

По словам Кауфмана, в двадцатых годах в Германии, в связи с низкими ценами усилился интерес к новой свекло-сахарной индустрии. Kaufmann Die Zucker—industrie in ihrer wirtschaftlichen und steuerfiskalichen Bedeutung fur die Staaten Europas. Berlin 1878 S. 39.

Вывезено льняного семени [1]):

1831 г. . . .	22 500	четвер.
1832 г. . . .	44.700	„
1833 г. . . .	66.900	„
1834 г. . . .	21.000	„
1835 г. . . .	20.000	„
1836 г. . . .	52.000	„
1837 г. . . .	232.000	„
1845 г. . . .	415.000	„
1847 г. . . .	733.000	„

Усиление требований внешнего рынка на льняное семя вызвало расширение льноводства. «Лишь только начали требовать за границу льняное семя, говорит Скальковский и продавать его по 23 и 24 руб. асс. за четверть, как весь край начал думать о его разведении. Вскоре убедились, что это зерно вполне удается на наших степях и начали сеять его в весьма большом количестве... Если ежегодный отпуск льняного семени за границу простирается до 300.000 четвертей, то не менее 100.000 десятин земли употреблено на его разведение уже» [2]). В отпуске льняного семени принимала почти исключительное участие Степная Украина (как утверждает Скальковский), хотя у Журавского и есть указание на то, что с помещичьих запашек льняное семя отправлялось в Одессу [3]). У Лялина мы находим такое замечание: «прошедшего года (1843 г.) в Херсонской губ. продавали льняное семя по 28 руб. асс. за четверть, в Екатеринославской—20 руб., в Южной Малороссии менее 15 руб., а в средней и северной нет покупщиков на этот продукт» [4]). И в этом отпуске выгоды принадлежали приморским районам. Лесостепная полоса не могла участвовать в столь рентабельном экспорте из-за отдаленности и недостатка удобных сообщений. Льноводство в срединной Украине обслуживало главным образом потребности натурального домашнего хозяйства (приготовление домотканного полотна крестьянами, прядение мотков, ниток и тканье полотен для помещиков в счет барщины).

Значительно меньшую роль в отпуске Украины играли животные продукты: сало, шерсть и сырые невыделанные кожи. Отпуск этих второстепенных продуктов также шел главным образом из степного края. Степное экстенсивное скотоводство имело большие преимущества перед лесостепным. В это скотоводство были вложены значительные торговые капиталы. Одесские экспортеры выдавали авансы степным скотопромышленникам, последние закупали скот, выращивали его на подножном степном корму и затем расплачивались с своими кредиторами салом и кожами.

Отпуск животноводственных продуктов сам по себе незначительный не мог играть сколько нибудь заметной роли в балансе лесостепного помещика в виду непосильной конкуренции экстенсивного, дешевого скотоводства степной Украины.

Для северных районов Украины торговля лесными товарами имела существенную важность. Из лесостепной полосы выгодами этой торговли пользовалась одна Киевщина (ее северные районы). На севере Украины находились значительные лесные массивы, откуда по Днепру и по рекам—Десне и Припяти сплавлялись многочисленные плоты и грузы лесомате-

---

[1]) Скальковский.—О хлебопашестве в Новороссийском крае. Журн. Мин. Внутр. Дел 1851 г., стр. 342.

[2]) Там-же, стр. 343.

[3]) Фундуклей..... Ч. III, стр. 439.

[4]) Лялин.—Журнал Мин. Госуд. Им. 1844 г., кн. X, стр. 46.

риалов. Из общей массы лесных товаров сравнительно небольшая часть разгружалась по пристаням среднего течения Днепра, преимущественно в Киеве, где был большой спрос на лес для обширного строительства; основная же масса товаров направлялась в Херсонскую и Екатеринославскую губ. Выгодами лесной торговли пользовалось население северной Украины, где лесные промыслы имели серьезное народно-хозяйственное значение.

В изучаемую нами эпоху внутренняя, а отчасти и внешняя торговля сосредоточивалась на ярмарках. Есть прекрасная работа Аксакова о ярмарках пятидесятых годов, ее мы и используем в дальнейшем изложении. Украина обслуживалась рядом крупных ярмарок общеукраинского и даже международного значения, существовало ярмарочное колесо, ярмарочный торг переходил из одного пункта в другой, третий и т. д., пока не заканчивался весь годовой круг и затем начинался новый поворот ярмарочного колеса [1]). Как распределялись ярмарки в течении годичного срока? Ярмарочный круг начинался с Введенской ярмарки (21 ноября до 6 декабря) в Сумах. Товары, направлявшиеся из Москвы в Харьков на Крещенскую ярмарку, купцы завозили в Сумы по дороге, используя удобный санный путь. Из Сум товары направлялись в Харьков на Крещенскую ярмарку (до Харькова 170 верст).

Купцы успевали побывать дома на праздниках и вернуться в Харьков к Крещению (срок ярмарки с 6 января по 6 февраля). Крещенская ярмарка считалась самой сильной из всех украинских ярмарок. До 100 тыс. подвод, фур, саней двигалось с товарами из разных концов России, из Нижегородской губ., из Бессарабии, с Кавказа и Риги. Здесь находился главный склад товаров, распределяемых по украинским ярмаркам. По окончании Крещенской, товары укладывались, нагружались подводы и длинная вереница обозов тянулась по направлению к Ромнам. На Маслянную (с 17 по 24 февраля), высылалась сюда и небольшая часть свежих товаров из Москвы. От торгов на Маслянной купцы раз'езжались по домам, оставляя часть товаров в Ромнах до Вознесенской ярмарки, а часть возвращая в Харьков. Некоторые посылали товары заранее в Елисаветград на Георгиевскую ярмарку (23 апреля, от Ромен 300 верст). Перерыв в ярмарочном круге в начале весны вызывался распутицей и затем наступлением весенних полевых работ. Елисаветградская ярмарка в конце апреля собиралась по установлении пути и окончании ранних яровых посевов. С этой ярмарки остатки товаров вновь попадали в Ромны на Вознесенскую ярмарку. Отсюда купцы торопились, кто в Курск на Коренную (в 9-ю пятницу после Пасхи), а кто в Харьков на Троицкую. Коренная ярмарка считалась у купцов горячею ярмаркою, так как она развертывалась в несколько дней. Значение Курской ярмарки заключалось в том, что она стояла на краю украинского ярмарочного колеса, на границе двух систем, через нее украинские ярмарки связывались с системой ярмарок северо-восточных.

С Коренной ярмарки товары двигались на Ильинскую (перенесенную в пятидесятых годах из Ромен в Полтаву).

---

[1]) Аксаков, выше цит., с. 14 и д.
О количестве ярмарок на Украине можно составить представление на основании следующих слов путешественника Зуева в конце XVIII века. «Ярмарок у них бывает во всяком городе, также и некоторых больших селениях не по одной в год, но по две и по три и по четыре, кои продолжаются разно: славнейшие из них Харьковские и Сумские, на которые приезжают купцы, кроме Российских, из Польши, Немецкой земли, Молдавии и Греции». Путешественные записки Вас. Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 г. и 1782 г., Спб. 1787 г., стр. 184.

Троицкую ярмарку (1 июня) в Харькове следует назвать исключительно шерстяной; главный товар ярмарочного оборота—шпанская шерсть, перегонная и мытая; обороты шерстью достигали 1½ милл. руб. серебром. Троицкая ярмарка занимала первое место в ряду шерстяных ярмарок России. Ее называли «панской», так как производителями и продавцами товара являлись паны, помещики, для которых шерсть составляла одну из важных статей дохода. Продав шерсть, помещики закупали все нужное для домашнего обихода, главным образом, предметы роскоши. Для закупки шерсти на ярмарку с'езжались суконные фабриканты, австрийские и прусские купцы, бердичевские евреи, а частью и русские торговцы.

Ильинская ярмарка славилась торговлей сукон и шерстяных тканей, также и пушнины. Крупное значение в ярмарочном обороте имела и шпанская шерсть, обеспечившая ей второе место в числе шерстяных ярмарок после Троицкой и привлекавшая даже иностранных покупателей.

Закончив счеты, купцы укладывали товар и снова двигались в дорогу. 15 августа открывалась Успенская ярмарка в Харькове. Эта ярмарка совпадала с последним походом чумаков в Крым за солью. Отправляясь порожняком на волах, они брали товары за низкую плату и развозили их по пути. В ожидании сухой продолжительной осени чумаки везли товары и в Одессу, в Бессарабию, Ростов-на-Дону и другие южные пункты, близкие к Перекопу, удобные для зимовки, так, чтобы им можно было с наступлением ранней весны, нагрузившись солью или рыбой, двинуться в обратный поход.

После Успенской товары направлялись на Крестовоздвиженскую (14 сентября) ярмарку в Кролевец. Значительная часть товаров шла туда прямо с Ильинской ярмарки. Кролевец представлял крайне западный пункт ярмарочной системы. После Кролевецкой ярмарки товары свозились снова в Харьков на Покровскую ярмарку (1 октября), тянувшуюся целый месяц. Получалось, 10 оптовых ярмарок (без Троицкой, исключительно шерстяной), составлявших один круг, один пояс, охватывающий всю Левобережную Украину. Центром этого круга являлся Харьков, где сосредоточивались промтовары и откуда они распределялись по всей ярмарочной системе. За этими крупными оптовыми ярмарками стоят сотни и тысячи районных, сельских ярмарок и базаров, по которым текли товарные потоки, получившие свое начало на основных украинских ярмарках.

«Сколько труда, сколько траты времени, сколько ломки, порчи товаров, сколько издержек и напрасных убытков, говорит Аксаков [1]), на каждой ярмарке надо разложить и потом вновь уложить товары и таким образом повторить эту операцию 20 раз; один переезд от одного ярмарочного пункта до другого в течение года составляет 2405 верст... Самые главные из них Крещенская и Ильинская, все остальные должны называться вспомогательными».

Своя система ярмарок была на Правобережьи. Ее центром являлись Киевские Контракты. Киевские Контракты принадлежат к старейшим ярмаркам Украины. Они ведут свое начало от Львовских Контрактов, обслуживавших нужды крупного польского землевладения еще в XVIII веке. На Львовских Контрактах заключались сделки по продаже, покупке, аренде имений, погашались долги и проч. В 1755 г., после присоединения Львова к Австрии, Контракты были перенесены в гор. Дубно и затем оттуда в Киев. 15 января 1798-го года состоялось открытие Контрактовой Ярмарки в Киеве. В I-й период своего Киевского существования Контракты продолжали обслуживать нужды крупного землевладения.

[1]) Аксаков выше цит. стр. 19.

Сделки с недвижимостью представляли основную операцию ярмарочного торга. О размерах этих сделок свидетельствует тот факт, что в двадцатых годах прошлого столетия суд получал актовых пошлин до 200 тыс. рубл. ассигн. В Киев на ярмарку приезжали изо всей области помещики с домочадцами, дворовыми, закупали предметы роскоши, фабричные изделия, кое какие припасы на год, веселились, развлекались и кутили.

Польское восстание (1830 г.), ограничение польского землевладения, отмирание замкнутого натурального хозяйства латифундий—все это обусловило сокращение сделок с недвижимостью. Их место заняли сделки по купле-продаже хлеба. «Дубно, потом Киев были местами совершения главных новых покупок хлеба и местом, где заключались расчеты старых покупок», говорит профессор Янсон.

С развитием хлебного отпуска через южные порты, с постепенным заселением степи, Киевские Контракты утрачивают свое первенствующее положение в хлебной торговле. Упадок хлебной торговли на ярмарке совпал с началом развития в Правобережной Украине свекло-сахарной промышленности [1]).

Зарождение и развитие на Правобережной Украине свекло-сахарной промышленности с сороковых годов XIX-го века придало Контрактам свекло-сахарное направление. На Контрактах производились закупки предметов оборудования и ремонта сахарных заводов, заключались плантаторские договоры, нанимались служащие на сахарные заводы.

По словам Улашина [2]), на Контракты с'езжалась шляхта Волыни, Украины, Подолии, Черниговской, Полтавской губ. и даже Литвы. В изучаемый нами период Киевские Контракты оказывали большое влияние на оживление экономической жизни всей Правобережной Украины. Составитель «Стат. описания Киев. губ.» так характеризует Контракты [3]):

«Помещики договариваются и заключают сделки на продажу, покупку, отдачу в арендное содержание имений и разных оброчных статей; сбывают свои продукты хлеб, вино, сахарный песок, дрова, лес и т. п., закладывают и перезакладывают свои имения; взносят в кредитные места платежи по займам; занимают вновь у частных банкиров или расчитываются с ними. Другие предлагают свои услуги, ищут мест управляющих имениями, землемеров, медиков, поверенных, фабрикантов и т. п., оставляют прежние места или заключают условия на новые. Из евреев одни приезжают из уездов губ. Киевской, Волынской и Подольской, закупают для местной перепродажи хрустальную посуду, сахар, чай, пушные и т. п. панские товары русских фабрик; другие из Одессы и Бердичева привозят на ярмарку капиталы, которые пускают в оборот преимущественно ссудами помещиков [4]). Все эти дела вместе со множеством других меньших интересов дают повод к заключению во время самых Контрактов значительного числа письменных актов: договоров, условий, обязательств, купчих крепостей и т. п., приносящих доход казне употреблением на них гербовой бумаги и оплатою установленных пошлин».

---

[1]) Необходимо иметь в виду, что Контракты и Киевская Крещенская ярмарка представляли в начале два разных с'езда даже по времени. Контракты начинались с 15 янв., от Крещенской ярмарки их отделял один день. В дальнейшем ярмарка начала сближаться с Контрактами и, в конце концов, с ними слилась. Ułashyn—Kontrakty Kijowskie, Skic historyczno-obycsajowy 1798—1898. Pet. 1900, st. 21

[2]) Ułashyń, st. 22.

[3]) Фундуклей.... ч. Ш, стр. 529.

[4]) Проценты по капиталам взимались высокие. Гакстгаузен, путешествовавший по России в 1843 г., удостоверял, что во внутренних русских губерниях рост никогда не бывает ниже 8—12% в год, в Киеве и Одессе $1^1/_4$, $1^1/_2$ и даже 2% в месяц. См. Н. Яснопольский—Экономическая будущность юга России. Отечественные записки. 1871 г., № 7, июль, стр. 71.

Выезд на Контракты представлял крупное событие в тихой, монотонной жизни сельских обывателей той эпохи. Поездка на Контракты, в виду отсутствия железных и шоссейных дорог, не была лишена больших трудностей. Не взирая на небезопасность пути, хлопоты и беспокойство, связанные с поездкой на ярмарку, всякий помещик считал своим долгом ездить на Контракты, подчас не имея для этого сколько нибудь серьезных оснований. Многие ездили, как тогда называлось, ярмарковать, что означало, как говорит в своих мемуарах Еловицкий, «покупать и продавать и развлекаться и гулять и танцевать и жениться и обыгрывать и проигрывать, что кому нравилось».

Жизнь контрактов сосредоточивалась на Подоле. Great attraction в ту эпоху составлял Контрактовый дом—сердце Подола, как назвал его Крашевский. Двухэтажное здание, в верхнем этаже, размещались восточные товары, в нижнем находились магазины с местными изделиями, здесь же помещались и юридические учреждения, оформлявшие всякого рода договоры. В Контрактовом зале собирались и владельцы имений, предназначенных к продаже и ищущие покупки имений или помещения капиталов, которые здесь же и находились в бочках, наполненных серебром. Кто хотел купить имение, ехал в Киев, где это совершалось необычайно легко и просто. «При входе в зал, пишет Липковский [1]) в своих мемуарах, встретил знакомого, который предложил ему приобрести три фольварка. Отец, рассмотрев планы, решил купить их. Когда это стало известно в зале, он не успел дойти от одного конца до другого, как уже имел наличные для покупки имений и здесь же в зале совершил купчую».

На Контрактовой ярмарке выдачей ссуд занимались Бердичевские банкиры [2]). Бердичев представлял собою центр, где уже в ту эпоху были накоплены значительные капиталы. Бердичевские банкиры находились в корреспондентских сношениях с банкирами Одессы, Москвы, Петербурга, Варшавы и Риги, кроме того они имели своих корреспондентов за-границей в Австрии, Пруссии, Саксонии, Баварии, Италии, во Франции, Бельгии, Швейцарии, Англии, Константинополе и Смирне. Обороты Бердичевских банкиров оказывали большое влияние на экономическую жизнь края. На их капиталы была основана отчасти местная промышленность, торговля и даже владение имениями. Значительная часть капиталов Бердичевских банкиров находила употребление на Киевских Контрактах преимущественно в виде ссуд [3]). По данным Журавского [4]), банкирские обороты на Киевских Контрактах 1836—1838 гг. определялись в среднем в год в 1,3 милл. руб. серебр., в период 1845—49 гг. в 1,6 милл. руб. сер.

В конце сороковых годов стал наблюдаться прилив в Киев на Контракты капиталов из Одессы (до 500 тыс. руб. сер.). Быстрое развитие внешней торговли обусловило образование в Одессе значительных по тому времени торговых капиталов. Ссудный капитал во время Контрактов помещался в покупку имений, уплату долгов, промышленные заведения и проч.

Киевские Контракты играли и роль высшей светской школы; на Контрактах заканчивалась полировка молодежи. На Контрактах вывозили

---

[1]) Lipkowski—Moje Wspomnienia st. 113 ср. Москвитянин – Учено-лит. Журнал 1852 г. Т. Ш. Москва. Современ. известия внутренния, стр. 14 и д.

[2]) В 1836 г. была закрыта секция польского банка в Бердичеве; с большими усилиями удалось открыть в Киеве контору Государств. коммерческого банка в 1840 г. О том что капитало-накопление носило значительные размеры, свидетелствует рост вкладов: в первый год 2,4 м. р., в второй 3,0 м. р., в третий 6,7 м. р. Иконников.—Киев в 1644—1855 гг. К 1904 г., стр. 180.

[3]) Фундуклей... Ч. III, стр. 569—570.

[4]) Там-же, стр. 570.

среди других товаров и невест. Современники называли ее товарной и матримониальной ярмаркой. Во время ярмарки помещики устраивали по кабачкам кутежи; вино лилось рекой, спускались в карты целые имения.

В ярмарочном товарном ассортименте крупную роль играли предметы роскоши, как то бархат, меха, лионские кружева, шелка, индийские шали, зеркала, хрусталь, фарфор [1]). К Контрактовому дому в течении целого дня под'езжали и от'езжали кареты, сани в красивой упряжке, повозки, бердичевские фурманки, дрожки. Шумливая, разноцветная толпа то отливала, то приливала к нему.

С сороковых годов на Киевских Контрактах стал царить сахар; увлечение новой отраслью промышленности более ясно выявлялось именно на Контрактах. Это был главный рынок для продажи сахара, для заключения сделок и договоров, связанных с сахарной промышленностью. Новая отрасль промышленности надолго определила сахарное направление Контрактов.

На Правобережной Украине пользовались большой известностью Бердичевские ярмарки—Успенская и Онуфриевская. Последняя связывала Украину с Польшей [2]). Сюда привозила Польша промышленные изделия в обмен на Украинское сырье и скот. В Бердичевских лавочках на курьих ножках продавались пышные лионские материи, дорогие кружева, индийские шали. Бердичев имел огромные склады заграничных изделий, «словом все, ибо Бердичев имел все» [3]). Бердичевская ярмарка, игравшая руководящую роль в восемнадцатом столетии, стала терять свое значение с заселением Украины. В изучаемую эпоху обороты двух Бердичевских ярмарок не превышали 600.000 руб. сер. По словам Падалицы, скот в Бердичеве продавался дороже сравнительно с более южными ярмарками, «и теперь не Бердичев, а Балта, Елисаветград, Полтава притягивают купцов с Волыни, Литвы и Польши» [4]).

По исчислениям Аксакова [5]), обороты основных украинских ярмарок достигали в 50-х годах таких размеров:

	Привезено	Продано
Крещенская	40 милл. р.	25 милл. р.
Ильинская	30 „	18 „
Успенская	12 „	8 „
Коренная	10 „	7 „
Покровская	9 „	6 „
Кролевецкая	7,5 „	5 „
Масленская	7,0 „	4,0 „
Вознесенская	6,0 „	3,0 „
Сумская	3,0 „	2,0 „
Елисаветградская . . .	2,0 „	1,5 „
Троицкая	1,3 „	1,3 „
	127,8 милл. р.	80,8 милл. р.

[1]) Привоз товаров с 1843 г. по 1849 г. на Контрактовую ярмарку определялся в 5.988.280 руб. сер., в т. ч. на мануфактуру 2,2 м. р., ювелирные изделия 1 милл., галантерею 0,8 м. р. Фундуклей, ч. III, стр. 544.

[2]) Бердичев являлся тогда конечным пунктом, дальше которого польские купцы не двигались. В Польше была пословица: „Pish do mnie na Berdyczów, что означало, считай, что я не вернусь»,

[3]) Padalica T. I. st. 27.

[4]) Там-же, st. 26.

[5]) Аксаков—выше цит. стр. 46.

Наиболее крупное значение по оборотам имели Крещенская и Ильинская ярмарка, конкурировавшие за первенство, одна была зимой, а другая летом. По словам Аксакова, считали Крещенскую ярмарку сильнее Ильинской.

О размерах оборота на Крещенской ярмарке дает представление следующий факт: с Крещенской ярмарки (1854 г.) было отправлено не менее 60.000 подвод с товаром. Кладя на подводу 25 п., получим грузооборот ярмарки в 1,5 милл. п. Считая ценность пуда 15 руб., Аксаков определяет оборот по продаже Крещенской ярмарки в 25 милл. руб. сер. Для того времени, это громадная цифра.

До 1852 г. Ильинская ярмарка, находившаяся в Ромнах, считалась первой во всем южном крае и третьей в Империи [1]).

Привоз товаров на Ильинскую ярмарку в Ромнах в сороковых годах колебался в пределах 10—12 милл. руб. сер. В Ромнах был свой Контрактовый дом, в котором не только купечество могло производить во время ярмарки коммерческие свои условия и сделки, но и могло находить все «выгоды» с'езжающееся на ярмарку «благородное общество».

На ярмарке, как видно из табели цен и взносов существовали такие ряды: панский (высшая цена за лавку 300 руб.), суконный, бумажный, железный, шорный, юфтовый, пушной, заграничный, бумажный, еврейский, овощной, московский. Такой состав рядов говорит о разнообразном и широком ассортименте товаров, обращавшихся на ярмарке. Количество приезжего народа на Ильинскую ярмарку исчислялось в 120 тыс. душ обоего пола и это при численности населения в Ромнах в шесть тысяч душ. Тысячи извощиков на волах и лошадях из Роменского и окружающих его уездов во всякое время удовлетворяли потребности Ильинской ярмарки. В 1846 г. Арандаренко, управляющий Госуд. Имуществами в Полтаве, обратился на Ильинскую ярмарку для найма извощиков для перевозки хлеба в Псковскую губ., оказалось в городе зарегистрированных 22 тысячи чумаков и извощиков [2]).

---

[1]) В Румянцевской описи в конце 60-х годов XVIII в. так характеризовалась Роменская ярмарка: «купечество на ярмарки приезжает из Полши, из Великороссийских и Малороссийских городов, до ста и более человек. Привозят из Польши сукна (сетовые и простые), позументы, сетки серебрянные, золотые, шелковые разные парчи, бархаты, люстрины и другие нежные материи, а из России—канфы, выбойки, китайки, разное куренье, сахар, оловянную посуду, пушной товар, шелковые материи и маниста, железо и разную посуду. Из Сечи Запорожской вино, бакалею, рыбу и соль; из Донских станиц привозят соль и приводят лошадей». У Шафонского в его Топографическом описании Черниговского Наместничества (1786 г.), мы находим такую характеристику этой ярмарки: «на оныя с'езжаются многие помещики, все Малороссийские и многие Великорусские купцы из Москвы, Тулы, Калуги, Орла, Волхова, Воронежа, Курска, Харькова. Стародуба, Киева, из Белоруссии, Армяне из Астрахани, Турки и Татары, и навозят всякие красные лучшие товары, яко-то: сукна, шелковые, бумажные, серебрянную посуду, золотые и алмазные вещи. Нежинские греки привозят много шелковых италианских и турецких разных товаров... Изо всех заводов и Донских станиц наводят табунами великое число лошадей, а из околичных мест рогатого скота; в сие время можно лучших лошадей цугами купить. Словом, в России купцы большие по торгу отправляют дела, продавая и меняя товары и переписывая векселя». Николайчик.—Ильинская ярмарка в период ее существования в г. Ромнах. Труды Полтавской учен. архивн. комиссии. В. III. 1907 г., стр. 27—28.

[2]) Оживление, создаваемое ярмаркой, хорошо описано Шаликовым: «В тихом пустынном г. Ромне... все и всякий раз ожидают с некоторым нетерпением Ильина дня, времени, когда бывает здесь одна из лучших ярмарок Империи: пожилые люди для нужд хозяйственных, молодые для веселья, другие для дохода... Мертвая тишина. унылая пустыня превратилась в необыкновенный шум, в превеликое многолюдство. Явились всякого рода экипажи, всякой нации лица; возникли разнообразные строения; окраины и поля покрылись простым народом,

В украинском ярмарочном торге первое место принадлежало мануфактуре. «Главным господствующим товаром стали красные или русские мануфактурные произведения, говорит Аксаков [1]), они дали смысл жизни и направление всей ярмарочной торговле и, по свойству товара, разделили ярмарки на летние и зимние. Первостепенными ярмарками стали зимняя Крещенская и летняя Ильинская. На главных украинских ярмарках открывается до 200 лавок, производящих оптовую торговлю мануфактурными товарами, из них до 150 приходится на долю самих производителей фабрикантов, предлагающих товар из первых рук без посредничества купцов».

Бумажные ткани составляли половину привоза всех мануфактурных изделий. Хлопчатобумажные ткани не встречали конкуренции на украинских ярмарках со стороны иностранных тканей. Наоборот, шелковые иностранные ткани сбывались в значительном количестве на украинских ярмарках; в особенности на Ильинской, где открывался целый еврейский ряд с заграничными товарами, как для оптовой, так и для розничной торговли. Евреи получали товар через сухопутную западную границу с Лейпцигских ярмарок. По снятии польской таможенной границы (1851 г.) стали поступать на Украину польские шерстяные материи.

По подсчетам Аксакова мануфактуры русского происхождения продавалось на украинских ярмарках на 22 милл. руб. сер., на долю иностранной мануфактуры приходилось не более $^1/_{20}$ части ценности сбыта русских изделий.

Мануфактуру можно назвать королевой торга украинских ярмарок. Этот товар, который давал направление и движение украинской ярмарочной торговле. По свидетельству Коля [2]), на Украинские ярмарки привозилось металлов и металлоизделий столько, что эта группа промтоваров занимала второе место после Московской мануфактуры. Особенно широкий сбыт находил скобяной товар. Аксаков определяет ценность привоза по данной группе в $2^1/_2$—3 милл. руб. сер. В ту эпоху Украина еще не имела мощной металлургической промышленности, какая зародилась позже в восьмидесятых годах. Из земледельческих орудий важный предмет ярмарочной торговли составляли австрийские косы, их продавалось на 300 тыс. руб. сер. Крупную посредническую роль в этой торговле играл г. Рыльск. Важную статью ярмарочного привоза составляли колониальные товары, употребляемые преимущественно помещичьим классом. Кофе и чаю продавалось на Украинских ярмарках на 1,9 милл. руб.

Что же давала Украина в обмен на промтовары, привозимые на ее ярмарку? Шпанскую шерсть и сырые кожи (преимущественно из степной полосы), скот, сахар и сахарный песок, табак, холст, и наконец прасольский товар, собираемый по всей Украине. Под этим названием разумелись щетина, сырой шкуровой товар, пух, перо, грива, косица, воск, мед, шпанская муха или майка, отчасти холст и некоторые другие предметы мелкой сельской производительности. Характерно, что хлеб не фигурировал нигде в качестве об'екта ярмарочной торговли. Если исключить сахар и холст, то остальные товары составляли продукты животноводства, животноводственные отходы и наконец сельско-хозяйственное сырье (табак, воск, мед).

В изучаемую эпоху овцеводство сделалось необходимой принадлежностью помещичьего хозяйства. Известно, что Петр I вскоре после Пол-

---

шатрами, шалашами, лошадьми и проч. Живость промышленности уподоблялась движению армии во время сражения». Шаликов.—Другое путешествие в Малороссию. М. 1804 г., стр. 75 и д.

[1]) Аксаков выше цит. стр. 14.

[2]) Kohl. выше цит. Bd. II, s. 342.

тавской битвы, сделал распоряжение о водворении на Украине пород силезских овец на том основании, что она награждена «добрым духом». Упадок хлебных цен побудил помещиков искать других источников дохода, одним из них и явилось улучшенное овцеводство. На Украине существовало три главных шерстяных ярмарки: Троицкая в Харькове с (1-го июня), Петропавловская в Екатеринославе (29 июня) и Ильинская (20-го июля). В целях урегулирования цен на шерсть была учреждена в Харькове комиссия на акциях, принимавшая от владельцев шерсть на комиссию (Харьковская акционерная компания по торговле шерстью). Компания принимала шерсть на хранение, на комиссию для продажи и выдавала под залог шерсти ссуды [1]).

Картинно описывает Аксаков внешний вид Троицкой шерстяной ярмарки:

«Площадь представляет очень оригинальную картину, с горами белых больших мешков покрывающих едва обозримое пространство площади, с бесчисленным множеством фур, скученных вместе, с целым лесом поднятых к верху оглобель, с огромным стадом волов, наконец типическими группами Малороссийских вощиков, присланных с шерстью панских людей... Все они живут тут же на лугу подле своих волов, тут же разводят огоньки, готовят себе пищу, курят свои коротенькие люльки, спят и ночуют, как чумаки в поле. Нередко среди фур встречаются старомодные кареты, коляски и всякого рода рыдваны: небогатые помещики, вместо найма квартир, проводят ярмарочные дни на площади, благодаря летней теплой погоде» [2]).

---

[1]) По словам авторов Enquête, качество Украинской шерсти превосходное. Покупателями шерсти являлись торговцы из Херсона, и в особенности, из Одессы. Шерсть из Украины вывозилась, главным образом. во Францию.

Средние цены шерсти за пуд в рублях

	Чистая мериносовая	Мериносовая 2-го сорта	Метисы
1846	6	5	4.50
47	6	5.50	4
48	4	3.50	3
49	5.75	5	4
50	6.30	5 50	5
51	6.50	5.75	5
52	6.75	6	5
53	7	6	5
54	7	6	5
55	7.25	6.50	6
56	9.25	7.50	6.90
57	11.	9	7
58	9.25	8.50	7.50
59	9.50	8.75	7

На низком уровне цены стояли в 1848 г. вследствие конкуренции Австралии, но открытие золотых россыпей приостановило продукцию шерсти и цены на Украине поднялись.

Харьковская акционерная компания взимала по ссудам 6% и 2% комиссионных. Авторы Enquête дают такую оценку этой компании: ce sont d'ailleurs, des employes du Gouvernement qui dirigent ces opérations: ils n'entendent rien au Commerce des laines et les affaires de la societe marchent assez mal. Enquete Annexe B. Notice sur l'indnstrie de la laine dans la Russie Meridionale.

[2]) Аксаков выше цит., стр. 203.

Привоз шерсти в 1850 году.

	пуд.	руб. сер.
На Ильинскую	106.548	926.165
„ Троицкую	149.259	924.039

Помещики, овчарни которых пользовались известностью, не присылали шерсти на ярмарки, а выставляли образцы, по которым и совершали сделки. Здесь уже торговля шерстью носила чисто биржевой характер.

На Троицкую ярмарку шерсть доставляли преимущественно Харьковские и Екатеринославские помещики (более $^2/_3$ всего шерстяного привоза); на Ильинской выступали преимущественно Полтавские помещики (главным образом Константиноградского уезда), затем Екатеринославские, Харьковские, Херсонские, а отчасти и Киевские (Киевского и Каневского уездов).

Цены на шерсть подвергались довольно резким колебаниям, это и было между прочим одним из поводов к учреждению шерстяной компании. С предложением шерсти на ярмарках выступали помещики, нуждавшиеся в деньгах для жизни, так как шерсть составляла главный источник их доходов, в виду этого шерсть продавалась всегда за наличные. Помещики предпочитали продать ее дешевле, лишь бы за наличный расчет.

По словам Арандаренко, лошади, рогатый скот, овцы составляли обширный предмет ярмарочного торга. Огромные табуны лошадей, пригнанные из Донских степей, паслись в окрестностях Ромен во время ярмарки. На огромной конной площади происходила проба лошадей, посещение этой площади составляло одно из дневных ярмарочных развлечений мужской половины.

Невыделанные кожи продавались на безчисленных сельских и городских ярмарках Украины в течении целого года. Во многих местах существовали конторы экспортеров, собиравших кожсырье для вывоза заграницу или отправки в порты. По исчислениям Аксакова, сырых кож продавалось в год на всех Украинских ярмарках на 1,2 милл. руб. сер., выделанных на—750 т. р. сер., кожевенных изделий на 150 тыс. руб. сер. и шорного товара на 200 тыс. р. сер. В итоге общий оборот по всей этой группе достигал 2,3 милл. р. сер.

Важный предмет ярмарочного торга составляла соль и рыба, это уже продукты широкого потребления. В виду их малоценности, они не играли сколько нибудь большой роли в ценностном выражении ярмарочного оборота.

Крупное значение в ярмарочном торге в сороковых и в пятидесятых годах принадлежало сахару, продукту местной промышленности; размер его сбыта на Украинских ярмарках будет рассмотрен в главе о торговле сахаром.

В виду преобладающего значения на Украинских ярмарках мануфактуры, великорусские купцы играли на них первую скрипку. Шафонский еще в конце XVIII в. писал «весь торг красных и мелких товаров состоит в руках великороссийских купцов ,которые их по частным ярмаркам развозят» [1]). Немецкий путешественник Коль, наблюдавший украинскую жизнь в ту эпоху, описывая Харьковскую Крещенскую ярмарку (1840-г.), пишет: «Главная роль во всех отношениях, как в смысле производителей, так и посредников принадлежит великороссам. Значительно более половины товаров выходит из их больших фабрик и значительно более половины оптовых торговцев ярмарки принадлежит их

[1]) Шафонский выше цит., стр. 21.

племени. Они обладают столь продолжительным торговым гением, что превосходят все другие народы и так хорошо знают свое обширное отечество, что никто не может равняться с ними в этом отношении».

Аксаков, изучавший Украинские ярмарки в пятидесятых годах пришел к такому выводу: всей торговлей на украинских ярмарках двигали великороссы.

Проникновению великорусского торгового капитала на Украину много содействовал протекционный тариф 1822 г. До этого на Украинских ярмарках выступали в значительном количестве иностранные купцы. После издания указанного тарифа быстро начала розвиваться Московская мануфактурная промышленность. «Московская, Владимирская, Костромская губернии, говорит Аксаков, образовали целый мануфактурный округ... сотни тысяч рук, пришли в движение, сотни фабрик выбрасывали ежедневно массы произведений, требовавших сбыта. Украина и Новороссийский край представлялись готовым обширным рынком; на него устремились взоры промышленников».

Великороссийский торговый капитал, взявший в свои руки торговлю на Украинских ярмарках, стал постепенно оседать в украинских торговых центрах. По свидетельству купцов, украинские городские центры начали возрастать за последние сорок лет за счет прилива великороссийских купцов. «Не говорим про Сумы и Харьков, города, созданные русскими торговцами, но и в Полтаве, в Лохвице, в Лубнах—везде ворочают торговлею «фундаментальною», по купеческому выражению, русские, мелкою, розничною—евреи» [1]).

Мануфактурный оборот на Украинских ярмарках оплодотворялся кредитом. Конкуренция между продавцами приводила к установлению льготных условий расчета. Кто оказывал больший кредит, тот больше и сбывал товара. «Цена на украинских ярмарках—кредитная, говорит Аксаков, основанная большею частью на шестимесячном кредите, от одной ярмарки до другой, от Крещенской до Ильинской, от Маслянской до Успенской и т. д. Фабриканты на ярмарках признавались нам сами, что если покупатель два раза сряду забирает товары и за один раз заплатит сполна по кредитной цене, а за другой и вовсе не заплатит, то они, конечно, не в выгоде, но и не в существенном убытке.

Дерзость кредита, размеры купеческого рыска превосходят всякое вероятие» [2]).

Росписки должников или покупателей в забранных товарах делались на простой или на вексельной бумаге. Вексельный оборот составлял небольшую долю кредита в 1854 г. На всех Харьковских ярмарках было продано товаров на 14 милл. р. сер., между тем сумма векселей и заемных писем (неторговых долговых обязательств), явленных и протестованных в ярмарочные месяцы не превышала 850 тыс. руб. сер., т. е. около 6% [3]).

Собирались задолженные суммы при посредстве раз'ездных приказчиков. Аксаков видал однажды список мест, который предстояло об'ехать приказчику одного московского фабриканта; «он заключал в себе до 30 разных названий городков, местечек, и селений Новороссийского края и Бессарабии. Для сокращения расходов прикащики от разных хозяев соединяются вместе человека по два или три. Путешествие продолжается большею частью до Елисаветградской ярмарки, на которую собираются приказчики с деньгами, а хозяева за деньгами. Этот способ доставляет ту выгоду купцам, что они получают таким образом подробные и верные

[1]) Аксаков выше цит., стр. 6.
[2]) Там-же, стр. 21.
[3]) Там-же, стр. 23.

сведения о состоянии торговых дел должника, о самом крае, о современном положении розничной торговли, о господствующем вкусе и приобретают нередко через приказчиков, новых покупателей и новые знакомства».

Посредством ярмарочной системы товары распределялись по всей Украине. Существовал сложный институт ходебщиков, коробейников, офеней, прасолов, распределявших промтовары по селам и деревням, с другой стороны, собиравших украинское сырье для сбыта на ярмарках [1]).

За великорусскими фабрикантами и купцами шло целое войско деятельных агентов на Украину, называемых разнощиками, ходебщиками, коробейниками, офенями. «Без них, замечает Аксаков [2]), нельзя было бы ожидать такого живого сбыта товаров посредством одних местных розничных городовых купцов... Этот класс торговцев, т. е. ходебщики и евреи, собираясь к урочному времени ярмарки, мигом растаскивают товары и разбегаются с ними во все стороны, разнося и развозя их по деревням, хуторам и селам, по ленивым панам, по казакам домоседам, по крестьянам щеголям, по крестьянским щеголихам, жинкам и дивчатам от границ Австрии и до Кавказа, от Дона до Дуная, разсовывают товар всюду, по мелочам, соблазняют покупателей удобством кредита».

В роли таких ходебщиков выступали крестьяне Владимирской губ. Они прибывали на Украину в большом количестве, где занимались разноскою и развозкою товаров, преимущественно, красных товаров, также галантерейных, посуды и книг по городам, хуторам, селам и местечкам. Ходебщики состояли при хозяевах, последние имели до восьми «счетов» или приказчиков. С ними хозяин заключал такое условие: он давал приказчику товара, скажем, до 5 т. р. сер., и право забора товара в кредит на хозяйское имя, скажем тысяч на пять. Полученная прибыль делилась пополам, расходы покрывались из прибыли; все, что приказчик отпускал в долг считалось на его ответственности. Приказчик в свою очередь имел помощника и при нем «ребят или молодцев». Приказчик не ходит, а раз'езжает обыкновенно сам четверть или сам пять на пяти или шести возах, нагруженных товарами. У некоторых купцов бывало коробейников до 400 и более, последними заведывало 10 или 20 приказчиков. Хозяин распределял между приказчиками и зависящими от них «ребятами» районы деятельности, в каждом районе имелись станции или центральные лавки для снабжения и пополнения запасов ходебщиков.

Начало года для ходебщиков—Кролевецкая ярмарка, куда с'езжались хозяева с полчищами своих приказчиков и молодцев. Была выработана сложная и стройная система охвата емкого украинского рынка. По этой разветвленной системе продвигались промтовары с ярмарок на периферию, в глухие села и хутора.

Рядом с этим существовала другая не менее сложная система сборки украинского сырья, для концентрации его на украинских ярмарках. Заготовители сырья назывались тогда прасолами. Прасольством занимались жители м. Рашевки Гадячского уезд. и м. Смелого Роменского уезд. [3]). Они

[1]) Красиво описывает сельский ярмарок Гр. Основ'яненко в Салдатському патреті (1832): «таки куди оком не глянеш, то усе люди, усе люди, як сарана в полі. И чого туди не понаносили, або не понавозили. Из Москвы — лапти, деревянные, кожевенные изделия; из Суздаля — иконы и книжки, махорка, железо-скобяные изделия, лавки с красным товаром, овощи, гончарные изделия, одежда, кожухи, свитки, шапки, поясы, юпки, плахты, полотенца и пр. веретена, гребни, соль толченая, деготь и пр.» Ярмарочное оживление так им изображается: «Той купує, той торгує, той бенкетує, той приціняється, той спорить, той товариство склика, той на жінку гука, ті лаються, та йдуть могоричі запивати; жіноцтво щебече; старці співають».

[2]) Аксаков выше цит., стр. 22.

[3]) Николайчик выше цит., стр. 58.

скупали по мелочам сельскохозяйственные продукты—холст, пряжу, мед, воск, сало, щетину, пух, кожи, овчины, мерлушки, табак и пр. и продавали их партиями оптовым торговцам. Прасолы работали на артельных началах, об'единялись в группы по шесть—десять человек. Артель забирала у местных купцов игольный товар (простую галантерею) и отправлялась в путь. Прасолы редко покупали сырье за наличные деньги, почти всегда выменивали свой дешевый игольный товар на щетину, перо, пух, старый медный лом, шкурки, вощину и проч.

«Есть такой товар, против которого не устоит никакая украинская гарная дивка или жинка, есть кольца-змейки и серьги-польки, за которые малороссийская крестьянка охотно отдаст и собранную ею в течении года щетину и птичье перо палое и щипаное, и многие другие мелкие предметы ее хозяйства, ей ничего не стоющие, а в массе получающие огромную ценность».

Некоторые артели доходили до Азовского побережья. Рашевские купцы для продажи собранных таким путем прасольских товаров, приезжали на Крещенскую, Маслянскую, Вознесенскую, Коренную и Ильинскую ярмарки.

Различие между ходебщиками и прасолами заключалось в том, что первые распределяли промтовары, вторые собирали сырье преимущественно животноводственное (отсюда их название щетинниками), первые были представителями распределительной торговли, вторые—собирательной. Ходебщики были наемными работниками купцов, вторые—самостоятельными артельщиками. У ходебщиков применялось сложное административное устройство, прикрепленность к районам, у прасолов свободная артельная форма, наконец ходебщики-великороссы, прасолы—украинцы, как те, так и другие являлись щупальцами, при помощи которых украинская ярмарочная система охватывала обширный, богатый украинский рынок.

Наличие значительного ярмарочного грузооборота естественно вызывает вопрос, как происходила транспортировка товаров в изучаемую эпоху? Способ перевозки, практиковавшийся на ярмарках был двоякий: извощичьий или конный и фурный или воловый. Товары на ярмарке и с ярмарок отправлялись через конторы транспортников, через подрядчиков или через извощиков и чумаков. В Харькове, игравшем роль центрального склада для ярмарочной торговли, существовало две транспортных конторы, их удельный вес в ярмарочном грузообороте был невелик: из 60-ти тысяч подвод, отправленных из Харькова с Крещенской ярмарки в 1854 г., на долю контор приходилось не более 5 тыс. подвод. Через конторы отправлялось много подвод со шпанской шерстью в Москву и промышленные районы. Пользование услугами транспортных контор обходилось дороже, так как отправляемые грузы страховались.

Так-же невелико было участие в ярмарочном грузообороте и подрядчиков. По словам Аксакова, в 1854 г. из Харькова было вывезено ими не более 5 тыс. подвод.

«Свыше 40 тыс. подвод было отправлено с одними вольными извощиками, большею частью с теми же, которые и привезли товар на ярмарку». У каждого купца есть свои знакомые, верные извощики, которые по 10 лет и более кормятся от него работою; они уже сами являются к хозяину, сами нагружают, указывают и доставляют товар в назначенный пункт, где также имеют какого-нибудь знакомого купца, у которого всегда готова им работа в обратный путь».

Основные украинские ярмарки играли важную роль в деле снабжения Украины промтоваром и собирания местного сырья. В тесной связи

с ними стояли многочисленные окружные и сельские ярмарки, по которым товарные потоки основных ярмарок распределялись по всей стране. Такое значение основных ярмарок хорошо очерчено в следующих словах современника Арандаренко, очень внимательного и тонкого наблюдателя современной ему жизни Полтавщины.

«Ильинская ярмарка в торговом отношении, об'емля обширное пространство в губерниях: Полтавской, Черниговской, Могилевской, Витебской, Смоленской, Курской, Харьковской и Киевской, дает движение в продолжении марта, апреля, мая, июня, июля и августа месяцев до 1.100 большим и малым ярмаркам в городах, местечках, селах и деревнях, которые дают начальное движение и завязку торговли на этой огромной ярмарке. Здесь оптовый торг движет громадными массами изделия». Это случайно оброненное замечание современника для нас очень ценно: оказывается с Ильинской ярмаркой было связано свыше тысячи весенних и летних ярмарок местного значения. Очевидно, такая система ярмарочных спутников вращалась и около других крупных украинских ярмарок. Это облегчает нам понимание того, как товарные массы промышленного значения в изучаемую эпоху распределялись по Украине, а с другой стороны, каким путем происходила концентрация украинского сырья в торговые партии.

Для выяснения товарооборота в тридцатых-сороковых годах необходимо охарактеризовать средства перевозки. При отсутствии железных дорог, значительных водных путей перемещение ярмарочных грузов представляло задачу крайне сложную и трудную. Эта задача была разрешена для того времени чумацким извозом.

Из сухопутных сообщений того времени считался главнейшим путь, идущий из Москвы через Курск на Харьков, далее он разделялся на три тракта; один из них шел на Кременчуг, Елисаветград и Вознесенск в Одессу, другой через Екатеринослав и Александровск в Крым и третий через Бахмут, в Таганрог и Ростов. Эти тракты с их побочными разветвлениями слыли под названием чумацких. По ним с ранней весны до поздней осени двигались чумацкие обозы, транспортировавшие на север шерсть, рыбу, соль, частично и колониальные товары, или направлявшиеся на юг с лесом, и мануфактурой или же наконец, доставлявшие к Черноморско-Азовским портам сельско-хозяйственные продукты [1]).

Кроме указанных основных трактов, в Черниговской губ. соединялись два тракта,—Белорусский и Московский, в направлении на Киев. В Подольской губ. существовали для доставки хлеба в Одессу две системы дорог: одна по правую, а другая по левую сторону р. Буга [2]).

Весь подвоз к южным портам совершался на волах. Так как вол не пригоден в зимнее время для перевозки, то в это время более ценные грузы (бакалея, вино), перевозились на лошадях. Поздняя весна, лето и начало осени—вот время наиболее оживленного грузооборота гужевого. В период распутицы грузовое движение замирало.

О состоянии дорог в то время можно составить представление на основании следующих слов Лялина: [3]).

«В самой Малороссии осенью и весною совершенно прекращается движение тяжелых транспортов. Да и как ехать, встречая такие города, как напр., Суджа. Этот город находится на самой границе Малороссии и через него проходит транспортная дорога, соединяющая северные губернии с южным краем. Город этот тянется на семь верст, и осенью, весною, а

[1]) Заблоцкий.—Хозяйств. замечания, стр. 15.
[2]) Тверетинов—выше цит., стр. 58.
[3]) Лялин—выше цит. Журн. Мин. Госуд. Им. 1844, кн. X, стр. 42.

часто и зимою затоплен грязью невылазною. Кто его не видал, тому трудно представить то мучительное состояние, какое испытывают там извощики. Они обыкновенно, под'езжая к этому городу, останавливают свой обоз в предместьи города, впрягают по пяти лошадей в одну телегу и тянут ее на другой конец города нередко целый день. Так продолжается иногда целая неделя, пока один обоз протянется через этот знаменитый город, которого к несчастью и некуда об'ехать. Такой то путь по большой транспортной дороге. Что-же сказать о других проселочных дорогах, где нередко встречаешь мосты и гати, как будто западни для проезжающих. При таком состоянии сообщений не может существовать торговля, и от того все сельские произведения Малороссии остаются на месте, без сбыта, без ценности. Труд не оживлен торговлею и вот главный источник народной бедности. Пока в России не будет железных дорог или шоссе, до тех пор земледельцы северных губернии будут бедны от недостатка хлеба, а южные губернии от избытка». Такое состояние дорог имело своим последствием неравномерность в поступлении товаров на рынок, более усиленные подвозы происходили в ту часть года, когда пути были проезжи. То, что вол являлся на Украине, в особенности в южных районах лесостепной полосы и в степи, единственной тягловой силой, лишало возможности использовать для подвоза удобный санный путь. Это обстоятельство наносило серьезный ущерб украинскому народному хозяйству при экспорте пшеницы [1]). Высокие зимние цены, стоявшие в Одессе, не могли быть использованы хлебопроизводящими районами из-за трудности подвоза пшеницы к Одессе зимой. Герсеванов, ставя вопрос, почему южная Россия отпустила мало пшеницы в 1847 г., отвечает так: [2]) «третьею причиною несоответственности вывоза хлеба с тем, чего ожидали, была затруднительность доставки из внутренности края к портовым городам. Произведения земли развозятся у нас обыкновенно на волах; такая перевозка считается самою дешевою, какую можно найти в целой Европе. Она точно необыкновенно дешева, но только в известное время года: весною и осенью. Летом нет выгоды отправлять что-либо на волах, потому что рабочая пора: зимою, потому что нет дорог и подножного корма. В это время движение подвод есть исключение... Обыкновенная плата за доставку четверти хлеба из Елисаветграда в Одессу за 250 верст от одного рубля до $1^1/_2$ руб. сер. В начале 1847 г. она более нежели утроилась. Невозможность доставки зимою была причиною крайне высоких цен на пшеницу в январе и в феврале прошлого года в Одессе. Как только весна открылась, гавани освободились от льда и хлеб стал отправляться заграницу, цены, которые, казалось, должны были возвышаться, значительно упали, потому что между прочим стали подвозить хлеб из окрестностей».

Существовало два типа возчиков—один великорусский конный извощик, поддерживавший главным образом связь Украины с севером и другой украинский чумак, называемый фурщиком и обслуживавший грузооборот в южном направлении. Чумак не любил брать товар «в России», предпочитал ей свои места», южные районы и порты. Извозы чумаки производили обозами—валками, состоявшими из нескольких десятков подвод. По словам Коля, уделившего в своем описании, большое внимание

---

[1]) В одном из своих описаний (Заметки О. С. Х. Ю. Р. 1847) Демоль восклицает: «О железные дороги в нашей стране! О, ускорение речного судоходства помощью пароходства, зачем вы неосуществились до сих пор!»

[2]) Герсеванов.—Почему южная Россия отпустила так мало пшеницы в 1847 г. Журн. Мин. Госуд. Им. 1848 г., кн. XXVIII.

Зем. хроника, стр. 74.

чумацкому промыслу, нередко валки об'единялись в пути, образуя огромные обозы. Ему приходилось встречать обозы в составе 300—400 подвод. Чумаки применяли артельную форму организации в своей деятельности. Во главе артели стоял выборный атаман, которому чумаки подчинялись беспрекословно.

Чумаки держали рослых, сильных и красивых волов, платили за них большие деньги и гордились ими. Волов в дороге пасли всегда подножным кормом. Чумаки обыкновенно делали переезд с утра до 20 верст, затем делалась передышка и вечером другая упряжка тоже 20 верст. Если дорога грязна, то в день чумаки проезжали не более 10—15 верст. «К ночи, пишет Коль, мы видим в разных пунктах дороги костры, разведенные направляющимися в Одессу караванами подвод [1]). У этих костров варили чумаки кашу из пшена, взятого из дому, ели вяленую рыбу и сало, а волов пасли на дешевом, чаще всего даровом подножном корму».

«Безлюдные степи Новороссийского края и Крыма, говорит Арандаренко [2]), безмолвные на них курганы—угрюмые памятники событий времен протекших, колыщущийся ковыль—унылый страж могилы, тихое движение с медлительным сотрудником волом,—налагают на душу чумака тяжкую тоску и пробуждают в ней грустные воспоминания. Там в заунывных звуках отечественной песни изливается его душа». Жизнь чумака полна опасностей и тревог. Большие переезды в зной, часто при недостатке воды вызывали гибель скота, что лишало чумака его основного источника заработка. Часто и сам чумак подвергался опасностям заболевания. Подчас и смерть застигала чумака в дороге. Чумацкая жизнь опоэтизирована в чудных украинских песнях. Условия жизни и деятельности отразились и на характере чумака. «Дома, получивши заработок чумак любит разгульную жизнь и щедро угощает друзей своих и от души веселится пляскою под музыку; или, погруженный в воспоминания, слушает припев бандуриста в народных думах, о временах былых, о подвигах казацких. В дороге же чумак подвергает себя всяким лишениям: всегда трезв, в пище воздержан; пшеная кашица с салом или галушки, кусок хлеба с солью—составляют его довольствие» [3]).

Чумак накладывал на фуру не менее 30 пуд., если волы сильные то сорок и даже 50 пуд. На троичную, конную подводу до 70 п., на одиночку—25 пуд.

Существовало два типа чумаков: крымский чумак, ходивший в Крым за солью, за рыбой на Дон и на Азов, и Одесский фурщик, промышлявший только извозом.

Главными предметами чумацкого извоза служила пшеница и сало, экспортировавшиеся в южные порты, преимущественно в Одессу и Таганрог, в обратном направлении привоз рыбы с Дона, от Каспийского и Черного морей и вывоз соли из Крыма. Таким образом существовало два важных грузовых потока один с севера, другой с юга. Это значительно удешевляло и стоимость перевозок, так как чумак не шел порожняком в один конец. Мы не имеем данных о количестве чумаков, но ряд косвенных указаний говорит о том, что промысел этот был широко распространен. Численность чумацких подвод должна была достигать сотен тысяч. Для под'ема одной соли, провозимой только через Харьковскую губ. в количестве 3 милл. п. нужно было до 100 тысяч подвод, считая на круг на фуру по 30 пуд. Так как соль доставлялась в два похода, то указанное число необходимо уменьшить на половину. Выше нами указывалось,

[1]) Kohl выше цит., стр. 25.
[2]) Арандаренко выше цит., стр. 258.
[3]) Там-же, стр. 257—258.

что на Роменской ярмарке было зарегистрировано 22 тыс. чумацких подвод.

Внутренняя торговля в изучаемую эпоху была значительна: о ее высоких размерах говорят основные украинские ярмарки с миллионными оборотами, о высоте грузооборота в вывозном направлении можно судить на основании цифры внешней торговли, весьма значительной в изучаемую эпоху. Следует отметить, что среди чумаков были и такие которые, занимались не только извозом, но и торговлей. Эти чумаки закупали на юге соль и рыбу за свой счет и затем развозили ее по всей Украине, главным образом, по ярмаркам. Таких чумаков называли самовозами [1]). Соединение извоза и торговли в руках чумаков, обычное в XVIII веке и в начале XIX века, в изучаемый период представляло более редкое явление. На дифференциацию этих двух видов хозяйственной деятельности оказала большое влияние наша соляная политика. С 1764 г. была установлена пошлина за вывоз соли из Крыма от воза: на паре волов 1 руб. меди, на 2 парах—2 руб. медью, на 3—3 руб. медью. С 1814 г. пошлина заменена продажей соли с озер пудами (1814 г. за пуд 40 коп. асс., в 1818 г.—80 коп. асс.). Такое резкое повышение цен на соль сократило число чумаков, торгующих солью и промысел этот перешел в руки купцов, преимущественно Кременчугских. Многие из чумаков, не располагая средствами для закупки соли, превращались в простых возчиков для купцов, торговавших солью. Это обстоятельство между прочим отразилось и на положении скотоводства: чумаки перестали интересоваться сильными волами, спрос на них упал, в результате разведением их перестали интересоваться помещики [2]).

В исследуемую эпоху преобладал чумак-возчик, нанимавшийся у промышленников и купцов в разные места для перевозки товаров.

Чумацкая перевозка считалась самой дешевой. Эта дешевизна обуславливалась тем, что волы во время перевозки находились на подножном корму, чумаки ночевали в поле, сами себе варили пищу из тех припасов, какие брали из дому. У Аксакова [3]) мы находим такую расценку перевозки:

	с пуда
Из Харькова в Ромны 240 верст . . .	1 руб. 10 к. асс.
(С Крещенской на Масляную ярмарку)	
Из Харькова в Сумы 160 верст . . .	70 к. „
От Москвы до Крещенской в Харьков .	80 к. — 1 руб. 50 „ „
„ „ „ Масляной в Ромна . . .	1 р. 50 „ — 2 „ — „ „

В общем стоимость путевой перевозки обходилась для мануфактуры—3—4% от ценности, для более громоздких товаров, напр., железа—15%.

Интересный пример сопоставления стоимости чумацкой перевозки с железнодорожной мы нашли в того-временной прессе. Один, из инженеров, принимавших участие в экспедиции по исследованию проекта жел. дороги из Бахмута в Таганрог приводит такие расчеты [4]): средняя стоимость перевозки на волах составляла 40 к. сер. с четверти хлеба на 100 в. Эта цена ниже тарифов, принятых на жел. дорогах в то время в Зап. Европе для перевозки земледельческих продуктов.

---

[1]) Аксаков выше цит., стр. 305.
[2]) Арандаренко выше цит., стр. 360—361.
[3]) Аксаков выше цит., стр. 43.
[4]) Жур. Мин. Госуд. Им. 1848 г., кн. XXVII.
Землед. хроника, стр. 77.

«Это справедливо в отношении к перевозке в удобное время года: весною ни одна железная дорога, высшее усовершенствование путей сообщения, не сравнится в дешевизне с чумачеством, самым патриархальным средством на равнинах. Зато в сухое лето, в мокрую осень и зимою, воловая доставка возвышается втрое и вчетверо, в особенности когда доставка требуется срочная и будет постоянно возвышаться с увеличением населения». Гужевая перевозка не отвечала развитию производительных сил Украины. Потребность в усовершенствованных путях была осознана и не раз высказывалась теми и другими наблюдателями тогдашней жизни. В пятидесятых годах уже стали появляться проекты проведения железных дорог на Украине.

Крепостное право на Украине достаточно развило свои производительные силы, сбывая значительную часть своих продуктов на внутренний и внешний рынки. Низкие хлебные цены, существовавшие в изучаемый период, затрудненность сбыта хлеба на внешний рынок для лесостепной полосы вследствие отдаленности портов, а с другой, и конкуренции степного зернового хозяйства и скотоводства создали аграрный кризис лесостепной Украины. Винокурение, составлявшее основу помещичьего хозяйства, упало в своем значении под влиянием целого ряда мероприятий тогдашней фискальной политики.

Передовые, более вдумчивые помещики понимали необходимость в изменении системы полеводства в направлении сокращения зерновых хлебов и расширения корнеплодов. Жизнь уже выдвигала новую ценную культуру в виде сахарной свеклы. В центральной полосе земледельческой России уже свекла привлекла к себе общее внимание; в двадцатых годах в помещичьих кругах велась агитация в пользу учреждения свеклосахарных заводов [1]). Свеклосеяние удачно разрешало проблему улучшения севооборота и тем, что для свеклы был обеспечен сбыт на свеклосахарные заводы [2]). Сахар, как ценный продукт, находил сбыт вполне обеспеченный; высокая его ценность при сравнительно небольшом об'еме значительно расширяла район его сбыта. Успехи свеклосахарной промышленности в Зап. Европе, в частности во Франции, с которой крупные, богатые помещики хорошо были знакомы, успешное развитие этой промышленности в центрально-земледельческой полосе, появление заводов в двадцатых годах на Украине, привлекло внимание землевладельцев лесостепной полосы к нарождавшейся новой отрасли промышленности. Соотношение ценности сахара и хлеба показывало все преимущества свекло-сахарной промышленности перед зерновым хозяйством: «В 1800 г. помещик затрачивал на покупку пуда сахара 19 четвериков ржи или $4^1/_2$ четвертей овса, а в 1830 г. за тот же пуд сахару, нужно ему было отдать 46 четвериков ржи или почти $9^1/_2$ четвертей овса» [3]). Известный нам современник Лялин, прийдя к выводу о необходимости изменения системы полеводства, полагал, что для этого нужны два условия: «первое отвлечь крестьян к занятиям более выгодным; второе обратить часть

---

[1]) В предисловии к Запискам IV Комитета Сахароваров мы находим такое утверждение: «Не понятно было бы после всего сомнение русских хозяев в пользе возделывания свекловицы на тучных черноземах и вековых коноплянниках наших, особенно в то время, когда цены на хлеб не оплачивают даже труда земледельцев». Записки IV Комитета Сахароваров. М. 1837 г., стр. 111.

[2]) В описании Харьковской губ. 30-х годов мы находим такое замечание: «сахарные заводы важны по климату, почве и по возможностям, хотя сколько нибудь заменить ими хлебопашество, столь безвыгодное для некоторых уездов». Материалы для статистики Рос. Империи, изд. при Стат. Совете Мин. Внутр. Дел. Спб. 1839 г., стр. 165.

[3]) Земледельческий Журнал. 1832 г., кн., 5, стр. 333.

земли под посевы других растений, не хлебных, но приносящих доход» [1]). Далее тот же автор пишет, «в северной и средней Малороссии явилась новая промышленность свеклосахарная. Хотя ее появление еще недавнее, но и при начальном своем развитии, промышленность эта уже показала, как она полезна для того края, и особенно теперь, когда с упадком винной торговли сбыт сельских произведений еще более стеснился».

Автор и рекомендовал заняться возделыванием и совершенствованием «сахарных произростаний» совместно с устройством сахарных заводов [2]). Общая характеристика народного хозяйства на Украине в тридцатых и сороковых годах ясно показывает, что почва для возникновения свеклосахарной промышленности уже была подготовлена. Уровень развития производительных сил повелительно диктовал изменение системы полеводства с обоснованием новых отраслей промышленности, тесно и органически связанных с ним. Тот факт, что свеклосахарная промышленность в данную эпоху уже успела обосноваться в ряде стран, облегчал перенесение этой промышленности на украинскую почву.

---

[1]) Лялин выше цит. Журнал Мин. Госуд. Имущ. 1844 г., кн. X, стр. 45.

Падалица, внимательний, наблюдатель современной жизни, сообщая о том, что сельское хозяйство на Правобережной Украине держалось просто рутиной, что не думали о поднятии его интенсивности, просто старались вести его с наименьшими расходами вследствие низких цен на хлеб, не покрывавших расходов и не оплачивавших труда, замечает, что появление свекло-сахарной промышленности в этом районе произвело глубокую перемену в экономике края. Padalica.— Т. II, st. 27—28.

[2]) В тридцатых годах хор голосов твердил о большой доходности свеклосахарных заводов; так, в предисловии к Запискам V «Комитета Сахароваров (1838 г.) выгодность свекло-сахарной промышленности изображена такими словами: «у кого земля удобна для произращения свекловицы, кто имеет способы устроить свеклосахарный завод и сам может управлять им или приобрести искусного сахаровара, тот, конечно, делает одну из непростительных самому себе хозяйственных ошибок, если не пользуется счастливыми обстоятельствами свеклосахарной промышленности в России и не обращает должного внимания на этот источник доходов, вознаграждающий и труды и капиталы, более, нежели, какая-либо другая земледельческая промышленность». В записках того же V Комитета Маслов торжественно заявил: «свекло-сахарная промышленность драгоценнее золотых сибирских приисков, те истощатся со временем, а эта промышленность с каждым годом будет увеличиваться, возвышая плодородие земли и благосостояние дворянских имений». Записки V Комитета Сахароваров. М. 1838, стр. 21.

ГЛАВА I.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ СВЕКЛО-САХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН.

I.

Начало свекло-сахарной промышленности в Германии. Московский аптекарь Биндгейм. Первый свекло-сахарный завод Бланкеннагеля. Завод Ермолаева Кн. Мещерского. Вол. Экон. О-ство о свекло-сахарной промышленности. Предоставление первым сахароварам права выкурки спирта из свекловичных остатков. Отчет Мальцева. Первые свекло-сахарные заводы на Украине. Обучение крепостных на заводах Герарда, Мальцева. Мнение мин. вн. д. и мин. фин. об успехах нашей свекло-сахарной промышленности. Чем можно об'яснить появление первых свекло-сахарных заводов в центральной полосе? Компанейские свекло-сахарные заводы. Причины, неблагоприятствовавшие развитию свеклосахарной промышленности. Первые опыты авансирования плантационной свеклы.

В истории свекло-сахарной промышленности до освобождения крестьян можно различать три периода: первый с момента зарождения до появления Комитета сахароваров (1834 г.), второй до введения акциза (1848 г.), третий заканчивается отменой крепостного состояния.

Возникновение свекло-сахарной промышленности в России связано с зарождением той же промышленности в Западной Европе.

Успехи естествознания во второй половине XVIII века, вызвав полный переворот как в духовном мировоззрении, так и в укладе жизни европейских народов, заложили новые основы для материальной культуры. По выражению Шиппеля, в воздухе носилась идея получения сахара из туземных сахаристых растений, в целях освобождения Европы от заморского колониального продукта—тростникового сахара. Еще в 1747 г. немецкий химик Марграф представил Берлинской Академии Наук доклад [1]) где доказывал, что в силезской свекловице имеется сахаристое вещество, совершенно тождественное тростниковому сахару. Марграф считал возможным практическую постановку извлечения сахара из свекловицы [2]).

---

[1]) K. V. Kaufman—Die Zuckerindustrie in ihre wirtschaftlichen und steuerfiskalischen Bedeutung für die Staaten Europas. Berlin 1878. S. 4—5.

Бунге—История и современное состояние свеклосахарного производства. Речь на акте Киев. Университета 1877 г. стр. 3. Считают, что Oliwier de Serres первый указал на присутствие сахара в свекловице (Traité d'agriculture 1605). La Grande Encyklopédie. T. XXX p. 621.

[2]) По словам Шиппеля, Марграф полагал, что его открытие имело значение больше для домашнего хозяйства и самоснабжения крестьян, чем для промышленного производства. «Бедный селянин вместо дорогого сахара мог бы употреблять сироп из отечественных сахарных растений». Schippel — Zuckerproduktion und Zuckerprämien 1903. S. 36, у Légier (Histoire des origines de la Fabrication du sucre en France. Paris 1901) приведен доклад Марграфа полностью. Наоборот, Ахард провидел глубокое экономическое значение свекло-сахарной промышленности. В письме к редактору Moniteur Universel Архард писал, что фабрикация свекловичного сахара может сделаться для Европы об'ектом индустрии большой важности, во-первых, потому, что она оставит внутри страны суммы,

Это важное открытие хотя и обратило на себя внимание ученых, все же не имело никакого реального последствия в течение почти полустолетия. Осуществлению этого открытия не благоприятствовал низкий уровень цен на тростниковый сахар во второй половине XVIII века. Ученику и последователю Марграфа химику Ахарду удалось привлечь внимание правительства и общества к открытию своего учителя. Человек настойчивый, полный веры в практическую осуществимость своей идеи, Ахард не жалел ни трудов, ни времени, ни забот на то, чтобы основать в своем отечестве новую отрасль промышленности. В своем докладе 11 января 1799 г. прусскому королю Фридриху-Вильгельму III о приготовлении сахара из свеклы Ахард, излагая пользу для сельского хозяйства новой отрасли, просил о предоставлении ему привиллегии на 10 лет и о даровании для этого имения достаточного по размерам с соответственной почвой, где бы можно было организовать выработку свекловичного сахара.

Король оценил важность новой отрасли производства; 15 января 1799 года был издан указ, в коем предлагалось завести культуру свеклы на доменых землях и организовать опыты в более крупных размерах на тростниково-рафинадных заводах приготовления сахара по способу Ахарда. В выдаче привиллегии Ахарду было отказано на том основании, что новое производство могло нанести ущерб рафинадной промышленности, перерабатывавшей тростниковый сахар-сырец. Это возражение против новой отрасли промышленности Ахард парировал ссылкой на то, что он не предполагал заниматься рафинировкой сахара; получаемый им сахар-сырец из свекловицы должен был поступать для дальнейшей обработки на отечественные рафинадные заводы.

Ахард опубликовал весною 1799 г. трактат о культуре свеклы— Abhandlung über die Kultur der Runkelrübe. Прусский король предложил популяризировать идеи, изложенные в этом трактате, при посредстве журналов (14 апр. 1799 г.).

Опыты Ахарда по изготовлению сахара оказались удачными и король приказал 28-го ноября 1799 г. организовать небольшую опытную фабрику за королевский счет, в зданиях Горного Управления в Альвенслебене в Силезии под руководством Ахарда. Когда опыт оказался удачным, Ахарду было даровано имение в Кунерне в Нижней Силезии, где и был основан сахарный завод в 1801 г. Здесь Ахарду удалось преодолеть затруднения технические и экономические; результаты свои он опубликовал в 1809 году после семилетних опытов в сочинении: Die europäische Zuckerfabrikation aus Runkelrüben, сыгравшим большую роль в развитии европейской свекло-сахарной промышленности [1]).

Вначале общество отнеслось с большим недоверием к опытам Ахарда. Зарождавшейся промышленности помогла континентальная бло-

---

вывозимые за колониальный сахар, во-вторых, потому, что эта промышленность доставит большому числу лиц бедного класса средства существования, используя их труд и, наконец, потому, что она поставит Европу в отношении этого продукта в независимое положение от других частей света, являющихся в действительности его главными поставщиками. Légier, p. 55. В своих письмах к Оберпрезиденту Силезии (1809 г.) Ахард указывал на то, что туземная сахарная промышленность неоспоримо займет одно из первых мест среди важнейших отраслей промышленности.

[1]) Paasche—Zuckerindustrie und Zuckersteuer Hand. d. Staatsw s. 1068 1911. VIII Bd. Légier сообщает, что Ахарду была выдана ссуда в 50.000 талеров, истраченных на постройку сахароварни в Кунерне, которая впервые была в действии весною 1802 г. Lègier выше цит. p. 19.

када [1]). С закрытием для Англии (1806 г.) континентальных портов и с запрещением ввоза ее колониальных продуктов, цены на тростниковый сахар резко поднялись. Естественно, свекло-сахарная промышленность, вырабатывающая продукт, равноценный заморскому сахару, должна была обратить на себя всеобщее внимание.

В Германии за центнер сахара платили в 1805 г. 22—26 талеров, в 1811 г.—200 талеров. Наполеон в своем стремлении подорвать экономическое господство Англии, приложил все усилия к тому, чтобы пересадить новую промышленность во Францию [2]). В 1811 г. Наполеон ассигновал 1 милл. франков на премии по сахарному производству, отвел 32.000 гектаров для посевов свекловицы и открыл ряд школ для теоретического и практического изучения свекло-сахарного производства [3]).

В результате, Франция, а не Германия заняла руководящую роль в новой отрасли производства, она стала учителем приемов и способов сахарной продукции; от нее шли новые идеи. Добытые здесь технические усовершенствования, нововведения, распространяя по всей Европе, доходили и до нашего отечества.

В России в конце XVIII ст. московский аптекарь, немец Биндгейм [4]) занимался добыванием сахара из свеклы в лабораторных условиях. И. Я. Биндгейм, являвшийся в то же время показателем «аптекарского искусства» в Московском университете, членом ряда научных обществ между прочим Берлинского общества друзей природы, прислал кн. Лопухину в 1799 г. «одну пробу очищенного сахару из белой свеклы в виде сахарной головы, другую совершенно чисто охрусталованного, а третью не совершенно чисто охрусталованного сахара» [5]).

---

[1]) Hittorff—La Question des sucres au point de vue international Paris 1875 p. 29. Коппе—о свекло-сахарной промышленности в госуд. хозяйственном и промышленном отношении. Жур. сел.-хоз. № 3. 1844, стр. 126.

[2]) Первое сообщение об опытах Ахарда было напечатано во Франции в 1800 г. 30 янв. в офиц. журнале Moniteur universel. Légier выше цит.—p. 25.

Историк чешской свекло-сахарной промышленности Нейман сообщает, что первые серьезные опыты культуры свеклы для извлечения сахара были сделаны в Кенигзаале еще в 1787 г. Это первое заведение работало до 1802 г. В 1800 г. был основан завод Горовица. См. Légir... p. 821.

[3]) Бунге выше цит. стр. 6. Наполеон декретом 12 янв. 1812 г. основал пять учебно-показательных заводов для обучения свекло-сахарному производству. Контингент учеников был установлен в 100 чел. Учащиеся набирались из студентов фармацевтов, медиков и химиков. Обучение было расчитано на 3 мес. Légier... p. 637.

[4]) Из биографии Биндгейма очень немногое нам известно. В словаре профессоров и преподавателей Московского университета (Ч. I. М. 1855 г., стр. 91) мы находим такие скудные сведения о Биндгейме: «Биндгейм Ио. Иаков, аптекарь, член С.-Петербургского Экономического Общества и Королевского Берлинского испытателей природы и публичный университетский показатель аптекарского искусства. Он наследовал Готтлибу Гильтебрандту в преподавании Врачебного веществословия. По каталогу лекций 1795 г. Биндгейм показывал студентам ежедневно простые, из трех царств природы взятые лекарства, их знаки и доброту, места, откуда они привозятся, цену, за какую покупаются и продаются; за тем показывал также состав сложных лекарств, какие делались у него по принятым в аптеке наставлениям, не опуская и тех, какие обыкновенно прописываются в рецептах медиками. По каталогу лекций 1800 г., он читал аптекарскую химию, руководствуясь Гагеном». Как видим, Биндгейм не был простым аптекарем; как член Берлинского О-ва естествоиспытателей, он был в курсе немецких попыток изготовления сахара из свеклы.

[5]) Способ заменить иностранный сахар домашними произведениями, напечат. по выс. повелению. Спб. 1799 г., стр. 85.

В русской литературе встречается указание на то, что Биндгейм пришел к этому открытию независимо от Ахарда. (См. Приложения к докладу-записке Южно-Русского О-ва поощрения земледелия и сельской промышленности по вопросу о мерах к обеспечению России свекловичным посевным материалом. К. 1911 г., стр. 5.

В своем заявлении, написанном на немецком языке с датой 1799 г. в Москве, Биндгейм пишет, что представляет небольшую пробу, добытую им в Москве, потому что при всех стараниях он не мог в минувшую зиму получить больше материала. Выделку сахара он производил по одному способу и не мог испытать других, известных ему способов обработки. Во всяком случае его метод дает хороший выход и заведение в большом размере будет доставлять сахар в изобилии.

Биндгейм обращал внимание на то, что остатки от свеклы не будут потеряны: из них можно приготовлять хороший сироп, винный спирт и тонкий ликер и последние остатки могут быть использованы для изготовления уксуса.

В течение всего лета листья доставляют хороший корм, а корни сохраняются на зиму. Эта цель при устройстве большого заведения для извлечения сахара (bei einer grossen Anlage zur Zucker—Scheidung) может быть достигнута.

Биндгейм указывал на то, что занятия в аптеке, недоверие публики и наконец слабое здоровье не позволяют ему думать об устройстве такого заведения. Его опыты преследовали чисто патриотическую цель—насаждение в стране новой промышленности. Осенью он предполагал продолжать опыты, пользуясь присылкой в достаточном количестве свежей свеклы от друзей.

В заключение своей записки Биндгейм указал на то, что при изготовлении более значительных проб ему пришлось бы оставить свое занятие, его ревность за интересы второго отечества была бы для него очень убыточна [1]). Из этой записки видно, что Биндгейм был не простой аптекарь, а научный работник, член крупных ученых обществ. Упоминание о второй родине свидетельствует о том, что он переселился в Россию очевидно в зрелом возрасте.

В заседаниях Берлинского О-ва естествоиспытателей он мог познакомиться с модной идеей извлечения сахара из свеклы. Ведь он сам упоминает о других известных ему способах извлечения сахара. Возможно, что Биндгейм даже лично знал Ахарда и знаком был с его агитацией в защиту новой идеи. Биндгейм не мог не знать работ Марграфа и в особенности Ахарда, который в конце восьмидесятых годов повел энергичную кампанию в пользу свеклосахарного производства. Нельзя согласиться со взглядом высказанным в нашей литературе, что Биндгейм пришел к открытию независимо от Ахарда; ведь в докладной записке Биндгейм писал, что ему известны и другие способы извлечения из свеклы сахара. Он очень обстоятельно об'яснял использование свеклы для тех и других целей, при том ссылался на опыт Европы. Наконец из биографических данных можно вывести заключение, что Биндгейм был знаком с естественно научными кругами Берлина. Без сомнения, в опытах московского аптекаря отразилось влияние идей и пропаганды; немецкого химика Ахарда [2]). Когда начал свои опыты Биндгейм? Его докладная записка помечена 1799 г., в ней упоминается о минувшей зиме и о будущей осени. Очевидно, начаты им были опыты зимой в 1798 г. Это те годы, когда Ахард достаточно широко развернул деятельность в защиту своей идеи.

Присланные Биндгеймом пробы были переданы на испытание в Медицинскую коллегию [3]). Испытание показало, что:

---

[1]) Докладная записка Биндгейма найдена в Ленинграде, Цен. Истор. Архиве Фонд. Мин. Вн. Д. Опись Медицинского Совета № 46, 1799 г.

[2]) Профессор Зуев.—Энциклопедия свекло-сахарного производства. Т. IV, стр. 440—441, держится того взгляда, что Биндгейм стоял под влиянием идей Ахарда.

[3]) Способ заменять иностранный сахар, стр. 88.

«1) сахар сей из белой свеклы сделанный, по внешнему виду совершенно подходит на чистый канарский сахар;

2) совершенно растворяется в воде;

3) в водяном растворе сулемы вовсе не переменяется;

4) с нашатырем стертый не имеет никакого летучего запаха;

5) совершенно сладкий сахарный вкус имеет».

Результаты испытания, вполне благоприятные для Биндгейма, были опубликованы в специальной книжке изданной Медицинской Коллегией: «Способ заменять иностранный сахар домашними произведениями (1799 г.). Изданием этой книги хотели возбудить «ревность к художествам и промыслам». Цель издания так изложена в «предуведомлении»:

«Хотя употребление сахара в физическом смысле не только безвредным, но еще приятным и полезным почитается; но судя о чрезвычайно возвышенной цене его, ежегодно составляющей значительные суммы для отечества нашего, можно почесть оный весьма вредным, как для частных людей, так и для блага всего народа.

Сие доказывается и тем, что во многих местах стараются возможным образом приготовлять сахар из домашних произведений. Сие также есть единственное средство избавить себя от корыстолюбия иностранных народов».

Дороговизна иностранного сахара и у нас поставила вопрос об извлечении сахара из домашних произведений, в частности, из свеклы.

По поручению Медицинской Коллегии, член ее Эллизен собрал из разных иностранных сочинений сведения о выработке сахара из домашних произведений. Между прочим много места уделено опытам по извлечению сахара из свеклы, в частности изложен был и опыт Биндгейма, с таким примечанием к его способу, что «последний однако еще по сие время не известен». Биндгейм, представив пробы, не указал своего способа извлечения сахара из свеклы [1]). Никаких дальнейших следов о деятельности Московского аптекаря Биндгейма не удалось найти. Это как бы эпизод, не связанный органически с историей возникновения свекло-сахарной промышленности в России. Имя Биндгейма забывается и первые строители свекло-сахарной промышленности совершенно не упоминают о нем нигде, хотя случаев для этого было достаточно и в двадцатых и в особенности в тридцатых годах с возникновением Комитета Сахароваров. Везде и всюду упоминается имя генерал-майора Бланкеннагеля, как «основоположника свекло-сахарной промышленности». И только у позднейших исследователей забытое имя Биндгейма восстанавливается и ему первому приписывается честь введения в России добывания сахара из свекловицы.

Некоторые авторы говорят о том, что Биндгейму удалось получить правительственную ссуду и участок земли под устройство завода с условием, что если в течение одного года Биндгейм не построит сахарного завода, то потеряет землю [2]). Тот-же автор сообщает далее, что в 1800 г. в селе Алабьеве Тульской губ. Чернского уезда был построен первый

---

[1]) Необходимо иметь в виду, что к моменту зарождения в России свекло-сахарной промышленности, существовало у нас достаточно развитая рафинадная промышленность, перерабатывавшая тростниковый сахар-сырец. Начало ее относится к эпохе Петра первого, когда указом 1718 г. была дана купцу Вестову на десять лет привиллегия на устройство в Москве сахарного завода; Вестов получил освобождение от пошлин как за привоз, так и за продажу сахара в течение трех лет. П. С. З. Т. V. 1718 г. № 3181. В 1721 г. был издан указ о запрещении ввоза сахара в Россию и на заводчика Вестова возложена была обязанность усилить действие сего сахарного завода П. С. З. Т. VI. 1721 г. № 3774.

[2]) Приложение к докладной Записке Южно-Русского Общества поощрения земледелия. К. 1916 г., стр. 5.

сахарный завод ген. Бланкеннагеля (в той местности, где правительством была отведена земля Биндгейму); очевидно, заключает автор, Биндгейм переуступил свои права Бланкеннагелю.

К сожалению, это утверждение не подкреплено никакими ссылками. Наши изыскания не подтвердили преемственности в деятельности ген. Бланкеннагеля и Биндгейма, с другой стороны, не удалось найти указаний на то, что Бинденгейм получил субсидию и участок земли. Наоборот, из докладной записки Биндгейма видно, что в виду слабости здоровья он даже не хотел браться за устройство заведения для выделки сахара. По нашему мнению, высказанная догадка, весьма логично увязывающая опыты Биндгейма с историей зарождения свекло-сахарной промышленности, не отвечает действительности.

В 1800 г. был издан закон об отводе земель в южных краях России желающим разводить свекольные плантации для делания сахара, но как мы увидим, этим правом Бланкеннагель не воспользовался. Во всяком случае Тульскую губ. нельзя относить к «южным краям».

О начале деятельности ген.-майора Бланкеннагеля нам удалось найти интересный документ в Архиве Государственного Совета [1]).

В записке Сената о дозволении заводчикам выделывать из сахарных остатков ром и водку мы читаем:

«В 1802 г. подполковник Есипов обще с ген.-майором Бланеннагелем, представил на высоч. усмотрение выделываемый трудами и искусством их сахар из свекловицы, просил дабы в вознаграждение издержек в течение двух лет на сие дело употребленных и в вящее поощрение к расширению таковых заведений в России, дозволено было из остающихся от выделки сей выжимок и выварок делать спирт для употребления в напитки, не уступающий добротою своею привозимому из чужих краев рому и ликерам; и как сей спирт, так и выделываемый из свекловицы песок и сахар продавать внутри государства и отпускать за-границу безпошлинно. Е. и. в. указом соизволил прошение подполковника Есипова препроводить в Прав. Сенат для соображения просимых ими привиллегий с общим положением при должном уважении выгод частным людям и государству произойти могущих от распространения сей отрасли хозяйства, ежели оная надлежащим поощрением будет поддержана.

Прав. Сенат, не видя из прошения Есипова, какое количество им и ген. Бланкеннагелем доселе выделано из свекловицы сахара и сколько осталось от них выжимок и выварок, также из какого количества сих остатков сколько можно выгнать спирта ввиде рома и ликеров, не мог войти в надлежащее соображение о обещаемой им от того пользы частной и общественной; и потому пригласив пред собрание свое Есипова спрашивал его о том, который и об'яснил: 1) что доселе учинены им опыты над дешевым сахаром из свекловицы в малом только количестве и сделано оного не более 5 пудов; 2) что сахарные для сего заводы еще не устроены и где изберет он к тому место и сам не знает; 3) что из какого количества свекольных выварок и выжимок сколько можно будет выгонять спирту, уверительно сказать не может, доколе таковые сахарные заводы не будут приведены в действие; достигнув до сего и сделав из свекловицы пятьсот пудов сахару, а потом выгнать из известного количества выварок и выжимок от того сахарного варения оставшихся, на пробу спирт, представить Правит. Сенату в том удостоверение губернского начальства, где сахарный его завод устроен будет, предоставляя до того времени и самое рассмотре-

[1]) Лен. Цен. Ист. Ар. Фонд Госуд. Совета. Д. 1812 г., № 33. Дело о начертании правил, на коих можно было бы содержателям сахарных заводов выделывать ром и водку.

ние о просимом им дозволении делать означенный спирт. А как при таковых обстоятельствах Сенат ни к какому решительному положению приступить не мог, то и определил: иметь тогда окончательное по означенным прошениям Есипова суждение, когда он по устроении сахарных своих заводов доставит Правит. Сенату по вышеописанному его отзыву от губернских правлений надлежащие удостоверения (но такового удостоверения от него предоставлено в Сенат не было)».

Из приведенной справки можно сделать такие выводы, что Бланкеннагель работал не один, а совместно с подполковником Есиповым, каковой и выступал с ходатайствами в Сенате, что еще в 1802 г. не было сахарного завода, и даже они не знали еще, где будут его устраивать, что в течение двух лет занимались опытами. Значит, эти опыты начаты не ранее зимы 1799—1800 года, и наконец, что они имели намерение выделывать по устройству завода, 500 пуд. сахару.

Приведенный документ опровергает распространенный в литературе взгляд, что Бланкеннагель устроил завод в 1800 г. В это время он делал еще первые опыты. В большинстве оффициальных списков, дошедших до нас, основание завода Бланкеннагеля относится к 1802 г. [1]).

Эту дату как начало промыслового извлечения сахара из свекловицы нужно признать исторически верной. В указе Тульскому губернатору от 20-го октября 1803 г. из'явлено: 1) что генерал Бланкеннагель обязуется делать из свекловицы сахар и спирт на устроенном Чернской округи в селе Алябьеве заводе; 2) к распространению сего заведения всемилостивейше пожаловано ему заимообразно 50.000 руб. на 20 лет, с уплатою в последние десять лет ежегодно по 5.000 руб. и на остальные проценты, которые в первые десять лет будут выдаваемы за него из кабинета; 3) капитал сей обеспечен представленным от него залогом; 4) в течении настоящего откупа дозволить ему в разных губерниях продавать по вольным ценам выделываемого им спирта до 1.000, в том числе для Московского откупа до 300 ведер; 5) на будущее время в течении 10 лет присвоить ему права свободной продажи спирту на 1.000 ведер с заплатой от него в казну за каждый штоф 10 коп.; 6) смотреть мне, чтоб завод сей был в полном действии, и сахарного песку выходило не менее настоящего количества; 7) посещать оный при осмотрах губернии, замечать успехи и доносить о том е. и. в.; 8) ежели завод сей по примечанию моему приходить будет

---

[1]) Взгляд на свекло-сахарную промышленность в России. Журн. Мануф. и Торг. 1853 г., кн. I. Поименный список свекло-сахарных заводов, с показанием местонахождения их, кому принадлежат, когда основаны, способа работ и системы извлечения сока, стр. 205 и др. Preyer относит основание завода Бланкеннагеля даже к концу XVIII в. Die russische Zuckerindustrie, Leipzig 1908, s. 20. В описании Алябьевского завода проф. Рейссом, основание его отнесено к 1802 г. По свидетельству Домбаля, известного французского сахарозаводчика, в 1809 г. он первый во Франции начал делать опыты над добыванием сахарного песку из свекловицы по методу Марграфа и Ахарда и что в это время в его отечестве еще и не думали о подобных заведениях. Землед. Журнал 1824 г., кн. X, стр. 96. Свекло-сахарный завод Бланкеннагеля, несомненно, являлся одним из первых заводов во всей Европе. Завод Ахарда в Кунерне возник в 1801 г., по другим источникам тоже в 1802 г. От кого заимствовал Бланкеннагель идею извлечения сахара из свекловицы? Ответ на этот вопрос дает Зем. Жур. 1824 г., кн. X (стр. 97—8): «Бланкеннагель, узнавши, что в Пруссии Ахард сделал изобретение добывать из свекловицы сахар. песок, устроил у себя завод для выделывания свекловичного сахара по методу Ашара». Можно добавить к этому, что идея эта носилась в воздухе, ей уделяла большое внимание русская и иностранная печать. По Толпыгину, Бланкеннагель ознакомился со способом добывания сахара в «Магдебургском Листке». Основание его завода отнесено Толпыгиным к 1800 г. Толпыгин. — Сахарная промышленность от основания до настоящего времени. К. 1894, стр. 3.

в упадок или действие его несоразмерно сделанному пособию, равномерно о сем представить е. и. в. [1]).

Из прошения ген. Бланкеннагеля видно, что в селе Алябьеве «для делания сахара построен уже завод на 81 пог. саж. и снабжен всеми потребными инструментами, что в 1802 г. 11 десятин произростали свекловицы 3.600 четв., песку из оного приобретено 300 пуд.». В 1803 г. Бланкеннагель посеял свекловицы на 20 дес., «ласкаясь из урожая снова извлечь песку до 1.000 пуд.». По усовершенствовании завода предполагал извлекать песку до 2000 пуд., чистого сахара из него 1000 пуд., спирту до 1000 ведер.

Таким образом, из этого прошения ясно видно, что осенью или скорее зимой 1802 г. завод был устроен и пущен в работу.

Прошение Есипова и Бланкеннагеля, рассматриваемое в Сенате, очевидно, было подано в начале 1802 г. Свеклу нужно сеять весной, между тем Есипов в Сенате заявил о том, что еще не избрано место для постройки завода. Очевидно завод начали строить летом; закончен он был осенью, в конце осени или начале зимы 1802 г. начато было производство [2]). Интересно, что в дальнейшем имени Есипова не встречаем, несмотря на наличие очень обстоятельных и подробных описаний, деятельности завода Бланкеннагеля. Интересно сообщение в иностранной газете «Patriotische Tageblatt» в Brünne от 29 марта 1805 г. о том, что ген.-майор Бланкеннагель и обер-лейт. Есипов в Звенигородском у. Москов. губ. разводили в большом количестве сахарную свеклу (собщ. Rud. Grotkass'a).

Заслуживает упоминания еще одна попытка организации сахарного завода одновременно с Бланкеннагелем в Саратовской губ. майором Ермолаевым. «При открытии выделки сахара из свекловицы, когда об'явлено было от правительства, что под таковые заведения будут отводиться земли, пишет мин. внут. дел. в докладной записке Госуд. Совету, вызвался между прочим и Саратовский помещик, отставной майор Ермолаев устроить у себя свеклосахарный завод в большом виде и просил под опыт 4.000 дес. земли в Саратовской губ. на вершинах речки Сердобы».

---

[1]) Ленинградский Центральный Исторический Архив. Хранилище I (б. Мин. Внут. Дел.). Выписка из отчета Тульского губернатора, представляемого министерству вн. д. 21 июля 1805 г., № 1654 (кн. 89).

[2]) Об условиях, на которых была дана Бланкеннагелю ссуда, мы узнаем из письма государя Трощинскому, бывшему с 1802 г. министром уделов:

Дмитрий Прокофьевич, из прилагаемых при сем в списке указа на имя Тульского гражданского губернатора данного, усмотрите вы причины, по коим признал я полезным оказать Тульскому помещику генерал-майору Бланкеннагелю пособие в заведениях им устрояемых к выделке сахару и спирту из свекловицы. Ссуду пятидесяти тысяч рублей в пособие сие ему определяемую, поручаю Вам выдать ему из почтовых доходов на следующем основании:

1) Всю сумму 50 т. рублей должен генерал-майор Бланкеннагель возвратить в Почтовый Департамент в течении двадцати лет. В первые десять лет, считая со дня действительной выдачи сих денег, проценты на них по две тысячи пяти сот рублей в год, будут отпускаемы в сей Департамент из Кабинета, а в остальные десять лет генерал-майор Бланкеннагель должен вносить в уплату капитала ежегодно по пяти тысяч рублей и проценты на остающийся в долгу.

2) В обеспечение платежа сих денег, он, прежде выдачи оных, должен представить залогом в Почтовый Департамент недвижимое имение, и именно: 1) Московской губернии, Звенигородского уезда, 214 душ в сельце Анашкине, за женою его состоящем и до двух тысяч десятин земли в том же и Ругском уезде состоящих; 2) в Москве собственный его каменный дом 2800 рублей доходу приносящий и 3) сто душ в великороссийских губерниях по согласию его с посторонним помещиком. В благонадежности и свободе сих залогов, должен он пред'явить узаконенные свидетельства. 20 октября 1803. П. С. З. XXVII 1802—1803 г. § 20, 992 ст.

Выписка з журнала исходящим бумагам I-го отделения по земледелию и населению (кн. I с 1803 и 1804 г.) в Арх. вн. дел. Как видно из указа Кабинета (20 окт. 1803 г., № 13), ссуда была выдана Бланкеннагелю из почтовых доходов, на условиях, приведенных в письме к Трощинскому.

По докладу государю т. сов. Новосильцов об'явил 21 апреля 1802 г. генерал-прокурору высоч. волю, чтобы «оную землю, как поступившую в казенное ведомство, отдать Ермолаеву с таким условием, что она будет отобрана у него, если в шесть лет не устроит он завода» [1]).

Оказалось по справкам, что та земля, о которой хлопотал Ермолаев, обращена уже была в пользу казенных крестьян, и Ермолаеву было отказано в отводе просимой земли.

Ермолаев, не приступая к осуществлению своего предприятия, решил ознакомиться с положением свекло-сахарного производства в чужих краях. Для этого он предпринял путешествие в Пруссию, где осмотрел два завода и представил планы и описания этих заводов мин. внут. дел.

Затем начал устраивать в своем имении свекло-сахарный завод по типу виденных им за-границей.

Не располагая нужным для этого капиталом, Ермолаев просил о выдаче ему от казны ссуды под залог 417 душ—37.520 руб. Дело затянулось и только 9 марта 1808 г. на основании доклада мин. внут. дел постановлено было выдать ему из капитала для поощрения промышленности ссуду в размере 20.850 руб., на 10 лет. Это постановление также осталось не выполненным в виду израсходования капитала, предназначенного для поощрения промышленности.

Ермолаев в 1810 г. возбудил новое ходатайство, где жаловался на понесенные им большие расходы по устройству завода и просил об отводе ему земли в Кузнецком уезд. Саратовской губ. По справкам, полученным от Саратовского губ., выяснилось, что просимый участок заключал в себе 4.686 дес. Саратовский губернатор сообщал о хорошем устройстве завода Ермолаева, снабженного искусственными машинами «для мытья свеклы, растерания оной, выжатия из нее соку и варенья оного; из числа каковых машин последняя устроенная для варения сока, действует парами; присовокупляет к тому, что на сем заводе в начале 1810 г. производились уже работы и выделено было тогда 80 пуд. сахарного песку; в нынешнюю же зиму ожидается оного до 500 пуд.».

Государственный Совет, опираясь на ряд указов о предоставлении земли для свеклосеяния, о выдаче пособий на устройство свекло-сахарных заводов, разрешил в 1810 г. в ноябре раздачу казенных земель под разные заведения на прежнем основании. На основании этого, мин. внутр. дел высказался за предоставление Ермолаеву 2.000 десятин.

В своем прошении Ермолаев, кроме того, просил о пожаловании ему фамильного герба «с изображением страждущего в посрамляющем человечество тиранстве на американских сахарных плантациях негра, одною ногою отягощающие его оковы, а другою подкошенный и ссыхающий сахарный тросник попирающего и с благодарным восторгом под'емлющего руки к священному имени Александра I, которого отечественные попечения о распространении свеклосахарных заведений предзнаменуют даже на другой половине света, надежды к облегчению человечества» [2]). Заботы в устах отечественного крепостника об облегчении участи колониального раба звучали фарисейством.

Саратовский губернатор в своей докладной записке сообщал, что если бы песок продавался и менее 5 руб. за пуд, то и в таком случае Ермолаев

---

[1]) Лен. Центр. Истор. Архив фонд Госуд. Совета. Д. Э. 1811, № 15. От мин. внут. дел о просимом майором Ермолаевым пособии к устроению свекло-сахарного завода.

[2]) И в Польше первые работники на поле свекловичного сахароварения говорили о том что развитие свекловичной сахарной промышленности убьет тростниковую и тем самым улучшит судьбу невольников-негров. См. Zygmunt Przyrembel, Historia Cukrownictwa w Polsce T. I. Warszawa 1927 st. 103.

имел бы «превосходный прибыток по той причине, что из остатков сахароварения к сугубой общественной пользе выходит еще ром, коньяк и сладкие водки, кои добротою своею могут заменить привозимые в Россию через порты».

При из'яснении причины задолженности Ермолаева мы находим одно ценное указание. К этим причинам отнесена «поездка в Силезию, постройка ныне существующего свекло-сахарного завода и прежние опыты его, им деланные еще в 1802 г. в Петровском и в 1803 г. в Сердобском округе, на коих он имел случай приготовить себя к большим сего рода заведениям, для чего и не щадил никаких издержек... Равномерно и ныне (1810 г.) по большим издержкам на построение двух заводов и покупку для них принадлежностей в деньгах имеет большой недостаток».

Итак, на далеком востоке в Саратовской губ. помещик Ермолаев делал опыты в 1802 г. по извлечению сахара из свекловицы. Эти опыты не стояли ни в какой связи с устроенным Бланкеннагелем заводом, так как сведения об этом еще не могли попасть в печать. Отчет проф. Рейсса о деятельности Бланкеннагеля был напечатан позже (1807 г.).

В записке губернатора для нас важно еще одно указание на большую доходность сахароварения в виду побочной отрасли, связанной с ним— изготовления рома, коньяка из свекловичных остатков.

Ермолаев независимо от Бланкеннагеля и вместе одновременно с ним задумал приступить к устройству в Саратовской губ. свеклосахарного завода. Ходатайство Ермолаева показывает, что заботы правительства, выражавшиеся в пожаловании земель и выдаче пособий, вызвали среди помещиков стремление к устройству в своих имениях свеклосахарных заводов [1]). Даже в таких отдаленных районах, каким являлась Саратовская губ. уже слыхали о свекло-сахарной промышленности, понимали ее значение и готовы были, опираясь на правительственную поддержку, приступить к устройству свекло-сахарных заводов [2]).

Необходимо еще упомянуть о свекло-сахарном заводе князя Мещерского в Тверской губ., основанном в начале XIX века.

Кн. Мещерский обратился в министерство внутрен. дел с просьбой о ссуде в 300 тыс. руб. на десять лет без процентов для усовершенствования устроенного им сахарного завода в Тверской губ. Старицкого уезда при селе Лотошине и для устройства подобных же заводов в Курской и Тамбовской губ. В своем прошении Мещерский сообщил следующее: «имея сахарный завод, устроенный при селе Лотошине, который пространством превосходил все прежде бывшие в России сего рода заведения, тем, что на оном можно обработать собранную с 40 дес. свекловицу, а на бывших до сего заводах не можно обработать более, как урожай с 20 дес.».

---

[1]) Лен. Центр. Истор. Арх. фонд Госуд. Совета. Д. Э. 1811 г., № 72 о капитале для поощрения внутренней промышленности.

[2]) В подтверждение того, что и на востоке заинтересовались сахароварением, можно сослаться на бар. Котца, написавшего первый исторический очерк развития нашей свекло-сахарной промышленности. Котц между прочим сообщает о том, что два пензенских помещика Баранов и Ермолаев отправились за-границу для осмотра свекло-сахарных заводов. По возвращении, устроили сахарные заводы в своих имениях в Саранском и Пензенском уу. Иностранец Кихельген, искусный Саксонский живописец, живший у Злобина в Вольске, бросил ландшафтную и устроил в Камышинском у. (Сарат. губ.) у немецких колонистов в живописной колонии Антон сахарный завод. О заводе Кихельгена встречаются указания в других источниках. Заводы эти вскоре исчезли. По словам Котца, все эти заводы были устраиваемы после Тильзитского мира во время союза России с Францией и принятой континентальной системы, при ценности на сахар до 90 р. асс. за пуд. Журнал Сел.-Хоз. 1847, кн. I. Записки XIII Комитета Сахароваров, стр. 217.

Мин. внутр. дел ссылаясь на то, что капитал для поощрения промышленности вновь не назначен, а остаток прежнего составлял не более 114 тыс. руб. и весь уже разассигнован, полагал «об'явить просителю, что когда он на устроенном им заводе выделывать будет в значительном количестве сахар, то правительство не оставит без внимания его усердие и в случае каких-либо особливых надобностей будет его покровительствовать и награждать, по мере, как усилия его к общей пользе очевиднее оказываться станут».

Дата основания сахарного завода Мещерского в его прошении не указана, в виду того, что прошение было подано в 1811 г., можно заключать, во всяком случае, что в 1810 г. завод его существовал. По своим размерам завод Мещерского превышал существующие в то время заводы; значит, ему было известно существование нескольких заводов, с которыми он мог сравнивать свой завод. По всей вероятности, завод его был устроен после Мальцевского.

Мещерский имел широкий план заводского строительства, почему и просил о такой значительной по тому времени ссуде, как 300 тыс. руб. (ссуда Бланкеннагелю 50 тыс. руб.). Эту ссуду Мещерский расчитывал получить из капитала для поощрения промышленности.

В 1803 г. назначено было составить особый капитал для поощрения разного рода промышленных заведений. Для сего предположено было, начиная с 1804 г., отпускать из государственного казначейства в Заемный Банк ежегодно по 100 тыс. руб. Капитал получил название «для вспоможения промышленности, трудолюбия и в несчастных случаях». В состав капитала поступили суммы, розданные в разное время городам и отдельным лицам. «Знатная оного часть роздана была на предметы, никакого отношения к мануфактурной промышленности не имеющие, так что на ссуду фабрикантам употреблено только 373.400 руб.».

Учрежденный по Мануфактурной части Комитет занялся приведением в ясность данного капитала. Мин. внутр. дел представил в Госуд. Совет список желающих воспользоваться вспоможениями от казны, на удовлетворение их не хватало остатков 114 тыс. руб., почему министр внут. дел ходатайствовал о доведении этого капитала хотя бы до 1 милл. рублей. В списке фабрикантов на получение ссуды мы находим сахароваров Ермолаева (37 тыс. руб.) и Мещерского (300 тыс. руб.).

Можно притти к заключению, что перед 1812 г. в России существовало не менее четырех свеклосахарных заводов.

Wehrs в книге Neue ökonomisch - technologische Entdeckungen (Hannover 1812 s. 333) называет шесть следующих свеклосахарных заводов в России: Бланкеннагеля, Мальцева, Ермолаева, кроме того два в Тульской губ. и один в Тамбовской. Rud. Grotkass, сообщивший нам эту цитату, приходит к выводу, что в России в эпоху континентальной блокады существовало более шести заводов. По нашему мнению, в этом подсчете допущена ошибка. Wehrs, говоря о двух заводах в Тульской губ., помимо завода Бланкеннагеля, несомненно ошибся: он второй раз посчитал завод Бланкеннагеля; кроме того, в Туле в то время существовал один сахарный завод, работавший на колониальном сырце. Таким образом, у него и получилось три свекло-сахарных завода в Тульской губ. Нами просмотрены отчеты Тульского губернатора с 1803 г. В этих отчетах уделялось особое внимание свекло-сахарному заводу Бланкеннагеля. Губернатор лично ездил на этот завод, посылал ежегодно исправника и представлял весьма детальные сведения о ходе производства, он не мог бы не указать других свекло-сахарных заводов, если бы таковые были. С другой стороны, все тогдашние сахарозаводчики получали права выкурки

спирта из свекловичных остатков. О предоставлении этих прав публиковалось в законе. В Полном Собр. Законов нет никаких указаний на существование в Тульской губ. других свеклосахарных заводов, кроме Бланкеннагеля.

В последнем своем письме к автору R. Grotkass в подкрепление своего подсчета ссылается еще на такой факт: в письме барона Коппи, устроившего в Силезии в своем имении Крайне свеклосахарную фабрику по примеру Ахарда, датированном от 5/XII 1808 г. и хранящемся в Бреславском архиве, сообщается,—что русский дворянин из Астрахани посетил Коппи и рассказал ему, что в каждой губернии с подходящей почвой будет построено по одной свеклосахарной фабрике за царский счет. Разумеется, астраханский дворянин в беседе с немецким бароном прихвастнул насчет устройства свеклосахарных фабрик чуть ли не в каждой губ.

В рассмотренных нами ходатайствах о пособии сахарозаводчиков мы не нашли никаких указаний на столь широкое строительство свекло-сахарных заводов за счет казны. Пособие получил Бланкеннагель; указание на выдачу этого пособия встречается всюду. Непонятно, почему нет таких указаний о выдаче пособий другим саахроварам.

В начале XIX столетия вопрос об извлечении сахара из свекловицы сильно занимал наше общество. Вольно-Экон. О-ство предложило премию на эту тему и в 1805 г. было опубликовано сочинение, подвергшее вопрос всестороннему обсуждению. Взгляды, высказанные здесь, представляют для нас большой интерес.

«Хотя много в пользу и опровержения делания сахара из свекловицы в течение трехлетнего почти времени говорено и писано было, замечает автор, однако несмотря на то, кажется, что ничего утвердительного еще не определено. Если кто верил одному писателю, то опыты и доказательства другого опровергали все сказанное прежде.

В следствии всех пред'явленных рассмотрений достоверно то, что свекловица в южных странах России до 58 градусов широты успешно разводима быть может. Опытами изведано, что округи Московские, Лифляндские и Курляндские для возделывания свекловицы преимущественно хорошими найдены» [1]). Как видим в начальные годы прошлого столетия общественное внимание в России было привлечено к новой идее—извлечению сахара из свекловицы. Правда, далеко не было единогласия в оценке способов извлечения свекловичного сахара. Современники были убеждены в том, что округи Московские, Лифляндские и Курляндские особенно пригодны для свеклосеяния.

Автор задается таким вопросом, «Можно ли надеяться, что свекловичный сахар в какой нибудь российской губернии мог быть продаваем дешевле, нежели обыкновенный сахар.

По всем опытам известно, что в Пруссии и Саксонии свекловичный сахар, включая все издержки на дрова, на работных людей и проч., может продаваться дешевле обыкновенного сахара. Ашарду удалось продавать фунт охрусталованного сахару по 2 гроша, а худшего по грошу».

«Когда мы соединим вместе все то, что известные писатели о свекловице, об издержках при полевых работах и при отделении сахара показали, то можем без дальних великих вычетов, сообразуясь с нашими опытами, определить, что сырой сахар и здесь также может быть продаваем дешевле обыкновенного сахара».

Автор приходит к выводу, что «можно с прибытком делать свекловичный сахар, и для всеобщей пользы ввести оный в употребление. Вящей

[1]) Труды Вольно-Экономического О-ва 1805 г., стр. 142—163.

еще прибыли от свекловицы ожидать можно, когда остатки, при приготовлении употребятся в пользу, как то: в корм скоту и на делание водки. Порода свекловицы обстоятельно назначена; также земля, в какой растет она удачно: по сему уповательно, что и в России свекловичный сахар дешевле обыкновенного продаваем быть может» [1]).

Закончил автор свое сочинение сомнением в возможности самоснабжения страны сахаром. «Остается сомнение, которое опытами в большом количестве решено только быть может: в состоянии ли одна какая либо страна продовольствовать сахаром целое государство, или должно ли производство сахарное распространить и размножить. В земле конечно нет недостатка: но везде ли работников в надлежащем множестве сыскать можно. Сие подлежит еще рассмотрению. Однако, при всех хороших мнениях о приготовлении свекловичного сахара, разведение кленового сахара гораздо предпочтительнее и прибыльнее. Сей раз предлагается, чтобы сперва кленовые деревья в великом множестве посажены были, а между тем, пока оные в надлежащий рост и лета прийдут, пользоваться свекловицею, которая кроме сахара и сиропа может употребляема быть в корм скоту и перегонку водки. Свекловичный сироп, хотя бы служил сельскому жителю только для подслащивания пива и водки, то и тогда бы еще было великим ему вспоможением» [2]).

Так. обр., даже передовые современники Бланкеннагеля не предугадывали тех перспектив, какие спустя несколько десятилетий открылись перед свеклосахарной промышленностью.

Даже такое авторитетное в хозяйственных вопросах учреждение, как Вольное-Экон. Общество вынесло в начальные годы зарождения свеклосахарной промышленности приговор не в ее пользу. Извлечение сахара из кленовых деревьев считалось более доходным, чем изготовление сахара из свекловицы.

Такая оценка перспектив сахароварения из свекловицы, авторитетного по тому времени органа не заключала в себе ничего ободряющего для первых сахароваров.

Существенное значение в деле насаждения новой отрасли промышленности имело об'явление в 1808 г. через ведомости о том, что «желающие учредить у себя заводы для делания сахара из свекловицы могут надеяться по мере сего заведения получить от правительства пособия, состоящие сверх земли в ссуде из казны денег и в позволении выделывать и продавать спирт из свеклосахарных остатков».

Последнее право давало значительные доходы первым сахароварам и потому необходимо остановиться на том, каким образом была получена эта привиллегия первым основателем свеклосахарных заводов.

Бланкеннагелю [3]) первому было предоставлено право выделывать из

---

[1]) Там-же, стр. 175.

[2]) Там-же, стр. 176.

[3]) В Полном Собрании Законов (Т. XXVII 1802—1803 г.) мы находим указ. (№ 20, 992) о наблюдении за производством выделываемого из свекловицы сахара и спирта на заводе генерал-майора Бланкеннагеля. При записке, поданной государю, Бланкеннагель «представил свидетельство, данное ему из Тульского Губернского Правления в том, что свекловичные его заведения, по осмотру на месте, действительно существуют в надлежащем порядке и устройстве, что выделка сахарного песка производится в значительном количестве: сахарного песку найдено до 168 пуд. с соразмерным количеством изготовленных кореньев, патоки, выжимок, и проч., 160 п. песку отправлено уже им через Тулу в Москву для переделки в сахар, и что завод сей находится в полном действии.

Ст. 2 цитированного указа гласит:

«в течение настоящего винного откупа дозволить ему в разных губ. продавать по вольным ценам вырабатываемые им спирты до 1000 в.; содержатели Мос-

свекловичных остатков до 1000 ведер спирту ежегодно с тем только, чтобы он вырабатывал по крайней мере не менее первоначального количества сахарного песку, т. е. около 300 пуд. в год; фактически он изготовлял 500 пуд. сахара, что давало два ведра спирта на 1 пуд. сахара.

Затем было дозволено учредить сахарные заводы д. ст. сов. Наумову, майору Ермолаеву, Рязанскому купцу Духанину, д. ст. сов. Баркову и подпол. Баранову с правом выделки «на каждый пуд очищенного сахара рафинада из остатков оного по два ведра спирту и с продажей по основанию условий винного откупа». Привиллегии поименованных лиц были внесены и в условия на откуп 1811 г. Потом такое же право было дано кн. Долгорукову и кол. ас. Безобразову [1]).

Эта привиллегия не вполне отвечала интересам первых сахароваров, так как рафинировка сахара представляла большие трудности и вот они стали возбуждать ходатайства о том, чтобы данная привиллегия была распространена и на песочные заводы. Первым выступил Саратовский помещик Ермолаев [2]), ссылавшийся в своем ходатайстве на то, что он не может на первый раз устроить «рафинадную фабрику; а выделывает только сахарный песок, почему и просил дозволить ему добывать на каждый пуд оного по одному ведру спирта, из'яснял при том, что как оный песок или сахарный свекловичный сырец от американского и цветом и запахом совсем различествует, а в рафинаде различие сие теряется, то и вообще гораздо удобнее назначить количество позволяемой выделки спирта по сырцу, нежели рафинаду, тем еще более, что рафинадную не всякому и заводить нужно будет, и одной таковой фабрики довольно на несколько заводов». Мин. внут. дел ответило на это ходатайство отказом на том основании, что «новое по сему предмету распоряжение в отмену сделанного не может быть учинено до того, пока и от других заводчиков не получится о производстве сего дела сведений, кои могли бы служить к тому основанием».

Такие заявления сахароваров не заставили себя ждать. Бланкеннагель «представлял также о неудобности определить годовую выгоняемого спирта пропорцию по рафинаду, коего последки в продолжении перева-

---

ковских питейних сборов на часть сей продажи до 300 ведер в местах Московского откупа дали согласие, взимая за сие по 2 руб. 40 к. с ведра или по 30 коп. с штофа. На будущее время в течение 10 лет при совершении контрактов на винные откупы должна быть выговорена и присвоена равная свобода продажи 1000 в. спирта со взятием с него по 10 коп. с штофа или по 80 коп. с ведра пошлины в казну» (ст. 3).

[1]) Во всех просьбах о дозволении устроить свекло-сахарный завод и выгонять спирт из остатков мы находим такую стереотипную фразу: «желая устроить з поместьи..... заведение для добывания сахара из свекловицы». Большая часть этих заводов и не возникла.

В условиях для содержания питейного откупа с 1811 по 1815 г.г. поставленных в ст. 135 показаны все дозволения, данные ряду лиц по изготовлению водок из остатков свекловицы П. С. З. т. XXX, 1808—1809 гг., № 23.995.

Интересные соображения по этому вопросу находим в дозволении Рязанскому купцу Духанину устроить в Раненбургском уезде завод для делания из свекловицы сахара, а из свекловичных остатков спирта. «Полагая, что дозволение таковое, может послужить ободрением к вящему распространению сей полезной для государства промышленности, я соизволяю на испрашиваемую им свободу делать из свекло-сахарных остатков спирт, с тем, однако, чтобы он не выделывал его более как на пуд очищенного сахару рафинаду по 2 ведра». П. С. З. Т. XXX, 1808—1809 гг., № 23.567. Как видим, правительство ясно понимало значение дарованной первым сахароварам льготы.

[2]) Лен. Цен. Истор. Арх. фонд Госуд. Совета. Д. Э. 1810 г., № 160, от Мин. Вн. дел по просьбе майора Мальцева о позволении ему делать спирт из патоки и продавать оный. При записке Мин. вн. дел приложена справка по интересующему нас вопросу.

ривания разных паток через 24 месяца и более выходят, и что ежегодное свидетельство добываемого сахара удобнее обратить на сырец, коего выделка из нового урожая свекловицы оканчивается в феврале». Бланкеннагель указывал, что он не находит ни выгод, ни удобности в продаже чистого спирта и, чтобы исходатайствовать ему дозволение на продажу оного в разных приготовлениях». По докладу мин. вн. дел последовало разрешение на это «во уважение хороших успехов его заведения, с платежем акциза по одному рублю за ведро с наблюдением общих о таковых водках правилах».

Наконец, Орловский помещик Мальцев [1]), устроивший свеклосахарный завод в с. Верхах Брянского уезд. в 1809 г., выработал «из собранных на 6 десятинах 1800 четв. свекловицы 320 п. песка, назыв. московад, не уступающего иностранному, из коих 280 п. отправил на завод Бланкеннагеля для переделки в рафинад. Удачный успех побудил его посеять в нынешнем году свекловицы на 22 десятинах и устроить другую фабрику, предполагая завести таковые и в других губерниях, в поместиях своих» [2]). «Дабы остающаяся патока не пропадала без пользы, просил Мальцев, исходатайствовать ему привиллегию выделывать на пуд сахара сырца или московада одно ведро спирта и продавать оный просто и в подслащенных водках и ликерах по вольной цене; буде же нельзя производить сию продажу внутри государства, то позволить ему отпускать оный за-границу».

Последнее ходатайство заставило министерство пересмотреть вопрос и войти в Госуд. Совет с докладной запиской о предоставлении просимой льготы.

В этой докладной записке министр вн. дел приводил следующие соображения: 1) на произведение сахарного песку и свекловицы не требуется времени более, как около четырех месяцев, между тем, как на выделку рафинада потребно до двух или по крайней мере до одного с половиной года;

2) для добывания песку нет нужды в значущем иждивении, ибо и заведение и машины для сего потребные должны быть и проще и дешевле;

3) заведение рафинадной фабрики не всякому возможно, потому что на оное не только первоначально потребны не маловажные издержки, но и по устройству ее содержание будет сопряжено с трудностью и станет не дешево в рассуждении искусных мастеров, нужных для таковых заведений, коих не всякому удобно доставить, а особливо внутри России;

4) при настоящем положении сего дела не имеющий рафинадной фабрики подвергается важным неудобствам и затруднениям в перевозках песку на посторонние фабрики и потом сахара на свое заведение для свидетельства, лишаясь при том и оборотов капитала своего около двух лет:

5) в свидетельстве сахара—рафинада весьма легко могут быть подлоги; ибо рафинад свекловичный не имеет никакой разности с рафинадом иностранным, песок же один от другого весьма отличителен не только в виде, но в запахе и вкусе;

6) по сему свидетельство песку из свекловицы всегда может быть очевиднее, а вместе с тем, надежнее и вернее;

7) при том на добывание оного по простоте заведения гораздо скорее и более найдется охотников даже с посредственным достатком, имея

---

[1]) Из дела видно, что Мальцев пользовался указаниями Бланкеннагеля, «получая все пособия и наставления истинно патриотические от Бланкеннагеля».

[2]) Мальцев в обоснование своей просьбы ссылался на постановление от 5-го июня 1803 г. о том, что «всякому, кто заведет свекловично-сахарное заведение, дана будет привиллегия из остатков при переварке в песок, выгонять спирт в пользу заведшего таковые заведения».

в виду скорое обращение употребляемого на сей предмет капитала и следовательно ощутительную пользу свою, и

8) что, когда отделка песку умножится, на что главнейшее внимание обращать нужно, то легко могут сыскаться заводчики, кои умножат и рафинадные фабрики в удобных местах».

На основании приведенных соображений, министр признал нужным, оставляя прежние постановления в силе, дозволить охотникам заниматься сим делом, производить и один песок с разрешением им выделывать на каждый пуд оного по одному ведру спирту». «Поелику однакож заводчикам вообще в добывании как рафинада, так и песка не может быть ни выгод, ни удобности в продаже чистого спирта, то разрешить им всем продажу оного в разных приготовлениях с платежем акциза по 2 руб. за ведро или сколько впредь правительством положено будет» (Датирована записка 31 августа 1810 г.).

Государственный Совет присоединился к заключению министра вн. дел.

Из приведенных выдержек видно, что к 1810 г. уже было несколько свекло-сахарных заводов. Все ли получившие разрешение на постройку завода и выкурку спирта действительно устроили завод, нам не удалось установить, скорей нужно думать, что не все, так как в позднейшее время об этих заводах не сохранилось никаких сведений. Во всяком случае, кроме Бланкеннагеля, существовал завод Ермолаева, и Мальцева [1]).

Право выкурки спирта на пуд рафинада представляло большие неудобства для песочных заводов, так как для этого им приходилось отправлять песок на иностранные рафинадные заводы, в частности, такую роль играл и завод Бланкеннагеля, наконец, из этой записки видно, что существовало особое освидетельствование рафинада на заводе. для чего приходилось рафинад привозить на завод обратно [2]).

---

[1]) О заводе Мальцева мы находим у Котца такое указание: «в то же время около 1809 г. Мальцев устроил свои заводы, как оный фабрикант при пособии хороших мастеров и личных познаний, скоро уже получал хороший доход, но не употреблял больших усилий для увеличения своего заводского производства; к тому же прочие большие заведения его требовали всего его досуга и внимания. Но любя свой предмет, он не упустил и сахарного производства и постоянно любовался своим прекрасным рафинадом». Журнал Сел.-Хоз. 1847, кн. I. Записки XIII Комитета Сахароваров, стр. 217—218.

[2]) В 1809 и 1810 гг. было дано разрешение следующим лицам на устроение заведений для добывания сахара из свекловицы с правом выкурки по 2 ведра водки на пуд рафинада.

1. Д. ст. с. Наумову в поместьях его в Калужской губ.
2. Отст. майору Ермолаеву Саратовской губ.
3. Рязанскому купцу Духанину в Рязанской губ. в Раненбужском уезде.
4. Д. ст. с. Баркову в Орловской губ.
5. Подпол. Баранову в Пензенской губ.
6. Колежск. асс. Безобразову в Курской и Слободско-Украинской губ.

В 1810 г. 14-го ноября эта привиллегия была расширена в том направлении, что дозволено было выделывать ведро спирта на один пуд песка. 23-го февраля 1811 г. установлено предварительное разрешение министра вн. дел. Согласно таковому порядку, даны дозволения на устроение заведений для добывания сахара и выкурки спирта: Д. ст. с. Рябинину вместе с к. сов. Бахметьевым в Тульской губ., майору кн. Енгалычеву в Тамбовской губ. и ген. Талызину в Московской губ. Л. Ц. И. А. фонд Госуд. Совета Д. Э. 1812 г., № 33. Дело о начертании правил на коих можно было бы содержателям сахарных заводов выделывать ром и водку.

О всех разрешениях, выдаваемых сахарозаводчикам на выкурку спирта, находили такую стереотипную фразу: «чтоб в этом месте, где заведение сие существует сверх полицейского досмотра предоставлено было содержателю питейных сборов право на основании § 125 новых откупных условий, иметь своего пристава для наблюдения, дабы при делании сказанного спирта не было употребляемо хлебного вина и водки».

Привиллегия выкурки спирта, расширенная в 1810 г., вызвала у министра вн. дел опасение, что сахарозаводчики будут открывать заводы специально для выкурки спирта, а не для производства сахара [1]).

Поэтому мин. вн. дел 14 января 1811 г. вошел в Госуд. Совет с таким представлением: 1) «легко случиться может, что многие станут заводить свеклосахарные заводы, единственно, чтобы выделывать спирт, не пуская даже ни песку, ни сахару в продажу, не давая о том знать мин. внут. дел и, что все те, коим прежде сего таковые заводы учредить позволено, упомянуты уже в самых условиях на откуп или в особых от Правительствующего Сената разосланных указах, считает нужным, для предупреждения недоразумений и между откупщиками и заводчиками распрь, и для лучшего сведения правительства обо всех таковых заведениях постановить, чтобы разрешение в выделке и продаже спирта и водок на свеклосахарных заводах делаемо было, по об'явлении каждого заводчика мин. вн. дел, от коего и представляемо будет Прав. Сенату, для об'явления публичными указами о каждом заводчике».

Госуд. Сенат утвердил это предложение 25 февраля 1811 г. [2]).

От начала столетия мы имеем ряд статистических источников. Какие же данные о свекло-сахарной промышленности сообщают эти источники? В статистических таблицах Всероссийской Империи за 1807 г., в таблице III показано 13 сахарных заводов в Архангельской — 1, в Лифляндской—1, Спб.—10 и Тульской 1. Судя по местонахождению, все эти заводы—рафинадные, перерабатывающие тростниковый сырец и только один завод в Тульской губ. был, очевидно, свекло-сахарный Бланкеннагеля. В книге професс. Зябловского — Стат. описание Российской Империи

---

[1]) Архив Госуд. Совета Т. IV. Журналы по делам департамента Государственной экономии. Спб. 1881 г. стр. 1475, тоже архив Госуд. Совета Д. Е. 1811 г., № 4. От тов. мин. вн. дел записка о свекло-сахарных заводах.

Мысль о возможности злоупотреблений дарованной сахароварам привиллегией высказана в указе—«О дозволении выделки и продаже спирта и водок на свеклосахарных заводах не иначе, как по предварительному о сем представлению мин. вн. дел». П. С. З. Т. XXXI 1811 г., № 24533.

[2]) Заслуживает упоминания попытка организации свекло-сахарного завода в эпоху отечественной войны на арендованной земле с переработкой плантаторской свеклы: колл. асс. Кигельхен, желая устроить свекло-сахарный завод, заключил с Севастьяновскою колониею, состоящею Саратовской губ. в Камышенском у. условие, по коему общество сей колонии уступает ему под завод из дач своих пять десятин земли на 24 года без оброка и обязывается при том разводить для него в течении трех лет свекловицу, получая за то от него известную плату и семена, и в случае неурожая свекловицы особое вознаграждение П. С. З. 1812 г., т. XXXI, № 25.290. Это первый завод, предполагавший работать исключительно на покупной свекле.

К эпохе отечественной войны относится и возникновение свекло-сахарного завода Боборыкина. В записке по имениям Боборыкина прямо указывается, что завод устроен в Болховском имении с 1812 года. Сахаровары обучались у Геррарда и Мальцева. Завод был небольшой, посев свеклы не превышал 7—12 десятин. Завод был расширен с 1829 г., когда площадь под свеклой была увеличена до 35 дес. См. Жур. Сел. Хоз. 1846 г., кн. 9, стр. 185.

Приведенная дата подтверждается и данными, извлеченными из П. С. З., т. XXXI 1814 г. № 25599, «О дозволении д. ст. сов. Боборыкину на устроенном в имении его свекло-сахарном заводе выделывать из свекло-сахарных остатков спирта и продавать оный. «Боборыкин, устроив в поместии своем, состоящем Болоховской округи в с. Богородском, Ребинки тож, свекло-сахарный завод, на котором и производство работ может быть начато, просит о даровании ему права, предоставленного для таких заведений». Когда Боборыкин возбудил ходатайство о предоставлении ему права гнать спирт из свекловичных остатков, на заводе уже устроенном, неизвестно. Дозволение ему было дано в 1814 г. Принимая во внимание медленность прохождения по бюрократической системе таких ходатайств, можно признать дату устройства завода в 1812 г. верной.

(1815 г.) находим также сведения [1]): сахарных заводов по ведомости за 1804 г. числилось 7, в Спб. 4, в Туле—1, в Риге—1, и в Архангельске 1, на них было занято рабочих 108, выработано сахару и патоки 58.220 п.; по ведомости за 1811 г.—10 заводов, а по ведомости за 1812 г. оказалось уже 30 сахарных заводов, в т. ч. в Спб. 13 и его уезде 2, в Архангельске—3, в его уезде—2, в Москве—3, в Вологде—2, остальные в других местах. Число рабочих определялось 941, выработка сахара—287.344 п. Все это рафинадные заводы, перерабатывавшие колониальный песок и концентрировавшиеся преимущественно в приморских городах. У Зябловского нет упоминания о свекло-сахарных заводах, хотя тогда они уже существовали.

Более обстоятельные данные о положении сахарной промышленности в начале XIX века находим в ведомостях о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы [2]).

Сахарная промышленность за 1813—1814 г.г.

Губернии	Число заводов	Число рабочих и крепостных	Выработано в 1814 г. пудов рафинада и пр.
Архангельская	5	138	47.416
Вологодская	2	38	16.678
Лифляндская	11	140	170.344
Московская	4	128	88.433
С.-Петербургская . . .	24	420	365.475
Саратовская (свеклосах)	1	21	565
Тульская (Алябьево) .	1	10	820
» колон. в Туле	1	22	14.320
Эстляндская	1	45	12.995
ВСЕГО	50	962	717.046

Сахарная промышленность в 1813—1814 г. достигла значительного развития. Правда « в основной своей массе это были рафинадные заводы, перерабатывавшие сахар-сырец, все же впервые в стат. источнике содержатся упоминания о двух свекло-сахарных заводах в Саратовской и Тульской губ. [3]). Пропущен завод Мальцева в Орловской губ.

Что же представляли собой свекло-сахарные заводы этого начального периода? Для ответа на этот вопрос используем обстоятельнее описание проф. химика Рейсса завода Бланкеннагеля, а также и подробные отчеты Тульского губернатора, внимательно следившего за работою Алябьевского завода. Проф. Рейсс прежде всего удостоверяет, что «сахар-сырец с особенною простотою выделывается на нем в знатном количестве; а сахар очищеный рафинад ни наружным видом, ни добротою ни мало не уступает иностранному лучшему сахару». Мин. вн. дел, согласно повелению государя, известило через ведомости (С. Петерб. Ведомости 6-го июня 1808 г. № 45), «как об устроении сего завода, так и об успехах выделки на нем

[1]) Проф. Зябловский.—Статистическое описание Российской Империи. Спб. 18 г., ч. V, стр. 42—44.

[2]) Ведомость о мануфактурах в России за 1813—1814. Спб. 1816, стр. 337—347.

[3]) В хозяйственной статистике Андросова (изд. 1827 г.) имеется упоминание о «примечательных заводах для добывания сахара из свекловицы: Герарда в Тульской губ., Мальцева в Орловской губ. и Бырдиной в Курской губ.». Вас. Андросов—Хозяйственная статистика России. М. 1827 г., стр. 182. Как увидим ниже, в 20-х годах свекло-сахарных заводов было у нас гораздо больше.

сахару из свекловичного соку», «Желающий учредить у себя завод... может надеяться, по мере сего заведения, получать равным образом от правительства пособия. Пособия таковые, сверх прочих вспоможений и поощрений состоять могут в ссуде из казны денег, в отводе казенной земли и в позволении выделывать и продавать спирт из свекловичных сахарных остатков».

В селе Алябьеве насчитывалось 145 ревизских душ мужского пола, из коих 118 принадлежало ген.-майору Бланкеннагелю совместно с ген.-м. Герардом. Под свекловицу отводилось двадцать десятин земли из помещичьего поля. Все заводские работы выполнялись крепостными под руководством сахаровара, приглашенного из Риги. На производственный период — октябрь — декабрь помещик привлекал из другого имения 10 человек.

Отделения завода такие [1]): 1) чистильня, представляющая собою комнату 8 арш. шириною и $15^2/_3$ арш. длиною; где коренья, предназначенные для переработки, очищались женщинами в количестве 30; 2) терочная, которую можно назвать и машиною, в два яруса длиною $18^1/_2$ арш., а шириною в 10 аршин, где свекловица растиралась в кисель, из которого выжимался сок. Действующие машины состояли: а) из утвержденного в верхнем ярусе прибора, разрезывавшего свекловицу в ломти, б) и другого прибора, помещенного в нижнем ярусе непосредственно под упомянутым, и состоящего из двух дубового дерева цилиндров каждый длиною по 12, а шириною по 8 верш. на железных сворнях и в медных гнездах обращающихся горизонтально. Каждый из сих цилиндров наколочен по всей своей поверхности железными гвоздями числом 400, которых конические около $2^1/_2$ линий в основании имеющие шляпки, выходят на столько же из дерева вон; они, задевая при обращении цилиндра в противоположный им, промежду гвоздями выделанные ямки другого цилиндра, заставляют и оный обращаться. Свекловица, в верхнем ярусе, описанным образом на тонкие ломти разрезываемая, падает сама собою в промежуток сих цилиндров и от обращения их разминаясь в совершенный кисель, упадает в деревянный вылуженный белым железом ящик. «Движущий механизм был такого устройства: в особой пристройке за стеною, обращается сторченный (вертикальный) надежный вал, в который утверждены на 18 верш. от земли 4 перекладины крест на крест для прикрепления к оным лошадей». При посредстве горизонтального колеса и шестерни движение передавалось цилиндрам терочной, вращавшимся с быстротою 60 раз в минуту. Для приведения в действие сего механизма достаточно было 4 лошадей, управляемых двумя мальчиками; 3) жомная—равной величины с терочной и с ней соединенная дверью. Сюда подносилась размятая в кисель свекловица и из нее выжимался сок при помощи больших винтовых прессов; 4) в паровой находится 7 котлов, вделанных в печи. «Два из сих котлов поперечником каждый в 3 арш. без полутора вершка, а глубиною от $1^1/_4$ до $1^1/_2$ арш. служат к первому очищению сырого свекловичного сока. Четыре, коих поперечник от 2 арш. 2 верш. и до $2^1/_2$ арш., а глубина 9 верш. и $10^1/_2$ верш. назначены для сгустительной выварки соку. Седьмой котел на последок, имеющий $2^1/_4$ арш. в попоречнике и 18 верш. глубины служит для нагревания воды нужной беспрестанно для обмывания посуды и пр. снадобья»; 5) цедильня, где свекловичный подваренный сок процеживается в 56 остроконечных мешках; 6) две разливные ком-

[1]) Описание свекло-сахарного завода, основанного ген. м. Бланкеннагелем Тульской губ., Чернского уезд., в сельце Лябьеве, способов добывания из свекловицы сахару-сырцу и очищение оного, сочиненное проф. химии Ф. Ф. Рейссом. Спб. 1808 г., стр. 5 и д.

наты, где уваренный сахар наливался в формы и уставлялся «для осадки (в хрустали)»; 7) комната для рафинировки с тремя котлами, вделанными в печи; 8) сушильня, где готовые головы сахару досушивались. В стороне от завода находилась еще винокурня, имевшая три куба и 14 бродильных чанов, каждый мерою в 100 ведер,—винный амбар и запасные для сохранения свекловицы из 9 ям, глубиною в три аршина и шириною в девять аршин. Они помещались под крытыми соломою сараями [1]).

Таково устройство первого свекло-сахарного завода в России, он служил образцом для вновь устраиваемых заводов в этот начальный период.

Во время производства на Алябьевском заводе было занято 34 мужчины и 34 женщины, 4 мальчика. Лошадей поставляли крестьяне по четыре смены в день, ежедневно было занятых 19 лошадей.

Приказчик и сахаровар были люди вольные. Сахаровар Фок работал раньше на Рижской сахарной фабрике, где между прочим был занят и его отец. Эта подробность для нас интересна тем, что устанавливает некоторую связь, свеклосахарной промышленности, хотя бы при посредстве одного специалиста, со старой в России рафинадной промышленностью, перерабатывавшей колониальный сахар-сырец.

Интересные сведения о работе Алябьевского завода в первые годы его существования дают губернаторские отчеты. Тульскому губернатору было поручено внимательно наблюдать за деятельностью 1-го сахарного завода.

---

[1]) Для сравнения приведем описание Ермолаевского завода, найденное нами в архиве: «Построен деревянный корпус из соснового леса, покрытый тесом, длинною в 28, шириною в 5 сажен, вышиною в $4^3/_4$ аршина до крыши.

В сем корпусе находится V отделений.

В I-ом без полу с потолком одна лошадь действует терочной для свекловицы машиною, находящеюся через стену в другом покое;

в II-й с полом, потолком и огородкою для жилого покоя натирается свекловица по большей частью мерзлая, но оттаянная силой сказанной терочной машины. Главнодействующая часть сей машины, составленной из колес и шестерней, есть медный вертящийся круг в диаметре $1^1/_2$ арш., толщиною $^1/_4$ вершка с 16-ю зазубренными ножами, винтами укрепленными; в оном же покое свекловица моется и чистится другою машиною, которая действует силой человека, для чего в ларе под машиною наливается вода насосом из имеющегося в середине того покоя колодца. Тут же имеется пресс или жом, длинною в 15 арш. в котором действует для выжимания свекловицы жерновой камень, в диаметре 7 четвертей, а толщиною в 8 верш. с принадлежащим к нему механизмом.

В III-й без полу и потолка имеются две печи, из коих каждая вскипечает один медный паровой котел в $1^1/_2$ арш. в диаметре. Пары, пущенные через медную трубу из одного котла, приводят почти до градуса кипения свекловичного сока до 95 ведер налитого в медный котел в диаметре 2 арш. 14 верш., вышиною 10 верш., вставленный в деревянную шайку. Другой паровой котел нагревает тем же самым устройством два медные котла, также в деревянные шайки вделанные, по сторонам подле печи находящиеся. Сие последние два котла в диаметре по 2 арш. и 13 верш., а глубиною по 5 в. служат для сгущения свекловичного сока и сиропной густоты.

В IV-й с полом и потолком, двумя печами и перегородками, в коем сырой, влитый в деревянные ящики и глиняные формы сахарный песок осаживается.

В V-м последнем отделении состоит печь для сушения песку.

Для румного завода выстроен особый корпус в версте от свекло-сахарного из соснового леса, покрытый тесом длинною 13 сажен. 2 арш., шириною 4 саж. с арш., вышиною до крыши 7 аршин. На сем заводе, по недавней его отстройке, действий никаких не было.

Свекловица сохраняется в двух больших ямах для нее выкопанных, покрытых соломеною крышею: одна яма еще не почата, а из другой до половины выбрано, сверх сих двух ям, в кирпичном сарае сохраняется свекловицы не малое количество».

Лен. Центр. И. Ар. фонд Госуд. Архива Д. Э. 1811 год, № 15 от мин. внутрен. дел о просимом майором Ермолаевым пособии к устроению свекло-сахарного завода.

Это поручение он аккуратно выполнял, и ежегодно доносил о ходе работ на заводе Бланкеннагеля [1]).

На основании его донесений можно составить такую табличку о работе этого завода:

Годы	Число дес. под свеклой	Собрано свеклы	Получено сахара в пуд.[2])
1802 . .	11	3.600 четвер.	300
1803 . . .	—	2.400 »	136
1805	20	6.500 »	409
1806	—	5.000 »	480
1807 . . .	—	— »	732
1810	20	30.024 пуд.	1.046

Резкое сокращение продукции сахара в 1803 г. об'яснял Бланкеннагель так: «в виду его долговременного пребывания в Петербурге, управляющий в селе Алябьеве, не поняв его наставлений, свекловицы большею частью загноил и заморозил и через сие сделал ему невозвратный убыток». Чернский земский исправник, доносил рапортом от 6-го мая 1804 г. губернатору, что: а) «завод сей в действии, б) гнилой свекловицы, вывезенной из оного в кучах важное количество, в) песка выделано 136 пуд.».

В последующие годы положение заметно улучшилось, выработка сахару стала возрастать и в течение 5 лет количество вырабатываемого сахара возросло почти в $2^1/_2$ раза. Проф. Рейсс пишет: «виденные мною остатки машин, снарядов, и сосудов свидетельствуют о множестве тщетных, но дорогих его опытов, которые должно было делать в продолжении всего времени, дабы напоследок достигнуть до нынешнего производства. Первые три года не только не мог он выручить никаких выгод, но терпел вместо того знатный убыток, четвертый доставил ему маловажные проценты и едва напоследок в пятом году (в 1807 г.) может он похвалиться, что достигнул своей цели [3]).

Поездка проф. химии Рейсса на завод была сделана по просьбе Бланкеннагеля. «По желанию ген.-майора Бланкеннагеля для удостоверения в истинной пользе заведения его от Московского университета по распоряжению мин. нар. просвещения отправлен был (1807 г.) на завод в село Алябьево искуссный химик». Этим химиком и оказался проф. Рейсс. Губернатор нашел нужным предписать «Земскому Исправнику, чтобы он самолично был при обозрении членом Московского университета сего завода и уведомил бы губернатора подробно о том состоянии, в каковом оный усмотрен будет». Как видно со слов Бланкеннагеля, «о состоянии сего завода проф. Рейсс принял на себя представить своему начальству».

По сообщению Тульского губернатора за 1808 г., ген.-м. Бланкеннагель находил затруднение, что «урожай свекловичных корней уменьшается, за неимением переменных полос земли и достаточного тука, а к тому и бывшая засуха в прошедшее лето много произращению оной препятствовала».

Это ценное замечание рисует мало благоприятные перспективы для развития свеклосахарной промышленности в районе ее первого зарожде-

[1]) Лен. Центр. Истор. Архив фонд быв. мин. вн. дел. Выписка из отчета Тульского губернатора, представленного министру вн. дел 21-го июля 1805 г., № 1654 (кн. 89). Отчет Тульского гражданского губернатора за 1804 г.

[2]) Свекло-сахарные заводы отличались небольшой продукцией и за-границей: в Чехии в 1812 г. было 10 заводов, выработавших всего 136 квин. сахара, что дает на завод 83 п., в 1813 г.—6 заводов выработали 144 квин. сахара или 146 п. в среднем на завод. См. Légier... p. 824.

[3]) Рейсс выше цит., стр. 73.

ния. Сравнительно небольшое расширение продукции на первом заводе наталкивалось уже на недостаток удобной земли.

В отчете за 1809 г. мы находим следующее весьма интересное указание: «примерное же оного устроение (завода) и опытное познание ген.-м. Бланкеннагеля, некоторым помещикам подало повод приобретать от него наставления и присылать для научения людей; помещиком же Мальцевым по примеру его устроен в Орловской губ. подобный завод и ныне с оного, как ген.-м. Бланкеннагель уведомил меня, прислано к нему 250 пудов сахару-сырцу для переварки в рафинад. Сей же помещик Мальцев, на опыте изведав ощутительные пользы и выгоды, предпринял устроить еще таковое же заведение, но в обширнейшем пространстве». Очевидно, завод Бланкеннагеля являлся тогда практической школой сахароварения, куда помещики посылали своих крепостных на выучку; (в 1810 г. было 3 ученика), Орловский помещик Мальцев, несомненно, под прямым и непосредственным влиянием примера Бланкеннагеля устроил завод в Орловской губ. и уже в 1809 г. доставил 250 п. песку на завод Бланкеннагеля для переработки в рафинад.

К выработке рафинада Бланкеннагель приступил только с 1807 г., до того он только извлекал сахарный песок.

Резка и терка свеклы в первые два года производились в ручную. В 1805 г. Бланкеннагель заменил ручной способ машинным, вышеописанным. О выходе сахара имеется такое указание «из сорока четвертей очищенных кореньев выходит сахарного песку до 10 пуд. и более» [1]), что дает выход сахара в 3% (четверть 8 пуд. 10 ф.).

Для суждения о доходности первого свекло-сахарного завода можно привести такие данные [2]):

Расход за 1807 г.

I)	Приказчику	300 руб.	
	Мастеру сахаровару	900 »	
	Столяру за 4 месяца	120 »	
II	На пищу и вознаграждение 10 крепостных, высылаемых из друг. деревень по 50 р. по месячно, след. в 4 мес.	200 »	
III)	Издержки на материалы:		
	а) 100 куб. саж. дров	400 »	
	б) 200 арш. вал. сукна	220 »	
	в) 300 арш. холста	33 »	
	г) 10 бочек извести, привезенной из Москвы (на обратных подводах, отвозивших сладкие водки)	25 »	
	д) сальных свечей 13 пуд.	17 »	20 к.
IV)	На ремонт сосудов, строений	400 »	
	Всего	2.668 руб.	20 к.

Рейсс принимает среднюю цену в Тульской и Орловской губ. пуда рафинада в 25 руб.; выделано же сахара рафинада 307 пуд. Это количество

[1]) М. Калина фон Етенштейн в докладе в Чешском Экономическом обществе в 1831 г. указал, как на одну из причин неуспеха первых свекло-сахарных заводов в Чехии, на низкий выход сахара в 2—2½%, между тем, как Ахард получал 3—4% (1812 г.), французские заводчики даже 6—7%.

[2]) Рейсс выше цит., стр. 68—71.

могло быть продано в районе деятельности завода. Доходные поступления исчисляются проф. Рейссом так:

продажа сахара	25 × 307 п.	—7.675 руб.
» водок		6.778 руб.
	Итого дохода	14.453 руб.

Чистый доход для 1807 г. выразится в 11,7 тыс. руб. Рейсс исчисляет доходность всего капитала, пользуясь для этого такими данными: «покупка сельца Алябьева стоила хозяину 18.000 руб. Издержки на самый завод, как-то: на строение, посуду и пр. по высчетам его (Бланкеннагеля) составляют 32.000 руб. и более. Следовательно, приняв употребленную сумму пятьдесят тыс. руб. капиталом и сообразив его с выше исчисленною прибылью, оказывается, «что оный капитал сего года (1807 г.) принесет $23^1/_2\%$ [1])». Столь высокую прибыль Бланкеннагель получил на пятом году существования своего завода. Первые три года были убыточны; четвертый принес небольшой доход. Из приведенных расчетов для нас интересно подчеркнуть следующее: доход от продажи водок почти равнялся доходу от продажи сахара. Эта побочная отрасль продукции оказывалась не менее рентабельной, чем основная. Отсюда понятно, почему первые сахаровары так добивались права выкурки спирта. Интересно, что и в других странах побочная выкурка спиртов из остатков производства экономически поддерживала сахароварение в начальной стадии его развития.

Сладкие водки Бланкеннагель сбывал в Москву, а сахар на местном рынке. Близость такого крупного центра, как Москва, повышала доходность Алябьевского завода, обеспечивая сбыт водок.

Упоминание о том, что сельце Алябьево было куплено за 18 тыс. руб. и что на устройство завода затрачено 32 тыс. руб., т. е. вместе 50 тыс. руб. ценно для нас потому, что получается как раз та сумма, какая была выдана Бланкеннагелю в ссуду. Если мы сопоставим с тем, что еще в начале 1802 г. Бланкеннагель и его компаньон Есипов не знали, где будут строить сахарный завод, то можно думать, что село Алябьево было и куплено в 1802 г. специально для возведения в нем свеклосахарного завода.

По отзыву проф. Рейсса, «Алябьевский сахар-сырец имеет все качества превосходной московады (так назывался колониальный сахар-сырец). Цвет его светло-желтый, в изломе целого куска кажется он зернист, бывши терт в перст рассыпается он в свои хрустали и ни коем образом не смешивается в комы. Вкус его чистой, сладкой, отзывающийся несколько свекловицей, но запах особенный совсем на свекловицу непохожий» [2]). Из этого отзыва, благоприятного для Бланкеннагеля, видно, что сахар первого завода еще отдавал свекловицей, хотя по внешнему виду и по вкусу напоминал тростниковый сахар-сырец.

Бланкеннагель понимал значение новой отрасли промышленности, к насаждению которой он приложил столько усилий и трудов, он верил в то, что, сия новая ветвь хозяйства и народной промышленности, как непосредственных, так и в отдаленных отношениях обещает для Российской Империи весьма важные выгоды» [3]).

---

[1]) Рейсс выше цит. стр. 72. Для исчисления процента прибыли следовало бы исключить капитал, затраченный на покупку имения, а взять только капитал, вложенный в постройку и оборудование предприятия, в таком случае завод давал бы 37% на капитал.

[2]) Рейсс выше цит., стр. 45.

[3]) В 1812 г. завод Бланкеннагеля перешел к ген. м. Герарду, как это видно из указа о дозволении ген. м. Герарду выделывать на заводе его спирт из свекло-

В целях популяризации свекло-сахарного производства в 1811 г. было переведено подробное описание улучшенных способов свекло-сахарного производства Ахарда и разослано по губерниям в раздачу желающим безвозмездно.

Отечественная война и затем благоприятная кон'юнктура хлебного рынка после наполеоновских войн, с необычайно высокими хлебными ценами не могли благоприятствовать дальнейшему распространению новой отрасли промышленности в России, требовавшей значительных затрат на первоначальное устройство [1]). Известное влияние мог оказать и поворот в сторону более умеренной охранительной политики. Александр I, воспитанный в теориях свободной торговли, решил во время Венского конгресса 1815 г. смягчить суровость тарифа России. Результатом этих настроений явился тариф 1816 г., где было допущено некоторое смягчение запретительной системы. Указанная тенденция особенно ясно выражена в тарифе 1819 г., его Ладыженский называет самым умеренным из когда либо действовавших в России [2]). Разумеется, этот фритредерский поворот не мог действовать ободряюще на новую отрасль промышленности, имевшую к тому же сильного конкурента, в лице старой рафинадной индустрии. Наступает затишье, не видим появления новых свеклосахарных заводов. И даже те заводы, какие возникли раньше, не дожили до 20-х годов прошлого столетия. По крайней мере, у всех современников мы находим указание на существование в двадцатых годах двух свеклосахарных заводов Герарда и Мальцева [3]).

С двадцатых годов подымается интерес к новой отрасли промышленности под влиянием ряда причин,—в особенности упадка цен на хлеб и резкого поворота к протекционизму с изданием тарифа 1822 г. По этому тарифу сахар-рафинад был совершенно запрещен к провозу по европейской границе, за исключением Одесского порта, сахарный же песок был обложен фискальною пошлиною в 1 руб. 50 коп. с пуда или 15% от ценности [4]).

С этими благоприятными обстоятельствами совпало выступление в печати сахаровара Мальцева с отчетом об успехах своего свекло-сахарного завода. Его отчет был напечатан в распространенном тогда Земледельческом Журнале—органе Московского О-ва Сельского Хозяйства. Это обеспечило Мальцеву авторитетную аудиторию, которая могла не только должным образом оценить его успехи, но и последовать его примеру. Впер-

---

сахарных остатков. «В прошлом 1813 г. Тульский гражданский губернатор донес, что ген. м. Бланкеннагель умер, а свекло-сахарный завод, в коем участником с ним был ген. м. Герард, по особой сделке, еще в 1812 г. между ими учиненной, перешел во владение сего последнего с тем, что уплата ссуды, обеспеченная залогами, остается на обязанности наследников Бланкеннагеля, кои и приняли оную на себя. Из представленного означенным губератором показания управителя завода ген. м. Герарда видно, что на оном из урожая свекловицы, в 1813 г. собранной, выделано сахарного песка—400 пуд., а спирта—320 ведер». П. С. З. Т. XXXIII 1815—1816 г.г., № 25.843.

[1]) После отечественной войны в России существовало всего четыре свеклосахарных завода. Известный харьковский деятель Каразин в своем отчете филотехническому обществу в Харькове (16 янв. 1815 г.) говорил о том, что память почтенного Бланкеннагеля благословлялась только четырьмя, «ныне известными его последователями». См. Дубровин.—Сборник историч. материалов, извлеченных из архива Спб. канцелярии. 15. II. Сб. 1889, стр. 453.

[2]) Ладыженский.—История русского таможенного тарифа. Спб. 1886 г., стр. 187.

[3]) «До 1825 г. в России только и существовали эти два завода», по другой версии—7. См. проф. Зуев.—Энциклопедия свекло-сахарного производства, Т. IV, стр. 440—441. § 25. Сахарное производство в России.

[4]) Ладыженский, выше цит., стр. 279.

вые результатами своей хозяйственной деятельности Мальцев поделился в 1822 г., когда он выступил со статьей «О выгодах разведения свекловицы и возделывания из оной сахарного песку». На основании своего двенадцатилетнего опыта Мальцев пришел к выводу, что из числа средств, могущих доставить в России новый способ к удобрению полей и принести хозяевам большие выгоды, разведение свекловицы и выделывание из оной сахарного песку считается преимущественно полезным»[1]). Подчеркивая роль Бланкеннагеля в насаждении свеклосахарной промышленности, Мальцев замечает: «из числа воспользовавшихся его советами и предложенными от него пособиями и я начал разводить у себя свекловицу, совершенно по его системе и произвожу добывание из оной сахара-песку с желаемым успехом. В производстве работ с того времени я не сделал никаких перемен, кроме машины, употребляемой для стирания свекловицы. Оную изобрел почтеннейший сочлен сего общества А. Герард. Заведение мое очень просто и не только не переменяет обыкновенного хода в хозяйстве, но еще лишними выгодами ему помогает».

Интересные сведения Мальцева сообщает о посеве свекловицы[2]):

«Свекловицу у меня сажают крестьяне в своих конопляниках на третьей части оных, для того, что они обыкновенно кладут навоз через год или унаваживают только половину конопляника, а для свекловицы оставляют третью часть оного. По старому обыкновению коноплю они сеют два года без навоза, а на третий год без всякого удобрения сеют свекловицу, отчего третья часть навоза остается им от конопляников на удобрение полей. За каждую четверть свекловицы крестьяне получают от меня по 60 коп., что доставляет им те же выгоды, какие приносит пенька и конопля, собираемая с такового количества земли, какое засеяно свекловицей; а притом для обрабатывания свекловицы, гораздо менее потребно трудов, нежели для обрабатывания пеньки. Ибо для сажания нужен один день; полоть приходится раза два, три, а иногда и четыре, но все сие делается только до Петрова дня, а после свекловица оставляется без всякого ухаживания: выбирается уже она тогда, когда весь уже хлеб с полей убран. Обрезываемый от свекловицы лист остается для скота, и считается самым питательным для него кормом. Итак двенадцатилетний опыт показал мне, что крестьяне мои, продавая свекловицу по означенной цене, никогда не получали от того менее выгод, чем от конопли и пеньки, а между тем у них остается лишний навоз, уменьшается их работа, и свекловичный лист служил для корма их скоту, а хозяйство идет своим чередом. Теперь я исчисляю выгоды, получаемые мною от обрабатывания сахарного песку. В прошлом 1821 г. в конопляниках на 300 тягол было засажено свекловицей 40.000 кв. саженей, что составит 13 десятин. Снято свекловицы 2.800 четвертей; на каждую десятину приходится по 215 четвертей. Полагая за четверть 60 коп., каждая десятина принесла доходу по 130 рублей». Эти расчеты ясно показывали выгодность свеклосеяния. Дальше Мальцев делает расчет доходности свекло-сахарного производства.

Переработка 2.800 четвертей свеклы дала ему 780 пуд. песку, 900 пуд. патоки и 9.000 пудов выжимок из обрезков. «Выжимки сии составляют прекрасный корм для скота и особенно для дойных коров, отчего молоко их делается густого и желтоватого цвета». Мальцев приводит такой расчет доходности завода:

---

[1]) Земледельческий Журнал, издаваемый Имп. Моск. О-ом Сев. Хозяйства, кн. V. 1822 г. О выгодах разведения свекловицы и выделывания из оной сахарного песку, стр. 180.

[2]) Земледельческий Журнал. 1822 г., кн. V, стр. 182 и д.

Расход		Приход	
Свекла 2.800 четв. по 60 коп.	1.680 р.	Патока (по 3 р. 50 к. за пуд.)	3.150 р.
Плата рабочим, сукно, холст, известь, свечи, дрова (не бол. 50 к. с)	4.000 р.	Жом	1.000 р.
		Рафинад [1]) 280 п. по 40 р.	11.200 р.
Итого	5.680 р.	Итого	15.350 р.
			— 5.680 р.
		Остаток	9.670 р.

И у Мальцева получается высокий чистый доход, не зная стоимости завода, нельзя определить процент прибыли, но если считать, что его завод по своей производительности не меньше завода Бланкеннагеля, то нужно думать, что он и обошелся ему не свыше 32 тыс. руб., в таком случае доходность его сахарного завода определится в 30%, т. е. почти столько же, что и у Бланкеннагеля.

Заканчивает свою статью Мальцев таким пожеланием: «я искренне, желаю, чтобы хозяева, имеющие возможность разводить в поместиях своих свекловицу, обратили внимание на сей предмет и не оставили им воспользоваться. Утвердительно можно сказать, что разведение свекловицы в России может составить важный предмет для самой политической экономии, ибо с умножением оной, количество добываемого сахара может удовлетворить потребность оного для всего государства и мы не будем зависеть по сей части торговли от иностранцев, а между тем и самое хлебопашество и скотоводство получат для себя новые средства к достижению совершенства».

В двадцатых годах пробуждается в помещичьей среде большой интерес к свекло-сахарным заводам. Между прочим наши помещики очень интересовались положением этой промышленности во Франции. Кн. Гагарин пишет из Парижа Мальцеву [2]): «вы желаете иметь сведения на счет свекловичных сахарных заводов. Производство оных очень усовершенствовалось; прежние способы не могли устоять против цен, последовавших за упадком колониальной системы Бонапарта. Фабрики почти все остановились, но теперь начали снова возникать и их считают до 18; из коих многие производят от 3.000 до 8.000 пудов сахару.

Будущей зимою надеюсь быть с вами вместе, и если угодно Вам и Герарду, то мы займемся оным делом...

Вчера встретил я здесь Нейгардта, Вашего соседа, который с Вами в переписке; он здесь именно насчет свекловичного сахару и единственно сим занимается... он был на разных фабриках; заказал здесь лучшим мастерам терки, прессы, кубы и хочет делать все в большом виде и надеется привезти с собой хорошего фабриканта, которого он видел на деле». С двадцатых годов началось паломничество наших помещиков во Францию, занявшую первое место среди свеклосахарных стран. На долгое время Франция стала нашей учительницей в области свеклосахарной промышленности [3]).

К двадцатым годам относится зарождение свекло-сахарной промышлен-

---

[1]) Из 2 п. 30 ф. песку выходит сахару рафинаду 1 пуд, след., из 780 пуд. = = 280 п. Зем. Жур. 1822 г., кн. V, стр. 185.

Суточная производительность завода Мальцева 40 четвертей или 330 пудов.

[2]) Земледельческий Журнал. 1824 г., кн. X из письма кн. Гагарина к Мальцеву, стр. 92—93.

[3]) Сведения... 1849, стр. 61.

ности и на Украине [1]). Совершенно точно известна дата основания первого свекло-сахарного завода на Черниговщине в селе Макошине Сосницкого уезда. В 1825 г. граф Кушелев в письме к своему сыну от 18-го сентября 1825 г. сообщает [2])»: «я от Богуна получил несколько сливных и вишневых косточек для посеву. Он пишет, что свекловица родилась хорошо и мастер одобряет. Итак будем иметь твой сахар». В следующем письме от 16 октября 1825 г. мы встречаем такую фразу: « у тебя в Малороссии весьма удачно родилась свекловица и что сахарный завод устрояется. Когда будет выгоден, то можно устроить и в Павлограде или в Алабухе таковые же, ибо здесь и земель и позему для удобрения весьма много и в дровах недостатку нет».

Следующее письмо (от 27-го ноября 1825 г.) дает такие сведения: «в Малороссии хлеб без цены. Твой сахарный завод требует удобренных земель и новых для свекловицы. И я крайне боясь, чтоб доход не был на бумаге только и в чужом кармане, а из твоего будут итить только расходы, умножения долгов и увеличения процентов». «Я слышу, что твой сахарный завод уже в действии. Уведоми, как он идет и каковой надеешься успех от оного в доходе» (3 апр. 1826 г.). «Благодарю за присылку пробы песку сахарного, песок от влажности распустился дорогою, но видно, что хорош» (16 марта 1826 г.).

Посевы свеклы в Макошине сделаны были весной 1825 г., завод окончен постройкой осенью того же года и зимой завод уже был в действии [3]).

---

[1]) Мысль о том, что свеклосахарная промышленность может привиться на Украине, была высказана крупным украинским деятелем Каразиным, вскоре после отечественной войны. В своем отчете Филотехническому обществу в Харькове, зачитанном в публичном заседании 16 янв. 1815 г. Каразин высказал следующее по вопросу о производстве свекловичного сахара:

«Возьмем в пример индийский сахар, добываемый из тростника, и представим на минуту, что попечения нашего правительства о введении свекловичных заводов возымели уже полное свое действие, что память первого заводчика сего роду, почтенного Бланкеннагеля, благословляется уже не четырьмя только, ныне известными его последователями, но хозяевами многих губерний, особенно полуденных. Что произойдет?.. Сахар, производимый из тростникового соку, обойдется на острове С. Доминго конечно, дешевле нежели в России, выделываемый из свекловицы. Положим, даже, что разность в ценах будет в пользу тростникового сахара так велика, что выдержит все приращения издержек на доставление морем из С. Доминго в Ригу или в С. Петербург, и потом сухим путем, напр., в Харьков. Но здесь должно уже кончиться равенство цен; и если бы иностранный торговец захотел, пользуясь прихотливостью нашего, еще произвольно увеличить цену, то заставит обратиться к сахару отечественному. Таким образом, искусство, обрабатывая отечественые произведения будет сохранять в торговле равновесие, до которого невозможно достигнуть другими средствами». См. Сборник истор. материалов, извлеченных из архива е. и. в канцелярии. В. П. Под ред. Дубровина, Спб. 1889.

[2]) Письма графа Кушелева к своему сыну. Труды Черниговской архивной комиссии. В. III. 1913 г., стр. 37.

[3]) Интересные сведения о Макошинском заводе сообщает отчет о действиях и наблюдениях с 1/I по 1/IV 1834 г. по экономии гр. Безбородко, управляющего Бартоша (семейный архив Литвиновой). «Экономия предвидя, что от урожая прошедшего года свекловичных семян к посадке на наступающую весну весьма было малое количество, то для покупки оных послан был сахарного дела мастер в Орловскую губернию, коим таковых семян куплено у Дмитровского помещика Рышкова всего четыре пуда: два по 25 р., а два по 27 р. за пуд». Это ясно говорит о ничтожных размерах свекловичных плантаций Макошинского завода, что подтверждается и очень небольшой продукцией завода.

«В течение января месяца из переваренного бастрового песку, коего весом было 64 п. 20 ф. налито лумповых форм 43, которые под пробелкою были до 20 февр. Из под самых форм истекло патоки 34 п.». При таком размере производства, едва ли что-либо могло оставаться на продажу. Очевидно, завод обслуживал нужды господского двора.

В этой же переписке выясняется и основной мотив постройки завода, «хлеб без цены» и отсюда необходимость увеличить доходы. Правда, старик отец боялся новшества, как бы сахарный завод не увеличил только расходы. Завод в Макошине строился в виде опыта в целях выявления доходности этой новой отрасли промышленности. В случае его выгодности, намечался план постройки ряда заводов в новых поместьях богатого украинского рода. Устроители понимали значение топлива для свеклосахарной промышленности и в плане построек новых заводов намечалась постройка заводов в тех местах, где не было недостатка в дровах. Во всех списках дата Макошинского завода одинакова. Иное мы видим в отношении завода Трощинского на Киевщине в Каневском уезде в селе Трощине помещика Ц. О. Понятовского. В одних списках основание этого завода относится к 1832 г.[1]), в других списках называется 1822 г. и, наконец, в третьих 1824 г.[2]). Одно можно утверждать, завод существовал раньше тридцатых годов; в архиве найдено донесение исправника о том, что завод Понятовского сгорел в 1830 г.[3]). Очевидно, дата 1832 г. относится к заводу, восстановленному после пожара. Какую же дату признать верной 1822 г. или 1824 г.? Характерно, что в Фундуклеевском описании Киевщины мы вовсе не находим упоминания об этом первом заводе, наоборот, там начало свеклосахарной промышленности отнесено к тридцатым годам. Принимая во внимание под'ем интереса к свекло-сахарным заводам только после первого отчета Мальцева, опубликованного в 1822 г., мы склонны признать вторую дату, т. е., 1824 г. более достоверной.

Есть указания на то, что в двадцатых годах существовал сахарный завод в Подольской губ.[4]). Лялин в тридцатых годах определил географию свекло-сахарной промышленности таким образом: «к востоку за Волгой нет заводов, а к западу крайние в Смоленской и Полтавской губ., так

---

[1]) Журнал Мануфактур и Торговли. 1853 г., кн. I, стр. 196.

[2]) Ulashyn—выше цит., стр. 40.
Иконников—выше цит., стр. 204 прим.

[3]) Богуславский земский исправник пишет от 7/II 1831 г. в канцелярию военного губернатора: «донесение не учинено военному губернатору о сгоревшем у помещика Ев. Понятовского в селении Бучака сахарном заводе по недоставлению от экономии обстоятельного сведения об оном пожаре, которая экономия на требование мое донесла мне, что посланный с донесением в нижний суд не был пропущен на рогатке в Богуславе по случаю оцепления оного, по бывшей тогда на людях болезни; в которое время случился пожар, я находился тогда в тех селениях, где существовала болезнь холера, и занимался действием о прекращении оной, почему и не мог учинить донесения по сим об'ясненным причинам; впрочем, в сахарном заводе только сгорела деревянная крыша и пол, а каменное здание оного завода осталось неповрежденным от огня». К. Ц. И. Арх. Дело № 38 о сгоревшем у помещика Ев. Понятовского сахарном заводе начато 27/I 1831 г. кончено 17/II 1831 г.

[4]) У Яворського есть глухое указание на то, что в начале XIX в. существовал свеклосахарный завод в имениях Потоцкого. Україна в епоху капіталізму. В. І. 1924 г. Стр. 260. Танфильев утверждает, что на Украине «первый завод открылся в 1827 г. в Бершади, Подольской губ., в Киевской же, где теперь больше всего заводов, первый завод появился только в 1834». Очерк географии и истории главнейших культурных растений. 1923, стр. 166. Это утверждение не подкреплено ссылкой на источник. Как мы знаем, первый свеклосахарный завод на Киевщине был устроен до 1830 г. Что касается Бершадского завода, яко бы устроенного в 1827 г., то против этого говорит следующий факт: Владелец Бершади Петр Мошинский был арестован в 1826 г. и освобожден в 1834 г. Едва ли при таких обстоятельствах возможно было устройство в его имении завода в 1827 г. К тому же ни в одном из сахарных списков этот завод не упоминается. Spis ważniejshych miejs. w pow. Starokonst. na Wolyni p. 1826 st. 599. Кованько, основываясь на П. С. З. XXXI, № 24.201, ошибочно утверждает, что в Харьковской губ. свекло-сахарный завод возник в 1810 г. См. Описание Харьковской губернии. Х. 1857., стр. 59.

что Днепр можно принять границею, далее которой не знаем, есть ли они. Я не отвергаю, чтобы за Днепром в западных губерниях не могли быть заводы, особенно зная, что до 1830 г. в Подольской губ. был огромный завод Собанских»[1]). В архиве Киевского генерал-губернатора имеется указание на то, что при конфискации этого завода после восстания 1831 г. на нем найдено было 4 тыс. пудов сахарного песку[2]). В то время 500 пудов продукции на год составляло значительное количество. Так как завод Сабанских Лялин называет огромным, то можно считать, что его продукция могла быть и больше. Если даже взять высшую цифру 1.000 пуд. и считать, что некоторое количество песку расходилось на месте и значит, запас, находившийся на заводе в момент его конфискации не покрывал всей продукции его, то можно прийти к выводу, что завод Собанских уже существовал в период между 1825 и 1828 г.г. В конце двадцатых годов существовал и в Харьковской губ. сахарный завод Лялина. Последний, поставив вопрос о том, возможно ли существование на Левобережьи сахарного завода на коммерческих началах, дает положительный ответ: «Вот уже восемь лет, как существует завод и ложность этого мнения (о недостатке рабочих К. В.) совершенно опровержена делом: не только теперь нет недостатка, но еслиб завод увеличил вчетверо свой денежный оброк, и тогда не имел бы недостатка в рабочих». Эти слова написаны в 1835 г., выходит, что завод Лялина был в действии с 1827 г. Вероятно, это был первый сахарный завод в Харьковской губ. Можно к этому еще добавить, что еще в 1810 г. было дано дозволение кол. ассес. Безобразову устроить в поместиях своих в Курской и Слободско-Украинской губ. (Харьковской) два завода для добывания сахара из свекловицы[3]). Никаких следов об этом заводе не имеется нигде, он не показан ни в одном списке. Очевидно, дозволение, полученное Безобразовым на устройство завода в Слободско-Украинской губ., не было осуществлено. Некоторые исследователи, пользуясь Полным Собранием Законов, составляют перечень сахарных заводов по отдельным годам этого начального периода; более внимательное изучение вопроса показывает, что получение дозволения на устройство сахарного завода далеко не означало устройства самого завода. И потому, нами не использован этот источник для учета свекло-сахарных заводов.

Наконец в списках мы находим единодушные указания на 1828 г., как дату основания сахарного завода в Полтавской губ. в Лохвицком уезде в с. Бодавке[4]) в имении д. ст. сов. Майорова Челищевым. Таким образом со второй половины двадцатых годов на Украине существовало несколько свекло-сахарных заводов. В этом периоде Украина далеко шла позади центральных губ. и только позже со второй половины тридцатых и сороковых годов свекло-сахарная промышленность получает быстрое распространение на Украине и она начинает играть первую роль в этой отрасли производства.

---

[1]) Лялин. Библиотека для чтения. Т. X. 1835 г., стр. 3. Завод Собанских находился в Пятковке, Ольгопольского у. Труды Под. Епарх. Ист.-Стат. Комитета. Т. IX, стр. 793.

[2]) «В конфискованных имениях помещиков Собанских устроено два завода для выделывания сахара из свекловицы. Найденный там сахарный песок до 4 тыс. пуд. был отменно хорошей доброты. Но к рафинированию, по новости заведения, не было еще приступлено. Заводы сии отдаются от Казенной Палаты в содержание, но желающих принять их не является». К.Ц. Ист. Арх. Отношения под. гражд. губ. от. стр. 12. 1833. № 10.554 на имя Киев. воен. губ. Отчет о Подол. губ. за 1832 г. Департаменту Госуд. Хозяйства и пуб. зданий.

[3]) П. С. З. Том XXXI.—1810 г. № 24201.

[4]) Арандаренко, выше цит., стр. 334.

К 1828 г. относится возникновение на Уманщине свекло-сахарного завода гр. Мощинского. «Уманского уезда в имении помещика гр. Мощинского устроен сахарный завод, на коем производится выделывание сахарного песку из свекловицы с 1828 г. Завод сей длиною 36, шириною $5^1/_2$ саж., в нем котлов первого сорта 4, мерою каждый в 250, а второго сорта 14, мерою в 175 ведер, употребляется рабочих людей 5 человек крестьян и на выделку одного только сахарного песку материалы кроме свекольнику и костей, входят в состав купоросное масло, воловая кость и известь, чего сколько в год выходит определить не можно, потому, что оный завод еще совсем не усовершенствован, и о количестве употребляемых материалов верных сведений не собрано, ибо теперь делается одна проба, на каковую издерживается купоросного масла и извести до 100 пудов; выделано в оном заводе желтого песку 250 пудов, который малым числом переделывается на белый песок и употребляется в домовые помещицы расходы и выпускается в продажу разным лицам по 25 руб. за пуд [1]).

В этом кратком описании завода Мощинского для нас интересно и примитивное устройство завода, его незначительные размеры, и перечень вспомогательных материалов и наконец, указание на то, что завод обслуживал нужды домашнего хозяйства, частью сахар продавался на сторону по цене 25 руб. за пуд. На основании этой справки нельзя установить местонахождения завода; к этому легко добавить только, что Мощинским на Уманщине принадлежали такие села: Антоновка, Посуховка, Рыжавка, Колодистое, Чорноводы и Городныця.

Можно еще указать на то, что в 1828 г. свекло-сахарная промышленность зародилась и в Польше (в б. цар. польском завод гр. Лубенского) [2]).

В конце двадцатых годов начал широко распространяться тип домашних свекло-сахарных заводов, стало модным в кругу крупных помещиков иметь свой сахарный завод. Сахаровар, как и паштетник являлся необходимой принадлежностью богатого помещичьего дома. Производство велось домашним способом, примитивно; об этих заводах даже не сохранилось и памяти [3]).

О значительном распространении свекло-сахарных заводов в России к концу двадцатых годов говорит факт широкого обучения крепостных на заводах Герарда, Мальцева [4]). В Землед. Журнале за 1829 г., мы нахо-

---

[1]) Киев. Архив. О предоставлении М. В. Д. отчетов по управ. губ. за 1832 г. № 11.

[2]) Zyg. Przyrembel Przyczynki do historyj Cukrownictwa w Polsce i na Rusi. Gazeta Cukrownicza 1911 № 13 Ср. Tygodnik Rolniczo-Technologiczny 1838 № 32 Belza—Krótki rzut oka na dzisiejszy stan fabrikacyj cukru z burakow, Wrotnowskiego—Przemysł Cukrowniczy w Królestwie Polskiém W. 1880. st. 6.

В новейшей работе Zyg. Przyrembel (Historia Cukrownictwa w Polsce, T. I 1927 st. 93) сообщает, что Плонка, почмейстер в Смависках и Ломжинском департаменте занимался опытами по выработке сахара из свеклы еще в 1811 г.

Первая домашняя сахароварня в Литве Шпаковского возникла в с. Вежках в 1835 г.; она перерабатывала всего 280 берк. за сорокадневную кампанию, получая только 80 пуд. сахара.

Przyrembel—st. 266.

[3]) Приложения... выше цит., стр. 13.

[4]) Смоленский помещик Савин, сообщает: в 1825 г. послал я к Мальцеву моего бурмистра осмотреть свекло-сахарную его фабрику, и с ним двух крестьян для обучения сахароварения и всему производству сего дела. Через год бурмистр мой возвратился домой и без моего надзора начал разводить свекловицу на конопляниках; и в одном пустом строении, бывшем в моей деревне, устроил фабрику и стал добывать сахарный песок». Зем. Журнал 1829 г., кн. XXVII о свекловично-сахарном заводе Савина, стр. 529. (Продолж. на стр. 97).

дим список тех помещиков, которые посылали крепостных для обучения на завод Герарда [1]).

Фамилии помещиков, посылавших крепостных для обучения	Число учеников	Где находится завод
Мальцева	1	в Орловской губ.
Каразина	1	неизвестно
Боборыкина	1	в Орловской губ.
Гагарина	3	один находится мастером у Бегичева
Мещерского	2	в Тверской губ.
Зыбина	1	в Калужской губ.
Дурнова	1	в Тульской губ.
Бобринского	2	
Миниха	1	
Потоцкого	1	в Подольской губ.
Хрущева	1	в Пензенской губ.

По списку, в 1829 г. существовало 11 сахарных заводов, мастера которых обучались у Герарда. Далее мы находим перечень 20 фамилий помещиков, крепостные коих обучались в 1829 г. на заводе Герарда (всего таких учеников 29). В этом перечне было шесть княжеских фамилий. К концу двадцатых годов обучение приняло массовой характер; завод Герарда содержал, выражаясь современным языком, школу фабзавуча. Это свидетельствовало о том, как широко было распространено в помещичьей среде желание устраивать сахарные заводы. И другие заводы служили школой сахароварения. «Весьма желательно иметь подобный список и от почтенного Мальцева; ибо известно, что на некоторых фабриках, как-то: в Волоколамском уезде ген. .Маравьева и в Ельнинском уезде у Савина сахароварение производится учениками с фабрики Мальцева» [2]).

Горяинов, предполагая завести сахарный завод в Воронежской губ., в поисках сахаровара обратился к Герарду, последний «не затруднился отпустить ко мне своего сахаровара, дал мне подробные наставления, как приступить к делу и план сему заведению, простейшим образом устроенному и прочие, нужные сведения». Земл. Журн. 1829 г., кн. XXVII. О свекло-сахарном заводе Горяинова, стр. 523.

[1]) Маслов. О добывании сахара из свекловицы в России. Земл. Журн. 1829 г., кн. XXVII, стр. 521—522. Из этого списка видно, что на Украине еще был неизвестный нам завод в Подольской губ. Потоцкого. Для Германии школой сахароварения служил завод Ахарда в Кунерне. Из оффициального сообщения прусского правительства от 11 февр. 1812 г., видно, что в Кунерне числилось учеников—11 и ожидалось еще 13, были в т. ч. и иностранцы. Légier—выше цит., p. 594.

[2]) Герард и Мальцев, первые из русских хозяев начали убеждать и словами и примером других помещиков в пользе свекловично-сахарных фабрик. Немногие решались подражать им. Зем. Журн. 1829, кн. XXVII.

В другом месте того-же Земледельческого Журнала читаем: «члены сего о-ва Герард и Мальцев предлагают охотно свои услуги, прося каждого посещать их заведения и видать на деле все производство свекловичного сахара; а кому угодно, то могут присылать к ним на заводы и смышленных людей, способных перенимать подобные работы и даже участвовать в оных». Земледельческий Журнал, 1824 г., кн. X, стр. 100.

«Пребывание в этих практических школах сахароварения длилось год-два». Смышленые крестьяне, пробыв на устроенных фабриках год, а много, два делаются сахароварами». Землед. Жур. 1829 г., кн. XXVII, стр. 518.

Бартош, управляющий гр. Безбородко, сообщает в своем отчете за 1834 г.: «С 20 февр. по 29 марта никакого делопроизводства по заводу (Макошинскому) не было по случаю холодного времени, в которое сахарного дела мастер отправлен был как для узнания сахарного делопроизводства, так и для покупки свекловичных семян на завод Мальцева и Бородавицына». Интересно, что на заводе Мальцева усовершенствовался сахарного дела мастер Макошинского

Интересные сведения по практическому обучению сахароварению сообщает Przyrembel В сенг. 1838 г. в Tygodnik'e Rolniczo-Techuologicznego было помещено об'явление о практическом курсе выработки сахара из свеклы домашним способом на заводе Шпаковского в Литве. Курс двухнедельный с платой 25 дукатов зол. за ученика.

На курс практического обучения сахароварения в 1840 г. приехало четыре ученика из Польши, два из Подолии, один из Украины, по одному из Витебской, Смоленской губ. [1]).

С какой подготовкой посылались в эту школу ученики, можно видеть из следующего сообщения: полковник Райский писал, что посланный им хлопец, не умеющий писать, научился вполне сахароварению и поэтому Райский имеет теперь собственный сахар, хороший, в достаточном количестве для домашних потребностей [2]).

Из перечня учеников Шпаковского в 1841 г. видно, что интерес к практической школе сахароварения в Вежках ослабел.

Школа прекратила свое существование в 1844 г. Курсы в Вежках привлекали гл. обр. учеников из Польши, Подолии и отдаленной Украины. В виду развития свекло-сах. промышленности в сороковых годах в этих районах, прилив учеников в школу Шпаковского упал.

Przyrembel приводит ряд об'явлений о приеме учеников для обучения на другие заводы [3]):

Так в 1843 г. в Tygodnik'e Petersburskim в 1843 г.; в Волын. губ. в у. Житомирском в с. Кулках обывателя Болеслава Обидзинского устроена фабрика производства сахара из свеклы.

Директор фабрики Ф. Лабейковский сообщал о приеме на фабрику учеников, которые в достаточной мере могут ознакомиться с производством сахара из свеклы, рафинировании сахарного песка, а также в разведении сахарной свеклы в каждом месте.

В том же самом 1843 г. Tygodnik'e Petersburskim находим сообщение, что Петр Березовский директор Серебринецкой фабрики на Подолии приглашал к себе желающих обучаться рафинированию.

В том же журнале сообщалось, что в губ. Подольской в м. Тульчине, имении Меч. Потоцкого была основана сахарная фабрика больших размеров, с профессором в этой отрасли промысла P. Foulquier. Последний, кроме управления Тульчиным и обязанностей, какие он исполняет у гр. Потоцкого, готов принимать от лиц, желающих ему доверить, учеников для подготовки на сахароваров, а также не откажется взять на себя устройство новых фабрик, в крайнем случае помочь своими знаниями усовершенствованию таковых [4]).

В конце двадцатых годов увлечение сахароварением приняло характер достаточно широкого движения в центральной полосе. Отдельные случайные заводы появлялись и на Украине. Маслов писал: «убеждение в возможности и выгодах добывания сахара из свекловицы сделалось столь всеобщим в России, что сильные только препятствия могут остановить благодетельное для отечества стремление русских помещиков к размножению свекловично-сахарных фабрик».

Крупную роль в распространении этой идеи сыграла агитация Герарда и Мальцева. Последние, «будучи оба членами Моск. О-ства Сельского Хозяйства, не переставали повторять свои убеждения в пользу новой отрасли

---

[1]) Przyrembel, выше цит., st. 276.
[2]) Там-же, st. 279.
[3]) Там-же, st. 285.
[4]) Там-же, st. 285.

промышленности; представляли, посредством Зем. Жур., на суд общества ясные расчеты выгод от свекловично-сахарных фабрик, ими получаемых, предлагали всем охотно и безденежно принимать на свои фабрики учеников».

Московское общество сельского хозяйства очень высоко ценило деятельность Мальцева по насаждению в России свеклосахарной промышленности. В отчете общества за 1826 г. выражена признательность Мальцеву, «который всеми зависящими от него средствами, содействуя распространению в России свекловично-сахарных заводов, предложил посредством Земледельческого Журнала всем помещикам, желающим устроить у себя подобные заведения, что они могут присылать к нему учиться своих работников возделыванию свекловицы и обрабатыванию из оной сахарного песку, без всякой за то платы» [1]).

Мальцев в целях ознакомления помещиков с свеклосахарным производством устроил в 1826 г. за свой счет на опытном хуторе вблизи Москвы сахарный завод «на двенадцати саженях длины и на трех с половиною в поперечнике». Он имел в виду показать производство сахара, чтобы все члены, желающие иметь у себя небольшие заведения сего рода, могли, посещая хутор о-ва, опытом научиться сему производству, и, если угодно снять модель со всего завода». Из ряда отчетов сахароваров конца 20-х годов ясно видна та роль, какую играл Мальцев в насаждении этой отрасли промышленности, действуя словами, статьями, отчетами, советами, указаниями, обучением крепостных и т. д. Это был неутомимый работник, веривший в новую отрасль промышленности.

В 1827 г. Мальцев сообщил читателям Земледельческого Журн. не только подробный отчет о деятельности своего завода, но дал план и описание завода. Это облегчило устройство свеклосахарных заводов для всех желающих последовать его примеру. В 1829 г. возникли заводы Бахметьева, Тучкова, б. Котца, гр. Бобринского, Шишкова, Савина, Воейкова и др. В 1832 г. считалось, по словам Шипова, свыше 20 свекло-сахарных заводов [2]).

Мы имеем список фабрикантам и заводчикам Российской Империи за 1832 г., составленный в Департаменте Мануфактуры и Торговли. По этому списку, в 1832 г. насчитывалось сахарных заводов 59, вместе с рафинадными заводами, перерабатывающими тростниковый сахар. Свеклосахарных же заводов было только 18. Этот список явно не полный, не упомянут Макошинский завод Черниговской губ., Лялинский в Харьковской губ., Трощинский в Киевской, нет завода Мальцева и т. д. Сведения для указанного списка получались от гражданских губернаторов; очевидно, не все губернаторы дали сведения о имевшихся в их губерниях свеклосахарных заводах; таким образом, этот далеко не полный список содержит 18 свекло-сахарных заводов. Если включить сюда известные нам пропущенные заводы, получим более 20 заводов, что совпадает с цифрой Шипова [3]).

---

[1]) Земледельческий Журн. 1826 г., кн. XVII, стр. 306.

[2]) Шипов.—Записка о свеклосахарном производстве, читанная на заседании Первого Отд. Комитета. Общест. 12 февраля 1869 г., стр. 2. В 1828 г. во Франции насчитывалось 133 завода, с продукцией в 50 тыс. центн. См. Diviš, выше цит., st. 52.

[3]) Заметный прирост свеклосахарных заводов в начале тридцатых годов, занимавшихся и выкуркой спирта, вызвал тревогу среди откупщиков. Содержатели Московских питейных сборов и заводчики, выделывавшие хлебные водки, обратились в мин. фин. с просьбой о постановлении правил на выделку водок из свекло-сахарных остатков и об усилений надзора за действиями таковых заводов. Сенат, заслушав представление мин. фин., постановил: (прод. на стр. 100).

Другой источник, откуда русские помещики черпали свои сведения о сахароварении, находился во Франции. «Успехи свекловично-сахарного производства во Франции, где видели и учились оному, русские помещики Нейгард, Давыдов, Бахметьев и др., которые, возвратясь в Россию, завели у себя свекловично-сахарные заводы, еще более утвердили в их пользе» [1]).

Как же оценивало это движение правительство? До нас дошло несколько документов, которые достаточно выпукло характеризуют точку зрения правительства на увлечение помещиков сахароварением.

Чиновник мин. финансов в Париже Жерве обратился с письмом к мин. гр. Канкрину, в котором он, говоря, о разведении во Франции свекловицы и выварке из нее сахара, предложил учредить в России казенный образцовый свекло-сахарный завод. В 1826 г. числилось во Франции не менее 100 заводов, существовало убеждение, что французское сельское хозяйство доставит весь сахар, необходимый для страны. Жерве предлагал организовать первое заведение этого рода, которое могло бы служить образцом для частных лиц (progre à servir de modéle aux particuliers). Для успеха дела он рекомендовал выписать из Франции все оборудование сах. завода и мастеров [2]). Мин. финансов переслало это письмо министру внут. дел, в ведении которого находился департамент госуд. хозяйства. В ответной записке мин. внут. дел указывало на учреждение сахарного завода Бланкенагеля в 1802 г. и на открытие таких же заводов в губерниях Тульской, Орловской, Рязанской, Воронежской, Пензенской, Курской, Слободско-Украинской, Тамбовской, Московской, Саратовской и Тверской. По указаниям этой записки, в России числилось в 1826 г. 19 сахарных заводов. Все же министерство вн. дел находило мало удовлетворительными результаты первых опытов свекло-сахарной промышленности. «Сколько не желательно было сию отрасль хозяйства распространить и улучшить и сколь ни открывалось, повидимому, желающих учредить заведения свекло-сахарные, однако ж к сожалению, оказалось, что действительное производство самого сахара из свекловицы весьма мало или вовсе не существовало (курсив наш), по крайней мере мин. вн. д. никогда не получало удовлетворительных донесений о выделке оного, одно только из-

---

1) на водочных заводах из свекло-сахарных остатков, кроме квасильных чанов и перегонных кубов, всякую другую посуду для приготовления водок, употребляемую, согласно § 16 Устава о питейном сборе, немедленно уничтожить;

2) приготовление водок из свеклосахарных остатков предоставить одним тем заводчикам, кои занимаются добыванием сахарного песку, ограничив количество водки в спирте, не более одного ведра на каждый пуд, с платежем казне акциза по 6 руб. за ведро;

3) на всех таковых заводах, кроме свеклосахарных остатков, употребления других припасов не дозволять;

4) вход в заводы сии, надзор за производством работ, брожением, перегонкою и разливом питей предоставить откупщикам или их поверенным, иметь безпрепятственно и

5) выдаваемые от казен. Палаты на записку выделки и продажи водок заводчикам книги, сверх казенных чиновников, дозволить также свидетельствовать местным содержателям питейных сборов и их поверенным». П.С.З. т. VIII, 1833 г., № 6031.

Очевидно, сахаровары начали подрывать доходы московских откупщиков, сбывая на московском рынке водочные изделия, вырабатываемые на свеклосахарных заводах.

1) Зем. Журн. 1829 г., кн. XXVIII, стр. 520. По словам Divis, Франция являлась образцовой школой для всех прочих государств Европы. Divis — выше цит. S2.

2) Лен. Цен. Истор. Архив фонд Департ. Мануф. и Внутр. торговли № 8, 1826 г. Дело по письму Жерве о разведении во Франции свекловицы и выварке из нее сахара с предложением об учреждении в России на таком же основании от казны образцового свеклосахарного завода.

вестно, что из свекольного сиропа производили спирт и водки». Давая такую уничтожающую оценку отечественной свекло-сахарной промышленности, мин. вн. дел в конце концов склонялось к такому выводу: «из сего заключить можно, что в России делать с какою либо выгодою сахар из свеклы или весьма трудно или невозможно (курсив наш), по крайней мере до тех пор, пока кто-либо из капиталистов российских, при полном сведении всех приемов в распродаже своего произведения не покажет на деле своих успехов». Такая отрицательная оценка достижений свеклосахарной промышленности, сделанная в то самое время, когда Московское о-во Сельского Хозяйства, так широко повело агитацию в пользу насаждения новой отрасли производства, заслуживает быть отмеченной. Здесь особенно ценно замечание о том, что помещики больше занимались выкуркой спирта и водок, чем сахароварением. Мин. вн. дел относилось скептически и к проекту Жерве. «Вся надежда Жерве в успехе сих заведений в России основывается на том, чтобы само правительство приняло на свой выбор и выписку людей, инструментов и снарядов из Франции и самое учреждение сахарных фабрик. Такое средство, очевидно, подвержено безчисленным затруднениям и не представляет ни малейшего обеспечения в верности успеха тем паче, что и в самой Франции, как подробно видно из сообщаемых мне книг (Жерве прислал и французские книги по сахароварению), еще происходят только великие споры, какой лучший способ выжимания, варения и очищения свекольного сока, а не представлено ни одной фабрики, которая бы в полной мере достигла своей цели». В конце концов мин. вн. дел находило, что «проэкт не заслуживает особого внимания и не заключает в себе никаких новых доселе еще неизвестных усовершенствований свекло-сахарного производства, могущих служить прочным устройством сего предмета». В этом письме достаточно ясно изложило свою точку зрения на отечественную свекло-сахарную промышленность мин. вн. дел. Как же смотрело на эту отрасль мин. финансов, которое, казалось должно было бы интересоваться этой промышленностью? Свою точку зрения мин. финансов Канкрин имел возможность высказать по следующему поводу: французский подполковник Д'обиньи и иностранец Даазан предполагали завести в Бельском у. свекло-сахарную фабрику, и просили о льготах для нее. Мин. финансов отказал в льготах из опасения, что эта фабрика может содействовать ввозу контрабандного сахара. В секретном письме правителю Белостокской области гр. Канкрин пишет: «сделанные поныне в России опыты свидетельствуют, что выделка свекловичного сахара приносит одни убытки и поддерживается только высокою таможенною пошлиною» [1]). В письме к Новосильцеву по тому-же делу мин. финансов писал: «опыты свидетельствуют, что выделка свекловичного сахара есть промышленность усиленная и поддерживаемая единственно только высокою таможенною пошлиною на иностранный сахарный песок, я не признаю полезным поощрять оной ко вреду других отраслей мануфактурного дела» (11 марта 1829 г.). Таким образом, мин. финансов был вполне солидарен в отрицательной оценке отечественной свеклосахарной промышленности с мин. вн. дел. Очевидно, близорукие представители правительства еще не разделяли той оптимистической оценки, какая господствовала в кругах Московского Сельско-хозяйственного О-ва [2]).

---

[1]) Лен. Цен. Истор. Архив фонд. Департамента Мануф. и Торговли. 1828 г., № 320. Дело о даровании льготы французских войск полковнику Д'Обиньи и иностранцу Даазану, предполагающих завести в Бельском повете свеклосахарную фабрику.

[2]) Недоверчиво относились к успехам наших сахароваров и в обществе. Известный обозреватель промышленности Пельчинский писал в начале тридцатых

В момент возникновения свекло-сахарной промышленности как в России, так и в других странах довольно широко было распространено убеждение, что свеклосеяние истощает почву [1]). Во Франции фабриканты свекловичного сахара арендовали для посевов свеклы паровые поля и должны были платить высокую цену как бы в вознаграждение за те потери, которые по господствовавшему предразсудку свекла наносила урожаю хлебов.

«Когда опыт, писал Маслов, показал им, что сей посев не только не был вреден для их полей, но избавлял их от лишнего пахания, а урожай хлебов сделался изобильнее: то они сбавили цену с найма, а потом они давали свой пар за самую дешевую плату и упрашивая к тому наемщиков» [2]). Этот ложный взгляд распространен был и у нас. Отголосок этого предразсудка слышится еще в беседе Николая I на выставке. Увидя сахарные головы, выделанные из свеклы, Николай I спросил, «не истощает ли свекловица земли».

В рассеянии этого заблуждения много сделал Земледельческий Журнал, не перестававший утверждать, что свеклосеяние не только не вредит зерновым культурам, но наоборот повышает их урожайность. «Выделывание свекловицы ни одним зерном не уменьшает произведения хлебных посевов, которые дают несравненно лучший урожай на земле, смягченной свекловицей и очищенной полотьем от всех посторонних трав» [3]).

Для географии свекло-сахарной промышленности этого начального периода характерно сосредоточие ее в центрально-земледельческой полосе. Сахарные заводы устраивались преимущественно в Тульской, Орловской, Пензенской, затем Московской, а частью и в северо-западной области—в Смоленской и Тверской губ. Чем можно об'яснить такое размещение первых свекло-сахарных заводов? В речи проф. Щеглова, произнесенной в торжественном собрании Вол. Экон. О-ва 31 октября 1828 г. [4]) указывалось на то, что первые опыты удачного получения сахара из свекловицы были сделаны в северных странах, где и раньше возделывалась свекловица для других хозяйственных целей. Известный специалист Дюбрюнфо высказывал даже мнение, что только одни северные страны могут производить выгодную для выделки сахара свекловицу. «У нас в России, говорит Щеглов, подобные же обстоятельства, повидимому, утверждали сие мнение». Но опыты, сделанные в прошедшем году во многих департаментах южной Франции и в южных губерниях России, показали, что сие мнение имело основание ложное, и что южные страны и теплый климат их сообщают свекловице, напротив, еще большее количество сахарных частиц нежели северные, хотя сие превосходство не простирается далеко». Таким образом только в конце двадцатых годов на основании опытов 1828 г. была доказана возможность разведения свеклы в южных районах; до этого существовало мнение, что эти районы не пригодны для свеклосеяния.

годов: «многие у нас попытки были сделаны заместить привозный сахар произведениями свекловичного сахара, но до сих пор были безутешны. Ныне нет сомнения в добывании из свекловицы сахара даже с немаловажными выгодами для производителя; равномерно удобно производить можно и в России; но для сего нужны знания самого дела, а наипаче, прилежание со стороны производителя, коих на никого возложить невозможно». Пельчинский о состоянии промышленных сил России до 1832 г. Спб, 1833, стр. 39.

[1]) Бунге, выше цит., стр. 12.

[2]) Маслов.—О свекловичном сахаре. Земледельческий Журнал, 1824 г., кн. X, стр. 87.

[3]) Земледельческий Журнал, 1824 г., кн. X, стр. 100.

[4]) Щеглов—Речь об открытиях и усовершенствованиях, сделанных в течении последнего года в свекловично-сахарном производстве, читанная в торжественном собрании Им. В. Эк. О-ва 31 октября 1829 г. непременным секретарем проф. Щегловым—стр. 9.

Другое обстоятельство, содействовавшее такому размещению свекло-сахарных заводов—это посевы свекловицы на конопляниках. Распространен был взгляд, что свеклу нужно сеять на огородах, на хорошо унавоженных землях. Наиболее подходящими участками являлись конопляники, так как для них отводились самые тучные земли. Все первые устроители свекло-сахарных заводов пользовались для посева свеклы конопляниками. Высказан был даже в печати взгляд, что посев свеклы на полевых землях невыгоден»; «тот сделает не малую ошибку, пишет Савин в Землед. Журн., кто предположит, что оную (свеклу) на всякой полевой земле можно выращивать так-же, как на конопляниках... Чем старее огород и конопляники, тем урожай свекловицы надежнее» [1]). Мальцев, вдохновитель нашей свекло-сахарной промышленности, занимался разведением свеклы на конопляниках в Орловском своем поместьи. В виду того, что конопляники представляли большую ценность и приносили значительный доход, отвод их под свекловицу мог быть целесообразен только при условии высокой рентабельности свеклосеяния. В тогдашней прессе уделялось большое внимание выяснению того, насколько выгоднее свеклосеяние по сравнению с коноплеводством. В Зем. Журн. за 1826 г .мы встречаем такой расчет: [2]) «разведение свекловицы представляет чрезвычайные против конопли выгоды, что очевидно из следующего сравнительного исчисления: десятина самых лучших конопляников, в продолжении многих десятилетий ежегодно удобряемых, при хорошем урожае дает дохода не более 250 руб. Такая десятина произведет наверное 300 четвертей. Из каждой четверти, по старой методе сахароварения, добывается песку 10 или 11 фунтов, патоки 12 фунт. да сверх сего 3 пуд. лучшего для скота корма. Из 2 пуд. 30 фун. песка выходит 1 пуд рафинада. И так с каждой десятины получается песку 3000фун. или 75 пуд., а сахару 27 пуд., что составит 1080 фун. и столько же рублей; если пуд сахара положить по 40 рублей к сему присоединить должно 100 руб. за 900 пуд. свежого корма и 160 руб. за 80 пуд. патоки, полагая пуд оной по 2 руб.; следовательно каждая десятина дает доходу 1240 руб. Из сей суммы, за вычетом 250 руб., приносимый десятиной конопли, и 450 руб. за обработку сахара, необходимые для сего орудия и принадлежности, равно и за проценты на капитал, употребленный для построения фабрики, остается заводчику чистой и верной прибыли слишком 500 рублей [3]). Столь высокая рентабельность свеклосеяния, связанного с выработкой сахара, обусловила распространение сахароварения в районе коноплеводства. Первые свекло-сахарные заводы возникали в губерниях, имевших значительные конопляники, в Орловской, Курской, Смоленской и др. [4]). Использование для посевов свеклы конопляников ограничивало площадь свекловичного клина. С другой стороны, крестьянство, занимавшееся разведением конопли для нужд домаш-

[1]) О свекловично-сахарном заводе Савина с замечанием о посеве свекловицы. Земледельческий Журнал 1829 г., кн. XXVII, стр. 530 и 531.

[2]) Земледельческий Журнал 1826 г., кн. XVII, стр. 189.

[3]) Такой высокий доход получали только при связи свеклосеяния с сахароварением, без этого свеклосеяние не было рентабельнее коноплеводства. Расчет на 300 четв. свеклы с десятины преувеличен, если взять 200—250 чтв.; то считая по 1 р. за четв. получим валовой доход 200—250 руб., т. е. не больше того, что давала дес. конопли и это при более значительных затратах на обработку.

[4]) Авторитетный по тому времени сахаровар Мальцев в своем отзыве о закрытии заводов Муравьева и Давыдова в Московской губ. пришел к заключению, что «свекло-сахарные заводы могут быть выгодные преимущественно в тех губерниях, где разведение свекловицы представляется удобным, т. е., где существуют большие конопляники, а Московская губ. не может похвалиться обилием конопляников». Землед. Жур. 1833 г. кн. V. Несколько вопросов относительно пользы сахарных заводов для земледельцев. Ответ бар. Котцу, стр. 734.

него хозяйства, не было заинтересовано в переходе к свеклосеянию, к тому же для них свеклосеяние не превышало своей рентабельностью коноплеводства. В виду этого развитие сахароварения в конопляном районе встречало серьезное препятствие в виде недостатка земель. Опыты перехода в этом районе на полевую землю не дали успешных результатов. Так можно об'яснить зарождение свекло-сахарной промышленности в центральной полосе. Между прочим этим и обуславливались небольшие размеры свекловичных посевов на первых заводах (15—20 дес. под свеклу). Высокая рентабельность сахароварения в изучаемый период вызвала расширение производства, потребное для этого увеличение сырьевой базы наталкивалось на недостаток пригодных земель.

Жизнь должна была найти выход и в конце двадцатых годов начало рассеиваться заблуждение, что свекловица не может произрастать в южной полосе, в связи с этим мы наблюдаем перемещение свекло-сахарных заводов на юг. К тому же сахаровары на опыте увидели невыгодность тучных конопляников, так как на них получалась свекловица огромной величины, трудно перерабатываемая и крайне бедная сахаром [1]).

В этом движении на юг первый шаг был сделан Воронежским помещиком Горяиновым. Последний, видя с каким успехом работали свекло-сахарные заводы в 1828 г., решил устроить завод в своем имении в Воронежской губ. При содействии Герарда, отпустившего своего сахаровара, Горяинову удалось устроить и пустить сахарный завод в 1829 г. В первый год продукция сахара составила 550 пуд. песку. Постройка завода обошлась ему в 18 тыс. руб. Особенностью свекло-сахарного завода Горяинова являлось то, что завод был расчитан на 100 десятин посева свекловицы [2]). По тому времени это была большая площадь. Современники говорят об огромном масштабе этого завода. Появление таких заводов давало им надежды, что «при успехе и усовершенствовании искусства сахароварения и рафинировки песку можно было бы вскоре надеяться на замену привозного сахара своим» [3]). Существенную особенность свекло-сахарного завода Горяинова составляло то, что посев свеклы был вынесен в поле и включен в севооборот. Это первый опыт изменения системы полеводства в свекло-сахарных районах. Горяинов открыл для свекло-сахарного производства новый богатый район, сохранивший свое значение и в последующей истории нашей свекло-сахарной промышленности. Проблему топлива, достаточно сложную в безлесном районе, Горяинов разрешил использованием местного топлива—кизяка.

Включение свеклы в севооборот, оказывая благотворное влияние на всю систему полеводства, открывало возможность для появления крупных заводов чисто коммерческого типа. Характерно, что тот же Горяинов во второй год существования своего завода намерен был увеличить посев свеклы еще на 50 десятин. Новая сырьевая база прокладывала дорогу крупным, мощным сахарным заводам.

Преобладающей формой сах. заводов в этот начальный период являлось единоличное предприятие. Все же в конце двадцатых годов стали появляться свекло-сахарные компании. Так в 1829 г. было утверждено положение Комитета Министров об учреждении в г. Туле компании для выработки сахара из свекловицы [4]), в 1830 г. утверждено положение о Малороссийской компании для добывания сахара из свекловицы.

---

[1]) Шишков—Обозрение свеклосахарного производства. Отд. I. О возделывании свекловицы. М. 1842 г., стр. 5.

[2]) Землед. Журн. 1829 г. кн. XXVII. О свеклосахарном заводе Горяинова, стр. 523—525.

[3]) Землед. Журн. 1830 г. кн. XXX, стр. 413.

[4]) П. С. З. Т. IV 1829 г. № 3203.

Это первые компанейские свекло-сахарные заводы. В уставе Тульской компании указано, что она «составляется из добровольных вкладчиков или акционеров, принадлежащих трем сословиям: дворянству, духовенству и первостатейному купечеству» (§ 4) [1]). Составители устава предусматривали возможность привлечения к новой промышленности купеческого капитала.

Количество акций было определено в 250 стоимостью по 200 р. государственными ассигнациями, таким образом, капитал Тульской Компании составлял 50 тыс. руб. ассигнациями.

В уставе так определена цель компании — «показать помещикам на опыте, сколь выгодно в России обрабатывание сахара и свекловицы и поощрить их к размножению свекловично-сахарных заведений». (§ 1).

Причины возникновения Тульской компании так изложены в предварительных рассуждениях к уставу:

«Чрезмерно низкие цены на земледельческие произведения с каждым годом отнимают у помещиков способы довольства, приводят их хозяйства в совершенный упадок и едва оплачивают труд бедного хлебопашца. Сии обстоятельства побудили многих владельцев изыскивать новые средства к улучшению своего состояния. Самое удобное и не требующее больших предварительных издержек состоит в вырабатывании сахара из свекловицы. По уверению некоторых известных своею честностью и правдолюбием помещиков, десятина свекловицы, превращенной в сахар, может дать доходу от 600 до 1000 руб. Когда мы сравним сии выгоды с доходом наших хлебных десятин, из коих лучшая не дает 120 руб., то оные покажутся невероятными и должны заставить каждого из нас лучше ознакомиться с сим предметом. Для достижения сей цели составленная в Туле компания, которая предполагает по коммерческому расчету возделывать свекловицу и вырабатывать из оной сахар. Таким образом, сия важная отрасль народной промышленности, будет наконец приведена в известность обнародованием отчетов Тульской компании».

В приведенной цитате ясно и точно обозначена основная причина, побудившая Тульских помещиков взяться за сахароварение—это бездоходность зернового хозяйства и высокая рентабельность свеклосеяния, связанного с сахароварением. Составители этой компании находились под влиянием той пропаганды, какую вели сахаровары.

Среди ряда выгод, свекло-сахарных заводов, перечисленных в предварительных рассуждениях, выделим более интересные:

«С засеванием большого количества земли свекловицей, хлебные поля уменьшатся и зерновой хлеб непременно поднимется в своей цене, а с

[1]) П. С. З. Т. V. 1830 г. № 3704. Согласно устава, цель Малороссийской Компании состояла в показании на опыте улучшенных способов: 1) возделывать свекловицу; 2) добывать из сей свекловицы сахарный песок, с употреблением вымижок для откармливания скота; 3) очищать песок, патоку и составлять из оного лучший сахар, рафинадом называемый; 4) продавать патоку или выделывать из оной ром, если сие принесет достаточную выгоду компании; 5) показание всего производства работникам, присылаемым акционерами, дабы каждый из них мог бы узнать в подробности ту часть, для которой он предназначается своим владельцем и через то доставил бы ему способ учредить со временем собственный завод и 6) снабжать и акционеров планами и вообще всеми сведениями, нужными к подобному устройству». Общие собрания акционеров должны были происходить в Ромнах. Полтавская компания предполагала сделаться практической школой сахароварения для помещиков.

В 1838 г. был учрежден устав Виленской акционерной компании для устройства свекло-сахарного завода, этот устав не был проведен в жизнь. П. С. З. Т. XIII 1838 г. № 11.068. На дозволение Марцинкевичу, Мокржицкому и Путкамеру составить компанию на акциях для устройства в гор. Вильне свеклосахарного завода.

улучшением всего хозяйства и получением больших доходов с земли, деревни вздорожат и будут легче оплачивать долги помещиков, и множество бедных людей получат от сих заведений за легкий труд, пропитание и довольство особливо в больших городах, близ коих вероятно оные заводы будут преимущественно учреждаемы и которые обыкновенно заключают в себе значительный класс людей питающихся скудною поденщиною и милостынею».

Тульские помещики надеялись через расширение свекловичного клина достигнуть повышения цен. Они надеялись на то, что с улучшением хозяйства крестьяне будут легче оплачивать долги помещиков. Составители Тульской Компании считали работу на свекло-сахарных заводах легкой, они верили в то, что сахарные заводы принесут довольство для городского пролетариата. По их убеждению, свекло-сахарные заводы должны были в своем размещении ориентироваться на рабочую силу и потому устраиваться вблизи городов [1]).

Во главе Тульской Компании стояли выходцы из Франции Безваль, Бенуа, и Пелетт. Завод был построен в селе Панино вблизи гор. Тулы, принадлежавшем Глебову. Как видно из отчетных данных члены компании имели «общую кассу, составленную из соразмерных с обоих сторон капиталов, назначенную для покупки вещей нужных для фабрики, рабочего скота, материалов и для найма работников» [2]) т. е. иначе говоря, для образования оборотного капитала. Кроме компаний, имевших утвержденные уставы, существовали еще товарищества, называвшиеся тогда частными компаниями. Иногда, товарищами выступали родственники, близкие знакомые. Насколько широко было распространено такое компанийское ведение свекло-сахарных заводов, нельзя сказать за отсутствием данных. Приведем несколько примеров, подтверждающих существование таких договорных компаний, действовавших без устава. Дружинин, член частной компании сахароваров, составившейся из помещиков Рязанской губ., сообщает от 3 ноября 1830 г. в Землед. Журнале: «сахарная фабрика нашей компании была уже в действии с 15 сентября по 29 октября, всего обработано свекловицы 1400 четвертей; больше оной не было и потому действие остановилось» [3]).

Интересный пример компанейского завода мы находим в кратком обзоре хозяйства Шишкова [4]). «Свекло-сахарное дело, пишет Шишков, было тогда, сказать можно, еще в младенчестве, и как я один не мог пожертвовать на попытку значительных капиталов, то близкие мои родственники и хорошие знакомые согласились составить со мной, в виде опыта, частное товарищество. Собрали деньги, сделали условие на десять лет и поручили мне устройство и управление заводом».

---

[1]) Образование акционерных компаний в изучаемую эпоху проходило с большим трудом; об этом свидетельствует прежде всего ничтожность капиталов первых компаний, во-вторых, тот факт, что многие компании не были осуществлены из-за того, что не были разобраны акции (напр. Полтавская, Виленская). И далее в пятидесятых годах, когда происходил процесс концентрации свекло-сахарной промышленности, образование акционерной компании представлялось крайне трудным. В 1855 г. Московскому первогильдейскому купцу Гольцгауеру было разрешено образовать акционерное т-во для содержания Наталковского свекло-сахарного завода в Полтав. губ. П. С. З. т. XXX 1855. № 29.050. В 1859 г. было опубликовано о прекращении существования т-ва Наталковского завода. «По донесению Гольцгауера, желающих на разбор паев означенного т-ва не явилось и за сим оное должно быть почитаемо несостоявшимся. П. С. З. т. XXXIV. 1859. № 34.058. Значит, даже московскому купцу не удалось сорганизовать акционерное т-во. Очевидно, время еще для этого не приспело.

[2]) Земледельческий Журнал 1830 г., кн. XXIX, стр. 386.

[3]) Землед. Журнал 1830 г. кн. XXX, стр. 402.

[4]) Журнал Сельского Хозяйства за 1846 г. кн. I. Краткий обзор хозяйства— Шишкова, стр. 8.

Впоследствии, благодаря удачному ходу предприятия, ему удалось купить паи и стать полным хозяином завода.

Что касается Полтавской Компании, то хотя ее устав и был утвержден, но не был проведен в жизнь, так как ни в одном списке нет указаний на существование этой компании, и вообще не встречаем никаких следов о деятельности этой компании [1]).

Что собой представлял свекловичный сахар этой начальной эпохи? По свидетельству современников, сахар песок, вырабатываемый на первых заводах, не отличался высоким качеством. Один из тогдашних сахароваров пишет в Земледельческом Журнале: «всякий сахаровар наделает из свекловицы песку, но какого. Темного, наполненного патокой, что очень естественно, что из такого выйдет мало рафинада, да и то вонючего. Поверите ли, что ныне у меня ни в песке, ни в заводе не услышите паточного запаха, который в производстве прошедшего года всех посетителей душил и от щепоти такого песка, внесенного в комнату, она так заражалась паточным духом, что в несколько дней оный не пропадал, а ныне тут, где находится слишком 400 пудов песка, вы не заметите сего духу. Я и все посещавшие мой завод сему дивились» [2]). Тот же сахаровар далее пишет: «варка песка у меня на заводе кончена и очень удачно; песок такой доброты, что подобного ему из свекловичных песков я не видывал; он почти белый». Очевидно, только в редких случаях удавалось изготовить песок без паточного запаха, причем запаха «удушливого». Цитируемый сахаровар в печатном органе заявлял о том, что получил почти белый песок; значит, белизной песок того времени не мог похвалиться.

Римский-Корсаков в своем сообщении Комитету о затруднениях на пути развития свекло-сахарной промышленности говорит о том, что «соленые пески, производимые некоторыми заводами и продажа их самим комиссионером комит. сахароваров весьма повредили в общем мнении купцов, кондитеров и публики выгодной продаже песков» [3]).

Причины столь низкого качества продукции ясно определены в следующих словах современника: «если обратить внимание на этих сахароваров, которые вверяют все и даже план и постройку завода на наших крепостных людей, которые большей частью одним только страхом одушевляемы к трудам, тогда будем ли удивляться, что из 70 заводов, устроенных в России, половина упала, а на многих и теперь выходит песок темный и вонючий» [4]).

---

[1]) Малороссийский военный губернатор Репин, переслал в министерство внутр. дел ходатайство Полтавских дворян об учреждении коммерческой компании для выделывания сахара из свекловицы, нашел упомянутое предположение соответствующим своей цели и могущим принесть значительную пользу Малороссийским губерниям. В проэкте не указано количество капитала—«сие зависеть будет от числа подписчиков, по коему учреждение сие будет устроено в большем или меньшем виде, но что ни в каком случае сбор капитала не превысит 120.000». Это прошение передано в мин. внутр. дел, так как выделывание сахара из свекловицы относилось к сельскому хозяйству и подлежало заведыванию мин. внутр. дел. Лен. Ц. И. Арх. фонд деп. мануф. и торговли 1830 г. № 1569. Дело о предложении дворян Полтавской губ. составить компанию для выделывания сахара из свекловицы.

[2]) Земледельческий Журнал 1832 г., стр. 662, кн. V.

[3]) Землед. Журн. 1830 г. кн. XXX.—Наблюдения русских сахароваров Му-

[4]) Журн. Сел. Хоз. 1844 кн. 4, стр. 69.

равьева, Дружинина, Геларда, Горяинова, Безваля над разными производствами сахароварения. Стр. 407—408. Бартош, управляющий гр. Безбородко, об'яснял в отчете за 1834 г. причины малого выхода сахара на Макошинском заводе так: «причина выхода малого количества сахару, темный цвет онаго и большой остаток патоки происходил от того, что мастер не имел познания, как ощищать па-

Трудности, на какие наталкивалось свеклосахарное производство в этот начальный период, вызвали потребность в об'единении сахароваров. В 1832 г. при Московском Обществе Сельского Хозяйства возникла Комиссия «для совещания о сахароварении из свекловицы». В одном из заседаний Комиссии был поставлен на обсуждение вопрос о причинах, неблагоприятствующих свеклосахарному производству. Докладчик Тучков подверг рассмотрению причины, «по коим до сих пор не видно ощутительных выгод от свеклосахарных заводов». Прежде всего он отметил невыясненность вопроса, какие почвы были подходящи для посева свеклы, какое удобрение более выгодно, неопределено действие солей, находящихся в почве на организм растения и сахаристость свеклы. Не установлено количество сахара в разных сортах свеклы. Тучков цитирует слова Домбаля о том, что настанет время, когда из свекловицы будут извлекать больше сахара, чем ныне. По его словам, извлекают из 100 п. свеклы 2 пуда рафинада, т. е. из десятипудовой четверти 8 ф. рафинада; значит, нужно ожидать 24 фун. рафинада из четверти свеклы. Этот расчет Тучков называет поэзией, имевшей вредное влияние на отечественные сахарные заводы. Установление сахарности свеклы, «определив границы наших мечтаний, показало бы, сколько мы теряем сахара при наших грубых способах извлечения» [1]).

Далее докладчик указал на недостаток капиталов для устройства паровых снарядов, трудность иметь мастеровых для их починки. Отмечает Тучков и неуменье хранить свеклу.

Большой ущерб интересам сахароваров наносило отсутствие сбыта сахарного песка. «С 1809 г. до сих пор никто почти не продавал сахара в виде песка; причина тому, что у нас в Москве нет почти рафинадных заводов и хотя Москва потребляет до 100.000 пуд. сахару-сырцу, но многим это неизвестно, а хотя бы и было известно; но из этого еще не следует, чтобы мы могли пользоваться сбытом, ибо покупатели, по известному своему характеру, притесняют продавцов». Докладчику известны случаи, когда «песок продавали от 5 до 6 и более рублей, дешевле Петербургской биржевой цены». Докладчик жаловался и на отсутствие сбыта патоки. «Патока вовсе не продается, а при устройстве заводов тому 6 лет назад полагали за основание, что патока уплачивает расходы; к сожалению, опыт доказал противное, о выжимках нечего упоминать». Подчеркивает Тучков еще и то, что способы побелки песка известны пока только в теории, только у одного Бахметьева он видал практическое знание этого дела. Редакция журнала в примечании к пункту об отсутствии сбыта патоки, привела сообщение Муравьева о том, что он употреблял патоку в пойло коровам, получая от них вдвое молока; «проверены ли сии опыты рачительными сахароварами, а это кажется, первый сбыт патоки в хозяйстве».

току и обращать оную на песок. Теперь открыт новый метод перепущать всякого рода патоки посредством так называемого Дюймона через сженную кость. Через сие средство из вышепоказанной патоки 34 пуд. можно было бы извлечь еще пудов до 12...

Перепущенная таким образом всякого сорта патока делается чище, принимает цвет из красного бледно желтоватый и способна к кристаллизации. Сверх сего можно перегнанную через сего сосуда патоку обращать не на лумп, а прямо на хороший мелюс или полурафинад.

Теперь сахар на Макошинском заводе отделывается в чистоте несравненно лучше прежнего». В этом отрывке хорошо выяснены причины низкого качества сахара наших свеклосах. заводов в 30-х годах.

[1]) Тучков—О причинах неблагоприятствующих свекло-сахарному производству, читано в Комиссии сахароваров бывшем в И. О. Сел. Хоз. 19 мая 1832 г. Землед. Журн. 1833 г. кн. 9, стр. 52 и д.

Как видим, делались только первые опыты использования патоки для откорма скота.

Малый сбыт сахарного песка составляет одну из слабых сторон свеклосахарной промышленности, вплоть до возникновения свекло-сахарно-рафинадных заводов. Единственным рынком сахарного песка была Москва, что об'ясняло сосредоточение сахарных заводов в районах, близ лежащих к Москве.

В тридцатых годах прошлого столетия Россия переживает манию изобретений по сахарной промышленности. В 1830 г. были выданы пять привиллегий на изобретения в области сахароварения[1]). На этот поток привиллегий обратил внимание в своем докладе Тучков: «нам ежедневно угрожает еще важное зло. Иные заводчики испрашивают привиллегии на такие изобретения, какие давно уже опубликованы с рисунками и описаниями и даже иногда были введены в употребление на других заводах; так вошел в привиллегию Дюмонов фильтр, Домбалев снаряд; сей последний более семи лет известен в России, Говардов аппарат и много подобных». Пользуясь незнанием и неопытностью правительственных органов, предприимчивые сахаровары добивались привиллегий на те и другие аппараты и способы, уже известные в заводской практике и тем затрудняли их дальнейшее применение.

Закончил свой интересный доклад Тучков такими словами: «мы все заплатили более или менее дань сахарной поэзии; люди, не участвовавшие в сих сладких предприятиях, может быть смотрят на нас иронически, но не менее того я осмелюсь сказать откровенно, что нисколько не жалею трудов своих, ибо вижу, что со временем труды наши пригодятся. Наши места займут со временем и другие люди, приготовленные с большими познаниями в науках физических, для которых будет понятно, что сахар народов северных есть свекловичный, как в полуденных тростниковый: узнают, что тростниковый час от часу должен становиться дороже, а свекловичный дешевле, и в нашем отечестве воспользуются, наконец, такою промышленностью, которая главным основанием должна иметь благосостояние земледельца, тогда как тростниковый основан на рабстве негров. Явятся люди с познаниями, с деятельностью, с расчетливостью купеческою и с капиталами, хотя и не огромными, но достаточными». Представитель дворянства в последних словах прозорливо предугадал появление на поле свеклосахарной промышленности представителей купеческого капитала, который и занял позже первенствующее положение. Этот сахаровар провидел все огромное значение новой отрасли промышленности. Фраза о рабстве негров звучит фальшиво в устах крепостника. Доклад Тучкова, прочитанный в Комиссии сахароваров, свидетельствует о том, что наши передовые сахаровары уже понимали значение и вместе слабые стороны новой отрасли производства.

В изучаемую эпоху сахаровары имели свекловичные плантации на

---

[1]) П. С. З. 1830 г. Т. V № 3519, 4110, 4111, 4112, 4179. В 1825 г. была выдана Берду привиллегия на изобретенную им сахароварительную паровую машину.

«Берд подал министру финансов в январе месяце 1824 г. просьбу в том, что он старанием своим изобрел способ варить сахар не огнем, но действием паров в безвоздушном пространстве с гораздо меньшим жаром против обыкновенного способа варения, утверждая при том, что прежде его никто в России сего не употреблял; а потому, во уважение понесенных им убытков, и в вознаграждение трудов его, просил выдать ему привиллегию на исключительное право пользования сим изобретением его в течение 10 лет». К выгодам этого изобретения Берд относил то, что «дров потребно менее половины» (3); 4) варение сахара оканчивается поспешнее») П. С. З. 1825 г. Т. XL № 30.406.

своих землях [1]), или на землях своих крепостных. Свекла была своя; однако, встречались случаи покупки свеклы со стороны. Как организовывали в изучаемый период покупку свеклы со стороны, это можно видеть из описания меклопоместного дворянина бар. Котца, основавшего в 1828 г. свеклосахарный завод [2]). Не имея возможности расширить площадь посева на своих землях, Котц решил на 1830 г. покупать свекловицу, чтобы поощрить к посеву свекловицы; он об'явил «соседним помещикам и крестьянам цену 2 рубля за берковец, или четверть десяти пудов весу; цену огромную, но по выходе сахара и по расчетам прошлого года сию цену дать было возможно. К тому же я имел надежду, что со временем цена понизится сама собою, когда посев свекловицы увеличится и владельцы убедятся в пользе оного. Кроме соседних помещиков, один нерадивый удельный крестьянин попросил у меня свекловичных семян и задаток для обеспечения себя в сбыте будущего урожая. Полуимпериал, который я ему дал и которого, как нерадивый хозяин, прежде он никогда не получал столь легкими трудами: ибо весь посев и хлопоты во время ухода за свекловицей пали на жену и детей его, заставило его засеять весь свой конопляник; урожай подавал много надежд и около Петрова дня, видя уже хороший всход и росаду на конопляннике сего крестьянина, я дал ему другой полуимпериал. Соседи, завидуя удаче сего крестьянина, часто его навещали, любовались обильным урожаем и пожелали сами на будущий год сеять свекловицу и пользоваться задатками в то время, когда крестьянин лишен почти всех средств добывать деньги, ибо прошлогодний урожай у него уже продан. Но когда мой нерадивый сосед крестьянин получил осенью за поставленную им свекловицу еще 71 р.—всего 113 руб. с своего конопляника, то посев между соседними крестьянами был решен и надобно было только подождать весны. Между тем и помещики доставили еще до 800 четв. свекловицы». Столь искусно поведенная пропаганда имела успех: в следующем году крестьянство повалило к Котцу с предложениями посева свеклы. «Весною 1831 г. Котц приступил к раздаче задатков по 4 рубля на душу, с тем условием, что при получении оных всякий крестьянин обязуется посеять соразмерный задатку участок своего конопляника, отведенного на каждую ревизскую душу. Явилось столько охотников, что завод мой, при благоприятном урожае не мог бы разработать всего запаса свекловицы и посему я об'явил тем, которые возьмут задатки великим постом, что плата за берковец свеклы будет не свыше 1 р. 50 к. за четверть. Помещикам, которые хотя и не брали задатка в прошлом году, но вскоре после их посева свекловицы, видя надежду на хороший урожай и видя хороший сахар моего завода, посылали непрестанно записки за сахаром, впредь до расчета при урожае свекловицы, об'явил я ту же цену—1 рубль 50 коп. за берковец, ибо задатки и взятый сахар в цене будущего урожая открыли мне глаза, что, распоряжаясь, таким образом, мне нужен будет двойной капитал для поддержания моего завода: один, который еще в заводе, ибо сахар бывает продан только летом на другой год урожая свеклы, и другой капитал, который нужно иметь отчасти для приготовления дров зимою к будущему урожаю и для задатков под свеклу, которые нужно дать весною; между тем, как выручка будет еще через год и более, а

[1]) Кованько сообщает о Харьковской губ.: «свекловица разводится теми только помещиками, у которых есть сахарные заводы. Опис. Харьк. губ. 1857, стр. 78.

[2]) Факты в пользу свеклосахарного производства в России. О начале, ходе, усовершенствовании свеклосахарного завода бар. Котца в Пензенской губ. Письмо к редактору Землед. Журн. 1833 г. кн. V.

посему я убавил на цену свекловицы 25%. Крестьяне, несмотря на убавку цены, выставили около 1.000 четвертей свекловицы».

Помещики, не довольные снижением цены, отказались поставлять Котцу свеклу. Они предложили свеклу соседнему сахарному заводу, более отдаленному, согласившемуся платить им по 2 рубля за четверть. Эта постановка оказалась для них крайне невыгодной, так как завод Котца находился в 15 верстах от них, а конкурентный завод в 40 верстах. Ввиду дождливой осени поставщики не успели вывезти с своих полей свекловицы, оставшейся в поле. Поставщики Котца, «по близости сбыта, не лишились ни одной четверти и отменный урожай поощрял их еще более к будущему посеву» [1]).

Из приведенного в извлечении отчета Котца можно сделать ряд выводов. Мелкопоместным сахароварам уже и в тридцатых годах приходилось прибегать к покупке свеклы. Появились плантаторы, поставлявшие свеклу на соседние заводы. Уже и в это время определился радиус рентабельной поставки свеклы (не более 15 вер.).

Для посева свеклы приходилось выдавать плантаторам авансы, исходя из душевой нормы; выдача авансов была приурочена к концу весны. Перед нами чистая форма контрактации свеклы; помещики вместо денежных авансов получали авансы сахаром. Потребление сахара в помещичьем быту было достаточно распространено; помещики-плантаторы получали сахар по запискам с соседних сахарных заводов в счет поставки свеклы.

Умелю Котц привлек крестьян к свеклосеянию, давши аванс в форме полуимериала и назначив весьма высокую цену (2 рубля) за четверть поставляемой свеклы. В дошедших к нам из той эпохи расчетах доходности свеклосахарных заводов стоимость свеклы обычно показывается в 1 рубль. Коц имел верный расчет: крестьяне, увидав большие заработки на посеве свеклы своего соседа, должны были наброситься на эту культуру в новом сельско-хозяйственном году. Так оно и вышло. Усиленный спрос со стороны крестьян на свекловичные семена и авансы дал возможность Котцу снизить цену четверти свеклы на 25%. Для крестьян и эта цена была сходной и они согласились на нее; попытки помещиков использовать конкуренцию соседнего завода окончились неудачей ввиду его сравнительной отдаленности (40 верст), что уже делало не рентабельным поставку свеклы. Из рассказа Котца видно, что крестьяне оценили значение свеклосеяния с точки зрения использования рабочей силы в тот период, когда не было других полевых работ. Свеклосеяние заполняло рабочее время крестьянской семьи в свободное от других занятий время, при чем свеклосеяние использовало силу подростков, малолетних членов семьи. Для нас важен факт, что в тридцатых годах существовали крестьянские посевы свеклы на началах

---

[1]) Попытки других помещиков приохотить к свеклосеянию не везде сопровождались таким успехом: «Произростание свекловицы в наибольшем количестве и надлежащей доброты всегда останется неверною добычею и от нас независящею. Одно средство более верное и менее убыточное есть приохотить соседей поселян около заводов живущих сеять свекловицу, давая им хорошую цену за четверть. Я об этом много и давно стараюсь, но успеха не имею, самый мой собственный неудачный пример от неурожаев их от сего отклоняет, а еще больше пшеница арнаутка, которая в нашем краю всегда в цене и дает наибольший доход при меньшем ухсде за нею». О возделывании свекловицы с замечаниями о свеклосахарном производстве. Записки Первого Комитета Сахароваров 1834 г стр. 54.

контрактации с получением авансов [1]). Та форма подготовки сырья для свеклосахарных заводов, какая является господствующей для настоящего времени, зародилась 100 лет тому назад.

II.

Комитет сахароваров. Его возникновение и первые заседания. Увлечение строительством сахарных заводов на Левобережной Украине с половины тридцатых годов. Смелянские заводы на Киевщине. Сахаромания в Киевском районе. Деятельность Комитета сахароваров со второй половины сороковых годов.

В 1832 г. при Московском Обществе Сельского Хозяйства, ведшем столь энергичную пропаганду при посредстве своего журнала в пользу свеклосахарной промышленности, возникла Комиссия для совещания о сахародобывании из свекловицы. Поводом к возникновению Комиссии послужило желание члена общества сахаровара Давыдова сообщить сахароварам о полученных им важных усовершенствованиях в обработке свеклы [2]). На этих совещаниях сахароваров были заслушаны сообщения Муравьева о трудностях свеклосеяния на такой почве и при таком климате как в Московской губ., Давыдова о затруднениях, встречающихся при переработке свеклы. Тучков в приведенном выше изложении отметил отсутствие рынка сбыта для сахарного песку. Первые совещания были кратковременны и не многолюдны. Эти совещания имели и некоторые практические последствия. Участник их Муравьев писал в редакцию Земл. Журнала: «последние совещания в Комитете Сахароваров, убедили меня, что нельзя ожидать успехов разведения свеклы в нашей (Московской губ.) и нашем климате, посеянная у меня свекловица почти вся пропала от морозов и я решился запахать ее и посеять двадцать десятин ячменем, а завод мой уничтожить, предвидя, что дальнейшее существование оного может завлечь меня в большие убытки». Таким образом, первые совещания Комиссии Сахароваров рассеяли заблуждения о возможности свеклосеяния в таких губерниях как Московская. В то время были попытки устройства свеклосахарных заводов, даже в Тверской и Смоленской губ.

Маслов, выступивший в печати с предложением учредить постоянный Комитет Сахароваров, полагал, что и случай Муравьева требовал более тщательного и более глубокого изучения. Была ли ошибка Муравьева в том, что он организовал завод в Волоколамском уезде на гли-

---

[1]) Для привлечения крестьян к посевам свеклы нужно было применять те и другие средства: «Надо было, пишет бар. Котц, заохотить добрых хозяев и для его, я придумал следующие средства на 1837 г. и последующие за ним годы. Я роздал и впредь буду раздавать весною семена на посев и по 4 руб. задатку на душу: за то обязан всякий посеять 160 кв. саж. конопляшника. По привозе осенью свеклы, я делаю следующий расчет: 1-е за всякий берковец против задатка по 2 руб.; коль скоро кто привезет хоть одну четверть более, то за всякую четверть, сверх 2 руб. получает 25 коп. в награду, коль скоро более 5 четвертей сверх задатку, то получает 50 к. за четверть в награду. Помещики также начали доставлять свекловицу. Расчет я делаю следующий: за привоз до 100 берк. цена по 2 руб., сверх 100 до 500 бер. по 2 руб. 50 коп. от 500 до 1000 по 3 руб. от 1000 и далее по 3 руб. 50 коп.; помещики доставляющие мне свекловицу далее, чем за 100 верст получают за каждый берковец по 3 руб. Этим средством в первый год, я увеличил привоз посторонней свеклы до 400 четвертей сверх 2.000». Система прогрессивных премий давала возможность привлекать свеклу из более отдаленных районов. Бывали случаи доставки свеклы более, чем за 100 верст. Это могли делать только помещики, использовавшие перевозки крепостных в виде барщины. Записки V. Комитета Сахароваров, стр. 47.

[2]) Маслов—Мысли о составлении в Москве Комитета Сахароваров. Землед. Журнал 1833 г. кн. IX. Интересно, что первый с'езд польских сахароваров состоялся значительно позднее—в 1847 г. Przyrembel выше цит. st. 224.

нистой земле, требующей сильного удобрения или наоборот, в том, что он пытался собирать урожаи в течении ряда лет с одной и той же земли? Маслов считал, что необходимо совместное обсуждение сахароварами вопросов касательно свеклосеяния, производства, сбыта сахара. Потребность в такого рода об'единении чувствовалась всеми. Известный хозяин того времени Сабуров в своем письме Московскому Обществу Сельского Хозяйства от 6 декабря 1832 г.[1]) писал: «свеклосахарные заводы в отношении к нашему отечеству еще не об'яснены, в каком масштабе они могут приносить пользу или наклад. Три года тому назад я определил в голове моей их возможные выгоды и те величайшие препятствия, над коими страдают свеклосахарные заводчики. В начале 1830 г. гр. Н. спрашивал меня, что я думаю о свеклосахарных заведениях, потому что он желал в саратовском имении завести таковое в большом размере; я ему отвечал: произведите не малое количество свеклы и во время прикажите ее на завод представить, то выгоды будут несомненные. Тем уже, кои надеялись загребать пригоршнями деньги, от щедрот свеклосахарного завода, я уже давно твержу—получите прежде свеклу, а там будут деньги. Вообще же я такого мнения, что нам гиперборейским жителям взращивать в полях наших огромное количество свеклы на 20—30 дес. и более едва ли возможно; недостает двух побудительных средств—тепла и дешевого удобрения». Сабуров полагал, что сохранить эту культуру в большом масштабе «трудно, а может быть с нашим мастерством и климатом невозможно. Зато для хозяйственного заведения маленького, которое годовую домашнюю продукцию сахара давало, условия выше сказанные не тяжелы». Передовой хозяин того времени высказывал не столько сомнения, сколько убеждения в том, что свеклосеяние в большом масштабе по тому времени (20—30 дес.) невозможно в центральной полосе. Небольшие заведения, чисто домашнего характера, для нужд собственного хозяйства могли бы существовать в данном районе. Это первое печатно высказанное сомнение в возможности развития коммерческого сахароварения в средне-черноземной области. Точка зрения такого столь авторитетного хозяина, как Сабуров, убедила Маслова, правителя дел Московск. Сельхоз. О-ва, в необходимости коллективного рассмотрения и исследования всех вопросов, связанных с новой отраслью промышленности. Известные тогда сахароварры Муравьев, Шишков и Лялин давно предлагали избрать «для размена мыслей сахароваров» «Земледельческий Журнал», где действительно и стали помещаться статьи, отчеты по свеклосахарному делу. Маслов высказывался за то, чтобы начавшиеся при Обществе Сельского Хозяйства совещания сахароваров сделались бы постоянными, по крайней мере в зимний сезон, когда хозяева с'езжались в Москву. Здесь «они лично могли бы обмениваться мыслями о предмете у нас в России новом, обольстительном по некоторым расчетам и при всем том не всем знакомом, по тем затруднениям, которые встречаются при производстве сего дела». Коснувшись сбыта сахарного песка, Маслов отметил, что, кондитеры и конфетчики московские находят выгодным покупать свекловичный песок для своих изделий и многие из купцов начинают производить сим продуктом торг, который, без сомнения, будет время от времени увеличиваться». Все же и здесь было место для взаимного обсуждения; например, вопрос о емкости московского рынка, о рафинировке и пр. Опыт первых двух совещаний сахароваров говорил в пользу организации при Московском Обществе сель-

[1]) Землед. Журнал 1833 г. кн. IX, стр. 76.

ского хозяйства постоянного Комитета сахароваров с тем, чтобы Земледельческий Журнал являлся его органом. Впоследствии можно было бы приступить и к изданию особого бюллетеня, по образцу выпускаемого Домбалем в Париже, где сахаровары могли бы публиковать свои наблюдения, ошибки и где они делились бы своими достижениями и опытом.

Правитель дел Московского Общества, Маслов, представлял его организацию в таком виде[1]): «для сего Комитета, кажется, можно принять за образец с'езды ученых натуроиспытателей из разных частей света в известное время и в назначенное место или Лейпцигские конвенты овцеводов».

Маслов предложил: «1) подписаться на особом листе всем сахароварам, которые пожелают участвовать в Комитете; 2) избрать правителя дел, к которому бы все могли относиться, если что нужно будет прежде и после заседаний; 3) попросить всех членов Комитета написать те вопросы относительно произведения свекловицы, обрабатывания и сбыта оной, какие кто почитает нужнейшими. Вопросы сии предварительно можно сделать всем сахароварам посредством Земледельческого Журнала для приготовления на оные ответов при заседаниях; 4) определить время с'езда сахароварам в Москву, для чего можно кажется удобнее назначить январь или февраль месяцы; 5) избрать несколько членов сахароваров, как представителей Комитета, с коими бы правитель дел оного находился бы в постоянных сношениях, дабы руководствоваться их мнением для предварительных приготовлений к заседаниям Комитета». Маслов считал полезным привлечь к работам в Комитете химиков. Предложение Маслова было утверждено и на 12 января 1834 г. было назначено первое заседание Комитета.

В первом заседании Комитета сахароваров (12/I—1834 г.) был заслушан доклад Шишкова о предметах его совещаний. В виду того, что свеклосахарное производство об'единило три части—земледельческую, фабричную и коммерческую, Шишков предлагал «составить для каждой части касающиеся вопросы и просить заводчиков сообщить в ответах способы, коим они до сего времени руководствовались, об'яснить при каждом из них те затруднения, кои каждый встречал при своих работах».

Мотивы к учреждению Комитета сахароваров хорошо изложены в отчете о деятельности Московского Общества Сельского Хозяйства за 1832, 1833 и 1834 гг.[2]).

«Одна из важнейших ветвей земледельческой промышленности, обративших на себя внимание целой Европы и преимущественно водворяемая во Франции, есть, без сомнения, возделывание свекловицы для добывания сахара. Промышленность сия столь тесно соединена с земледелием, столь прилична помещикам, не желающим пускаться в торговые предприятия, что, по справедливости, может и должна преимущественно принадлежать классу дворян, имеющих землю и руки для получения первого материала и обеспечиваемых верным сбытом произведения, сделавшегося после хлеба первою необходимостью потребности народной. Но как промышленность сия нова для Европы и для России, и потому искусство сахародобывания не доведено еще до простоты, доступной каждому сахаровару, от того явились весьма противоречащие, как во всей Европе, так и в России, мнения о выгодах и не выгодах

[1]) Земледельческий Журнал 1834 г. кн. I, стр. 20.

[2]) Землед. Журнал 1835 г. кн. 21. Отчет о деятельности Московского О-ва сел. хозяйства за 1832, 33 и 1834 гг., стр. 23—24.

сей промышленности, мнения с одинаковым упорством поддерживаемые с обоих сторон. Московское Общество первое приняло участие в распространении в России сахародобывания и свекловицы, публикуя через Зем. Журнал факты, представленные оному Мальцевым и Герардом в пользу сей промышленности. Но когда неудача в предприятиях некоих сахароваров, так сказать, набрасывала тень на полезность оной для России, Общество в 1832 и 1833 гг. собирало и публиковало факты в пользу свеклосахарного производства в России. Наконец, в 1833 году со всех сторон выгод и невыгод сей промышленности и для размена при Обществе образовался Комитет из гг. сахароваров для рассмотрения мыслей между сахароварами. Поводом к сему были совещания при донесении депутатов Общества об изобретении Давыдова».

Московское Общество сельского хозяйства стояло на той точке зрения, что сахароварением должны заниматься дворяне; оно им более всего приличествует и соответствует экономике в виду наличия земли и рабочих рук. В начале тридцатых годов наметилась борьба мнений о выгодности этой отрасли промышленности. Кризис свеклосахарной промышленности в начале тридцатых годов вызвал потребность в организации сил. Характерно, что в эпоху развитого капитализма нужда вызывает возникновение картелей, синдикатов.

Внешним поводом к учреждению Комитета сахароваров послужили совещания сахароваров по поводу изобретения Давыдова. В 1833 году Давыдов сообщил Обществу об успехах своего сахароварения, заключавшихся в том, что ему удалось из 10 пудовой четверти свекловицы добыть 24—30 фун. сахарного песку. По тому времени такой выход сахара был необычаен. Общество в заседании от 27-го августа 1833 года поручило двум сахароварам «Шишкову и Бобринскому принять на себя труд осмотреть все производство сахароварения на заводе Давыдова и удостовериться, действительно ли все обещанное им в изданном сочинении подтверждается на самом деле». Бобринский лично не участвовал в обследовании; вместо него был командирован управляющий его свеклосахарным заводом Миллер. Депутаты признали ценность изобретения и Общество решило поднести Давыдову благодарственный адрес и первую золотую медаль. Совещания сахароваров по этому поводу и дали мысль об учреждении Комитета сахароваров.

Что же представлял собою Комитет сахароваров? Исходя из намеченных задач, его скорее всего можно назвать автономной секцией Московского Общества сельского хозяйства. Развитие свеклосахарной промышленности вызвало потребность в отдельных собраниях сахароваров, имевших общность интересов, отличных от интересов Общества в целом. Это не был ни синдикат, созданный в целях регулирования рынка, ни общество взаимопомощи, ни даже не представительный орган. Комитет поставил своей задачей совместное обсуждение вопросов, связанных с свеклосахарной промышленностью, оценку тех и других методов производства, и вместе рекомендацию их вниманию сахароваров, производство анализов сахара; позже к этому присоединилось представительство и снабжение сахароваров; через избранных комиссионеров, семенами, орудиями производства и, наконец, сбыт сахара через комиссионера Комитета. Таким образом в процессе роста Комитет сахароваров, носивший в начале функции отчасти научного, отчасти технического общества, постепенно стал расширять эти функции в хозяйственную сторону. Интересно то, что потребность в такой организации возникла в начале тридцатых годов. Очевидно, к этому времени существовала достаточно сильная группа людей, заинтересованная в но-

вой отрасли промышленности. Общество сельского хозяйства, занимавшееся до толе вопросами этой промышленности, не могло удовлетворять запросам сахароваров; созрело время для самостоятельной организации в виде Комитета [1]).

В позднейший период об'единение сахароваров вылилось в форму синдиката; интересно, что тенденция к об'единению сахарозаводчиков обнаружилась в эту начальную эпоху. Это об'единение, конечно, было построено на других основаниях, преследовало другие цели; все же эта историческая параллель говорит нам о том, что свеклосахарная промышленность представляет благодарную почву для организации предпринимателей. Что в момент образования Комитета сахароваров существовала довольно значительная группа сахароваров, это видно из следующих слов правителя дел общества: «несмотря на неудачи некоторых свеклосахарных заводчиков, как дань неопытности, поспешности, и смею сказать, преувеличенных ожиданий в упоминании доходов, промышленность сия сделала менее, нежели в десять лет,—такие успехи и приняла столь быстрый ход в России... что теперь (вместо двух заводов Геларда и Мальцева) существует уже до 70. К сему можно прибавить еще и то, что при первых совещаниях в Обществе о заведении свеклосахарных заводов в России едва несколько лиц находили предмет сей довольно занимательным, а теперь он входит в соображение многих при рассмотрении отношений нашего тарифа к заграничной торговле».

Правитель дел О-ва определял число лиц, могущих войти в состав Комитета, в 70 человек. При рассмотрении таможенных тарифов, очевидно, в части пошлин на иностранный сахар, собрание Общества отличалось даже многолюдностью.

Заседания Комитета происходили в Москве, которая являлась центром свекло-сахарной промышленности; отсюда шла сахарная мудрость, как заметил один современник [2]). Сессии Комитета назначались на зимнее время (январь, февраль), когда сахаровары с'езжались в первопрестольную столицу, закончив сахарную компанию, когда им было удобно делиться своим опытом и подготовлять планы новой кампании. Поскольку в ту пору свекло-сахарная промышленность сосредоточивалась в средней полосе России, естественно Москва должна была играть руководящую роль в новой отрасли промышленности. К удобствам географического положения присоединялось еще то, что в данную эпоху Москва являлась единственным рынком сбыта сахарного песка. Сахаровары приезжали в Москву не только для развлечений и отдыха, но и для продажи своей продукции. Разумеется, здесь сказывалось еще и влияние Москвы, как крупного административного и культурного центра.

С образованием Комитета сахароваров можно начать второй период в истории свекло-сахарной промышленности. С этого момента дело насаждения свекло-сахарных заводов принимает более планомерный и организованный характер. На заседаниях Комитета обсуждаются лучшие способы выработки сахара, производится изучение опытов отдельных сахароваров, испытуются те и другие изобретения; все это при посредстве гласного обсуждения и опубликования в записках Комитета делалось общим достоянием сахароваров. Комитет обратил внимание и на распространение в России достижений свеклосеяния, свекло-сахарной техники заграницей.

---

[1]) Земледельческий Журнал 1834 г. кн. I, стр. 7.

[2]) Лялин.—Неутешительные новости в свеклосахарном мире. Библиотека для чтения 1840 г. Т. 40, стр. 19.

В первом заседании Комитета Сахароваров 12 января 1834 г. [1]) был подписан благодарственный адрес Давыдову за труды и пожертвования, употребленные им для достижения успехов в новом способе обрабатывания свекловицы.

Шишков предложил Комитету запросить известных сахароваров бар. Котца и Яковлева о производстве сахара на их заводах. Профессор химии Герман прочитал доклад о легчайшем способе определения сахара в сиропе с представлением снаряда.

Шишков зачитал программу работ Комитета, охватывающую три стороны свекло-сахарного производства: 1) земледельческую, 2) фабричную и 3) коммерческую. По всем трем отраслям предполагалось составить опросники для того, чтобы заводчики могли сообщить свои способы и результаты. В первом заседании присутствовало всего восемь человек [2]).

Во втором заседании Комитета (20-го января) были заслушаны и одобрены отношения Комитета к бар. Котцу и Яковлеву. Постановлено иметь в зале Комитета образцы лучших семян всех сортов свекловицы «для сличения оных, пригласить всех заводчиков, возвращающих свекловичные семена для продажи, чтобы они присылали в Комитет образцы своих семян с означением их цены, количества и места продажи, для того, чтобы желающие купить их имели удобность справиться о том в Комитете» [3]). В ту эпоху некоторые заводчики стали заниматься разведением для продажи свекловичных семян. Комитет предполагал сосредоточить сведения о таких семеноводческих хозяйствах с указанием цен и условий продажи для дачи справок и указаний желающим. Комитет заинтересовался вопросом об исследовании составных частей свекловицы и способах добывания из нее сахара.

Комитет рассматривал свеклосахарные пески бар. Котца, Шишкова и Самарина, переданные Герману для анализа. Во втором заседании присутствовали те же восемь человек.

В третьем заседании Комитета (27 января) была заслушана анкета по обследованию свеклосахарной промышленности, выработанная Шишковым, касающаяся земледельческой части, в отношении почвы, удобрения, обработки почвы, земледельческих орудий и др. Представлены были пески Гадячского помещика Бабарыкова, добытые им из свекловицы на домашнем заведении, стоившем ему не более 65 руб. В этом заседании присутствовало 9 человек.

Заслуживают внимания вопросы, «анкеты Шишкова и мнения по ним Комитета [4]): по вопросу о сортах свекловицы Комитет высказался так: до сих пор белая Силезская свекловица признана наилучшею. Комитет считал нужным сделать опыты над разными сортами свекловицы и на разных почвах земли. Комитет полагал, что «на нивных землях свекловица богатее, а на конопляниках водянистая и сок ее слабее. Желательно знать количество произведения на том и другом грунте». Как видим, уже в это время начали сознавать, что свекла на конопляниках является менее сахаристой, чем полевая. Между тем, как первые сахаровары полагали, что свеклу нужно сеять на конопляниках. Изменение взглядов важно потому, что оно содействовало вовлечению новых районов в свеклосеяние.

---

[1]) До 1834 г .существовали совещания Сахароваров при Московском О-ве сел. хозяйства, также иногда называвшиеся Комитетом.

[2]) Записки первого Комитета Сахароваров, составленные при Импер. Московском О-ве сел. хозяйства. Прибавление к Земелед. Журналу. М. 1834 г., стр. 9 и д.

[3]) Там же, стр. 37.

[4]) Записки первого Комитета, стр. 68 и д.

Вопросы об удобрении, севообороте и приготовлении земли к посеву, по постановлению Комитета, переданы на заключение сахароваров. Как видно из вопросов и ответов, возделывание свекловицы производилось двумя способами: а) прямо на местах и б) рассаживанием рассадою. Комитет в своем мнении доказал, что в России «употребляется по большей части первый способ, а второй—не более, как вспомогательное средство». Для посева одной десятины «руками число людей потребно, по расчислению Муравьева, 13 баб, сеялкою же для делания рядов на 3 дес. 2 человека, одна лошадь, открывать борозды и после закрывать их—шесть, сеять машиною—три. На вопрос, «сколько потребно рук для первого полотья», имеется такое мнение Комитета: число их зависит от чистоты и обработки земли, а предполагается от 20 до 30 человек».

Первый же Комитет занялся обсуждением вопроса о добывании песков домашним способом или на кухне, как выразился Муравьев [1]). Этот вопрос служил темой оживленных обсуждений. По словам Маслова, «от Комитета позволительно ожидать дальнейших советов тем хозяевам, которые не расчитывая на тысячные выгоды и доходы от свеклосахарных заводов, но имея 20 и 40 душ и живя постоянно в деревне с семьями, а нередко удаленные от уездных городов на несколько десятков верст, затрудняются по всем отношениям в покупке на чистые деньги сахара, вошедшего в число необходимостей жизни, и потому желали бы сами произвести у себя домашний пробеленный песок из свекловицы. Таким малопоместным хозяевам, нередко нуждающимся во многом, показать удобнейший способ сахародобывания было бы истинным для них одолжением».

«Это может быть выгодно и для больших заводчиков. Дело в том, чтобы приохотить в России большое число мелких помещиков и крестьян возделывать свекловицу. Показание способа добывать песок в малом виде найдет тысячи охотников попробовать сие; они займутся разведением свекловицы и само собою разумеется, что, не имея вблизи сах. завода, сами кой-как будут перерабатывать ее для домашнего обихода; но как скоро заведут подле них завод сахарный, то, без сомнения, они найдут выгоднейшим доставить туда свою свекловицу и получить за нее или пробеленный песок ,или сахар, или деньги». «Итак, поставлю себя на месте бедного помещика, не имеющего иногда возможности купить на чистые деньги двух или трех пудов сахара, но имеющего и дворовых людей, и свою семью, готовую трудиться, я прошу вас разрешить: можно ли получить в малом виде пробеленные пески и какой есть для того удобнейший и дешевейший способ?»

Приведенная выдержка из доклада Маслова об'ясняет нам интерес к поставленному вопросу. Распространение домашнего способа производства сахара содействовало бы расширению свеклосеяния в мелких хозяйствах, в конечном итоге это было бы полезно и для крупных заводчиков, углубляя их сырьевую базу; с другой стороны, домашнее сахароварение дало бы возможность использовать праздные рабочие силы помещичьего хозяйства в свободное время от земледельческих работ.

Из предметов обсуждения Первого Комитета заслуживает упоминания доклад Давыдова о преимуществах холодной вымочки на экстраординарном собрании сахароваров, где присутствовало 12 человек. По этому способу, сок добывался из ломтей свекловицы холодною вымочкою. Докладчик видел важное преимущество сего способа в его про-

[1]) Записки первого Комитета, стр. 81 и д.

стоте, дававшей возможность каждому хозяину, даже при малых имениях, без предварительных сведений и с небольшими издержками, выделывать у себя значительное количество не песка, а такого сахара, которого сбыть не трудно». Давыдов в своем сообщении предлагал всем новым заводчикам, прислать к 10 августа (1834 г.) людей на заведение в Тамбовскую губ., в Липовецкий уезд. По мнению Давыдова, «в самой Москве можно очень удачно устроить небольшие и чрезвычайно малостоющие заведения, на возделывание 6, 10 и более досятин огородной земли».

Давыдов, получивший привиллегию на свой способ выработки на 10 лет, предлагал тем помещикам, «которые расположены при сельском своем домоводстве учредить сахарные производства, получить сообщение средств и всех нужных к тому сведений за ничтожную сумму—1.000 руб. асс., рассроченную на два года, из которой они внесут только четвертую часть и обеспечат в остальной сумме заемными письмами».

Мнение Давыдова о своем изобретении хорошо выяснено в следующих словах: «Смею уверить, что с сего времени сия промышленность, представляющая капитал 600 милл. руб., или ежегодный расход, простирающийся до 30 милл., может почитаться вернейшим приобретением любезному нашему отечеству, даст новую ценность имениям и доставит большей части помещиков неизвестные еще доходные средства».

Давыдов выставил также условия для желающих получить его способ сахародобывания:

1) Всякий, желающий воспользоваться способом, об'являет Комитету сахарозаводчиков, какое количество свекловицы обрабатывает он ежегодно на заводе;

2) Заводчики, перерабатывающие в год от 4.000 и более четвертей, платят по 2 руб. асс. единовременно с четверти; заводчики, обрабатывающие менее 4-х тысяч четвертей, платят единовременно 4.000 руб. асс. Заводчики вновь устраиваемых заводов, перерабатывающие более или менее 10 берк. в сутки,—1.000 руб. асс. На способ Давыдова подписалось 13 человек, в том числе и А. А. Бобринский.

Холодная вымочка Давыдова встречена была восторгом в Москве; последняя ее широко рекламировала. Горячим и убежденным противником этого метода выступил Лялин. В своей статье «Новая метода свеклосахарного производства», напечатанной в «Библиотеке для чтения», он писал [1]): у нас есть многое, о чем в других государствах не думают: есть и «комитетные совещания», и «экстраординарные собрания» (намек на деятельность Комитета Сахароваров) по случаю блестящих открытий в сахароварении, есть бездна фактов с примесью увлекательных подтверждений, есть и образцовые заводы внутри самой столицы,—все это есть, одного только нет—сахару». По словам Лялина, Давыдов использовал чужую идею «холодной вымочки». Опыты Домбаля извлекать сок из свекловицы посредством воды сделали ее предметом занятий и отечественных заводчиков. «Теперь многие, убедившись в неосновательности способа, представленного Давыдовым, обратились ко многим другим опытам... Все эти опыты известны у нас теперь под общим названием новой методы» [2]). Судя по словам Лялина, в этой методе вскоре все разочаровались. «Метода, как метеор, блеснула только для одного Шишкова и вдруг исчезла под непроницаемой заве-

---

[1]) Библиотека для чтения т. XX 1837 г., стр. 2.

[2]) Лялин—Свеклосахарное производство. Библиотека для чтения. Т. XIV 1836 г. прим. стр. 40, ср. примеч. к стр. 55—56.

сой. Эта метода громко разнесла имя изобретателя и, однако же, несмотря на золотую медаль первого достоинства, не доставила свеклосахарной промышленности никакой пользы. Она предана забвению самыми изобретателями» [1]). По мнению Лялина, о методе Давыдова не стоило бы говорить (в 1837 году), если бы эта метода не была так прославлена на московском горизонте, к явному ущербу и великому горю бедных и доверчивых сахароваров».

Появление и рекламирование новых способов свеклосахарного производства, частая смена приемов и методов выделки сахара действовало угнетающим образом на сахарозаводчиков. Это общее разочарование получило ясное выражение в остроумно написанных словах: «Сахарное производство вертится в страшном омуте, каждый год ломаем, создаем и снова ломаем наши заводы. Получить из берковца свекловицы 20 фунт. сахару в головах и 10 фунт. отличнейшего песку— вот идея, к которой мы несемся вот уже три года, и, странное дело, эти 20 фунт. и 10 фунт. как будто заколдованные: чем мы ближе к ним подходим, тем далее они от нас... Но что и вспоминать о прошедшем. Изобретатель, упоенный славою, почиет теперь на лаврах, а мы, с горьким разочарованием, с расстроенным карманом, поем надгробные песни над прахом прославленной его методы» [2]).

Получение из 10-пудовой четверти от 24 до 30 фунт. хорошего сахарного песка, как утверждал Давыдов, современники называли «сахарной поэзией» [3]), которая, как мы видим, не получила осуществления в жизни и принесла столько горьких разочарований отечественным сахароварам.

Этим вопросом занимался и второй Комитет сахароваров. При вторичном собрании Комитета в 1835 г. Шишков и Воейков, испробовавшие способ Давыдова, «засвидетельствовали, что вымочка свекловицы с употреблением серной кислоты, приближает свеклосахарную промышленность к степени возможного совершенства; ибо сим способом получается из свекловицы весь сахар, в ней содержащийся, применение сего способа к малым сахароварным заведениям дает возможность к быстрому распространению свеклосахарной промышленности. Содействование сей цели—вот главнейший предмет занятий второго Комитета» [4]).

Во втором заседании Комитета (11 января 1835 г.) его директор сделал «представление о способах, коими Комитет может теоретически и практически содействовать расширению свеклосахарной промышленности в России». Согласно его представления, Комитет постановил: 1) продолжать издание записок совещаний Комитета и по времени особые листки для сахароваров, передавая в них все изобретения и улучшения, делаемые в свеклосахарной промышленности; 2) пригласить одного из известных в Москве садовников быть комиссионером Комитета для продажи надежных семян свекловицы; 3) избрать одного из лучших в Москве медников также в комиссионеры Комитета для заказа ему котлов и кранов; 4) просить членов Комитета присылать к ним на заводы учеников для обучения свеклосахарному искусству на известных условиях; 5) просить всех членов, чтобы они, отпуская от себя ненужных им мастеров-сахароваров, присылали в Комитет копии с данных им аттестатов, дабы Комитет мог, с своей сто-

---

[1]) Там же, стр. 39.

[2]) Лялин—Нынешнее состояние свекло-сахарного производства. Библиотека для Чтения 1838 г. т. 29, стр. 1—2.

[3]) Записки первого Комитета Сахароваров—1834 г., стр. 51.

[4]) Записка II Комитета Сахароваров М. 1835 г., стр. V.

роны, содействовать в помещение на заводы мастеров, аттестованных его членами; 6) просить Шишкова написать руководство к устроению небольшого завода с примерною сметою; 7) составить в Комитете собрание моделей всех вещей, потребных для свеклосахарного завода» [1]). В том же заседании намечен комиссионером Комитета для продажи песков в Москве И. Гофман; постановлено было запросить его об условиях комиссии [2]).

Во втором году своего существования Комитет вступил на путь практического содействия свеклосахарной промышленности избранием комиссионеров по снабжению заводчиков семенами, аппаратами и, наконец, комиссионера для сбыта сахарного песка в Москве. Комитет облегчал работу существующих заводов и содействовал возникновению новых заводов.

Комитет интересовался и больным тогда вопросом о мастерах-сахароварах. Недостаток хорошо подготовленных мастеров тормозил развитие свеклосахарной промышленности. Комитет хотел взять на себя посреднические задачи по найму мастеров, предварительно получая о них аттестаты от тех помещиков, которые их отпускали. Составление моделей всех аппаратов, необходимых для свеклосахарного производства, должно было облегчить учреждение новых заводов, к тому же это и нормализовало бы производство.

Заслуживает упоминания один факт: во втором заседании был заслушан вопрос Общества Сел. Хозяйства Южн. России (в Одессе) о семенах свекловичных, о мастерах, о снарядах. В запросе указывалось, что «некоторые из помещиков Новороссийского края, желая заняться разведением свекловицы, встречают надобность в семенах сего растения и в сведениях, необходимых для руководства при возделывании оного и выделке сахара» [3]). Этот вопрос указывает на появление в 1835 г. интереса к свеклосахарной промышленности среди помещиков степной полосы Украины. Вопросами новой промышленности заинтересовалось в половине тридцатых годов Южно-Русское общество в Одессе. Этот запрос также свидетельствует, чт Комитет избрал правильный путь для своих практических мероприятий по содействию свеклосахарной промышленности. Запрос Одесского О-ва подтверждал необходимость этих мер.

В третьем заседании Комитета (18-е января 1835 г.) было произведено избрание комиссионеров для продажи семян садовника Гольста, для медных котлов купца—Савельева, для кранов—Суровцева, аппаратов—иностранца Крахта, имевшего свое заведение в Москве. Решено было пригласить еще оптика для приготовления ареометров, термометров и других подсобных снарядов.

В записках второго Комитета Сахароваров мы находим список свеклосахарных заводов, перепечатанный из «Журнала Мануф. и Торговли» [4]). В этом списке значилось 38 лиц, имевших свеклосахарные заводы, в том числе 10 на Украине, главным образом, в Черниговской губернии (в ее северной части—Суражском, Сосницком уездах, где имелись конопляники) и затем в Харьковской и Полтавской губ.

Этот первый список нельзя признать ни полным, ни точным. Ряд современников определял в это время число заводов в 70, откуда взята эта цифра, неизвестно. Во всяком случае, в списке мы не находим упо-

---

[1]) Там же, стр. 34.
[2]) Там же, стр. 37.
[3]) Там же, стр. 39.
[4]) Там же, стр. 113.

минания о заводе Понятовского в Киевской губ., существовавшем в 1832 г. по позднейшим спискам, завода Маковецкого в Подольской губ., основанного в 1833 г., и т. д. С другой стороны, в этом списке имелся завод купца Шевелева в Иркутской губ., в гор. Верхнеудинске, с таким примечанием редакции Землед. Журнала: «Шевелев предполагал устроить свеклосахарное производство в Верхнеудинске, но, чтобы завод его существовал уже и приведен был в действие, об этом еще нет точных сведений». Редакция обращалась с просьбой к сахароварам, имевшим «устроенные заводы, уведомить о том Комитет для пополнения сего списка». Комитет во второй год своего существования стал заботиться об учете свекло-сахарных заводов. К сожалению, ему не удалось установить твердого списка свеклосахарных заводов.

Комитет сахароваров серьезно интересовался устройством свеклосахарных заводов в Сибири. «Комитет, говорил Маслов в своей речи в О-ве «О распространении свекло-сахарного производства в России и о заведении в Москве свекло-сахарного завода», решил стараться о ее распространении (свекло-сахарной промышленности. К .В.) не только во внутренних губерниях, где есть коноплянники и хорошие черноземные почвы, но обратил внимание на разведение свекловицы и в Сибири, получающей сахар из Европы с значительным возвышением цены за провоз. В прошлом году посланы свекловичные семена в Иркутск, Омск и др. [1]). По отзывам, присланным в Комитет, можно полагать, что и в Сибири найдутся удобства для разведения свекловицы и даже для устройства свеклосахарного завода на акциях, об этом уже писал коммерции советник Баскин».

В связи с деятельностью Комитета стоит и постройка завода в Москве. Секретарь Комитета Маслов полагал, что долг Комитета содействовать распространению свеклосахарной промышленности. «Нигде это содействие не может быть так действительным, как в Москве, в центре России, куда многие помещики с'езжаются и по делам, и для житья на зиму. Убежденный в этом (Маслов), устроил здесь небольшой завод, на котором начались и продолжаются работы вымочкою по способу Давыдова. На этом заводе каждый может видеть устройство чанов; может видеть все производство; может туда прислать учеников и сам получить практическое понятие о затруднениях и неудачах и успехах»... Московский свеклосахарный завод, устроенный на Гороховом поле, в доме Белавина, должен был выполнять учебно-показательную роль. Правда, далеко не все современники так оценивали значение этого завода [2]). Как увидим позже, Московский завод скоро прекратил свое существование.

---

[1]) Маслов—О распространении свеклосахарного производства в России о заведении в Москве свекловично-сахарного завода. Землед. Журнал 1835 г. кн. XXI стр. 778.

[2]) Известный нам Лялин сообщает такие результаты о деятельности этого образцового завода: «Прошедшею осенью «Москов. Ведомости» известили, что образцовый завод новой методы пошел в ход и открыт для всех желающих его видеть.

На образцовом заводе переработано . . .	$192^1/_2$ берк. корней
получено желтого песку	51 п. 23 ф.
патоки	67 п. 16 ф.
Из пудовой четверти получено желтого песку	— $10^3/_4$ ф.
патоки	— 10 „
Весь расход по заводу	1872 руб. 65 коп.
приход	1761 руб. 17 коп.
убыток	111 руб. 48 коп.

Заслуживает упоминание доклад Шишкова в Комитете Сахароваров «О настоящем состоянии свеклосахарной промышленности в России и предметах совещаний Комитета». «Три года тому назад составился Комитет наш в то время, когда свекло-сахарное производство в России после быстрого вдруг распространения стало упадать и убытки, понесенные некоторыми заводчиками, распространили неблагоприятное мнение об этой богатой земледельческо-мануфактурной промышленности... И тогда, как мнения о свекло-сахарном производстве начали колебаться, О-во сельского хозяйства, будучи убеждено в пользе самой промышленности, желало подтвердить свое убеждение не одними отдельными отчетами некоторых заводов, но истинными положительными сведениями, обсужденными в особых совещаниях, почему в январе 1834 г. положено основание Комитету нашему» [1]). Шишков отмечает «всеобщее желание устраивать заводы, так что теперь оказался видимый недостаток в мастерах, хотя заводы Бобринского, Давыдова, мои и другие были открыты для учеников... В сие время устроены многие довольно значительные заводы и многие устраиваются еще в будущем году. Гирш, окончив аренду огромного завода гр. Бобринского, получает безпрестанно предложения учреждать заводы. Здешний купец Абрикосов утверждает, что скоро в состоянии будет обходиться без колониального сахара».

Шишков отметил в своем докладе, что до настоящего времени смотрели на сахарные заводы, как на отрасль фабричную, содержащую в себе только часть земледелия отдельную — возделывание свекловицы. Глебов (воронежский помещик) первый ввел свекловицу в севооборот, справедливо заметив, «что в Англии сделал турнепс и в Германии картофель для усовершенствования плодопеременного хозяйства, то исполнит у нас свекловица». Некоторые заводчики уже в прошедшем году предприняли введение сего растения в севооборот полей своих. И действительно, для производства нам нужен первый материал—свекловица». В половине тридцатых годов свеклосеяние с коноплянников начало переходить в поле. Этот момент важен с точки зрения тех новых перспектив, какие открывались вместе с этим для нашей свеклосахарной промышленности, а с другой стороны, и для усовершенствования системы полеводства включением свекловицы в севооборот. Этот факт должен был содействовать перемещению на юг свеклосахарной промышленности, так как опыты культуры свеклы на землях средней области оказались неудачными. Из доклада Шишкова мы узнаем, что возникновение Комитета Сахароваров было обусловлено кризисом свекло-сахарной промышленности.

В связи с новой оценкой свеклосеяния представляет интересным предложение Комитету агронома Рошена, занимавшегося разведением свеклы в с. Михайловском в имении гр. А. Бобринского. Рошен из'явил готовность принимать к себе «в учение возделыванию свекловицы без платы за труды, кроме 10 руб. харчевых на работника с тем, что если кому из членов Комитета или помещиков, угодно будет прислать к нему учеников, то могут их прямо адресовать в заводскую контору с. Михайловского». Комитет, считал, что обработка свекловицы как первого материала свеклосахарного

Лялин не преминул к этому балансу прибавить такое язвительное замечание: «новая метода со всеми разнообразными изменениями не дала мне того сладкого результата, который так сахарно изливается из под пера многих наших заводчиков». Московские Ведомости (1836 г. № 60) писали: «выхваляемая метода—мацерирование (вымачивание) свекловицы, кажется, совсем упала». Лялин выше цит. Библиотека для Чтения. 1837 г. Т. XX, стр. 42.

[1]) Записка IV Комитета Сахароваров. М. 1837 г., стр. 39.

производства есть дело самое важное, и, зная Рошена за отличного знатока в этом деле, определил пригласить желающих заняться свеклосахарною промышленностью воспользоваться предложением Рошена.

Вопрос о недостатке подготовленных мастеров сахароваров не раз служил предметом обсуждения Комитета Сахароваров. Маслов в заседании 4-го Комитета читал доклад о подготовке мастеров свеклосахарного производства, в которых чувствовалась особая нужда; указал между прочим на учеников воспитательного дома, находящихся в земледельческой школе, которые, имея предварительные сведения из земледельческой химии, могли бы с успехом заняться изучением свеклосахарного производства. Комитет постановил снестись с начальством воспитательного дома; «не благоугодно ли ему будет к числу годов учения воспитанников в Земледельческой школе присоединить еще один год для учения свеклосахарному производству с платою или без платы за них».

Желавшие устроить свеклосахарный завод испытывали большие трудности в подыскании сведущих мастеров. «Все желающие вновь заводить свеклосахарные заводы, говорил Маслов, имеют крайнюю нужду в мастерах и не знают, где их взять». Старый способ подготовки мастеров из крепостных оказался мало удовлетворительным. «Заметим, что из числа присылаемых учиться сахароварению, конечно, большая часть безграмотных или малограмотных работников, которые могли перенять то, что видели и чем сами занимались, но, не имея образования, они не в состоянии ни следовать за улучшениями свекловичной промышленности, ни об'яснять неожиданных явлений при производстве, ни употреблять средств к поправлению изменившегося от того порядка в фабрикации» [1]). Эмпирическое обучение безграмотных или малограмотных крепостных уже не удовлетворяло запросам быстро развивавшейся свекло-сахарной промышленности, в особенности в связи с частой сменой методов и способов производства.

Опекунский Совет, к которому обратился Комитет, ответил согласием на то, чтобы питомцы воспитательного дома, по окончании Земледельческой школы поступили на свеклосахарные заводы с тем, «чтобы всякое о них попечение в отношении содержания и наблюдения за нравственностью приняли на себя заводчики».

Четвертый Комитет, желая привлечь к своей работе всех сахарозаводчиков, принял постановление о том, что для вступления в число членов Комитета, достаточно одного письменного из'явления согласия принять участие в совещаниях и трудах Комитета. Этим Комитету удалось значительно расширить свой состав: число членов в начале его деятельности не превышало 9, затем в 1837 г.—52 члена, в 1838 г. 71, в 1839 г.—80.

Из вопросов, обсуждавшихся в заседаниях пятого Комитета, заслуживает внимания сообщение об образовании в 1837 г. двух компаний для свеклосахарного производства: одной в Бобруйске, а другой в Путивле [2]).

---

[1]) Записки IV Комитета Сахароваров. 1837 г., стр. 154.

[2]) Записки V Комитета Сахароваров. 1838 г. М., стр. 10.

Интересные сведения о возникновении Путивльской компании сообщает Лялин. Владелец деревни Бочки Львов, отличавшийся гостеприимством в один из с'ездов предложил своим гостям «составить свеклосахарную компанию. Все единодушно приняли предложение и в один вечер все было решено: собрано 100 тыс. денег, сделано условие и избраны три директора. Кажется, это было в октябре 1836 г.».

«Предположение компании состояло в том, чтобы купить 120 десятин земли: сто для плантаций, а 20 для усадьбы; выстроить завод для переработки 200 берк. в сутки и все строения необходимые при заводе... все это должно быть кончено в течение 7 месяцев, т. е. к первому сентября, ко времени, когда завод должен пойти в ход». Условий, подписанных при составлении компании «нельзя назвать

Из сообщения видно, что Путивльская компания имела своей свеклы 1000 берк., покупной 18.000 берк. В записках пятого Комитета к этому сделано добавление, что завод кн. Мещерского под Москвой покупал всю свеклу у Коломенских огородников, а завод бар. Котца в Пензенской губ. почти основан на возделывании свеклы соседними крестьянами. Очевидно, работа на покупной свекле в ту эпоху составляла все же исключение.

Среди мер, к развитию свекло-сахарной промышленности в заседании Комитета было доложено об издании «планов для свеклосахарных заводов разных размеров с описанием потребных для каждого завода котлов и снарядов, сделанном членом Комитета Мухановым при второй части его Портфейля для хозяйев, весьма много облегчившим вновь приступающим к устроению заводов даже в выборе плана, более приличного каждому по его способам и предположению».

Пятый Комитет с гордостью отмечал, существование во многих губерниях огромных свекло-сахарных заводов, доставляющих такие выгоды, каких едва ли какая другая промышленность могла обещать в то время (1838 г.). «Начиная от Москвы, подле которой устроен завод кн. Мещерского, мы найдем их по нескольку в губерниях Калужской, Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Курской, Пензенской, Черниговской, Воронежской, Симбирской, Киевской, Тверской и Смоленской, даже один завод есть в Бессарабии близь Кишинева. До прошедшего года в Малороссии только не доставало хорошего завода, на котором бы успешное производство могло служить примером для тамошних помещиков, а свеклосахарная промышленность для Малороссии есть драгоценное приобретение» [1]). В конце тридцатых годов уже существовали огромные свекло-

---

уставом; это было условие товарищества, составленного большею частью из людей соединенных родством и дружбою. Удачное начало, завода поощрило компанию увеличить свой капитал; теперь он состоит из 300 тыс. руб.; предположено взять имение в аренду, устроить и другой такой же завод и присоединить к нему рафинарню. Все это должно быть, конечно, к будущему году, так что в 1839 году Путивльский у. увидит у себя два компанийских сахарных завода и один рафинарный. При увеличенном обороте капитала, компания изменила прежние условия и составила полный устав.... еще не утвержденный правительством.

Удачное начало Путивльской компании возродило желание и у соседей последовать ее примеру: говорят, что в Рыльском и Роменском уездах, тоже волнуются умы в пользу составления свеклосахарной компании». Лялин—Нынешнее состояние свеклосахарного производства. Путивльская свеклосахарная компания. Выгоды, какие свеклосахарная промышленность может доставить Малороссийскому краю. Библиотека для Чтения. Т. 29. Ч. IV. Ср. П. С. З. 1837 г. Т. XXII, № 10236, 1838 г., стр. 24—25. Характерно, начало этой компании на балу у помещика, в компанию вошли люди связанные родством и дружбой. В конце тридцатых годов наблюдалось грюндерство в области свекло-сахарной промышленности, охватившее Украину. В 1837 г. утвержден устав Бобруйского свеклосахарного товарищества П. С. З. 1837 г. Т. XII, № 10232. Можно указать, что опыты организации товарищеских свеклосахарных заводов делались и во Франции. Очень возможно, что идея компанейских сахзаводов была заимствована из Франции. Лялин так описывает возникновение таких товарищеских сахзаводов во Франции. «Общества составлялись во Франции из помещиков, которые, убедившись на опыте в выгоде, какую получает хлебопашество от посева свеклы и зная, что без сахарного завода некуда ее сбыть, решались на общий капитал устроить завод. Дело это приводят в исполнение таким образом: пятнадцать или 20 помещиков избирают в центре своих поместий удобное место для устройства завода. Потом между собою избирают одного, который должен выучиться сахарному производству и принять управление заводом. Каждый из участников обязывается доставлять определенное количество свеклы и каждый из них берет свою часть выжимок».

См. Свеклосахарная промышленность во Франции. Жур. Мин. Гос. Им., кн. X. 1844 г., стр. 185.

[1]) Записки V Комитета Сахароваров. М. 1838 г. Стр. 16.

сахарные заводы; свекло-сахарная промышленность встречалась в тринадцати губерниях. В приведенный перечень далеко не вошли все сахаропроизводящие губернии, так не упоминается Полтавская, Харьковская и Подольская губ., где также были свекло-сахарные заводы. Ценно указание на то, что Комитет сознавал всю важность свекло-сахарной промышленности для Украины.

Намек на возникновение на Украине свекло-сахарного завода, который мог бы служить образцом для украинских помещиков, очевидно, относится к заводу члена О-ства Скалону, устроенному в 1837 г. в Харьковской губ. в Волчанском у. на четыре порядка, и пущенному с ноября в ход. Скалон сообщил, что принимает на свой завод учеников, чем многие из украинских помещиков и воспользовались [1]).

Во второй половине тридцатых годов начинается усиленное строительство свеклосахарных заводов на Левобережной Украине, в особенности в районах прилегающих к великороссийским губерниям. Здесь наметилось зарождение нового центра свеклосахарной промышленности. «Заводы у нас растут, писал в 1840 г. Харьковский помещик Лялин [2]), как грибы. Решительно можно сказать, что страсть к сахарным заводам у нас теперь дошла до самой высокой степени... У всех одна мысль—иметь сахарный завод во что бы то ни стало. В Малороссии энтузиазм этот дошел до невероятности: здесь уже строят не по одному заводу, а вдруг разом по три».

Лялин отмечает, что 1833 г. (голодный) сильно расстроил малороссийские имения. Помещики задумывались над тем, как поправить свои дела. «В это время в Москве сильно зашумели о блестящих открытиях и о величайших выгодах, какие доставляет свеклосахарная промышленность. Гул этот раздался по всей России и достиг до Малороссии. Долго Малороссия не решалась на предприятие, наконец воспламенившись русским энтузиазмом, устремилась к сахарным заводам. В продолжении этих последних четырех лет (с 1836 г. К. В.) в одном Сумском у. явилось уже девять сахарных заводов, а во всей Малороссии и на границе русских губерний, прилегающих к Малороссии—сорок два завода» [3]). Таким образом, с поло-

[1]) Роль Скалона в насаждении свекло-сахарной промышленности в этом новом районе хорошо выяснена в отчете о производстве работ на заводе Клепацкого. Выражается благодарность А. Скалону «устроившему в нашем округе первый завод холодной вымочкой и приобревшему опытного сахаровара; мой человек и многих соседей изучены у него сахародобыванию из свекловицы на практике, а через то многие у нас удостоверились в пользе этой промышленности и приступили к постройке заводов. Я посещал заводы, устроенные в течении сего 1838 г. в соседстве моем (6 заводов)». У графа Генрихова и у Черноглазовых производят сахароварение свои люди, учившиеся в заводе Скалона, у Колокольцова, Борщева и Хитровой сахаровары от Давыдова и у Ионы вначале вольно-наемный, а впоследствии свой сахаровар под руководством владельца». Записки VI Комитета сахароваров, стр. 27—28. Завод Скалона послужил центром, вокруг которого начали возникать в конце 30-х годов другие сахарные заводы—в районе Харьковщины и Курщины. Скалон писал в шестой Комитет сахароваров: «донесения мои оправдались на деле и семь заводов, кроме моего, вновь устроены в одно лето и производили работу. Можем утвердительно сказать, что сия отрасль отечественного богатства упрочилась и распространилась у нас с невероятною быстротою». Записки VI Комитета, стр. 46—47.

[2]) Лялин—Неутешительные новости в свеклосахарном мире. Библиотека для Чтения, т. 42. 1840 г., стр. 24—25.

[3]) Там же стр. 26. Об этом увлечении харьковских помещиков сахароварением мы находим интересные указания в переписке Е. Гребенки с С. Новицким. В письме от 10 марта 1836 г. Гребенка пишет:

«Вы с Квиткою затеяли доброе дело, варить сахар, виват, сахаровары. А все мы будем покупать сие сладчайшее вещество зело дешевле теперешнего». От 13 ноября 1836 г. тот же корреспондент пишет: «Радуюсь, весьма радуюсь твоим сахарным аферам, дай бог, чтобы они шли вперед. Авось и наш брат, труженник, приехавши в Малороссию выпьет чашку чаю с домашним сахаром, или

вины тридцатых годов Левобережная Украина уже была охвачена сахароманией. На Левобережьи стал складываться новый центр свеклосахарной промышленности, с блестящими перспективами. Свеклосахарная промышленность, зародившись в средне-северной полосе, начала перемещаться на юг, на черноземные земли с более мягкими климатическими условиями. В сферу свеклосахарного производства были вовлечены раньше те украинские районы, которые лежали ближе к первоначальному центру свеклосахарной промышленности. Правда, отдаленные заводы существовали и на Правобережной Украине, но пока здесь появление заводов носило случайный характер. Здесь не было того массового движения, какое охватило Левобережную Украину к концу тридцатых годов. Массовой характер свеклосахарное строительство получило в этом районе в сороковых годах. Таким образом, свеклосахарная промышленность постепенно спускалась на юг, и позже на юго-запад, перемещаясь из одной географически-смежной области в другую. Так сказывалось влияние соприкосновения и личного знакомства с свеклосахарными заводами окрестных помещиков, использовавших опыт более предприимчивых соседей, а подчас и обучавшихся на этих пионерских заводах. Появление в Сумском уезде завода Скалона, совпавшее с благоприятным моментом, послужило семенем, принесшим жатву. Вокруг и вблизи завода Скалона вырос ряд других свеклосахарных заводов.

Свеклосахарная промышленность, в движении на юг, дошла и до Черниговской губ. Северный Черниговский район, с развитым коноплеводством, благоприятствовал появлению того типа заводов, который возник и развился на конопляниках. Представляет большой интерес для нас история возникновения завода Есимонтовского, культурного помещика, хорошо знакомого с экономикой северной полосы Украины.

Есимонтовского завод устроен в 1830 г. в Суражском у. в сел. Высоком по образцу завода Мальцева [1]). На заводах последнего обучались сахароварению двое крепостных Есимонтовского в течение одной зимы. Посадка свекловицы производилась у Есимонтовского, согласно опыту Мальцева, на крестьянских конопляниках в таком севообороте: первый год по навозу конопля, а второй—свекловица. Ежегодно засаживалось свекловицей 11 дес., разделенных на 160 участков; с них получено в 1837 г. 1.580 берк. по 143 берк. с десятины.

Есимонтовский делал уже опыты введения свеклы в севооборот, отведя для посадки клин, предназначенный для корнеплодных растений, (4 дес.). В 1837 г. урожай с полевой десятины равнялся 72 берковцам. По словам Есимонтовского, свекловица, посеянная в поле, дала более плотный сок. Завод снабжал плантаторов семенами; ряд неблагоприятных метереологических условий 1836 и 1837 г.г. не дал возможности созреть семенам, и в 1838 г. пришлось покупать семена у семенщика Финтельмана «дорогою ценою по 50 р. асс. за пуд».

Любопытные сведения находим в отчете Есимонтовского о сбыте продуктов сахароварения. «Три года патока продавалась евреям, которые своим способом приготовляли из нее спирт для водок, употребляемых ими во время пасхи, так как по закону Моисея воспрещается им в это время употребление виноградного хлебного вина». Есимонтовский жалуется на то, что нет возможности «продавать песок не беленный, в Москве на него нет почти требования теперь, а в провинциях и того менее. Неужели никогда не может быть в Москве завода для рафинирования сахара. Если бы

рюмку чисто малороссийского ликеру». Труды Полтавской ученой Архивной Комиссии В. XI. Из писем Е. Гребенки к Новицкому. Полтава, 1914 г., стр. 17.

[1]) Записки V Комитета, стр. 101 и д.

кто задумал такое предприятие на акциях, то все сахароварники поддержали бы его своим участием». Идея о создании рафинадного завода в Москве для сбыта помещичьего сахара владела умами тогдашних сахароваров, об учреждении рафинадного завода в Москве на акциях много писалось и говорилось [1]).

Работа на заводе Есимонтовского выполнялась крепостными: «крестьяне мои, до устройства завода, работали мне по три дня в неделю и теперь работают столько же, лошади и волы употребляются все те же, которые у меня и прежде были в хозяйстве». Все издержки Есимонтовского по заводу выражались» в плате за свекловицу (которую надеюсь иметь некогда свою, непокупную), за кости для животного угля, поправку и починку заводской посуды и инструментов, в процентах на капитал первоначального обзаведения и в жалованьи и содержании двум своим мастерам и шести мальчикам». В конце своего отчета Есимонтовский приходит к такому выводу: «после восьмилетнего опыта совершенно я убедился в несомненной пользе этой промышленности и в том, что по тесной ее связи с земледелием она приличнее всех других мануфактурных заведений для хлебопашественного имения».

Извлечение из отчета Черниговского помещика Есимонтовского достаточно ярко характеризуют тот сельскохозяйственный тип заводов, который преобладал в изучаемое время и который оказался характерным для Черниговщины. Эти мелкие заводы, использовавшие труд крепостных, работавшие под управлением своих же мастеров из крепостных и вольноотпущенных, находились в тесной органической связи с имениями.

Любопытную характеристику тех, кто заводил у нас свеклосахарные заводы дает Сабуров.—«Свеклосахарное производство у нас и у иностранцев» [2]).

«У нас свеклюсахарные заводы, пишет Сабуров, заводятся помещиками более в таких имениях, где они не имеют достаточно земли для своего скотоводства и хлебопашества, где, следов. крестьяне их, по необходимости сидят на оброке и очень часто на таком, который не вполне платят помещику за ту землю, которую он им отдал, где, следов., крестьяне, оставаясь единственно при обычном своем занятии не только в тягость могут быть помещику, но стеснены во всем том, что может касаться до хлебопашества и скотоводства». Это один тип сахарозаводчиков. У других заводчиков были иные мотивы.

«Или заводится у нас свеклосахарное производство в такой местности, откуда сбыт земных произведений чрезвычайно затруднителен. И решительно можно сказать, что в тех только имениях, которые находятся под влиянием этих двух категорий свеклосахарные заводы у нас дают или мо-

---

[1]) На сессии того же V Комитета Самарин представил свое мнение об учреждении в Москве на акциях, большого рафинадного завода, на который бы свеклосахарные заводчики могли присылать свои пески для рафинировки. «С умножением свеклосахарных заводов, количество сах. песку, как желтого, так и пробеленного, ежегодно увеличивается, и все заводчики предвидят трудность сбыта песков без переварки их на лумп и рафинад тем более, что пески покупаются в Москве незначительным числом конфетчиков, от которых зависит и назначение цен на произведения наших заводов. Без сомнения для предупреждения затруднений в сбыте свеклосахарных песков, было бы полезно учредить в Москве, как центре внутренней торговли один большой рафинадный завод на акциях». С этим проектом мы встретимся позже. Украинские сахаровары высказывались за устройство рафинадного завода на Украине, что и понятно, в виду трудностей перевозки сахар. песка. Сахаровары центрального района высказывались за Москву.

[2]) Журнал Сельского Хозяйства. 1841 г., кн. VI, стр. 291—292.

гут давать некоторые выгоды. При других условиях устроенные, особенно, где земли достаточно и сбыт произведений сельского хозяйства незатруднителен, свеклосах. производство до сих пор еще не оправдало ожидаемых надежд. У нас эта промышленность земледельческая, превращающая грубое первоначальное произведение земли в продажный товар». В одном случае недостаток земли и желание использовать даровую рабочую силу крепостных, в другом—отсутствие сбыта для громоздких и малоценных продуктов сельского хозяйства, вот что служило основанием для возникновения свеклосахарных заводов. По мнению Сабурова, только при наличии указанных условий заводы приносили выгоду. Еще и в начале сороковых годов сахароварение представляло земледельческую промышленность, превращавшую громоздской, малоценный продукт в дорогой, транспортабельный фабрикат.

К устройству свеклосахарных заводов толкало помещиков осознанная более передовыми из них необходимость перехода от трехполья к плодосеменному севообороту. На это мы имеем ценные указания в статье Шишкова.—«Взгляд на свеклосахарную промышленность» [1]):

«Постепенное уменьшение доходов, происходящее можно сказать вообще от давнишнего, медленного, но безпрестанного изнурения почвы зерновым посевом в трехпольном хозяйстве, при частых падежах скота лишало последнего способа удобрения и уменьшило доходы помещиков и крестьян. Показавшаяся нужда заставила обратить на это внимание заботливых владельцев, которые стали вводить травосеяние и корнеплодные растения. Но затруднение сбыта корнеплодных растений все еще останавливало развитие и укоренение плодосменного полеводства.

Введение корнеплодных растений требовало обширнейшего сбыта и выгодного потребления на месте. Свеклосахарная промышленность представила для сего все способы, обращением большого количества корнеплодного урожая в товар, употребление коего у нас быстро размножается, и следовательно, сбыт его верен».

Таким образом, совокупность экономических условий, определявших народно-хозяйственную жизнь изучаемой эпохи, содействовала быстрому распространению свеклосахарной промышленности тридцатых и сороковых годов как в среднерусских, так и в украинских губерниях.

Пятый Комитет усвоил новый метод содействия свеклосахарной промышленности. В заседании 17 февраля 1838 г. Комитет поставил такую задачу для решения, «каким веществом дешевым и повсеместным не затруднительным в добывании можно было бы заменить животный уголь в сахарно-заводском производстве»? За удовлетворительное решение этой задачи была назначена премия в виде золотой и серебрянной медали. Очевидно, недостаток костей и их сравнительная дороговизна не благоприятно влияли на развитие свеклосахарного производства.

Вопросом о постройке рафинадного завода в Москве занимался шестой Комитет сахароваров. На первом заседании 14 января 1839 г. члены Комитета определили «сделать подписку, сколько кто желает доставлять песку на предлагаемый рафинадный завод». В одном заседании было расписано 11.000 пудов пробеленного песку. Мысль о необходимости устройства рафинадного завода высказывается и в отчете о производстве работ холодною вымочкою на заводе Клепацкого (Белгородский у. Курской губ.). «Весьма вероятно, что в здешнем крае быстро распространиться свеклосахарная промышленность и количество добываемого песку в сырце пробеленного увеличится до того, что сбыт оного будет затруднителен, а

[1]) Журнал Сельского Хозяйства и Овцеводства. 1841 г., № 7, стр. 77—78.

посему мысль Самарина весьма основательна... Для пользы общей необходимо устроить рафинадные заводы в Москве и окрестностях Харькова, избрав место, где удобнее можно иметь горючий материал» [1]). Предложение Самарина об учреждении рафинадного завода в Москве дополнялось в устах представителей Украинской свеклосахарной промышленности предложением об устройстве такого же рафинадного завода и в Харькове. Образование в конце тридцатых годов нового района свеклосахарной промышленности на Харьковщине естественно должно было вызвать желание создать местный рынок сбыта для песка путем устройства рафинадного завода в Харькове.

Комитет не мало содействовал распространению усовершенствованных способов производства, публикуя и в Землед. Журнале и в Записках о достижениях западно-европейской свеклосахарной промышленности. Есимонтовский в записке о производстве работ на своем свеклосахарном заводе в 1838 г. сообщает: «часть работ производилась горячею вымочкою, о которой первоначальная мысль Рейхенбаха сообщена Вами в 4-м номере Землед. Журнала. По моему мнению, способ этот сделает великий и выгодный переворот в этом деле. Я не могу достаточно выразить моей благодарности Вам за постоянное распространение новых открытий по нашему делу. Сведения эти для нас провинциалов тем более драгоценны, что иностранные периодические издания попадают к нам в руки очень поздно».

Быстрое развитие отечественной свеклосахарной промышленности окрыляло и седьмую сессию Комитета. Маслов выступил в этой сессии с докладом на тему: «Сколько нужно засеять свекловицею дес. земли, чтобы произвесть количество сахара, равно привозимому в Россию». Расчеты, приведенные в этом докладе, заслуживают внимания, так как они характеризуют положение свеклосахарной промышленности и то, как современники представляли перспективы развития этой отрасли промышленности. Для получения $1^1/_2$милл. пудов пробеленного сахара или количества равного привозному, нужно произвести 6 милл. четвертей свекловицы, «полагая, что из каждой четверти или берковца получится по 10 ф. пробеленного сахара. Кажется, невозможно, в круглом счете со всех заводов принять в произведение более 10 ф. пробеленного песка из берковца». Средний урожай свекловицы в десятилетней сложности принимался в 100 четвертей. Следовательно, для получения 6 милл. четвертей необходимо иметь под свекловицей 60 тыс. десятин. «А как у нас существует 100 заводов и можно при каждом положить в круглом счете по 50 дес. занятых свекловицей, то выходит, что всего засевается 5.000 десятин или $^1/_{12}$ часть потребного количества (т. е. 125 тыс. пудов пробеленного песку). Надобно еще построить 1.100 новых свеклосахарных заводов равных теперь существующим». Исходя из этого расчета Маслов полагал, что нет никаких оснований для опасений «скорого совместничества от вновь учреждаемых свеклосахарных заводов».

Ценность выделываемого сахара Маслов определял в $3^1/_4$ милл. руб., не считая патоки и выжимок [2]). В конце тридцатых годов наши свекло-

---

[1]) Записки VI Комитета Сахароваров. М. 1839 г., стр. 29.

[2]) Маслов.—Сколько нужно засеять свекловицею земли, чтобы произвесть количество сахара, равное привозимому в России. Записки 6-го Комитета, стр. 52—53.

В 1840 г. был поднят вопрос о приглашении специалиста по сахароварению из Франции. Агент мин. фин. в Париже, бар. Мейендорф в своем донесении мин. фин. предложил вызвать в Россию из Франции искусного сахаровара Брама на 6 месяцев с платою по 1 тыс. франк. в месяц для об'езда существующих в России свеклосахарных заводов и введения на них известных ему простейших спо-

сахарные заводы являлись мелкими, в среднем продукция на завод составляла $1^1/_4$ тыс. пуд. сахара, завод в среднем перерабатывал свекловицу с 50 десятин. Все это были заводы сельско-хозяйственного типа. Для того, чтобы произвести $1^1/_2$ милл. пудов сахара по мнению Маслова нужно было построить еще 1.100 заводов, что являлось колоссальной цифрой. Никогда у нас такого числа заводов не было и все же наше отечество скоро избавилось от необходимости ввоза иностранного сахара, не смотря даже на быстрый рост его потребления. Маслов не учел возможности появления крупных свеклосахарных заводов с выработкою десятков тыс. пудов, возникших в сороковых годах.

В сессии VII Комитета сахароваров, бывшей в 1840 г. проводилась обычная работа по заслушанию отчетов, присылаемых в Комитет теми и другими его членами; было пять заседаний в январе и феврале. Отчеты об этих заседаниях изданы отдельной книгой «Записок VII Комитета». Отчеты следующих Комитетов уже печатались в Журнале Сельского Хозяйства и Овцеводства, заменившем с 1841 г. Земледельческий Журнал.

Как видно, из Записок VIII Комитета, (1841 г.) напечатанных в первой книге Журнала Сельского Хозяйства, Комитет интересовал вопрос о постановке отчетности на свеклосахарных заводах. В сессии VIII Комитета были рассмотрены и утверждены формы еженедельной отчетности, применявшейся на заводе Скалона. Комитет предложил сахароварам покупать у него бланки еженедельной отчетности [1]).

В 1841 г. Комитет занялся и вопросом о вредителях свеклы. С июня 1840 г. стал появляться на свекловичных плантациях жесткокрылый жучок (Cassida affinis), размножившийся в ужасном количестве на лебеде, выросшей в полях, вместо озимого хлеба, в губерниях средней полосы. В течении нескольких часов жучок уничтожал лист молодой свеклы на целых десятинах. Некоторые заводы вовсе не работали, не имея свеклы, другие же, где жучок появился в конце июля и августе, имели свеклу дурного качества, изобилующую горькими солями [2]); 1841 г. был не менее тяжел для некоторых заводов. Хотя показавшийся с весны жучок погиб, но дру-

---

собов производства. По мнению Мейендорфа, потребные для этого деньги могли бы быть собраны с заводчиков. Мин. фин., имея в виду, что в России насчитывалось уже 158 свекло-сахарных заводов и, что потребная сумма для вызова Брама составила бы незначительное пожертвование, поручил Департаменту мануф. и внутр. торговли сообщить об этом Московскому Комитету сахароваров.

Так как заседания Комитета Сахароваров кончились в марте, то Совет Моск. О-ва в заседании 1-го мая постановил напечатать об этом в Землед. Журнале, прося заводчиков сообщить свои мнения о вызове Брама. Брамом предложены были такие условия: «Путевые издержки от Парижа до Москвы благоволят принять на себя русские сахаровары; 2) Получать мне 1.000 руб. ежемесячного жалования, с тем чтобы часть денег по соглашению с Комитетом г.г. сахароваров была мне выдана вперед; потом получать жалование ежемесячно со времени выезда моего из Парижа; 5) Провести мне в России по крайней мере 6 мес. Сверх того предоставить мне право входить в разные сделки с теми сахароварами, которые пожелают поручить мне свои заводы на особенных условиях. Во время пребывания моего в России обязываюсь по назначению Комитета Сахароваров отвечать на все вопросы, какие будут предлагать мне заводчики, как относительно возделывания и сохранения свекловицы, так равно и насчет устройства заводов с подробным показанием приличнейшего способа сахароварения. Буду отвечать каждому заводчику, принимая в соображение местные обстоятельства, поставленные на вид мне. Путевые издержки на переезды из одного завода на другой—также должны быть на счет сахароваров». Вызов французского специалиста не состоялся.

[1]) Жур. Сел. Хозяйства и Овцеводства. 1841 г. кн. I. Записки VIII Комитета Сахароваров, стр. 58 и д.

[2]) Сведения... 1849 г., стр. 68—69.

гой бич мошка уничтожала не раз всходы, так что многие заводчики и в этом году не могли работать.

Два неблагоприятных года подряд отразились крайне гибельно на свеклосахарной промышленности. Считают, что из существовавших в 1840 г. 164 заводов около 35 прекратили свое существование.

Комитет сахароваров составил и опубликовал в 1841 г. список свеклосахарных заводов в России в Журнале Сельского Хозяйства за 1841 г. [1]). В этом списке мы находим местонахождение завода, кому принадлежал и как работал вымочкою или прессами. По списку числилось 164 завода, в том числе на Украине 36 заводов. В этом списке пропущено Полтавская губ., между тем к сороковым годам там было несколько заводов [2]). Наиболее густую сеть заводов имела Тульская губ.—29, в частности Чернский уезд—9 заводов, это район первоначального зарождения свеклосахарной промышленности; на втором месте почислу заводов шла Харьковская губ.—15 и затем Воронежская—14 заводов. Это—новый свеклосахарный район. Значительным количествам заводов отличались Калужская (12), Орловская (12), Тамбовская (12), Рязанская (11), Курская (11). Из Украинских губерний кроме Харьковской, заводы чаще встречались в Черниговской (8), Киевской (8) и Подольской (3). Это будущий район свеклосахарной промышленности в сороковых годах только что начал зарождаться. Следует подчеркнуть одну особенность этого первого списка, он начинается с Московской губ., последняя принята за центр, от которого начали мало по малу распространяться свеклосахарные заводы по всей России. Насыщение более отдаленных от Москвы губерний свеклосахарными заводами уступало ближайшим. Исключение представляли Харьковская и Воронежская губернии, где свеклосахарная промышленность развилась только в конце тридцатых годов. С сороковых годов стало намечаться зарождение третьего района Киево-Подольского. Мощное его развитие относится к концу сороковых годов.

В IX Комитете (1842 г.), по рассмотрении и обсуждении доклада Шишкова об учете заводских работ, было постановлено его напечатать в Записках.

По отзывам многих сахарозаводчиков, составленный Шишковым учет работ, «совершенно об'яснил им работу, установив правильную отчетность и вместе с тем необходимый бдительный надзор; выходы произведений усилились, а хозяин завода вышел из слепой зависимости своего сахаровара и уничтожилось обыкновенное их возражение: что же делать. Сколько вышло. Где же более взять» [3]).

---

[1]) Журнал Сельского Хозяйства. 1841 г., кн. II, стр. 75 и д.

[2]) По словам Арандаренко, до 1846 г. возникло сахарных заводов на Полтавщине 16. Арандаренко... стр. 334.

[3]) Журн. Сельск.-Хоз. Хозяйства. 1846 г., кн. I, стр. 12 и д.

«Те которые знают это сочинение, писал Эвениус, не почтут за преувеличение, если я скажу, что оно составляет эпоху в свекло-сах. производстве; ибо до появления его, не было на русском языке сочинения, в котором бы выходы при разных заводских операциях, были определены с точностью, что необходимо для того, чтобы предостеречь себя от убытков. Прежде работали на удачу: потеря при дефекации не была определена; отношение плотности сока к количеству, получаемого в холодильник ценного сиропа, знали только приблизительно и потому при производстве случались беспрестанно потери, о коих никто и не догадывался. Теперь, имея в руках книгу Шишкова, потерь не может случиться, ибо зная, при какой операции сколько следует получить, они немедленно должны открыться. Само сочинение изложено так легко и просто, что всякий сахаровар, знающий грамоту, легко его понимает, а это есть важное достоинство книги, имеющей целью общее пользование». Журн. Сел. Хоз. 1844 г., кн. III, стр. 111.

Составление формы еженедельной отчетности и таблиц по учету заводских работ рационализировало свекло-сахарное производство. Это подводило научную базу под полукустарный тип вотчинных свекло-сахарных фабрик. Рационализация производства облегчала ведение учета себестоимости сахара, а вместе с тем и внедрение коммерческого начала в продукцию сахара.

В 1842 г. для лучшего выяснения всех частей производства Комитет препроводил всем членам вопросы, относящиеся как к земледельческой части, так и фабричной с тем, чтобы они сообщили Комитету свои замечания. Поступавшие ответы обсуждались в Комитете и некоторые были напечатаны в Журнале Сельского Хозяйства. Заслуживают упоминания ответы по земледельческой части Глебова, о выгоднейшем способе посева свекловицы Эвениуса и о свекловице и ее вредителях, заключавшие в себе ряд ценных замечаний для сахарозаводчиков.

С сороковых годов деятельность Комитета сахароваров слабеет. Как видно из отчета Московского Общества Сельского Хозяйства за 1843 г., в отчетном году «не было особого с'езда в Комитете сахароваров и в замену того были два заседания в Обществе по предмету свеклосахарной промышленности». Перед созывом Комитета в 1844 г. Общество обратилось к своим членам с просьбой сообщить интересующие их вопросы по свекло-сахарному делу.

Эти вопросы стали поступать с 1844 г.—1845 г. В запросах с мест освещались многие стороны свеклосахарной промышленности, в соответствующих главах эти сообщения будут нами использованы. В данном случае мы остановимся на некоторых более крупных фактах, имевших значение в истории свекло-сахарной промышленности. Между прочим, на сессии XI-го Комитета Сахароваров было заслушано сообщение о действии на Михайловском заводе Бобринского Дероновского аппарата, введенного после осмотра Бобринским свекло-сахарных заводов во Франции [1]). Докладчик поделился такими впечатлениями: «вся наша стряпня на голом огне есть только младенчество науки сахароварения. Экономия в рабочих до $^4/_5$; экономия в топливе до $^9/_{10}$, увеличение произведений или выходов до $^1/_2$, чистота произведений, скорость работы—вот огромные выгоды от работы паром в безвоздушном пространстве. Что десять густильных котлов на Михайловском заводе варили в сутки, то один Дероновский аппарат варил в несколько часов. Следовательно, и на самом большом заводе собственных произведений для него будет мало. Из сего рождается для небольших свеклосахарных заведений надежда, что их произведения будут покупаться в сырцевом виде большими заводами. Один такой завод, как Михайловский, может сосредоточить в себе окончательные работы, 10 других меньших заведений с обоюдною для себя и для других выгодою. Мелкие заводы будут обрабатывать свеклу и выделывать из нее только пески 1-й и 2-й кристаллизации». Изменение техники, повышавшее столь значительно производительную способность завода, обуславливало глубокие изменения и в экономике. Применение Дероновского аппарата вызывало расширение сырьевой базы. Свеклосахарный завод уже не мог рентабельно работать на свекловичной площади в десятки и даже сотни десятин. Необходимо было обращаться к покупной свекле. Это техническое изобретение делало непосильной конкуренцию для мелких сахарных заводов. Докладчик оставлял одну надежду, что мелкие заводы смогут поставлять на крупные заводы полуфабрикат—

[1]) Об усовершенствовании свекло-сахарного производства на Михайловском заводе гр. Бобринского—П. Протопопова. Записки XI Комитета Сахароваров. Журнал Сельского Хозяйства. 1845 г., кн. IV, стр. 18.

пески первой и второй кристаллизации. Это было утешением, специально придуманным для владельцев мелких заводов, по существу же такого рода усовершенствование наносило смертельный удар мелким огневым заводам. Потребность в расширении сырьевой базы должна была усилить переход свеклы с конопляников, огородов в поле. Когда выявилась малая урожайность свекловицы на полях в средне-северной полосе должна была наметиться тяга на юг, где черноземные почвы и более мягкий климат благоприятствовали расширению свеклосеяния.

Первым, поставившим свекло-сахарное производство на широкую коммерческую ногу, был Бобринский, хорошо знакомый с свеклосахарным производством во Франции. Владея Михайловским заводом в Тульской губ., Бобринский решил перенести свекло-сахарное производство на юго-запад. Им были построены одновременно два завода, один в Балаклее в 1838 г. и второй в Смеле—в Черкасском уезде Киевской губ. Эти пионерские заводы сыграли крупную роль в сложении нового наиболее мощного района—Киевского. Как нам известно, первый завод в Киевской губ. был Трощинский Понятовского, устроенный по некоторым показаниям в 1824 г. Этот завод не оказал никакого влияния на распространение свеклосахарной промышленности на Киевщине. Только десять лет спустя (1834 г.) был возведен Потоцким второй завод на Киевщине в имении Орловцы Черкасского уезда, вскоре за тем в 1836 г. устроен в селе Почапинцах Звенигородского уезда Четвериковым [1]). По словам Журавского эти первые попытки были не совсем удачны; при неопытности самих владельцев, при трудности иметь хороших мастеров, приобретать и исправлять машины, также при недоверчивости, с какой смотрели даже образованные люди на эти предприятия, при общем убеждении в низшем достоинстве свекловичного сахара против тростникового и при других неблагоприятных обстоятельствах того времени, доходы упомянутых заводов далеко не покрывали издержек на производство и владельцы оставались в больших убытках. Неудачи первых заводов имели вредное влияние на сахароварство в здешней губ., поддерживая предубеждение против предприятий этого рода; они отклоняли от них других помещиков и капиталистов и замедлили водворение здесь свекло-сахарной промышленности. Нужен был другой более счастливый опыт». Этим опытом и послужило устройство Смелянских сахарных заводов Бобринским. Последний купил у гр. Самойлова, своего швагера, имение Смелу с примыкающими селениями. В короткое время Бобринскому удалось довести свои заводы до высокой степени совершенства. Значительные выгоды, которые приносили его заводы, вызвали подражание среди помещиков обширного района Правобережной Украины и с 1840 г. число заводов начало быстро возрастать. Уже на сессии XII Комитета (1846 г.) в докладе Маслова «О настоящем положении свекло-сахарной промышленности в России» мы находим первое упоминание о Киевском заводе гр. Бобринского. «При заводе Бобринского в селе Яблоновке засевается до 1.500 дес. свекловицею, обработкою которой исключительно занимаются 3.500 душ и в помощь к ним, для полонья и уборки нанимаются посторонние крестьяне и крестьянки, получившие в 1844 г. за этот труд до 60 тыс. руб. асс.» [2]). Эти данные свидетельствуют о том, что Киевские заводы Бобринского представлялись по тому времени гигантскими. Вспомним, как в начале тридцатых годов поражал современников завод Горяинова в Воронежской губ. с площадью в 100 дес. свеклы, между тем, в начале сороковых годов

[1]) Статистическое описание Киевской губ. Фундуклея. Ч. III, 1852 г., стр. 12.
[2]) Маслов—О настоящем положении свекло-сахарной промышленности в России. Журн. Сел. Хозяйства. 1846 г., кн. III, стр. 42.

заводы Бобринского имели площадь в 1.500 дес.[1]). Был сделан огромный шаг в сторону укрупнения свекло-сахарных заводов. Эти заводы-гиганты были устроены в новом районе, который скоро затмил и количеством заводов и размерами продукции все другие районы, не исключая и старейшего района в средней полосе. В 1843 г. братья Яхненко и Симиренко построили первую в России паровую фабрику сахара с рафинадным заводом. Успешный ход этих двух мощных предприятий должен был создать ажиотаж среди мелких землевладельцев[2]). «Сахароманія, пишет Улашин, овладела тогда всеми классами общества. Яснее всего указанный переворот наметился на Киевских контрактах. В салонах, театре, на балах во время контрактов не говорили ни о чем другом, кроме сахарных заводов и свеклы. Были такие, которые ничего не видели перед собою, кроме свеклы; на другие вопросы, не имевшие непосредственного отношения к сахарным заводам, не обращали ни малейшего внимания. С юношеским пылом бросились тогда на новый в крае промысел. На Киевских контрактах роились иностранцы, шарлатаны с титулами директоров сахарных заводов, механиков и химиков и др.[3]).

Такими же словами характеризует сахароманию и современник Падалица[4]).

«Горячка той эпохи не могла не отразиться на бытовой стороне общества и не отметить его пятном своего влияния. Как в наших салонах, так и шляхетских домиках не говорили ни о чем другом, как только о бураках, о фабриках, о сырце. Были такие, которые ничего не видели перед собою кроме бурака, каждый вопрос был для них глупостью, коль скоро он не имел непосредственного отношения к сахарному заводу; появились новые типы и характеры, еще до сих пор не зарисованные повествователями; возник новый технический язык, непонятный в другом месте. Одни в сахарном заводе видели венец человеческого прогресса. Им об'ясняли и к нему относили важнейшие социальные вопросы.

Другие, воскрыляемые надеждой, водили соседей по плантациям, исчисляли формы, берковцы, наперед высчитывали тысячи, на них приобретали имения, в этих имениях строили новые фабрики, из этих фабрик продавали новый сахар, и так до бесконечности разматывали золотые мечты. Иные были убеждены в том, что они одни самым основательным образом углубили тайну сахароварения, смеялись в глаза своим соседям, предсказывали самым невозможным образом, что получится с их планта-

---

[1]) Немецкий путешественник, посетивший в пятидесятых годах заводы Бобринского (Смелянский, Балаклеевский и Яблоновский), был поражен колоссальными размерами свекловичных плантаций. «Какие громадные поля. Насколько глаз хватал, все свекловица и опять свекловица». Petzholdt — Reise im westlichen und südlichen Europäischen Küssland im Jahre 1855, Leipzig. 1864. S. 115.

[2]) Падалица пишет, что на деятельность Бобринского сначала смотрели с недоверием. После, когда убедились, что прибыль от сахарного промысла во много раз превышает получаемые до того доходы от обычных источников зернового хозяйства, наступил быстрый переворот в представлении о доходности фабрик и вскоре он превратился в действительную цукроманию. Padalica—T. II. St. 29.

О роли гр. Бобринского в насаждении промышленности так писал Лялин: «труды эти (Бобринского К. В.) тем более внушают уважения, что цель их не есть одно только желание собственных выгод, напротив, заводы графа открыты для всех—здесь нет тайн; каждый может иметь удачи и неудачи, потери и выгоды, словом все, что необходимо для приобретения основательного понятия о внешнем состоянии свеклосахарного дела». Лялин—Выгоды какие может представить рафинадный завод в Малороссии. Журн. Мин. Госуд. Им. 1844 г. Ч. XI, стр. 46.

[3]) Ułaszyn—выше цит. St. 41, Ср. Połujańskiego—Opisanie łasów Królestwa Polskiego i gubernij Zachodnych. T. III. W. 1855. St. 39.

[4]) Padalica—выше цит. T. II, стр. 31—32.

ций, с бураков; с другой стороны, были и такие, в головах которых не могло вместиться каким образом, за какой-то белый песок можно было взять больше денег, нежели за зерно; кивали недоверчиво головами, возили полные карманы проб; спрашивали, действительно ли это тот самый песок, о котором все говорят».

Так картинно описует современник то глубокое увлечение сахароварением, какое охватило помещичьи круги Правобережной Украины в сороковых годах. Можно сказать, что Киевщина и Подолия переживали свеклосахарное грюндерство. Многие устраивали сахарные заводы, на деньги, взятые в ссуды на крайне высоких процентах [1]). Через несколько лет после этой горячки, при упадке кредита свеклосахарная промышленность пережила тяжелый кризис. Таким образом, в начале сороковых годов прочно сложился и Киевский свекло-сахарный район. Наличие Харьковско-Воронежского района, с одной стороны,—Киевского с другой, уже лишало Москву того господствующего положения, какое до сих пор она занимала в свекло-сахарной промышленности. Возникли другие центры свекло-сахарной промышленности Харьков и Киев, которые стали оспаривать первенствующее положение Москвы. Это обстоятельство должно было отразиться и на деятельности и на авторитете Комитета сахароваров. Со второй половины сороковых годов значение его падает.

Выдвижение новых украинских центров свекло-сахарной промышленности явилось причиной того, что в сороковых годах стали раздаваться голоса об учреждении рафинадного завода на Украине, между тем, раньше говорили и обсуждали вопрос об учреждении рафинадного завода в Москве.

С руководящей статьей на эту тему выступил тот же Лялин—«Выгоды какие может представить рафинадный завод в Малороссии» [2]). Отметив быстрое развитие на юге свекло-сахарной промышленности, появление таких огромных заводов, как завод Бобринского, который превосходил все другие заводы, в целой Европе, Лялин указывает на трудность сбыта песка в Москве; «теперь из южных губерний почти не возят туда песка, а сбывают его на соответственных ярмарках: Коренной, Роменской, Нежинской, Кролевецкой, и преимущественно в Харькове». Охарактеризовавши тяжесть условий сбыта сахара-песка, Лялин находил один выход—надобно «песок обращать в сахар, в такое произведение, какое общеупотребительно в народе, некоторые из свекло-заводчиков это теперь и делают... Чтобы из песка делать выгодно сахар, для этого надобно иметь особенное устройство заводов, особенные снаряды, надобно иметь искусных, приученных людей к этому делу, надобно иметь то, чего не могут

[1]) «Последнее десятилетие, писали сахароварры, ознаменовано в истории русской промышленности необыкновенно быстрым распространением свекло-сахарного производства, в особенности в южной полосе России. Это была эпоха какого-то особенного увлечения к сахароварению. Весьма многие прибегали к тяжелым займам, не жалели никаких издержек, и все это для того, чтобы как можно скорее сделаться заводчиками. Забыли о хлебопашестве, стали думать об одной свекловице. Несколько старых русских заводчиков, после долголетних и убыточных опытов, достигли наконец до возможности иметь при тогдашних дорогих ценах Петербургского рафинада из своих заводов значительные выгоды. Рассказы их об этих выгодах, немецкие и французские брошюры о свекловичном сахароварении, теоретические, на скорую руку собранные сведения, подкрепляемые уверенностью в собственных, хотя и ошибочных расчетах, необыкновенная легкость, как им казалось, работы и надежды на блестящие результаты—вот что сделало фабрикантами, в самое короткое время, едва ли не половину помещиков Киевской, Подольской и Черниговской губ.». Н. Витт—Дополнение к руководству к сахарному производству. Спб. 1854 г. Записки русских сахаропромышленников. Стр. 4.

[2]) Журнал Министерства Государственных Имуществ. 1844 г., кн. XI, стр. 46.

иметь свекло-сахарные заводы, устроенные с целью—добывать песок. Вот почему рафинадный завод, открывая верный сбыт песка, уничтожил одно из важнейших препятствий, встречаемое теперь свеклосахарной промышленностью. Некоторые из свекло-сахарных заводчиков пробовали привозить в Петербург свекловичный песок из южной России, и хотя продавали его по той же цене, какая существовала на колониальный сахар, однако же доставка из отдаленных губерний по грязным, топким или ухабистым дорогам, обходилась так дорого, что это предприятие оказалось делом убыточным»...

Для ознакомления с рафинадным производством Лялин предпринял осмотр Петербургских рафинадных заводов. «Я видел почти все рафинадные заводы, существующие в Петербурге, и те, которые поразительны своей огромностью, и те, которые скрываются в подземелье, куда едва проникает луч солнца. Эти заводы находятся в самых отдаленных частях Петербурга. Строение ветхое, низкое, крыша которого упиралась в землю—это рафинадный завод. Когда вы войдете туда, перед вами явится хозяин и поведет показывать свой завод, наполненный душною атмосферою. Здесь он, с шестью работниками, живет круглый год и перерабатывает до 10.000 пудов песка. Подобные заведения могут только существовать в столице, где возможность пользоваться кредитом дает способы получать вознаграждение трудам. Немного далее от этих заведений скрытых и от света и от людей, увидите поразительный контраст, огромные заводы Штиглица, Алферова, где в сутки перерабатывается до 800 пуд. песка» [1]).

На основании отчетов рафинадных заводов Лялин пришел к выводу, что они дают на капитал 8—12%. Эти выгоды должны быть еще более значительны на Украине, где все материалы в несколько раз дешевле, чем в Петербурге, а сахар дороже. Вспоминает свои разговоры в Москве об устройстве рафинадного завода, «все затруднение вышло от нерешения следующих вопросов: где выгоднее устроить завод, в Москве или в южных местах, где более находится свеклосахарных заводов. Какую выгоду может иметь заводчик от рафинадного завода».

Пытаясь дать ответы на эти вопросы, Лялин приходит к выводу, что рафинадный завод выгоднее устраивать в южной России по следующим основаниям: «а) В Москве многие материалы для рафинадного завода так же дороги, как в Петербурге, а некоторые, как, напр., горючий материал, по трудности доставки и по истреблении лесов в окрестностях Москвы, обходится дороже Петербурга, b) хотя свеклосахарная промышленность и получила начальное развитие в губерниях смежных с Московскою, однако ж климат, почва, дешевизна различных материалов в черноземных губ. представляют такие выгоды, против которых нельзя соперничать средней России. Следовательно рафинадный завод в Москве не может быть обеспечен возможностью получать достаточное количество песка из заводов, находящихся в средней России; он должен получать песок или из Петербурга, колониальный, или южной России, свекловичный. Привоз песка с севера или юга—явная потеря. c) Купить песок в южной России, привезти его в Москву, чтобы переделать в сахар, и часть этого сахара отправить опять на юг, эта пересылка туда и сюда, составляет видимый убыток, которого не может иметь завод, устроенный в том месте, где производится и покупка песка, и продажа сахара... Я нахожу, что лучшее место для устройства рафинадного завода представляют уезды, «лежащие между речками Десною и Пслом».

---

[1]) Там же, стр. 50.

По подсчетам Лялина в районе, состоящем из следующих уездов: Константиноградского, Чугуевского, Харьковского, Белогородского, Обоянского, Севского, Новгород-Северского, Сосницкого, Нежинского, Лохвицкого, Гадячского, Богодуховского, Гайворонского, Сумского (более всех богатого сахарными заводами), Путивльского, Кролевецкого, Конотопского и Роменского находилось 42 завода, осмотренных Лялиным. Значительная часть этих заводов отличается суточной производительной способностью от 100 до 200 берковцев. Лялин не считал возможным точно определить количество вырабатываемого этими заводами песка («многие заводы скрывают свои отчеты»).

Лялин полагал, что при цене рафинада в Харькове 40 руб. за пуд, рафинадный завод смог бы покупать песок по 26 руб. за пуд. «Цена для свеклосахарного заводчика прекрасная, особенно, если возьмем в расчет два важных обстоятельства: первое, что заводчик освободится от хлопот, совсем ему не свойственных, возить свой песок по ярмаркам или отдавать его в кредит, рискуя весьма часто, потерять все; второе, что свеклосахарные заводы, перерабатывающие свой песок в лумп или полу-рафинад, освободятся от этой тяжкой, продолжительной работы, совсем не свойственной песочным заводчикам».

В конце своей статьи Лялин приводит расчет стоимости постройки такого завода, с недельною производительностью в 761 пуд. песка. Вкладочный капитал им определен в 93.962 руб., а оборотный в 312.005 руб. По его подсчетам, капитал, вложенный в рафинадный завод, будет приносить ежегодно чистой прибыли 21%.

Статья Лялина показывает, что потребность в постройке рафинадного завода на Украине назрела. Условия сбыта, отдаленность от Москвы диктовала устройство рафинадного завода на Украине. Этим украинская свеклосахарная промышленность освобождалась в некоторой степени от Московского песочного рынка. Лялин достаточно выпукло и ярко изобразил трудности сбыта песка. Под влиянием указанных обстоятельств и возник рафинадный завод Яхненко и Симиренко в 1843 г. на Киевщине. Разумеется, обширная Левобережная область должна была стремиться к устройству своего рафинадного завода на Харьковщине.

Потеря Москвой значения единственного рынка для сбыта сахарных песков должна была еще больше подорвать роль и авторитет Комитета сахароваров.

История Комитета во второй половине сороковых годов—это история его умирания. Нет точной даты прекращения деятельности Комитета. Он отмирал постепенно, исчез незаметно из истории свеклосахарной промышленности. Его роль была окончена раньше. Перемещение центра свеклосахарной промышленности на Украину оторвало хозяйственную базу у Московского Комитета.

Некоторые факты из эпохи упадка Комитета заслуживают упоминания в историческом исследовании о свеклосахарной промышленности. Так, нельзя обойти молчанием вопросов, присланных членами в Комитет сахароваров для X с'езда в 1844 г. Помимо ряда вопросов о посеве, о вредителях, об орудиях имелись вопросы чисто экономического характера. Эти вопросы показывают, что сахароваров очень интересовал сбыт сахарного песку. Об этом говорят такие вопросы[1]): «по десятилетним наблюдениям потребно в Москве ежегодно не более 50—60 тыс. пудов белого сахарного песку; но как часто в привозе бывает его гораздо более, отчего цены

[1]) Журнал Сельского Хозяйства. 1844 г., кн. IV. Присланные вопросы в Комитет Сахароваров для X с'езда в 1844 г. Стр. 15.

сильно понижаются, то какие решительные меры потребны, дабы свеклосахарные заводчики не были вынуждаемы продавать пески по весьма низким ценам». (16). «Ежели для поддержания цен на свеклосахарный песок признается необходимым учредить рафинадный завод, то в какой губернии и на каком основании полезнее будет его устроить?» (17 в.). «Какие пески представляют менее затруднений для продажи в Москве на чистые деньги». Приведенные вопросы ясно показывают, как волновал умы сбыт сахарного песка в изучаемый период. Москва являлась тогда единственным рынком сбыта для песка. На этот рынок уже в сороковых годах давило излишнее предложение, поэтому далеко не всегда удавалось продавать пески за наличный расчет. Сахаровары верили в возможность предотвратить кризис сбыта постройкой рафинадного завода.

Интересны и общие вопросы: «Какие причины затрудняют распространение и умножение свекло-сахарных заводов в России (19 в.)? Можно ли надеяться, чтобы произведение свекловичного сахара когда либо выдержало у нас соперничество с произведением колониального сахара и вследствие того (20 в.) может ли свекло-сахарное производство быть выгодною отраслью земледельческой промышленности?» (21 в.).

Вопросы были переданы на рассмотрение видным членам сахароварам, полученные от них ответы заслушивались в заседаниях. Так, во втором заседании Комитета января 22-го 1844 г. обсуждался вопрос о выгодности свекло-сахарного производства (21 в.) по докладу Протопопова. По мнению последнего, это одна из самых выгодных и благодетельных для земледелия ветвей сельской промышленности.

По вопросу о причинах, затрудняющих распространение свекло-сахарных заводов (19 в.) читались мнения Римского-Корсакова, Колокольцова и Клепацкого. Последние сходились в том, что недостаток хороших мастеров, опрометчивость учредителей заводов и недостаток рафинадных заводов для сбыта песков препятствует успеху данной промышленности.

В первом заседании 17-го января 1844 г. X Комитет рассмотрел вопросы, на какой почве можно получать достаточный урожай свеклы, какого рода свеклу нужно выбирать и проч. Гр. Бобринский сообщил о том, что он занимается выведением особого сорта свекловицы в Киевской губ. Герман доложил Комитету о письме Райхенбаха из Вены, выведшего особый род свеклы высокой сахаристости. Рейхенбах предлагал прислать в Москву свои свекловичные семена. Комитет принял это предложение.

Десятый Комитет имел только два заседания. Перед введением акциза (1848 г.) публичные заседания Комитета совсем приостановились, как это видно из отчета Московского Сел.-Хоз. О-ва за 1848 г. «Вопрос об акцизе на туземный сахар, прежде его разрешения определенным налогом, остановил публичные совещания Комитета Сахароваров» [1]). В этом отчете имеется ряд интересных указаний на положение свекло-сахарной промышленности в 1848 г. «В сем году чрезвычайная засуха в некоторых губерниях была гибельна для свекловицы. Обозревши несколько свеклосахарных заводов в Тульской, Воронежской и Курской губ... Я нашел во 1-х, что многие из них вовсе не имели в сем году свекловицы, другие едва получили часть обыкновенного урожая; во 2-х, я удостоверился из заводских показаний, что горячая вымочка по методу Н. Шишкова, доставляя до 24 фун. белого песка, превосходит все прессовые способы добывания сока, которыми еще работают на многих заводах, получая с четверти 8—9° от 15—20 фун. песку, а на некоторых заводах, не имеющих хороших, гидра-

[1]) Журнал Сельского Хозяйства. 1849 г., кн. I. Отчет Москов. О-ства за 1848 г., стр. 28.

влических пресов, получают и ныне не более 10 или 12 фун. песка из четверти.

«Проезжая Харьков я видал несколько магазинов свекловичного сахара с заводов гр. Бобринского, Мальцева и купца Яхненко... В Киевской и Подольской губ. по известиям, оттуда полученным, свеклосахарная промышленность развивается в огромных размерах».

«Обозрев тучные черноземы в губ. Тульской, Рязанской, Курской, Воронежской, Харьковской, Полтавской, Черниговской и Киевской, нельзя было не убедиться, что в этих губерниях, особенно в местах затрудняющихся в сбыте хлеба на отдаленные рынки, свекло-сахарная промышленность сделается столь же общею, как сделалось там общим искусство винокурения и тогда Россия будет с избытком обеспечена туземным сахаром».

В отчете Московского общества за 1848 г. подчеркнуто быстрое развитие и всеобщее распространение свеклосахарной промышленности на юге. Москва уже признавала первенствующее положение нового свекло-сахарного района, быстро шедшего по пути развития этой отрасли промышленности. Незаметно для Москвы вырос новый могучий свекло-сахарный центр. Торжественное засвидетельствование этого факта и сделано в годичном отчете Московского Сель-Хоз. О-ства.

После перерыва Комитет собирался ежегодно не более одного раза, главным образом, для выбора пристава, на коего было возложено осведительствование сахарных песков, привозимых к Петербургскому порту. Это право было предоставлено Комитету указом от 1848 г. 30 дек. Долгое время на эту должность избирали члена Комитета Д. Давыдова, после его смерти Голохвастова, а кандидатом к ним члена об-ства сел. хозяйства купца Вавилова.

В отчете Московского О-ва за 1852 г. находим такое замечание относительно Комитета Сахароваров: «Всякая новая ветвь в промышленности, требовавшая в начале ее развития усиленной деятельности со стороны общества, останавливала на себе большое внимание членов и при годичных отчетах, доколе не поступала в область практического исполнения. Так было в свекло-сахарной промышленности и с улучшенным овцеводством, пока они не вышли в нераздельный состав сельского хозяйства на местах для них удобных. Сахар гр. Бобринского и Мальцева я видел в продаже на самых малых ярмарках Кавказской области и в нескольких магазинах и лавках в Харькове, Екатеринославе и Симферополе. Собственные выгоды сахарных заводчиков заставляют их следить за улучшениями иностранцев, перенося их в Россию» [1]). В этом кратком отчетном сообщении о деятельности Комитета Сахароваров между строк высказана мысль о том, что Комитет потерял свое значение, в виду достаточного развития свекло-сахарной промышленности.

В отчете О-ва за 1853 г. имеется указание на одно заседание Комитета, на котором были заслушаны сообщения о постройке многих паровых заводов с усовершенствованными снарядами, с таким характерным добавлением: «есть что-то препятствующее сообщению мыслей и сведений об успехах сахародобывания» [2]). Эта фраза глухо указывает на то, что Комитет уже перестал служить местом «для размена мыслей». То, что мешало сообщению мыслей и сведений, лежало в чисто об'ективных условиях—перемещении центра свекло-сахарной промышленности на Украину.

---

[1]) Журнал Сельского Хозяйства. 1853 г., кн. I. Отчет Московского О-ва. Стр. 127.

[2]) Журнал Сельского Хозяйства. 1854 г., кн. I. Отчет Московского О-ва за 1853 г., стр. 30.

В заседании Комитета в 1854 г. признано было полезным переиздать сочинение Шишкова об учете работ при свеклосахарном производстве, вместе с этим постановлено было собрать от всех сахарных заводчиков сведения о настоящем состоянии производственных работ на их заводах. Шишков составил полную программу вопросов, напечатанную в Журнале Сельского Хозяйства и, кроме того, разосланную известным сахароварам. «Получатся ли сведения, это окажется впоследствии, хотя весьма трудно ожидать их со всех 380 заводов» [1]). Ряд ответов поступил и был рассмотрен на последующих заседаниях Комитета; назовьем, например, интересные ответы свекло-сахарного заводчика Протопопова и др. Эти ответы нами будут использованы в соответственных главах.

В 1854 г. исполнилось двадцатилетие существования Комитета Сахароваров; по этому поводу состоялось собрание Московского О-ва Сельского Хозяйства, в котором Маслов прочитал речь о свекло-сахарной промышленности в России. И этот торжественный повод не вызвал оживления в деятельности Комитета Сахароваров. Даже для такого торжественного случая не удалось собрать многолюдную сессию сахароваров.

Такое прозябание Комитета Сахароваров рано или поздно должно было найти ясное отражение в отчетах заседания Комитета.

В протоколе заседания Комитета Сахароваров за 1857 г. мы читаем: «нисколько не удивительно, что в настоящее время нет прежней надобности в совещаниях нашего Комитета. Я говорю прежней, потому что дело идет и без него. Но вопросу подлежит: у всех ли сахароваров идет оно правильно и совершенно с новейшими открытиями и усовершенствованиями? Если нет, то нельзя сказать, чтобы совещания сахароваров и их с'езды для размена мыслей были уже не нужны. Мы можем быть довольны ценами на сахар, теперь существующими... но можем ли мы выдержать соперничество с иностранным сахаром, не говорю гаванским или привозимым к нам на английских кораблях, но с сахаром, производимым в Германии или Франции» [2]).

Далее Маслов делает такое добавление: «если еще не можем (конкурировать К. В.), то совещания, где бы они ни были—в Москве, в Лебедяни или Киеве,—конечно, полезны, если и ненеобходимы, как прежде». Маслов—этот всегдашний поборник Москвы упоминает о Киеве, как месте, где совещания заводчиков были бы полезны. Москвичи уже сознавали перевес Киева—центра нового богатого района свекло-сахарной промышленности, быстро и неожиданно выдвинувшегося на первое место по размерам сахарной продукции.

Московский Комитет пережил себя. Старые деятели Комитета сознавали значение с'езда сахароваров. Для молодых этот с'езд не был нужен. Их об'единение на чисто хозяйственной почве возникло позже, в 80-х годах.

В Журнале Сельского Хозяйства за 1860 г. мы уже не встречаем упоминания о Комитете сахароваров. В этом году была проведена реформа Московского Общества Сельского Хозяйства и реформированный устав общества не заключал в себе никаких следов Комитета Сахароваров. Можно считать, что к шестидесятым годам Комитет сахароваров прекратил свое существование. Не было специального постановления общества о его ликвидации, он скончался тихо и незаметно, за ненадобностью. Во всяком случае в тех мерах, в той борьбе, которая возгорелась в шестидесятых

---

[1]) Журнал Сельского Хозяйства. 1855 г., кн. I, стр. 25.

[2]) Журнал Сельского Хозяйства. 1858 г., кн. IV. Протокол заседания Комитета Сахароваров. Стр. 4.

годах вокруг реформы Московского Общества Сельского Хозяйства никто не проронил ни одного слова о Комитете. Очевидно, Московскому обществу он был не нужен. Южным сахароварам, так интенсивно и широко развернувшим свою деятельность на поприще свеклосахарной промышленности, Комитет сахароваров также ничего не давал. Те функции, какие он выполнял, были лишни для промышленности, ставшей на ноги. Другие задачи, связанные с регулированием сбыта, цен, возникли позже с усилением конкуренции. В эпоху крепостного права еще не созрело время для синдицирования свекло-сахарной промышленности. Комитет сахароваров не мог превратиться в синдикат, для этого еще не было подходящих условий; не было тех об'ективных причин, которые могли бы содействовать этому превращению.

Цветущий период деятельности Комитета падает на тридцатые годы и на начало сороковых годов; со второй половины сороковых годов деятельность Комитета замирает; он теряет свое значение и авторитет. Причину этого нужно искать в перемещении свекло-сахарной промышленности из средне-северного района на Украину; с другой стороны, и задачи Комитета—содействие распространению и усовершенствованию свекло-сахарной промышленности были уже выполнены. Сахарозаводчики не нуждались в советах и указаниях. Была вырвана производственная база и Комитет должен был заглохнуть.

Какое значение Комитета в истории насаждения свекло-сахарной промышленности? Комитет Сахароваров об'единением усилий отдельных лиц сыграл значительную роль в деле насаждения и усовершенствования нашей свекло-сахарной промышленности. Рассматривая и обсуждая те и другие вопросы свекло-сахарного производства, делая оценку тех и других изобретений, знакомя своих членов с достижениями западно-европейской техники, вырабатывая нормы учета производства, формы отчетности, Комитет содействовал усовершенствованию и рационализации свекло-сахарного производства. Те и другие изобретения, нововведения делались общим достоянием сахароваров.

Открыв широко страницы своего органа, каким сначала являлся Земледельческий Журнал, а затем Журнал сельского хозяйства и Записки для размена мыслей, Комитет делал возможным обмен опытом сахароваров, выделение ценного, здорового в этом опыте и использование его в самых отдаленных углах нашей страны. Есть ряд указаний на то, что те и другие помещики занялись сахароварением под влиянием сообщений, почерпнутых из печатных органов. Они ознакомились с теми и другими нововведениями при посредстве тех же печатных изданий. Основные вопросы свекло-сахарной промышленности, выбор района, место свекловичного клина в севообороте, значение свекло-сахарного завода в системе помещичьего хозяйства широко и гласно обсуждались в заседаниях Комитета, выносились на страницы прессы и в конце-концов оказывали решающее влияние на ход и направление нашей свекло-сахарной промышленности.

Крупное значение принадлежало и посреднической роли Комитета. Им были подысканы комиссионеры по разным отраслям производства, что значительно облегчило устройство свекло-сахарных заводов, освободив помещиков от ошибок, от обмана и проч. Особенно важное значение здесь имело избрание комиссионера Гофмана в Москве для продажи сахара, значительно облегчившее сбыт песка в Москве для провинциальных сахароваров.

Протоколы заседаний, статьи, анкеты, которые мы находим в печатных органах Комитета, представляют необычайно ценный материал для исто-

рии свекло-сахарной промышленности. Внимательное изучение этого обширного материала дает нам возможность выяснить ряд вопросов из свеклосахарной промышленности, значительно помогает уразумению тех и других явлений из истории этой отрасли труда.

Комитет можно назвать воспитателем нашей свеклосахарной промышленности, находившейся тогда в младенческом состоянии. Возникший на основе общественной инициативы без правительственной помощи, Комитет несомненно выполнил положительную роль в истории свеклосахарной промышленности. Сказанное о Комитете относится и к Московскому Обществу Сельского Хозяйства, до возникновения Комитета представлявшего центр пропаганды новой отрасли сельско-хозяйственной промышленности Московское общество сельского хозяйства всегда обращало внимание хозяев на те и другие отрасли. Обычно, после образования ядра хозяев, заинтересовавшихся новой отраслью, происходило отпочкование, учреждение специального комитета для содействия данной отрасли, так было с свекло-сахарной промышленностью, с овцеводством и проч.

Сессии Комитета, обсуждение на них вопросов, волновавших сахароваров, принятие постановлений по этим вопросам—вся эта общественная работа содействовала выдвижению ряда крупных деятелей на поприще свеклосахарной промышленности, которые при посредстве Комитета могли оказывать влияние и на других сахароваров.

Комитет содействовал обучению мастеров на сахарных заводах. Комитет публиковал о заводах, принимавших учеников для практического обучения, обращался с просьбами к тем и другим заводчикам о приеме учеников, озабачивался вопросом о более широкой подготовке мастеров для сахарных заводов.

Комитет издавал и переводил сочинения по свекло-сахарному делу, давал специальные заказы на составление книг по свекло-сахарному производству, заимствовал лучшие работы из-заграницы, выработал формы отчетности и снабжал ими сахароваров. В изучаемый период эта деятельность являлась особенно ценной и полезной, это не раз отмечалось в тех и других отзывах сахароваров.

III.

Сведения о свеклосахарных заводах в губернаторских отчетах. Справка о положении свекло-сахарной промышленности в 1844 г. и в 1845 г. Свеклосахарная промышленность по данным обследования 1848 г. Развитие свекло-сахарной промышленности после 1848 г. Свекло-сахарная промышленность в 1856/57. Основные показатели развития свекло-сахарной промышленности с 1857/58 по 1861/62. Концентрация свеклосахарной промышленности. Два типа свекло-сахарных заводов—сельско-хозяйственный и коммерческий. Размещение (штандорт) свекло-сахарных заводов. Сравнительная характеристика украинских свекло-сахарных районов. Попытка насаждения свекло-сахарных заводов в Сибири.

Третий период в истории свекло-сахарной промышленности можно начать с введения акциза в 1848 г. Об акцизе, о причинах вызвавших его введение, будет речь в главе, посвященной политике свеклосахарной промышленности. В связи с введением акциза стоит более точный учет свекло-сахарных заводов. До этого мы не имели сколько нибудь точных и достаточно полных сведений о свекло-сахарной промышленности. Единственным источником статистических сведений для свекло-сахарной промышленности до 1848 г. являлись губернаторские отчеты. Сведения губернаторских отчетов отрывочны, неполны и неточны. Нами пересмотрены в архиве б. мин. вн. д. губернаторские отчеты за исследуемый период до 1842 г.; в этих отчетах сообщались самые общие сведения о свекло-сахарных заводах, иногда только указывалось их число, иногда только сумма их произ-

водства. Приведем для примера несколько сообщений из губернаторских отчетов до 1842 г. В губернаторском отчете по Киевской губ. за 1839 г., когда уже были построены заводы Бобринского, мы находим такую фразу[1]): «винокурение составляет главный предмет промышленности, доставляя значительный доход от продажи горячего вина. Горячее вино сбывается с лучшею выгодою, нежели зерновой и молотый хлеб, сверх того приносит пользу вскармливание бардою домашнего рабочего скота. Свекло-сахарные заводы выделывают в год сахару на сумму до 150 тыс. руб.». Вот и все, что сказано о свекло-сахарной промышленности в отчете той губернии, где сахарная промышленность стала усиленно развиваться.

Отчет о состоянии Подольской губ. за 1839 г. говорит следующее о свекло-сахарной и винокуренной промышленности[2]): «винокурение, несмотря на неурожайный год, принесло не малые выгоды как по возвышению цен, так и потому, что и разрешение Подольским помещикам безпошлинного транзита хлебного вина в Молдавию и Валахию представляет им удобный сбыт. Устраивается обширный свекло-сахарный завод в имении бар. Гейсмана, имеются свекло-сахарные заводы шт. ротм. Комара, помещиков Мацковского и Чацкого».

В течение за 1839 г. по Харьковской губ. упоминается только число свекло-сахарных заводов—13, по Воронежской губ. — 12, по Симбирской—6 и т. д.

В других губернаторских отчетах встречаются более подробные указания о состоянии свекло-сахарной промышленности. Так в отчете по Курской губ. мы находим такую заметку[3]): «из промышленных предприятий, учреждаемых по акциям, замечателен свекло-сахарный завод, устраиваемый в Путивльском у. сотовариществом тамошних помещиков, который хотя сгорел в 1838 г., но ныне учреждается вновь и на большем еще размере». О других заводах, существовавших в Курской губ., в это время ничего не сказано.

Более обстоятельные сведения дает Тульский губернатор[4]): «в 1839 г. было свекло-сахарных заводов 26, на сумму 274.500 руб., в течение 1839 г. возникло свекло-сахарных заводов 14». Пензенский губернатор доносит: «на свекло-сахарных заводах выделывается сахар-рафинад довольно чистый. Сахара на оных выделано в 1839 г. на сумму до 173.500 руб.». Сообщение очень ценное, но нет числа сахарных заводов. Наиболее подробные, хотя и краткие сведения о положении свекло-сахарной промышленности мы находим в Полтавском отчете за 1839 г.[5]): «в Полтавской губ. сахарных заводов 4, в которых выработано 1.845 пуд. на 57.486 руб.». Если бы такого рода донесения были в других отчетах, то можно было бы дать общую статистическую картину положения свекло-сахарной промышленности по губернаторским отчетам. Необходимо оговориться, что губернаторские сведения, собираемые административным путем, далеко не отличались точностью. Этот вопрос достаточно освещен в нашей литературе и нет надобности на нем здесь останавливаться... Можно только привести один характерный факт, опубликованный в анкете о производстве хлебов и хлебных ценах в России за 1859 г., где имеется ряд указаний на неточность официальных статистических данных: «принято рассылать соб-

---

[1]) Лен. Ц. И. Арх. фонд Мин. вн. д. по Совету № 71. Дело по отчету о состоянии Киевской губ. за 1839 г.

[2]) Лен. Ц. И. Арх. ф. мин. вн. д. по совету № 53 по отчету о состоянии Подольской губ. за 1839 г.

[3]) Там же № 89. Дело по отчету о состоянии Курской губ. за 1839 г.

[4]) Там же № 46. По отчету о состоянии Тульской губ. в 1839 г.

[5]) Там же № 65. Дело по отчету о состоянии Полтавской губ. за 1839 г.

ственникам печатные бланки для заполнения. Управляющий одного крупного имения в губ. Х. сознавался, что он отсылал незаполненный бланк полицейскому чиновнику с приношением четвертного билета (25 руб.)» [1]).

В отчетах за 1840 г. мы встречаем уже больше данных о свекло-сахарной промышленности, все же сколько нибудь полной картины об этой промышленности в важнейших губерниях, хотя бы по количеству заводов и по ценности продукции нельзя дать. Поражает стереотипность выражений губернаторских отчетов, буквально повторяющихся из года в год, так в Пензенском отчете за 1840 г., за 1841 г. мы встречаем повторение той же фразы, какая была приведена в отчете за 1839 г. о качестве сахара. В отчетах за 1840 г. можно найти кое-какие интересные указания. Киевский губернатор сообщает за 1840 г. «по отличному устройству и превосходной доброте изделий заслуживают особенно внимания и поощрения такие сахарные заводы гр. Бобринского и помещиков Четвериковых» [2]). В Харьковском отчете за тот же год имеется такая фраза: «довольно успешное начало свекловично-сахарных заводов со временем доставит такую отрасль промышленности, которая надолго может обеспечить благосостояние края» [3]). Тульский губернатор доносил в 1840 г. «устроенный гр. Бобринским в Богородском у. значительнее всех в России существующих свеклосахарный завод, был поводом, что Тульская губ. сделалась центром сей новой промышленности для России» [4]). Полтавский губернатор отметил в своем отчете следующий —акт [5]): «замечательно однако же стремление некоторых помещиков к учреждению в своих имениях свекловично-сахарных заведений, которые в минувшем году умножились».

В отчетах за 1841 г. мы также находим ряд сообщений, характерных для положения свекло-сахарной промышленности. В отчете Полтавского губернатора имеется такое сообщение [6]): «по неимению верного сбыта своих произведений, не было в действии в минувшем году сахарных заводов—3». Тульский губернатор отмечает большое влияние на земледелие обрабатывания свекловицы для 29 сахарных заводов, имеющихся в губернии [7]).

С 1842 г. уже помещаются в губернаторских отчетах более полные сведения по промышленности, допускающие возможность сводки. Просмотрены отчеты только по тем губерниям, где свекло-сахарная промышленность была представлена более значительно. По этому приведенные данные не дают исчерпывающей картины положения свекло-сахарной промышленности. Как увидим дальше, губернии, оставленные вне рассмотрения, как, напр., Минская, Могилевская, Саратовская и др. не имели сколько нибудь серьезного значения в свекло-сахарной промышленности. С этой оговоркой приведем данные с 1842 по 1847 г.г. (См. таблицу на стр. 146).

Неполнота приведенных данных ясно видна из того, что совершенно отсутствует Подольская губ., где были свекло-сахарные заводы. Все же на основании этих данных можно сделать некоторые не безинтересные выводы: поражает быстрый рост свекло-сахарных заводов, особенно значительный в середине сороковых годов. В начале сороковых годов на пер-

---

[1]) Enquête sur la production et la prix des Céréales en Russie 1859 (рукопись Одесской библиотеки высшей школы).

[2]) Лен. Ц. И. Арх. ф. Мин. вн. дел. Дело по Совету Мин. вн. дел. № 81, по отчету Киевской губ. за 1840 г.

[3]) Там же № 51. Дело по отчету Харьковской губ. за 1840 г.

[4]) Там же № 37. Дело по отчету Тульской губ. за 1840 г.

[5]) Там же № 75. Дело по отчету Полтавской губ. за 1840 г.

[6]) Там же № 65. Дело по отчету Полтавской губ. за 1841 г.

[7]) Там же № 43. Дело по отчету Тульского губернатора за 1841 г.

Число свекло-сахарных заводов по губернаторским отчетам с 1842 по 1847 г. [1]).

Губернии	1842	1843	1844	1845	1846	1847
Киевская	16	20	45	48	43	56
Полтавская	11	11	9	13	12	9
Харьковская	11	12	18	23	24	21
Черниговская	14	18	25	25	24	25
Подольская	[3])	нет сведений				
Волынская	[2])	[2])	4	7	7	8
Украина	52	61	101	116	110	119
Воронежская	11	11	13	12	14	13
Курская	22	22	18	22	22	19
Тульская	30	24	22	22	28	23
Тамбовская	8	5	9	10	10	10
Пензенская	[3])	11	10	8	9	8
Симбирская	5	5	10	1	[3])	1
Рязанская	1	[2])	4	4	2	4
Орловская	3	[3])	[3])	14	[3])	12
ИТОГО	129	139	177	209	195	209

вом месте стояла Тульская и затем Курская губ., с 1844 г. их обогнала Киевская губ. и затем Черниговская. Приведенный период характерен упадком старого свекло-сахарного района и зарождением нового на Украине. Со второй половины сороковых годов заметно увеличилось число заводов в Харьковской губ., почти сравнявшейся по числу заводов с Тульской. В начале сороковых годов на долю Украины приходилось 40% всех заводов. За эти годы нет сведений по Подольской губ., но с другой стороны, нет данных по Орловской губ., имевшей свыше десяти сахарных заводов. Можно думать, что при наличии сведений по этим двум губерниям наш вывод о 40% не изменился бы. С 1844 г., благодаря интенсивному росту заводов в Киевской губ. (+25), затем Черниговской (+7) и Харьковской (+6), Украина начинает занимать доминирующее положение (57% общего числа заводов). В дальнейшем, это первенствующее положение более и более усиливается. Половина сороковых годов знаменательна в истории нашей свекло-сахарной промышленности выдвижением на первый план украинского района.

Изложенный вывод подкрепляется и рассмотрением ценности продукции сахарных заводов за те же годы.

---

[1]) Таблица составлена на основании губернаторских отчетов. Лен. Ц. И. Арх. Мин. вн. дел. Дела по совету м. в. д. за 1842—1847 г. Московское купечество в одной из своих записок признало, что с 1840 г. свекло-сахарное производство «сделалось полною туземною промышленностью». Мнение постоянной депутации московских купеческих с'ездов по поводу записки, пред. Правительством Тамож. Союза о заключении торгово-таможенного договора между Россией и Герм. Там. Союзом. М. 1865 г., стр. 79.

[2]) Нет сахарных заводов.

[3]) Нет сведений.

Ценность продукции свеклосахарных заводов по губернаторским отчетам за 1842—1847 г.г. в руб. сереб.

Губернии	1842	1843	1844	1845	1846	1847
Киевская .	87.354	151.155	1.353.604	2.200.063	2.760.310	3.584.759
Полтавская.	74.445	157.894	64.972	82.425	105.414	223.255
Харьковск.	76.200	75.446	223.268	194.485	300.731	335.405
Черниговск.	90.781	145.837	197.393	210.892	293.427	224.583 [7]
Подольская	нет сведений					
Волынская	—	—	8.007	51.437	439.390	475.635
Украина . .	328.780	531.332	1.847.244 [4]	2.739.302	3.849.272	4.843.637
Воронежск. .	226.188	158.317	175.471	279.258	237.188	231.240 [8]
Курская . .	61.072	124.700	60.995	73.020	73.800	78.750
Тульская .	— [1]	214.671 [2]	221.050 [3]	303.830 [6]	314.203	368.915
Тамбовская .	57.377	51.742	242.520	119.048 [5]	116.198	61.957 [5]
Пензенская .	—	37.500	24.416	25.778	48.966	51.397 [8]
Симбирская	20.037	20.037	—	—	2.124	2.800
Рязанская .	36.000	—	4.518 [5]	9.600	452.452	105.860
Орловская .	—	—	—	—	190.115	240.778 [8]
Итого . .	729.454	1.137.299	2.576.214	3.549.836	5.334.318	5.985.034

При всей условности этих данных, все же их нужно признать показательными. Ценность продукции возрасла с 1842 г. по 1847 г. в восемь раз. Сопоставляя рост ценности продукции с ростом числа заводов, мы ясно видим укрупнение заводов: в 1842 г. продукция одного завода не превышала 5,6 тыс. руб., в 1847 г.—30 тыс. руб. С половины сороковых годов появляются крупные свекло-сахарные заводы, выделяющиеся размерами продукции. Это первый период появления крупных капиталистических заводов. В начале сороковых годов размерами продукции выделялась Тульская губ. и Воронежская. В 1842 г. и 1843 г. украинские губернии (Киевская, Полтавская, Харьковская, Черниговская) отличались почти одинаковой продукцией. В 1844 г. Киевская губ. резко выдвигается вперед, давши продукцию на $1^1/_3$ милл. руб.

Доля Украины в продукции возрасла за данный период так [9]):

1842 . . . 45,1% от ценности продукции,
1843 . . . 46,7% „ „
1844 . . . 72,5% „ „
1845 . . . 77,2% „ „
1846 . . . 72,1% „ „
1847 . . . 81,2% „ „

[1]) Нет данных; имеется только такое указание: «хороший урожай свекловицы в 1842 г. дает заводчикам возможность получить большую от сих заводов выгоду». Лен. Ц. И. Архив ф. мин. вн. д. по совету м. в. д. 1843 г. № 49.
[2]) От двух заводов нет сведений.
[3]) Два завода не работало, от одного нет сведений.
[4]) От четырех заводов нет сведений.
[5]) Два завода бездействовало.
[6]) Пять заводов бездействовало.
[7]) Восемь заводов в бездействии.
[8]) Один завод в бездействии.
[9]) Ср. О. Плевако—До матеріялів з історії цукро-бурякової промисловости України. Жур. «Україна». 1925 р., кн. 5, стр. 86. В двадцатых и тридцатых годах

До 1844 г. ценность украинской свекло-сахарной продукции не составляла даже половины всей суммы производства. В 1844 г. доля Украины повысилась почти до $^3/_4$, а в 1847 г. она превысила даже $^4/_5$ общей суммы производства.

Процесс концентрации свекло-сахарной промышленности более быстрым темпом шел на Украине: в 1842 г. продукция одного завода не превышала в год 6,3 тыс. руб., в 1847 г. она измерялась 40,7 тыс. руб. Размерами производства выделялась Киевская губ.: в 1842 г. один завод вырабатывал в среднем на Киевщине сахара на 5 тыс. руб., т. е. меньше средней для всей Украины, а в 1847 г.—уже на 64 тыс. руб. Здесь в сороковых годах возникли крупные сахарные заводы.

Перед введением акциза в 1848 г. правительство было заинтересовано в получении более полных данных о свекло-сахарной промышленности. Единственным источником для получения таких сведений являлись губернаторы. По данным справки, приложенной к делу, об акцизе на сахар: до 1840 г. было в России не более 140 свекло-сахарных заводов, на которых ежегодно вырабатывалось сахарного песку около 150 тыс. пуд. По специально собранным через гражданских губернаторов сведениям, число губерний, занимавшихся свекло-сахарным производством, достигало до 14 с 206 заводами. Губернии распределялись в таком порядке по количеству заводов и по количеству перерабатываемого песка:

Губернии	Число заводов	Сколько свекловицы переработано в берковцах	Сколько пудов песка добыто
Киевская	43	375.168	167.005
Черниговская	26	110.360	56.882
Харьковская	25	139.770	39.595
Тульская	22	107.644	51.899
Курская	22	56.069	18.781
Воронежская	18	171.980	75.159
Подольская	18	121.790	46.755
Полтавская	9	36.987	17.564
Пензенская	9	20.937	4.071 и 400 п. раф.
Симбирская	4	1.087	247
Минская	3	10.072	2.931
Могилевская	3	2.750	800
Смоленская	2	4.063	1.240
Саратовская	2	2.816	1.097
Итого	206 [1])	1.161.492	484.136

Приведенный список, хотя он и был составлен на основании специального запроса, не отличается полнотой. Крупный, бьющий в глаза пропуск—это отсутствие в этом списке Тамбовской, Волынской, Рязанской губерний, в которых уже были свекло-сахарные заводы в начале сороковых годов. Так по данным губернаторских отчетов в Рязанской губ. числилось в 1844 г. свекло-сах. заводов—4 [2]), в Тамбовской—9 заводов [3]). Эта не-

по числу сахарных заводов Левобережная Украина превосходила Правобережную. С сороковых годов перевес склонился на сторону Правобережья, и во всю последующую историю это господствующее положение Правобережного свекло-сахарного района не было поколеблено.

[1]) В том числе шесть заводов было в бездействии.

[2]) Лен. Ц. И. Арх. ф. мин. вн. д. Дело по совету № 69 по отчету Рязанского губернатора за 1844 г.

[3]) Там же. Дело № 33 по отчету Тамбовского губернатора за 1844 г.

полнота тем более странна, что губернаторы названных губерний ежегодно в своих отчетах сообщали о положении свеклосахарной промышленности. Этот пропуск можно об'яснить только спешностью составления записки.

На долю Украины в приведенном списке приходилось 121 заводов или 58,7%, продукции 327.821 пуд. или 67,7%. Украинские заводы отличались и более значительными размерами. В среднем завод вырабатывал в год 2,4 тыс. пудов песку, на Украине 2,8 тыс. пуд.; в Киевской губ., занимающей первенствующее положение по сахарной продукции, эта средняя подымалась даже до 3,9 тыс. пудов.

О мощности свекло-сахарных заводов того времени можно составить представление на основании следующих данных.

Распределение 200 действующих заводов по размерам продукции [1]):

Заводов	Размер продукции сахарного песка в пудах			
88	от	100	до	1.000
48	»	1.000	»	2.000
22	»	2.000	»	3.000
19	»	3.000	»	4.000
5	»	4.000	»	5.000
2	»	5.000	»	6.000
6	»	6.000	»	7.000
5	»	11.000	»	19.000
5	»	21.000	»	25.000 и более

Если считать заводы с продукцией сахара до 2.000 пуд. мелкими, от 2 до 7 тыс. средними и свыше—крупными, то мелких заводов получим 136 или 68%, средних—54 завода или 27% и крупных—10 заводов или 5%. Обилие мелких заводов и об'ясняет, почему в некоторых губерниях при значительном числе предприятий продукция была сравнительно низка.

В используемой нами справке, мы находим и данные о выходе белого песка из берковца свекловицы. В 1844 г. добыто из каждого берковца свекловицы:

В губерниях	Песка в фунтах
Черниговской	20
Тульской	19
Киевской и Полтавской . .	18
Воронежской	17
Подольской и Саратовской .	15
Курской	13
Могилевской и Смоленской .	12
Минской	11
Пензенской и Симбирской .	10

Обращает на себя внимание высокий выход Черниговской и Тульской, последняя губерния являлась районом старого свеклосеяния, этим и

[1]) Лен. Ц. И. Арх. Дело Госуд. Совета Департамента Экономии. Об акцизе с свеклосахарного производства в России. Началось 26 мая 1847 г., кончено 26 февраля 1848 г. (311 листов).

можно об'яснить большую сахаристость. На высокие выходы в Черниговской губ. оказало влияние то обстоятельство, что здесь свекла сеялась преимущественно на хорошо удобренных землях. Более низкие выходы сахара в Киевской и Полтавской губернии обуславливались сравнительной молодостью культуры свеклы в названном районе [1]). Разумеется, данные за один год далеко не показательны, здесь могло сказаться разное влияние метеорологических условий по тем и другим губерниям. Имея показания за ряд лет, можно было бы сделать более надежные выводы о выходах сахара по районам.

Средний выход сахарного песка из берковца, за исключением губерний Минской, Пензенской и Симбирской, составлял не менее 12 фун. или 3%; в центрах свеклосахарной промышленности (в губерниях Тульской, Киевской, Черниговской, Подольской, Полтавской и др.) от 15 до 18 фун. или от $3^1/_2$% до $4^1/_2$%.

Из показанной таблицы продукции (484 тыс. пуд.) песка выделано рафинада только 143.200 пуд., т. е. около 30%. Рафинировка свекловичного песка производилась на 60 заводах, расположенных в следующих губерниях:

Губернии	Рафин. зав.
Подольская	11
Черниговская	10
Харьковская	9
Курская	9
Полтавская	5
Воронежская	3
Минская	3
Тульская	3
Киевская	3
Пензенская	2
Могилевская	2
Итого	60

Средний выход рафинада из пуда песка не превосходил 20 фун., пределы колебаний от 13 фун. до 24 фун. Некоторые же большие заводы, работавшие сложными аппаратами (а не на голом огне), получали из пуда белого песка до 32 фун. рафинада.

Принимая во внимание среднюю норму выхода рафинада (20 фун.), можно определить весь расход на рафинировку в 286 тыс. п., значит 198 тыс. пуд. сбывалось в форме песка.

В 1845 г. по доставленным от губернаторов сведениям в Департамент Мануфактуры и Внутренней Торговли насчитывалось в 22 губерниях 217 свекло-сахарных заводов, в том числе один (в Пензенской губ.) бездействующий. По количеству заводов губернии располагались в таком порядке:

---

[1]) По отчетным данным Смелянского имения, выход сахара на Смелянском заводе Бобринского, составлял в кампанию 1843/44 г. 20,4 ф., в 1844/45 г.—21,4 ф., на Балаклейском—14,7 ф. и 13,8 ф., на Яблоновском—15 ф. и 16,6 ф. См. Смела. Краткое статистическое описание имений Бобринских. К. 1913 г., стр. 124.

Губернии	Число заводов	Количество добытого сах. песка, кроме поступ. в рафинировку	Количество приготовл. рафинада, меласа и лумпа.	Всего ценою на сумму
Киевская	43	204.623	140.000	2.299.221
Черниговская	22	16.896	12 627	216.033
Тульская	23	41.190	16.135	374.202
Курская	22	18.619	—	138.360
Подольская	17	8 905	13.774	156.389
Харьковская	14	15.895	4.490	131.960
Полтавская	13	10.720	3.004	75.963
Воронежская	12	41.840	3.950	222.932
Орловская	11	7.914	2.914	72.533
Пензенская	8	3.935	440	32.450
Волынская	7	8.360	—	44.525
Калужская	5	6.129	—	58.950
Тамбовская	4	6.422	40	44.388
Могилевская	3	1.616	700	18.042
Нижегородская	2	2.025	—	14.515
Рязанская	2	3.073	—	21.330
Смоленская	2	1.000	280	8.250
Саратовская	1	4.882	—	19.528
Минская	1	500	—	4.500
Тверская	1	350	—	2 500
Симбирская	1	220	—	1.700
Гродненская	1	—	85	820
Итого . . .	217	405.114	198.439	3.959.091

В этой второй официальной таблице по свекло-сахарной промышленности находим и те губернии, какие были пропущены в таблице 1844 г., именно Орловскую, Тамбовскую, Волынскую, Рязанскую. Как видим, из таблицы 1845 г. Орловская, Волынская и Тамбовская имели значительное количество заводов. По списку 1844 г. числилось сахаропроизводящих губерний 14, в списке 1845 г.—22 губернии. По об'ему охвата свекло-сахарных районов второй список более полон.

Второй его особенностью является еще и то, что указано не только количество, но и ценность продукции. Это первые официальные данные о стоимости нашей сахарной продукции.

Помимо выработки песка, показана и продукция рафинада отдельно по губерниям.

Участие украинских губерний в свеклосахарной промышленности за 1845 г. определялось в таких цифрах:

число заводов—116 или 53,4%;
количество песка—265.399 пуд. или 65,4%;
количество рафинада, меласа, лумпа—173.895 пуд. или 87,1%;
ценность производства—2.924.091 руб. или 73,8%.

Украине принадлежало доминирующее положение в этой новой отрасли промышленности.

Из общей ценности продукции на Украину приходилось в 1845 г. уже почти $^3/_4$; особенно значителен ее перевес по производству рафинада—свыше $^4/_5$. При этом на Украине было не много более половины заводов. Очевидно, ее заводы отличались большей производительностью.

Во всей России первенствующее место принадлежало Киевской губ., на ее долю приходилось 19,8% от общего числа заводов, 50,4% от выработки песка и 70,5% от рафинада, вместе 58% от ценности годовой продукции.

Из этих сопоставлений ясно вырисовывается, какую сказочную эволюцию проделала Киевщина на пути развития свекло-сахарной промышленности. В конце тридцатых годов на Киевщине начали появляться в более значительном количестве свекло-сахарные заводы, а в половине сороковых годов на ее долю приходилось более половины всей ценности сахарной продукции и свыше $^2/_3$ всего изготовляемого рафинада. Если мы сопоставим с этим, что в Киевской губ. было только три завода, из шестидесяти рафинадных заводов в 1844 году, то должны будем сказать, что Киевские рафинадные заводы представляли собой исполинские по тому времени предприятия. Из других украинских губ. выделялись размерами продукции Черниговская, Подольская и Харьковская губернии, что же касается Полтавской и Волынской губ., то они занимали скромное место.

Тульская губ., этот старый свеклосахарный район, осталась далеко позади Киевщины. Из великорусских районов, кроме Тульской губ., заслуживает упоминания Воронежская и Курская губ.; по размерам продукции они подходили к уровню средне насыщенных сахарными заводами украинских губерний, как Черниговская, Подольская.

Северо-западные губернии, как Гродненская, Могилевская, Минская и Смоленская, Волжские губернии (Симбирская, Саратовская и Нижегородская), наконец, северные (Тверская), и тогда уже не имели никакого будущего. Бурный рост свекло-сахарной промышленности в новом Киевском районе говорил за то, что северо-западный и восточный районы осуждены на отмирание. Таким образом в половине сороковых годов достаточно ясно определились основные свекло-сахарные районы, сохранившие свое значение и в последующие периоды.

Общее количество выработанного в 1845 г. сахара песка в пудах, считая выход рафинада в 20 фун., можно определить в 800 тыс. пудов, что почти вдвое превышает то количество, какое показало в 1844 г. Такое увеличение можно об'яснить главным образом тем, что данные 1844 г. были неполны.

В среднем один завод вырабатывал в год сахара на 18.245 р. на Украине 25.208 руб. Здесь сказалось влияние Киевской губ., где один завод давал продукции на 53,5 тыс. руб., т. е. в три раза выше общероссийской средней. Остальные украинские губернии отличались низкою средней. Черниговская—9,8 тыс. руб.; Харьковская—9,4 тыс. руб. и Подольская—9,2 тыс. руб. Без Киевской губ. ценность продукции одного завода в среднем для всей России выразится в 9,5 тыс. руб. В Киевской губ. в 1845 г. сахарная промышленность приобрела коммерческий характер в отличие от первоначального сельско-хозяйственного типа, преобладавшего в остальной России.

По архивным данным, можно определить и районы сбыта сахара в этом периоде. Свекловичный песок и рафинад, вырабатываемые в губерниях Киевской, Подольской и Волынской, сбывался на местном рынке, а частично и на рынках степной полосы. В эту обширную область тростниковый рафинад не проникал, так как не мог «выдержать соперничества с туземным свекловичным сахаром». Рынком сбыта свеклосахарного песка и рафинада средних губерний, не исключая и Черниговской, являлась Москва, куда стекались все партии сахара, не проданные на месте. Свеклосахарный песок, лумп, и рафинад шли в большом количестве на заведе-

ния, приготовляющие конфекты, пастилу, варенья, сладкую водку и пр. Из Москвы, сахарный песок направлялся в значительном количестве в Петербург, «в чем можно убедиться ведомостями Петербургской полиции, в которых с нынешнего года начали помещаться сведения о ежедневном ввозе припасов и других товаров через городские заставы. По сим сведениям привезено через Московскую заставу с 1-го января по 1-е мая с. г. (1847 г.) сахарного песка на 1450 возах, считая на каждый воз по 25 пуд. выходит, что в первую треть года привезено в Петербург свекло-сахарного песка 35.250 пуд., а в течение года по сему расчету не менее 100.000 пуд».

Приведенные краткие сообщения о сбыте свекло-сахарного песка и рафинада достаточно ясно рисуют рынки сбыта: заводы Правобережной Украины господствовали на юге; для средней полосы, а отчасти и Левобережной Украины основным рынком сбыта служила Москва. Наконец, большое значение в половине сороковых годов приобрел и Петербург, куда направлялся сахар через Москву.

Ценным статистическим источником для познания свекло-сахарной промышленности являются сведения за 1848 г., собранные в год введения акциза и опубликованные в Журнале Мануфактур и Торговли 1849 г., под таким заглавием: «Статистическое обозрение свекло-сахарных заводов», по сведениям, собранным в 1848 г. [1]). Это наиболее полный источник сведений потому, что здесь кроме числа заводов, размера продукции посевных площадей, переработанного количества берковцев, имелись данные, характеризующие количество рабочих, их распределение на постоянных и временных, численность используемого рабочего скота.

Нам не удалось найти никаких указаний на то, каким методом были собраны эти сведения. Ни в архивах, ни в того-временной прессе не сохранилось, на этот счет каких-либо указаний. По самому характеру сведений можно придти к выводу, что они собирались корреспондентским, а не экспедиционным методом. Для того времени первый прием был обычным.

Этот самый полный для своего времени статистический источник далеко не отличался точностью. Есть в нем и пропуски заводов, отсутствие тех и других данных по отдельным заводам, неточности в итоговых подсчетах, не выдержанность одних и тех же начал при выведении суммовых итогов и т. д. Обработка и исправление этих сведений выполнена под руководством автора научным сотрудником ВУАН А. А. Плевако. Эта обработка потребовала большого, кропотливого труда [2]).

---

[1]) Журнал Мануфактур и Торговли за 1849 г. Ч. IV. Эти данные были перепечатаны с рядом грубых ошибок в Сведениях о свекло-сахарной промышленности в России. 1849 г. «Спб. 1852 г. Приложение стр. 84 и д. Под таким заглавием: Ведомость о свекло-сахарных заводах составленных из сведений, напечатанных в Журнале Мануф. и Внутр. Торг. 1849 г. № 11 и 12. «В 1849 г. по распоряжению Мин. Госуд. Им. и Фин. было поручено особой Комиссии произвести исследование о состоянии пеньковой промышленности. Члены этой комиссии обращали также внимание на состояние землед. части свекло-сахарного производства в посещенных ими губерниях (Рязанской, Тульской, Орловской, Смоленской, Могилевской, Черниговской, Киевской, Полтавской, Харьковской и Курской). Главною при этом целью было: определение, на какой степени совершенства стоит собственно землед. часть свекло-сахарного производства и какое влияние она имеет на земледелие и на благосостояние самих крестьян».

В обзоре 1855 г. указано, что данная комиссия работала под руководством члена ученого комитета—Заблоцкого. Об'ехав Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Курскую, Харьковскую, Черниговскую, Полтавскую, Киевскую и Могилевскую губернии, комиссия собрала подробные сведения о свеклосеянии. Как видим применен был экспедиционный метод исследования, что повышает ценность данного статистического источника. Обзор вышедший 1855 г. Стр. 126—127.

[2]) Принципы, на основе которых была проведена обработка таблицы и поправки, внесенные в нее, опубликованы в специальной статье А. Плевако—Праці Семінару при Соц. Екон. Відділі ВУАН. 1927 г. В. II.

Материал, содержащийся в статистическом обозрении, сведен в небольшие таблицы (№ 1):

Количество сахарных заводов на Украине и России в 1846—49 г.г.

Таблица № 1.

Сахзаводы	Украина										Остальная Россия		В том числе					Всего	
	Всего		Правобер.	Киевская	Подольск.	Черниг.	Харьков.	Полтав.	Волынск.	Херсонск.	Абсол.	В %/%	Тульская	Курская	Воронежск.	Орловская	Тамбовская	Абсол.	в %/%
	Абс.	В %/%																	
Действующие .	183	62,0	116	70	36	25	24	17	10	1	112	38,0	22	22	15	12	9	295	100,0
В %/% по Украин.	100,0	—	63,4	38,3	19,7	13,7	13,1	9,3	5,4	0,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
По итогу по губ. таблицам . .	192	62,5	123	72	37	26	24	18	14	1	132	38,6	22	22	16	13	9	342	100,0
Всех, о которых упомянуто .	210	61,4	123	72	37	38	26	22	14	1	11	—	—	-	—	—		16	—
Кроме того пропущено . . .	5	—	2	1	1	1	2	—	2	—	20	—	—	-	—	—	—	46	—

Действующих заводов в 1848 г. насчитывалось 295, всех же заводов, о которых имелось упоминание в статистическом обозрении, было 342. На основании ряда других источников можно добавить к этому числу еще 16 сахарных заводов, пропущенных в обозрении. Общее количество свекло-сахарных заводов в 1848 г. можно определить в 358. Цифра очень высокая для своего времени.

На Украине находилось 183 или 62% из числа действующих, из числа всех заводов, упомянутых—210 или 61,4%. Из украинских районов наиболее насыщено свекло-сахарными заводами Правобережье, где было сосредоточено 63,4% всех украинских сахзаводов, в частности в Киевской 38,3% и Подольской губ.—19,7%.

Для сопоставления с 1845 г. рассмотрим только действующие заводы: из 217 заводов, упомянутых в списке 1845 г. только один завод не действовал. За три года, число сахзаводов значительно возросло: с 216 до 295, на Украине с 116 заводов до 183, т. е. мы имеем прирост в числе заводов по всей России на 36,6% по Украине на 54,3%. Удельный вес Украины

Площадь посева сахарн. свеклы на Украине

Посев	Украина				
	Всего		Правобережная	Киевская	Подольская
	Абс.	В %/%			
Всего	27.700	75,8	20.540	15.142	4.232
В %/% по Украине	100,0	—	74,2	54,7	15,3
Заводской посев	23.290	78,1	18.095	13.575	3.370
Сеяло сахзаводов	183	—	116	70	36
Средний посев 1 завод. в дес.	127	—	156	194	94
Плантаторский посев	4.410	65,9	2.445	1.567	862
В %/% к общему	15,9	—	11,9	10,4	20,4
Итоги по оригиналу	25.306	71,9	21.255	15.615	3.490

заметно поднялся с 53,4% до 62,0%. Этот под'ем произошел, главным образом, за счет Киевской губ., где число заводов увеличилось с 43 до 70, а также за счет Подольской губ., где это увеличение выразилось в 19 заводов и наконец, Харьковской губ.—десять новых заводов. Остальные украинские губернии дали сравнительно небольшое увеличение, так Черниговская губ. 3 завода, Полтавская—4, Волынская—3. В новых районах строительство свекло-сахарных заводов носило лихорадочный характер.

На основании стат. обозрения можно установить наличие достаточно распространенной в 1848 г. аренды свекло-сахарных заводов. Всего в аренде находилось 29 сахарных заводов, что по отношению к действующим заводам составляло 9,8%; аренда шире была распространена на Украине—24 арендованных заводов, или 13,1% от действовавших заводов в украинских губерниях.

Из арендованных заводов находилось в руках иностранцев 11, дворян—8, куцов—7. В отношении трех заводов нельзя установить социального положения арендатора. Приведенные данные интересны тем, что показывают прилив капиталов извне в свекло-сахарную промышленность. Свекло-сахарная промышленность представляла выгодное помещение капитала, что и об'ясняло заинтересованность капиталистов в аренде сахзаводов. Начал притекать в эту отрасль и торговый капитал, на долю купеческой аренды приходилось 24,1% от общего числа арендованных заводов. Аренда заводов иностранцами говорит о заинтересованности в этой промышленности и иностранного капитала. Разумеется, существовали и скрытые формы аренды, о которых мы не находим никаких следов в Стат. Обозрении за 1848 г. Появление коммерческих свекло-сахарных заводов базировалось на использовании крупных капиталов, образовавшихся за пределами помещичьего хозяйства. Эпоха сороковых годов характерна первым наступлением на эту чисто дворянскую отрасль промышленности торгового капитала.

Данные о посевной площади, используемой свеклосахарными заводами, можно представить в такой таблице (№ 2):

Под свеклой было занято 36,5 тыс. десятин, в том числе на Украине 27,7 тыс. дес. или 75,8%. Доминирующее положение Украины в свеклосеянии было выражено более ясно, чем в количестве заводов.

Одна Киевская губ. имела под свеклой 54,7% от обще-украинской площади; ее свекловичный клин чуть ли не в двое превышал площадь под свеклой в остальной России (15,1 тыс. дес. против 8,8 тыс. дес.). Заводские посевы составляли 29,8 тыс. дес., плантаторские 6,7 тыс. дес. или 18,3%.

и России в 1848—49 г.г. (десятин).

Таблица № 2.

и н а					Остальная Россия		И т о г о	
Черниговская	Харьковская	Полтавская	Волынская	Херсонская	Абсол.	В %%	Абсол.	В %%
3.166	2.470	1.452	1.166	72	8.829	24,2	36 529	100,0
11,4	8,9	5,2	4,2	0,3	—	—	—	—
1.720	2.160	1.255	1.150	60	6.550	21,9	29.840	100,0
25	24	17	10	1	104	—	287	—
69	90	74	115	60	63	—	104	—
1.446	310	197	18	12	2.279	34,1	6.689	100,0
45,7	12,5	13,6	1,4	16,7	25,8	—	18,3	—
1.461	2.275	1.255	1.150	60	9.899	28,1	35.205	100,0

Значит, в 1848 г. довольно широко были развиты плантаторские посевы; на Украине они составляли меньший процент 15,9%, в остальной России— 25,8%. В Киевской губ., в этом основном районе свекло-сахарной промышленности, на долю плантаторских посевов падало только 10,5%. Выделялась высоким процентом плантаторских посевов Черниговская губ (45,7%); здесь широко практиковались посевы свеклы на конопляниках у крестьян. Это обстоятельство между прочим об'ясняет, почему и в Великороссии процент плантаторских посевов выше, чем на Украине.

В среднем на один завод приходилось заводских посевов—104 дес., на Украине 127 дес., в остальной России 63 дес. Как и следовало ожидать, более крупные посевные площади свеклы мы находим в Киевской губ.— 194 дес. на один завод, почти в два раза выше обще-российской средней и втрое выше средней для одних великорусских губерний.

Количество сахарн. свеклы, собранной

Бурак	Украина					
	Всего		Правобережная	Киевская	Подольская	Черниговская
	Абс.	В %%				
Общее число берк.	1.960.065	77,7	1.537.975	1.173.025	293.950	177.100
В %% по Украине	100,0	—	78,4	59,8	15,0	9,1
В среднем переработано на 1 завод в бер.	10.718	—	13,258	16.757	8.165	7.084
Покупной берк.	295.200	67,0	182.400	121.500	59.900	81 000
В %% к итогу	15,1	—	11 9	10,4	20,4	45,7
Средняя цена одного берк. коп. сер.	57,1	—	,57,5	61,6	78,0	58,4
Итого по оригиналу	2.004.475	80,3	1.607.100	1.271.250	265.850	148 980

Из статистического обозрения можно было извлечь такие данные о количестве переработанной свеклы на сахарных заводах в 1848/49 г. (табл. № 3):

Было переработано 2,5 мил. берковцев свеклы, в том числе на Украине 2 милл. п. или 80,3%, в одной Киевской губ. 1,2 мил. берк. или 59,8% обще-украинского количества. Среднее количество свеклы перерабатываемое одним заводом, составляло по всей России 8,5 тыс. берковцев, на Украине 10.716 берковцев, в Киевской губ.—16.757 берковцев. Покупная свекла для всей России составляла 25,8%, на Украине меньше—15,1%; Черниговская губ. резко выделялась высоким процентом покупной свеклы—45,7%.

Средняя цена берковца равнялась 57,6 коп. Характерно, что стоимость берковца свеклы на Украине была почти та же, что и в остальной России. Исключение представляла Киевская губ., где цена берковца доходила до 61,1 коп. В общем цена берковца носила довольно устойчивый характер. Резких отклонений от средней не наблюдалось по районам.

Наличие данных о посевных площадях и о количестве переработанной свеклы дает возможность вычислить среднюю урожайность десятины. (табл. № 4):

По всей России урожайность свеклы не превышала 69,8 берк.; Украина отличалась более высокой урожайностью 71,5 берк. против 63,7 берк. На

Правобережной Украине эта средняя была еще выше — 74,9 берк. На Украине, если исключить Херсонскую губ., где была крайне незначительная площадь под свеклой, первое место принадлежало Киевщине— 77,5 берк. Характерно, что Черниговская губ. имевшая высокий процент плантаторской свеклы, отличалась низкой урожайностью—56 берк. Это косвенно показывает, что и тогда крестьянские земли давали меньший урожай. В остальной России, если исключить Нижегородскую, Калужскую, Пензенскую, Смоленскую, Гродненскую губ. в виду незначительности посевов свеклы, на первом месте окажется Орловская губ. Урожайность в Воронежской губ., отличавшейся значительным развитием свекло-сахарной промышленности, держалась на среднем уровне. В Тульской губ., в этом старом свекло-сахарном районе, урожайность была ниже средней.

на Украине и России в 1848—49 гг.

Таблица № 3.

У к р а и н а				Остальная Россия		И т о г о	
Харьковская	Волынская	Полтавская	Херсонская	Абс.	В %/%%	Абс.	В %/%%
159.500	71.000	79.390	6.100	562 820	22,3	2.522.885	100.0
8,1	3,6	4,1	—	—	—	—	—
						2.552	
6.646	7.100	4.670	6.100	5.025	—	—	—
20 000	1.000	10.800	1.000	145.320	33,0	440.520	100,0
12.5	1,4	13,6	16,4	25,8	—	17,5	—
49,4	—	60,5	50,0	58.4	—	57,6	—
155.905	70.000	82.390	6.100	491.050	19,7	2.495.525	100,0

Средняя урожайность сахарн. свеклы на Украине и России в 1848—49 гг.

Таблица № 4.

У к р а и н а		Р о с с и я				В среднем	Берк. с дес.
Губернии	Берк. с дес.	Губернии	Берк. с дес.	Губернии	Берк. с дес.		
Херсонская .	85,0	Тверская . .	140,0	Нижегородск.	66,6	Украина . .	71,5
Киевская . .	77,5	Калужская .	84,5	Воронежск. .	65,4		
Подольская .	69,5	Пензенск. .	81,8	Тульская .	51,2	Правобережн.	74,9
Харьковская .	94.6	Смоленск. . .	81,8	Тамбовск. . .	56,5		
Волынская .	60,9	Гродненск. .	76,0	Рязанск. .	54,8	Великороссия	63,7
Черниговская	56,0	Орловск. . .	75,0	Могилевск. .	54.7		
Полтавская .	54,6	Симбирск. . .	70,0	Минская . .	35.8	Вся Россия .	69,8
		Курская . . .	68,3	Саратовск. .	60,0		

О размерах продукции свекловичного сахара в 1848—49 гг. дает представление следующая таблица (№ 5):

Продукция сахарн. песка на

Продукция	Всего		Украина					
	Абс.	В %%	Правобережье	Киевская	Подольская	Черниг.	Харьков.	Волын.
Выработано (пуд.)	746.770	82,3	600.000	459.650	103.350	77.000	39.900	37.000
В %% по Украине . . .	100,00	—	80,4	61,6	13,8	10,3	5,3	5,0
Средн. прод. на завод в пуд.	4.081	—	5.172	6.566	2.871	3.080	1.663	3.700
Итого по оригиналу . . .	638.440	80,2	511.450	382.400	91.750	70.090	39.900	37.300

Изготовлено сахара (белого песка) в 1848—49 гг.—907 тыс. пуд.[1]), в том числе на Украине 746,8 т. п. или 82,3%; сравнительно с 1845 г. доля Украины в общей продукции заметно повысилась. Из украинских губ. впереди шла Киевщина, давшая 61,6% обще-украинской продукции. В одной Киевской губ. белого песка выработано почти в три раза больше, чем в остальной России. Выделялась высоким количеством продукции также Подольская губ. и затем Черниговская. Продукция Харьковской и Волынской губ. стояла почти на одном уровне. Если исключить Херсонскую губ. с весьма незначительным производством сахара, то последнее место из сахаропроизводящих районов Украины принадлежало Полтавской губ. Интересно, что к концу сороковых годов Харьковщина первый по происхождению Украинский свекло-сахарный рынок, оказалась позади и Подолии и Черниговщины.

В среднем продукция одного завода равнялась 3.075 пуд., на Украине 4.081 пуд., в остальной России 1.432 пуд.; средняя производительность украинского сахарного завода почти в три раза выше. Как и по другим показателям, так и здесь резко выделялась Киевщина, где в среднем продукция одного завода подымалась до 6.566 п. На Украине Харьковская и Полтавской губ. занимали по размерам продукции последнее место, приближаясь к среднему уровню остальной России.

Наличие более крупных предприятий на Украине, в частности на Киевщине, еще более отчетливо выясняется при рассмотрении заводов по размерам продукции (табл. № 6):

Будем считать сахарные заводы с продукцией до 3 тыс. пудов мелкими, от 3 до 10 тыс. пудов средними и свыше 10 тыс. пуд. крупными.

В исследуемый период преобладали мелкие заводы—69,5%, на долю средних приходилось 23,4% и на долю крупных 7,1%. Для Украины соответствующие величины таковы: 51,7%, 37,4% и 10,9%. Среди украинских свеклосахарных заводов удельный всех средних и крупных заводов заметно выше. В остальной России не было ни одного завода с продукцией свыше 15.000 пуд., на Украине таких заводов было 5; с продукцией от 10 до 15 тыс. пуд., в России был только один завод, на Украине—15. Крупные заводы концентрировались, главным образом, в

[1]) Для 1850 г. Тенгоборский определил сахарную продукцию в 1,2 мил. пуд., увеличивая ее против официальных данных на 20%, что составляло около 1/3 продукции сахара во Франции (3,97 мил. п.), около 3/5 продукции Таможенного Союза (2 мил. п.) и первышало в два раза слишком продукцию Австрии (513 т. п.).

Цифра Тенгоборского не расходится сильно с установленной нами для 1848—49 г.г. Tegoborski—Etudes sur les forces produchols de la Russie. T. II. Paris 1852 p. 226.

Украине и России в 1848—49 гг. (пудов).

Таблица № 5.

Украина		Остальная Россия		В том числе.					Итого	
Полтав.	Херсон.	Абс.	В %%	Тульск.	Курская	Воронежская	Орловск.	Тамбов.	Абс.	В %%
27.370	2.500	160.334	17,7	39.550	27.310	38.600	10.010	12.346	907.104	100,0
3,7	0,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1.610	2.500	1.432	—	1.797,7	1.241,4	2.573,3	834,2	1.371,7	3.075	—
14.000	3.000	158.060	19,8	—	—	—	—	—	796.500	100,0

Действующие сахзаводы Украины и России в 1848—49 гг., разделенные по их годичной продукции.

Таблица № 6.

Группы сахзаводов с производств. (пуд. сахар. песка)	Украина									Остальн. Россия			Всего	
	Всего		Киевск.	Подол.	Черниг.	Харьк.	Полт.	Волын.	Херсон.	Всего				
	Абс.	В %%								Абс.	В % к итогу по Рос.	В % к итогу по Рос. и Укр.	Абс.	В % к итогу по в. р.
Больше 15.000	5	2,7	4	—	1	—	—	—	—	—	—	—	5	1,7
От 10.000 п. до 15.000 пуд.	15	8,2	11	2	1	—	—	1	—	1	0,9	6,2	16	5,4
„ 5.000 „ „ 10.000 „ .	32	17,5	21	5	2	1	1	2	—	3	2,7	8,6	35	11,9
„ 3.000 „ „ 5.000 „ .	29	15,9	14	12	1	2	—	—	—	5	4,5	14,7	34	11,5
Итого . . .	81	44,3	50	19	5	3	1	3	—	9	8,1	10,0	90	30,5
От 1.000 п. до 3.000 пуд. . .	69	37,7	17	7	16	15	9	4	1	50	44,6	42.0	111	40,3
Меньше 1.000 п.	39	18,0	3	10	4	6	7	3	—	53	47,3	61,6	86	29,2

Киевской губ. из общего их числа—21 на Киевщине находилось 15. Интересно, что только в двух губ. Киевской и Подольской мелких заводов было меньше, чем средних и крупных, в первой—28,5%, во второй—44,4%. Киево-Подольский свекло-сахарный район выделялся крупными размерами предприятий и в конце сороковых годов.

На основании данных статистического обозрения можно установить такой выход сахара из берковца (талб. № 7):

Выход сахара из берковца на Украине и России в 1848—49 г.г.

Таблица № 7.

Украина		Остальная Россия				В среднем	
Губернии	фун.	Губернии	фун.	Губернии	фун.		фун.
Волынская . .	21,1	Нижегородск.	16,5	Симбирск. . .	11,4	Украина . . .	15,2
Черниг. . . .	17,4	Смоленск. . .	14,5	Воронежск. .	10,7	Правобереж. .	15,6
Херсон.	16,4	Могилевск. .	14,3	Калужск. . .	10,5		
Киевск.	15,7	Гродненск. .	13,3	Пензенск. . .	10,2	Остальная Россия . .	11,4
Подольск. . . .	14,1	Рязанск. . .	12,3	Саратовск. . .	10,0		
Полтавск. . . .	13,8	Тамбовск. . .	12,2	Минск. . . .	9,3		
Харьковск. . . .	10,0	Курская . . .	12,1	Орловск. . .	9,0	В целом по всей России	14,4
		Тульск. . . .	12,0	Тверск. . . .	7,6		

Средний выход для всей России 14,4 фунта, Украины с ее—15,2 фунт. превышала остальную Россию с 11,4 фун. Максимальный выход сахара мы наблюдаем на Волыни—21,1 фунт., минимальный в Тверской губ. 7,6 ф., на Украине—в Харьковщине—10,0. Киевская губерния отличалась средним для Украины выходом сахара. Из русских губ. более значительный выход давали губернии с ничтожной продукцией сахара, как Нижегородская, Смоленская, Могилевская и Гродненская. Это на первый взгляд непонятное явление можно об'яснить тем, что в тех губерниях, где свеклосахарное производство было крайне незначительно, под посевы свеклы отводились огородные земли, хорошо удобренные; кроме того на небольших площадях возможен был более тщательный уход за свеклой.

Сравнительно с 1844 г. выход сахара остался в общем на том же уровне и тогда ряд губерний давал выход ниже 12 ф., в других более плодородных районах выход колебался между 15—18 ф., что совпадает с тем, что получено нами при обработке статистического обозрения за 1848 г. При сопоставлении выходов по отдельным губерниям наблюдается существенное расхождение, напр.—Тульская губ. в 1844 г.—19 ф., у нас в 1848 г.—12 ф. Это расхождение может об'ясняться разными методами получения сведений в 1844 г. и в 1848 г. с одной стороны, а с другой—выход сахара зависит от года.

Интересно сопоставить с этим и другой показатель—сбор сахара с десятины (табл. № 8):

Сбор сахара с одной дес. на Украине и России в 1848—49 г.г.

Таблица № 8.

Украина		Остальная Россия				В среднем	
Губернии	пуд.	Губернии	пуд.	Губернии	пуд.		пуд.
Херсонск. . . .	34,7	Смоленск. . .	28,1	Пензенск. . .	17,6	Украина . . .	26,9
Волынск.	31,7	Нижегор. . .	27,6	Воронежск. .	17,5		
Киевск.	30,4	Тверск. . . .	26,6	Тульск. . . .	17,2	Правобереж. .	29,2
Подольск. . . .	24,4	Гродненск. .	25,3	Тамбовск. . .	16,9		
Черниговск. . .	24,3	Калужск. . .	22,1	Рязанск. . . .	16,9	Остальная Россия . .	18,2
Полтавск. . . .	18,8	Курск.	20,7	Орловск. . .	16,6		
Харьковск. . . .	16,2	Симбирск. . .	20,0	Саратовск. . .	15,0	В целом по всей России	24,8
		Могилевск. .	19,6	Минск. . . .	8,3		

Количество рабочих на сахарных заводах

Рабочих	У к р а				
	Всего		Правобережная	Киевск.	Подол.
	Абсолют.	В %%			
Общее число	29.249	68,3	20.333	15.259	3.968
В %% по Украине	100,0	—	69,6	52,2	13,6
Постоян. (мужч.)	3.314	73,2	2.541	1.988	481
В %% к общему числу	11,3	—	12,5	13,0	12,1
Сколько сахзавод дало сведения . . .	142	—	77	52	21
В среднем приходилось на 1 завод . .	23	—	33	38	23
Сезонных мужчин	16.164	62,8	11.205	8.378	2.050
„ женщин	9.771	77,6	6.587	4.893	1.437
Сколько сахзавод дало сведения . . .	174	—	107	66	32
В среднем приходилось на 1 завод . .	149	—	166	201	109
% женщин к общему числу	33,4	—	32,4	32,1	36,2
В среднем на 1 рабочего приходилось выработки пуд. сах.	25,5	—	29,5	31,1	26,1

Во всей России сбор сахара с десятины составлял 24,8 п., на Украине 26,9 п., в остальной России—18,2 п. На Украине на первом месте стояла Херсонская губ., где свеклосахарная промышленность представляла случайный эпизод. Затем шла Волынь и Киевщина. Первая губ., благодаря более высокой урожайности, давала и более значительный сбор сахара с десятины сравнительно со средней для Украины. Высоким сбором сахара с десятины отличались в остальной России губернии, выделявшиеся высоким выходом сахара с берковца—Смоленская, Нижегородская, Тверская, Гродненская. Причины этого были выяснены нами выше.

В статистическом обозрении мы впервые находим данные о числе рабочих на сахарных заводах (табл. № 9):

Численность рабочих, занятых на свеклосахарных заводах достигала 42,8 тыс. человек, в том числе на Украине 29,2 т. человек или 68,3%. Удельный вес Украины по численности рабочих ниже удельного веса по продукции сахара, что свидетельствует о более совершенной технике украинских сахзаводов. Интересно, что и Киевская губ. имела только 52,2% общего числа рабочих на Украине, а по продукции сахара—61,6%.

Постоянных рабочих числилось 4.530 человек или 10,6%, в том числе на Украине 3.314 чел. или 73,2%. На один сахарный завод приходилось в среднем постоянных рабочих 18 чел., на Украине—23 человека. Сезонных рабочих числилось 38,3 тыс. рабочих, в том числе мужчин 25,7 тыс. женщин—12,6 тыс., в том числе на Украине было 26 тыс. сезонных рабочих, из них мужчин 16,2 тыс. или 62,8% от общего числа, женщин—9,8 тыс. или 77,6%. Женщины в общей массе сезонных рабочих составляли 29,3%, на Украине—33,4%. На украинских сахзаводах женский труд использовался более широко.

В среднем на один завод приходилось сезонных рабочих 134, на Украине—149, в Киевской губ. еще более высокая цифра—201.

О производительности труда рабочих говорит следующий показатель: на одного рабочего приходилось сахара—21,5 пуд., на Украине—25,5 пуд., Волынь и Киевщина по производительности труда шли впереди всех 33,5 п. и 31,1 пуд. Низкую производительность труда мы наблюдаем на Полтавщине и Харьковщине; здесь один рабочий вырабатывал значительно меньше сахара по сравнению с обще-российской средней величиной.

Украины и России в 1848—49 г.г. Таблица № 9.

и н а					Остальная Россия		И т о г о	
Черниг.	Харьк.	Полтав.	Волын.	Херсон.	Абсолют.	В %%	Абсолют.	В %%
3.528	3.317	1 939	1.106	132	13.602	31,7	42 851	100,0
12,1	11,3	6,6	3,8	0,4	—	—	—	—
235	357	169	72	12	1.216	26,8	4.530	100,0
6,7	10,8	8,7	6,5	9,1	8,9	—	10,6	—
24	24	16	4	1	108	—	250	—
10	15	11	18	12	11	—	18	—
2.102	1.848	949	777	60	9.565	37,2	25.729	100,0
1.191	1.112	821	257	60	2.821	22,4	12.592	—
25	24	17	9	1	112	—	286	—
132	123	104	115	120	111	—	134	—
33,8	33,5	42,3	23 2	45,5	20,7	—	29,3	—
21,8	12,0	14,1	33,5	18.9	11,8	—	21,5	—

Из приведенных данных видно, что свекло-сахарная промышленность сосредоточивала значительную по тому времени массу рабочего пролетариата. По данным проф. Туган-Барановского [1]), число рабочих занятых в фабрично-заводской промышленности России (без царства Польского и Финляндии) достигало в 1848 г.—483.542 чел., свеклосахарные рабочие составляли 8,9%. На одно предприятие приходилось в среднем 54 рабочих. Сахарные заводы, со средним числом в 152 рабочих, выделялись своими крупными размерами. Эти новые кадры промышленного пролетариата сосредоточены были на Украине, главным образом, в Киевской губ., где свекло-сахарная промышленность и по ценности продукции и по числу рабочих занимала первое место.

По исчислениям проф. К. Пажитнова [2]), общее количество рабочих Украины к концу крепостного периода определялось около 110.000 человек, группа свекло-сахарных рабочих составляла 50 тыс., другими словами, почти половина украинского рабочего пролетариата была занята в свекло-сахарной промышленности.

Используя статистическое обозрение, можно дать ответ на интересный вопрос о составе служащих на свекло-сахарных заводах. Обозрение различает директоров и управляющих. Директоров было не много, всего 39, в том числе на Украине 38. Этот термин, главным образом, встречался в Киевской губ. Среди директоров было 26 иностранцев и 13 дворян. На Правобережьи в качестве директоров выступали иностранцы и обедневшие дворяне, вынужденные идти на службу по материальным условиям. Стоявшие во главе заводов чаще назывались управляющими (241), из них иностранцев было 40. Таким образом, общее число иностранцев, директоров и управляющих, достигало 66 на 295 действовавших заводов. Следовательно, почти одна четвертая часть сахарных заводов управлялась иностранцами. В этой отрасли промышленности крупную роль играли иностранцы в качестве руководящего персонала [3]).

Расходы топлива на сахзаводах

	Украина			
	Всего		Правобережная	Подольск.
	Абсолют.	В %%		
На 1000 п. сах. употреблен. куб. саж. дров	123,8	—	108,9	86,5
Количество куб. саж. дров	25.360	70,6	17.270	1.470
Продукции сахара (пуд.)	204.900	79,6	158.500	17.000
Количество сахзаводов	51	50,5	34	6
В среднем употреб. дров на 1 завод за сезон производст.	497	—	508	245
Употреб. дров (разн. саж.) по итогу губ. таблицы	108.742	77,3	69.910	69.910

[1]) Проф. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I. 1900 г., стр. 77.

[2]) К. Пажитнов. Очерки по истории рабочего класса на Украине. Т. X. 1927 г., стр. 28.

[3]) Гутман, исследуя положение свекло-сахарной промышленности Черниговской губ. в начале 50-х годов, обратил внимание на склонность владельцев отдавать свои заводы в аренду иностранцам. «Немного найдется в Черниговской губ. заводов, управляемых самими владельцами и имеющих мастеров. Все они почти в руках пришельцев из Германии, пользующихся здесь от помещиков каким-то особенным, бессознательным уважением и доверием. И все это делается потому, что нельзя, как думают владельцы, приобрести опытных мастеров».

Довольно значительно было число управляющих из крепостных—58; характерно, что управляющие из крепостных встречались преимущественно в Великороссии—30, на Украине—28. Из украинских губерний их много было в Черниговской, Полтавской и Харьковской губ., на Правобережьи только на двух заводах в Подолии управляющими были крепостные. На некоторых заводах мы видим в качестве управляющих вольно-отпущенных—6. В Правобережной Украине управляли заводами преимущественно иностранцы, значительно реже труд иностранцев использовался в Левобережной Украине и в Великороссии, наоборот, здесь чаще в качестве управляющих выступали крепостные. Это, несомненно, говорит о том, что на Правобережной Украине в исследуемый период имелись крупные заводы коммерческого типа, между тем, как в остальных районах господствующим типом являлись заводы сельско-хозяйственные.

Встречались наконец, заводы под непосредственным руководством владельцев; таких заводов насчитывалось 56, т. е. около $^1/_5$, в остальной России таких заводов было 35, на Украине 21. Участие владельцев в управлении заводов было более распространено в первой, чем во второй.

Упоминаются еще в обозрении сахаровары и мастера, низшая категория управляющего персонала. Из тридцати сахароваров, о которых имеются указания в обозрении, было 27 крепостных и только 1 иностранец, из 9 мастеров пять иностранцев и три крепостных. Таким образом, и в этой низшей категории служебного персонала труд крепостных достаточно широко использовался.

Из статистического обозрения можно извлечь данные о расходе топлива на свекло-сахарных заводах. Так как показания о количестве израсходованных дров имелись не по всем заводам, поэтому в нижеприведенной таблице учтены только те заводы, по которым можно было установить расход древесного топлива (табл. № 10):

Украины и России в 1848 – 49 г.г.

Таблица № 10.

и	н	а					Остальная Россия		Итого
Волынская	Киевск.	Черниговская	Полтавская	Харьковская	Херсонская		Абсолют.	В %%	Абсолют.
93,5	116,7	159,8	166,7	237	—		201,0	—	139,6
2.900	12.900	5.800	250	2.040	—		10.585	29,4	35.945
31.000	110.500	36.300	1.500	8.600	—		52.650	20,4	257.550
9	19	12	1	4	—		50	49,5	101
322	679	483	—	510	—		212	—	355
2.960	57,950	24.244	8.250	6.038	—		31.884	22,7	140.626

Расход дров на 101 сахарном заводе достигал в год в 41.925 куб. саж., в том числе на Украине 25.360 саж.; на этих сахарных заводах изготовлялось 251,6 тыс. сахара, т. е. меньше $^1/_3$. Следовательно, на всю продукцию сахара расход дров не должен был быть меньше 120—150 тыс. саж. Только в виде исключения заводы пользовались торфом, соломой, кизяками и каменным углем. Такое пожирание дров обуславливало тяготение заводов к тем местам, где имелись запасы древесного топлива. И в то время раздавались жалобы на истребление лесов сахарными заво-

дами, вблизи сахарных заводов леса вырубались [1]), «Лес, служивший прежде только для отопления жилых домов и для хозяйственных построек, замечает Журавский, получил определенную ценность; употребление его стало обширнее и важнее и потому стоимость таких имений, в которых есть леса, много возвысилась» [2]). Наличие леса являлось и тогда одним из факторов, определявшим выбор места для постройки завода. Столь значительный расход дров, при отсутствии, в то время, удобных путей сообщения, должен был оказывать решающее влияние на размещение сахарных заводов. Значение этого фактора было хорошо известно тогдашним сахароварам.

Расход топлива на 1000 пуд. сахара в среднем для всей России составлял 166,7 куб. сажень, в том числе на Украине 123,8 саж., в остальной России—354,9 саж. [3]). Поражает огромный расход топлива в остальной России, где он был почти втрое выше, чем на украинских заводах. Об'яснения этого явления нужно искать в том, что в великорусских губерниях преобладающее значение принадлежало огневым заводам, на Украине, в особенности на Киевщине, паровым. «Опыт доказал, что на паровом хорошо устроенном заводе, сгорает не более $2^1/_2$ сажень дров на каждые 100 бер. свекловицы, между тем как на огневых заводах нужно для такого же количества от 4 до 5 сажень» [4]).

Из украинских губерний наиболее низкие нормы расхода топлива наблюдались на Подолии, Волыни, и Киевщине. Остальные губернии давали выше средней для Украины расход топлива, все же и этот повышенный расход топлива был ниже по сравнению с остальной Россией.

В статистическом обозрении имеются данные о количестве рабочего скота на свекло-сахарных заводах. На основании данных можно составить нижеследующую таблицу, показывающую количество голов рабочего скота, используемых на свекло-сахарных заводах (табл. № 11):

Рабочий скот употребляется на заводах для приведения в движение прессов, терок и проч. Всего использовалось на сахарных заводах 6.552 голов, в том числе лошадей 3.569, и волов 2.983; на Украине 4.855 голов или 74,1%. В остальной России преобладало использование лошадей, на Украине волов. В среднем на сахарный завод приходилось волов 41, и лошадей 17. Сюда, разумеется, не входил тот рабочий скот, который использовался для перевозок свеклы на завод, топлива, вывоза сахара и проч.

Статистическое обозрение содержит интересный материал, характеризующий рынки сбыта сахара. По этому вопросу имеются данные и в губернаторских отчетах, но здесь они концентрированы в одном обозрении, выражены в количествах, что дает возможность построить таблицу, выясняющую удельный вес рынков сбыта сахара в половине прошлого столетия (табл. № 12):

Для сбыта сахара наиболее крупное значение имел местный рынок: в пределах губернии, где находились сахарные заводы, сбывалось 600,8

---

[1]) Похилевич пишет: «Яблуновка. К востоку от села еще недавно тянулся превосходный лес, имевший в окружности сорок верст, в настоящее время более и более он опустошается сахарными заводами». Сказание о населенных местностях Киевской губ. собрал Похилевич. Киев. 1864 г., стр. 646.

[2]) Фундуклей—выше цит. т. III, стр. 74.

[3]) У Толпыгина для периода 1830—1848 г. показан расход дров в 174 саж. на 1000 пуд. сах.; что почти совпадает с выведенным нами. Толпыгин. Сахарная промышленность от основания ее до настоящего времени. К. 1894 г., стр. 18. На Смелянском заводе Бобринского, расход дров не превышал 44,3 саж. на 1000 п. сах. в 1848/49 г. Смела. К. 1913, табл. стр. 124.

[4]) Фундуклей... т. III, стр. 32.

тыс. пуд. или 66,2%. Из внегубернских рынков крупное значение принадлежало Москве, где сбывалось 107,6 тыс. пуд. и затем Петербургу— 45,5 тыс. пуд. Москва потребляла в значительном количестве песок в конфектно-кондитерском производстве. Любопытно, что и Петербург,

Количество рабочего скота, находившегося на сахзаводах Украины и России в 1848 49 г.г. во время производства.

Таблица № 11.

Губернии	Только лошадей			Только волов			Лошади и волы			Всего				
	Абс.	Вред. на 1 зав.	Сахзаводов	Абс.	Вред. на 1 зав.	Сахзаводов	Лошадей	Волов	Сахзаводов	Лошадей	Волов	Всего	% волов	Сахзаводов
Киевская	693	23	30	1.114	65	17	361	670	13	1.054	1.784	2.838	62,9	60
Подольская	345	17	20	196	33	6	24	48	1	369	244	613	39,8	27
Волынская	138	23	6	57	19	3	—	—	—	138	57	195	29,2	9
Итого	1.176	21	56	1.367	53	26	385	718	14	1.561	2.085	3.646	57,2	96
Черниговская	208	19	11	266	27	10	—	—	—	208	266	474	56,1	21
Полтавская	229	13	17	—	—	—	—	—	—	229	—	229	—	17
Харьковская	196	15	13	50	17	3	94	148	8	290	198	488	40,6	24
Херсонская	—	—	—	18	18	1	—	—	—	—	18	18	100,0	1
Итого	1.809	19	97	1.701	43	40	479	866	22	2.288	2.567	4.855	52,9	159
Остальная Россия	1.210	15	81	296	36	8	71	126	9	1.281	416	1.697	24,5	98
Общее число	3.019	17	178	1.991	41	48	550	992	31	3.569	2.983	6.552	45,5	257

Рынки сбыта свекл. сахара на Украине и России в 1848—49 г.г. (пуд.)

Таблица № 12.

Куда / Откуда	В границах сахаропроизводящей губернии	Украина				Остальная Россия				Итого
		В Киевскую	В Волынскую	В другие украинск. губернии	Всего	В Москву	В Петербург	В другие губернии России	Всего по остальной России	
Из Киевской	404.750	—	37.500	—	442.250	7.000	10.400	—	17.400	459.650
„ Подольской	98 850	2.000	2 500	—	103.350	—	—	—	—	103.350
„ Волынской	35 800	—	—	—	35 800	—	1.200	—	1.200	37.000
„ Черниговск.	28.340	7.500	—	10.360	46.200	9.600	20.000	1.200	30 800	77.000
„ Полтавской	20.000	2.300	—	3.570	25.870	1.500	—	—	1.500	27 370
„ Харьковск.	13 100	—	—	20.800	33 900	3 000	3.000	—	6.000	39.900
„ Херсонск.	—	—	—	2.500	2.500	—	—	—	—	2 500
Всего из Украины	600.840	11.800	40.000	37.230	689.870	21.100	34.600	1.200	56.900	746.770
Из остальной России	—	—	—	8.250	8.250	86.556	10.900	34.135	152.084	160.334
Общее число	600.840	11.800	40.000	45 480	698.120	107.656	45.500	35.335	208.984	907.104

центр тростниково-рафинадной промышленности, пред'являл спрос и на свекловичный сахар-песок для переработки на рафинад. Преобладание внутригубернских рынков над внегубернскими можно об'яснить сильной конкуренцией колониального сахара в столицах, в особенности в Петербурге, в припортовой полосе, где концентрировалась тростниково-рафинадная промышленность. Свекловичным песком покрывалась нехватка в привозном сырце в те и другие годы.

Доминирующее значение местных рынков об'яснялось и состоянием путей сообщения. При гужевом транспорте колониальный сахар не мог конкурировать на губернских рынках, лежащих вдали от морской полосы, со свекловичным, с другой стороны, и последний не мог соперничать с привозным сахаром в Петербурге и вообще в портах и при-портовых районах. Таким образом к концу сороковых годов установилось разделение рынков свекловичного и колониального сахара. Проникновение свекловичного сахара на Петербургский рынок даже при наличии гужевого подвоза говорит о том, что этот рынок представлял интерес для свекло-сахарных заводчиков, и что с укреплением свекло-сахарной промышленности, и в особенности, с появлением железнодорожного пути— Москва—Петербург должна была усилиться экспансия свекловичного сахара на этот столичный рынок.

Основные свекло-сахарные районы располагали своими рынками сбыта. Для Правобережной Украины доминирующую роль играл местный рынок, в частности Киевский; меньшей емкостью отличались рынки Подолии и Волыни. Впрочем, довольно значительные партии Киевского песка сбывались на Волыни. На Киевский рынок поступало 9,8 тыс. пуд. сахара из Левобережной Украины, именно из Черниговской и Полтавской губерний. В свою очередь Киевский свекло-сахарный район снабжал песком Москву и Петербург (17,4 тыс. пуд.); интересно, что для Киевского района имел более важное значение Петербург (10,4 тыс. пуд.).

На Левобережной Украине местному рынку принадлежало меньшее значение (41,9%), здесь уже преобладали внегубернские рынки. Исключение представляла Полтавщина, где на долю губернского рынка приходилось 73,1%. На Черниговщине и Харьковщине губернский рынок поглощал около $^1/_3$ местной продукции. Для свеклосахарного района Левобережной Украины крупное значение имел внегубернский украинский рынок. Свекло-сахарные заводы этого района широко использовали для сбыта сахара украинские ярмарки (37,2 тыс. пуд.). Левобережная Украина выступала довольно интенсивно с продажей сахара на столичных рынках—в Москве и Петербурге (37 тыс. пуд.). Перевес склонялся на сторону Петербурга, где сбывалось 23 тыс. пуд. сахара. В экспорте сахара на столичные рынки, в частности в Петербург, главное участие принадлежало Черниговской губ. (29,6 тыс. пуд.).

В общем выводе, можно сказать, что внеукраинский рынок имел в изучаемый период для свеклосахарной промышленности Украины скромное значение, на нем сбывалось не более 7,6%.

Иначе строился свеклосахарный рынок российских районов производства, здесь превалировали столичные и внегубернские рынки. Из этих рынков наиболее крупное значение принадлежало Москве (86,6 тыс. пуд.), затем шли внегубернские рынки (34 тыс. пуд.), и наконец, Петербург (10,9 тыс. п.). Для великороссийского района свекло-сахарной промышленности наиболее емким рынком являлась Москва. Географическая близость этого района к Москве, тяготение к нему с момента зарождения свеклосахарной промышленности—и наконец большой спрос на песок для конфектно-кондитерского производства обусловили крупное значение названного рынка.

Для великороссийских сахарных заводов имела большое значение Донская область, пред'являвшая широкий спрос на сахарный песок для виноделия.

Первое статистическое обозрение свекло-сахарной промышленности дает достаточно полную картину положения свекло-сахарной промышлен. в конце сороковых годов. К этому времени совершенно ясно обозначились районы свекло-сахарного производства, их удельный вес, площадь свекловичных плантаций и сбор свеклы, размеры продукции, количество и состав рабочих и служащих, и наконец рынки сбыта.

Введение акциза в 1848 г. представило поворотный пункт и в статистике свеклосахарного производства. Потребность в статистическом учете вызывалась фискальными целями; с этого момента стали появляться статистические обзоры положения свеклосахарной промышленности по отдельным годам. Эти обзоры заключались в отчетах главного инспектора свекло-сахарных заводов. Для надзора за поступлением свекло-сахарного акциза, для наблюдения над свеклосахарными заводами была учреждена должность главного инспектора свекло-сахарных заводов с местонахождением в Харькове. На эту должность был назначен известный сахарозаводчик Скалон [1]).

Дополнительными к уставу об акцизе с свеклосахарного производства постановлениями освидетельствование числа и рода заводских снарядов, опечатание и распечатание их поручалось или надзирателям или самим владельцам и управляющим заводов. Последние обязаны были сообщать главному инспектору и уездным казначействам о начале и прекращении работ. Главному инспектору было предоставлено право путем об'езда состоящих при нем чиновников во время производства проверять эти сведения. Из этих сообщений главный инспектор и черпал данные для своих годовых отчетов.

Разумеется, этот источник статистических сведений нельзя назвать ни особенно точным, ни особенно полным. Размеры продукции сахара, сообщаемые главным инспектором, далеко не отражали действительного размера производства. Утайка продукции вследствие особенностей устава о свеклосахарном акцизе должна была носить значительные размеры. Это хорошо сознавали и органы акцизного надзора. В записке Скалона находим такую оценку достоверности собираемых сведений [2]): «Хотя собранные сведения и не могут иметь надлежащей полноты и верности, потому что основываются на словесных показаниях заводчиков, которые отбираются от них чиновниками до окончания заводских работ, т. е., когда и сами заводчики еще не знают наверное, сколько именно они перерабатывают всей свекловицы и сколько получат из нее сахара, все же стало очевидным, что казна теряет около половины следуемого ей акциза вследствие несоответствия Устава нынешнему состоянию свеклосахарной промышленности».

Неточны были не только данные о количестве продукции, но нельзя признать верной и самую цифру свеклосахарных заводов. В предписании мин. фин. Брока чиновнику мин. фин. Скалону мы читаем: «сверх того обнаружилось, что по делам департамента числится еще 37 таких заво-

---

[1]) Формально должность главного инспектора была учреждена только в 1860 г., до этого Скалон назывался просто чиновником мин. фин. по надзору за свеклосахарной промышленностью. П. С. З. т. XXXV. 1860 г. № 36150. Об учреждении должности главного инспектора свекло-сахарных заводов по акцизной части.

[2]) Л. Ц. И. Арх. ф. департамента Неокл. Сбор. 1858 г. № 97. Дело о пересмотре Устава об акцизе с свеклосахарного производства. Из записки начальника VI отделения директору департамента разных податей и сборов.

дов, которые ни в ведомостях казенной палаты, ни в вашей за упомянутый период 1852 г.—1853 г. вовсе не значатся и об упразднении коих департамент положительных сведений не имеет; относительно вопроса, какие из числа закрытых заводов, закрыты только на время и какие совершенно навсегда уничтожены; различие между ними не полагается по той причине, что хотя владельцы заводов и уничтожают оные, но при благоприятных случаях могут их опять возобновлять, вследствие чего и по ведомостям вашим заводы подразделены только на три разряда, а именно: действующие, недействующие и закрытые» [1]).

Оказывается, что и количество свеклосахарных заводов, сообщаемое в отчетах Скалона, не отличалось надлежащей точностью. Причиной этого являлся небольшой размер помещичьих свекло-сахарных заводов, то закрываемых, то вновь пускаемых в действие.

Первые отчеты главн. инспект. бедны статистическими данными. Обычно в них указывалось число действовавших заводов, в том числе паровых и выработка сахара. Последняя вычислялась на основании норм выхода сахара с берковца переработанной свеклы. Для огневых заводов был принят выход от 12 до 16 фун. с берковца, на паровых от 20 до 24 фун. Эти нормы применялись при вычислении продукции за 1850 г.—51 г. и 1851—52 г.г.; в кампанию 1852/53 г.г. они были несколько видоизменены: на огневых заводах в южных губерниях норма была принята от 12 до 16 фун., та же, что и раньше, на заводах паровых от 18 до 20 фун., сравнительно с прежними годами, принята меньшая норма, на огневых заводах северных районов—по 12 фун., на заводах, работавших холодною вымочкою по методе Давыдова—8—10 фун. В 1853/54 г.г. норма выработки опять изменена для паровых заводов установлена с берковца—5 до 6%, для огневых $3^1/_2$—$4^1/_2$%. Отсюда ясно видна ценность сведений, сообщаемых главным инспектором о количестве выработанного сахара. Изменение самых норм в канцелярии главного инспектора еще более ухудшало этот весьма приблизительный метод учета выработки сахара.

С этой оговоркой мы приведем данные о числе заводов, об их составе, вычисленной выработке сахара и начислении акциза в период с 1848/49 по 1861/62 г.г. [2]) (табл. 13).

К этой таблице сделано такое многозначительное примечание: «чтобы иметь приблизительное (курсив наш) понятие о количестве сахарного песка в действительности добытого, надлежит помножить цифру, по акцизной норме исчисленную, на три. До 1856 г. количество добываемого сахара и по акцизной норме показывалось с округлением цифр». Второе примечание гласило, что не включено количество сахарного песка, выработанного на заводах, «состоящих на льготе и не платящих акциза». Эти два примечания по существу аннулируют графу о количестве выработанного сахара. Составители таблицы не нашли нужным обосновать рекомендуемый ими поправочный коэффициент, почему три, а не два. Для читателя это остается не ясным. Впрочем они оговариваются, что и в таком случае можно получить только «приблизительное понятие» [3]).

---

[1]) Лен. Ц. И. Арх. деп. Неокл. Сбор. Дело № 41, часть II. 1853 г.

[2]) Труды комиссии по выработке устава об акцизе 1863 год. Та же таблица приведена в записке департамента мануфактуры и торговли в министер. финансов 16-го мая 1863 г. Архив департамента необклад. сборов. Дело № 97, часть V—о пересмотре Устава об акцизе с свеклосахарного производства. Изд. 1848 г.

[3]) При исчислении продукции сахара по нормам выхода, получалось то, что, чем более старели эти нормы, тем более действительная выработка сахара превышала вычисленную по нормам. В записке московского купечества, того времени мы находим два ряда цифр продукции сахара—один исчисленный по официальным сведениям, другой—по частным сведениям. Расхождение между ними

Число заводов.

Таблица № 13.

Производственные периоды	Действов. в минувш. период	Вновь устроенных	Уничтожен.	Паровых	Огневых	Всего	В том числе не действовало	Количество переработанного сахпеска по акциз. норме		Начислено акциза	
								Пудов	Фунтов	Рублей	Коп.
1848—1849	340	—	—	40	229	269	43	962.064	—	70.028	91 1/2
1849—1850	269	—	—	—	—	349	17	1.000.000	—	178.672	49 1/2
1850—1851	349	17	8	64	294	358	37	800.000	—	196.412	11 3/4
1851—1852	358	34	10	79	303	382	17	939.311	—	330.814	4 3/4
1852—1853	382	22	13	84	307	391	25	701.108	9 1/2	332.663	3
1853—1854	391	29	23	84	313	397	33	1.130.000	—	357.413	72
1854—1855	397	9	11	88	307	395	29	1.350.000	—	402.378	71 1/2
1855—1856	395	17	9	96	307	403	45	1.300.000	—	334.326	43 1/2
1856—1857	403	21	23	114	287	401	25	1.040.325	27 1/2	520.029	53
1857—1858	401	18	18	121	280	401	17	922.876	30	482.845	89
1858—1859	401	35	10	152	274	426	25	1.203.734	13	580.921	88 3/4
1859—1860	426	20	13	165	267	433	43	871.761	17 13/25	397.370	7 1/2
1860—1861	433	16	22	177	250	427	28	1.322.037	6 17/25	623.226	91 1/4
1861—1862	427	5	15	183	234	417	62	986.950	5 1/2	510.381	53 3/4

К этому нужно еще прибавить, что число льготных заводов, данные о продукции коих не вошли в сумму выработки, было значительно. На основании отчетных данных можно составить такую таблицу разрядов заводов по нормам акциза.

	Распределение свекло-сахарн. заводов по уплате акциза.						
	1849/50	50/51	51/52	52/53	53/54	54/55	55/56
Всех заводов	349	358	382	391	397	395	403
Подлежащих обычн. акцизу	213	203	206	186	171	235	234
Малозначительных [1]) (по 15 и 30 к.)	7	6	7	8	7	3	1
Пользующихся льготой [2])	113	104	142	161	167	117	114
Недействовавших . . .	16	37	17	25	33	29	45
Закрытых	—	8	10	11	19	11	9

в начале пятидесятых годов было не так велико, 40—50%. С конца пятидесятых годов расхождение принимает огромные размеры:

	выработка сахпеска в пудах	
	по офиц. сведениям	по частным сведениям
1857—58	992.877	2.109.098
1858—59	1.203.737	2.450.045
1859—60	871.762	3.370.850
1860—61	1.322.037	3.499.031

См. Мнение постоянной депутации московских купеческих с'ездов по поводу записки, представленной правительством Там. Союза о заключении торгово-таможенного договора между Россией и Герман. Там. Союзом. М. 1865 г., стр. 97.

Откуда почерпнуты эти частные сведения, неизвестно. Во всяком случае, из сопоставления цифр видно, что действительная выработка сахара превышала вычисленную по нормам в 2—3 раза. Андреев, хорошо знакомый с свеклосахарной промышленностью по работе в министерстве, определил продукцию сахара для 1860/61 г.г. в 3.902.432 пуд. на основании норм выработки снарядов и аппаратов. См. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. Т. I. Спб. 1862 г. Свекло-сахарная промышленность. Стр. 19.

[1]) С заводов с продукцией не свыше 500 п. сахарного песка в год в течении первого шестилетия был установлен пониженный сбор с 1848 по 1850 г. по 15 к. с пуда сахара, с 1850 по 1852 г.—30 к. и 1852—45 к.

[2]) Льготные заводы, те, которые освобождались от платежа акциза в течении первых пяти лет действия.

Малозначительные заводы с продукцией до 500 пуд. представляли исключительное явление, наоборот число заводов, пользующихся льготой было велико, в иные годы число льготных заводов почти равнялось числу подлежавших обыкновенному акцизу, напр., в 1852/53 г. 161 против 186,—в 1853/54 г.—167 против 171. Поэтому не включение этих заводов в продукцию сахара должно было резко снижать вычисляемый размер продукции; тем более, что вновь учреждаемые заводы, в виду принятой системы акцизного обложения, благоприятной для технически совершенных заводов, должны были отличаться более высоким уровнем продукции сравнительно со средним уровнем старых заводов. Поэтому можно сделать вывод, что одно включение в учет продукции льготных заводов должно было бы повысить выработку сахара не меньше, как в два раза.

Кстати сказать, в отчетах главного инспектора цифра выработки очень расходится с данными приведенными в сводной табличке. По его отчетам продукция сахарного песка выражалась в таких величинах [1]):

1850/51	до 800 тыс. пуд.
1851/52	свыше 1 милл. пуд.
1852/53	» 1 » »
1853/54	» 1,1 » »
1854/55	» 1,35 » »
1855/56	» 1,3 » »
1856/57	» 2,1 » »
1857/58	» 1,96 » »
1858/59	» 2,7 » »
1859/60	» 1,9 » »
1861/62	» 2,6 » »

До 1855/56 г.г. включительно, данные Скалона почти совпадают с данными, приведенными в записке департамента мануфактур и торговли, в особенности, если принять во внимание, что в отчетах Скалона они приведены с округлением. С 1856/57 г.г. мы наблюдаем резкую разницу: цифры Скалона в два раза превышают цифры департамента. Это расхождение об'ясняется тем, что Скалон вычислял с этой кампании и продукцию льготных заводов, которые как видно из примечания к сводной таблице, не были в нее включены [2]). Это сопоставление подтверждает высказанное нами соображение о необходимости удвоения количества сахара, вычисленного по акцизной норме в сводной таблице. Таким образом, цифры отчета Скалона о продукции сахарного песка ближе стоят к действительным цифрам, чем цифры записки департамента.

В официальной статье, помещенной в Журнале Мануфактуры и Внутренней Торговли 1853 г., мы находим интересные данные о времени происхождения свекло-сахарных заводов [3]).

---

[1]) Лен. Ц. И. Арх. фонд деп. неокладных сборов № 50. Дело по представлению стат. советником Скалоном отчета по акцизу свеклосахарного производства за 1850/51 г.г. и отчеты за дальнейшие годы там же.

[2]) В отчете Скалона за 1850/51 г.г. мы находим такую фразу: «по многим заводам, пользующимся льготой, казенные палаты выработку песка не показали». Им даны были соответствующие раз'яснения и в других отчетах мы не находим подобных указаний.

[3]) См. Взгляд на свеклосахарную промышленность в России. Журн. Мануф. и Внутр. Торговли. 1856 г., кн. I, стр. 180. У Андреева мы находим такие данные о возникновении заводов по годам, из 435 заводов, бывших в действии в конце 1859 г., возникли:

Из числа действовавших в 1851/52 г.г. заводов устроено:

в 1802 г.	1
» 1803 г.	1
с 1810 по 1815	2
» 1815 » 1820	2
» 1820 » 1825	3
» 1825 » 1830	10
» 1830 » 1835	21
» 1835 » 1840	86
» 1840 » 1845	96
» 1845 » 1850	114

Строительство заводов приняло заметные размеры только с 1825 г. Пора наиболее интенсивного, можно сказать, бурного роста свекло-сахарных заводов падает на период с 1835 по 1850 г.г., когда возникало в среднем по сотне заводов в пятилетие. Прирост заводов с каждым пятилетием усиливался. Перелом в рождаемости заводов произошел во второй половине двадцатых годов; до этого заводы возникали единицами и то не каждый год.

В первый год применения сахарного акциза количество заводов резко сократилось: с 340 до 269. Очевидно, введение акциза подействовало устрашающим образом на заводчиков и многие из них предпочли закрыть заводы кустарного типа или перевести их в категорию бездействующих, т. е. не платить акциза. Очень умеренный акциз и льготный порядок его применения должны были показать, сахарозаводчикам, что можно было работать и при наличии акциза [1]). Во вторую акцизную кампанию число действующих заводов было восстановлено. За этот год отчетов не было, поэтому отсутствуют данные о вновь возникающих заводах, закрытых, паровых и огневых. С 1850—51 г.г. мы наблюдаем быстрый рост сахарных заводов:

Производствен. периоды	Увеличение или уменьшение заводов
1850—51	+ 9
1851—52	+24
1852—53	+ 9
1853—54	+ 6
1854—55	— 2
1855—56	+ 8
1856—57	— 2
1857—58	0
1858—59	+25
1859—60	+ 7
1860—61	— 5
1861—62	—10

1802—1	1828—4	1837—6	1845—19	
1803—1	1830—7	1838—17	1846—17	1853—13
1813—1	1831—1	1839—29	1847—31	1854—16
1816—1	1832—1	1840—17	1848—21	1855—15
1822—1	1833—1	1841—5	1849—22	1856—18
1824—1	1834—4	1842—7	1850—14	1857—14
1825—2	1835—6	1843—14	1851—26	1858—36
1827—1	1836—6	1844—15	1852—13	1859—11

См. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности. Т. I. 1862 г., стр. 12.

[1]) И в других странах введение акциза сокращало число заводов в первый год, затем после такой заминки свеклосахарная промышленность быстро восстанавливалась. О сахарном акцизе авторы цитированной Enquête говорят, как о крайне умеренной (d'une extrême modicité).

За исследуемый период наблюдалось два момента интенсивного роста свекло-сахарных заводов, один в начале пятидесятых, вскоре после введения акциза; другой в конце 50-х годов; с началом Крымской войны увеличение заводов приостановилось. Накануне крестьянской реформы число заводов падает, это стояло в связи с подготовкой нового Устава о сахарном акцизе, со смягчением протекционизма и, главным образом, с отменой крепостного права.

Для нас не столько интересен рост заводов, сколько изменение их состава: с 1850/51 г.г. по 1861/62 г.г. возникло новых заводов 243 и уничтожено старых 175. Таким образом за 12 лет произошло значительное обновление состава свекло-сахарных заводов; к концу этого периода числилось 417 заводов, значит, свыше половины их было выстроено в течение интересующего нас двенадцатилетия. Приведенные цифры говорят о лихорадочном росте свекло-сахарной промышленности на основе реконструкции производства. Много заводов ежегодно закрывалось, но еще более их возникало.

На каких началах шла реконструкция свекло-сахарной промышленности в этот период, говорит количество огневых и паровых заводов. Огневые заводы после некоторого стабильного состояния до 1855/56 г.г. начали неуклонно падать: в 1861/62 г.г. их насчитывалось 234 против 303 и даже 307 в начале пятидесятых годов, другими словами, мы имеем сокращение на 24%. Иную картину представляет ряд величин о числе паровых заводов. На протяжении всего периода мы наблюдаем бурный и непрерывный рост паровых заводов, число их возрастало из года в год:

Ежегодный прирост паровых заводов

1851—52	15
1852—53	5
1853—54	0
1854—55	4
1855—56	8
1856—57	8
1857—58	7
1858—59	31
1859—60	13
1860—61	12
1861—62	6

Таким образом, только в одном году (1853/54 г.г. накануне Крымской войны) не наблюдалось прироста паровых заводов; даже в период затишья в строительстве сахарных заводов, совпавший с Крымской кампанией, строительство паровых заводов не приостановилось. Депрессивное состояние начала пятидесятых годов также не затронуло паровых заводов. В результате такого роста паровых заводов число их увеличилось с 64 в 1850/51 г.г. до 183 в 1861/62, другими словами, возросло втрое. Это явление необычайное для нашей свеклосахарной промышленности; оно свидетельствует об интенсивной реконструкции свекло-сахарной промышленности в направлении замены производства на голом огне паровым.

Характерно, что это переоборудование свеклосахарных заводов было осуществлено в эпоху крепостного права, т. е. при наличии вотчинно-помещичьего хозяйства. Развитие производительных сил вызывало необходимость применения более усовершенствованных технических способов производства. Оболочка натурального хозяйства не могла задержать этого роста.

Представлялось бы интересным выяснение того, в каких районах процесс обновления свеклосахарной промышленности шел более интенсивно. К сожалению, ответить на этот вопрос за весь исследуемый период нельзя за отсутствием сведений в отчетах Скалона. Погубернские данные о вновь возникающих и уничтожаемых заводах встречаются только в отчетах с 1856/57 г.г.

Обновление состава заводов шло интенсивно в новых районах в украинских губерниях и кое-где в средне-русских. Районы северо-западный и восточный, где рано возникла свекло-сахарная промышленность, не принимали участия в этом движении. При бурном росте нового украинского района свеклосахарной промышленности происходило медленное умирание северо-западного, восточного районов и упадок центрального—подмосковного района. Правда, и здесь совершался процесс переустройства заводов, более значительный в Курской, Орловской и Тульской губ., но все же он значительно отставал от того темпа, в каком происходило это переустройство на Украине, в особенности, в Киевской, Черниговской и Подольской губ. Характерно, что украинские губ. дают и наиболее интенсивный прирост паровых заводов (Правобережная Украина—43 паровых завода, Левобережная—23, в одной Киевской губ.—26).

Такая реконструкция свеклосахарной промышленности должна была вызвать прирост продукции. К сожалению, неполные и неточные данные о количестве выработанного песка не позволяют точно выявить процесс роста производства. На основании этих дефектных данных продукция увеличилась с одного миллиона пудов в начале периода до 2,6 милл. пудов в конце, иначе говоря, мы имеем возрастание продукции в $2^1/_2$ раза, а по частным сведениям Московского купечества с 1,2 милл. пудов до 3,5 милл. пудов, т. е. увеличение почти в три раза за одно десятилетие.

Резкое колебание продукции сахара по отдельным годам исследуемого периода зависило от урожая свеклы, от неблагоприятных метеорологических условий при копке и проч. В отчетах Скалона отмечен неблагоприятный 1852 г. [1]). От рано ударивших сильных морозов большее количество свекловицы осталось не выкопанной в полях. На юге, где особенно развита свеклосахарная промышленность, значительная часть выкопанной свекловицы осталась непереработанною по затруднительной доставке на заводы горючих материалов, так как почти в продолжении всей зимы не было санной дороги, беспрерывные дожди сделали дороги непроезжими.

Скалон указывал на уменьшение поступления сахарного акциза в 1855/56 г.г. в виду сокращения количества переработанной свеклы, так как «плантации ее почти повсеместно пострадали от засухи и от червей и хотя следовало ожидать в отчетном году весьма скудного сбора, но как в некоторых губерниях посевы увеличены, то несмотря на неурожай акциз не уменьшился значительно» [2]).

В отчете за 1857/58 г.г. отмечается, что «в минувшем году (1857 г.) урожай свекловицы был весьма неравномерный, в некоторых местностях более, а в других менее, чем в 1856 г. Сравнительно лучший урожай был только в губерниях Киевской, Калужской, Волынской и Смоленской; во многих местах свекловичные плантации пострадали в течение весны от засухи и от насекомых, так что некоторые заводчики, имевшие у себя в запасе свекловичные семена, вновь сеяли свекловицу во второй и даже третий раз» [3]).

---

[1]) Лен. Ц. И. Арх. ф. д. неокладных сборов № 58. 1853 г. Дело по представлению Скалоном отчета по акцизу с свеклосахарного производства.

[2]) Там же № 60 1856 г. Дло по представлению Скалоном отчета...

[3]) Там же № 79 1858 г. Дело по представлению Скалоном отчета...

В 1858/59 г.г., давшем высокую цифру продукции сахара, «урожай свекловицы весьма удовлетворительный, чему много благоприятствовала погода во время уборки плантаций, поступило на заводы на 1.286.000 берк. более, чем в предшествующем году» [1]), в результате и продукция увеличилась почти на миллион пудов.

Тяжелым для свеклосахарной промышленности был 1859/60 г.г. (резкое снижение продукции) вследствие «повсеместной и продолжительной засухи только получилось около 42 берк. с десятины; хотя земли было засеяно почти на 10.000 десятин более, чем в 1858 г., но свекловицы поступило на заводы менее на $1^1/_2$ милл. берковцев» [2]).

Еще более бедственным был 1862 г., когда, по словам отчета урожай свекловицы был весьма посредственный; из числа 417 заводов не действовали 87 по совершенному неурожаю свеклы и до 70 заводов уже окончили производство (к началу ноября), по не значительному урожаю оной» [3]).

Резкие изменения продукции сахара зависили от неустойчивости урожаев свеклы. Это явление, весьма характерное для изучаемой эпохи, не потеряло своего значения и в позднейшие периоды.

Развитие свекло-сахарной промышленности в пятидесятых годах должно было вызвать зарождение вспомогательной машино-строительной промышленности, обслуживающей свекло-сахарные заводы. С появлением паровых заводов, та примитивная аппаратура, какую поставляли медники, не могла удовлетворить запросов новой техники свекло-сахарного производства. Естественно, что те сахарозаводчики, которые строили в сороковых годах паровые заводы, должны были выписывать оборудование из-за границы.

В пятидесятых годах в достаточно широкой мере использовался этот источник снабжения сахзаводов средствами производства. Из отчетов Скалона видно, что представители иностранных машино-строительных фирм обычно появлялись на Киевской контрактовой ярмарке. В отчетах мы находим указание на присутствие на ярмарке представителей от иностранных торговых домов из Брюсселя, Марселя, Бреслау. На ярмарке в 1854 г. Флетер из Бреслау получил заказов на изготовление разных машин на 60 тыс. руб. серебром. Матье и Дюфур от дома Коль и Дерона из Парижа взяли заказов до ярмарки на 40 тыс. руб. и во время ярмарки на 50 тыс. руб. Последняя фирма имела депо в м. Смеле гр. Бобринского для продажи разных аппаратов и машин, куда привезено было в 1854 г. машин и орудий на 125 тыс. руб. [4]).

Принимая во внимание большое строительство сахарных заводов и переоборудование старых заводов в данный период, приходится признать обороты иностранных фирм сравнительно небольшими, очевидно, имелся другой отечественный источник снабжения. В это время довольно интенсивно стала развиваться отечественная вспомогательная машино-строи-

---

[1]) Там же № 90 1859 г. Дело по представлению Скалоном отчета...
[2]) Там же № 97 1859 г. Дело по представлению отчета...
[3]) Там же № 86 1862 г. Дело по представлению Скалоном отчета.
[4]) Интересные сведения о фирме Дерона находим в Enquête (Одес. манускр.): «Важность производства сахара в Киевской губ. побудило дом Derohne et Cail de Paris основать в этих районах склад машин для сахзаводов и заменимых к ним частей. Агент фирмы имел пребывание в Смеле, в имении Бобринского, у одного из самых старых и самых серьезных фабрикантов, заведения коего служили образцом для всех остальных. Цифра продаж агентства за последние годы поднялась до 600 тыс. руб. К сожалению, кредит, который фирма обязана делать, поглощал значительную часть ее прибыли. Редкость капиталов такова в стране, что только с крайне большими трудностями фирма успевала получить от фабрикантов погашение кредита».

тельная промышленность. В отчете за 1851/52 г. упоминается о вновь устроенном заведении в Харькове—Добычиной для паровых снарядов. В отчете за 1852/53 г.г. мы находим указания на то, что в заведении Добычиной были изготовлены паровые аппараты и паровики для вновь устраиваемого в Харьковской губ. свекло-сахарного завода ген. Миллер-Закомельского.

Крупную роль в снабжении заводов аппаратурой играли механические заводы отлично устроенные при свеклосахарных заводах Киевской губ. в м. Смеле гр. Бобринского и купцов Яхненки и Симиренки в м. Городище [1]).

В отчете за 1856/57 г.г. мы находим перечень механических заведений, изготовлявших разные снаряды для свеклосахарных заводов. Здесь упоминается заведение Трецера [2]) в Варшаве, Яхненко и Симиренко в Киевской губ., в этих двух заведениях делались и паровые машины, далее перечисляются механические заведения гр. Бобринского, Дзендзеловского, Браницкого и Понятовского в Киевской губ., Лонмейера в Подольской губ., Долгорукова в Черниговской губ., Мальцева и Мейера в Орловской губ., Розен-Квисте и Озера в Харькове, Коновалова в Туле, Бушенина в Москве, Потемкина в Кременчуге, Добычина и Скрыпника в Харькове [3]).

Этот перечень показателен в том отношении, что он выясняет тесную, органическую связь механических заведений с свекло-сахарными заводами. Лучше поставленные сахарные заводы того времени вынуждены были вследствие трудностей, связанных с получением аппаратов и машин из-заграницы, устраивать вспомогательные механические заведения при заводах. Преобладал тип таких подсобных мастерских; однако, существовали и самостоятельные механические заведения, не связанные с свекло-сахарными заводами, но работавшие для них. Эти заведения находились в руках капиталистов, не дворянского происхождения; наметилось и несколько центров свекло-сахарного машиностроения: Харьков, Варшава, Тула и Москва.

Возникновению на Украине крупного механического заведения мешала дороговизна металлов, чугуна, железа и меди, отсутствие механиков-строителей и квалифицированных мастеров, недостаток капиталов и те капиталы, какие были, направлялись исключительно в свекло-сахарную промышленность. Настоятельная потребность в механическом заведении для обслуживания свекло-сахарной промышленности могла быть удовлетворена на Украине только после того, как обосновалась в степной полосе мощная металлургическая промышленность.

Отчеты Скалона из года в год делаются более полными, в особенности начиная с 1856/57 г. Для сравнительного сопоставления с 1848/49 г. используем отчет за 1856/57 г. Это даст возможность установить успехи нашей свекло-сахарной промышленности после введения акциза.

---

[1]) Андреев дает отрицательную оценку Млеевского механического заведения бр. Яхненко и Симиренко, указывая на высокую расценку его изделий, медленность выполнения заказов, отсутствие на складе портящихся частей. Свекло-сахарные заводчики находили более выгодным обращаться в машинное депо Дерона и Коля в Смеле. Машины их превосходили своими качествами немецкие машины. По словам Андреева, поставка машин и аппаратов немецкими фирмами (из Макгебурга, Берлина и Праги, также из Польши с фабрики Трецера), значительно усилилась в конце пятидесятых годов). Подмосковные огневые заводы снабжались Москвой. В Киеве этим занимался небольшой завод Деггерева. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности. Ч. I, стр. 122.

[2]) Заведение Трецера переведено было из Слонима в Варшаву, в 1856 г. оно получило заказов на 150 тыс. руб.

[3]) Там же № 62 1857 г. Дело по представлению Скалоном отчета.

Распределение сахзаводов по степени их мощности в 1856/57 г. по основным районам:

Губернии	Число действов. заводов	По норме снарядов может быть добыто в 100 дневный период пробел. песка			
		свыше 10.000 п.	свыше 5.000 п.	свыше 1.000 п.	мен. 1.000 п.
I. Правобережная Украина					
Киевская	67	8	41	18	—
Подольская	26	—	7	18	1
Волынская	7	—	2	5	—
	100	8	50	41	1
II. Левобережная Украина					
Черниговская	68	—	12	54	2
Полтавская	21	—	6	14	1
Харьковская	29	—	7	21	1
	118	0	25	89	4
III. Подмосков. центральный район					
Курская	24	—	3	18	3
Орловская	16	—	1	13	2
Тульская	38	—	3	31	4
Калужская	14	—	1	12	1
Рязанская	5	—	2	3	—
	97	—	10	87	10
IV. Восточный район.					
Воронежская	15	2	3	10	—
Тамбовская	12	2	3	7	—
Пензенская	10	—	3	5	2
Нижегородская	3	—	—	2	1
Саратовская	2	—	—	2	—
	42	4	10	87	10
V. Северо-западный район					
Могилевская	9	—	—	7	2
Минская	6	—	—	2	1
Смоленская	3	—	—	2	1
Тверская	1	—	—	1	—
	19	—	—	12	7
Итого	376	12	94	245	25

В период 1856/57 г. действовало 376 свекло-сахарных заводов, сравнительно с 1848/49 г. число действовавших заводов увеличилось на 81 завод или на 27,4%. Из этого числа на долю Украины приходилось 218 заводов или 58% (в 1848/49—183 завода или 62%). Более половины сахарных заводов находилось на Украине, абсолютно число их увеличилось по сравнению с 1848 г.—1849 г., но относительно удельный вес Украины несколько снизился, что об'яснялось концентрацией украинских заводов. Интересно, что в Киевской губ. игравшей первенствующую роль в сахарной промышленности, число действовавших заводов уменьшилось (с 70 до 67) при сильном росте продукции. По другим украинским губ., мы наблюдаем значительный рост числа заводов за рассматриваемый пе-

риод—так в Черниговской губ., с 25 до 68; Черниговская губ. опередила по числу заводов даже Киевскую. В Подольской губ. прирост выразился в 10 заводов, в Харьковской в 5, в Полтавской—в 4. В остальных районах число заводов возросло с 112 до 158 или на 32%.

Из великорусских губ. впереди всех по росту заводов шла Тульская губ., этот старый свеклосахарный район (+ 16 заводов). В Курской и Орловской губ. мы наблюдаем за этот период, сравнительно небольшой прирост (в Курской +2 завода, в Орловской +4 завода, в Воронежской—без изменения).

В этот период дали значительное увеличение такие губернии, как Могилевская, (+6), Минская (+4), Смоленская (+1 завод), Саратовская (+1 завод), т. е., район, не имевший никаких свеклосахарных перспектив. Указанное обстоятельство и снизило удельный вес украинского свеклосахарного района по числу заводов.

Большой интерес представляют данные о мощности свеклосахарных заводов. Крупных заводов (свыше 10,1 тыс. пуд. песка) было только 12, в том числе в одной Киевской губ. 8 или $^2/_3$ [1]).

Такой мощности заводы встречались еще только в Воронежской и Тамбовской губ. (по 2). Средних заводов (с производительностью свыше 5 тыс. п.) действовало 94 или 25%, в т. ч. на Украине 75 заводов или 79,7%, другими словами, средние заводы сосредоточивались, главным образом, на Украине. Преобладали в 1856/57 г. мелкие заводы—65,2%. Во всей России—это господствующий тип свекло-сахарного завода. На Украине мелких заводов (с продукцией от 1,1 т. до 5,1 т.) было 130, т. е. немного более половины общего числа таких заводов. Обилием таких заводов отличалась Черниговская губ., что характерно для Левобережного свекло-сахарного района. Карликовых заводов (с продукцией менее 1,1 т. п.) было 25 или 6,6%, в том числе на Украине таких заводов насчитывалось 5 или 20% от их числа. В Киевской и Волынской губ. карликовых заводов вовсе не существовало. Доля Украины была выше в заводах крупных и средних, и значительно ниже в мелких и карликовых заводах. Украинская свекло-сахарная промышленность носила более крупные размеры, доминирующее значение принадлежало коммерческим заводам.

Рассматриваемый отчет содержит сведения о технической мощности свекло-сахарных заводов в форме сводной таблицы о количестве паровых машин и сил.

---

[1]) О производительности заводов в 1851/52 г.г. мы имеем такие данные:
Число заводов, с производством сахарного песка:

Свыше	15.000			6	заводов
от	10.000	до 15 000	пуд.	11	„
„	5.000	„ 10.000	„	70	„
„	3.000	„ 5.000	„	78	„
„	1.000	„ 3.000	„	172	„
менее	1 000	„		43	„
		Итого		380	заводов.

См. Взгляд на свекло-сахарную промышленность в России. Журнал Мануф. и внут. Торгов. 1853 г. кн. I, стр. 179. Эти данные несколько расходятся с приведенными в тексте: в одном случае мы имеем фактическую выработку сахара, а в другом возможную. Из сопоставления данных видно, что число заводов с выработкой свыше 10 тыс. п. было 17, а по возможной производительности, установленной органами акциза, только 12. В 1856/57 г. увеличилось число средних заводов с 70 до 94 и резко сократилось число карликовых заводов (менее 1.000 п.) с 43 до 25. Это сопоставление также говорит об укрупнении свекло-сахарных заводов после введения акциза.

Распределение свекло-сахарных заводов по числу и мощности паровых машин.

Губернии	Паровых заводов	Паровых машин	Паровиков	Число сил в паровиках
I. Правобережная Украина.				
Киевская	48	145	188	6648
Подольская	15	42	55	1240
Волынская	4	10	14	614
	67	197	257	8502
II. Левобережная				
Черниговская	6	21	20	700
Полтавская	1	4	4	105
Харьковская	12	23	36	1207
	19	48	60	2012
III. Центральный район				
Курская	1	2	4	160
Орловская	2	2	3	100
Тульская	5	13	20	535
Калужская	3	4	9	170
	11	21	36	965
IV. Восточный район				
Воронежская	5	8	18	566
Тамбовская	5	11	25	855
Пензенская	3	1	7	148
	13	20	50	1569
V. Северо-западный район				
Могилевская	2	5	4	60
Смоленская	1	1	2	60
Итого	113	292	409	120

На Украине паровых заводов в 1856/57 г. числилось 86 или 76% общего числа их, на одну Киевскую губ. падало более половины паровых заводов от всего их количества на Украине. На украинские заводы приходилось 84% паровых машин от общего числа. На первом месте по числу паровых заводов, паровых машин, паровиков и лошадиных сил в паровиках стояла Правобережная Украина, далеко позади нее шла Левобережная. Характерно, что восточный район в техническом отношении превосходил центральный—подмосковный район. Северо-западный район отличался отсталой техникой свекло-сахарного производства.

Украинские заводы выделялись более высоким техническим оборудованием. Число паровиков на Украине равнялось 236, т. е. 57,7%, их мощность определялась в 10.514 лошадиных сил, т. е. 80% общего количества лошадиных сил. В среднем на один паровик приходилось 32,4 силы, на Украине—44,5 силы, в остальной России—15,6 силы. Это ясно говорит о большой мощности паровых установок украинских заводов.

Участие отдельных районов и губерний в продукции сахара за 1856/57 г. выражалось в таких числах:

Губернии	Сах. песка в пуд.	Примерно на сумму в руб.	Выход сахара из берковца свеклы (заводской покупной) в фунт.
I. Правобережная Украина			
Киевская	1.064.600	6.387.600	23,1
Подольская	184 800	1.108.800	23,4
Волынская	53 300	319.800	20,4
	1.302.700	7.816.200	23,0
II. Левобережная			
Черниговская	245.400	1.472.400	17,6
Полтавская	53.300	319.800	17,5
Харьковская	95.600	597.500	17,4
	394.300	2.389.700	17,5
III. Центральный район			
Курская	64.200	417.300	15,2
Орловская	43.800	284.700	20,8
Тульская	106.700	603.550	14,2
Калужская	20.600	133.900	15,3
Рязанская	7 700	50.050	13,5
	243.000	1.579.500	15,4
IV. Восточный район			
Воронежская	53.200	345.800	17,3
Тамбовская	66.000	429.000	12,6
Пензенская	20.500	133.250	12,5
Нижегородская	2.300	16.100	9,4
Саратовская	6.900	44.850	11,9
	148.900	969.000	13,8
V. Северо-западный район			
Могилевская	11.700	76.050	16,5
Минская	2.400	15.600	13,4
Смоленская	2.700	17.550	17,4
Тверская	1.800	1.260	12 0
	16.080	110.460	16,0
Итого	2.105.880	12.864.860	19,7

Сравнительно с 1848/49 гг. производство сах. песка возрасло на 1,2 мил. п. или 132%.

Свекло-сахарные районы располагаются в таком нисходящем порядке по размерам продукции: Правобережный, Левобережный, Центральный, Восточный и затем Северозападный. Таков же порядок районов и по выходу сахара, с одним несущественным отклонением: северо-западный район нормой выхода превосходил восточный. Следует отметить, что в восточном районе одна Воронежская губ. выделялась высокой нормой выхода (17,3), приближаясь по этому показателю к Левобережной Украине.

На Украину приходилось 1.697.000 п. сахара на 10.205.900 р., что от общероссийской продукции сахара составляло 80,5%, от ценности 73,9%. Таким образом, Украина, располагая 58% общего количества сахзаводов, давала $^4/_5$ всей сахарной продукции. Это подтверждает наш вывод о боль-

шей производительности мощности ее заводов. Доля Украины в продукции сахара осталась на том же уровне: в 1848/49 г. по данным стат. обозрения на украинские губернии приходилось 80,2%, по корректированным данным—82,3%. Мало изменилась и доля Киевской губ. в общеукраинской продукции—в 1848/49 г.—61,6%, в 1856/57 г.—62,7%. Повышение удельного веса есть, но оно незначительно.

По сравнению с 1848/49 г., несколько изменился порядок губерний по размерам продукции сахарного песка. После Киевской губ. в 1856/57 г. шла Черниговская, затем Подольская и наконец Тульская, Харьковская. В 1848/49 г. второе место занимала Подольская, затем Черниговская. Тульская и Харьковская губ. давали равную продукцию (по 39 тыс. п.). За рассматриваемый период Черниговская губ. более интенсивно расширила свою продукцию: на Украине она дала увеличение в три раза.

Волынская и Полтавская губ., занимавшие последнее место на Украине в продукции сахарного песка в 1848/49 г., остались на том же месте и в 1856/57 г. Исчезла из списка сахаропроизводящих губерний Херсонская.

Великорусские губернии: Тульская, Курская, Воронежская выделялись и теперь значительной продукцией сахара. Следует подчеркнуть выдвижение Тамбовской губ., (поднявшей выработку песка с 12,3 тыс. до 66 тыс. пудов), Орловской с 10 т. п. до 43,8 т. п.

В 1856/57 г. в среднем завод вырабатывал 5.574 п. сахарного песка, на Украине 7.786 п., в 1848/49 г.—3.075 п. и на Украине 4.081. Заметна ясная тенденция к концентрации производства: заводы становятся более крупными. Свекло-сахарная промышленность не только расширилась, но и укрупнилась. Этот процесс наиболее интенсивно наметился на Киевщине, где на один завод приходилось 15.889 п., в 1848/49 г. 6.566 п.

В рассматриваемом нами отчете, находим интересные данные о площади под свеклой и о сборе свеклы (см. табл. на стр. 181).

По всем этим основным показателям свекло-сахарные районы располагались в известном нам уже порядке: впереди всех Правобережный, в хвосте—Северо-западный. Что касается урожайности свеклы, то здесь уже наблюдаются существенные отклонения от обычного порядка: сохранил свое первое место Правобережный район, Левобережный передвинулся на четвертое место, уступив второе Центральному, а третье — Восточному району.

Переработано свеклы в 1856/57 г. 4,3 мил. берковцев, в 1848/49 г.—2,5 мил. берковцев; т. е. на 69,2% более; тогда покупная свекла составляла 17,5%, теперь—33,6%, т. е. удельный вес плантаторской свеклы повысился вдвое. Встречались губернии, где плантаторская свекла превалировала над заводской; на Украине к таким губерниям принадлежала одна Черниговская губ., в Центральном сахарном районе таких губерний было две—Тульская, Орловская, в Восточном—Пензенская и Саратовская. Интересно, что в кампанию 1848/49 г. не было ни одной губернии с перевесом покупной свеклы. Под посевом заводской свеклы было занято 44,9 тыс. дес., в 1848/49 г.—29,8 т. дес. Средняя урожайность на заводских землях—63 берковца. Если мы возьмем более низкий урожай для плантаторской свеклы в 60 берк., то под покупной свеклой окажется занятой 28,9 тыс. дес. В итоге получим площадь под посевами сахарной свеклы в 73,8 тыс. дес., против 36,5 тыс. дес., в 1848/49 г., другими словами, мы имеем удвоение площади. Выработка сахарного песка увеличилась более, чем в два раза, что нужно об'яснить лучшим выходом сахара в связи с усовершенствованием заводской техники.

Доля Украины в общем количестве переработанной свеклы выража-

лась в 3.165.281 берк. или 74,2%. В украинских губерниях посевами свеклы, фабричной и плантаторской было занято 49.810 дес. или 67,5%.

Губернии	Засеяно дес. при заводах	Собрано берк.	Куплено со стороны берк.	Всего поступило берк.	Примерно на сумму в руб.	С 1 дес. завод. посева получ. берк.
I. Правобережная Украина.						
Киевская	19.180	1.413.154	431.846	1.845.000	1.790.000	73,7
Подольская	4.177	235.511	79.960	315.471	180.400	56,4
Волынская	1.273	75 233	29.220	104.453	82.000	59,1
	24.630	1.723.898	541.026	2.264.924	2.052.400	70,0
II. Левобережная.						
Черниговская	3.804	220.764	332.241	558.005	396.000	59,4
Полтавская	2.188	98.767	23.180	121.947	83.800	45,1
Харьковская	3.494	175 209	45.196	220.405	136.300	50,2
	9.486	499.740	400.617	900.357	616.100	52,7
III. Центральный район						
Курская	1.617	115.292	53.320	168.612	103.200	71,3
Орловская	541	31.030	53.150	84.180	60.800	57,4
Тульская	2.457	134.665	164.970	299.635	205.000	54,8
Калужская	572	31.045	22.900	53.945	48.200	54,3
Рязанская	222	13.905	8.900	22.805	14.800	62,6
	5.409	325.937	303.240	629.177	332.000	60,3
IV. Восточный район						
Воронежская	1.996	95.762	27.500	123.262	70.200	47,97
Тамбовская	1.640	116.437	93.500	209.937	129.400	71,0
Пензенская	721	28.155	37.540	65.695	39 200	39,1
Нижегородская	106	7.512	2.300	9.812	6.500	70,9
Саратовская	120	9.600	13.660	23.260	13.600	80,0
	4.583	257.466	174.500	431.966	258.900	56,2
V. Северо-западный район						
Могилевская	560	16.010	12.300	28.310	24.800	28,6
Минская	116	4.670	2.500	7.170	5.400	40,3
Смоленская	122	4.120	2.100	6.220	5.430	33,8
Тверская	10	600	—	600	450	60,8
	808	25.400	16.900	42.300	36.080	31,4
Итого	44.916	2.832.441	1.436.283	4.268.724	3.395.480	63,1

Урожайность определялась на Украине в 65,2 берк., в остальных районах 56,4 берк. Это свидетельствует о том, что и свеклосеяние стояло в украинских районах на более высоком уровне.

В среднем один завод перерабатывал 11.353 берк., (на Украине—14.520 берк.), в 1848/49 г.—8.552 берк. Рост количества перерабатываемых берковцев отставал от роста продукции сахара, очевидно, повысился выход сахара из берковца; действительно, мы имеем 19,7 ф. сахарного песка из берковца, в 1848/49 г.—14,4 ф.; на Украине—21,4 ф., в 1848/49 г.—15,2 ф.

За исследуемый период произошло заметное повышение выхода сахара, что также говорит об усовершенствовании заводской техники.

В отчетах за 1856/57 г. мы впервые находим данные о числе рабочих, занятых в свекло-сахарном производстве:

Губернии	Мужчин	Женщин	Малолетних	Всего
I. Правобережная Украина				
Киевская	13.552	5.969	2.655	22.176
Подольская	2.716	1.159	455	4.330
Волынская	743	242	90	1.075
	17.011	7.370	3.200	27.581
II. Левобережная				
Черниговская	6.428	4.640	940	12.008
Полтавская	1.731	1.520	281	3.535
Харьковская	2.638	2.040	632	5.310
	10.800	8.200	1.853	20.853
III. Центральный район				
Курская	2.717	966	258	3.941
Орловская	1.006	508	68	1.582
Тульская	5.042	684	370	6.096
Калужская	1.115	523	84	1.722
Рязанская	632	48	56	736
	10.512	2.729	836	14.077
IV. Восточный район				
Воронежская	1.908	580	180	2.668
Тамбовская	2.416	261	138	2.815
Пензенская	1.098	203	117	1.418
Нижегородская	280	90	40	410
Саратовская	280	80	24	384
	5.982	1.214	499	7.695
V. Северо-западный район				
Могилевская	620	416	143	1.179
Минская	149	65	39	253
Смоленская	149	103	18	270
Тверская	40	30	20	90
	958	614	220	1.792
Итого . .	45.263	20.127	6.608	71.998

В среднем на одном заводе было рабочих 196,5, на Украине—232,2. Число свекло-сахарных рабочих в 1856/57 гг. сравнительно с 1848/49 гг. возросло на 29.147 человек или на 68%. Женщины составляли в общей массе рабочих 28%, на Украине 31,9%, малолетние—9%. Повышение продукции сахара на 132% при увеличении рабочей силы на 68% говорит о заметном под'еме производительности труда: в 1848/49 гг., на одного рабочего приходилось 21,5 пуд. сахара, в 1856/57 гг.—29,3 пуд.

По количеству занятых рабочих свекло-сахарные районы располагаются в своем обычном порядке. Из общего числа рабочих, занятых на свеклосахарных заводах, на долю Украины приходилось рабочих 48.434 или 67,2%. Так как Украина давала более высокий процент (80,5), продукции сахара, очевидно, украинские заводы отличались большей производительностью труда, что обуславливалось более совершенной техникой их. К этому можно добавить, что Киевская губ. имела только 30,8%

общего числа рабочих при продукции сахара в 50,0%. На Киевщине на одного рабочего приходилось 48 пуд. сахарного песка, т. е. почти в два раза выше против общероссийской средней выработки на одного рабочего. В России в 1857 г. числилось фабричных рабочих по данным Туган-Барановского,[1]) 513,324 человек, в т. ч. свекло-сахарные рабочие составляли 14%. Это говорит о высоком удельном весе свекло-сахарного производства в общем составе промышленных рабочих. В среднем на одно предприятие приходилось 47 рабочих, а на сахарных заводах 196, т. е. в четыре раза больше. Свекло-сахарные заводы представляли для своего времени—крупнейшие предприятия.

В отчетах Скалона, начиная с 1856/57 гг., мы встречаем данные о ценности заводов и их рентабельности. Разумеется, едва ли можно признать об'явленную заводчиками органам фиска ценность вполне отвечающей действительности. Несомненно, эти данные должны были быть преуменьшенными. Все же с этой оговоркой, данные о средней ценности и рентабельности сахарных заводов того времени заслуживают внимания:

Для определения рентабельности заводов в 1856/57 г.г., мы находим такие показатели.

Средняя ценность завода	49.281 руб.
Поступило в среднем свекловицы на завод	11.353 берк.
» » » » на сумму . . .	9.080 руб.
Всех расходов по производству на завод до . . .	20.394 руб.
На один берковец около	1 р. 80 к.
Получено пробеленного песка пуд.	5.600
» » » на	34.215 руб.
Прибыль завода	13.821 руб.
» на один берковец	1 р. 22 к.

Завод приносил до 20% на капитал, вложенный в предприятие (основной и оборотный). Такая высокая рентабельность свеклосахарных заводов и была причиной быстрого распространения свеклосахарной промышленности в изучаемый период.

По данным официальной записки, в кампанию 1851/52 г.г. в свекло-сахарном районе действовало 23 рафинадных завода, с продукцией от 780 до 990 тыс. пуд. рафинада в год.

Наиболее крупными размерами отличались рафинадные заводы бр. Яхненко и Симиренко с продукцией от 200 до 250 тыс. пудов, Бобринского от 150—до 175 тыс. пуд. В Волынской губ. выделялся размерами продукции завод Сангушко—от 80 до 90 тыс. пудов, в Черниговской губ. завод Кушелева-Безбородко от сорока до 50 т. п.[2]). Рафинадные заводы концентрировались преимущественно на Правобережной Украине.

В донесении Скалона мин. фин. за 1853 г. находил упоминание о двух рафинадных заводах, лежащих вне свекло-сахарных районов, именно о заводе Сойманова в Нижегородской губ. в с. Кошелихе и Гофмана в Москве. Чисто рафинадных заводов было немного, в большинстве случаев рафинировка производилась на песочных заводах. По словам Скалона, почти на всех свекло-сахарных заводах в России выделывался рафинад в незначительных количествах и большею частью низких сортов[3]). Так как акцизом обложен был песок, поэтому рафинадные заводы и не подверг-

[1]) Проф. Туган-Барановский—Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I.—1900, стр. 77.

[2]) Л. Ц. И. Арх. Дело Госуд. Совета 1854 г. № 26.387 Д. Э. о понижении пошлины на сахар-сырец. Записка о нынешнем состоянии свекло-сахарной промышленности в России.

[3]) Л. Ц. И. Арх. ф. департамента неокладных сборов 1853. Дело № 41. Часть II. Донесение мин. фин. чин. Скалона.

лись точному учету. Сведений о них мы не находим в годовых отчетах Скалона.

Нет надобности приводить подробные данные о положении свеклосахарной промышленности в последние годы, так как соотношение между отдельными районами являлось достаточно устойчивым, крупные изменения стали происходить только после крестьянской реформы. Начало этих изменений и нашло свое отражение в первую производственную кампанию после освобождения крестьян. До этой кампании, т. е. до 1861/62 гг. мы приведем основные показатели в суммарном виде, т. е. для всей России, выделяя одну Украину.

Сводку основных показателей, характеризующих положение свеклосахарной промышленности с 1857/58 гг. по 1861/62 гг., можно представить в такой таблице [1]):

	1857—58 гг.	1858—59 гг.	1859 60 гг.	1861—62 гг.
Засеяно заводской свеклы десятин	42.690	49.277	55.458	51.489
„ „ на Украине	32.879	38.145	42.969	39.460
Собрано берковцев	2.652.224	3.416.150	2.361.560	2.988.383
„ „ на Украине	2.245.626	2.746.267	1.862.710	2.306.300
Куплено берковцев	1.184.425	1.706.748	1.259.490	1.676.100
„ „ на Украине	883.545	1.214.696	910.650	1.090.500
Всего поступило берковцев	3.836.649	5.122.898	3.621.050	4.664.483
„ „ „ на Украине	3.129.171	3 960.963	2.773.360	3.397 400
Число заводов	384	400	389	417
„ „ на Украине	221	239	228	219
Число паровых заводов	121	152	162	177
„ „ „ на Украине [2])	—	—	—	131
Число паровых машин	365	478	556	644
„ „ на Украине [2])	—	—	—	494
Число лошадиных сил в паровых машинах	2.865	3 909	4.611	5.489
Число лошадиных сил в паровых машинах на Украине [2])	—	—	—	4.069
Число паровиков	454	553	609	708
„ „ на Украине [2])	—	—	—	530
Число сил паровика	14.548	18.257	20.569	24.460
„ „ „ на Украине [2])	—	—	—	18 369
Выработано сах. песка пуд.	1.958.660	2.672.770	1.935.804	2 581.815
„ „ „ „ на Украине	1.682.400	2.200.900	1.570.700	1.984.500
Выработано на сумму в руб.	11 907.670	13.472.195	10.364.700	14 079.100
„ „ „ „ на Украине	10.110.450	10.896.025	8.295.030	10.442.000
Ценность строений и снарядов в рублях	20.079.400	23.371.600	26.233.500	26.577.000
Ценность строений и снарядов в рублях на Украине	14 975.800	17.501.400	19.652.000	20.223.000
Рабочих мужчин	43 238	49.323	45.968	44.834
„ „ на Украине	26 767	30.032	29.898	28.229
„ женщин	20.581	19.841	20.921	18.626
„ „ на Украине	15.817	15.205	16.330	13.980
„ подростков	7.318	8.372	7.390	5.910
„ „ на Украине	5.704	6.524	6.010	4.587
„ всего	71.137	77 536	74.279	69.370
„ „ на Украине	48.285	51.718	52.238	46.496

[1]) Отчет Скалона за 1860—61 гг. не удалось найти в архиве.

[2]) За 1857—58, 1858—59 и 1859—60 гг. для Украины не были выбраны данные.

Не взирая на колебания в размере продукции из года в год, в зависимости от большего или меньшего урожая свеклы, по основным показателям происходит дальнейшее развитие свеклосахарной промышленности. Заметно возрасла посевная площадь под свеклой, увеличилось число заводов, в особенности паровых. Показатели, характеризующие техническое оборудование свеклосахарных заводов, неуклонно росли из года в год, число лошадиных сил почти удвоилось за это пятилетие. Колебания в сборе свеклы, в размере продукции сахара не могли приостановить постоянного и неизменного роста технических показателей. В связи с появлением новых технически-более совершенных заводов и с переоборудованием старых, повышалась и ценность строений и снарядов; капитал вложенный в заводское строительство возрос заметно.

Вследствие усовершенствования техники производства, число рабочих, занятых в свеклосахарной промышленности мало увеличилось, в последнем году даже резко сократилось, очевидно в связи с крестьянской реформой. Рост числа заводов, рост продукции не вызвал соответственного увеличения рабочих рук.

Удельный вес Украины по основным показателям оставался на таком уровне: (в %%):

	1857—58 гг.	1858-59 гг	1859—60 гг.	1861—62 гг.
По посеву заводской свеклы .	77,0	74,4	78,9	76,1
По сбору свеклы	84,5	80,4	79,9	77,2
По покупной свекле	74,6	71,2	72,3	65,5
По переработанному количеству свеклы	81,0	79,2	76,7	72,4
По числу заводов	57,6	59,8	58,6	52,5
По количеству паровых заводов	—	—	—	74,0
По продукции сах. песка .	85,9	82,4	81,6	76,9
По числу рабочих	67,9	65,9	70,5	65,6

На Украине находилось заводов немного более половины, но они давали свыше $^4/_5$ всей продукции сахара. В 1861/62 г.г. доля Украины в продукции сахара относительно упала. Крестьянская реформа гибельно отразилась на многочисленных заводах сел. хоз. типа Черниговщины, Полтавщины, Подолии. В связи с этим понизился удельный вес Украины по числу заводов, по продукции и по количеству рабочих.

О концентрации свеклосахарной промышленности за последнее пятилетие изучаемого периода говорят следующие цифры:

	Число заводов с возможной производительностью за 100 дневный период		
	1858—59 гг.	1859—60 гг.	1861—62 гг.
Свыше 10.000 пуд. сах. песка	20	25	22
„ 5.100 „ „ „	101	101	100
„ 1.100 „ „ „	252	237	222
Менее 1.100 „ „ „	27	26	11

В 1856/57 гг. крупных заводов (свыше 10.100 пуд.) было только 12, за 5 лет число их удвоилось; число средних заводов удержалось на устойчивом уровне, наоборот мелкие и карликовые заводы стали сокращаться.

Для карликовых заводов был особенно гибелен 1861/62 гг. первая свеклосахарная кампания после освобождения крестьян. Карликовые заводы жили барщиным трудом, отнятие барщины лишило их базы существования. Приведенные данные в связи с ростом паровых лошадиных сил достаточно ясно характеризуют процесс концентрации свеклосахарной промышленности. Этот процесс должен был пойти еще более быстрым темпом после освобождения крестьян, когда помещичье хозяйство лишилось дарового труда.

Процесс концентрации свеклосахарной промышленности в изучаемую эпоху проявлялся и в другой форме. Н. Вернадский в одном из примечаний к переводу книги Тенгоборского—О производительных силах России (1858 г.) пишет:

«Размеры заводов бывают различные. У нас есть паровые коммерческие заводы, которые, составляя $^1/_7$ числа всех, выделывают от половины до $^2/_3$ всего сахара... Вообще почти везде большие заводы окружены малыми, сбывающими на них свой песок и патоку и учащимися у них. Эти заводы составляют некоторым образом особенность нашего хозяйства. Соседние заводы, вместе взятые образуют как бы отдельные группы, на которые и можно разбить по географическому распределению свекло-сахарную промышленность» [1]). Наблюдалось интересное явление: мелкие заводы сосредоточивались вокруг крупных, служивших для них рынком сбыта, с другой стороны обучавших их процессам производства. Благодаря отрезанности от рынка, эти заводы-спутники являлись как бы подсобными предприятиями для крупных коммерческих единиц. Вотчинные сельскохозяйственные заводы, огневые, под влиянием рынка, попали в зависимость от паровых коммерческих заводов. Этот процесс концентрации обуславливался трудностью сбыта на потребительском рынке сахарного песка. Зависимость песочных заводов от рафинадных, наметившаяся в изучаемый период, продолжала существовать и в последующее время, вызывая противоположные интересы в среде сахарозаводчиков.

Для того, чтобы охарактеризовать положение свекло-сахарной промышленности по районам накануне крестьянской реформы, используем интересную таблицу Андреева, близко знавшего свекло-сахарную промышленность своего времени. Кстати его таблица относится к 1860/61 г.г., за каковой период нам не удалось найти отчета Скалона. (См. таблицу на стр. 187).

Размер продукции установлен Андреевым на основании действительных, а не акцизных норм выхода, поэтому, его цифра значительно выше тех, какие мы находим в отчетах Скалона за смежные годы.

Обозрение приведенной таблицы показывает, что по размерам продукции сахара и средней выработки на завод Правобережье занимало резко выраженное господствующее положение. На Правобережьи особенно выделялась Киевщина, в меньшей мере Подолия; что касается Волыни, то по уровню свекло-сахарного производства ее следовало бы отнести ко второму и даже третьему району.

Во второй район с достаточно развитой свеклосахарной промышленностью вошло Левобережье Украины и Курщина. Этот район превосходил размерами продукции Подмосковный, но по средне-заводской выработке равнялся Подмосковному. Для Левобережного района характерно большое число сахарных заводов. По числу заводов этот район стоял впереди других, в частности, обилием заводов отличалась Черниговщина. Подмосковный, старый свеклосахарный район, к шестидесятому году потерял

[1]) Тенгоборский—О производительных силах России перев. с допол. и примечан. Н. В. Вернадского. Спб. 1858.

Деятельность свекло-сахарных заводов в 1860 — 61 гг.[1]).

Губернии	Имелись свед. о действ. завод.	В том числе		Не имели действия	Продолжительн. работ в днях			Выработ. песка	Выработ. песка на 1 завод.
		Пар.	Огнев.		Мин.	Макс.	Сред.		
I. Правобережные.									
Киевская	74	62	12	35	14	211	142	1.877.848	25.576
Подольская	32	24	8	21	79	226	146	530.644	16.587
Волынская	7	4	3	4	60	189	135	99.189	14.170
	113	90	23	60	14	226	143	2.507.681	22.192
II. Левобережные.									
Черниговская	66	10	56	49	13	173	77	316 291	4.792
Харьковская	31	18	13	24	25	186	84	203.921	6 578
Подольская.	19	2	17	16	15	162	59	97.529	5.133
	116	30	86	89	13	186	76	567,741	4.894
III. Центральные.									
Курская	26	6	20	24	19	125	75	196 013	5.616
Тульская	39	8	31	28	10	153	51	159.584	4.092
Орловская	15	5	10	12	21	198	102	151.467	10.098
Калужская	10	2	8	7	11	135	66	44 170	4.417
Рязанская	7	2	5	6	3	58	24	16.178	2.311
Московская	1	1	—	1	—	20	20	1.250	1.250
	98	24	74	68	3	198	60	568.653	5.803
IV. Восточные.									
Воронежская	14	6	8	14	2	79	37	95.865	6 848
Тамбовская	13	6	7	8	10	113	47	81.515	6.270
Пензенская	12	4	8	10	5	68	31	24.704	2.059
Нижегородская	1	—	1	1	—	13	13	562	562
Саратовская	2	—	2	2	46	52	49	7.680	3.840
	42	16	26	35	2	113	38	210.326	3.916
V. Западные.									
Могилевская	8	2	6	6	27	119	65	27.551	3.444
Минская	7	1	6	7	4	107	39	17.870	2.553
Смоленская	1	—	1	1	—	80	80	1.960	1.960
Гродненская	1	—	1	1	—	12	12	80	80
	17	3	14	15	4	119	52	47.461	2.792
VI. Южные.									
Бессарабская	1	1	—	1	—	9	9	563	563
Всего . . .	387	164	223	269	2	226	87	3.902.432	10.083

свое значение и числом заводов и размерами продукции он значительно уступал первым двум районам. В восточном районе выделялись размерами продукции только две губернии—Воронежская и Тамбовская. По средне-заводской выработке они даже превосходили Левобережье. Для этого района весьма характерно небольшая продолжительность производства—38 дней, в третьем районе 60 дней, в первом даже 143 дня. Запад-

[1]) См. обзор различных отраслей мануфактурной промышленности 1862. Ч. I, стр. 19 и д.

ный район ни по числу заводов ни по сумме продукции, ни по среднезаводской выработке не играл сколько нибудь заметной роли накануне освобождения крестьян. Этот район не имел никакой будущности. Свеклосахарная промышленность здесь падала. В Бессарабии был всего один завод, в этом южном районе свеклосахарное производство представляло случайный эпизод.

Выработка песка на один завод составляла 10,083 п. При средней продолжительности производства в 87 дней, получим суточную производительность одного завода в 116 пуд. в среднем, что соответствует суточной переработке свеклы в 232 берк. при тогдашнем выходе сахара в 20 ф. На Правобережной Украине суточная переработка подымалась до 271 берк. В 1848 г. средняя выработка сахара одного завода равнялась 3,075 п. Если принять среднюю продолжительность производства в этом году равной тем же 87 дням, тогда средняя суточная производительность завода выразится в 35 пуд. сахара, что при тогдашнем выходе сахара в 14 ф. составит суточную переработку свеклы в 100 берк. Таким образом, за двенадцать лет суточная производительность сахарных заводов увеличилась в два раза слишком. Это свидетельствует о значительном прогрессе свеклосахарной промышленности накануне крестьянской реформы.

В первом районе преобладали паровые заводы: на 113 было огневых 23; во всех остальных районах было больше огневых заводов. Андреев, сопоставляя количество паровых и огневых заводов, выводит такие показатели технического прогресса свекло-сахарной промышленности: в период 1848/49 гг. песок производился почти исключительно огневыми заводами, на 100 таких заводов было только 13 паровых, в кампании 1860/61 г.г. уже 61 паровых. Производство на огневых заводах отличалось столь большими неудобствами, что огневые заводы мало по малу закрывались или перестраивались на паровые.

В кампанию 1860/61 г.г. закрыто 22 завода, из них огневых 21 и только 1 паровой, уничтоженный пожаром. Значение паровых заводов вырисовывается еще более, если примем во внимание продукцию: добыто песка в 1860/61 гг. 164 паровыми заводами 3,3 милл. пудов, 223 огневыми— только 600 тыс. пуд. Таким образом, процесс вытеснения паровыми заводами огневых начался до крестьянской реформы; в момент этой реформы господствующее положение паровых заводов ясно обозначилось. Отмена крепостного состояния ускорила наметившийся процесс.

В Германском таможенном союзе в кампанию 1860/61 г.г. действовало 247 свекло-сахарных заводов с продукцией 126 тыс. цент. или 7,7 милл. пудов [1]), что давало на один завод 5,122 центн. или 31,2 тыс. пуд. Во Франции в 1860/61 г.г. было произведено сахара 1.069 тыс. квин. или 6,5 милл. пуд. Заводов Франции в 1862/63 г.г. было в действии 362 [2]). И теперь Россия по численности заводов стояла впереди других стран, наоборот, размеры продукции ее были почти в два раза ниже, чем в Германии и во Франции. Андреев приводит такие данные о работе средней производительности свеклосахарного завода во Франции: она поднялась с 3,9 тыс. п. в 1844 г. до 28 т. п. в 1858 г., в Германии 6,5 тыс. п. в 1843 г. до 30 т. п. в 1858 г. [3]). Это сопоставление ясно показывает мелкие размеры нашей свекло-сахарной промышленности. Только в одной Киевской

[1]) Classen.—Die Zückerfabrikation. 1901. S. 326.

[2]) Paasche.—Zückerindustrie ünd Zuckerhandel der Welt. Jena. 1891. S. 61.62 Для календарного года в 1861 г. мы имеем во Франции более вескую продукцию 140 тыс. тонн. См. Enquête sur la question de limpôt du sucre a la condition. Paris, 1872. p. 111. Mouvement de la production du sucre indigéne.

[3]) Обзор различных отраслей мануфактурной промышлен. Спб. 1862 г. Ч. I, стр. 39.

губ. свеклосахарные заводы по своей производительной мощности приближались к западно-европейскому уровню.

Для оценки роли свекло-сахарной промышленности в народно-хозяйственном балансе России и Украины приведем данные о положении всей фабрично-заводской промышленности накануне крестьянской реформы. В трудах Комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного, имеется такая ведомость о фабриках и заводах (по сведениям департамента мануфактуры и внутренней торговли, за 1860 г.)[1]).

Губернии	Число фабрик и заводов	Стоимость выдел. издел. в рубл.	Число рабочих
Волынская	651	2.420.033	5.130
Екатеринославская	506	3.188.727	5.439
Киевская	236	14.443.254	32.135
Подольская	246	1.906.740	3.907
Полтавская	238	1.056.828	8.835
Таврическая	190	702.959	1.421
Харьковская	330	4.967.999	12.120
Херсонская	167	2.565.889	3.805
Черниговская	245	3.085.993	12.257
На Украине	2.709	34.338.422	85.139
Во всей России	15.388	292.549.388	565.142

На первом месте, по стоимости продукции и по числу рабочих стояла Киевская губ., достигшая столь большого развития свеклосахарной промышленности. Выделялись высокими размерами продукции и значительным числом рабочих (свыше 12 тыс.) две свекло-сахарных губернии— Харьковская и Черниговская. В Екатеринославской и Херсонской губ.— будущем районе горной и металлургической промышленности, мы находим ниже средний размер стоимости продукции и ниже среднее число рабочих. Таким образом, индустриальным центром Украины в шестидесятых годах была Киевщина. В позднейшую эпоху этот центр передвинулся в Донецкий бассейн. Отсюда ясно видно, что в изучаемую эпоху в народно-хозяйственном балансе доминирующее значение принадлежало свекло-сахарной промышленности; она налагала свой отпечаток на всю украинскую индустрию.

Продукция сахара всей Украины, по данным Андреева, определялась для 1860/61 г.г. в 3,1 милл. пудов. Сахарный песок продавался в это время по 5—6 руб. за пуд. Если взять среднюю цену в $5^1/_2$ р. получим 18,2 милл. руб., т. е. свеклосахарная промышленность давала более половины ценности продукции всей украинской фабрично-заводской промышленности.

Роль и значение свекло-сахарной промышленности на Украине в деле использования рабочих видны из такого сопоставления: из 85 тыс. рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности, на долю свеклосахарной приходилось 52 тыс. человек, почти $^2/_3$.

В общероссийском народно-хозяйственном балансе свекло-сахарная промышленность составляла всего только 7,3% от ценности продукции общероссийской фабричной промышленности и 13% от общего числа фабричных рабочих.

В историческом процессе развития нашей свекло-сахарной промышленности надлежит различать два типа свекло-сахарных заводов; один

[1]) Труды Комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Ч. II. Спб. 1863 г., стр. 303—331.

сельско-хозяйственный, другой — коммерческий [1]). Сельско-хозяйственные сахзаводы служили подсобной ветвью поместья на ряду с другими отраслями сельско-хозяйственного промысла, как, напр., скотоводством, винокурением. Иногда такие заводы составляли основное и главное предприятие, какому были подчинены все силы помещичьего хозяйства. Сельско-хозяйственный тип сахарного завода возникал или на почве стремления повысить доходность малосильного и незначительного имения для удовлетворения жизненных потребностей владельца или для использования продуктов и рабочих рук, не находивших употребления на месте; например, в одном имении отсутствовал рынок сбыта для зернового хлеба, нужно было заменить его корнеплодом,—в другом в изобилии находился лес, на который не было спроса на месте; в третьем было много лишних рабочих рук, не находивших применения в сельском хозяйстве. Свекло-сахарный завод сельско-хозяйственного типа служил для таких имений средством для превращения малоценных, громоздких продуктов, не имевших сбыта на месте, в ценный, транспортабельный фабрикат с емким рынком сбыта. С другой стороны, свекло-сахарная отрасль и по характеру производственного процесса и по размерам рынка сбыта носит фабричные черты и вполне пригодна для рентабельного помещения крупных капиталов. Такого рода заводы могли устраивать только лица, располагавшие значительными свободными капиталами.

Огневым заводам очень много внимания уделил в своей записке Грум-Гржимайло. «Из опыта известно, что паровое производство предпочитается огневому, а содержание заводов на коммерч. основаниях более прибыльно, чем на сельско-хозяйственных, где заводские работы исполняются барщиной. Мне случалось слышать суждения заводчиков насчет выгод от малых огневых заводов. В них выразилось совершенное противоречие,—но большая часть отзывов не в их пользу. Положительно говоря об убыточном производстве на малых огневых заводах, утверждают, что весьма многие из них закроются, не ожидая того времени, когда правительство установит более сообразные и на иных началах правила взимания акциза.

Необходимость к закрытию таких заводов встретят они с освобождением крестьян из под власти помещиков. Некоторые того убеждения, что хотя бы освобождение крестьян не вредило, а напротив благоприятствовало свекл. промышленности, то и в таком случае заводы эти не могут существовать. Известно, что и при нынешних благоприятных условиях, производство на них более убыточно, чем прибыльно, потому что помещик, занявшись заводом, без достаточных средств, непременно теряет на других статьях сельск. хозяйства; а если и в настоящее время некоторые усиливаются продолжать производство на их заводах, никуда не годных, то это потому только, что такие заводчики при ошибочных расчетах издержкам и прибыли, обманывают себя. Они обыкновенно не ставят в расчет труд крестьян, работающих барщиною, леса и разных других материалов, доставленных имением. Таких заводчиков и заводов не следует щадить, а тем более предоставлять им льготы и тому подобное. Они вредят себе, своему имению и свекло-сахарн. промышлен. Последней тем, что нуждаясь в наличных деньгах для покрытия неотложных издержек, сбывают свой сахарный песок по дешевой цене, и тем действуя в подрыв заводчикам, с рациональным на их заводах производством, мешают правильному развитию торговли».

[1]) Л. Ц. И. Ар. 1854 № 26387. Дело Госуд. Совета Д. Э. о понижении пошлины на сахар-сырец. Записка о нынешнем состоянии свекло-сахарной промышленности.

Тот же Грум-Гржимайло приводит более благоприятный отзыв Бобринского о малозначительных огневых заводах. По мнению последнего, и «такие заводы могут приносить неоспоримую пользу владельцам и стране. Все зависит от того, как управляется завод, потому что при малых размерах можно расчитывать на значительную прибыль, если работы и все вообще производство ведется рационально, снаряды в хорошем состоянии, владелец избегает барщины, ведет учеты, содержит рабочих и мастеров знающих дело. На таких заводах, устраиваемых по большей части экономическими средствами, из непокупных материалов, снаряды приобретаются недорогие, доставка и установка их не затруднительна и дешево стоит, а самое производство, не будучи столь многосложно как паровое, требует несравненно менее издержек. Выделываемый на таких заводах сахарный песок часто не уступает в качестве добытому на паровых заводах. Так что выгоды от производства на паровых и огневых заводах почти уравниваются. Конечно, это нельзя было бы сказать, если бы один раз пущенный большой паровой завод не прекращал своего действия, но к сожалению остановки бывают часты по причине порчи снарядов, машин и аппаратов. Издержки на ремонт обыкновенно значительны, а иногда доходят до таких громадных размеров, что нередко поглощают всю прибыль получаемую с производства. Не имея своего собственного механического заведения или в ближайших к заводу местах, заводчик рискует потерять всю заготовленную свекловицу, так как доставка аппаратов из-заграницы требует много времени, не говоря об издержках. Малозначительные огневые заводы полезны для страны тем, что делают доступным фабричное дело для самых малых средств и разносят выгоды по большому пространству и между огромным населением. При предстоящем пересмотре Устава об акцизе, как полагает Бобринский, следует обратить особое внимание на малозначительные заводы. Их следует щадить, иначе прогресс свекл. промышленности неизбежно остановится. Всякий рад был бы устроить у себя большой паровой завод, да не каждому позволяют средства. При первой же возможности заводчик или перестроит прежний, или же воздвигнет новый завод. Но, если акциз будет взиматься несоразмерно с силами малозначительных заводов, без сомнения, они закроются. Правительству нет нужды прибегать к стеснительным мерам с целью прекратить расширение невыгодного производства на худо устроенных заводах. И без того такие заводы закрываются, как это видим на самом деле. Вообще нельзя не согласиться с мнением Бобринского, но в частности, едва ли оно будет безусловно справедливо. Неоспоримо, что заводчики и от малозначительных огневых заводов не лишены выгод; а если производство идет рационально, то пожалуй, они могут соперничать в прибыли, получаемой заводчиками парового производства; но, во-первых, не много найдется у нас таких огневых заводов, на которых работы идут рационально, во-вторых, существуют еще и такие заводы, которые почти не приносят пользы заводчикам. Если такие заводы рано или поздно закроются сами собой, то в таком случае, нет надобности сберегать их».

Мнение Бобринского основывалось по существу на том, что в паровых заводах бывают остановки по причине порчи снарядов и машин и трудности ремонта. Небольшое число механических заведений, в то время, задерживало распространение паровых заводов. И у Бобринского все-таки сквозила мысль, что гибель огневых заводов—вопрос времени. Нет нужды форсировать этот процесс мерами экономической политики. Наоборот, сотрудник Главного Инспектора свекло-сахарной промышленности Грум-Гржимайло приходил к тому выводу, что «нет нужды оберегать их;

другими словами, он выступал сторонником принципа laisser faire, laisser passer.

В коммерческом типе свеклосахарного завода на первый план выдвигалось промышленное предприятие; оно приносило прибыль, значительно превышавшую доход от всего поместья, ему служили все производительные силы имения. Его можно назвать осью, вокруг которой вращалась вся хозяйственная жизнь имения. Встречались коммерческие заводы, несвязанные с имением; иногда они устраивались капиталистами, не имевшими поместий или содержались арендаторами, независимо от имений. «Первоначально промышленность носила, пишет неизвестный автор [1]), на себе отпечаток чисто земледельческий и потому нашла сочувствие только между помещиками. Очевидно, что так как влияние ее прежде всего должно было отразиться на сельском хозяйстве, то она только с целью улучшения имений и была предпринимаема каждым хозяином. Действительно в таком виде, т. е. хозяйственной сельской статьи, существовали все наши заводы с самого начала своего и долго потом, почти до 1830 г.; тогда старались исправлять все работы домашними экономическими средствами: завод строился из своего материала и своими рабочими, мастеровыми были свои крепостные люди, обученные этому мастерству; свекловица не покупалась, а засевалась экономиею. Представителями промышленности в первые периоды явились по порядку, Бланкеннагель, Гергард и потом Мальцев. Наконец, когда она довольно окрепла и усвоилась с понятиями жителей и самое искусство сахароварения, обогатившись открытиями и опытом как наших заводчиков, так и иностранных, достигало до некоторых твердых начал, тогда добывание сахара из свекловицы перестало считаться второстепенною хозяйственною статьею и сделалось предметом фабричного производства. При энергичном участии гр. А. А. Бобринского, оно приняло более обширное движение и направление чисто промышленное. Гр. Бобринский, как первый предприимчивый основатель производства в обширном виде и просвещенный русский сахаровар, водворил его потом в Киевской губ., где оно начало вторую и лучшую эпоху своего существования и оттуда, опираясь уже на твердых началах и поощряемое успешным примером, распространилось далее на запад, преимущественно развивая свой промышленный и фабричный характер».

Значит, Киевская губ. являлась центром коммерческого сахароварения. Коммерческий тип заводов играл доминирующую роль в Украинской полосе, за небольшими исключениями. В северной полосе обнимающей губернии Тверскую, Калужскую, Смоленскую, Тульскую, Рязанскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Орловскую, Курскую, часть Черниговской и Воронежской, сахарные заводы принадлежали преимущественно к сельско-хозяйственному типу [2]).

Эти два типа свекло-сахарных заводов отличались экономическими и

---

[1]) Взгляд на свекло-сахарную промышленность в России. Журн. Мануф. и вн. торговли. 1853 г., кн. I, стр. 72. Очень интересная и ценная статья, повидимому, написанная лицом, близко стоявшим к департаменту мануфактуры и вн. торговли.

[2]) Н. Вернадский так характеризует в конце 50-х годов два типа свекло-сахарных заводов: «Между заводами заметна значительная разница, смотря по тому преобладает ли в них сельско-хозяйственный или фабричный дух: заводы первого рода бывают при имениях, они несовершенны, пробавляющиеся домашними средствами и не ведут строгой отчетности; вторые, обыкновенно совершенно отделены от имений, усвоили приемы более правильного счетоводства и т. п. Первые существуют более на севере, вторые на юго-западе фабричной полосы нашей». См. Тенгоборский—О производительных силах России. Пер. с дополн. и примеч. Н. В. Вернадского. Спб. 1858 г., прим. стр. 122.

техническими условиями производства. Владельцы сахарных заводов сельско-хозяйственного типа прилагали все усилия к тому, чтобы производство не выходило за пределы домашнего хозяйственного круга, «чтобы материалы, свекловица и лес, рабочие и мастера могли быть доставляемы имением, чтобы ремонт завода и поправки посуды делались на месте своими людьми» [1]).

Нужный для заводского производства капитал не имел обособленного существования, а извлекался из общих средств имения. Обычно, работы на таких заводах исполнялись барщиной. Если крепостным и назначалась плата, то последняя также, как и излишние дни, заработанные крестьянами против барщинной повинности, шла в зачет за его семью, за извоз и другие повинности. Крестьянин получал плату только за свеклу, посеянную на его поле или огороде. Что собой представляли заводы сельско-хозяйственного типа, в начале 50-х годов, это хорошо описал не раз цитированный автор в Журнале Мануфактуры и Торговли [2]):

«Заводские здания большей части деревянные, построены как вздумалось хозяину или как позволили средства, и при том невсегда нарочно для этой цели, но или старый дом, или конюшня, или ветхий плетневой сарай, или какое либо другое излишнее строение обращены в сахарные заводы. Добывание сахара производится в них какими-нибудь деревянными винтами или рычагом в роде длинного бревна, или мельничным колесом с нажимом. И при всем том здесь приготовляется иногда чистый белый песок высокого качества. Недавно еще были заводы: один, занявший место домашней кухни, а другой построенный вместе с водяною мельницею и приводимый в движение одним колесом, служившим и для выжимания свекловицы и помола муки. Этот завод существовал в Подольской губ. и в нем переваривалось рафинада или полурафинада, в количестве 70—100 пуд. Заводом управлял дворовый человек, а в отсутствие его, работы производились под надзором жены его, взятой из крестьян и неграмотной. В некоторых местах Черниговской губ., за недостатком медных или глиняных форм, употреблялись на некоторых заводах для разливания утфеля старые пчелиные ульи».

Другой автор близко знакомый с свеклосахарной промышленностью по тому же вопросу писал в 1860 г. [3]): «строительная часть заводов только с недавнего времени стала обращать на себя внимание наших заводчиков. Прежде она была в совершенном небрежении. Заводы строились деревянные, крытые соломою, иногда тесом или переделывались из ненужных экономических строений, и нередко сараи, скотные дворы, обнесенные плетнем, обмазанные глиной обращались под заводы. Если же встречались и большие каменные здания, то нельзя было не заметить в них отсутствия правильного, рационального размещения и ошибок в размерах. На иных заводах от излишней бережливости не доставало тех или других снарядов, аппаратов и посуды; на других же, вследствие

[1]) Взгляд на свеклосах. промышленность... стр. 75. Домонтович писал: «При сельско-хозяйственном устройстве помещики-сахаровары, не заботясь о том, во сколько обходятся материал и труд, старались более всего о том, чтобы необходимый капитал для заводских работ извлекать из ненадежного фонда—земли; отдельных же капиталов для производства у них не составлялось. От этого главное внимание заводчиков обращено было на то, чтобы все необходимое на заводе производить так называемыми домашними средствами, и все работы исправлять барщиною. Отсюда техническая сторона таких заводов обыкновенно находилась в весьма неудовлетворительном состоянии, и все работы исполнялись кое-как, нехотя». Черниговская губ.——стр. 331.

[2]) Взгляд на свеклосахарную промышленность в России, стр. 78.

[3]) Грум-Гржимайло.—О свекло-сахарной промышленности и развитии ее в России. Труды Вольно-Экономического Общества 1860 г., кн. I, стр. 69—70.

несообразной расточительности, без всякой нужды их было много. Печи складывались по большей части наугад, без соблюдения необходимых условий. Они трескались и дымили, трубы обваливались, падали. И все это неудивительно, если примем в соображение, что составление планов, смет для постройки заводов, а также снабжение их машинами, снарядами и проч. поручали людям не-сведующим, без надлежащих познаний и опытности в такого рода делах. Более всего терпели и несли значительные убытки те из заводчиков, которые по безпечности или незнанию не принимали при постройке заводов мер предосторожности от пожара. В течение 11 лет, т. е., со времени введения акциза истреблено пожаром 51 завод, не считая повреждений от пожарных случаев. Кроме того, многие из заводов, построенные кое-как на скорую руку, пострадали от бурь и наводнений. При сильном порывистом ветре, соломенные крыши не в состоянии были выдерживать, взлетали на воздух, плетни с подгнившими столбами падали, вода нередко уносила за собой целый завод. Такое несчастье тем более было гибельно и убыточно для заводчика, что свекловица, не потерпевшая от бури и пожара по разрушении завода, оставалась без ценности по причине скорой ее порчи. Хотя владельцы малозначительных заводов не всегда имеют в виду одну прибыль от сахароварения, а главная цель их состоит в том, чтобы сделать имение более доходным, порастратив свои капиталы на постройку завода, они впадают весьма часто, от таких несчастий, в крайнюю невозможность построить новый завод».

Из 380 заводов, действовавших в 1851/52 г.г., числилось около 200 заводов сельско-хозяйственного типа. Цитированный нами автор пятидесятых годов полагал, что общее количество сахара, выделываемое на всех заводах, свободно могло бы быть выработано на 140 заводах, таким образом 240 являлись излишними, обреченными на исчезновение.

Как могли выдерживать конкуренцию эти сельско-хозяйственные заводы с коммерческими заводами, построенными по последнему слову иностранной техники, с огромными затратами капиталов, управляемые опытными сахароварами-иностранцами? Об'яснение этого странного явления нужно искать в условиях натурального хозяйства. Наличие бесплатного труда крепостных, потребление своего сырья и топлива, местный рынок сбыта, стоявший вне опасности конкуренции из-за отсутствия удобных путей сообщения—все это поддерживало существование столь мелких и технически отсталых заводов.

Мелкие сельско-хозяйственные заводы имели твердую опору в их тесной связи с основной отраслью народного хозяйства—земледелием.

Некоторые мелкие заводы поддерживались еще тем, что они сбывали свои пески и патоки на соседние коммерческие заводы. «Близкое положение заводов больших и малых не только не вредно, пишет современник, но даже более полезно» [1]). «Малые заводы, напр., сбывают на паровые заводы патоку, которую сами не в состоянии переварить на голом огне, как было в Киевской губ. на заводе в с. Грушевке, или продают свои пески большим заводам на рафинировку и тем сокращают время и издержки провоза в Москву или другие отдаленные места. Большие заводы служат для малых также школою, где последние могут видеть все новые улучшения и нанимать мастеров, и взаимно первые могут находить пользу в существовании малых, покупая пески, часто свекловицу; если при неурожае ее последние находят невыгодным самим ее перерабатывать».

---

[1]) Взгляд на свекло-сахарную промышленность, стр. 92.

Такой симбиоз, выгодный для обоих сторон, поддерживал до поры до времени мелкие заводы.

Упадок мелких заводов все же стал наблюдаться в пятидесятых годах. Применение пара, как и в других отраслях промышленности, так и в свекло-сахарной, обеспечивало победу крупным предприятиям. Упадок мелких заводов обратил на себя внимание уже в 1850 г. Варшавского Общества Сельского Хозяйства, которое даже поставило на очередь вопрос о борьбе с сахарным кризисом [1]).

Окончательный удар этим заводам нанесла крестьянская реформа и затем проведение железных дорог.

Среди помещиков находилось много сторонников заводов сельскохозяйственного типа. Напомним, что и Комитет сахароваров носился с идеей выработки типа такого сахарного завода, который мог бы быть рентабелен для мелких имений. Один из защитников таких заводов Ханенко писал [2]): «имея какой нибудь важный источник для завода в своем имении, как то: людей, свекловицу или лес, помещик с выгодою может быть учредителем такого завода, который откроет ему средство сбыта главного его продукта и других материалов. Учреждение таких заводов потребует небольших капиталов от 3.000 до 5.000 руб. серебром. Все же окружные жители сделают кредит за поставку своей свекловицы до продажи сахара, ибо дело будет почти общее; следовательно здесь не потребуется таких значительных издержек; какие должны делать учредители заводов на коммерческом расчете». Ханенко прекрасно понимал опасность конкуренции крупных свеклосахарных заводов, поэтому далее он пишет: «процветанию и учреждению таких заводов угрожают огромные паровые заводы, что уже осуществляется на деле и что уже привело в страх все наши небольшие заводы. Получая на паровых заводах выход песка в $1^1/_2$ раза более противу заводов, действующих огнем, владельцы первых будут сбывать свой продукт ценою дешевою, при которой не смогут существовать другие свекло-сахарные заводы. А потому, если признать нужным для развития свеклосахарной промышленности учреждения небольших заводов, то надобно выгоды их уравнять с выгодами огромных паровых заводов». Вопрос об уравнении выгод мелких, огневых заводов был поставлен в начале 60-х годов при обсуждении проекта нового устава об акцизе на свекловичный сахар.

Что же представляли собою в изучаемую эпоху крупные коммерческие заводы? К одним из лучших заводов такого типа нужно отнести завод бр. Яхненко и Симиренко. Вокруг их завода сосредоточивался целый промышленный городок. Современник, посетивший этот городок возле с. Млиева, так описывает его: «кроме величественного семиэтажного здания песочного и рафинадного завода для выделки сахара на 260 десятинах арендной земли у кн. Воронцова, устроено было до 150 домов для служащих, каждый с особою усадьбою, огородом и садом... В городке красовалось громадное здание—«главная контора»,—в которой кроме заведывания делами фирмы, за отсутствием в то время банков в крае принимались деньги в заем на узаконенные проценты и выдавались из конторы тратты. В городке был свой театр, паровая мельница, машиностроительный завод, на постройку и покупку машин коего затрачено было около полумиллиона. В заводе и в городке было газовое освещение, каковым благом пользовались в те годы два или три города в России» [3]). Стои-

---

[1]) Приложения... стр. 28—29.

[2]) Ханенко... 243—244.

[3]) Клебановский—Воспоминания о фирме бр. Яхненко и Симиренко, Киевская Старина, т. III, 1896. Киев, стр. 103.

мость Городищенского завода Яхненко и Симиренко, Кнюпфер, посетивший его летом 1851 г., определял в 1 милл. руб. серебром[1]). Городищенский завод был расчитан на переработку 200 тыс. берковцев свекловицы и выделку 400 тыс. пуд. рафинада. Все машины для завода были куплены за-границей. Для того, чтобы обеспечить беспрестанную работу производственного механизма фирме пришлось устроить механическое подсобное заведение. Для его оборудования выписаны были токарные и строгальные станки из Франции, Бельгии и даже Англии. Это заведение обслуживало не только заводы фирмы, но частично и весь свеклосахарный район Киевщины. Основателями этой фирмы, гремевшей по всей России, были выходцы из крепостных, люди неграмотные или малограмотные. Нужный для свекло-сахарного производства капитал был накоплен в торговле. Учредители фирмы Яхненко и Симиренко, уроженцы Киевской губ., один м. Смелы, другой — Городища — будущего свеклосахарного района, занимались первоначально скупкой и продажей кожсырья. Это та отрасль торговли, где работал мелкий капитал скупщика. Позднее Яхненко и Симиренко перешли к аренде мельниц и торговле пшеницей, в частности, и отпуску ее на внешний рынок. Это была более широкая торговая деятельность, приносившая и более значительные барыши. Работая в свеклосахарном районе, эти сметливые крестьяне занялись сбытом рафинада с завода Бобринского.

Торговля рафинадом доказала выгодность новой отрасли промышленности, с которой достаточно ознакомились эти расторопные и предприимчивые торговцы. Их племянник Платон Симиренко, получивший образование в Одесском пансионе, познакомился с служащими на Смелянском заводе, в частности, с молодым практикантом Седгофером, в последствии известным сахарозаводчиком. Седгофер открыл ему громадные выгоды свеклосахарной промышленности и ее блестящую будущность в крае. Симиренко вместе с Седгофером поехал за-границу, где ознакомился с усовершенствованными способами производства сахара. Приобретши знания в новой отрасли производства Платон Симиренко стал убеждать своих дядей приступить к постройке сахарного завода.

Капитал был накоплен, он искал выгодного помещения. Совокупность обстоятельств того времени направила капитал в эту столь многообещающую отрасль промышленности. Первый песочно-рафинадный завод фирмой был устроен в Ташлыке в 1843 г. в имении Березовских. Успешное начало заставило фирму развернуть дело шире и построить описанный нами Городищенский завод в Мощно-Городищенском имении кн. Воронцова. С каким размахом был устроен завод, ярко свидетельствует следующий факт: как то посетил завод известный и крупный сахарозаводчик гр. Бобринский. По осмотре завода, последний сказал К. Яхненко: «что будешь делать Кондрат Михайлович, когда ты обанкрутишься, сильно уж ты повел свое дело, много уже у тебя роскоши, много ты тратишь денег на свое производство». Яхненко ответил ему по мужицки: «буду чоботы шить, як жив перше, та шкури мнять... А що Ви будите робити, як не дай боже, обанкрутитесь».

---

[1]) Ад.-проф. Кнюпфер—Агрономическое путешествие по губ. Киевской и Полтавской летом 1851 г. Журн. Мин. Госуд. Им. 1852 г., кн. X, стр. 92. У Фундуклея находим такое об'яснение столь значительных затрат капитала на устройство завода: «огромность капитала, положенного на устройство завода, об'ясняется значительными размерами предприятий и необходимостью выписывать из-за границы все машины и аппараты, а для установки и внутреннего устройства их употреблять также иностранцев. По уверению заводчиков, доставка из Франции и установка некоторых машин обходится почти вдвое против цены их во Франции». Фундуклей... Ч. III, стр. 67.

Предприятие бр. Яхненко и Симиренко, представлявшее собою исполина среди тогдашних сахарных заводов, можно назвать комбинатом. Соединение песочного завода с мощным рафинадным представляло в ту эпоху исключительное явление. Наличие машино-строительного заведения, усиливало мощь песочно-рафинадного завода. Машино-строительное заведение в первую очередь обслуживало нужды своего крупного сложного предприятия, насчитывавшего несколько сахарных заводов.

В довершение данный комбинат вел и банковые операции — прием вкладов, выдачу тратт и проч. Была попытка организовать свой паровой флот на Днепре—устройство первого парохода [1]). Если присоединим еще и то, что фирма Яхненко и Симиренко имела собственные склады для продажи сахара во многих городах, то достаточно ясно вырисуются крупные размеры сложного капиталистического предприятия, возникшего в эпоху крепостного права. Разумеется, это было исключительное по размерам предприятие, но все же качественно оно принадлежало к группе заводов, коммерческого типа и число таких заводов в сороковых и пятидесятых годах было достаточно велико.

Существовали заводы коммерческого типа, принадлежавшие и помещикам. Экономическое положение таких заводов регулировалось так: в случае владело заводом и имением одно лицо, обе части сельско-хозяйственная и заводская управлялись отдельно. Все потребное заводу приобреталось покупкою. Даже крепостные, работавшие на заводе, получали зарплату. Завод имел свой оборотный капитал, отдельный от остального имения. Известный нам Лялин сообщает еще в половине тридцатых годов такие условия деятельности завода, устроенного «совершенно на коммерческом положении:

1) Все работы, как полевые так и заводские производятся наймом; покупку леса, хлеба завод делает там, где найдет выгоднее.

2) Экономия ни в каком случае не обязана поставлять рабочих людей; в свободное время, когда в экономии нет работы для барщины, она может присылать людей, получая плату, сообразно с вольными ценами.

3) Завод имеет, собственно ему принадлежащих 5 тягол, которые отработав на заводе 4 месяца, отпускаются для собственных работ, и завод не делает никаких издержек для их содержания.

4) Завод в праве от экономии требовать столько земли, сколько нужно, выбирая там, где удобнее. За всякую неудобренную десятину завод платит экономии каждый год по 6 руб., за удобренную 20 руб.» [2]).

Для того времени, все эти условия были столь необычны, что многие считали немыслимым существование завода на подобных условиях. Ошибочность такого мнения была доказана жизнью. Высказывалось опасение, что такой завод не найдет достаточного количества рабочих рук. По поводу этого опасения Лялин писал: «не только теперь нет недостатка, но если-б завод увеличил вчетверо свой денежный оборот и тогда не имел бы недостатка в рабочих... В летнее время приходят крестьянки целыми партиями для полонья». К концу рассматриваемого периода помещики сахаровары, как утверждает Грум-Гржимайло в 1860 г., «стали применяться к коммерческому управлению и содержанию заводов. Особенно это заметно в средней и юго-западной полосе, отличающихся своим промышленным направлением. В губерниях Киевской, Подольской, Волынской, Полтавской, Харьковской, Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской и

---

[1]) Падалица сообщает, что пароход, выстроенный на заводе Яхненко, перевозил сахар в Кременчуг и Киев. Padalica... выше цит. T. II, st. 34.

[2]) Лялин... Библиотека для чтения 1835 г., стр. 18.

Пензенской свекло-сахарное производство сделалось предметом чисто фабричным» [1]).

В начале развития свекло-сахарной промышленности широко было распространено мнение, что сахароварение представляет естественную принадлежность дворянства. Оно казалось столь органически связанным с сельским хозяйством, что не допускали мысли о возможности существования свекло-сахарных заводов, необ'единенных единством владения с поместьями. Правда, рано стала появляться плантационная свекла, но перерабатывавшие плантационную свеклу заводы представляли исключение; в основной массе свекло-сахарные заводы питались фабричной свеклой.

«Свеклосахарная промышленность до сих пор (1838 г.), читаем мы в записках V Комитета, у нас есть только достояние дворянских заводов» [2]).

Земледельческий Журнал, так усиленно пропагандировавший свекло-сахарную промышленность, писал в начале 30-х годов: «единственный способ воспользоваться выгодами сахароварения, есть тот, чтоб хозяин завода был сам и заводчик, но как сахароварение, будучи тесно соединено земледелием должно наиболее составлять предмет промышленности дворянства, а посему от сего сословия и надобно бы ожидать усовершенствования в том» [3]).

Шишков, так много содействовавший распространению и укреплению в России свекло-сахарной промышленности, писал в статье «О возможности завести небольшие свеклосахарные заводы при малых имениях»: «многие из сельских хозяев разделяют еще старое поверье говорящих: «где нам добывать сахар из свекловицы. Сколько людей разорились и просахарились от таких заводов». И эти предубеждения могут загородить дорогу уму итти вперед и пользоваться, с одной стороны, пожертвованиями и ошибками других, с другой—ясными примерами успехов сей именно дворянам принадлежащей промышленности. Итак у кого есть коннопляники, огороды и луговые, поемные земли в излишестве, те могут производить на двух или на трех десятинах свекловицу и без употребления значительных капиталов завести, даже при 50 душах, небольшой свекло-сахарный завод» [4]).

В первом периоде мы не встречаем купеческих фамилий в числе основателей нашей свекло-сахарной промышленности.

Интересное обоснование широкого участия дворян в организации промышленных предприятий дает Журавский [5]):

«$^6/_7$ частей всей местной фабричной промышленности в 1845 г. принадлежали помещичьим имениям. Это замечательный факт. В других промышленных государствах, в Англии, во Франции и в Германии, по большей части фабрики и заводы учреждаются капиталистами из классов: купцов, банкиров, жителей городов и т. п., лицами не занимающимися земледелием, но исключительно употребляющими свои капиталы, знания, время и труд на избранную каждым отрасль промышленности или торговли.

За немногими исключениями здешние купцы, мещане и граждане почти вовсе не занимаются производительною промышленностью, не учреждают на свои деньги сколько нибудь значительных фабрик и пред-

---

[1]) Грум-Гржимайло... Труды Вол. Экон. О-ва 1860 г., кн. I, стр. 68.
[2]) Записки V Комитета Сахароваров 1888 г., стр. 12.
[3]) Земледельческий Журнал 1832 г., кн. V, стр. 667.
[4]) Земледельческий Журнал 1835 г., кн. XXI, стр. 301.
[5]) Фундуклей... Ч. III, стр. 1—2.

почитают заниматься мелкою торговлею и промыслами и разными оборотами.

Помещики, по преимуществу, производители; они владеют главною и самою важною массою частного имущества—землею, а следовательно, значительною частью материалов фабричного производства. Посредством займов из кредитных установлений они всегда могут располагать огромными капиталами для первоначального устройства заведений и самое устройство их облегчается употреблением собственных материалов и рабочих. Наконец, большая часть заграничных выходцев, обладающих разными техническими сведениями, обращаются к помещикам с предложением своих услуг по фабричной части».

Северные рафинадные заводы, перерабатывавшие тростниковый сахар сырец, находились исключительно в руках купцов. Здесь безраздельно царствовал торговый капитал. После того, как свеклосахарная промышленность доказала на опыте свою доходность, и в связи с этим развилось усиленное строительство свеклосахарных заводов, торговый капитал стал притекать в эту новую отрасль производства. На основании Стат. обозрения 1848/49 г.г. можно установить достаточно широкое распространение в это время аренды свекло-сахарных заводов (10% всех заводов), при чем из арендованных заводов одна четвертая находилась в руках купцов. По списку Грум-Гржимайла 1860 г. в руках купцов находилось 30 свеклосахарных заводов (всего заводов по этому списку значилось 435) [1]. Разумеется, на основании этих данных далеко нельзя составить точного представления о роли недворянских капиталов в свеклосахарной промышленности изучаемого периода, именно потому, что существовало скрытое участие торгового капитала в этой отрасли, то в виде предоставления капитала на устройство завода, то в форме снабжения основным оборотным капиталом в таком размере, что роль помещика являлась чисто фиктивной, то, наконец, в участии в управлении и т. д.

Такие случаи были нередки; о них официальные органы и не знали; ясное дело, эти случаи и не нашли отражения в списках свекло-сахарных заводов.

Участие капиталистов должно было усиливаться с того времени, как стал появляться коммерческий тип свекло-сахарных заводов. По исчислениям, приведенным у Журавского, для конца сороковых годов ценность заводов первого разряда—рафинадных, оценивалась в 145.000 руб. сер., заводов II разряда, песочный с рафинировкою 100 тыс. руб. сер., III разряда (песочный-паровой) до 85 тыс. руб. сер и IV разряда—(огневой-каменный) до 40 тыс. р. [2]. Помимо того, для пуска свекло-сахарного завода необходим большой оборотный капитал. Свекло-сахарные заводы отличаются той особенностью, что требуют значительного оборотного капитала, немногим уступающего основному. Естественно, что только редкие помещичьи хозяйства могли безболезненно выделить столь значительные капиталы, потребные для устройства и ведения свекло-сахарного завода. Обычно, помещику приходилось для этого обращаться к капиталисту. При слабом развитии в то время кредитных учреждений прибегали к услугам частных капиталистов. На Правобережьи в то время широко орудовали бердичевские капиталисты, позже одесские, являвшиеся на Контрактовую ярмарку, когда и происходил заем капиталов. Разумеется, при общем недостатке капиталов в изучаемую эпоху, при риске, связанном с выдачей ссуд, процент на ссудный капитал стоял на высоком

[1]) Труды Вол. Экон. О-ва 1860 г. Т. I. Ведомость о свеклосахарных заводах в России, стр. 262.

[2]) Фундуклей... Ч. III, стр. 19—25.

уровне. Капиталисты, пользуясь благоприятным соотношением спроса и предложения на рынке капиталов, могли взимать лихвенные проценты. «Многие из помещиков, читаем у Журавского, прельщенные удачей одного из заводчиков или увлеченные огромными процентами тоже вдались в сахароварство, не имея нужных сведений и собственных капиталов или с малым капиталом. Расчитывая на большие доходы, они заключали тягостные с заимодавцами сделки и после с имениями своими попали в руки кредиторов, которые за них пользуются выгодами от устройства на таких основаниях сахарных заводов» [1]). Эта эксплоатация капиталиста выражалась в разнообразных формах.

«Многие помещики, пишет тот же Журавский, нуждаясь в наличных деньгах продавали берковец свекловицы с расходами на производство по 1 р. 71 к. сер., предоставляя другим переработку ее в песок на собственных своих заводах, т. е., за деньги, взятые ими без процентов, уступали капиталистам выгоду производства» [2]). Такой случай фактического владения капиталистом сахарным заводом не находил отражения в официальном списке владельцев свекло-сахарных заводов.

О таких же формах соучастия капиталов в свекло-сахарном производстве говорит нам и известная анкета конца пятидесятых годов о сельском хозяйстве и хлебных ценах [3]): «нередко собственник продает наперед одному из спекулянтов-евреев, которыми наводнена Россия, продукты своего производства для того, чтобы получить необходимые капиталы для пуска завода или для покрытия чрезмерных издержек своей семьи и дома. Еврей, давший деньги, оказывается кредитором сахарозаводчика и эксплоатирует его тысячами способов, напр., обязывая поставлять ему хлебный спирт по низшим, против рыночных, ценам. Эта система и нерадение администрации пожирают всю прибыль и часто оставляют заводчика в убытке, между тем при крайне благоприятных условиях, в каких находится свекло-сахарная промышленность, следовало было бы получать значительную выгоду... Производство сахара стало в стране истинной манией; большая часть владельцев строит заводы без капитала с взятыми в ссуду средствами из 15—20%». Эти указания современников достаточно ясно характеризуют ту роль, какую играл торговый капитал в свекло-сахарной промышленности того времени.

Журавский, подчеркивая, что большинство свекло-сахарных заводов в Киевской губ. выстроено на собственные капиталы помещиков, добавляет: «есть, однако, заводы, построенные помещиками в компании с посторонними лицами на занятые у евреев деньги с условиями, заменяющими самые большие проценты».

Между прочим им приводятся два договора, заключенных в 1844 и 1847 г.г., т. е. в период усиленного строительства сахарных заводов на Киевщине [4]).

Из этих договоров видно, что стороной ссужавшей капитал, были купцы. Помещики брали на себя обязательство: 1) построить завод, 2) засевать потребное количество свеклы, 3) нанять сахаровара, 4) поставлять для завода рабочих и вспомогательные материалы, в частности, топливо. Купец вносил наличные деньги, закупал аппараты (посуду хорошей доброты, прессы, котлы и проч.), принимал на себя половину расходов по производству в форме оплаты свеклы (в одном случае по 1 руб. 45 к.

---

[1]) Фундуклей... Ч. III, стр. 48. Ср. Домонтович. Черниг. губ., стр. 331.
[2]) Фундуклей... Ч. III, стр. 44.
[3]) Enquête sur la production et les prix des Céréales en Russie 1859. (рукопись из Одесской библиотеки высшей школы) Annexe A.
[4]) Фундуклей... Ч. III, стр. 15—17.

за берковец, в другом по 1 руб. сер.). Доход предприятия делился пополам, причем продажа сахара производилась с обоюдного согласия. Иногда соарендатор принимал на себя и оплату рабочих.

Встречались и другие формы участия купеческих капиталов в свеклосахарной промышленности. Капиталист авансировал помещика на устройство завода, сдававшегося потом ему в долгосрочную аренду. Причем помещик обязывался поставлять свеклу, топливо по твердым ценам и в определенном количестве. Для иллюстрации можно привести условия аренды купцами Яхненко и Симиренко Ташлыцкого песочно-рафинадного завода (в 1844 г.). Срок аренды десять лет и три месяца с арендной платой за 40 дес. земли, находящейся под строениями по 1.700 руб. сер. в год. Помещик обязывался ежегодно засевать до 150 дес. свеклой и продавать берковец весом в $10^1/_2$ п. по 57 коп. По этому же договору, бр. Яхненко и Симиренко приобрели 225 дес. леса на сруб по 35 руб. $71^1/_2$ коп. за каждую сажень, и право нанять 30 годовых работников из крестьян имения без всяких со стороны помещика препятствий и вмешательства, лишь бы только условия найма были заключены добровольно. Завод оставлял за собой право покупки свеклы и в соседних имениях [1]). Из этих условий мы ясно видим, как умело купеческий капитал эксплоатировал дворян, назначая крайне низкие цены за поставляемую свеклу, дрова и проч.

Для примера можно привести еще другой контракт, заключенный на более мелкую аренду, но все же характерный тем, как помещики даже и за мелких сумм, шли в кабалу [2]).

«1844 г. апреля 3 дня. Черкасск. уезда помещ. З. и 2 гильдии купец Б. заключили между собой следующее условие: 1) я помещик обязался построить Черкасск. уезда в с. Р. в 1844 г. свекл. завод о двух гидравлических прессах, с нужным количеством котлов, и проч. посуды, в размере суточной переработки 800 пуд. свеклы, и возвести все нужные для фабрики заведения, 2) засевать всякий год в течение срока существования сего условия в с. Б... и других, находящихся у меня в управлении, не менее 60 десятин свекловицы, хорошо обрабатывать оные, три раза в год полоть, свеклу своевременно собирать и на завод доставлять, 3) для производства фабрикации принять благонадежного и знающего сахаровара, поверенного для досмотра за рабочими и счетчика для расчетов фабричных, 4) поставлять для переработки свеклы нужное количество рабочих, животного угля, дров, извести, лотков для прессовки и холста для фильтрования, провиант для рабочих и фураж для машинных лошадей, освещение завода, словом все то, что только для производства необходимым окажется. 5) Купец Б. обязывается сим на постройку завода дать мне З... заимообразно, до истечения срока условия, без процентов, шесть тысяч рублей сер. в нижеследующие сроки: 15 апреля 1.000 р. 15 мая 1.000 р. и 15 июня 1.000 руб., а последние три тысячи обязывается дать посудою хорошей доброты, как то, прессами, котлами, и проч. с тем, чтобы они были сданы на завод не позже 1-го августа. Если-бы стоимость поставленной посуды превышала 3.000 руб. сер., то З... по принятии оной, должен превышающее количество уплатить, и взаимно, ежели бы стоимость оной была меньше, Б.... должен доплатить до 3.000 руб. сер. Деньги сии З.... обязан возвратить Б..... полностью по окончательной переработке 18 тыс. берковцев свекловицы. 6) Купец Б... должен нести половину расходов производства и потому он ежегодно до окончания срока условия обязывается давать на фабрикацию за половинное количество доставлен-

[1]) Фундуклей... ч. III, стр. 55—56.
[2]) Там же... стр. 15 и д.

ной на завод свекловицы по 1 р. 43 коп. сер. берковец. 7) Весь доход, который будет получаться ежегодно от продажи сахара первой и второй кристаллизации, разделяется пополам между Б... и З.... Продажа сахара должна производиться с общего согласия. 8) Срок существования сего условия определяется на три годичные операции. 9) Если бы в продолжении сего срока переделано было менее 18 тыс. берковцев свеклы, то сим условие переходит в своей силе и на дальнейшее время, дабы Б... мог получить по оному все определенные ему барыши, и , наоборот, ежели бы в продолжении операции переработано было более 18 тыс., то Б... обязывается доплатить на каждый берковец, переработанный свыше нормального числа, по 1 руб. ассиг. за производство и, тогда получить свою половину барышей. 10) Если бы по истечении трех лет или окончательного производства 18 тыс. берк. свекловицы, З... не уплатил занятые им 6 тыс. рублей на постройку завода, то сие условие, продолжается в своей силе и на дальнейшее время. Б.... имеет право пользоваться означенными в нем для себя выгодами от фабрикации, пока З... не уплатит ему всех 6-ти тыс. руб. сер. сполна, на что срок платежа определяется первого июля. Если Б.... пожелает, то имеет право назначить при весах своего человека. 11) После окончательной уплаты Б-му вкладочного его капитала 6 тыс. рублей, сах. завод остается во владении З.... и Б.... дальше никаких требований до оного простирать не может. 12) Во время постройки завода и производства сахпеска, Б.... не вправе вмешиваться ни в какие распоряжения З...., должен только получать месячные ведомости о количестве свеклы, поступившей в работу, о количестве выработанного сахара и не воспрещается ему лично удостоверяться в расчетах фабричных. 13) Черная патока, нестоющая перевозки, и свекл. выжимки остаются в пользу З.... 14) Четверть бураков считать весом 10 п. 20 ф. 15) На выжимках Б... имеет право держать своих 20 штук скота». Такими разнообразными путями опутывали капиталисты помещиков, увлеченных «сахарной поэзией». В результате фактическими владельцами сахарных заводов являлись не помещики, выстроившие их, а те купцы, которые дали средства на это. Как широко была распространена такая скрытая форма участия торгового капитала в свеклосахарном деле, нельзя установить. Принимая во внимание потребность этой новой отрасли, в больших капиталах, во-вторых, задолженность и бездоходность огромного большинства помещичьих имений, можно полагать, что случаи обращения к частным капиталистам для постройки сахарных заводов были далеко нередки, это подтверждается и многими свидетельствами современников. С отменой крепостного права процесс внедрения в свеклосахарную промышленность торгового и промышленного капитала не дворянского происхождения пошел значительно быстрее. Тогда сложились и развились те сахарные династии не дворянского происхождения, которые задавали тон всей свекло-сахарной промышленности в до-революционное время.

В географии свекло-сахарной промышленности различали в пятидесятых годах две полосы «Юго-Западную и Северо-Восточную». В первой из них свекловица вошла в полевой севооборот и росла без искусственного удобрения, во второй она требовала сильного унаваживания и сеялась на огородах. Свекла этих двух полос была неодинакова по своей сахаристости. Грум-Гржимайло, сотрудник Главного Инспектора, об'ездивший значительный свекло-сахарный район, писал в своей докладной записке о выходе сахара следующее [1]):

[1]) Лен. Ц. И. Ар. ф. департамента мануфактуры и внутрен. торговли д. № 97. Ч. II. Записка Грум-Гржимайло.

«В северных уездах Московской губ. выход сахара из берковца не превышает четырнадцати (14 ф.), в южных 18 ф.; в Черниговской губ. средний выход 18 ф., а при паровом производстве 24 ф.; в Киевской минимум 20 ф. и максимум 32 ф. Если солнечные лучи и состояние атмосферы имеет влияние на образование сахара свекловицы, то едва ли в большей степени сладость ее зависит от свойства самой почвы и от подпочвы; только свойствами почвы упомянутых трех губерний можно об'яснить значительную разность в процентном содержании сахара растущей в них свеклы, хотя бы выделка его была везде одинакова—паром или на голом огне».

Это обстоятельство ставило в неравные условия указанные две полосы и хотя северо-восточная полоса являлась более старой по возникновению свекло-сахарной промышленности, но должна была скоро уступить первенствующее положение новому молодому району—юго-западному, в частности, Киевскому [1]).

Для географии свекло-сахарной промышленности характерна одна подробность: свекло-сахарные заводы располагались группами. Если пойти с севера, то первые три группы расположены в Тульской губ.; одна в Веневском уезде, другая в уезде Крапивинском, Богородицком и Епифановском и третья в Чернском уезде, вблизи города Черни; в Рязанской губ. мы находим такую группу близь Данкова; в Пензенской губ. между Инсарским и Саранским уезд.; в Тамбовской две группы одна в Лебедянском уезде и Липецком. у. и вторая в Борисоглебском. В Воронежской губ. можно заметить одну значительную группу в Бобровском и Павловском у. в Курской губ. свеклосахарное производство концентрировалось на небольшом пространстве Белгородского и затем Путивльского у.у. В Орловской губ. наблюдается преимущественное сосредоточение заводов в Брянском у. В Харьковской выделялись два района, один в Волчанском у., где сахарные заводы находились один от другого на расстоянии от 15 до 30 в., другой в у.у. Сумском и Лебединском. На Киевщине почти все заводы сосредоточивались в районе Чигиринского, Черкасского и Каневского у.у. Насыщенность этого района доходила до того, что заводы иногда находились один от другого на расстоянии 4 верст. На Волыни свекло-сахарные заводы были расположены близко один от другого в уездах Старо-Константиновском, Новоград-Волынском, Заславском. На Подолии такую концентрацию заводов мы наблюдали в юго-восточной части—в у.у. Летичевском, Ушицком и Литинском [2]).

---

[1]) Для характеристики того, как легкомысленно помещики брались за устройство заводов в северных районах, непригодных для свеклосеяния, можно привести один пример, указанный Грум-Гржимайло. Помещик Дьяков, не испытав свойства почвы в своем имении Копыского уезда в фольварке Малый-Голашивке, без всякого предварительного исследования способности ее к произрастанию свекловицы, судя лишь по аналогии, что если на этой земле, хорошо удобренной, бывают урожаи зерновых хлебов, то, без сомнения, будет расти и свекловица, построил свеклосахзавод, стоивший ему до 30 тыс. руб. Когда завод возможно было пустить в действие, на полях не выросла свекловица. Приписывая этот несчастный случай не более как случайности, он на другой год засеял свекловицу на иных и разнообразных местностях, в разное время, положив хорошее удобрение, но свекловица не росла. В редких местах и то немного, хотя и выросли бураки, но их было немного, мелкие и худого качества. Сделана была проба и оказалось, что в соке из таких бураков заключается много солей; сахар не кристаллизовался вовсе, или весьма плохо; из берковца едва выделано было три фун. и то худого качества сахара, а остальной сок обратился в патоку, после такой неудачи завод закрыт навсегда. То же самое случилось с заводом, устроенным и другим помещиком Кобляковым в Могилевском уезде.

[2]) Взгляд на свекло-сахарную промышленность в России. Журн. Мануф. и вн. торговли 1853 г., кн. I, стр. 85 и д. Вернадский в своих примечаниях к иссле-

Такое кустовое расположение заводов можно об'яснить историческими причинами.

Успех того или другого завода, устроенного помещиком с большей инициативой, вызывал подражание у соседей, имевших возможность ознакомиться воочию с ходом производства и его техникой, с его выгодами и проч. В изучаемый нами период при отсутствии удобных путей сообщения, при крайне слабом развитии средств сообщения, при зачаточном состоянии повременной прессы, крайне слабом ее распространении (тираж Земледельческого Журнала не превышал 700 экземпляров) развитие свекло-сахарной промышленности могло итти, главным образом, путем примера, показа, вследствие личного воздействия. Указания на эти факты сплошь и рядом встречаются в свидетельствах современников. Вспомним указания тех и других современников на личное влияние Бланкеннагеля. Мальцева, Шишкова, позже Бобринского и других. Благодаря такой системе распространения свекло-сах. промышленности, и возникло кустовое расположение заводов.

На Украине можно наметить три района свекло-сахарной промышленности—Харьковский более старый, затем Полтавско-Черниговский—с большим количеством мелких заводов сельско-хозяйственного типа, управляемых крепостными, с посевами свекловицы на огородах. Правобережный район характеризуется мощными заводами коммерческого типа и широким участием в управлении иностранцев, значительно развитым свеклосеянием и наличием крупного рафинадного производства.

Известный немецкий экономист Вебер разработал теорию размещения промышленных предприятий т. н. учение о штандорте. На выбор штандорта в свекло-сахарной промышленности оказывает влияние сырье, горючий материал и рабочие руки. В изучаемую эпоху из берковца свеклы выделывали 12—14 ф., что составляло 3—3½%.

Свеклу нужно отнести к «весотеряющим» материалам. Естественно, свекло-сахарный штандорт должен ориентироваться на материальный склад, т. е. на сырье. Решающим моментом является отношение веса используемого сырья свеклы к весу готового продукта сахара.

Свекло-сахарная промышленность того времени потребляла в большом количестве древесное топливо. Горючие материалы, по терминологии Вебера, относятся к «идеально-грубым» материалам; ни одна малейшая весовая частица не входит в продукт. В двадцатых годах на тысячу пудов сахара расходовалось 640 саж., в тридцатых и сороковых 174 саж.[1]). При таком колоссальном потреблении топлива для размещения свекло-сахарной промышленности имела существенное значение ориентация на топливный склад.

Для сравнения можно указать, что рафинадная промышленность, работавшая на тростниковом сырце, сосредоточивалась в портовых городах, главным образом, в Петербурге, представлявшем крупный потребительский рынок. Штандортная фигура этой промышленности определялась наличием сырья в портах и близостью потребительского рынка.

дованию Тенгоборского так говорит о группах: «соседние заводы, вместе взятые образуют как бы отдельные группы, на которые и можно разбить по географическому распределению свекло-сахарную промышленность. Таких групп несколько; иногда их бывает даже несколько в одной губернии——так, в Тульской губ. три (первая в Веневском у., вторая в уу. Крапивенском и Богородском, третья около г. Черни), в Харьковской—две (первая Волчанский,—вторая Сумской и Лебедянский уу.); большею частью впрочем в губернии существует одна группа». Тенгоборский—О производительных силах России. Перев. с допол. и прим. И. Вернадского. Спб. 1858 г., стр. 122.

[1]) Толпыгин—Сахарная промышленность от основания ее до настоящего времени. К. 1894 г., стр. 18.

Свеклосахарную промышленность можно назвать материально ориентирующуюся отраслью. Выбор места для свеклосахарных заводов определялся наличием сырья и древесного топлива. В позднейший период с появлением железных дорог топливная ориентация потеряла свое решающее значение. На штандортную фигуру свекло-сахарной промышленности стала влиять и транспортная ориентация. Значение материального склада для выбора штандорта, хорошо сознавалось уже в начале 30-х годов. В Земледельческом Журнале (1832 г. кн. V, стр. 384) читаем: «насаждение свекловицы для добывания сахара, доставляя значительную выгоду, должно быть производимо с осмотрительностью в губерниях, изобилующих плодородными землями». В начале тридцатых годов неудачливый сахаровар сообщал читателям того же Земледельческого Журнала: «решился расстаться с сей заманчивой промышленностью, предоставляя опытнейшим меня хозяевам возобновить таковые исследования и тогда определительно сказать: возможно ли в северных наших губерниях с успехом и прибылью возращать свекловицу или нет» [1]).

Близость лесных массивов оказывала решающее влияние на выбор места при наличии огневых заводов, истреблявших дрова в огромном количестве, и затем при отсутствии дешевых путей сообщения. Сахаровары хорошо сознавали влияние этого фактора на штандорт свеклосахарных заводов;—указания на это, мы встречаем у многих современников. Известный французский сахаровар Брам, наблюдавший русские свеклосахарные заводы, писал в Земледельческом Журнале: «я уверен, что можно получить большие выгоды от устройства свеклосахарных заводов в губерниях средней и южной России, именно там, где почва удобна для возделывания свекловицы, где много топлива и где оно дешево» [2]).

Наличие достаточного количества рабочих рук в первом периоде, когда продукция заводов не превышала сотен пудов, когда площадь посева свеклы составляла на завод в среднем 20 десятин, не оказывало решающего влияния на штандорт свеклосахарных заводов, именно потому, что потребное количество рабочих рук не трудно было найти в любом районе Европейской России, в особенности при наличии крепостного права, когда при помещичьем дворе находилось большое количество праздной дворни; с появлением крупных заводов коммерческого типа, с посевами свеклы на сотнях и тысячах десятин, известная густота населения представляла необходимое условие для постройки сахарного завода в том или ином районе. Значение этого фактора для выбора местоположения заводов было осознано в конце тридцатых годов, когда свеклосахарная промышленность начала спускаться на юг и юго-запад.

Что касается заводских рабочих, то в изучаемую эпоху, свеклосахарные заводы совершенно не тяготели к центрам скопления рабочих, наоборот, рабочие притягивались к заводам. Значит, рабочая ориентация не оказывала влияния на штандортную фигуру свеклосахарной промышленности в дореформенную эпоху.

Все три названных фактора—сырье, топливо, и значительная густота населения [3]) находились в вполне благоприятном сочетании в районе

---

[1]) Землед. Журнал. 1832 г., кн. V, стр. 674.

[2]) Землед. Журнал. 1840 г. О свекло-сахарном производстве вообще и преимущественно во Франции, стр. 452.

[3]) В начале сороковых годов сахаровары понимали значение основных факторов для выбора места для сахарного завода. Колокольцев писал в Комитет: «сахарный завод не может быть устроен во всякой местности без различия; ему нужен грунт, способный к произведению хорошей свекловицы; нужно, чтобы сгораемый материал обходился дешево, чтобы в окрестности находились селения малоземельные и многолюдные, ибо иначе, полотье, копание и доставка свекло-

Правобережной Украины, отличавшейся умеренным климатом, плодородием почвы, обилием лесов и высокой густотой сельского населения.

Этим и можно об'яснить почему возникшая здесь свекло-сахарная промышленность, быстро развилась, неожиданно для Москвы выдвинулась на первое место, далеко оставив позади себя старые свеклосахарные районы. Из всех районов Украины Правобережье представляло наиболее благоприятные условия для развития свекло-сахарной промышленности. Старый украинский свекло-сахарный район Черниговщина располагала в изобилии топливом, но не отличалась плодородием почвы. Харьковщина удовлетворяла двум факторам, наличию сырья и рабочих, но в ней чувствовался недостаток в топливе. Этот ценный свеклосахарный район показал свою производительную способность позже, когда в связи с развитием каменно-угольной промышленности и постройкой на Украине южных дорог открылась возможность использования на сахзаводах каменного угля.

Наконец, на Правобережной Украине мы имеем и более высокий процент крупных латифундий, здесь было более развито крупное помещичье хозяйство, располагавшее значительными капиталами и высокой кредитоспособностью. Владельцы таких латифундий могли затрачивать крупные средства на постройку свекло-сахарных заводов. Можно к этому добавить, что на Правобережьи раньше образовались крупные торговые капиталы (Бердичевские и Одесские капиталисты). Напомним здесь о наличии рынка капиталов, и выработанной банковской техники на Контрактовой ярмарке. Здесь же наблюдалось и более интенсивное проникновение торгового капитала в свеклосахарное дело. В официальном журнале того времени мы находим такое понимание штандорта: «местные условия, которыми определяется водворение свеклосахарной промышленности, состоят в почве, способной для произростания свекловицы, в горючем материале и рабочих руках. К ним должно присоединить еще экономическое орудие производства капитал, которым располагает помещик при своем имении. Только при полном соединении означенных средств возможна промышленность в известном месте; при недостатке же, хотя одного из них, устройство заводов, очевидно, делается не осуществимым предприятием» [1]).

У современников можно найти прекрасную характеристику двух украинских районов—Правобережного и Левобережного. Автор не раз цитированной статьи, напечатанной в начале пятидесятых годов писал [2]):

«Киевская губ. сравнительно с другими заключает в себе $^1/_5$ часть всех находящихся в России свеклосахарных заводов. Количество добываемого в ней сахарного песка составляет $^1/_3$ всей массы туземного производства; способы добывания гораздо совершеннее. На 77 паровых заводах введены не только лучшие аппараты и снаряды, но и все новейшие приложения механики и изобретения по свеклосахарному делу.

Заводы, и преимущественно самые большие и лучшие, устроены на

вицы ему обойдется слишком дорого». Журнал Сельского Хозяйства 1844 г., кн. IV, стр. 73. Клепацкий, сообщая в 1851 г. о закрытии свекло-сахарного завода в Араповке Купянского у. указывал на то, что «можно иметь сахарный завод в том имении, где есть много рук собственных крестьян, ибо вольные люди и соседних помещиков, имея много земли, не успевают обрабатывать своих полей и потому найти работниц и работников нельзя; горючий материал здесь (в Купянском у.) делает также затруднение». Журнал Сельского Хозяйства 1852 г., кн. II. Из отчета Клепацкого по его имению за 1851 г.

[1]) Взгляд на свеклосахарную промышленность в России 1853 г. Жур. Ман. и Торг., кн. I, стр. 94.

[2]) Взгляд на свеклосахарную промышленность в России. Журнал Ман. и вн. Торговли 1853 г., кн. I, стр. 104 и д.

коммерческом основании, т. е. покупают все материалы за деньги и соединяются с имениями только местом устройства, а управление двух частей. хозяйства и завода, большей частью, совершенно раздельно. Средства для развития этой промышленности представляют здесь почва, климат и хозяйственное состояние имений. Помещичьи имения, большею частью нераздробленные, доставляют нужное количество денежных капиталов для оборотов производства или при недостатке наличных денег, служат обеспечивающим фондом для займа. Обилие старых дубовых лесов снабжает заводчиков нужным топливом, хотя обширные лесные дачи ныне значительно уменьшаются от большого потребления дров и цены на них постепенно возрастают. Но для замены дров есть торф, которого полоса тянется около ста верст в длину и 5 верст в ширину по течению реки Тясмина, в смежности трех губерний: Херсонской, Полтавской и Киевской. Теперь пока довольствуются на заводах одними дровами; но рано или поздно, с уничтожением лесного материала, приступят к разработке торфяных урочищ. Производство красной пшеницы, которая здесь родится очень хорошо и сбывается выгодно в Одессу, отвлекает многих хозяев от устройства в их имениях свекло-сахарных заводов».

Андреев, знаток свекло-сахарной промышленности своего времени, указывал еще на одно преимущество района Правобережной Украины— близость к Западной Европе и Польше, что облегчало доставку нужных для фабрик машин и снарядов. Средняя производительность заводов, составляла на Правобережьи почти 22.200 пудов; на 90 паровых приходилось 23 огневых. Средняя продолжительность заводского действия 142,8 дня, почти вдвое превосходила продолжительность заводского действия заводов Левобережной Украины. Ценно указание Андреева на то, что многие заводы в этой полосе принадлежали лицам торгового сословия [1]).

Иными чертами этот автор характеризует Левобережный сахарный район. «В Черниговской губ. считается ныне 51 завод и очень много малозначительных: в них везде преобладает сельско-хозяйственный характер, потому что во всей губернии по большей части имения раздроблены и не могут располагать большими капиталами. Здешний помещик в состоянии завести у себя только небольшое производство, как побочную статью дохода сельского и домашнего хозяйства: все заводские требования выполняются своими людьми, своими средствами. Нигде не встречается построек более простых, заводской посуды менее исправной, как здесь, ученых заводских мастеровых, кроме на трех, четырех заводах, нет, а почти все свои крепостные люди. Главный интерес промышленности в этом краю состоит не в том, чтобы с большого капитала получать большие проценты, но чтобы земледельческие продукты, не имеющие здесь сбыта, преобразовать в другой продукт, ценный и имеющий сбыт. Грунт земли, состоящий из чернозема с супесью, способствует произрастанию свекловицы и обилие дров, которые по местам употреблялись только для винокурения, делает способы производства гораздо выгоднее других местностей. Замечательно еще одно обстоятельство, что винокурни вытесняются мало по малу сахарными заводами».

«Харьковская губ. представляла свекло-сахарный район с большими перспективами: наличие глубокого чернозема, дешевых рабочих рук благоприятствовало зарождению свекло-сахарной промышленности, но недостаток топлива в восточной и юго-восточной части губернии не давал возможности развиться этой отрасли должным образом. На некоторых заводах употреблялся в качестве топлива кизяк, в потребном количестве

[1]) Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности. Спб. 1862 г. Т. I, стр. 48.

его можно было достать только там, где развито овцеводство. В тех уездах Харьковщины, где имелось в достаточном количестве горючее—дрова или торф, местами уже использовавшийся для свеклосахарного производства, свекло-сахарная промышленность успешно развивалась (район Сумского, Лебедянского и Волчанского у.у.). Здесь уже встречались заводы, замечательные, и обширностью и новейшим устройством».

О Полтавской губ. тот же автор говорит следующее: «Вообще заводы Полтавской губ. носят на себе общий характер простых сельско-хозяйственных заведений. Только очень не многие, хотя и имеют полное и совершенно фабричное устройство, однако, все еще не достигли даже до среднего состояния».

Андреев также отмечает бедность Полтавской и Харьковской губ. лесами. Очень многие заводы, вместо дров, торфа и каменного угля довольствовались здесь соломой и сушенным навозом. Это обстоятельство служило не маловажным тормозом к развитию завода. «Здесь на Левобережьи мало паровых заводов, мастера, дешевые из крестьян... заводские работы выполнялись доселе барщиной и потому во многих местах крестьяне смотрят на заводы не как на благодеяние, а как на зло, отягчающее их положение... Средняя производительность заводов менее 5.400 пуд., на 106 заводах огневых приходилось только 36 паровых. Средняя продолжительность действия 76 дней».

По словам Андреева, из трех губерний (Черниговская, Полтавская и Харьковская) всего выше стоит, по свекло-сахарной промышленности губ. Харьковская, именно, северная часть ее, уезды Сумской, Лебединский, Ахтырский и Волчанский; заводы здесь преимущественно паровые, топливом нередко служит торф. Вообще в Харьковской губ. заметно сильное промышленное движение; 4 значительных ярмарки и легкое сообщение с Москвой доставляют заводам удобный сбыт. Можно надеяться, что и в юго-восточном конце губернии, где уже показывается каменный Донецкий уголь, со временем распространится свеклосахарная промышленность» [1]).

Интересно отметить, что в изучаемую эпоху очень интересовались насаждением свекло-сахарной промышленности в Сибири. Комитет сахароваров посылал свекловичные семена, для пробных посевов в те и другие районы Сибири. В заседании V-го Комитета Сахароваров сообщалось о том, что член Общества Сельского Хозяйства С. Броневский мечтал учредить в Нерченске и Красноярске два свекло-сахарных завода. Маслов в своем отчете за 1837 г. выказывал уверенность, что рано или поздно в Сибири будут свекло-сахарные заводы [2]).

Эта мысль получила осуществление только в пятидесятых годах. Из Пол. Собр. Зак. (1854 г.) мы узнаем, что в Верхне-Удинском округе Забайкальской области был устроен, купцом Трубчаниновым свекло-сахарный завод [3]). По утвержденному положению Сибирского Комитета, завод Трубчанинова, «равно как и те свекло-сахарные заводы, кои в течение десяти лет, начиная с 1855 г. будут в Сибири устраиваемы, от всякого платежа в казну акциза на десять лет, со времени учреждения их освободить, не распространения до времени на Сибирь и вообще действия утвержденного 25 февраля 1848 г. Устава об акцизе с свекло-сахарного производства» [4]).

---

[1]) Обзор мануфактурной промышленности. Т. I, стр 45—46.
[2]) Записки V Комитета. М. 1838 г., стр. 9.
[3]) Андреев указывает дату основания этого завода в 1855 г. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. Т. I. Свеклосахарная промышленность. Спб. 1862 г., стр. 52.
[4]) П. С. З. XXIX 1854 г., № 28853.

В 1859 г. правительство разрешило «предоставить главному начальнику Алтайских заводов разрешать устройство сахарных заводов в подведомственном ему горном округе с тем, однако же, чтобы отвод для сей цели земель и лесов не мог стеснить ни приписанных к заводам крестьян в хозяйстве их, ни самого горнозаводского производства» [1]).

Правительство всячески содействовало насаждению свекло-сахарной промышленности в новом районе. Эти попытки не дали удовлетворительных результатов, об этом красноречиво говорит следующий факт:

«Компанионы Бичурского свекло-сахарного завода, состоящего в Верхнеудинском округе Забайкальской области, обратились к местному начальству с просьбой об исходатайствовании им дозволения выменивать на Кяхте тростниковый песок, для рафинирования оного в сахар, на одну только звонкую монету и подделки из благородных металлов, без других товаров, об'ясняя, что Китайцы охотнее соглашаются доставлять этот песок для промена на металлы, нежели на товары».

Управляющий Кяхтинским Градоначальством донес, что «он согласно с мнением торгующего на Кяхте купечества, на рассмотрение которого передаваемо было об'ясненное ходатайство компанионов, не находит препятствия к допущению вымена тростникового песку на одну звонкую монету и изделия из благородных металлов, с тем, впрочем, чтобы вымен этот не превышал 2.000 пудов каждогодно».

«Мин. фин. полагал, для поддержания первого, недавно устроенного в Восточной Сибири сахарного завода и для поощрения вымена у китайцев, кроме чая и других произведений, разрешить, в виде опыта на три года компанионам Бичурского завода выменивать на Кяхте до 2.000 пуд. сахарного песка на одни драгоценные металлы в изделиях и дозволенной к отпуску в Китай монете» [2]).

Очевидно, Бичурский завод—это бывший завод Трубчанинова. Как видим, ему приходилось работать на тростниковом сахаре-сырце, а не на свекловичном. Ясно, что не было в Сибири сырьевой базы для свекло-сахарной промышленности. Андреев писавший свой обзор в начале шестидесятых годов, сообщает о закрытии этого завода [3]). Итак пионерские попытки насаждения свекло-сахарных заводов в Сибири оказались безрезультатными.

---

[1]) П. С. З. XXXIV 1859 г., № 35252. О разрешении устройства свекло-сахарных заводов в Алтайском горном округе.

[2]) П. С. З. 1857 г. Т. XXXII, № 31648. О дозволении в виде опыта на три года компанионам Бичурского свекло-сахарного завода выменивать на Кяхте тростниковый песок на одни драгоценные металлы.

[3]) Обзор мануфактурной промышленности. Т. I, стр. 52.

ГЛАВА II.

ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДА В СВЕКЛО-САХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДО 1861 г.

Использование барщинного труда на свекло-сахарных заводах. Способы использования этого труда по свидетельству Эвениуса. Мнение комиссии, обследовавшей положение свеклосеяния в конце сороковых годов. Барщина на сахзаводах Полтавской, Черниговской и Киевской губ. Мнение Шишкова—о наемном труде на заводах. Покупка гр. Браницким крестьян для Смелянских сахзаводов. Конкуренция плантаторов на рынке труда. Отлив с.-х. рабочих в степь на заработки. Побеги рабочих с свеклосахарных заводов. Содержание контрактов по найму рабочих. Продолжительность рабочего дня. Обстановка труда на сахарных заводах. Жестокое обращение с рабочими. Формы и высота заработной платы. Новый быт рабочих. Технический и управляющий персонал на сахзаводах. Иностранцы-сахаровары. Оплата труда служащих на сахзаводах. Число рабочих, занятых на свекло-сахзаводах. Производительность труда. Пожелания дворян сахароваров по вопросу о сроке отслуживания обученных ими мастеров. Обсуждение этого вопроса в Главном и Секретном Комитетах по крестьянскому делу. Положение 1861 г.

В последнее время появился ряд работ по истории труда, назовем хотя бы новейшие исследования Балабанова, Пажитнова и др. Разумеется, эти исследования, посвященные общей истории труда только случайно, мимоходом касались положения свекло-сахарных рабочих. В специальной монографии по свекло-сахарной промышленности эти вопросы должны найти более широкое и более глубокое освещение.

Из описания первого свекло-сахарного завода генерал-майора Бланкеннагеля видно, что работы на этом заводе выполнялись, главным образом, крепостными. Было несколько вольных людей, исполнявших квалифицированные работы,—это сахаровар, столяр и пр. Использование труда на заводе Бланкеннагеля являлось типичным для первых свеклосахарных заводов, возникавших в помещичьих хозяйствах. Заводы сельскохозяйственного типа пользовались барщинным трудом и только более квалифицированные работы выполнялись вольными людьми [1]). Помещики, предполагавшие устроить свекло-сахарный завод, стремились обойтись без найма и квалифицированных работников, для этого посылали своих крепостных для обучения на заводы первых основателей свеклосахарной промышленности Бланкеннагеля, Мальцева, Шишкова. В описании заводов, в отчетах мы встречаем указания на то, что заводом управлял свой человек, сахаровар-крепостной и т. д.

---

[1]) Современный автор, говоря о помещичьих промышленных заведениях в Орловской губ., замечает: «Крестьяне же их обыкновенно работают в таких заведениях на барщине». Волков—Промышленность Орловской губ. Жур. Мин. Гос. Им. 1848 г., ч. XXIX, стр. 144.

По данным Германа за 1812 г., на всех фабриках и заводах было занято 119 тыс. рабочих, в том числе крепостные составляли 50,9%. На сахарных заводах превалировал вольнонаемный труд 93,6% (880 вольнонаемных рабочих против 61 крепостных) [1]). Несомненно, здесь шла речь о рафинадных заводах, работавших на колониальном сырце и расположенных в портовых городах. Здесь рабочая сила должна была вербоваться из вольнонаемных. На тех немногих свеклосахарных заводах, какие существовали в это время, применялся барщинный труд. У Бланкеннагеля, как исключение, работало несколько квалифицированных мастеров из вольнонаемных. На основании тех данных, какие автор имел в своем распоряжении, не удалось выяснить количественного соотношения вольнонаемного и крепостного труда на свеклосахарных заводах тридцатых и сороковых годов. Общий вывод таков, что вольнонаемный труд встречался, главным образом, на коммерческих заводах; при чем и здесь широко изменялся труд крепостных, но не в форме барщины, а найма. При такой форме труда не была исключена заинтересованность крестьянина к заработной плате, поэтому труд его был более производителен, чем барщинный. Все же и при этой форме зависимость сахарного работника оставалась такой же, как это было свойственно крепостному состоянию (право наказания розгами до 40 ударов, палками до 15, арест до двух месяцев и пр.). И при этой форме труда оставался он под гнетом крепостного бесправия.

С появлением крупных свеклосахарных заводов коммерческого типа барщинный труд оказывался недостаточным и кроме того мало производительным. Крупные заводчики должны были перейти к найму рабочих. Купеческие свекло-сахарные заводы, хотя и пользовались трудом крепостных, но на началах договора-найма.

Бар. Котц сообщает в конце двадцатых годов Московскому О-ву Сельского хозяйства [2]): «необходимые для фабричного производства мастеровые, коих я отдавал в учение, кончили оное и я теперь без найма имею своего медника, слесаря, двух кузнецов и двух бачаров» [3]). Комитет сахароваров очень интересовался вопросом, каким трудом пользуются заводчики, наемным или барщинным. Мы находим в трудах Комитета ряд ответов на этот вопрос: наиболее обстоятельное изложение дела дал член комитета Сахароваров Эвениус (начало сороковых годов):

«Сколько мне известно, заводы существуют у нас на следующих основаниях:

1) Крестьяне сеют свекловицу на своих огородах и конопляниках в виде оброка; т. е.; ставят возвращенную ими свекловицу на завод по определенной помещиком цене, которая зачитается им в оброк. Равным образом и сами крестьяне работают на заводе, во время производства, из оброка, т. е., заработанные ими деньги зачитаются помещиком в оброк.

2) Крестьяне сеют свекловицу на господской земле и работают на заводе из барщины, т. е., труды их зачитаются в число тех дней, которые они, по закону, обязаны работать на помещика.

3) Крестьяне возращуют свекловицу на своих огородах и конопляниках и ставят ее на завод, по определенной цене за наличные деньги, или обрабатывают ее на господской земле и работают сами на завод, на праве

---

[1]) См. Балабанов—Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I, стр. 64.

[2]) «Долгом поставляю, пишет бар. Котц, из'явить перед обществом (Московским) полную благодарность мою Мальцеву. На его заводе обучался мой человек, который учредил у меня завод и сварил на оном сахар рафинад». Землед. Жур. 1829 г. XXVII, стр. 527.

[3]) Там же, стр. 530.

вольнонаемных, т. е., за обработку свекловицы на господской земле и за работу на заводе получают наличные деньги.

I-й способ. Он представляет равную выгоду как помещику, так и крестьянам в особенности в имениях малоземельных, в коих, если крестьянин не имеет особенной промышленности, получение оброка, иногда и легкого, сопряжено с затруднениями, а часто и невозможно. Для расчета возьмем в пример оброчное имение, в коем на тягло приходится земли по одной десятине в поле, а таких имений много и посмотрим: сколько одно тягло может выручить продажей одних своих сельских произведений и сколько оно выручит при существовании в этом имении свеклосахарного завода.

Положим, что земля хорошего качества; десятина в сложности нескольких лет не может дать более десяти или двенадцати четвертей ржи, за исключением семян. В одном тягле в сложности, можно предположить 5-ть человек; одного старика, мужа и жену, и двух детей от 8 до 12 лет. При этом тягле обыкновенно находится не считая овец, одна лошадь, одна корова и одна телка, которым в подспорье к яровому корму надобно давать посыпку. Не нужно входить в подробное исчисление, дабы убедиться, что упомянутое количество ржи выйдет все дома, на прокормление людей и скота, и следовательно ничего не поступит в продажу на покрытие господских и казенных повинностей.

Десятина ярового хлеба может дать овса от 12 до 15 четвер., а пшеницы от 5 до 6 четвер., за исключением семян. Из этого количества выйдет овса на корм лошади не менее 6—7 четвер.; а если не сеется овес, то надобно его купить и для сего продать 2 четвер. пшеницы. Следовательно тягло может продать овса от 6 до 8 четв.; полагая по 4 руб. четверть, на сумму от 24 до 32 руб. При столь ограниченном количестве земли под огород и конопляник, нельзя положить более полуосминника, который будучи засеян коноплею, дает доходу от 10 до 15 руб. Следовательно вся сумма выручаемая продажею сельских произведений одним тяглом, составит от 34 до 47 руб. Посмотрим теперь сколько может одно тягло за удовлетворение казенной повинности и своих необходимых потребностей заплатить помещику оброка. В этом тягле можно предположить от двух до трех ревизских душ, за которые надо заплатить подушных и на мирские расходы от 14 до 21 руб. На крестьянские надобности как то: на соль, на поддержание телеги, сбруи, сохи, на лапти, деготь, веревки и проч. нужно, покрайней мере, 20 руб. Остается, при самом экономическом расчете, на оброк помещику около 7 руб. с тягла. Не велик доход. Здесь еще не приняты в расчет неурожайные годы и разные несчастные случаи: пожар, падеж, градобитие и проч. Если их взять в расчет, то помещичий доход обратится в ничто. Обратимся к другому вопросу: сколько помещик и крестьянин могут получить дохода с того же количества земли, при существовании в этом имении свеклосахарного завода. Выше сказано, что при тягле имеется земли под огородом и коноплянником полуосминник, т. е. 400 к. саж. Исключить из них 80 саж. под посев капусты и проч. овощей, на 320 с. посеется свекловицы, которой должно родиться, полагая 200 берков. с десятины, около 25 берков. Считая по одному руб. 50 коп. за берковец получится доходу 37 руб. 50 коп.; следовательно более против обыкновенного дохода от 22 руб. до 27 руб. Сверх этого тягла один работник может работать на заводе получая по 12 руб., а полагая производство 2 мес.—получит 24 руб.

Итак, при существовании свеклосахарного завода, тягло может получить от 45 до 50 руб., чем и может обеспечиться платеж оброка. Кроме этого, если свекла сеется на господской земле, крестьяне от обработки

оной могут получить значительные выгоды, как ниже будет показано. Даже и в неурожайный год, когда свеклы получится мало, теряет более помещик, нежели крестьянин; ибо крестьяне обрабатывающие свеклу на господской земле, получают за свой труд условную плату.

2-й способ. Этот способ, доставляя выгоду помещику, вовсе невыгоден для крестьян. Выгода помещика заключается в том, что ему не нужно платить денег за обработку свеклы и за работу на заводе; но эти выгоды много теряют своей цены от того, что крестьяне, как обыкновенно случается на барщине работают неохотно, лениво и небрежно, а присмотр за ними, при значительных посевах невозможен, а потому нельзя ожидать тщательной обработки—необходимого условия для получения изобильного урожая. Кроме того, между крестьянами рождается ропот, работа кажется им тягостною, они проклинают завод и нередко покушаются на злонамеренные действия. Само собой разумеется, что крестьяне, работая бесплатно, не имеют никаких выгод.

3-й способ. Этот способ есть лучший, ибо представляет для обоих сторон существенные выгоды: крестьяне, поощряемые наличною исправною платою, тщательно, охотно и усердно обрабатывают свекловицу на своей земле, для получения большего урожая, который весь обращается в их пользу. На заводе нанимаясь без принуждения, по собственной охоте, работают весело, что и обнаруживается обыкновенным влиянием веселого духа—песнями. Помещик имеет при этом ту важную выгоду, что работа идет успешно, а крестьяне его получают деньги, не покидая своего дома, и не принуждены искать работы на стороне, нередко в дальнем от дома расстоянии, где она бывает безвыгодна, а иногда и вовсе не находят ее; иногда же подвергаются болезням, или возвращаясь, заносят ее домой. Нельзя оставить без внимания и того, что крестьяне живя на чужой стороне, обыкновенно развращаются в нравах. У меня завод существует на сем последнем основании» [1]).

В приведенной ex extenso выдержке достаточно выпукло охарактеризованы формы труда, применявшиеся в свеклосахарной промышленности сороковых годов. На небольших заводах применялась барщина. Близко к ней стояла оброчная форма труда; последняя уже не имела ряда тех отрицательных сторон, какие присущи барщине. И наконец, третья форма наемная; при чем на иных заводах работали вольнонаемные рабочие, на других—свои крестьяне на правах наемных. Встречалась и смешанная форма труда: использовалась барщина, в случае не хватало барщинных дней, прибегали к наемной форме труда.

Наблюдение Эвениуса относится к началу сороковых годов, когда наша свеклосахарная промышленность достигла значительного развития, когда уже ясно определилось два типа свеклосахарных заводов.

Первый период господства сельско-хозяйственных сахзаводов преобладала барщинная форма труда. Это подтверждает те и другие отрывочные данные о рабочих на первых свеклосахарных заводах. Журн. Мануф. и Вн. Тор. сообщает о состоянии фабрик и заводов в Курской губ. в 1828 г. [2]).

«В короткое время устроены уже в одной сей губернии два свеклосахарных завода, и, хотя производство их самое маловажное, однако, надобно думать, что небезвыгодное, иначе же они бы не размножились...» О рабочих на заводе Полторацкого в слободе Новоивановке, Новооскольского уезда, Курской губ. сообщается: «при производстве работ состояло

[1]) Эвениус—О влиянии свеклосахарных заводов в помещичьих имениях на благосостояние крестьян. Журнал Сельского Хозяйства 1844 г., кн. 3, стр. 100 и д.
[2]) Журнал Мануфактур и Вн. Торговли 1829 г., кн. X, стр. 100 и д.

мастер 1, подмастерьев 2, рабочих 55, всего 58 душ из крепостных его же людей». О заводе Пузанова Щигровского уезда в селе Никитинском говорится: «При производстве работ состояло: мастер 1, подмастерьев 2, учеников 2, рабочих больших и малых обоего пола 25 душ; всего 30 человек на две смены; все крепостные заводчика».

Можно думать, что в первом периоде до возникновения коммерческих сахарных заводов барщина представляла господствующую форму труда на свеклосахарных заводах. Даже квалифицированный состав рабочих набирался из тех же крепостных, обученных предварительно на заводах тех и других соседей. Местные заводы с небольшими посевными площадями свеклы, с коротким периодом производства, могли обходиться без найма посторонних людей.

Свеклосахарное производство носило непрерывный характер в период кампании, между тем барщинных дней было в неделю три. Выход из этого положения был найден в том, что излишние проработанные ими дни зачислялись в счет барщины членов семьи или оплачивались.

В конце тридцатых годов даже передовые помещики, как Лялин не находили возможным выполнять все работы на сахарных заводах наймом.

«Надеяться все делать наймом—это отчаянный способ, пишет Лялин. В Германии и Франции может быть это и удается, там народонаселение побольше нашего; к тому же ловкости француза нельзя сравнить с ловкостью малороссиянина, который прежде несколько раз перепортит, пока привыкнет к обыкновенным фабричным приемам. Редкий из наших крестьян захочет быть на заводе более месяца, и таким образом, каждый месяц должна повторяться суматоха неизбежная при перемене этой нестройной толпы... Избегнуть этих неудач возможно только тогда, когда завод выстроен при имении. Сообразно с обширностью завода и имение должно быть более или менее великое. Если вблизи находятся большие селения, то для завода, могущего переработать 20 тыс. берковцев корней, надо иметь имение не менее 200 душ; количество это может обеспечить завод как мастеровыми, постоянно находящимися при заводе, так и подводами, а в случае надобности и рабочим народом» [1]).

Такой вдумчивый хозяин, как Лялин не считал возможным в конце тридцатых годов успешный ход сахарного завода с одними вольнонаемными. Он был убежден в том, что сахарный завод можно устраивать с выгодой только при имении. Размеры последнего определяют производительную способность завода. Лялин пытался даже установить прямую количественную зависимость между этими двумя хозяйственными комплексами: на 1000 берковцев, перерабатываемых на заводе, нужно иметь 10 крестьянских душ. Вот рациональное соотношение по тому времени между количеством крепостного труда и размерами продукции.

Впрочем, тот же Лялин понимал преимущество вольнонаемного труда, говоря о том, что на заводе Путивльской компании было занято 136 человек, Лялин полагал, что не менее 20 человек употреблено лишних. «Это всегда неизбежное зло тех заводов, которые предполагают работать людьми не вольнонаемными, а присланными от помещиков без разбора в возрасте, поведении, в способностях» [2]). Как видно, в то время практиковалась посылка помещиками на сахарные заводы крепостных без всякого соображения об их пригодности для дела. Понятно, производительность таких рабочих могла представлять даже отрицательную величину.

---

[1]) Лялин нынешнее состояние свекло-сахарного производства... Библиотека для чтения 1838 г., т. 29, стр. 26.

[2]) Там же, примеч. к 34 стр.

Во втором периоде с появлением крупных заводов, с значительными посевами свекловицы, барщинный труд оказывался уже недостаточным. Необходимо было прибегать к найму рабочих. В это время стала преобладать смешанная форма труда барщины и наемная. «Хозяева, возделывающие свекловицу на своих полях, писал Шишков, необходимо должны употреблять особые для того, средства; барщиною это делать невозможно, ибо не достает рук и времени» [1]). Справедливость этого положения подтвердил Симиренко, который указывал на свеклосахарные заводы, расстроившиеся от того, что в них как земледельческие, так и заводские работы производились барщиною». Специальная комиссия, производившая в конце 40-х годов экспедиционное обследование сельско-хозяйственной части свекло-сахарной промышленности, об'ехавшая обширный район с развитым свеклосеянием, сославшись на вышеуказанное мнение Симиренко, отметила в своем докладе: «несмотря на то возделывание свекловицы барщиной встречается, нередко, и в некоторых хозяйствах не употребляют ни одного даже наемного работника. Однако же, более употребительный способ возделывания свекловицы на помещичьих полях есть смешанный, т. е. те работы, на которые достает барщинных рук, отправляются барщиною, а недостающее число пополняется наемными рабочими. Последние употребляются в особенности для полонья и уборки, работы самые ценные и требующие наибольшее число рук» [2]). Из этого авторитетного свидетельства современников можно сделать тот вывод, что к найму рабочих для свекловичных плантаций обращались потому, что не хватало барщинных дней. Не сознание невыгодности этой формы труда, а ее недостаточность заставляла обращаться к наемному труду.

Та же комиссия о Черниговской и Полтавской губ. говорит следующее: «на помещичьих полях свекловица возделывается преимущественно барщиной и в случае недостатка рук, нанимаются рабочие для полонья и уборки. Обработка свекловичных плантаций наймом встречается редко». Полтаво-Черниговский район отличался преобладанием сахарных заводов сельско-хозяйственного типа.

О Киевской губ., где преобладали коммерческие заводы та же комиссия замечает: «некоторые хозяева находят более выгодным возделывать свекловицу наймом и платить наемным рабочим вдвое против того, во что обходится барщина». В этом замечании проскальзывает мысль о невыгодности барщинного труда.

В особом положении находилась Киевская губ. благодаря наличию инвентарей. Автор статьи «Взгляд» на свекло-сахарную промышленность в России [3]), прямо указывает, что инвентарь рабочий, введенный в 1848 г. в губерниях Киевской, Подольской и Волынской. побудил ко многим улучшениям в свекло-сахарной промышленности и к более правильной организации в составе ее. Рабочие дни крестьянина в пользу помещика определены известным числом и потому заводчик, не имея в своем распоряжении всегда столько рук, сколько бы ему вздумалось, вынужден вознаграждать себя большею экономиею труда и более отчетливым ведением дела. Крестьянин в дни, свыше назначенных инвентарем, работает по установленной цене, и свекло-сахарное производство имеет вид коммерческого предприятия, основанного на добровольном согласии между заводчиком и работником. Таким образом даже в Киевской губ. в начале пятидесятых годов применялась смешанная форма труда.

---

[1]) Сведения... выше цит. 1849 г., стр. 5.
[2]) Там же, стр. 6.
[3]) Журн. Мануф. и вн. Тор. 1853 г., кн. I, стр. 111.

Курский помещик Ребиндер, известный в ту эпоху сахаровар, сообщает Комитету сахароваров (1856 г.), что на его заводе работа производится наймом и барщиною, свекловица возделывается барщиною и частью наймом [1]). Наличие такой смешанной формы на свекло-сахарных заводах подтверждает и Комиссия по исследованию свеклосеяния: «работы на свекло-сахарных заводах производятся частью наймом, частью же барщиною, если имеется к тому достаточно рук; при недостатке же последних, число рабочих пополняется наемными. Этот способ встречается чаще всего. На некоторых помещичьих заводах, равно как на заводах, устраиваемых не помещиками, исключительно наймом (в Полтавской губ. завод Ратнера, в Киевской губ. Яхненко-Симиренко)» [2]).

Связь найма рабочих с размерами предприятия хорошо выяснена Шишковым, в его учете работ на свекло-сахарных заводах: «заводские работы не могут быть производимы барщиною при посредственных даже заводах, кроме тех случаев, когда имение слишком велико в сравнении с устройством завода; ибо обработка 100 четвер. в сутки требует по меньшей мере на две смены до 100 чел. работников, и потому на всех почти известных мне заводах работа производится наемными работниками».

Даже самые крупные имения не могли обойтись одним барщинным трудом—об этом свидетельствует любопытный факт покупки гр. Бобринским для своих Смелянских заводов крепостных из дер. Удодовки, Черкасского у., Киевской губ.—46 душ и от кн. Голицына из Харьковской губ. [3]). Этой покупкой заинтересовались власти. Киевский гражданский губернатор обратился с предложением к уездному предводителю дворянства сообщить сведения о положении крестьян при Смелянских сахарных заводах. Интересная подробность—предводителем дворянства был гр. Бобринский, племянник гр. Бобринского, купившего крестьян.

Из отношения Черкасского земского исправника видно, что купленные крепостные были помещены при трех песочных заводах. рафинадном и механической мастерской. Им были предоставлены дома и огороды, для отопления выдавался валежник из саженевых дров, приготовляемых для заводов. Работа их оплачивалась, они «отнюдь не исполняют никакой повинности особливо». Заработная плата колебалась в месяц от 4 р. 50 к до 10 руб. и свыше для особо квалифицированных мастеровых; кроме того выдавался ежемесячно паек муки 2 п. 5 ф., пшена 1 п., соли 4 ф., сала 4 ф., 2 ф. подсолнечного масла, в пост—рыба.

Более подробные сведения о положении купленных крестьян сообщал предводитель дворянства Вл. Бобринский (январь 1854 г.).

При переработке на Смелянских заводах до 180 тыс. четв. свекловицы в год оказывалось недостаточно местной рабочей силы, даже при наличии 4 тыс. душ Смелянского имения. Последнее «далеко не могло и ныне не может поставить нужное число рабочих для приведения в действие заводов без отвлечения коренных крестьян от своих хозяйственных занятий... Для заводов во время осеннего производства нужно более 1500 рабочих в день, а в продолжении остального времени года около 700 в день—не считая рафинадного завода». Приходилось нанимать рабочих

---

[1]) Журнал Сел. Хоз. 1856 г., кн. III, стр. 187.
[2]) Сведения... 1849 г., стр. 42.
[3]) Киевский Исторический Архив. Дело № 202 Киевской губернской инв. ком. Об инвентаре с. Удодовки Черкасского уезда и о приписке этого селения к Смелянскому имению начато в 1853 г. Рапорт Черкасского Земского Исправника гражд. Губ. 13/III—1854 г. Докладная Записка гр. В А. Бобринского ген.-губ. Васильчикову и отношение Черкасского уездного предводителя дворянства Гражд. губернатору 30/IV—1855 г.

до 1200 человек из отдаленных губерний. Это создавало большие неудобства [1]).

Владелица, желая положить конец сему и в надежде упрочить дальнейшее состояние и ход своих заводов, соображаясь с законами (т. XI о пром. фабр. и завод. ст. 65), дозволяющими частным владельцам заводов для производства работ иметь вольно-наемных людей, как и собственных крепостных на сей единственно предмет обращенных, и что по примечанию под 82 ст. того же тома таковые люди могут быть свободны от хлебопашества, нашла людей Харьковской губ. Сумского у. принадлежащих кн. Голицыну, которые по малоземелью в этом имении занимались разными промыслами, изделиями и наемными работами и по высочайшему разрешению в 8 день июня 1854 г., состоявшемуся, дозволяющему кн. Голицыну таковых людей продать гр. Бобринской на своз в Киевскую губ.».

При покупке крестьян им было об'явлено (на основании Свода Зак. т. XI о пром. фаб. и завод ст. 51 и 61 и пр.), что они будут поселены на заводах в роде вольнонаемных, что каждая семья получит дом с огородом, будут предоставлены пастбища для скота, что будет валежник для отопления и что каждый рабочий будет получать зарплату натурой и деньгами.

«На этом положении поселены они в имении гр. Бобринской в пяти местах: при Смелянском сахарном заводе в м. Смеле; при рафинадном заводе в м. Смеле, при Балаклеевском сах. заводе в селе Балаклее [2]); при Яблоновском сахарном заводе в с. Яблоновке; при мастерской в м. Смеле. Как эти крестьяне приобретены единственно для фабричных работ, а земля в Смелянском имении была роздана крестьянам жителям уже до покупки Харьковских и Удодовских крестьян, то они не вошли в инвентарную опись и не подлежат управлению на основании утвержденных 26 мая 1847 г. инвентарных правил».

О положении купленных крестьян предводитель дворянства далее сообщал:

1) Крестьяне ныне приписанные при заводах получили каждое семейство дом с огородом, отведенные им пастбищные места; отопление для домов получают наравне с другими крестьянами имения; каждый рабочий получает ежемесячно паек и жалование по мере заслуг от 3 до 9 руб. серебром. (Эти данные несколько расходятся с теми, какие сообщал в своем рапорте исправник К. В.). Женщины ходят на работу по добровольному согласию и на основании вольнонаемных».

Предводитель дворянства указывает, что крестьяне живут в полном обеспечении, что они в роде льготы до сих пор оброка не платят и обязаны платить только казенные подати». В заключение предводитель отметил значительные расходы, понесенные Бобринской на переселение кре-

---

[1]) О том, что наем рабочих из отдаленных губерний, сопряженный с разными трудностями, побудил Бобринских купить рабочих, говорит и Журавский. «Чтобы положить конец (этим затруднениям) гр. Бобринский приобрел покупкою в Сумском уезде Харьковской губ. 1.000 душ крестьян, перевел их в Киевскую губ., поселил при своих Смелянских заводах на праве фабричных людей и тем навсегда обеспечил заводы свои нужным числом постоянных рабочих. Для переселенных крестьян было устроено 384 дома и при них отведены небольшие огороды».

Фундуклей выше цит. т. III, стр. 81.

[2]) О Балаклее мы находим такое указание у Похилевича: «приписанные к заводу жители состоят из малороссиян, переведенных сюда из Харьковской губ. и великороссиян из Тульской». Похилевич—Сказания... стр. 647. Повидимому, Бобринский перевел кроме того из своего Тульского завода рабочих во вновь устроенные им Смелянские заводы.

стьян, что только постоянный контингент рабочих обеспечивает развитие Смелянских сахарных заводов и просил утвердить крестьян в качестве «фабричных людей».

Как видно из отношения предводителя к гражданскому губернатору был составлен инвентарный список «заводским людям» Смелянского имения, число их определялось в 1225 душ. К сожалению самого списка в деле не оказалось. Предводитель дворянства счел нужным сделать такой вывод: «быт сих крестьян вполне обезпечен производимым им жалованием и содержанием, далеко превосходящим их нужды». Последняя фраза в устах предводителя дворянства, в то же время и племянника гр. Бобринской, набрасывает тень на об'ективность его донесения.

Высшие власти видимо интересовались вопросом, почему купленные крестьяне не были наделены землей. Предводитель дворянства привел в обосновании этого следующие соображения: гр. Бобринская не имела возможности обеспечить их землею. Крестьяне отвыкли от земледелия, не смогли бы работать на заводе и вести хозяйство, наконец гр. Бобринская лишилась бы квалифицированных рабочих.

Как видим, покупка крестьян гр. Бобринской была вызвана недостатком местных рабочих рук для нескольких заводов, сосредоточенных в Смелянском районе. Кажется, в истории нашей свеклосахарной промышленности это был единственный случай. Он достаточно ясно характеризует напряженность рынка труда в районе развитой свекло-сахарной промышленности.

Откуда же свеклосахарная промышленность получила наемных рабочих? Вольнонаемных поставляли прежде всего государственные крестьяне. Последние, не неся барщины, платили государству оброк и подати. Располагая относительно большой свободой, они могли уходить на заработки на фабрики, заводы и проч. В качестве наемных рабочих привлекались и помещичьи крестьяне. С развитием денежного оброка помещичьи крестьяне шли в отхожие промыслы; разумеется поступали и на свеклосахарные заводы. По отношению к заводчику они являлись вольнонаемными, т. е. не находившимися в крепостной зависимости от него. Отличие их от кабальных рабочих заключалось в том, что они становились на работу самостоятельно независимо от своего помещика, между тем, при найме кабальных людей договор заключал помещик, он же получал и условную за труд плату. Работа таких вольнонаемных приближалась по своей производительности к наемному труду, так как они были лично заинтересованные в этой производительности, получая в свое полное распоряжение заработную плату. Труд кабальных рабочих не мог превышать своей производительностью барщину, так как заработная плата поступала помещику; положение их было даже хуже местных крепостных в виду того, что кабальные рабочие в свекло-сахарной промышленности отрывались от своего дома, хозяйства. Этим и можно об'яснить побеги таких рабочих, на что часто жаловались сахарозаводчики.

Сахарозаводчикам приходилось нанимать рабочих соседних губерний через особых агентов. Агентами являлись крестьяне помещика или вольные люди, получавшие за хлопоты вознаграждение по числу доставленных душ. Большой недостаток рабочих испытывал Черкасский свеклосахарный район (Киевской губ.). Заводы этого района нанимали рабочих в Полтавской, Могилевской и Минской губ. Наем рабочих делался на условиях, заключаемых с помещиками их [1]) по которым обеспечивалось,

[1]) Рабочие для сахарных заводов нанимались, главным образом, из Белоруссии, что же касается соседних украинских губ. то здешние помещики неохотно отпускали своих крестьян на заработки. У Фундуклея находим такое замечание:

с одной стороны, содержание и оплата рабочим, а с другой—аккуратность в присылке рабочих и надзоре за их исправностью. У Фундуклея приведен ряд договоров по найму рабочих между Могилевскою гр. Б конторою и Кругловскою кн. Б. экономиею. «Кругловская экономия отпускает для поступления в работы на Смелянские сахарные заводы ей принадлежащих крестьян от 40 до 50 человек. Заводское начальство пользуется теми полицейскими правами, как их владелец; жалование за 24 рабочих дня по 2 р. 57 к. сер.; путевые издержки Могилевская контора берет на себя; на обратный путь из завода выдается на путевые издержки по 1 руб. сер. на человека.

Харчевым содержанием при заводах крестьяне будут пользоваться в общей застольной казарме наравне с прочими чернорабочими, по существующему на заводах порядку, или же буде от того по уважительным причинам не пожелают, то будет производиться им провизия, а именно: муки ржаной 1 п., гречневой 20 ф., круп 1 п., соли 4 ф., сала 3 ф., олеи 2 ф., или вместо оной 4 ф. рыбы, а во время производства работ при заводе по 16 ф. говядины на человека в месяц. Срок найма устанавливался такой: от 10 декабря 1846 г. по 1 апреля 1847 г. если окажется нужным то и до 15 апреля. В случае болезни крестьян Кругловской экономии, платежа жалования за сие время не полагается, а за самовольный прогул отсчитывается за каждый прогульный день, кроме того дня, в штраф еще один день действительной работы. Для присмотра за ними со стороны Кругловской экономии в дороге и во время бытности их на заводе должен быть приказчик. Рабочие должны были быть снабжены бельем и одеждою. В случае же какой у кого либо из крестьян недостачи, все таковое будет на счет Кругловской экономии куплено здесь Могилевскою или при заводах Смелянскою конторою».

В архиве Ольшанского сахарного завода найден один контракт по найму рабочих от 1861 г.[1]). Отставной поручик Плавинский по доверенности от Главного Управления Ольшанским имением заключил контракт с старшиною местечка Горох (Могилевской губ. Ольшанского уезд.) Мак. Давыдовым и выборным от артели крестьян. Условия найма таковы: срок найма 6 месяцев, нанимаются как для сельско-хозяйственных, так и заводских работ; месячная плата работнику — 5 руб. 50 коп., полурабочему (15—20 лет) 2 руб. 75 коп., женщины отнесены к полурабочим. Плата выдается на руки, в счет платы рабочие получали задаток по 9 руб., полурабочим по 4 руб. 50 коп. В случае получивший задаток не являлся на работу, ответственность несла артель. Продолжительность рабочего дня для заводских работ не оговорена, сказано, что рабочие стают на работу и прекращают ее по сигналу. На фольварочных же экономических работах обязаны выходить на работу «с восходом и сходить с ней с заходом солнца». В случае невыполнения заданной работы или неисполнения ее, рабочие уплачивают штраф в размере 20 коп. в день, полурабочие 15 коп. и кроме того не получают харчей. На фольварочных работах дается часовой отдых во время обеда. В воскресенья и главней-

---

«входить с самими владельцами имений в договор о найме людей на работу, также будет безуспешно, потому что помещик не может согласиться на наем, имея в собственном хозяйстве достаточно работ и при том же договариваться он может только за три дня барщины, а другие три дня зависят от крестьян. Фундуклей... т. III, стр. 77. Крестьяне соседних имений шли на свекло-сахарные заводы самовольно. «Увлеченные выгодными заработками и стаканом порционного вина крестьяне соседних заводов и селений самовольно отлучались на ближние плантации, там работают по целым неделям и удаленные от домов и особенно от ближайшего надзора родных и своих владельцев, привыкают к разгульной жизни, к лености и бродяжничеству». Фундуклей там же.

[1]) К. У. Н. Арх. Древних актов, архив Браницких.

шие праздники рабочие освобождаются от работы. Работа в праздники допускалась за отдельную плату по взаимному соглашению.

Обувь и платье рабочие должны были иметь свое. В случае болезни лечение безплатное, но за время болезни рабочий не получал платы. В случае смерти, похороны производились за счет экономии.

Харчи в скоромные дни, обед и ужин—борщ да каша, борщ с салом или говядиной; на 44 души 4 ф. сала на обед и столько же на ужин. Говядина выдавалась по такому эквиваленту—4 ф. равны 1 ф. сала. В постные дни, борщ с постным маслом и рыбой (4 ф. постного масла, 2 ф. рыбы приравнивались 1 ф. постного масла); хлеба ржаного «до сыта».

Инструменты давала контора, в случае потери вычитывалась стоимость, увольнение рабочих до срока не допускалось за исключением случаев болезни более месяца или «неодобрительного поведения». Экономия предоставляла рабочим еженедельную баню.

Расходы по договору несла экономия, по выборке паспортов—селяне.

По тому времени условия найма удовлетворительные. Невыясненным оставалась продолжительность рабочего дня. Особенно заслуживает быть отмеченным, что исключалась работа в праздники. Если же она была нужна, в таком случае оплачивалась отдельно по взаимному соглашению. Предоставление бани, дарового лечения, принятие похорон за счет экономии, все это свидетельствовало о том, что в крупных имениях рабочие были поставлены в лучшие условия.

Эти договоры показывают, что сахарозаводчики нанимали для работ крепостных у Белорусских помещиков. Эта форма найма при наличии крепостного состояния, принимала подчас характер торговли невольниками. Интересные указания на этот счет дает Самарин.

«В пятидесятых годах, пишет он, Киевские сахарозаводчики посылали агентов нанимать у помещиков крепостных и те гнали «таких невольников» целыми партиями. Пришедши на место эти белые негры томятся болезнями, умирают десятками, тоскуют и бегут толпами, так что в работах бывают остановки». Как говорит Самарин, фабриканты посылают евреев за Днепр подряжать людей у помещиков; они вербуют их сотнями, забирают деньги и отпускают с евреем без продовольствия, без теплой одежды. Г. рассказывал, что встретил на пароме целую партию таких невольников обоего пола, разных возрастов, которых подрядили евреи: «Не лучше ли набирать вольно?» «Э, что вольных. С ними хлопоты, а здесь сторговался с помещиком и конец. Вот у меня с пятьдесят человек сбежало назад с дороги; я обратился к помещику с жалобой, перепорол их нагайкой, теперь и делай все, что хочешь» [1]). Как видим, приведенные выше контракты далеко не покрывали тех реальных условий, в каких происходил наем крепостных и передвижение их на места работы.

Рабочих на плантации в значительном количестве поставляла Полтавская губ. Полтавские рабочие, познакомившись с заработками и найдя их выгодными, стали приходить на Киевские заводы сами собой без приглашения и стали приводить с собой новых, так что число их с каждым годом увеличивалось [2]).

«Первые партии, прибывшие рано, не встречая на пути нуждающихся

[1]) Самарин—Сочинения т. II, стр. 66. «Кабальные рабочие, пишет Балабанов, шли оборванные и голодные, за сотни верст на сахарные, винокуренные, суконные заводы, чтобы кровью и потом накоплялся дворянский и купеческий капитал, как той же цели служили и прочие случаи использования крепостного труда на вотчинных и других фабриках». Балабанов—Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. I, стр. 78

[2]) Вольнонаемные работы в губерн. Волынской, Подольской, Киевской и Херсонской. Журнал Мин. Госуд. Имуществ 1861 г. Ноябрь, стр. 118 и д.

в них, идут прямо в знакомые им имения и нанимаются тут довольно дешево, потому что в начале в них особенно не нуждаются, ибо первую полку плантаторы могут производить орудиями, при помощи лошадей, следовательно могут обойтись без значительной ручной работы. Тем не менее плантаторы имея в виду прорывку, которая при благоприятной (влажной и теплой) погоде может наступить вскоре, хотя и не имеют постоянной нужды в рабочих, всетаки нанимают их на первую полку. Но вот наступила и прорывка. У одних из хозяев собралось достаточно рабочих, у других мало. Последние, видя, что ждать рабочих прихода более не приходится, отправляются к ним на встречу к Днепру. Тут стараются перехватить их на самой переправе, пока они еще не разбрелись, соглашаются на все условия работников, мало мальски подходящие и возвращаются с народом домой, покойные и веселые. Остальные рабочие, не нанятые, направляются или в места куда обещали прийти или отыскивают работу по пути, где случится. Искать им приходится недолго: на дороге их постоянно останавливают и нанимают, и тем настойчивее, чем погода благоприятнее. Ибо хорошая погода если способствует произрастанию свекловицы, то в то же время содействует и усиленному развитию сорных трав, от которых необходимо очистить плантации возможно скорей, до наступления жары, пока травы эти не успели очень усилиться; поздняя очистка далеко не приносит той пользы, какую доставляет своевременная. Поэтому всеобщий спех понятен. Иной хозяин, положившись на обещания прошлогодних работников притти к сроку, поджидает их терпеливо и нередко понапрасно. Ибо их успел кто нибудь перехва́лить по пути. Наконец надежда оставляет хозяина, он начинает тревожиться; работники местные, заметя нужду в людях, начинают требовать возвышения платы, на что плантатор конечно соглашается. Мало того, он об'являет на базарах цены высшие тех, по которым работают на соседних плантациях, обещает отличную пищу, самый лучший хлеб и вдоволь водки. Прослышав о таких выгодных условиях, рабочие на соседних плантациях или тотчас же оставляют работу, поручив причитающиеся за работу деньги получить за себя другим и отправляются к владельцу набившему цену—или дожидаются до первого воскресения и уже, тогда получив сполна расчет, от прежнего хозяина, идут на новое место, плантатор видя это, чтобы не лишиться и остальных рабочих начинает улучшать пищу, прибавляет порцию водки, возвышает заработную плату, посылает секретно ходаков к ушедшим рабочим с предложением новых условий. Если эти новые условия оказываются выгодными, то рабочие, дождавшись недельного рассчета, оставляют своего хозяина, возвращаются назад и даже приводят с собой новых. Короче, поденные рабочие перекочевывают беспрерывно с места на место, конкуренция доходит до огромных размеров, а следовательно, возвышается и заработная плата... Многие по́мещики, в ограждение себя от такой конкуренции, нанимают для полевых работ работников по контрактам, из казенных и помещичьих оброчных имений Могилевской, Витебской, Смоленской, Орловской и других губерний. Работниками из этих мест в наибольшем количестве пользуются гр. Бобринский и Яхненко и Симиренко. У них есть даже особые комиссионеры, постоянно раз'езжающие в разные страны для найма людей. В 1858 г. у гр. Бобринской было на работе более 2000 татар, нанятых в Пензенской губ. по 5 руб. в месяц, с продовольствием на счет нанимающего. В угождение татарам на продовольствие отпускались и лошади: конина—любимое кушание татар. За работами присматривали знающие русский язык муллы. Работою татар граф был более доволен, чем работою белорусских крестьян».

Приведенная выдержка ясно показывает, насколько остро стоял вопрос с рабочими руками в горячее время на свекловичных плантациях. Недостаток рабочих рук в летнее время в лесостепной полосе Украины, густо населенной, обусловливался отливом рабочих в степь, где в это время сельское хозяйство достигло значительного развития. Степь предъявляла в горячую сельско-хозяйственную пору огромный спрос на рабочие руки. Тысячи рабочих из окрестных губерний шли в степь особенно для покоса и жатвы. По словам Скальковского, плата косцам и жнецам бывала в день от 40 до 60 коп. [1]).

В известной нам анкете сообщается, что в 1839 г. во время сенокоса заработная плата доходила от 1 р. 10 к. до 1 р. 20 коп.

Случалось, что сенокос почти совпадал с жатвой, тогда землевладельцы прямо вырывали друг у друга рабочих и платили любую цену (on s'arrache les ouvriers et on les paie tous ce qu'ils demandent), плата подымалась до 2—3 руб. в день. Во время покоса заработная плата обычно ниже, чем во время жатвы, так как многие работники, приходящие на время покоса, возвращаются к уборке урожая домой. Заработная плата женщин не превышала $^2/_3$ оплаты мужского рабочего дня. Пришлые рабочие нанимались на хозяйских харчах. Кормили их четыре раза в день; полагалось на день два или три стакана водки и хлеба по желанию. В постные дни мясо заменялось рыбой и подсолнечным маслом. Стоимость харчей по анкете определялась в 15—20 к. Обычно, и землевладельцы степной полосы посылали комиссионеров в соседние губернии для найма рабочих, выдавая им задатки.

Конкуренция на рынке труда со стороны землевладельцев степной полосы должна была ухудшать положение сахарозаводчиков губерний, соседних с степными; в результате от этой борьбы предпринимателей выигрывали рабочие на свекловичных плантациях.

«Не имея возможности получить большое число рабочих из собственных имений, заводчики заключали договоры с государственными крестьянами, с вольными малороссийскими крестьянами, с солдатами, отпущенными на неопределенное время, и в особенности с крестьянами соседних имений» [2]).

«Прежде нанять чужого беглого крестьянина почиталось делом бесчестным, пишет Самарин. Теперь все делают по необходимости и никто не жалуется. Помещики, возделывающие свекловицу, зазывают баб из соседних деревень, они приходят тысячами и договариваются о цене. Другие отбивают их обещанием высшей платы; начинается торг, но о крепостном праве и помину нет. Потребность вольного труда так велика, стремление рабочих сил к нему так неудержимо, что притязания, основанные на букве устарелого закона, как бы умолкли» [3]). Крупное свеклосахарное производство, возникшее раньше всего на Правобережной Украине, разбивало те путы, какие ставило на пути его развития крепостное состояние.

В виду острого недостатка рабочих во время полки и прорывки буряков, помещики прибегали к разным приманкам в целях набора рабочих.

---

[1]) Скальковский—О хлебопашестве в Новороссийском крае. Жур. Мин. Вн. Дел 1851 г., кн. VII, стр. 68, 69.

[2]) Petzholdt—Reise im westlichen und südlichen europäischen Russland im Jahre 1855. Leipzig, 1864. S. 97.

[3]) Сочинение Ю. Самарина, т. II, М. 1878 г., стр. 5. В повести Левицкого—«Микола Джеря» мы находим указания на то, что «помещики ссорились с сахароварами, принимавшими к себе на заводы без паспортов их крепостных. Обращались к содействию полиции для водворения беглецов».

Художественное описание таких приемов находим у Ив. Левицкого в его повести «Микола Джеря».

«З-за вугла вилетіла пара коней, а за кіньми з'явився довгий німецький фургон. На передку сиділи музики й грали... за першим фургоном викотився з-за вугла другий. На обох фургонах було повнісінько дівчат та хлопців».

Возчик еврей так созывал рабочих на бураки:

«Мир хрещений, всі люди добрі... посесор закликає вас до себе на роботу, на буряки, дає по восьмигривенику на день на його харчах; для дівчат та хлопців гратимуть двічі на день музики, ще й фургонами привезуть назад». «Сідай, чорнобрива, на віз та й їдь до нашого пана на буряки, матимеш гроші, хліб, сіль ще й музики на присмаку». Молодежь охотно шла на свекловичные плантации.

«На посесорських буряках народу було ще більше ніж учора. З далеких небагатих сіл поприходили на роботу дівчата та хлопці на цілий тиждень. Декотрі ставали на роботу на панських харчах, а декотрі носили з дому хліб, сухарі, сало, цибулю й тим харчувались цілий тиждень до суботи».

В период заводских работ напряженное состояние рынка труда слабело, так как спрос на труд поздней осенью и зимой в степной и лесостепной полосе резко сокращался. Современники отмечают, что сезонные рабочие на сахарных заводах не оставались долго на одном месте. Скучная работа на заводе, требовала неустанного внимания в течении 12 часов в тяжелых внешних условиях; для непривычных к фабричному труду становилась невыносимой. Проработав месяц, два, рабочий требовал расчета. Иногда такое требование пред'являла целая артель рабочих, что угрожало заводчикам огромными убытками [1]). В ограждение от подобных случайностей заводчики стали нанимать рабочих в казенных волостях по контрактам на весь производственный период. И эта мера не достигла своей цели. Рабочие уходили с завода самовольно, не считаясь с контрактом. В таком случае заводчик нес двойной убыток: лишался рабочих и терял задатки, так как взыскать их представлялось делом крайне трудным и хлопотливым.

Побеги крестьян с работ озабочивали заводчиков. Для предупреждения побегов выдвигались разнообразные проекты. Крупный помещик степной полосы Филиберт предложил ряд мер, которые по мнению его критика, «отзывались страшнейшим ригоризмом, совершенно дисгармонирующим с той мягкостью, которая веет теперь повсюду». По мнению Филиберта, «штрафы и строгие взыскания необходимы. Волостным правлениям и сельским расправам следует, по получении жалобы от землевладельца, арестовать работника и препроводить его немедленно туда, откуда он бежал, для отслужения условного срока» [2]).

Самовольный уход рабочих в тот сезон, когда нельзя было найти каких либо других заработков, являлся не результатом злой воли рабочих, а представлял протест на тяжелые условия труда на свеклосахарных заводах, на скверные харчи и пр.

---

[1]) Вольнонаемные работы в губ. Волынской, Подольской и пр. Журнал Мин. Госуд. Им. Ноябрь, 1861 г., стр. 116.

[2]) Там же стр. 147. Другой представитель сельских хозяев степной полосы в видах избавления хозяев «от неприятного, гадательного и тревожного положения, в которое их ставит прибытие вольнонаемных работников, и в видах устранения своевольства последних в назначении цен, предлагал военному ведомству приказать солдатам, отпускаемым на работу, чтобы они не смели брать выше однообразной, сколь возможно умеренной платы за их труд и при этом оставить их на полном продовольствии не от нанимающих, а от команд». Там же стр. 149.

Тот же автор приводит пример завода Ал. Комара, где никогда не бывало случаев, чтобы рабочие среди кампании требовали расчета. Причины этого те, что «завод имеет хорошее устройство, во-вторых, во все продолжение кампании соблюдается строгая аккуратность в уплате и строго оберегаются выгоды рабочих. Кроме того, сверх помесячной платы, всякий рабочий, по окончании кампании, получает особую награду, которой работники вообще очень дорожат» [1]).

В дальнейшем автор дает указания, как нужно обращаться с рабочими: «во-первых, надо избегать не только угрозы, но даже возвышения голоса—это легко может взволновать всех рабочих, они бросят работу, отнимут у распорядителя всякую возможность действовать и станут настоятельно требовать расчета». Сказанное особенно относится к казенным крестьянам и военным поселенцам. Во-вторых, необходимо беспристрастно исследовать причину неудовольства работников. Иногда она заключается в неопытном обращении наставников, привыкших бранить за дурную работу не виноватого, а всех. Такая брань гуртом очень обижает трудолюбивых по натуре работников, которые таким образом пристают к недовольным и тем усиливают волнение. Иногда неудовольствие происходит от того, что, по неаккуратности магазинщика или других лиц, рабочие не получают следуемой порции. Наконец в иных случаях вся вина падает на кухарок и хлебопеков, которые по лени не готовят кушания и хлеба, как должно. Весьма часто стоит только устранить эти беспорядки, чтобы успокоить рабочих. Вообще они высоко ценят заботу об их нуждах, и на них имеет сильное влияние спокойное и ласковое обращение» [2]).

На коммерческих сахзаводах, славившихся тогда образцовой постановкой дела, частичное применение барщинного труда носило такой характер: экономия поставляла заводу рабочих за плату, одинаковую с посторонними (практика завода Куколь-Яснопольского). Иногда, к заводу приписывалось определенное число тягл, которые работали на завод в течении $^1/_3$ года, а в остальное время выполняли собственные работы [3]).

Как крепостные могли выполнять заводские работы, все же требовавшие навыка? Ответ на этот вопрос мы находим в отчете о ходе работ на заводе Скалона.

«Для крестьян моих, работавших на заводе свеклосахарное производство было дело совершенно новое, несмотря на это они весьма скоро привыкли к работе; завод устраивал простой русский мужик, но притом весьма смышленный сахаровар, прежде бывший Давыдова» [4]).

Техника проивзодства на огневых заводах отличалась простотой и несложностью; к тому же небольшое число квалифицированных рабочих, нужное для производства, набиралось или путем найма или предварительно крепостные обучались на других сахарных заводах.

На паровых заводах, в особенности там, где применялись механические двигатели, барщинный труд оказывался непригодным.

Использование многих технических усовершенствований тормозилось отсутствием квалифицированных рабочих. Выход из этого противоречия был найден в выписке мастеров из-заграницы.

---

[1]) Там же стр. 118. Интересно указание того же автора, что дурное обращение с рабочими приводило «к явному неповиновению и бунту». Очевидно, подобная защита рабочими своих прав встречалась нередко и на свекловичных плантациях и на свеклосахарных заводах.

[2]) Там же стр. 124.

[3]) Описание хозяйства в имении Куколь-Яснопольского В. Н. Жур. Сел. Хозяйства 1865 г., кн. VI, стр. 226.

[4]) Записка V Комитета Сахароваров, стр. 52.

Продолжительность рабочего дня при наличии двух смен равнялась двенадцати часам. В контракте, заключенным Киевским помещиком Залесским на учреждение в казенном имении свеклосахарного завода, было установлено, что завод работает днем и ночью с двумя сменами рабочих, для одной считается рабочий день с 12 ч. пополуночи до 12 ч. пополудни, а для другой с полудня до полуночи [1]). Указание на то, что работа на заводах производилась в две смены встречаем во многих источниках. Можно признать, что двенадцатичасовый день был обычным для изучаемой эпохи [2]).

Встречалось и такое деление рабочего дня: каждая смена работала 6 часов подряд и затем 6 часов отдыхала. Таким образом продолжительность рабочего дня составляла в сутки 12 часов с перерывами по шесть часов [3]).

Что можно сказать об условиях работы на сахзаводах? В виду того, что многие заводы представляли крайне примитивные постройки, обстановка труда была в них крайне тяжелая.

Работа велась в ручную. Свеклу мыли, затем превращали на ручных терках в мязгу или кашку. Работа эта производилась, главным образом, женщинами, так как считалась легкой, хотя на самом деле не была таковой. В помещении, где эта работа производилась, свекла и вода разносилась вручную корзинами и ведрами, поэтому было мокро, сыро и грязно, а так как обыкновенно кампания производилась в осеннее время (сентябрь, октябрь, ноябрь), то и холодно. Одежда на рабочих была всегда влажная, как от воды, так и от разбрасываемой во время трения мязги; обувь, благодаря мокрому состоянию пола, была также пропитана смесью воды и сока: одежда и обувь, таким образом, быстро изнашивалась и приходили в негодность. Сырость помещения, пропитывавшая одежду и обувь, самым гибельным образом отражалась на здоровье всех занятых этой работой мужчин, женщин и детей.

Самая работа—насыпка, пересыпка свеклы с одного места на другое при помощи корзин, мешков, деревянных ящиков и пр., мытье свеклы руками в холодной воде, растирание свеклы в мязгу на терках, была работой весьма тяжелой. Кроме того от беспрерывного соприкосновения голых рук, особенно пальцев, с водой и соком сморщивалась кожа, пальцы сводило от ревматизма, появлялись боли в суставах, волдыри, раны; разъедаемые свекловичным соком, они мучительно болели и причиняли рабочим тяжелые страдания.

Особенно была тяжела работа по выжиманию сока из свекловичной каши. Производилась эта работа большим количеством рабочих, которым для поощрения выдавалась водка и закуска (сельди, сало, хлеб). Необходимо было выдавить возможно большее количестве находящегося в кашке сока, стремясь к тому, чтобы в вырабатываемой затем кашке оставалось как можно меньше сахара. Рабочие, надсаживаясь и надрывая грудь и руки, спотев от выпитой водки и тяжелой работы, подгоняемые руганью и нагайками, лезли в буквальном смысле из кожи. При чем, так как работа производилась на заводах большею частью в две смены по 12 часов

---

[1]) Сведения выше цит. 1849 г., стр. 43.

[2]) Скалон, Харьковский сахарозаводчик, в своем отчете Комитету Сахароваров пишет: «у меня работы, как почти на всех заводах, разделены на две смены; во всех отделениях назначены смотрители, которые на досках отмечают ход работ; по окончании смены, сдав в совершенной чистоте свои отделения, несут доски для проверки главному мастеру и когда он подпишет, что верно, они несут оные в заводскую контору, где 12 часовая работа вносится в журнал». Записки VIII Комитета Сахароваров. Жур. Сел. Хоз. 1841 г., кн. I, стр. 60.

[3]) Журнал Сельского Хозяйства 1855 г., кн. VI, стр. 190.

каждая, то между сменами при помощи лишней рюмки водки поощрялось особого рода соревнование—старание быть лучше другой смены, т. е., сделать на один два пресса более ее. Потные, насквозь промокшие подвергаясь действию сквозных ветров, чем сахарные заводы особенно замечательны, рабочие простуживались, заболевая различными болезнями. От натуги и чрезмерного напряжения на рычагах, рабочие сплошь и рядом получали грыжу, кровохаркание, кровотечение из носа и проч.

Работа производилась при весьма тусклом керосиновом освещении, а то и каганцевым, что вызывало массу несчастных случаев.

Особенно трудной была работа в пробелочном отделении. Здесь, люди, и мужчины и женщины, работали голые, только чуть прикрывшись у пояса. Вызывалось это нестерпимой сорокаградусной жарой, какая обыкновенно была в этом помещении [1]).

Как известно, свекло-сахарное производство приурачивается к поздней осени—зиме. При плохом устройстве заводских помещений разница температур должна была действовать на рабочих крайне гибельно. Обозреватель Черниговских свекло-сахарных заводов писал в начале пятидесятых годов: «в холодное время пары ,сгущаясь, наполняют воздух таким густым туманом, что часто на расстоянии полушага невозможно видеть работающего; сверх того, пары эти, обращаясь в капли, садятся на все здание, которое от этого, конечно, не делается прочнее, имеют вредное влияние на здоровье рабочих» [2]).

На сахарном производстве использовался, в этот начальный период и труд малолетних, как это видно из случайных разрозненных сведений. Один из вдумчивых наблюдателей современной жизни И. Тургенев писал в своей записке—«Нечто о состоянии крепостных крестьян в России»: «Прежде малолетние оставались в покое, но ныне пагубное обыкновение заводить фабрики даже в губерниях плодородных, побудило помещиков обратить детей обоего пола к работе на фабриках, изнуряющих их силы физические и нравственные» [3]). В дальнейшем тот же современник говорит: «главнейшие из сих злоупотреблений состоят в изнурении крестьян тяжкой работой» [4]). Передовые современники понимали изнурительность и тяжесть барщинного труда на фабриках, в особенности, для малолетних.

Встречаем в изучаемую эпоху и другое мнение о легкости и приятности труда сахарников. Бартошевич уверял, что выделка домашнего сахара представляет легкую и приятную работу. По его словам, «он не знал другой такой работы, при которой время шло бы так весело, как при выделке домашнего сахара» (że nie znam datąd innej pracy przy ktőrejby tak czas wesoło schodil, jak przy robieniu domowego cukru [5]).

У Понятовского, представителя Киевских сахарозаводчиков, мы находим такую характеристику обстановки труда на свекло-сахарных заводах: «работы вообще не изнурительны, происходят в теплых местах и при введении центробежных машин, высокая томительная температура сушек вовсе не требуется, следовательно, здоровье работников не подвергается

---

[1]) См. Очерки и материалы по истории рабочего вопроса в сахарной промышленности. Киев, 1922 г. В. I, стр. 32 и д.

[2]) Гутман. Обозрение фабричной и заводской промышленности Черниговской губ. в 1851 г. Жур. Мануф. и Вн. Торг. 1853 г. октябрь—декабрь, стр. 175—176.

[3]) Сборник исторических материалов, извлеченных из архива е. и. в. канцелярии. В. IV. Спб. 1891, стр. 450.

[4]) Там же стр. 450.

[5]) См. Bartoszewicz — Szkoła wyrobu domowego cukru z burakow, Wilno, 1841 Stor. 81.

опасности» [1]). В этом отзыве сахарозаводчика, старавшегося представить обстановку труда рабочего-сахарника в благоприятном свете, все же ясно видна губительность условий труда для здоровья рабочих до введения центробежных машин. Так как технически усовершенствованных заводов даже и в пятидесятых годах было сравнительно немного, то даже и в этой оценке косвенно выявлялись неблагоприятные стороны труда сахарников.

В свекло-сахарной промышленности, как и в других отраслях, технический прогресс ввел за собой улучшение внешних условий труда. Введение сложных, дорого стоющих машин, аппаратов и снарядов требовало больших, светлых помещений, хорошо защищенных от атмосферных влияний; этим само собой улучшалась и внешняя обстановка труда сахарников. До свобождения крестьян сахарные заводы с высокой техникой представляли исключение, а потому внешние условия труда на таких заводах не являлись типическими для данной эпохи.

В не раз цитированной нами статье «Взгляд на свеклосахарную промышленность в России», мы находим указание на то, что «нередко заводы состояли из темных и тесных зданий, в которых так перепутано внутреннее расположение снарядов, что оно стесняло работы, требовалось много лишнего топлива. Заводы лишены двух важных условий успешного производства—чистоты и света, отчего образовывались закиси и брожения в соках» (стр. 145).

К технически усовершенствованным сахзаводам нужно отнести указания одного из современников на благотворное влияние заводского труда на уровень развития рабочих.

«Правильная установка и изящность машин возбуждают любопытство в работнике, следовательно, не дают ему скучать, падать духом, мало того—развивают его умственно. Ни одно из технических заведений не представляет столько условий к развитию работников как свеклосахарное; здесь нашли применения все новейшие и крайне любопытные открытия физики, химии и механики. Работник, занимавшийся некоторое время на сахарном заводе и находившийся поочередно при различным операциях, заметно делается умнее и бойчее в особенности, если он имел возможность по каждому из занятий получить надлежащее об'яснение. В Подольской губ. есть несколько свеклосахарных паровых заводов, устроенных по самым новейшим методам и на которых между тем вовсе нет технологов-специалистов; все дело ведется сахароварами и машинистами-самоучками из местных крестьян» [2]).

Работа на таких свекло-сахарных заводах расширяла кругозор рабочих, обогащала их познаниями, прививала технические навыки, дисциплинировала и воспитывала их. Ценно в приведенной выдержке указание на то, что на заводах с высоко усовершенствованной техникой работали в качестве мастеров, машинистов, самоучки из крепостных.

Обращались с крепостными, занятыми на свеклосахарных заводах, жестоко. В архивах хранятся не мало дел, рисующих тяжелую обстановку труда сахарников. Из донесения Винницкого Земского Суда о крестьянине м. Браилове Никифоре Андрееве, пытавшемся утопиться из страха наказания со стороны управляющего сахарным заводом Миллера (1846 г.) видно, что 8 сентября крестьянин м. Браилова помещика Полициана Юковского Никифор Андреев, 27 лет, хотел утопиться по такой

[1]) Понятовский—Практические замечания о свекло-сахарной промышленности в юго-западных губерниях. Труды Комиссии, выс. учрежденной пир Университете Св. Владимира для описания губ. Киевского округа. Киев, 1855 г., т. III, стр. 3.

[2]) Вольнонаемные работы... Жур. Мин. Госуд. Им. Ноябрь, 1861 г., стр. 117.

причине: с раннего утра 8 сентября в праздничный день занимался рафинировкой сахара «без отлучки до самого полудня». Когда ему захотелось есть, то он без разрешения Миллера пошел в местечко поесть; по дороге выпил на 1 коп. сер. Когда он возвращался на завод, его встретили посланные за ним и сообщили ему, что Миллер угрожал наказать его розгами и отослать в г. Каменец. Андреев, испугавшись этого, вырвался и бросился в реку, чтобы покончить жизнь самоубийством» [1]). Но его удалось спасти. По расследованию этого дела, Подольский граждан. губернатор сообщал, что Никифор Андреев и не думал топиться, а бросился в реку, чтобы бежать, что Миллер, «не был изобличен» в своих угрозах, и что он вообще обходится с рабочими «снисходительно». В последней фразе ясно желание начальства потушить дело. Приведенный случай достаточно ярко характеризует обстановку труда сахарников из крепостных: работа в большой праздник с раннего утра до полдня до перерыва, без пищи сама по себе характерна для положения труда в изучаемую эпоху; кстати сказать, это было уже накануне введения инвентарей. Тот факт, что парень в возрасте 27 лет испугался угроз и решился даже на самоубийство, говорит, что он наблюдал случаи приведения угроз в исполнение. Наказание розгами казалось ему столь тягостным и позорным, что Андреев предпочел ему смерть. Официальная версия о том, что здесь не было попытки на самоубийство, а простое бегство, расходится с донесением Земского Суда. Кстати сказать, и Земский Суд в эту эпоху должен был скорее поддерживать помещика, чем его крепостного.

Из донесения Заславского земского суда [2]) мы узнаем ,что селянин м. Шепетовки, принадлежавшей Сангушко, Никифор Петион подал жалобу в суд на мастера Шепетовского сахарного завода. Жалобщик—крепостной получал зарплату в размере 4 р. 50 к. сер. в месяц и терпел почти ежедневно побои, как и другие рабочие, а также работал по воскресным и праздничным дням. Генерал-губернатор поручил Волынскому губернатору произвести расследование; последний в своем донесении сообщал, что мастер, на которого поступила жалоба, был иностранец—Робин Сильмо, отличался вспыльчивостью, применял «собственноручные побои за упущения», что он уже удален с сахарного завода. В рапорте Земского суда так описываются эти побои: «начал его бить нещадно по обыкновению без всякой вины и разбил в кровь лицо, отчего находятся на губах следы запекшейся крови, а на голове знаки». Такие факты встречались на лучшем заводе того времени—Шепетовском, устроенном на чисто коммерческих началах. Как же обращались с рабочими на примитивных сахарных заводах с барщинной организацией труда! Тщательное изучение местных архивов даст нам не одну кровавую страницу, рисующую в жутких чертах положение крепостного труда на сахарных заводах изучаемой эпохи.

Приведенные два факта, выхваченные из жизни рабочих-сахарников, рисуют безотрадную картину издевательств, жестокостей, переносимых рабочими от иностранцев. Очевидно, к нам шли из заграницы худшие элементы, не имевшие возможности устроиться на родине. Здесь в стране рабов они позволяли себе безнаказанно издеваться над крепостными, от-

[1]) Киев. Цен. Истор. Архив. Дело № 463, 1846 г. по канцелярии Киевского Военного, Подольского и Волынского генерал-губернатора. По донесению Винницкого Земского Суда о крестьянине м. Браилова Никифоре Андрееве, намеревавшемся утопиться во избежание наказания управляющего сахзаводом Миллера.

[2]) Киев. Центр. Ист. Арх. канцел. Киевск. ген.-губернатора д. № 440 по донесению Заславского Земского Суда о занесенной крестьянином м. Шепетовки Ник. Петиомом на мастера сахарного завода жалобы за наказание его и других крестьян и употребление их к работе в праздничные дни, нач. 28 сентября 1846 года.

данными в их распоряжение. И эти факты возможны были накануне введения инвентарей, этого предвестника освобождения крестьян.

Преобладающей формой оплаты на сахзаводах являлась повременная поденная зарплата. Встречались на образцово поставленных заводах опыты применения урочной платы, но эти случаи можно назвать исключением, так как применение этой формы обратило на себя внимание современников. «В последнее время, сообщает современник, в Смелянских имениях гр. Бобринского начали, по возможности, вводить урочные работы: величина уроков такова, что работники могут почти вдвое работать больше, чем при поденной работе. Введение такого порядка бывает тем легче, чем больше работники знакомы с свойством работы; поэтому прежде всего начали урочно работать местные и окрестные крестьяне, а по примеру их и пришельцы из отдаленных мест. Прежде десятину свеклы в некоторых плантациях гр. же Бобринского едва опалывало в день 40 поденщиков, получая плату по 15 коп.; а полка десятины с прорывкой обходилась деньгами 6 руб. Теперь же, при урочной работе 15 женщин легко опалывают десятину к двум часам пополудни и таким образом зарабатывают по 25 к. в день. Урок заключается в 4 рядка, длиною каждый по 160 саж.: цена рядку $6^1/_4$ коп: Прежде таких рядков поденщики и месячные, едва едва по два опалывали в день и то не все. Следовательно от введения поурочной работы происходит обоюдная выгода помещику, вместо 6 руб. работа обходится деньгами в 3 руб. 75 коп., а работнику вместо 15 дается 25 к.» [1]). Как видим, выгода помещиков от новой формы оплаты труда выражалась в более значительной сумме.

Заработная плата носила частично натуральный характер. Рабочие на свекловичных плантациях, на заводах нанимались на хозяйских харчах. Это вызывалось условиями той эпохи, так как в крупных хозяйствах приходилось пользоваться трудом большого числа пришлых рабочих, то на предпринимателей падала и обязанность кормить их. Этот обычай был принят и на сельско-хозяйственных работах в степи. Обычно, рабочие продовольствовались на поле, пища приготовлялась, как можно ближе, к месту работы, полевая кухня постоянно передвигалась за рабочими. Это сокращало поры дня. Состав продовольствия сел. хоз. рабочих таков: утром работник получал по рюмке водки, куску хлеба и по куску вяленной рыбы. Для обедов в постные дни приготовлялся борщ с рыбой, постным маслом, пшенной крупой, луком. После борща каша с подсолнечным маслом. В 6 часов пополудни та же рюмка или стакан водки и закуска, что утром. Ужин—жидкая каша с рыбой или галушки. Хлеб в одних местах отпускался рабочим весом по 3 и по 4 ф. на человека, в других—«сколько с'едят».

Рабочие, занятые на свеклосахарных заводах получали паек сверх денежной платы. Паек обычно состоял из 2 п. ржаной муки, 1 п. пшеничной, 20 ф. гречневой крупы, 4 ф. соли, 4 ф. сала, 3 ф. постного масла и 16 ф. говядины в месяц. Во время поста сало заменялось растительным маслом, мясо-рыбой [2]). Паек вполне достаточный, и там, где рабочие организовывали артельный способ приготовления пищи, продовольствие их было удовлетворительное; часто снабжение пищей передавалось в руки предпринимателей, тогда питание рабочих заметно ухудшалось.

По поводу пищи Понятовский писал в пятидесятых годах следующее: «дурной пищи дать рабочим невозможно, ибо в таком случае они оставят работу и перейдут к другому» [3]). Разумеется, это соображение примени-

[1]) Вольнонаемные работы... стр. 121.
[2]) Фундуклей... Т. III, стр. 81.
[3]) Понятовский—Практ. замечания о свеклосахарной промышленности. Труды комиссии для описания губ. Киевского учебного округа 1855 г., т. III, стр. 2.

мо к сезонным рабочим только в рабочую пору и в тех районах, где чувствовался недостаток в рабочих.

На крупных заводах, где было занято значительное число пришлых рабочих, имелись рабочие казармы. Что собой представляли рабочие казармы, ответ на этот вопрос находим у беллетриста Ив. Левицкого.

«Між білими, чистими німецькими хатами, між зеленими вербами, чорніли дві довгі казарми для бурлак. Казарми були довгі, обідрані, з оббитими дощем стінами. Можна було подумати, що то кошари для овець, а не хати для людей. В кінці казарм стояли здорові казани; замуровані в цегляну піч, де варили бурлакам їсти.

Через усю казарму по під стіною стояли поли, на полах валялась солома. На тих полах покотом спали бурлаки й бурлачки, розкидавши на барлозі драні свитки й кожухи» [1]).

Также характеризует названный автор рабочее жилье и на другой сахароварне.

«Бурлаки ввійшли в казарму. Казарми довгі без кінця, були ще поганіші, ніж на Стебловській цукроварні. В хаті було повно барлогу, як у свинюшниках; там стояв якийсь чад од махорки, од гнилої соломи, до нечистої одежі, од кислого борщу, од бурлацьких онуч» [2]). На почве плохого питания и антисанитарных условий жилья, нередко развивались среди сахарников эпидемические заболевания, вызывавшие их повышенную смертность.

Статистических данных о высоте денежной заработной платы в изучаемую эпоху нет; имеются разрозненные указания на уровень зарплаты в тех и других районах, в те и другие периоды. Наиболее цельным источником статистического характера является анкета о свеклосахарных заводах, собранная Грум-Гржимайло путем об'езда заводов, найденная нами в архиве департамента неокладных сборов. Повидимому эта анкета не была разработана, сводных таблиц не удалось найти; не встречалось указаний на то, чтобы такие таблицы существовали [3]).

В Киевской губ. поденная заработная плата в районах с развитой свеклосахарной промышленностью (Черкасский, Чигиринский уезды), достигала для мужчины 40—50 коп., для женщины—30—40, подростка—20—25 коп. без продовольствия, эта плата понижалась соответственно до 20—25 коп.—15 коп., 10 коп. с продовольствием. Бывали случаи, когда поденная плата опускалась до 10—15 коп., $7^1/_2$ коп. и 5 коп. с продовольствием (Таращанский уезд). В лучше оплачиваемых районах Киевщины месячная плата для тех же категорий рабочих составляла 9 руб.; 5 руб. и 4 руб. с пайком, в других она опускалась до 6 руб. 15 коп., 3 руб. и 3 руб. В Черниговской губ., где цены на рабочие руки были ниже, мужчина получал за двенадцатичасовую работу $12^1/_2$—15 коп., женщина—$7^1/_2$—10 коп. с продовольствием, месячная плата—5 руб., 4 руб. и 3 руб.

Лялин для Харьковской губ. устанавливает такую заработную плату: рабочий день взрослого рабочего обходился в начале тридцатых годов вместе с содержанием 43 коп., работницы и подростки 28 к. [4]).

Колебание зарплаты по районам отмечается и Журавским: в уу. Чигиринском, Черкасском и Каневском, ближе находящихся от Смелянских и Ташлыцкого заводов, плата рабочему назначается от 5 до 3 руб., в

[1]) Левицкий Ив.—Повісти й оповідання, т. I. Микола Джеря, стр. 49.
[2]) Там же стр. 60.
[3]) Лен. Ц. Ист. Арх. Ф. Департамента неокладных сборов 1858 г. № 97. Дело о пересмотре Устава об акцизе. Часть II. О командировании Грум-Гржимайла и технолога Андреева для обозрения свеклосахарных заводов. К записке Грум-Гржимайло приложены анкеты о свекловичных заводах.
[4]) Лялин выше цит. Библиотека для чтения 1835 г., стр. 33.

Липовецком, Бердичевском и Звенигородском 3 р. 50 к. в месяц, а годовым 12 руб. сер. жалования и 6 четвертей 48 гарнцев разного хлеба и провизии. «Есть однако-ж некоторые заводы в помещичьих имениях, обрабатывающие свои плантации за барщину, и употребляющие крестьян на заводские работы также за барщину, с назначением небольшой платы, в 1 руб. 50 коп. серебром в месяц за одни работы сверх повинности» [1]). К сказанному мы находим такое примечание: «впрочем так было прежде до введения в помещичьи имения инвентарей в 1847 г., по которым изменения против повинностей работы крестьян допускаются только по вольному найму». Данные Журавского ценны для нас тем, что они говорят о более низкой оплате крепостных за небарщинные дни. Судя по примечанию, после введения инвентарей столь низкая зарплата исчезла.

Интересные указания на размер поденной платы безочередных мастеровых и рабочих в имении Позена (Полтавская губ.) в начале пятидесятых годов находятся в отчетах Комитета Сахароваров: (в коп. сер.) [2]).

	Мастер 1-го класса	Мастер 2-го класса	Чернорабоч.	Погонщик	Женщина
С 1 марта по 1 июня . . .	18	16	14	8	8
С 1 июня по 1 сентября. .	19	17	15	10	10
С 1 сентября по 1 декабря .	17	15	13	7	7
С 1 декабря по 1 марта . .	16	14	12	6	6

За полотье и уборку сахарной свеклы погонщики и женщины получали по 10 коп., подростки по 7 коп. в день. В Киевской губ. за уборку берковца платили по 10—20 коп. серебром. Одна женщина при среднем урожае выкапывала в осенний день 2 берковца, с помощью детей [3]) и более. Плата сравнительно с Киевской губ. стояла на более низком уровне. Так оплачивался труд крепостных за безочередные барщинные дни, чем и об'ясняется столь низкий уровень платы. К районам, выделявшимся высотой зарплаты свеклосахарных рабочих, относились уу. Каневский и Черкасский, где были расположены огромные рафинадные заводы гр. Бобринского и бр. Яхненко и Симиренко. «Тут свекл. производство достигло размеров, далеко превосходящих силы местного населения, а необходимо их приобретать извне, издалека. От этого и условия найма, и положение рабочих иные, чем в других местностях. Чтобы иметь необходимое число работников, владельцы принуждены и хорошо кормить рабочих, и платить дорогую цену, в особенности во время прорывки и выкапывания свекловицы» [4]).

Заработная плата так изменялась по временам года: максимум в летнее время, минимум в зимнее. Осенью она была ниже, чем весной. Такое изменение заработной платы по сезонам стояло в связи с ходом сельскохозяйственных работ.

Можно привести еще данные о заработной платы из «Сведений». В Черниговской губ. рабочий на заводе получал по 4 р. сер. в месяц на хозяйских харчах, что совпадает с цифрами Грум-Гржимайло, на собственных харчах до 6 руб. сер., женщина 2—3 руб. сер. В Полтавской губ. на заводе Риттера рабочие получали по 25 руб. сер. за семь месяцев и до 4-х руб.

[1]) Фундуклей... Т. Ш, стр. 82. Из ответов заводчика Протопопова на вопросы, предложенные Комитетом Сахароваров в 1854 г. видно, что на его заводе работы также производились совокупно с барщиною и безочередными днями за деньги. Жур. Сел. Хоз. № 6—1855 г., стр. 184.

[2]) Журн. Сельского Хозяйства 1855 г., кн. VI, стр. 194—195.

[3]) Понятовский... Труды Комиссии для описания губ. Юго-западного учебного округа, стр. 3.

[4]) Вольнонаемные раб. выше цит., стр. 118.

сер. помесячно на хозяйских харчах, дети же по 2 руб. сер. в месяц. Оплата труда в Полтавской губ. совпадала с оплатой труда в Черниговской губ. Этот район с преобладанием заводов сельско-хозяйственного типа отличался более низким уровнем заработной платы.

В Тульской губ. в этом старом свекло-сахарном районе, на всех почти заводах зарплата колебалась от 3 до $3^1/_2$ руб. в месяц [1]). В этом районе плата была несколько ниже Полтавско-Черниговского района. На более высокий уровень заработной платы на украинских заводах, в особенности на плантациях, известное влияние оказывал отход рабочих на юг.

У Витта, известного специалиста по свекло-сахарной промышленности пятидесятых годов, мы находим такие указания о размере зарплаты: «что касается до платы рабочим, то можно считать рабочего надежного (1-го разряда) в 35 коп., рабочего обыкновенного (2-го разряда) в 25 коп., женщину в 15 коп. и мальчика в 10 коп., круглым числом; эта плата даже более той, которая производится на юге России» [2]).

В общем нет большой разницы между всеми приведенными источниками в размере зарплаты сахарных рабочих. Нормы, установленные Виттом, можно считать средними.

Для сравнения можно указать, что зарплата рабочих на свекло-сахарных заводах Киевского района была выше, чем зарплата чернорабочих, занятых в мануфактурных заведениях. По данным Туган-Барановского, чернорабочий в селе Иванове и его окрестностях получал около 1850 г. от 3,5 р. до 4,2 р. в месяц, женщина 2,25 р. и 2,75 и мальчик—1,8 р. [3]). На Киевских заводах 9 р., 5 р., 4 р. и кроме того продовольствие, которое стоило в день не менее 8—10 коп. Таким образом, выходит, что заработок простого рабочего на сахарном заводе в Киевском районе был в два раза слишком выше, чем заработок чернорабочего мануфактуриста. Даже в Полтавско-Черниговском районе с более низкой оплатой, заработная плата с харчами стояла выше, чем в хлопчато-бумажном районе. Такой сравнительно высокий уровень заработной платы на свекло-сахарных заводах можно об'яснить интенсивным ростом на Украине свекло-сахарной промышленности, и кроме того конкуренцией степной полосы, смежной с районами развитого свекло-сахарного производства. Возникновение и развитие этой трудоемкой промышленности несомненно улучшало положение труда в лесостепной Украине.

В разнообразных литературных источниках удалось найти кое какие сведения о формах и сроках расплаты. Из ответов на вопросы Комитета Сахароваров мы узнаем, что расчет за выполненные безочередные работы производился каждую субботу. Из сумм, следуемых рабочим, делались вычеты на покрытие податей. Известный нам Эвениус сообщал в Комитет Сахароваров: «два неурожайных года сряду расстроили моих крестьян, до сего времени очень исправных. Я принужден был делать пособие, платил за них подушные, давал им хлеб на посев и для прокормления. При обыкновенном положении наших имений этот долг вырастет до значительной суммы, сделался бы для крестьян неоплатным, но благодаря существованию моего завода, крестьяне в два года, не только весь долг сполна заплатили, но еще, из следуемой им за свекловицу и разные работы суммы, по собственному их желанию, заплачены подушные за год вперед».

---

[1]) Сведения... 1849 г., стр. 43—44.

[2]) Н. Витт. Дополнение к руководству к сах. производству. Спб. 1854 г., стр. 543.

[3]) Русская фабрика. 1900 г., стр. 207.

О таких вычетах говорит и автор статьи «Взгляд на свекло-сахарную промышленность в России». В большей части заводов существует такой порядок, что из условленной платы работника месячной или суточной,— заводчик вычитает сумму, равную податям и потом сам уже вносит ее в казначейство; или при поставке свекловицы крестьянин получает от завода квитанцию на получение известной суммы, смотря по расчету берковцев, а при выдаче денег по этим квитанциям часть удерживается на подати. В Смоленской губ. и в некоторых местах Орловской, Калужской, где свекловица сеется по удобренным огородам, каждому крестьянину поставляется в обязанность отделять известную часть под свекловицу и когда при поставке ее по назначенной цене окажется, что сумма превышает годовые подати, то излишек доплачивается заводом крестьянину, или наоборот этот последний доплачивает сколько нужно, в случае недостатка. В других местах подати зачитываются из годичных работ, например, при плате за возку дров, сахара, за кости и проч. Таким образом крестьянин обеспечен в средствах к уплате своих повинностей, и уплате их довольно легко, он остается спокоен на остальное время. Поэтому на имениях, где все заводские работы производятся не барщиною, а на коммерческом основании, почти не бывает недоимок.

Малоземельные помещики посылали своих крестьян в свекло-сахарные районы для покрытия оброков и недоимок. Помещик сам законтрактовывал своих крестьян, получая за них деньги. Печники и каменщики из Калужской и частью Смоленской губ. находили на свекло-сахарных заводах Киевщины выгодные заработки.

На некоторых образцово поставленных заводах выплата заработной платы была технически хорошо организована. «Ежедневно раздавались работникам свинцовые марки со штемпелем, поясняющим номинальную цену работы. С этими марками в воскресенье все шли в кассу и взамен марок получали деньги... Ежедневно во время работ управляющий, приезжая посмотреть на ход дела, пересчитывал работников и, по числу их, оставлял надлежащее количество марок у плантатора, а плантатор, по окончании дневной работы, раздавал их работникам. Казначей и его помощник об'езжали в воскресенье места работ и обменивали на деньги марки: последние представлялись в главное управление, от которого и получали надлежащую квитанцию» [1]). Такие способы выплаты зарплаты представляли редкое явление.

Обычно применялась такая система: рабочие на плантациях ежедневно записывались поименно, в субботу составлялся общий список, в воскресенье по этим спискам происходила выплата денег.

В воскресные дни на местных рынках труда происходил наем рабочих и там же устанавливалась новая зарплата на неделю. Не всегда выплата происходила аккуратно: плантатор, заметив недовольство рабочих и боясь их потерять, под разными предлогами старался затянуть выплату денег, напр. до вторника, когда прошло воскресенье—наемный день для рабочих и когда рабочий уже проработал два дня на новый счет. Такие ухищрения далеко не всегда приводили к цели. «Недовольные, видя проволочку в уплате, начинают делать предположения о несостоятельности хозяина, волнуют этим тех. которые еще не думали бежать, сами же не принимаются за работу и даже отказываются от хозяйственного продовольствия. Проголодавшись, они, конечно, делаются смирнее и принимаются за работу, но такая работа не работа, во всяком случае, добившись так или иначе расчета, они уходят и за собой подчас увлекают и дру-

[1]) Вольнонаемные работы... стр. 122.

гих»[1]). На заводах, работавшие поденно, получали расчет по субботам[2]).

Производительность барщинного труда была низка. Грум-Гржимайло, сотрудник Главного Инспектора по свекло-сахарной промышленности, хорошо знакомый с ее положением в конце пятидесятых годов, так характеризовал производительность барщинного труда: «крестьяне, принужденные работать на заводах барщиною, считают этот труд более обременительным для себя, чем работая на поле и в лесу. И заводчик от таких работников имеет мало прибыли. Принимаясь за дело неохотно, они исполняют заданные им работы кое-как, а при удобном случае, и вовсе уклоняются от них. Этому нельзя и удивляться, во первых потому, что заводские работы не по их вкусу, а во вторых, потому, что они за свой труд не всегда получают вознаграждение, только за излишние дни определенных барщиною, им дают и то не более 15 коп. в сутки, но по большей частью эти излишние дни обращаются в зачет за их семейства, за извозы и другие господские работы»[3]).

Тот же Грум-Гржимайло в статье, напечатанной в Трудах Вол.-Эк. Об-ства так оценивает барщину: «свекло-сахарное производство требует надлежащей стройности и аккуратности в работах... Каждый рабочий должен иметь свое указанное место, определенную работу и неусыпное к ней внимание. Крестьяне, временно приставленные к заводу, без определенных занятий бродят повсюду и мешают друг другу. Хорошее управление заводом при существовании барщины едва ли возможно: при ней не замечается ни точной, постоянной отчетности в производстве, ни порядка, опрятности и чистоты в содержании завода»[4]). Этот суровый приговор над барщинным трудом вынесен накануне освобождения крестьян; но авторы и более раннего периода давали такую отрицательную оценку барщины. Так автор известной статьи «Взгляд на свеклосахарную промышленность» в начале пятидесятых годов писал[5]): «Барщинная работа в свекло-сахарном производстве, если она не основана на взаимном соглашении заводчика с крестьянами, оставляя сельско-хозяйственные отношения между ними в первоначальном виде, не выгодна потому, что работник находит прибавление новых работ к тем, которые он должен исполнять, без всякого вознаграждения, и потому не быв нисколько заинтересован в успешном ходе промышленности и напротив, находя прямую выгоду в том, чтобы ее совсем не было, он исполняет работы как нибудь. От этого в заводе, основанном на барщинной работе, требуется больше работников и времени. Сверх того, работая наймом, можно определить верно, для какого имения выгодно свеклосахарное производство и в каком размере, потому что тогда ясно будет, в каком количестве можно приобрести свекловицу на завод и по какой цене иметь работника. С тех пор, как существует у нас свеклосахарная промышленность, еще ни один завод, действовавший на коммерческом основании, не закрыл своего производства, между тем, как другие, работавшие барщиною закрылись».

В этой оценке невыгодности барщинного труда верно подчеркнута невозможность рационализации производства. Барщинный труд не только был малопроизводителен сам по себе, но он мешал правильной научной постановке дела, прежде всего отсутствием учета работ и других элементов

---

[1]) Вольнонаемные работы... стр. 123.
[2]) Журнал Сел. Хоз. 1855 г., кн. 6, стр. 183.
[3]) Лен. Ц. Ист. Арх. Ф. Депар. неокл. сбор. Дело № 97, ч. II. Записка Грум-Гржимайло.
[4]) Труды вольно-экон. общества 1860 г., кн. I, стр. 66.
[5]) Взгляд на свеклосахарную промышленность в России. Жур. Ман. и Тор. за 1853 г., кн. I, стр. 154.

производства. При отсутствии этого учета работали в слепую и заводчики часто сами не знали экономических результатов своего производства.

В литературе встречаются указания на то, что крепостные относились крайне враждебно к свеклосахарным заводам. Известный нам заводчик барон Котц простодушно сообщает в Комитет Сахароваров о таких любопытных явлениях: «Крестьян принуждали быть сахароварами, жиганами, прессовщиками и проч. и проч. и следовать ручною работою за машинами, при чем и лень и недобрая воля крестьян везде выводилась наружу. Нашлись из них и такие люди, которые кидали камни в терку, чтобы испортить машину и всячески старались остановить ход заводского действия. Результат был верный—много хлопот, досады, строгости и при всех этих неприятностях не более как 45 пудов сахару и множество дурной патоки» [1]). Желание приостановить производство завода Котц об'ясняет ленью и недоброй волей, не понимая того, что заводская работа являлась для крепостных новой, дополнительной ко всем другим повинностям, и кроме того, она была и тяжелой и обременительной и вредной для здоровья при тогдашней примитивной технике производства. Приостановка завода означала для крестьян освобождение их от изнурительной и тягостной работы.

Другой наблюдатель свеклосахарной промышленности изучаемой нами эпохи пишет: «барщинная обработка свеклы и заводские работы или отяготили крепостных крестьян лишним трудом или только заменили прежний труд. Не даром, в Малороссии, где всякое знаменательное в хозяйстве и жизни событие, выражается песенной импровизацией, введение свеклосахарной промышленности воспевается печально наравне с падежами, голодом и другими бедствиями» [2]).

Сознание невыгодности барщинного труда было широко распространено в образованных кругах общества до крестьянской реформы; так известный статистик Журавский писал в одной официальной записке: «Доказано до очевидности, что барщиною теряется безвозвратно и не в пользу никому огромное количество труда остающегося не производительным. Следовательно настолько же и продуктов добывается меньше, настолько же меньше доход каждого земледельца и возможность улучшить свое состояние... и при том она лишает всякой возможности вести правильное расчетливое хозяйство, для которого свободный вольнонаемный труд составляет необходимое условие. Крепостное владение лишает помещика значительной части доходов, какие они могли бы иметь от земли, обработанной свободными руками» [3]).

В начальный период возникновения свеклосахарной промышленности—при господстве чисто хозяйственного типа сахзаводов, при простоте и несложности техники сахароварения труд крепостных сыграл свою большую роль в деле насаждения у нас этой новой отрасли производства. Наши первые сахароварыы—как Бланкеннагель, Мальцев, Шишков, Бабарыкин не сознавали и не чувствовали малой производительности барщинного труда. И только, когда появились крупные, коммерческие заводы со сложным техническим оборудованием, с паровыми машинами, с механическими двигателями, с точным учетом работы, с выведением себестоимости, тогда стала ясной невыгодность барщинного подневольного

---

[1]) Землед. Жур. 1833 г., кн. V, стр. 712.

[2]) Струков—Замечания на статью Грум-Гржимайла о свеклосахарной промышленности и развитии ее в России. Журнал Сел. Хозяйства 1861 г., т. II, стр. 36.

[3]) Кошелев о денежных средствах России в настоящих обстоятельствах. Рукопись из собрания Бунге. Киев, 1855 г. № 729.

труда. На коммерческих заводах в пятидесятых годах все работы стали выполняться наймом.

О сахарных заводах Киевской области Понятовский писал в пятидесятых годах: «Чтобы не стеснять имения в хлебопашестве и вообще в экономических работах, сахарные заводы состоят большей частью на коммерческом положении. Все работы, как полевые, так и фабричные производятся наемными работниками за наличные деньги» [1]).

Появление наемных рабочих на сахзаводах стало изменять и быт этого нового народившегося промышленного пролетариата. «Сахзаводы и особенно устроенные на коммерческом основании, пишет Журавский, требуют постоянных рабочих, которые в имениях помещичьих избираются из крестьян; им дается песок и достаточное жалование, которое после недельной или месячной трудной работы, они большей частью издерживают на водку и разные прихоти, подражая вольным людям, находящимся при заводах. У них тотчас являются новые привычки, излишние потребности, щегольство, расточительность и т. п.; одним словом, из скромных и простодушных земледельцев они делаются буйными фабричными, а их родственники и приятели из селения, особенно молодые, смотрят на них, дивятся, увлекаются их примером и принимают все их ухватки и быт; таким образом зло быстро распространяется в целом околодке завода».

Рабочие из крепостных под влиянием среды теряли черты, присущие крепостному, усваивая привычки вольных. Очевидно, уровень их жизни быстро повышался, что и могло служить предметом зависти крестьянской молодежи. Сахарники—рабочие, набранные даже из крепостных, превращались из робких, забитых селян в независимых фабричных рабочих. Промышленный пролетариат, занятый на сахарных заводах, косвенно содействовал под'ему уровня жизни, большей независимости рабочего люда всего околодка завода. То, что представитель тогдашней власти называл злом, порчей нравов, по существу являлось установлением нового фабричного быта на Украине.

Свеклосахарные заводы нуждались в квалифицированных рабочих в мастерах, сахароварах и наконец в высшем персонале—управляющих, директорах и проч. Откуда вербовался этот персонал и каково было его положение? Не раз нами указывалось, что в первый период мастера, сахароварь набирались из крепостных, посылаемых предварительно для обучения на существующие свеклосахарные заводы. Более известные и старые заводы, как то—Бланкеннагеля, Мальцева, Шишкова, Давыдова и позднее Бобринского были школами практического обучения сахароварения.

Начало обучения этому мастерству положено было на первом заводе Бланкеннагеля, где работал сахаровар, прошедший хороший стаж на рафинадном колониальном заводе. Не раз рафинадная промышленность,

---

[1]) Понятовский выше цит. стр. 2. Можно привести один любопытный факт, характеризующий взгляды правительственных кругов накануне реформы на наем рабочей силы для свеклосахарных заводов. В дозволении Рибопьеру учредить в посессионном его имении свекловичный завод (1858 г.) мы находим такое интересное постановление: Комитет для устройства положения крестьян дозволил ему «употребить на свеклосахарное производство тех из приписанных к фабрике (Глуховская суконная фабрика К. В.) людей, кои не заняты выделкою... при непременном условии, что возделывание свеклы, фабрикация сахара и все работы с этим сопряженные производились не иначе, как по вольнонаемной плате и по добровольному с людьми соглашению». В этом постановлении характерно недопущение отвлечения рабочих суконной фабрики к свеклосахарному производству и во-вторых, требование использования посессионных рабочих на началах добровольного найма. П. С. З. т. XXXIII—1856 год. № 33.400 о дозволении Рибопьеру учредить в посессионном имении свеклосахарный завод.

работавшая на колониальном сырце, давала своих мастеров для свеклосахарных заводов. Несомненно есть трудовая связь между нашей приморской рафинадной промышленностью и свеклосахарной.

В записках Комитета Сахароваров (1835 г.) Шишков, имевший свой завод в Рязанской губ. в Даневском уезде, «из'явил готовность свою принимать людей для обучения сахароварению по способу Давыдова с присылкою на содержание человека, в продолжение целого курса учения по 150 руб., а за содержание присылаемых на пол курса или на несколько недель по 75 руб.» [1]). Арендатор завода гр. Бобринского в с. Михайловском Гирш известил сахароваров и хозяев, что они могут присылать на заведение гр. Бобринского людей для изучения свеклосахарного производства без всякой за то платы» [2]). Этот источник снабжения квалифицированными работниками широко был распространен на первых порах; известно нам, что на некоторых заводах обучались десятки крепостных, так подготовлялась квалифицированная рабочая сила в первом периоде.

Второй источник снабжения квалифицированной рабочей силы это иностранные мастера. Нанявши за дорогую плату мастера иностранца, помещики ставили условием обучение мастерству учеников из крепостных.

Каждый сахарный завод являлся своего рода школой для обучения крепостных разным мастерствам, потребным в свеклосахарном производстве. В своих ответах на вопросы Комитета Сахароваров пишет один сахаровар [3]):

«Лучшее же, что сделано в продолжении восьми лет, существования заводов это приготовление людей по всем частям производства. На Марьинском сахзаводе, кроме директора, вольнонаемного заведывающего полицейской и экономической частью, все мастеровые свои. Сахаровар, крестьянин 22 лет—умный, смышленный и трезвый, с теплою любовью к своему искусству, ведет дело, как нельзя лучше. Он, его помощник и все подмастерья остаются на крестьянском положении, получают плату за свои дни и особенные наградные деньги соразмерно с успехом производства».

Упоминает об учении крепостных и Журавский. «Изучали сахароварение и собственные крестьяне, так в Каневском уезде производством операции 1846—47 г.г. занимался собственный крестьянин владельца завода... Крестьянин этот, окончивши три класса в народном училище, отдан был в Смелянский сахарный завод, где около трех лет занимался изучением сахароварения. Содержание и учение его в продолжении шести лет стоило помещику 500 руб. сер. [4]).

Доморощенные сахаровары, часто из неграмотных или малограмотных крепостных, не могли удовлетворять запросам быстро развивавшейся свеклосахарной промышленности. В редких случаях у таких сахароваров получался песок хорошего качества.

Безобразов писал в начале сороковых годов по этому вопросу следующее [5]):

«Как существующие близь моего имения, так и находящиеся в отдалении от него свеклосахарные заводы, о которых сужу по слухам и по свойству сахара привозимого на ярмарку, вообще представляют недостатки 1) в методе самого производства, 2) в познаниях мастеров полу-

[1]) Записки II Комитета Сахароваров. 1835 г., стр. 59.
[2]) Там же стр. 103.
[3]) Жур. Сел. Хоз. 1855 г., кн. VI, стр. 193.
[4]) Фундуклей—Т. III, стр. 45.
[5]) Безобразов—О выгодах и невыгодах свеклосахарного производства. Жур. Сел. Хозяйства и овцеводства, кн. II, 1841 г., стр. 165.

чать сахар, о чем ни сами хозяева, ни управляющий заводами не имеют надлежащего понятия...» Нанимая всякого состояния людей, называющих себя мастерами, платя им большие суммы за незнание дела и порчу лучших материалов, хозяева несут от такой безрассудности большие убытки, а свеклосахарное производство терпит бесславные, превратные толки, а также и невозвратимые убытки, которые и сам я испытал на компанийском Путивльском моем заводе, приняв за мастера одного из крестьян гр. Бобринского; подобных много распущено по России с аттестатами в их знании, а следовало бы сказать в незнании.—Этот мастер испортил все годовое производство».

На недостаток хороших мастеров обратил внимание и Комитет Сахароваров. Им был произведен опрос сахароваров. Среди мнений, представленных по этому вопросу, заслуживает ответ Римского-Корсакова, видевшего в недостатке хороших мастеров основное препятствие к развитию свекло-сахарной промышленности в России [1]).

«Комитет Сахароваров, как мне помнится в 1839—1840 г.г. предлагал брать учеников от помещиков; я тогда же нашел в этом неудобство и думал, что лучше брать работников из вольных сословий; доказательством тому служит, что при уничтожении заводов, ни один почти мастер не получил паспорта для продолжения своего промысла. В прочих землях, где существуют свеклосахарные заводы, стоит об'явить в газетах, что нужен мастер для свеклосахарного производства и сейчас же он явится; в России же они тогда будут являться, когда свободного состояния люди будут обучены сему промыслу. 3-е, недостаток хороших мастеров и в прочих ремеслах принадлежащих к заводской работе таковы: машинисты, медники, паровых дел мастера, и проч., прибавлю и огородники для больших засевов свеклы, которую должны обрабатывать орудиями, а не руками, так, что в отдаленных губерниях страшно заводить не только паровики, но даже работать гидравлическими прессами; ибо если по несчастью, что либо в них испортится, то куда послать за человеком, который может помочь заводу и исправить испорченное. Этому может служить исключением в России Тульская губ.; по близости мастеровых г. Тулы. Вот почему большая часть отдаленных заводов работает простым огнем, винтовыми или рычажными прессами и вымочкой, кои уменьшают по своему несовершенству, выходы. Мне могут сказать: почему же таких мастеров не иметь при заводе. Согласен, но чего они будут стоить, когда свекловица при несовершенстве обработки и возделывания, так часто не родится. Выходит, что им платить прийдется вдвое, т. е. за год работы и за год неработы».

Недостаток квалифицированных рабочих задерживал усовершенствование техники свекло-сахарного производства. Француз сахаровар, наблюдавший свеклосахарную промышленность в России в изучаемую эпоху, дал такой парадоксальный совет [2]):

«В России, где отличные мастеровые очень редки и при том дорого ценят свой труд, заводчики, устроив паровые снаряды, при малейшей порче их, подвергнутся значительным убыткам. И потому советую русским сахароварам устраивать конные привода к снарядам и работать на голом огне, а выпарные и подварные котлы, если угодно, хорошо нагревать разгоряченным воздухом».

Жалобы на отсутствие опытных, сведущих мастеров-сахароваров проходят красной нитью через отчеты заводчиков, представлявшиеся в Ко-

[1]) Журнал Сельского Хозяйства 1844 г., кн. IV, стр. 66

[2]) Брам—О свеклосахарном производстве вообще и преимущественно во Франции. Землед. Журнал 1840 г., стр. 453.

митет Сахароваров. Одно время в Комитете носились с мыслью устроить при комитете посредническое бюро по найму мастеров-сахароваров.

С появлением коммерческих сахзаводов потребность в опытных, знающих мастерах должна была еще более обостриться. Естественно, наши сахаровары обращались на Запад в поисках квалифицированных работников для свеклосахарного производства. В виду того, что таких специалистов хорошо оплачивали, в изучаемую эпоху наблюдался усиленный прилив в Россию иностранцев, среди которых много было авантюристов и просто шарлатанов. «Мастеров из заграницы выписывали, платили им большое жалование, пишет один современник, а фабрикация все-таки шла дурно. На француза смотрели, как на спасительный якорь, ласкали его, угождали ему и ожидали от него золотых гор, но не дождались. Свеклосахарное производство ни на волос не подвигалось вперед нашествием на наши заводы иностранных сахароваров» [1]).

В конце тридцатых годов прилив иностранцев на сахарные заводы принял широкие размеры, так что правительство обратило на это внимание, как это показывает одно дело, найденное в Киевском архиве. Бенкендорф писал от 11 мая 1839 г. Киевскому генерал-губернатору Бибикову о том, что «находящиеся в чужих краях злоумышленники с новою силою и разными средствами продолжают свои злонамеренные покушения против России», поэтому он предлагал «усилить надзор за приезжающими из-за границы под предлогом упражнения в своих ремеслах иностранными мастерами и подмастерьями, в особенности же за уроженцами французскими, итальянскими и польскими, для точнейшего удостоверения в том, занимаются ли они действительно ремеслами». Бекендорф просил генерал-губернатора, чтобы местные полицейские власти обращали «неусыпное внимание на приезжающих из-за границы иностранных ремесленников, поставляя подобным людям в строгую обязанность немедленно по приезде своем явиться в Ремесленную Управу для подлежащего испытания и получения свидетельства и вместе с тем внушать им, что каждый не имеющий такового свидетельства неминуемо подвергается высылке обратно заграницу» [2]).

Генерал-губернатор на основе этого письма отправил циркуляр Киевскому губернатору, в котором предлагал всех иностранных ремесленников, не имевших свидетельств от Ремесленных Управ, отправить на испытание в Ремесленную Управу. Этот циркуляр местные власти распространили на свеклосахарные заводы.

Доверенный гр. Бобринской фон-Лайминг в своем прошении от 30 июня 1839 г. генерал-губернатору сообщал следующее: земский исправник затребовал на основании этого циркуляра «высылки в г. Киев служащих в имении гр. Бобринской иностранцев при четырех свеклосахарных, 1-й рафинадной и 1-й костопальной фабриках для испытания оных в тамошней ремесленной управе и получения особых свидетельств.

При сих заводах находящиеся иностранцы одни занимают должность помощников, а другие настоящие сахаровары, испытанные самим гр. Алексеем Алексеевичем Бобринским, обучаясь прежде сего производства сахара на собственном его заводе, состоящем в Тульской губ. Каковая наука не может назваться ремесленною, и в настоящее время все они заняты выделкой сахара из 1-го выхода, которая работа по изобильному прошлогоднему урожаю свеклы еще на долгое время продолжаться может;

---

[1]) Н. Витт.—Дополнение к руководству к сах. производству. Спб. 1854 г. Записки русских сахаропромышленников, стр. 5.

[2]) Киев Истор. Арх. Фонд канцелярии Киевского военного ген.-губернатора (секретные дела) д. № 14—1839 г. л. 168.

с августа же месяца новый урожай поступит в действие, при чем все служащие безотлучно находиться на своих местах должны, а за отсутствием оных, как некем их переменить произошла бы большая остановка, и хотя есть некоторые ремесленники, то они тоже заняты исправлением во всякое время посуды, котлов и разной по фабриках в случае надобности поправки так: медной и железной и деревянной работы. Таковые люди лично известны и договорены самим графом Бобринским находятся здесь по билетам Киевского гражданского губернатора. А как за отлучкой оных произошла бы большая остановка, я на обязанности своей, сохраняя пользу вверительницы моей покорнейше прошу дозволить оным оставаться на месте».

Из этого прошения видно, что на Смелянских заводах было несколько иностранцев, занятых сахароварением, а также и ремонтом аппаратов. Иностранцы сахаровары работали раньше на Тульском заводе, там же они и были испытаны в своих знаниях. Это устанавливает трудовую преемственность Смелянских заводов и Тульского, принадлежавших гр. Бобринскому.

Очевидно, иностранные мастера боялись отсылки в Ремесленную Управу, так как управляющий принимал все меры к тому, чтобы их не отправлять. Дата письма 30 июня, когда сахарная кампания давно закончилась; между тем, управляющий пишет о том, что производство еще продолжалось благодаря обильному урожаю свеклы. Новое производство обычно начинается поздней осенью, управляющий и тут покривил душой, указав на то, что новое производство начнется с августа. Ясно, что Лайминг всячески покрывал занятых на заводах Бобринского иностранцев. Ссылка на то, что эти иностранцы были испытаны в знаниях самим гр. А. А. Бобринским оказалась убедительным для местного начальства и их оставили в покое. Эта архивная спрвка достаточно выпукло рисует положение иностранных мастеров-сахароваров на Украине в конце 30 годов.

Интересную характеристику иностранцев-сахароваров дает Клебановский, историк фирмы бр. Симиренко и Яхненко. Иностранцы высоко держали знамя своего мастерства, ревниво сохраняли его в секрете, придавая ему, особенно в рафинадном производстве, таинственность. Два иностранца пользовались в крае (Киевщина) наибольшей известностью: «это были два великих мага немцы Покарт и Неандр. Их деятельность и выходки, характеризующие их самих и былое еще не очень давнее время, могут показаться теперь анекдотичными. Например, один из них, Неандр, занимая барский дом, устроил на крыше его высокую башню на которой, когда он был в доме поднимался великолепный, громадной величины флаг, а во время отсутствия опускался» [1]).

Неандр управлял кроме сахарного завода и имением. Управление свелось к разорению богатого имения для завода, истреблением лесов на дрова и использованием рабочих сил на заводе. Завод давал столь ничтожную прибыль, что одна продажа леса, сожженного на нем, вдвое превышала бы полученный доход.

Покарт арендовал песочно-рафинадный завод гр. Северина-Потоцкого на таких условиях: свекловица, дрова, рабочая сила владельческие, за все это Покарт обязан был давать владельцу по 9 ф. рафинада с берковца, «да еще какого берковца, вероятно по тогдашней патриархальной простоте, пудов 18—20», остальное количество добытого рафинада поступало уже в пользу Покарта. «Многие из директоров немцев, чтобы пустить пыль

[1]) Клебановский выше цит., стр. 253.

в глаза нашему люду подходили к котлам, бросали какой то порошок и этим указывали, что без порошка не будет сладок сахар, вообще старались поддерживать убеждение, что знают особый секрет для выработки сахара».

Интересный случай из той же эпохи рассказывает в своих мемуарах Липковский. Его отец, устроив рафинадный завод, пригласил директора немца Швендера, который ни за что не хотел открыть секрета кристаллизации сиропа. То помещение, в котором происходила кристаллизация, тщательно закрывал от нескромных глаз. Сын помещика забрался наверх, сделал отверстие в полу сушилки и наблюдал через отверстие, лежа несколько дней в высокой температуре, за работой Швендера. Открыв секрет производства, он позже, став директором, обучил этому искусству несколько рабочих [1]).

В отечественной свекло-сахарной промышленности работали сахаровары самых разнообразных национальностей. По статистическому обозрению 1848 г., нам удалось установить присутствие на заводах в качестве директоров, управляющих, представителей следующих национальностей: англичан, французов, пруссаков, саксонцев, мекленбургцев, австрийцев, швейцарцев, датчан, неаполитанцев, голландцев, венгерцев, финляндцев и, наконец, лифляндцев и курляндцев. Разноязычная толпа предприимчивых иностранцев устремилась в наше свеклосахарное дело, сулившее им высокие заработки, и независимое положение. Встречались в двух, трех случаях директора из окончивших Петербургский Технологический Институт.

Витт, крупный знаток свеклосахарной промышленности пятидесятых годов, сделал попытку определить во что обходилась оплата труда этих иностранцев. «Считая только по два мастера на каждом заводе, хотя на многих более и на очень немногих менее, и полагая их жалование со всеми выгодами различного рода в 3.000 руб., хотя многие мастера имеют гораздо более, а некоторые даже более, чем в двое, выходит, что потребители сахара в России платят более $^1/_4$ милл. руб. в год этой сотне германцев. А почему же, спросят русские не учатся рафинированному искусству? Потому, что эти иностранные мастера не хотят учить русских. Были примеры, что рафинеры-мастера отказывались от места, когда владелец завода требовал, чтобы они научили рафинерному делу русских» [2]). Витт указывает, что в Германии рафинеры получали жалования в год не более 800 руб.

Едва ли можно назвать другую отрасль нашей промышленности с таким высоким применением труда иностранцев. В ту эпоху господствовало убеждение, что лучшие мастера-сахаровары это иностранцы [3]). Большин-

[1]) Lipkowski. Moje Wspomnienia 1849—1912. Kraków, 1913 p. St. 28.
В изучаемый период знание процессов свеклосахарного производства было мало распространено в обществе. Предводитель дворянства Житомирского уезда сообщал губернатору, что «хотя в здешнем крае есть уже равный, а иногда и лучший заграничного сахар, но средства к достижению того известны только самым заводчикам, ибо каждый заводчик имеет свои секреты, а разные письменные сочинения о сахароварении еще недостаточны»: Киевский Истор. Архив № 38. Дело по записке Киевского губ. предводителя дворянства об изменении правил Киевской Конторы Коммерческого банка насчет ссуды под залог сельских произведений. Нач. 12 февраля 1842 г. и оконч. 1848 г. По секретной части канцел. Киевского генерал-губернатора.

[2]) Витт.—Дополнения к руководству к сахарному производству. Спб. 1854 г., стр. 392—393.

[3]) Приезжавшие к нам иностранцы, даже знавшие свеклосахарное дело, не были знакомы с нашим сахарным рынком. Выписанный бр. Яхненко и Симиренко иностранец изготовил желтый и рыхлый рафинад, последний не нашел сбыта на рынке. Это обстоятельство побудило Яхненко отправиться в Петербург

ство из них не имело специальной подготовки к свекло-сахарному делу; обычно они изучали свекло-сахарное производство на том заводе, какой находился в их управлении. Лучшие из иностранцев, пользовавшихся известностью, требовали за свои услуги столь высокое вознаграждение, что наем их был под силу только самым крупным заводчикам. В западных губерниях (Подольской, Волынской, Киевской, Могилевской) значительную группу среди управляющих составляли бедные польские дворяне, в восточных и северных районах крепостные из того имения, в каком находился завод. «Управляющие и мастера, писал Грум-Гржимайло, доставляются имением». Последняя категория мастеров обучалась своему делу наглядкой, без всякой предварительной подготовки. Некоторые из них давали удовлетворительные выходы и имели достаточно здравого смысла, чтобы разрешить встречавшиеся затруднения в процессе производства. В большинстве случаев это были люди простые, неграмотные, обладавшие поверхностным и общим представлением о сахароварении. «Недостаток опытных мастеров, пишет современник, неоднократно заставлял многих заводчиков закрывать свои заводы и это имело невыгодное влияние на самую промышленность. На многих заводах такие мастера, знающие только тот процесс, которому сами первоначально учились у людей, также мало сведущих, работают теми же способами, какими работали при первоначальном введении производства. Это занятие представляло нередко широкое поле для различных спекуляций людям, не знавшим вовсе этого искусства и выдававшим себя за мастеров [1]).

Первое поколение крепостных мастеров обучалось на заводах Бланкеннагеля, Мальцева, Шишкова, второе, более молодое получило обучение на заводах гр. Бобринского—Смелянском и Михайловском, служивших, в то время, практической лабораторией применения новых усовершенствованных приемов сахароварения. Мастера этой категории пользовались в то время хорошей репутацией.

Наконец, встречались среди управляющих еще и лица свободных состояний, пробывшие два, три месяца на каком либо заводе во время производства и считавшие себя вполне подготовленными для управления заводом. Такие управители наносили подчас большие убытки владельцам заводов своим невежеством.

Еще более остро чувствовался недостаток подготовленных строителей свекло-сахарных заводов. Жалобы на неудачную постройку заводов встречаются нередко в тех и других отчетах. От строителя требовалось не только умение в возведении построек, но и знание внутреннего размещения установок и рабочих аппаратов, выбор снарядов, их размеры, системы и проч. Встречались заводские здания гораздо обширнее, чем это вызывалось размерами производства, устроенные с излишней роскошью [2]), в другом случае завод состоял из тесных и темных строений

и пригласить рафинера Майера, знавшего русские вкусы и умевшего приготовлять крепкий рафинад. Майеру, как директору, было назначено 12 тыс. руб. асс. Под управлением Майера завод стал вырабатывать крепкий и белый рафинад. В лице Майера мы имеем сахаровара, приобревшего знания путем опыта, но лишенного теоретической подготовки.

[1]) Взгляд на свеклосахарную промышленность в России, стр. 145—146.

[2]) В сведениях о постройке в Новгород-Северском уезде парового свекло-сахарного завода Покорского-Журавко находим такие указания: завод строил шведский инженер. Вместо предположенной сметы в 24 тыс. руб. сер., было израсходовано 41 тыс. руб. сер. Завод по условию должен был быть окончен к 1 сентября, но его не удалось пустить и в декабре. Вся свекловица погибла. Постройка завода по экспертизе оказалась неудачной, пришлось затратить на его переделку 5 тыс. руб. Жур. Мин. Госуд. Им. 1858 г., кн. VI, стр. 244—245. Замечания на статью Унгер-Штернберга Ханенко.

с хаотическим внутренним расположением снарядов, рабочих аппаратов, что крайне затрудняло работу.

«Многие сахарные заводы построены здесь (в Киевской губ.) людьми без надлежащих сведений, незнакомыми ни с архитектурой, ни с механикой, людьми, которые прельстившись большим жалованием, какое, по новости дел, дают сахароварам, оставили обыкновенные свои занятия, и бросились к сахароварению, собравши кой-какие сведения, относящиеся только к производству» [1]).

Гутман отмечает важный недостаток в расположении и устройстве приборов: «терки и прессы назначенные для выжимания сока из свёкловицы, находятся в первом этаже, ниже дефекационных и выпарных котлов; от этого сок, получаемый из под прессов, проходя по желобам в приемник, должен из сего последнего быть накачиваем в котлы насосами, через что самое по получении находится довольно продолжительное время в прикосновении с воздухом, и если сок не закисает совершенно, то подвергается влиянию воздуха до того, что уже ни в коем случае не дает и того количества, содержащегося в нем сахара, которое обыкновенно из него получают и которое частью превращается в патоку. Вот причины, почему за всеми усилиями, многие заводы из берковца свекловицы добывают не более 14 ф. сахара-рафинада. Сверх того устройством прессов и терок в верхних этажах, как это обыкновенно должно делать, избегается лишних издержек на желоба, приемники и насосы...» [2]).

Для механических работ на паровых заводах приходилось выписывать иностранных механиков и мастеров. Самые крупные паровые заводы имели в виде подсобных предприятий механические заведения (у гр. Бобринского, у бр. Яхненко и Симиренко). Эти заведения служили рассадниками знаний и навыков в области механических работ, потребных для сахзаводов. В Смелянском механическом заведении числилось по словам Журавского, учеников 43 [3]). Без сомнения, эти заведения содействовали распространению и улучшению ремесленности в крае и увеличению механиков из крепостных.

Быстрый рост свеклосахарной промышленности в сороковых годах в Правобережной Украине, интенсивное строительство сахзаводов содействовало появлению в Подольской и Киевской губ. странствующих механиков, переходивших с рабочими с места на место, и заготовлявших для вновь строющихся заводов котлы, аппараты. В виду дороговизны в то время доставки заводского оборудования из-заграницы или даже из внутренних губерний такой способ оборудования заводов обходился дешевле.

Специализация занятий на свеклосахарных заводах того времени была достаточно развита. Разделение труда применялось в широких размерах. Из перечня лиц, занятых на сахзаводе, приведенного Виттом [4]) мы находим такие виды занятий (начало пятидесятых годов): управляющий и его помощник, писаря, главный механик, мастеровые разных ремесел (плотники, столяры, кузнец, слесарь, медник, печник), мастеровые у паровиков и паровых машин (кочегары и машинисты), далее необученные рабочие по станциям в бурачной, прессовой, дефекационной, выпарительной, уварительной, разливальной, сушильне, прачешной для мешков, в угольном отделении и, наконец, надворные рабочие. По расчету

---

[1]) Фундуклей... Т. III, стр. 45.
[2]) Гутман выше цит., стр. 174.
[3]) Фундуклей—т. III, стр. 76.
[4]) Н. Витт—Руководство к сахарному производству. Спб. 1853 г., стр. 253 и д. Ср. Его же дополнение к руководству к сахпроизв., стр. 5.

Витта, на заводе с переработкой в сутки 400 берковцев было занято в две смены до 240 человек. К концу рассматриваемого периода свеклосахарный завод представлял достаточно сложную организацию с значительным разделением труда.

Оплата труда квалифицированных рабочих и высших служащих была в ту эпоху крайне разнообразна. Указанный выше состав управляющих ясно говорит о том, что на рынке труда высших сахарных работников не могло быть единообразия. Нельзя же было оплачивать в одинаковом размере управляющего, выписанного из Англии или Франции и управляющего из своих крепостных людей. В цитированной нами анкете Грум-Гржимайла мы находим достаточно полные данные об оплате высшего персонала свеклосахарных заводов. В его анкете различается три категории квалифицированного труда—мастер, механик и надзиратель. Самую высокую годовую плату мы видим на заводе Браницкого, с. Мироновка—15 тыс. руб., 3 тыс. руб. и 3 тыс. руб. и бр. Яхненко и Симиренко 16 тыс. руб., 5 тыс. руб. и 2 т. руб. Ни на одном из других заводов плата не подымалась до столь высокого уровня. В среднем годовая плата названных служащих составляла 1500—1800 руб., 700—800 руб. и 300—400 руб. На некоторых заводах показана оплата в день 10—12 руб., 5 руб, 4 руб. Это более высокий уровень; на мелких заводах оплата опускалась до 5 руб., 2 руб. и 1 руб. В Черниговской губ., где чаще встречались крестьяне в качестве управляющих, оплата труда была еще ниже мастеру, механику платили 100—150 руб. в год с примечанием «свой человек» [1]). И в Черниговской губ .встречались заводы, где оплата названных категорий труда подымалась в год до 8 тыс. руб., 1700 руб. и 1000 руб.

Для начала пятидесятых годов интересные данные о зарплате приводит Витт для завода с переработкой до 50 тыс. бер.

«Считая все продолжение разработки бураков в 100 суток, расход за работу составит 6860 руб.; прибавим к этому годовое жалование 3 писарей по 15 руб. в месяц каждому—540 руб.; годовое жалование трех помощников управляющего по 30 руб. в месяц каждому—1080 руб.; годовое жалование главного механика 1500 руб., и годовое жалование главного управляющего заводов 3000 руб., всего 6120 руб.; посему расходы завода при обработке 50 тыс. берковцев бураков будут 12980 руб. или 26 коп. на берковец за работу и управление» [2]).

Нередко управляющие, директора получали сверх твердого жалования проценты. Иностранные сахаровары, механики, мастера, помимо высокого жалования получали квартиру; управляющие жили в барских домах, имели свои выезды. Для мастеров, механиков устраивались при заводах специальные домики, где они жили с своими семьями.

Как регулировались законом взаимоотношения рабочих и предпринимателей на свеклосахарных заводах в изучаемую эпоху?

Весной 1853 г. по представлению Мин. Фин. на Киевскую губ. были распространены правила, регулирующие отношения между хозяевами фабричного заведения и их рабочими, изложенные в статье 96—104 т. XI Свода Законов, в декабре того же года они были распространены и на Подольскую губ. [3]). Указанными правилами регулировались отношения рабочих в свеклосахарной промышленности. Распространение их на две сахаропроизводящие губернии было обусловлено ростом этой промышленности на Киевщине и Подолии.

---

[1]) Журавский, говоря об одном управляющем-крепостном замечает, получал вместо 1500 руб. сер. едва 150 руб. сер. Фундуклей... Т. III, стр. 45.

[2]) Витт—Дополн. к руков. к сах. произв. Спб., стр. 544.

[3]) П. С. З. т. XXVIII—1853 г. № 27020 и № 27793.

Согласно этих правил, положение крепостных при владельческих заведениях определялось общими постановлениями о лицах крепостного состояния (ст. 98—99). Наем вольных людей производился по добровольным условиям (ст. 100); не требовалось записи их в цехи. Срок найма не мог быть длиннее того времени, на какое выдан паспорт.

Рабочий не имел права оставлять предприятие до истечения договорного срока без согласия хозяина фабрики; не мог он и требовать от хозяина до истечения указанного срока какой либо прибавки зарплаты. Владельцы или начальство, выдавшие паспорты, не могли отзывать обратно с фабрики или заведения подрядившегося работника до истечения паспортного срока, кроме прикосновенности их по делам следственным или уголовным (ст. 103). Это постановление было наруку сахарозаводчикам, так как побеги рабочих с сахарных заводов представляли в изучаемую эпоху частое явление. Запрещение повышения зарплаты до истечения срока найма при том условии, что рабочий обычно нанимался до конца производства, также отражало односторонние интересы владельцев заводов.

От владельца не отнималось право отпуска работника до истечения договорного срока, по причине невыполнения сим последним своих обязанностей, или за дурное поведение. Хозяин обязан был только предупредить работника за две недели до его отпуска и удовлетворить его зарплатой по условию. Таким образом, за предпринимателем оставалось право увольнения работника до срока по мотивам крайне неопределенным, как неисполнение своих обязанностей или дурное поведение. Судьей в этом случае являлся тот же предприниматель.

Таковы те правила, какими регулировались тогда сложные отношения между работниками и сахарозаводчиками. Рабочее законодательство в изучаемую эпоху было крайне скудно. Но даже и при этой краткости оно явно проводило защиту интересов предпринимателей.

Численность рабочих и служащих, занятых свеклосахарной промышленностью впервые была установлена 1848—49 г.г. с появлением отчетов Скалона, данные о числе рабочих стали приводиться ежегодно, начиная с 1856/57 г.г. Эти данные сведены в нижеследующую таблицу (на стр. 246 и 247).

В 1848/49 г.г. было занято на свеклосахарных заводах 42.851 человек, если это число приравнять 100, то мы будем иметь такие относительные величины изменения численности рабочих, занятых в свеклосахарной промышленности:

	Для всей России.	Для Украины.
1848/49	100	100
1856/57	158	166
1858/59	181	177
1861/62	162	159

В течение восьми лет, протекших от первого статистического обозрения свеклосахарной промышленности число рабочих, занятых на свеклосахарных заводах увеличилось на $^2/_3$; в 1858/59 г.г. мы видим дальнейший рост. В кампанию 1861/62 г.г. число рабочих падает. Это первая кампания после освобождения крестьян. Отмена барщинного труда должна была сократить численность свеклосахарных рабочих. На Украине рост рабочей массы шел более медленно, чем во всей России.

С установленной нами цифрой свеклосахарных рабочих на Украине (51,7 тыс. рабочих в 1858/59 г.г.) совпадает существующая в литературе попытка определения численности этой категории рабочих. Проф. Пажитнов, в «Очерках по истории рабочего класса на Украине» исчисляет перед крестьянской реформой, группу свеклосахарных рабочих в пятьде-

Губернии.	Мужчин			Женщин			Подростков			Всего		
	1856/57	1858/59	1861/62	1856/57	1858/59	1861/62	1856/57	1858/59	1861/62	1856/57	1858/59	1861/62
Правобережные												
Киевская	13.552	14.100	13.200	5.969	6.337	5.100	2.655	3.620	2.100	22.176	24.057	20.100
Волынская	743	633	697	242	185	260	90	61	112	1.075	879	1.069
Подольская	2.716	3.527	3.332	1.159	1.373	1.890	455	661	870	1.390	5.558	6.092
Итого .	17.011	18.260	17.229	7.370	7.895	7.250	3.200	4.342	3.082	27.641	30.494	27.261
Левобережные												
Черниговская . . .	6.428	6.995	5.150	4.640	4.150	3 800	940	965	800	12.008	12.110	9.750
Харьковская . . .	2.638	3.047	3.900	2.040	2.015	2.000	632	852	490	5.310	5.914	6.390
Полтавская	1.734	1.730	1.950	1.520	1.145	930	281	365	215	3.535	3.200	3.095
Итого .	10.800	11.772	11.000	8.200	7.310	6.730	1.853	2.182	1.505	20.853	21.224	19.235
Подмосковные												
Курская	2.717	2.332	3.100	966	1.105	1.280	258	251	235	3.941	3.998	4.615
Тульская	5.042	5.908	4.630	684	676	790	370	173	260	6.096	6.757	5.680
Орловская	1.006	1.304	1.320	503	518	451	68	150	164	1.582	1.972	1.935
Калужская	1.115	1.374	570	523	532	218	84	85	14	1.722	1.991	802
Рязанская	632	650	864	48	30	98	56	8	—	736	688	962
Итого .	10.512	11.568	10.484	2.729	2.861	2.837	836	937	673	10.077	15.405	13.994

Восточные												
Воронежская . . .	1.908	1.931	1.930	580	547	650	180	245	200	2.668	2.723	2.780
Тамбовская	2.416	3.145	2.340	261	418	410	138	190	240	2.815	3.753	2.990
Пензенская	1.098	1.413	714	203	287	220	117	202	65	1.418	1.902	999
Нижегородская . .	280	236	—	90	24	—	40	24	—	410	284	—
Саратовская	280	319	120	80	102	70	24	92	20	384	513	210
Итого .	5.982	7.004	5.104	1.214	1.378	1.350	499	753	525	7.695	9.175	6.979
Западные												
Могилевская . . .	620	307	500	416	197	270	143	120	100	1.179	624	870
Минская	149	213	395	65	59	144	39	14	10	253	286	549
Смоленская	149	131	50	103	130	15	18	24	15	270	285	80
Гродненская . . .	—	8	12	—	4	10	—	—	—	—	12	22
Итого .	918	659	957	584	390	439	200	158	125	1.702	1.207	1.521
Северные												
Тверская	40	—	—	30	—	—	20	—	—	90	—	—
Южные												
Херсонская	—	20	—	—	10	—	—	—	—	—	30	—
Бессарабская . . .	—	—	60	—	—	20	—	—	—	—	—	80
Итого .	45.263	49.263	44.834	20.127	19.841	18.626	6.608	8.372	5.910	71.998	77.536	69.070
В том числе на Украине	27.811	30.032	28.229	15.570	15.205	13.980	5.053	6.524	4.587	448.49	51.718	46.496

сят тыс. человек [1]). Это была наиболее значительная тогда группа украинского промышленного пролетариата. Тот же автор делает попытку определения доли крепостных в названной группе рабочих. Исходя из того, что в Киевской губ. в 1842 г. на 7.730 крепостных, занятых в свеклосахарном производстве, приходилось 2.650 вольнонаемных, в Харьковской губ. вольнонаемные составляли в 1852 г. $^1/_3$ общего числа рабочих в этой промышленности, проф. Пажитнов приходит к выводу, что накануне освобождения на свеклосахарных заводах работало $^2/_3$ крепостных, т. е. 35 тыс. [2]). Нам не удалось найти даже грубых подсчетов количества крепостных, занятых на свеклосахарном производстве в изучаемую эпоху. Решающее влияние на удельный вес крепостных должна оказывать Киевская губ., выделявшаяся большим числом свеклосахарных рабочих. В Киевской губ. коммерческие заводы, использовавшие по преимуществу только наемный труд, стали возникать в конце сороковых и в пятидесятых годах. В виду этого данные за 1846 г. далеко не выражали тех отношений, какие существовали накануне эмансипации. Полагаем, что удельный вес крепостных должен быть ниже.

В географическом распределении труда, занятого на свеклосахарном производстве, наблюдалась его концентрация в районах развитого сахароварения. Правобережная и Левобережная Украина имели наиболее значительное количество свеклосахарных рабочих; в этих двух районах сосредоточивалось более $^2/_3$ всего состава свеклосахарных рабочих, в одной Киевской губ. было занято около $^1/_3$ всех рабочих свеклосахарной промышленности. Свыше 5.000 рабочих насчитывалось в Черниговской, Харьковской, Подольской и Тульской губ.; в старом свеклосахарном районе—Подмосковном только в одной Тульской губ. свеклосахарные рабочие составляли сколько нибудь заметную величину.

Во вторую группу губерний с числом рабочих свыше 1000 человек входили Курская, Полтавская, Орловская, Воронежская, Тамбовская и Волынская; здесь уже преобладали неукраинские губ. В остальных районах число лиц занятых, свеклосахарной промышленностью, было ничтожно. Как видим, рабочие, занятые в свеклосахарном производстве, концентрировались, главным образом, на Украине, на ее долю приходилось в 1856/57 г.г.—67,2%, в 1858/59 г.г.—66,7% и в 1861/62 г.г.—67,1%. Таким образом только здесь свеклосахарная промышленность представляла важный источник существования для рабочего класса.

В составе рабочих преобладали мужчины. Женщины составляли немного более $^1/_4$ (1856/57 г.г.—27,9%, 1858/59 г.г.—25,6% и 1861/62 г.г.—26,9%), на Украине женский труд использовался шире, здесь на долю женщины падал такой процент, в 1856/57 г.г.—32%, в 1858/59 г.г.—29,4% и в 1861/62 г.г.—30,1%. Труд подростков использовался в небольшой мере в 1856/57 г.г. они составляли 0,9% всех рабочих, в 1858/59 г.г.—1,1% и в 1861/62 г.г.—0,9%.

На Украине труд подростков использовался на свеклосахарных заводах несколько больше (1,1%, 2% и 1%).

Среднее число рабочих на завод так изменялось:

	В России.	На Украине.
1848/49	111	149
1856/57	196	223
1861/62	166	212

[1]) Пажитнов—Очерки по истории рабочего класса на Украине, 1927 г., стр. 28.
[2]) Там же, стр. 29.

Для сравнения можно указать, что в 1854 г. на одну фабрику приходилось 46 рабочих [1]); средняя для свеклосахарных заводов выше в 4 раза. Свеклосахарные заводы выделялись своими размерами из ряда других промышленных предприятий той эпохи.

На Украине сахарные заводы отличались более крупными размерами. К половине пятидесятых годов сахарные заводы заметно укрупнились. Снижение средней в 1861/62 г.г. носило более значительные размеры в России, чем на Украине. Это показывает, что труд крепостных использовался на украинских заводах относительно в меньшей мере.

С отменой крепостного состояния при общем падении числа свеклосахарных рабочих, более заметно снизилось применение женского труда. С отменой барщины женский труд нашел более производительное применение в собственном крестьянском хозяйстве. Заводчикам, после отмены барщины, пришлось подумать об уплотнении работы на своих заводах.

Так как в изучаемую эпоху еще не вели учета рабочих дней затраченных на производство, поэтому нельзя выявить производительность труда в рабочих днях, затраченных на пуд сахара или на переработку берковца. Приходится определить производительность труда более грубым способом, путем деления всей продукции сахара на число занятых рабочих [2]). Производительность труда изменялась за исследуемый период в таких размерах:

	Пудов сахара на одного рабочего	
	Во всей России	На Украине
1848/49	21,5	25,5
1856/57	29,3	35,5
1858/59	34,5	42,6
1861/62	33,3	42,7

С 1848/49 г.г. мы видим ясно выраженную тенденцию к повышению производительности труда, причем на Украине производительность труда возрастала быстрее; в первую кампанию после освобождения крестьян производительность труда несколько падает. На Украине она остается стабильной. Это вполне об'яснимо естественной невыясненностью отношений, какая должна была чувствоваться на первых порах после освобождения крестьян, не приспособленностью заводчиков-крепостников к новым условиям труда, может быть, и падением рабочей дисциплины после отмены векового рабства. Необходимо добавить еще, что у нас нет данных о сахаристости свеклы по отдельным годам, между тем, этот фактор существенно меняет результаты производства, независимо от степени производительности труда. Можно придти к выводу, что на Украине свеклосахарная промышленность перенесла безболезненно отмену барщины. Это вполне понятно в виду преобладающего значения здесь коммерческих заводов.

Перед крестьянской реформой в Комитетах по подготовке освобождения крестьян живо и горячо обсуждался вопрос о крепостных мастерах, обученных помещиками. В Черниговском Комитете член последнего Савицкий, писал в своей докладной записке [3]):

---

[1]) Цифры рабочих 1854 г. см. Балабанов — Очерки по истории рабочего класса... Ч. I, стр. 17 прим.

[2]) В «Очерках и материалах по истории рабочего вопроса в сахарной промышленности» указывается, что в 1848 г. было затрачено рабочих дней: на 1.000 берк. свекловицы—3.000; на 1.000 пуд. сахара—6.666. После освобождения крестьян этот показатель изменился таким образом: на 1000 берк. затрачено 873 рабочих дня, на 1000 пуд. сахара—1337 рабочих дней. См. Очерки... В. I, стр. 31.

[3]) Модзалевский—Материалы по истории освобождения крестьян. Труды Черниговской Архивной Комиссии. Чернигов, 1912 г., стр. 194—195.

«Что мы скажем о нашей сахарной промышленности, которая в недавние годы развилась с таким успехом, что губерния наша, по числу заводов и количеству получаемого сахара, занимает после Киевской губ., второе место. Какая участь ожидает эту выгодную для края статью, от благосостояния которой зависит участь не только заводчиков, но и плантаторов свеклы, не только сих последних, но и общей доходности земель, ценности рабочего труда, лесного материала и множества других второстепенных видов хозяйства. Не обрекается ли вся заводская промышленность через такой быстрый переход от хозяйственного к коммерческому устройству, при недостатке капиталов, на верную жертву монополии того самого ремесленного класса, которого образование стоило заводчикам не только значительных издержек, но и неизбежной потери времени с понесением убытков при недостатке их опытности. Откуда мы возьмем других мастеров, если приученные нами откажутся служить за отдельную плату?..

Как же мы хотим лишить себя добровольно льготного переходного периода, когда правительство, не допуская до крайности сих производств, предоставило определить службу крестьян, обученных попечением помещиков для разных ремесл... Лишить этого права владельцев, заводчиков, которые на устройство своих заводов и на приучение мастеровых затратили безвозвратно значительные капиталы, большею частью в долг, составляющий для них ничем невознаградимое бремя. Если же по уважению к сему, то ради общественной пользы, получаемой всем населением от промышленных заведений, мы обязаны сохранить за собой преимущества льготного периода с высшею предусмотрительностью, дарованные правительством, чтобы не нарушить хозяйственного устройства имений».

Когда Черниговский Комитет, определив годичный срок службы обученным хозяйственным должностям и в частности ремеслам, обошел молчанием срок отслуги обученных мастеровых при заводах, тот же Савицкий поставил этот вопрос в своем отдельном мнении [1]).

«То же самое сказать и о мастеровых, приученных, собственно, к производительным работам, как, например: сахароварных подмастерьях, дефикатчиках, густильщиках, фильтерщиках, костопалов и др. Кому не известно, что производство сахароварения до того разнообразно, что нет двух заводов, которые бы следовали при сем одинаковой методе—она изменяется не только по личному знанию сахаровара, но и способу устройства завода, и потому самый опытный из производителей не может быть уверен в успешном ходе работ, если завод не снабжен людьми совершенно знакомыми с его особенностями и со способом самого производства».

Черниговское дворянство энергично боролось за удлинение срока отслуги обученных мастеровых.

«Представители Стародубского, Глуховского, Конотопского, Борзенского, Сосницкого и Кролевецкого у.у., где наиболее развита заводская промышленность, ходатайствовали о назначении срока отслуги обученным при них мастеровым на том основании, как это предоставлено Св. Зак. т. XI Устава Ремесл., ст. 130, по которому каждый подмастерье обязан остаться в сем звании по крайней мере три года и каждый ремесленник ученик, на основании 147 ст. обучается ремеслу не долее пяти и не менее трех лет, без какового права заводчика на отслугу заводских ремесленников за полученное ими ремесленное образование все существующие заводы поставлены будут в крайность — прекратить свое производство [2]).

[1]) Модзелевский... Мнение члена комитета А. Савицкого о мастеровых крестьянах при заводах, стр. 306.

[2]) Там же, стр. 307.

Черниговское дворянство добивалось удлинения срока отслуги для обученных мастеровых, по крайней мере, в размере трех лет.

Черниговский Комитет в отделе втором, выработанного им проекта положения о повинностях крестьян, принял такое постановление: «обученные же попечением помещика для разных ремесел и для разных занятий по хозяйству, заводах и фабриках и не отслужившие еще помещику 10 лет, должны оставаться до истечения этого срока на том же положении, на котором ныне состоят» [1]).

Таким образом, Черниговские дворяне определили срок отслуги за обучение в 10 лет; разумеется, большинство мастеровых обучалось в сороковых и пятидесятых годах; поэтому для них этот срок не имел особого значения, так как они пробыли на заводах более 10 лет к моменту освобождения крестьян; тот факт, что дворяне очень волновались этими вопросами, свидетельствует о том, что число обученных мастеровых, коим еще не истек 10-тилетний срок, все же было значительно.

Перед крестьянской реформой свеклосахарные рабочие составляли значительную компактную массу, в особенности на Украине, где эта группа рабочих занимала первенствующее положение среди промышленного пролетариата. Использование труда крепостных на первых примитивных свеклосахарных заводах в результате роста и технического прогресса свеклосахарной промышленности закончилось к моменту освобождения крестьян образованием новой мощной рабочей группы. На Украине в изучаемую эпоху именно эта группа олицетворяла и представляла промышленный пролетариат.

Характерно, что свеклосахарные рабочие настолько сжились с свеклосахарной промышленностью, настолько выработали в себе специальные фабричные навыки, что отмена крепостного состояния только в небольшой мере отразилась на рабочем составе свеклосахарных заводов. Если бы здесь работали только крепостные, отбывая барщину, то с отменой крепостного состояния свеклосахарные заводы должны были бы остаться без рабочих. Тот факт, что отмена крепостного состояния обусловила только небольшое снижение числа свеклосахарных рабочих, ясно говорит о том, что к концу изучаемой эпохи в этой отрасли производства сложился и выкристаллизовался промышленный пролетариат, находивший в свеклосахарном производстве—основной источник своего заработка.

Вопрос об издельных повинностях крепостных на фабриках и заводах служил предметом горячих обсуждений на заседаниях Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, подготовлявших крестьянскую реформу.

По вопросу о том, следует ли допускать работу на помещичьих заводах и фабриках в счет мужских неших дней, причитающихся за полевую землю, Комитеты приняли такое решение [2]):

«Производство работ на некоторых помещичьих заводах, столь тесно связано с сельско-хозяйственными работами, что трудно провести между ними определенную границу. Таковы работы на винокуренных, пивоваренных, силитрянных, дегтярных, свекло-сахарных, кирпичных и тому подобных заводах.

Другие заводы не имеют с земледелием никакой существенной связи, составляя чисто промышленные предприятия помещиков. Поэтому, если и следует допустить работы крестьян в счет барщины, то только на заводах первой категории, и при том таких, которые учреждены были до

[1]) Там же, стр. 366.

[2]) Журнал Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, т. II. Петр. 1915 г., стр. 186. Об особых видах издельной повинности.

обнародования Положения. Но и на этих заводах, все те работы, которые явно вредны для здоровья работников, ни в каком случае не должны быть исполняемы обязательным трудом. Там, где необходимо производить работы ночные следует установить, чтобы шесть часов ночной работы зачитывалось крестьянину за полный барщинный день, а более продолжительная работа за $1^1/_2$ дня».

Представители дворянства малороссийских губ. в Главном Комитете в количестве 22 членов, выступили с особым мнением по вопросу о женских рабочих днях. По проекту, в состав издельной повинности включались только мужские пешие дни на Правобережной и Левобережной Украине. По мнению 22 членов Главного Комитета [1]), ограничение издельной повинности одними мужскими рабочими днями не согласно ни с потребностью Малороссийского хозяйства, ни с самою справедливостью и будет иметь вредное влияние для всего хозяйства. Известно, что в России есть отрасли земледелия существенно важные для всего государства и которыми могут заниматься в большем размере одни помещики. Сюда должно отнести засевы полей, свекловицею и разведение табака.

Работы по этим отраслям могут быть исполняемы только женщинами и к подобным работам непривычны мужчины, которых невозможно заставить полоть поля свекловицы...

Прекращение женской издельной повинности вдруг принесет вред двум отраслям промышленнотси — свеклосахарной и табачной, важность которых не подлежит никакому сомнению, о развитии которых правительство постоянно заботится.

В основании совершенного уничтожения женской издельной повинности обыкновенно указывается на соседнюю местность заднепровскую Украину (губ. Киевскую, Подольскую и Волынскую), где женская барщина не исполняется. Обстоятельство это, по мнению 22 членов, не может служить поводом к принятию той же меры и для Малороссии, ибо в Украине губернские комитеты сами отказались от женской барщины, тогда как в Малороссии помещики никогда не заявляли, чтобы было возможно совершенно уничтожить там на время обязательного девятилетнего периода, женскую издельную повинность».

Эти 22 члена добивались того, чтобы помещикам предоставлено было право заменять с согласия крестьян каждый мужской день двумя женскими [2]).

Это предложение встретило ряд возражений в самом же Комитете: 21 член Комитета указывали на то, что женская барщина в Малороссии не отменена, но заменена мужской. В Великороссийских губ. помещик из общего числа следуемых ему рабочих дней получал определенную часть ($^3/_7$) женскими рабочими днями, а в Малороссийских все рабочие дни отбывались мужскою барщиною. Это давало малороссийским помещикам значительное преимущество перед великороссийскими. На этом основании они и высказывались против допущения замены мужских дней женскими. В общем Собрании Государственного Совета предложение 22 членов Комитета было отвергнуто. Недопущение же барщинных дней и об'ясняет более сильное падение числа работниц занятых в свеклосахарной промышленности после крепостной реформы, отмеченное в вышеприведенной таблице.

---

[1]) Журналы и мемории общего собрания Государственного Совета по крестьянскому делу. Петер. 1915 г., стр. 117 и д.

[2]) В Великороссийских губ. издельная повинность была определена мужскими и женскими рабочими днями.

Вопрос, поднятый Черниговским дворянством, об обученных разным мастерствам крепостных, обсуждался в Главном Комитете. В Журналах Комитета мы находим на этот счет такое решение [1]):

«Что касается до крестьян, отданных в учение в разные мастерские и учебные заведения, то трудно определить величину употребляемых для сего помещиками издержек. Однако в редких случаях они бывают более 50 руб. в год и изменяются от 10 до 50 руб. Срок учения простирается от 1 до 7 лет. За кратковременное учение, в которое поступают преимущественно взрослые крестьяне, платят обыкновенно наибольшее вознаграждение мастерам, а учение от 5 до 7 лет, большей частью бывает бесплатно или с небольшим вознаграждением (около 10 руб. в год) на одежду. Из этого видно, что даже и не очень продолжительная служба превышала бы значительно обыкновенные издержки, употребляемые на обучение. Нельзя не принять в соображение, что помещик отдавая в обучение крестьянина, не один нес неизбежные при этом траты. Траты эти частью падали и на тот дом, из которого крестьянин отдавался в учение, ибо на все время учения, дом этот лишался работника, иногда может быть весьма нужного. По сему нельзя требовать особого вознаграждения помещику от тех крестьян, которые обучались на его счет и только при его содействии».

Таким образом точка зрения главного Комитета по вопросу столь интересовавшему сахарозаводчиков была ясна и определенна—не возлагать никаких особых тягот на обученных крепостных. Нашелся все же один член гр. Панин, который предложил распространить на таких лиц 6-тилетний срок, полагаемый им для увольнения дворовых людей, обученных ремеслам. Но этот голос крепостника-помещика остался одиноким.

В Главном Комитете уже господствовало мнение о низкой производительности барщинного труда. Это мнение было отчетливо сформулировано при рассмотрении вопроса о крестьянах, отбывающих обязательные работы на помещичьих фабриках [2]):

«При значительно уже развившейся мануфактурной деятельности, основанной на экономических началах свободного труда, всякое производство, связанное с обязательными работами, не выдержит соперничества с вольным трудом. Одно только полное право распоряжаться крепостным трудом могло установлять такие уроки и женскую сдельную плату, которые, даже при меньшей производительности принудительного труда, выдерживали до некоторой степени совместничество с фабриками свободными.

По сему всякой фабричной деятельности, по самому существу своему должен предстоять непременный переход на вольный труд, как единственное экономическое основание для производительности такого рода».

Таким образом и для Главного Комитета, состоявшего из крупных аграриев, была очевидной накануне крестьянской реформы малая производительность труда фабричных крепостных.

При обсуждении порядка прекращения обязательной фабричной работы и замены оной оброком мнения в Главном Комитете разделились.

Большинство членов полагало, что фабричные крестьяне должны получить право перехода на денежную повинность в тот же срок, который будет назначен для всех вообще крестьян; для облегчения же им сего перехода следует предоставить фабричным людям при поступлении на оброк вносить в течении первых двух лет оброчную сумму за месяц, а

---

[1]) Журналы Секретного и Главного Комитетов, т. II, стр. 187.

[2]) Там же, стр. 369.

не за 6 месяцев вперед, как сие предположено для крестьян-земледельцев.

«К сему заключению семь членов побудились, с одной стороны, необходимостью устранить всякое замедление и неуравнительность в освобождении от барщины фабричных рабочих, которые наиболее оною тяготятся и от коих наиболее можно опасаться волнения, в случае несправедливого лишения их права, предоставленного прочим крепостным людям; а с другой стороны, справедливостью меры, облегчающей сим рабочим уплату оброка, которого они при нынешнем их стеснительном положении не могли бы еще вносить; переход на вольный труд окончательно, более полезный для них и для их помещиков и для промышленности фабричной».

Как же этот вопрос был решен в положении о поземельном устройстве крестьян?

В местном положении о поземельном устройстве крестьян в губ. Киевской, Подольской и Волынской мы находим такие постановления:

«Исчисление мужских пеших дней, причитающихся за полевую землю, производится по каждому участку, соразмерно с количеством состоящим в нем удобной земли.... выведенное число дней вписывается в уставную грамоту и вперед увеличиваемо быть не может» [1]).

В счет этих рабочих дней «крестьяне могут быть употребляемы для работ на тех помещичьих заводах, учрежденных до утверждения сего Положения, которые по роду состоят в ближайшей связи с сельским хозяйством, как то: винокуренных, пивоваренных, свеклосахарных, силитрянных, дегтярных, кирпичных и т. п., не принадлежащих к предприятиям чисто промышленным или мануфактурным» [2]). Это постановление именно и касалось рабочих, занятых на свеклосахарных заводах.

Повинности крестьян, занятых на фабриках и заводах, составлявших отдельное от сельского хозяйства предприятие, изложены в особых дополнительных правилах (№ 36669).

В местном положении мы находим интересное постановление о ночной работе. «При отбывании работ на сельско-хозяйственных заводах, кроме общих правил, постановленных в ст. 191, наблюдается, чтобы на тех фабричных и заводских работах, которые производятся по ночам, 6 часов ночной работы зачитывалось крестьянину за полный рабочий день, а более продолжительная ночная работа за $1^1/_2$ рабочих дня» [3]) Это постановление касалось, главным образом, свеклосахарных заводов, где в кампанию производство шло непрерывно и где был принят 12-тичасовой рабочий день и в ночное время.

Так решен был Положением об освобождении крестьян вопрос о фабричных крепостных; чаяния помещиков сахарозаводчиков не осуществились.

---

[1]) П. С. З. 1861 г., т. XXXVI № 36.664. Местное положение о поземельном устройстве крестьян в губ. Киевской, Подольской и Волынской. Отд. III, стр. 169.
[2]) Там же, стр. 204.
[3]) Там же, стр. 205.

ГЛАВА III.

ТОРГОВЛЯ СВЕКЛОВИЧНЫМ САХАРОМ ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН.

Связь функции сбыта сахара с его производством на первых свеклосахарных заводах. Москва, как рынок сбыта. Значение ярмарок, как рынка сбыта для Украинских свекло-сахарных заводов. Потребление сахара-рафинада. Трудность сбыта песка. Формы сахарной торговли в пятидесятых и шестидесятых годах. Комиссионная продажа сахара в Москве. Комиссионный договор с Гофманом Комитета Сахароваров. Продажа сахара через комиссионера Гофмана. Районы сбыта сахарной продукции. Рынки сбыта рафинада. Нижегородская ярмарка. Украинские ярмарки. Продажа песков в кредит. Траты и их учет. Емкость рынка. Потребление сахара. Цены на сахар. Разница цен между Киевом и Москвой. Мнение мин. финансов о дороговизне сахара и влияние ее на потребление. Сравнение с Западно-Европейскими ценами. Ценообразующие факторы. Себестоимость сахара. Доходность свеклосахарных заводов. Стоимость берковца. Урожай свеклы. Выход сахара. Доходность свекло-сахарных заводов. Доходность рафинадных заводов.

Свекло-сахарные заводы даже в начальный период их возникновения работали на рынок. Продукция сахара не была расчитана исключительно на потребление помещичьего двора; для первых заводов важной статьей сбыта составляла продажа спирта, рома, сладких водок и проч. Концентрация свекло-сахарных заводов вблизи Москвы, естественно, сделала последнюю основным рынком сбыта свекловичного сахара и водочных изделий. Из описания Алябьевского завода нам известно, что его водочные изделия отправлялись в Москву. Продукция сахара первых заводов, незначительная по своим размерам, сбывалась обычно в районе деятельности завода. В описании Рейсса завода Бланкеннагеля имеется указание на то, что продукция сахара в триста семь пудов могла быть продана в окрестностях завода. Сладкие водки отправлялись исключительно в Москву [1]). Характерно, что для первых заводов продажа водок имела почти одинаковое значение с продажей сахара. В расчете о доходности завода Бланкеннагеля, приводимом у того же Рейсса, видно, что от продажи сахара получено 7.675 р., а от продажи водок—6.778 руб.

Представление льготы по изготовлению и продаже спирта свекло-сахарным заводчикам достаточно ясно характеризует все значение этой побочной отрасли для рентабельности свекло-сахарных заводов.

С развитием свекло-сахарной промышленности сбыт сахара затруднился и усложнился. Первые сахарозаводчики являлись и торговцами. Сбыт сахара еще не был отделен от производства. Производитель и купец были слиты в одном лице. Функция сбыта являлась исходной принадлежностью производственного процесса. Эта слитность двух разнородных функций вызывалась тем, что свекло-сахарные заводы представляли еще редкое явление, продукция их была крайне незначительна, потребление сахара в провинции носило ничтожные размеры, распро-

[1]) Рейсс выше цит., стр. 69, 71.

странено было, главным образом, среди помещичьего класса и потому для самостоятельной торговли сахаром еще не было почвы.

Быстрое развитие свекло-сахарной промышленности с 30-х годов и в особенности с 40-х годов должно было обострить вопрос о сбыте ее продукции.

«Когда свекло-сахарных заводов было мало, пишет Лялин в начале сороковых годов, тогда белый песок и даже часть сырца продавалась в Москве» [1]). С увеличением числа заводов, сбыт песка в Москве стал делаться более и более затруднительным, так что теперь из южных губерний почти не возят туда песка, а сбывают его на собственных ярмарках: Коренной, Роменской, Нежинской, Кролевецкой и преимущественно в Харькове». Таким образом, смещение центра свекло-сахарной промышленности на Украину, вызвало и изменение рынков сбыта. Москва стала терять первенствующее положение, по крайней мере, для украинских свекло-сахарных заводов. Последние стали использовать многочисленные украинские ярмарки для продажи сахара.

Трудность сбыта сахара заключалась еще в том, что тогда преимущественно потреблялся населением сахар рафинад. Потребление песка было крайне ограничено. «Потребление белого песка у нас в народе весьма ограничено, пишет тот же Лялин [2]); бедный и богатый употреблял сахар (т. е. рафинад *К. В.*). Песок нужен только для низкого сорта варенья, конфект, для подслащивания вина и водки. Для всего этого надобно немного; но и при этом скудном требовании, торг песком встречает большое затруднение. Те, которые покупают песок для своих сладких изделий, не имеют у себя больших капиталов, а потому весьма немногие из них покупают песок прямо из рук заводчиков; они предпочитают иметь дело с купцами, с которыми они имеют свои особенные счеты. Вот почему свекло-сахарный заводчик по необходимости должен продавать свой песок купцам, занимающимся этою торговлею; но как их весьма немного, то здесь и открывается вся запутанность и стеснительность торговли. Известно, что у нас в общем мнении, свекловичный песок считается хуже гаванского. Предразсудок этот еще более стараются поддержать сами купцы, торгующие песком, уверяя, что свекловичный песок не так силен, как американский. Что же они сами делают, покупают у заводчиков песок, дают цену, какую хотят и потом продают за гаванский. Такого рода торговля, отклоняя прямое сношение с теми, кому нужен песок и передавая его в монопольные руки мелочного купечества, не может быть выгодна для промышленности. Прибавим к этому и другое еще неудобство; у нас торговля с купцами идет большей частью на кредит, который, как известно, не редко оканчивается банкротским расчетом, выгодным для купца и разорительным для заводчика. Из всего этого легко видеть, что все эти неблагоприятные обстоятельства в торговле, не могут способствовать развитию промышленности, и от того то многие теперь, которые желали бы употребить капиталы для устройства сахарных заводов, видя такой стеснительный сбыт песка, поневоле оставляют свое предприятие».

В приведенной выдержке вырисовывается трудность сбыта сахарного песка, составлявшего тогда основной продукт свекло-сахарного производства. Оказывается, потребители находили свекловичный сахар по качеству более низким сравнительно с колониальным. Этим пользовались купцы, понижавшие цену свекловичного сахара и сбывавшие затем его

---

[1]) Лялин—Выгоды какие может представить рафинадный завод в Малороссии. Жур. Мин. Госуд. Им., кн. XI, 1844 г., стр. 47 и д.

[2]) Там же—47—48.

под видом колониального. Лялин отметил еще одну отрицательную сторону сахарной торговли—сахаровары жаловались на трудность сбыта песка, неблагоприятно отражавшуюся даже на производстве [1]).

Тот же Лялин в другом месте писал: «Все мы теперь (1840 г.) чувствуем, что сбыт песка составляет дело затруднительное» [2]). Для харьковских сахзаводов крупным потребителем песка являлись Донские виноделы. «В Харьков ежегодно налетают жители Дона и покупают песок в значительном количестве для составления виноградного вина, известного под именем донского вина. Попробуйте производителю русского шампанского предложить ваш свекловичный песок, да он крестом и молитвою будет от вас отбиваться, а между тем сам идет к купцу и покупает у него тот же песок и везет на родину, благословляя небо, что ему удалось купить превосходный голландский сахар» [3]). Таким образом, свекловичный сахар неохотно покупали даже виноделы, им сбывали этот сахар при помощи обмана.

На трудность сбыта песков жалуются в ответах, присланных для X С'езда Комитета Сахароваров. «Потребление белых свекло-сахарных песков в России ограничивается варением конфект, фруктов, ягод, домашним употреблением на кухне и деланием наливок, водиц и проч., такие лучшие сорта песков идут на делание так называемых донских вин, как в Москве, так и в прочих городах. В России весьма не лакомы до конфект. Варенья же почти все помещики и большая часть купцов варят дома, и по убеждению, более из рафинада. Следовательно, потребление свеклосахарных песков весьма небольшее, и ежели к количеству выделываемых песков на наших свекловичных заводах, прибавить колониальный привоз, который ежегодно увеличивается, то можно опасаться, что цены на свекловичный сахар год от году должны уменьшаться, в чем убеждает уже нас горький опыт» [4]). Как видим, рынок сахарного песка в ту эпоху не отличался большей емкостью. Все же значительную часть жалоб надо отнести и за счет низкого качества сахарного песка. Упреки по адресу торговцев, спекулировавших на невежестве потребителя, не совсем основательны. Нам приходилось приводить указания на низкое качество свекловичного песка, вырабатываемого на отечественных заводах. С этой точки зрения заслуживает упоминания ответы на вопросы, присланные из Комитета Сахароваров для X с'езда 1844 г., члена Черноглазова [5]). Отвечая на вопрос Комитета: «Если бы кто учредил в Харьковской губ. рафинадный завод, то оный мог бы быть полезен для сбыта сырца; многие ли заводчики воспользовались бы оным». Черноглазов пишет: «Имея хороший сырец, можно получать отличного достоинства пробеленные пески, которые мною и сего года проданы в Харьков по

[1]) Аналогичные жалобы на трудность сбыта песка в начале сороковых годов мы встречаем и у других сахароваров. Лукомский, сахаровар Полтавской губ., в статье—Взгляд на теперешнее состояние свеклосахарной промышленности (записки IX Комитета Жур. Сел. Хозяйства 1842 г., стр. 285) пишет по поводу расчетов на высокую доходность свеклосахарных заводов: «уже песок в бочках, но его никто не покупает; надобно его переварить в лумп... в провинциях трудно сбыть самый лучший лумп; надобно его потолочь и продать под видом белого песка, однако же покупатели представляют, что колониальный дешевле и должен быть лучше, потому что английский, нечего делать надобно продать с уступкой». Интересно, что и в Западной Европе первоначально господствовало мнение, что свекловичный песок хуже колониального.

[2]) Лялин—Неутешительные новости в свеклосахарном мире. Библиотека для чтения. Т. 42, 1840 г., стр. 27.

[3]) Там же, стр. 28.

[4]) Ответы на некоторые вопросы, присланные для X Комитета в 1844 г. М. Глебовым. Жур. Сельского Хозяйства 1845 г., кн. IV, стр. 35.

[5]) Журнал Сельского Хозяйства 1845 г., кн. IV, стр. 79.

24 руб. асс. за пуд; следовательно, за дешевую цену невозможно продавать такого сырца, а дурные сырцы и дающие дурные пробеленные пески, не думаю, чтобы ц е н н о ю принимали и в рафинадный... Пески хорошего качества первого сорта не дают затруднений в продаже, как в Москве, так и в Харькове, а дурные произведения везде трудно сбываются».

Такое признание сахарозаводчика ценно для нас. Оно об'ясняет затруднения в сбыте сахпеска заводчиков, работавших на технически отсталых предприятиях.

Сахаровары-песочники, в целях преодолеть трудности сбыта песка, выдвигали идею организации компанийского рафинадного завода, где бы пески могли перерабатываться в рафинад, имевший более обеспеченный сбыт. «Мы освободимся от хлопот, совсем не свойственных, говорит Лялин, таскать свой песок по ярмаркам и отдавать его в кредит, рискуя весьма часто потерять все» [1]). Торговля сахаром уже стала затруднять заводчиков. Уже наступил момент для обособления этой отрасли и появления отдельной торговли сахаром.

В пятидесятых и шестидесятых годах торговля свекловичным сахаром получила достаточно организованные формы. Отчасти на основании архивных материалов Ольшамовского завода Браницких, а отчасти на основании печатных источников можно представить организацию торговли сахаром заводов коммерческого типа в таком виде: Ольшамовский завод имел собственные оптовые склады и торговые конторы в Бердичеве, Кременчуге, Одессе и Могилеве. Из ряда указаний известно, что такие склады имели и фирмы Яхненко и Симиренко, Бобринский. Собственные склады сахара имели только крупнейшие заводы, притом рафинадные. В архиве Браницкой есть дело за 1861 г., из которого видно, что уполномоченный сахзавода Юлий Лещинский взыскивал долги, которые не мог получить заведывающий складом в Кременчуге Петрусевич. Последний продал сахар Шкловской на 478 руб. 44 коп. под вексель. Вексель был опротестован, но денег ему не удалось получить, так как Шкловская выехала из Кременчуга.

Не будучи в состоянии получить долг, Петрусевич обратился к уполномоченному Лещинскому и последний занялся взыскиванием долга. Очевидно, заведывающий складом не был доверенным фирмы, и не имел полномочий выступать в качестве истца по делам фирмы.

Тот же Лещинский взыскивал долг и в 1862 г. с Хаима и Лейбы Возлинских, взявших под вексель сахар из оптового сахарного склада в Кременчуге. Интересно указать, как именовался в векселе гр. Браницкий: «По сему векселю повинен заплатить родной мой отец Кременчуга 3-й гильдии Лейба Возлинский гостинному кущу гр. Браницкому или кому он прикажет». Таким образом, заинтересованность заводчиков сахарной торговлей достигала такой степени, что граф не постеснялся записаться в купеческую гильдию. Очевидно, из уважения к графу его именовали не простым купцом, а гостинным.

Второй путь продвижения сахара к потребителю—это сбыт его через комиссионеров. Из договора Ольшамовского завода с Кельманом Тульчинским, видно, что последний обязывался ни отправлять, ни продавать сахар в тех городах, где существовала продажа сахара на заводских складах. Как видно из договора с Тульчинским, последний обязывался взять с завода 10.000 пуд. сахара на своих подводах на протяжении 6 месяцев. Правление Ольшамовского завода давало гарантию не назначать комиссионеров в г.г. Кишиневе, Балте, Николаеве и Умани с их окру-

---

[1]) Лялин—Там же стр. 29.

гами, в свою очередь Тульчинский не имел права продавать сахар в тех местах, где имелись сахарные конторы завода. В этом договоре ясно проведено разграничение рынков сбыта. Очевидно, контора завода передавала продажу сахара на комиссию в тех районах, где она не выступала самостоятельно. Путем комиссионных договоров совершалось разграничение сфер влияния торговцев сахаром.

Журавский при описании Городищенского завода бр. Яхненко и Симиренко сообщает о наличии 4-х комиссионеров по продаже сахара. Они заведывали другими комиссионерами, раз'езжавшими по ярмаркам и жившими постоянно по городам при сахарных торговых конторах. Восемь комиссионеров имели постоянное пребывание при сахарных конторах в городах: Харькове, Ростове, Кременчуге, Одессе, Николаеве, Севастополе, Бердичеве и Москве. Городищенский завод имел более широкую сеть торговых контор и складов, чем Ольшамовский.

Организация крупными заводами собственных торговых контор и складов в городах свидетельствует о том, что быстро развивавшаяся промышленность должна была принимать энергичные меры к внедрению своего продукта в потребительскую массу. Зарождавшаяся тогда купеческая торговля сахаром, очевидно, не могла справиться с этой задачей. Интересно, что украинские свекло-сахарные заводы сосредоточили свое главное внимание на завоевание украинского рынка. Один Городищенский завод имел контору в Москве. Среди городов нет ни одного великорусского. Ростов, где Городищенский завод держал контору, представлял перевалочный пункт для торговли с Северным Кавказом. Видимо, кавказский рынок представлял известный интерес для украинской свеклосахарной промышленности.

Такое исключительное внимание к украинскому рынку, а отчасти и к кавказскому об'яснялось конкуренцией колониального сахара, сбывавшегося на северных и центральных рынках. В Ленинграде,—являвшемся центром колониальной рафинадной промышленности, украинские сахарные заводы не имели контор.

Свеклосахарные заводы той эпохи сбывали в большом количестве сахар на ярмарках. В архиве Ольшамовского сахзавода сохранились накладные, по которым завод отправлял сахар на ярмарки, так имеются накладные с указанием фамилий возчиков на отправку сахара на Елисаветградскую ярмарку 5-го апреля 1855 г. в бочках 371 п. 20 ф. 1-го сорта, 19 п. 34 ф. 2-го сорта и 46 п. 13 ф.—3-го сорта. Из вышеприведенной цитаты Лялина видно, что сахарозаводчики широко пользовались украинскими ярмарками для продажи сахара, как он выразился «таскались по ярмаркам». Это возможно было делать потому, что помещики имели даровую перевозочную силу в виде подводной повинности. О торге на ярмарках скажем дальше.

Продавался сахар оптом и на заводе. На Ольшамовском заводе мы находим ряд счетов, занесенных на приход кассы по продаже сахара купцам; купец Уманский купил 29 июня 1859 г. на 7500 руб., 18-го июля на 2.750 руб., Мордко Городецкий делает ряд закупок в период от 15-го декабря 1854 г. по 1-е июня 1855 г. по 600—700 пудов. Интересно, что иногда сахар отпускался заводом с доставкой средствами экономии. Контора Ольшамовского завода, продала Гальперину рафинаду 3800 пуд. с доставкою и со сдачей всего этого количества в Бердичеве в бочках и «подводами на всем иждивении экономии» с 17 сентября по последнее число декабря 1853 г. Продажа сахара франко склад покупателя значительно облегчало купеческую торговлю. Экономии брали на себя такие перевозки в сезоны свободные от сельско-хозяйственных работ, т. е. осенью и зимой.

Приведенные факты свидетельствуют о значительном развитии купеческой торговли сахаром. К концу рассматриваемого периода организация сахарной торговли являлась достаточно сложной. В таком широко разветвленном виде эта торговля могла существовать на крупных сахарных заводах, главным образом, рафинадных.

Для обеспечения сбыта продукции более мелких и слабых сахзаводов, в особенности сахарного песка, на самом крупном тогда Московском рынке, была организована на комиссионных началах продажа песка. Эту организацию провел и осуществил Комитет Сахароваров. «Доселе Москва, пишет Соймонов, представляет главный и почти единственный рынок для сбыта туземных песков, и потому со всех сторон не исключая и Малороссии—средоточия отечественной свеклосахарной деятельности, пески направляются на Москву» [1]).

В Москве существовала значительная кондитерская и конфектная промышленность; этот рынок имел особо важное значение в начальный период, когда сахарные заводы основывались в центрально-земледельческом районе в Тульской, Орловской, Тамбовской губ.

Комитет Сахароваров в начале своей деятельности занялся вопросом об организации сбыта сахарного песка в Москве. Для этой цели им был приглашен специальный комиссионер Гофман в заседании II-го Комитета 25-го февраля 1835 г. [2]).

Оплата комиссионера была установлена в таких размерах: за продажу сахара (рафинада *К. В.)* и песков—$1^1/_2\%$, патоки 2%; кроме того заводчики брали на себя расходы на тару (бочки), за место для склада, почтовую пересылку и проч.

В 1838 г. комиссионеру Гофману разрешено было иметь такую вывеску: «Контора Гофмана, комиссионера Комитета Сахароваров, учрежденного при Импер. Обществе Сельского Хозяйства» [3]).

Нам не удалось найти сведений о том, как велика была продажа сахара через контору Гофмана в тридцатых годах. Неопределенность расходов, связанных с оплатой комиссионных услуг Гофмана, была причиной недовольства заводчиков его деятельностью. Нужно было пересмотреть комиссионное соглашение. Гофман по своей инициативе обратился в Комитет с просьбой уточнить условия комиссионной продажи. Из заявления Гофмана и последовавшего решения Комитета выясняются основные начала комиссионной продажи сахара в Москве.

Для предупреждения таких недоразумений Гофман предлагал следующее [4]): при доставлении на комиссионную продажу сахара, заводчики должны точно обозначать, имеется ли в виду продажа за наличные или в кредит. В первом случае цены всегда ниже, с другой стороны, не всегда можно найти покупщиков. Поэтому комиссионер не брал на себя ответственности ни за цену, ни за время продажи. Комиссионер брал на себя обязанность прислать деньги немедленно после продажи, срок коей отмечался в книгах. Если при продаже в кредит заводчик пожелал бы учесть вексель, то он должен был принять на себя все расходы по учету, а равно и обеспечение, независимо от комиссионного вознаграждения в размере $1^1/_2\%$. Увеличение количества сахара, доставляемого комиссионеру для продажи, заставило комиссионера нанять специальные амбары и иметь при них четырех артельщиков, как для приема, отпуска, так и для над-

[1]) О пользе учреждения на акциях рафинадного завода в Нижнем-Новгороде. Журнал Сельского Хозяйства 1857 г., кн. IV, стр. 38.

[2]) Записки II-го Комитета Сахароваров, стр. 100.

[3]) Записки V Комитета Сахароваров, стр. 132.

[4]) Об условиях для продажи сахара. Донесения комиссионера. Землед. Журнал 1840 г., стр. 89 и д.

зора за складами сахара. Поэтому он требовал покрытия расходов по содержанию амбаров.

Скалон, рассмотрев донесение Гофмана, представил в Комитет такие соображения: «При продаже за наличные комиссионер получает $1^1/_2\%$, равно за амбар и прочие расходы, остальные же затем деньги немедленно доставляет заводу, но известно, что при коммерческом ходе дел на наличные деньги мало покупателей и цена за пуд 10% дешевле, т. е. вместо 30 руб. часто более 27 не дают... купец имея время для оборотов, с охотою платит более 10%, т. е. на 6 месяцев за пуд сахара 30 руб., а иногда 30 руб. 50 коп... При продаже сахара комис. Гофманом на сроки, в продолжении нескольких лет его комиссии, ни одного несостоятельного купца в сношениях с ним не оказалось. Но может ли он за это отвечать? Рассмотрим хорошенько сие важное обстоятельство и постараемся об'яснить, есть ли средство заводчику избегнуть в таком случае потери своего капитала. Конечно, коммерция веками благоустроена и мы найдем средство к ограждению себя от вышеупомянутого несчастья. Может ли комиссионер, получая достаточное вознаграждение за комиссию в $1^1/_2\%$, отвечать за капитал (не говорю о больших оборотах, но например, за 10 тыс. рублей при получении 150 руб. вознаграждения за труды и расходы по конторе)—нет не может. Но на это самое верное средство для заводчиков платить обеспечение. Наш комиссионер полагает на обеспечение % по соглашению с заводчиками; тогда он отвечает собственным своим капиталом, хотя бы купец по [1]) срочному векселю и оказался несостоятельным».

Скалон склоняется к тому, что продажи на срок выгоднее. «Положим. что сахар продан по 30 руб. за пуд. Через месяц понадобились деньги. Я велел дисконтировать вексель по 1% в месяц, выходит в пять месяцев 1 руб. 50 коп. с пуда; следовательно, сахар продан по 28 руб. 50 коп., а не по 27 руб. как сказано выше. В случае обеспечения векселя платим например 3%, т. е. 90 коп.—весь сахар продан за 27 руб. 60 коп. Ежели вексель продан и векследавец сделался несостоятельным, то на кого падает ответственность по законам в таком случае. Тогда давший деньги переводом уже не требует уплаты с векселедавца, но отвечает комиссионер, за что по условию с заводчиком, и полагается обеспечение, хотя вексель получен на малый срок. Комиссионер берет условную плату в обеспечение, потому что он отвечает всей суммой».

Переходя к об'яснению по второму пункту, Скалон обращает внимание на то, что удобнее было бы повысить комиссионное вознаграждение до 2% с тем, чтобы не обременять сахароваров мелкими расчетами по оплате содержания амбаров, т. е. со включением сюда и амбарных расходов.

Обследование конторы Гофмана Скалоном показало, что в конторе «находится нужное число людей для содержания торговых сношений и все книги в отличном порядке». В состав конторы входил Гофман, заведывавший делом, один кассир, два бухгалтера, один помощник и четыре артельщика. Очевидно, обороты конторы были высокие, если понадобился такой значительный штат для комиссионной конторы, торговавшей оптом.

Предложения Скалона были приняты Комитетом, и в заседании Комитета Сахароваров 16 февраля 1840 г., Гофман дал такую подписку: «Я нижеподписавшийся соглашаюсь, при продаже отдаваемого мне на комиссию сахара, брать как за комиссию, так и за помещение сахара в амбары и за хранение его по 2% с рубля. Если заводчики, привозя сахар

[1]) Пояснение к донесению Гофмана Скалона. Землед. Жур. 1840 г., стр. 91 и д.

в Москву, будут хранить его у себя в домах, а мне поручат только продажу, то в таком случае получать мне с рубля куртажу по 1%. Если заводчики пожелают продать свой сахар в срок на вексель и быть обеспеченными от несостоятельности векселедавца, в таком случае они платят мне по взаимному соглашению страховые %% с суммы векселя и я уже отвечаю своим капиталом за исправность платежа по векселю». Комиссионер Комитета Моск. 2-ой гильдии купец Иван Богданов Гофман.

Это соглашение комиссионера по продаже сахара в Москве с Комитетом Сахароваров, выработка основных начал комиссионного договора, наличие значительного для комиссионной конторы штата ясно говорит о высоком удельном весе московского рынка для сбыта свекловичных песков и той роли, какую играл на этом рынке комиссионер Комитета. Комитет сахароваров понимал значение московского рынка, он стремился к об'единению сбыта сахара в одних руках, к освобождению сахароваров от несвойственных им торговых функций. Ценно для нас указание, что многие сахаровары держали сахар на своих складах. Очевидно, это относится к тем помещикам центрально-земледельческой полосы, которые зимой жили в Москве. Все же необходимость найма амбаров говорит о том, что число сахароваров, приславших сахар на склад стало увеличиваться. Это очевидно, происходило параллельно с перемещением свекло-сахарной промышленности на юг и запад, дальше от Москвы.

Гофман аккуратно доставлял комитету сведения о продаже сахара за год.

Эти сведения обычно публиковались в отчетах Комитета Сахароваров или О-ва Сел. Хозяйства.

Продажа сахара через комиссионера Гофмана выражалась в таких размерах:

Годы	Рафинад		Лумп		Желтый песок		Песков всего	
	Пуд.	Руб.	Пуд.	Руб. с.	Пуд.	Руб. с.	Пуд.	Руб. с.
1842	—	—	23.298	183.700	1.300	5.957	—	189.6 т.
1843	—	—	—	—	—	—	33 353	254.229
1844	—	—	—	—	—	—	42.328	290 366
1845	3.753	33.837	48.626	353.485	—	—	—	389.323
1848 . . .	12.603	—	—	—	—	—	32 587	359.073
1853	—	—	—	—	—	—	56.267	363 355
1854	—	—	55.858	(рафин. и песка)		—	—	393.077
1856	—	—	—	—	—	—	44.732	342.158
1857	—	—	—	—	—	—	78.248	587.767
1859	—	—	—	—	—	—	90.412	566 503

В отчете Московского Общества за 1860 г. нет уже упоминаний о Комитете Сахароваров; в реформированном уставе О-ва мы не находим указаний ни о самом Комитете, ни о его комиссионере. С этого года прекращается опубликование отчетных данных, о продажах сахара через Гофмана. Таким образом 1859 г. был последним годом продажи сахара через комиссионера Комитета Сахароваров.

Не удалось собрать сведений за все годы деятельности комиссионной конторы, все же и те отрывочные данные, какие выше приведены, достаточно ясно выявляют рост сбыта сахара через комиссионера Гофмана; особенно резко увеличились продажи в пятидесятых годах. Очевидно здесь сказалось влияние роста отечественной свекло-сахарной промыш-

ленности, а с другой стороны, Крымской войны, когда приостановлен был привоз колониального сахара. Это обстоятельство должно было сказаться позже, после использования запасов колониального сахара в Ленинградской портовой таможне, где они обычно достигали значительных размеров.

В отчете за 1859 г. обращено внимание на высокую цифру продажи сахара через комиссионера Гофмана, к этому сделано такое добавление: «Цифра почтенная, если взять в расчет, что сахар отдается на комиссию не только одному Гофману, но и другим комиссионерам» [1]).

Есть указания на то, что Гофман для продажи поручаемого ему сахара использовал и Нижегородскую ярмарку. Как видно из отчетов, Гофману передавали в пятидесятых годах для продажи сахар 28—30 заводов, что составляло не менее десяти процентов от числа действовавших заводов. Вероятнее всего услугами комитетского комиссионера пользовались сахаровары центрально-земледельческой полосы в радиусе торгового влияния Москвы.

Можно отметить еще одну особенность продажи через контору Гофмана: через нее сбывались, главным образом, пески. В редкие годы и в сравнительно небольшом количестве контора Гофмана продавала рафинад и лумп. Конторой Гофмана пользовались преимущественно песочники. Мы знаем, что Москва представляла важный рынок сбыта свекловичных песков.

Для характеристики районов сбыта сахара необходимо заметить, что свекловичный сахар сбывался на внутренних рынках в виде пробеленного песка, лумпа, известного в мелочной торговле под названием полурафинада и рафинада. Каждый из указанных видов сахара имел свой рынок сбыта

Сравнительно небольшое количество сахара-песка продавалось на месте производства в районе завода. Для расширения сбыта на местных рынках заводчики переваривали паточные или сырцевые пески в лумповые головки, которые вследствие большей крепости, легче находили сбыт среди низших слоев городского населения. Лумповые головки продавались в соседних уездных и губернских городах. За покрытием местного спроса, оставшаяся масса сахара, продавалась частично в Москве, а частично на рафинадные заводы. «Москва, пишет современник [2]), есть главный и почти единственный рынок для сбыта песков из губерний Тульской, Калужской, Орловской, Черниговской, Курской, Воронежской, Тамбовской и Пензенской [3]). Пески употребляются почти исключительно для кондитерских и кухонных употреблений, для подслащивания ликеров и водок, для варений и конфект, отправляемых из Москвы в значительном количестве во внутренние города России» [4]).

---

[1]) Сельское Хозяйство 1860 г., т. I, стр. 111.

[2]) Взгляд на свеклосахарную промышленность. Жур. Ман. и Торг. 1853 г., кн. I, стр. 126—127.

[3]) Помещики, привозившие лично сахар в Москву, не могли обойтись без комиссионера при его продаже. «Часто бывает, пишет Ушаков, так, что помещик особенно близких губ., напр., Тульской, Орловской приезжает сам с транспортом, и у него в первые же дни приезда в Москву, по большей части, случается настоятельная нужда в деньгах. Часто даже помещик не знает, к кому обратиться с предложением своего товара, прямо без посредства комиссионера». См. Ушаков—Свекло-сах. песок, как товар. Вестник промышленности. Август 1860, стр. 82.

[4]) Покупателями сахара-сырца в Москве, пишет в мемуарах Котюжинский, являлись кондитеры, которые перерабатывали до 500 тыс. пуд. сырца на разные виды конфект, пирожных, пастилы и пр. Pamiętniki Zygmunta Kotiużynskiego. 1826—1894. Kraków 1891. St. 30.

Таким образом, Москва, как рынок сахарного песка, играла доминирующую роль в изучаемую эпоху. Из украинских губерний большое участие в отпуске сахара песка в Москву принимала Черниговская губ. Покорский-Журавко, видный деятель крестьянской реформы на Черниговщине, пишет к жене (1858—59 г.г.): «сахар в Москву тоже надобно всеми силами стараться отправить в конце января; зима не надежна и в случае безпутья дорого будет стоить нам извоз» (14-го января 1859 г. Чернигов). В следующем письме Покорский настоятельно советует: «песок надо послать в Москву. Второй сорт пусть Ив. Ив. посчитает посылать или нет. Если найдет выгодным, то и его послать вместе с первым сортом и лумпом... надо вместе с тем и поторопиться, потому что возы и дорога портится и мы сядем без денег» (24-го января 1859 г.). Тот же Покорский спрашивает в одном из последних писем: «Что делает сахар? Здесь (в Чернигове *К. В.*) известно, что цены в Москве и Петербурге вдруг возвысились и ожидают еще большего возвышения. В Москве особенный спрос на рафинад низких сортов» [1]).

Эта семейная переписка показывает нам, во-первых, что Чернигов чутко прислушивался к колебаниям цен в Москве и Ленинграде, во-вторых, что отправка сахара в Москву, происходила в зимнее время. Помещики спешили отправить сахар до распутицы, и наконец, что сбыт сахара имел для помещиков большое значение, как основной источник денежных поступлений.

Барон Котц, имевший завод в Пензенской губ., писал в 1840 г. в Комитет: «малую часть (сахара) мы продаем около наших заводов, наверное 9/10 отправляем в Москву» [2]). Как видно из анкеты, произведенной в 1848 г., доставка сахара с заводов на место сбыта производилась, главным образом, наймом, реже барщиною в зимнее время. Эти перевозки совершались иногда на Украине на волах, принадлежавших экономии, при которых устроены заводы [3]).

При перевозке стоимость фрахта в 1849 г. из Киева в Нижний достигала 1 руб. сер. с пуда. Составители анкеты отмечали, что сахар с заводов гр. Потоцкого отправлялся в города степной Украины на экономических волах, привозивших обратно кости [4]).

Главным рынком сбыта для свекловичных песков Киевской, Черниговской, Подольской, Волынской, Полтавской, Харьковской и частью Курской являлись местные рафинадные заводы; закупки песка производились, главным образом, на Киевской Крещенской ярмарке, а также в городах Харькове, Ромнах, Полтаве и Курске. Каждый рафинадный завод представлял собою рынок для окружных песочных заводов. Пески на рафинадные заводы продавались обычно с доставкою, на расстоянии иногда до 200 верст [5]). Главнейшими рафинадными заводами, перерабатывавшими более 1/3 всех песков указанного района, были в Киевской губ. Бобринского в м. Смеле и в г. Городище купцов Яхненко и Симиренко; за ними шли второстепенные заводы Подольской губ. в м. Городок бар. Гейсмара, в м. Кордышевке Качеповского. Далее идут заводы Курской губ. Ребиндера, Харьковской—Куколь-Яснопольского, Орловской

---

[1]) Труды Черниговской губернской ученой Архивной Комиссии. В. II. Черн. 1915 г. из писем Покорского-Журавко к жене 1858—59 г., стр. 81—83.

[2]) Записки VIII Комитета Сахароваров Жур. Сел. Хозяйства 1841 г., кн. I, стр. 66.

[3]) Сведения... 1849 г., стр. 46.

[4]) Там же.

[5]) Лен. Цен. Истор. Арх. ф. Департамента Неокладных Сборов, дело № 41 1853 г. Донесение Киевского губернатора Мин. финан. о торговле сахаром.

в с. Любохне—Мальцева. Выступали в качестве покупателей песка еще и такие заводы, где с песочным производством соединялась и незначительная рафинировка. Они большею частью переваривали свои пески, иногда закупали небольшое количество песков соседних песочных заводов.

Крупные рафинадные заводы закупали пески, главным образом, на Киевских Контрактах. Для характеристики размеров закупок на Контрактах можно привести закупки по отчетам главного инспектора в 1858—59 г.г. Братья Яхненко и Симиренко купили на Киевской ярмарке 250 тыс. пуд. песков, гр. Браницкий—70 тыс. пуд. Часто рафинеры законтрактовывали сырцы, еще находившиеся в перевозке, которые и поставлялись подчас непробеленными. В отчете главного инспектора за 1856/57 г. имеется указание на то, что многие купцы стали заниматься покупкою сахарных песков, которые они передавали за известную плату по рафинадным заводам для переделки, потом уже в виде рафинада пускали в продажу. Таким образом во взаимоотношении рафинеров-песочников уже вклинился посреднический торговый капитал. Это вмешательство вызывалось недостатком капитала у заводчиков, а с другой стороны, и большой выгодностью такой торговли.

Нами рассмотрены два основных рынка сбыта песка—Москва и рафинадные заводы. Есть указания на то, что свекловичные пески отправлялись с Украины в Ленинград на рафинадные заводы. В губернаторских отчетах, начиная с 1841 г. содержится указание на районы сбыта сахара. Видно, что в Ленинград песок отправлялся из Черниговской губ., ее северной части, и Тульской губ. В период Крымской кампании значение Ленинградского рынка для отечественной свеклосахарной промышленности усилилось. Ленинградские рафинеры стали закупать свекловичный песок в виду отсутствия привоза колониальных песков. «В последнее трехлетие, пишет Соймонов, по случаю продолжавшейся войны, Петербургские рафинеры, обладавшие столь долгое время монополиею в торговле сахаром, вынуждены были покупать пески русские для сохранения своих заводов, и конечно на этот раз были рады, что туземная промышленность, так крепко укоренившаяся в нашем отечестве, вытерпела в самом младенчестве своем, все старания повредить ей... Теперь иное дело: мир заключен, торговля принимает свой обычный ход, а с ним вместе и свеклосахарной промышленности предстоит быть может еще сильнейшая борьба, еще большие испытания.

С прекращением требования на русские пески для Петербургских заводов, заводчики внутренних губерний попадают снова в зависимость от торговцев, которые при излишке привозов в Москву, волею или неволею должны друг перед другом понижать цены» [1]).

Таким образом Ленинградский рынок имел серьезное значение только в период Крымской кампании, когда Ленинградские рафинеры закупали для своих заводов отечественный песок. Эти годы характеризуются высокой кон'юнктурой для свеклосахарной промышленности. При нормальных условиях Ленинградский рынок, в виду его отдаленности от мест производства сахара и конкуренции тростникового сырца, был мало доступен для свекловичного песка. Лялин писал в 1844 г.: «Некоторые из свеклосахарных заводчиков пробовали привозить в Петербург свекловичный песок из Южной России, и хотя продавали его по той же цене, какая существовала на колониальный, однако же доставка из отдаленных

---

[1]) Соймонов—О пользе учреждения на акциях рафинадного завода в Нижнем Новгороде. Жур. Сел. Хозяйства 1857 г. № 4, стр. 38.

губерний по грязным топким или ухабистым дорогам обходилась дорого» [1]).

На основании архивных данных можно установить, что на Ленинградской Бирже было продано свеклосахарного песка для рафинадных заводов с 1/I—1852 г. по 1/IV—1853 г. около 153 тыс. пуд. Накануне Крымской кампании свекловичный песок начал проникать на Ленинградский рынок, где сосредоточивалась торговля колониальным сахаром [2]).

В записке московского купечества имеются такие данные о привозе свекловичного песка в Ленинград в 50-х годах [3]):

В 1852 г.	125.000	пуд.
„ 1853 г.	198.000	„
„ 1854 г.	234.500	„
„ 1855 г.	274.560	„
„ 1856 г.	358.598	„
„ 1857 г.	404.731	„
„ 1858 г.	177.557	„
„ 1859 г.	748.391	„
„ 1860 г.	285.884	„
„ 1861 г.	485.603	„

Эти цифры говорят о наростании привоза свекловичного песка в Ленинград. Соединение Ленинграда с Москвой жел. дорогой облегчило завоевание этого рынка свекловичным сахаром. В Москве в 50-х годах, по словам Котюжинского [4]), было много комиссионных домов, которые имели полномочия от петербургских рафинеров закупать сахар-сырец на московском рынке; они принимали на комиссию сахар-сырец от великороссийских заводчиков, выдавая на них задатки. Котюжинский хотел найти покупателей первой руки, чтобы не нести комиссионных расходов, но это ему не удалось. Продав сахар в Москве через комиссионный дом, Котюжинский решил заехать в Петербург, чтобы завязать сношения с тамошними рафинерами. Он ехал уже жел. дорогой. Соединение Ленинграда с Москвой жел. дор. линией открыло возможность более широкого сбыта на этом рынке для украинских заводов.

Таким образом, важнейшие рынки сбыта песка в изучаемую эпоху были такие: Москва, обслуживавшая, главным образом, Центрально-земледельческую область; из украинских губ.—Черниговскую, Харьковскую и затем рафинадные заводы, в особенности, Киевской губ. Бобринского и бр. Яхненко и Симиренко. Песок из правобережной Украины сбывался, главным образом, на рафинадные заводы.

Ленинград имел второстепенное значение для сбыта песка. Его роль усилилась во время Крымской кампании и после проведения жел. дороги [5]). Следует упомянуть еще о Донской области, как рынке сбыта для

---

[1]) Лялин выше цит. Журнал Министерства Госуд. Имуществ. ч. XI—1844 г., стр. 49.

[2]) Лен. Цен. Ист. Арх. ф. Госуд. Совета 1854 г. Департ. Экон. № 76. Дело о понижении пошлины на сахар сырец и о разрешении привоза рафинированного сахара сухопутной границей.

[3]) Мнение постоянной депутации московских купеческих с'ездов по поводу записки, представленной правительством Таможенного союза... о заключении торгово-таможенного договора между Россией и германским таможенным союзом. М. 1865 г., стр. 77.

[4]) Pamiętniki Zygmunta Kotiuzyńskiego 1826—1894. Kraków 1911. St. 30—31.

[5]) В отчете Черниговского губернатора сообщалось в начале пятнадцатых годов, что запросы на сахарный песок увеличились в последнее время как в обеих столицах, так и в Рижском порту, куда он и отправлялся в значительном количестве, так в 1852 г. вывезено из губернии песка 26.931 п. Лен. Ц. Ист. Арх.

свекловичного песка. Сюда привозился песок для подслащивания донских вин. На этом рынке чувствовалась сильная конкуренция колониального песка. Обозреватель свеклосахарной промышленности сообщает в начале шестидесятых годов: «Теперь там снова стали употреблять колониальный песок, получаемый из Таганрогского и других портов, по тому старому ошибочному предубеждению, что свекловичный сахар не имеет той сладости, как тростниковый, что первый может производить кислое брожение и осадок» [1]). Донской рынок обслуживался заводами Воронежской и Харьковской губ.

Рынки рафинада не представлялись столь концентрированными, как рынки песка. Рафинад, как продукт потребления населения, находил сбыт во всей тогдашней России [2]). Повидимому линия раздела рынков между свекловичным и тростниковым рафинадом проходила через Москву: районы на север от Москвы снабжались портовыми рафинадными заводами; на юг—свекловичными рафинадными заводами. В Москве находил сбыт, как колониальный, так и отечественный рафинад. Рафинад с заводов братьев Яхненко и Симиренко продавался частью на ярмарках—как то Роменской, Харьковской, Коренной и Нижегородской, частью же в городах южной России, где имелись у них складочные места. Сахар с заводов Бобринского, кроме ярмарок, продавался в г.г. Харькове, Курске, Полтаве, Могилеве и др., где имелись для этого склады [3]).

Рафинад с Шепетовского завода Сангушки сбывался в Москве, Полтаве, Киеве и Одессе [4]). О заводе гр. Браницких в Ольшамовке данные приведены выше. Характерно, что крупные украинские рафинадные заводы не имели своих складов и магазинов в великорусских городах, за исключением Курска и Ростова. Белорусские губ. снабжались рафинадом с заводов Киевской губ. Бессарабия, приграничная полоса с Галицией и Царством Польским, обслуживалась заводами Подольской и Волынской губ. Так произошло разделение рынков между тростниковыми и свекловичными рафинадными заводами.

В известной анкете конца сороковых годов имеются интересные данные о распределении рынков сбыта рафинада [5]). Ленинградские рафинадные заводы снабжали сахаром большую часть России и «только в новейшее время сбыт его в Малороссийских и соседних губерниях стал уменьшаться от распространения там свеклосахарных заводов. В Риге существует только 7 заводов, вываривающих до 100 тыс. пуд. сахара, который сбывается в Остзейских и Западных губерниях, но в последних он встречает совместничество свекловичного сахара. На двух заводах, существующих в Архангельске выварка сахара составляет слишком 20 тыс. пудов, который сбывается в губ. Вологодской, Вятской, Пермской, а также на Нижегородской и Ирбитской ярмарках». На первой ему приходилось выдерживать сильную конкуренцию свекловичного сахара. Указанные три центра рафинадной промышленности обслуживали до укрепления

д. неокладных сборов—№ 42. 1853. Дело по отношению Комитета министров с извлечением из отчета начальника Черниговской губ. о состоянии свеклосахарной промышленности.

[1]) Взгляд на свеклосахарную промышленность в России... стр. 131.

[2]) До зарождения и укрепления свеклосахарной промышленности на Украине и ее рынки снабжались колониальным сахаром. В описании 1831 г. завода купцов Савиных в Осташкове Тверской губ. имеется такое указание: «почти все сие количество (сахара) продано в Осташкове, Москве, Нижегородской ярмарке и в украинских губ.». См. Состояние фабрик и заводов в Тверской губ. Журнал Мануф. и Торговли 1831 г., кн. XVIII, стр. 19.

[3]) Сведения... 1849 г., стр. 131.

[4]) Stecki... Wołyń... st. 53.

[5]) Сведения... 1849 г., стр. 77.

свеклосахарной промышленности весь рынок; позднее в сороковых годах они стали обслуживать свои географически сопредельные районные рынки. Были рынки промежуточные, где велась конкуренция—это западные губернии, затем Москва и Нижегородская ярмарка. Более ожесточенная борьба за обладание рынком велась в Москве, через которую проходила линия раздела рынков колониального и свекловичного рафинада.

К концу рассматриваемого периода южные рафинеры взяли верх над северными, в официальной записке начала шестидесятых годов, мы находим такое указание: «в Москве, которая с 1848 г. постоянно снабжалась сахаром преимущественно Спб. рафинерами, теперь преобладает в торговле рафинад Киевских и Харьковских заводов и уже начинают возникать заводы для рафинирования свекловичного сахара из замосковных, малороссийских и юго-западных губерний» [1]).

Небольшие рафинадные заводы использовали внутригубернские рынки: обычно, губернский город, и затем ближайшие уездные города и местечки, представлявшие мелкие рынки сбыта для лумпа и рафинада небольших заводов. Переварка песка в рафинад для мелких заводов была убыточной. К тому же и рафинад получался низкого достоинства. Рынком сбыта для такого рафинада являлись ярмарки.

В изучаемую эпоху украинский рафинад стал проникать на закавказские рынки в Тифлис. В архиве Ольшамовского завода мы нашли указание на то, что сахар через Одессу направлялся в Тифлис. Комиссионер Пурлевич пишет управляющему Ольшамовским заводом, что в Москве положение с сахаром неважное, цены на сахар стоят низкие, что еще сахар прошлого года не продан, на Кавказе предвидится спрос на сахар, так как там отсутствовал иностранный сахар и цены стояли высокие. Рафинад направлялся на Кавказ через Одессу. В отчете Главного Инспектора за 1858/59 г. сообщается о том, что некоторые заводчики нашли выгодным посылать свекловичный песок в Одессу [2]), куда с осени прошлого года отправлено до 200 тыс. пуд., песок обошелся до 5 руб. 10 коп за пуд за наличные, за исключением провоза и комиссии. Нужно полагать, что часть этого песка переотправлена была на Кавказ, а может быть и в Крым.

Ряд источников указывает на ту важную роль, какую играли ярмарки на рафинадном рынке. Крупнейшее значение имела Нижегородская ярмарка. Из деловой переписки Ольшамовского завода видно, что доверенный завода Савва Пурлевич, не раз возил сахар на Нижегородскую ярмарку, проживая в Москве. В письме от 21-го июня 1861 г. Пурлевич просит управляющего заводом принять меры к тому, чтобы сахар предназначенный для Нижегородской ярмарки прибыл в Москву не позднее 15—20 июля.

В губернаторских отчетах среди пунктов сбыта упоминается и Нижний Новгород. В записках XVIII Комитета (1841 г) барон Котц указывал на то, что большая часть наших песков перевозится купцами из Москвы

---

[1]) Труды Комиссии, учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. О таможенных пошлинах на иностранный сахар и об акцизе сахарного песка туземного приготовления. Спб. 1863 г., стр. 13.

[2]) В период существования в Одессе порто-франко (1819—1857) не могло быть и речи о ввозе туда свекловичного сахара. Туда поступал в большом количестве тростниковый сахар. Напр., в 1832 г. привезено рафинаду в головах 21.189 п. и песка—10.387 п. всего на сумму 675 тыс. руб. Ввоз свекловичного сахара в Одессу мог производиться только после отмены порто-франко. См. Северный Муравей. Газета промышленности. 1832. г. Т. III; стр. 25.

на Нижегородскую ярмарку и продается там за гаванский первого сорта [1]). Его покупали винопромышленники для привозного чихиря и для отправки на Дон. Сахаровары жаловались на то, что купцы снижали цены на свекловичный сахар, под предлогом его худших качеств. «Они унижают цены, говорит Котц, и порочат наши произведения для удержания некоторой монополии... Этому можно и должно бы помочь тем, чтобы во время ярмарки иметь в Нижнем комиссионера, который бы занялся нашей продажей. Нижний во время ярмарки есть важный пункт сахарной торговли и устанавливает цену сахара в средней России. Не угодно ли будет учредить комиссионерство для продажи сахара в Нижнем». Комитет сахароваров интересовался ярмарочным рынком Нижнего, признавал его огромное значение для средней полосы и подумывал даже учредить там комиссионерство. Эта мысль не получила осуществления. Специального комиссионера от Комитета сахароваров в Нижнем не было учреждено, тот же московский комиссионер Гофман выступал с продажами сахара на Нижегородской ярмарке; по исчислениям Аксакова, на Нижегородскую ярмарку было привезено в 1854 г.—180 тыс. пуд. сахара, по цене за пуд от 9 руб. 50 коп. до 11 руб. 50 к. Для украинских свеклосахарных заводов крупное значение имели местные ярмарки. В губернских отчетах сороковых и пятидесятых годов мы постоянно встречаем указания на важнейшие ярмарки Украины, как рынка сбыта сахара, упоминаются ярмарки—Харьковская, Роменская, Полтавская, Коренная и др. Первенствующую роль играли Киевские Контракты.

Лялин в статье (1844 г.) о необходимости учреждения на Украине рафинадного завода затронул вопрос о сбыте сахара. Приведя данные о продаже сахара через контору Гофмана, Лялин добавляет: «теперь почти все заводчики делают у себя сахар и продают его прямо из заводов на ярмарках. Хотя операции переработки песка на сахар и дает свеклосахарным заводчикам 3 руб. на пуд убытка против того, сколько мог бы иметь, продавши прямо песок по 26 руб. Однако ж заводчики решаются нести лучше убытки, нежели везти в Москву. Дома он получает чистые деньги, а в Москве часто сахар остается непроданным очень долго, а если к этому прибавить еще издержки на провоз, вычет процентов за комиссию, за сохранение в подвале и проч., тогда для заводчика остается неутешительный результат...» [2]). Украинские заводчики предпочитали продавать са-

---

[1]) Журнал Сельского Хозяйства 1841 г., кн. II. Письма, полученные в Комитет на имя директора после заседаний—Бар. Котца, стр. 66.

[2]) Лялин... Жур. Мин. Госуд. Им., кн. XI, стр. 57, 18 прим.

В обзоре различных отраслей мануфактурной промышленности России (т. I) находим стат. данные о продаже сахара на ярмарках (стр. 140—141):

Ярмарки.	Годы	Привезено в руб.	Продано в руб.
Ирбитская	1850	1.509,000	1,290,000
—	1852	1.800.000	1.200.000
—	1854	1.670.000	1.200.000
—	1860	3.100.000	3.100.000
—	1861	2.900.000	2.890.000
Коренная	1850	225.000	128.500
—	1853	319.000	153.000
—	1856	414.000	385.000
—	1857	376.000	322.000
—	1859	277.000	216.000
Крещенская в Харькове .	1852	610.000	500.000
— .	1854	816.000	519.000
Троицкая, там же . . .	1859	100.000	80.000
— . . .	1861	55.000	21.000

хар на ярмарках. Последние имели для украинских заводов, более серьезное значение, чем московский рынок.

Ценно указание на то, что на ярмарках сбывался не песок, а рафинад, для чего заводчикам приходилось нести дополнительные расходы по переварке песка в рафинад. Продажа на ярмарках производилась за наличный расчет и в кредит.

Контрактовая ярмарка в Киеве являлась основным рынком для сахарных песков. Здесь производились массовые закупки песка для рафинировки, устанавливались цены на пески, производились расчеты по прежним покупкам и т. д. Контрактовая ярмарка—это первенствующий песочный рынок и поэтому за настроением этого рынка внимательно следили и заводчики и правительство. В отчетах Главного Инспектора всегда указывались цены на песок очередной Контрактовой ярмарки, отношение спроса и предложения и количества закупленных песков.

По исчислениям Аксакова, на всех Украинских ярмарках продавалось сахара в 50-х годах [1]):

На Крещенской в Харькове	45	тыс.	пуд.
„ Полтавской	37,5	„	„
„ Коренной в Курске	30,0	„	„
„ Успенской в Харькове	27,5	„	„
„ Троицкой „	20,0	„	„
„ Покровской „	12,0	„	„
„ Маслянской	8,5	„	„
„ Вознесенской	8,5	„	„
„ Кролевецкой	8,0	„	„
„ Сумской	8,0	„	„
Всего.	205	тыс.	пуд.

При цене сахара за пуд 7 руб. 50 коп. украинский ярмарочный оборот сахара выразится, не считая Киевских Контрактов, в $1^1/_2$ мил. р. Как

Ярмарки	Годы	Привезено в рубл.	Продано в рубл.
Успенская	1854	122.000	74.000
—	1856	113.000	100.000
—	1860	310.000	145.000
Урюп. в Обл. В. Донск. .	1859	100.400	96.400
Ильинская в Полтаве . .	1849	117.500	68.315
—	1853	342.000	294.000
—	1854	496.900	255.300
—	1856	306.000	289.500
—	1857	470.800	363.100
Масл. в Ромнах Полт г. .	1852	60.000	20.500
—	1854	95.000	65.800
—	1856	100.000	97.700
—	1857	110.500	95.000
—	1859	100.000	80.000
Вознесенская там же . .	1854	93.600	37.000
—	1855	154.000	103.000
—	1857	154.000	103.000
—	1861	154.000	100.000
Кролевецк. Черниговск. г.	1850	162.500	78.900
—	1853	164.750	—
—	1856	209.000	90.000
—	1860	210.000	140.000

Наиболее крупное значение имела Ирбитская ярмарка, где продавалось сахара в конце изучаемого года до 3 мил. руб. Из украинских ярмарок выделилась более крупными размерами оборотов с сахаром Крещенская в Харькове и Ильинская в Полтаве.

[1]) Аксаков выше цит., стр. 314.

видно из сообщения Скалона [1]), на ярмарках сахар продавался в кредит обычно сроком до шести месяцев. Вследствие коммерческой неопытности. заводчики нередко несли убытки, вследствии частой несостоятельности должников. На заводчиков падали и ярмарочные расходы по найму помещения, куртаж и проч. Благодаря этому, с появлением на юге рафинадных заводов, сахаровары предпочитали сбывать сахар на рафинадные заводы.

На Контрактах торговля сахаром носила достаточно развитые организационные формы. Как сообщает Аксаков, [2]) помещики или заводчики доставляли образцы и пробы песку. По этим образцам и пробам рафинеры делали закупки и заказы.

Таким образом уже в пятидесятых годах сложился в Киеве биржевой тип сахарной промышленности по образцам. Это доказывает и обширность Киевского рынка и его, для своего времени, организованность.

«Так как главным рассадником промышленности, пишет Аксаков, служат юго-западные губернии (Киевская, Черниговская, Подольская и Волынская, а также Полтавская губ.), то украинские ярмарки имеют довольно важное значение для успешного сбыта произведений тамошних свекло-сахарных заводов. Участие в ярмарочной украинской торговле сахарная промышленность стала принимать лет 12 тому назад; мы думали однакож, что с умножением заводов сахарные заводчики или купцы комиссионеры откроют постоянные склады во всех торговых пунктах Украины. Стремление к этому и теперь обнаруживается» [3]).

Украинские ярмарки представляли важный рынок сбыта для заводов Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Черниговской, Харьковской и отчасти Курской губ. Сахар крупных заводов продавался, главным образом, из первых рук или через комиссионеров, с сохранением марки завода. Сахар мелких заводов появлялся в продаже большей частью без имени заводчика, другими словами, продавался из вторых и третьих рук. Крупные заводы пересылали сахар с ярмарки на ярмарку, проникая в самые отдаленные пункты, мелкие же заводы сбывали сахар на соседних ярмарках.

«Самые значительные вкладчики или двигатели ярмарочной сахарной торговли пишет Аксаков [4]), суть заводы Киевской губернии Черкасского у. гр. Бобринского, Лопухина, Яхненко и Симиренко, Сквирского у. также Яхненко и Симиренко; Волынской губ.—князя Сангушко; Подольской—гр. Кушелева-Безбородко; Полтавской—Трифановского, Риттера; Харьковской—Кондратьева, Скалона, гр. Гендрикова, Куколь-Яснопольского; Курской—Ребиндера. Почти все они имеют собственных комиссионеров и главное дело в Харькове».

Из приведенных данных мы видим, что в конечном итоге сахара не так уж много продавалось на украинских ярмарках: общее количество проданного на этих ярмарках сахара не многим превышало сбыт сахара на Нижегородской ярмарке (205 тыс. пуд. против 187 тыс. пуд. [5]). Это может об'ясняться тем, что сахар не представлял собою чисто ярмарочного товара. Продажа его с заводов и складов происходила в течении целого года. «Ярмарки важны для продавцев, как верно заметил Аксаков. по урочному времени с'езда покупателей, личных с ними переговоров, расплаты денег, а потому к ярмаркам всегда делается новый, свежий,

---

[1]) Лен. Ц. И. Ар.—департ. неоклад. сборов 1853 г. № 41. Доклад Скалона.
[2]) Аксаков выше цит., стр. 315.
[3]) Там же, стр. 310.
[4]) Там же, стр. 311.
[5]) Там же, стр. 314.

усиленный подвоз товара». Аксаков, принимая исчисление Тенгоборского продукции сахара в губ. Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Курской, Полтавской и Харьковской до 663,7 тыс. пуд. полагал, что «более $^1/_4$ части сахара этих губерний (кроме Черниговской и Курской) сбывается на украинских ярмарках». Наиболее крупное значение имела Харьковская Крещенская ярмарка, куда в 1854 г. привезено было сахара на 793 тыс. руб. при ценности всего привоза 13 милл. руб., таким образом сахар составлял не более 6% от ценности привезенных на ярмарку товаров; на Успенской и Покровской ярмарках удельный вес сахара был ниже 3—2%. Оборот с сахаром на Полтавской, Ильинской ярмарке составлял от 2 до 3% ценности всего привоза, на Коренной ярмарке—3%. На остальных украинских ярмарках сахар продавался в еще меньших количествах [1]).

В пятидесятых годах на некоторые украинские сахарные рынки стал проникать польский сахар. Владельцы свеклосахарных заводов подали генерал-губернатору Васильчикову (1853 г.) прошение, в котором они опровергали доводы колониальных рафинеров в пользу повышения акцизов на туземный сахар и понижения пошлин на колониальный сахар. Отмечая резкое понижение цен на сахар в 1851 г., сахарозаводчики об'ясняли его отменой таможенной линии в 1850 г., отделявшей Царство Польское от Империи. В Ц. П. до 1850 г. взималась за сахар пошлина гораздо меньше той, какая существовала в России. Поэтому многие запаслись в этом крае до первого января 1851 г. значительным количеством сахара. «Даже некоторые из здешних заводчиков закупили там целые партии сахарного песка и перевезли его в Россию по снятии таможенной линии. Если верить общим слухам, то при этом случае было провезено из чужих краев недобросовестным образом много сахара, так что видны были в России и бочки, на которых находился еще штемпель Штетина. Разумеется, что это обстоятельство не могло не иметь самого неблагоприятного влияния на торговлю сахаром. Оно ознаменовалось сначала в приближенном Ц. П. крае—в Киевской, Волынской и Подольской губ.; местная продажа сахара в то время вдруг прекратилась и здешние заводчики должны были искать сбыта своего сахара в восточной части России, так что рафинад Киевской губ. явился на Нижегородскую ярмарку, что до сих пор никогда не бывало, а Варшавский рафинад показался в Москве и отправлялся байдаками в прибережные к Днепру губ.» [2]). В том же прошении мы находим указание на то, что Варшавские рафинеры, присылавшие в 1851 г. свой рафинад в Россию, стали в настоящее время (1852 г.) закупать сахарный песок в здешнем крае и отправлять его к себе байдаками вверх по Днепру.

Указания на конкуренцию польского сахара на западных рынках Украины, мы находим в материалах по пересмотру акцизного устава в 1862 г.

«Кроме туземного сахара ныне доставляется значительными партия-

---

[1]) Как сообщалось в записке московских купеческих с'ездов, «внутреннее или так называемое городовое купечество запасается сахаром рафинадом для розничной продажи более всего в Москве и на больших ярмарках; покупая москательные товары, купцы почти обязаны брать известное количество рафинада, который им уступается несколько дешевле, ибо оптовые торговцы берут свои барыши более на москательном товаре». В этой же записке указывалось, что для заводов, вырабатывающих только песок, Москва всегда будет главным рынком. См. Мнение московских купеческих с'ездов... стр. 107.

[2]) Лен. Цен. Истор. Арх. б. ф. Департамента неокладных сборов 1853 г. № 41 Киевскому генерал-губернатору Васильчикову прошение владельцев сахарных заводов.

ми, преимущественно в Могилевскую губ., сахар Царства Польского»[1]). Здесь находим и об'яснение причин такой конкуренции. «Этот сахар в мелочной продаже несравненно дешевле сахара с заводов гр. Браницкого, Бобринского, бр. Яхненко и Симиренко и некоторых других заводов. По сему он охотнее скупается, несмотря на то, что в качестве он уступает сахару упомянутых заводов. Польский сахар не столь кристаллический, как наш, менее сладок, мучнистый, от него чай делается мутным. Пуд лучших сортов его в розничной продаже не дороже 8 рублей, тогда как рафинад наших заводов от 8 до 10 руб.»[2]).

С отменой таможенной черты, отделявшей Царство Польское от России, стало наблюдаться проникновение польского сахара на западные рынки, в частности в Белоруссию, в некоторые годы и в другие районы Днепра. Польские заводчики пользовались дешевым водным транспортом для перевозки сахара на эти рынки. Ценно для нас указание на то, что Киевский рафинад появился на Нижегородской ярмарке впервые в начале пятидесятых годов.

В этот же период обострилась конкуренция свекловичного и тростникового рафинада. На это жаловались рафинеры и торговцы колониальным сахаром. Справедливость этих жалоб признавало и министерство финансов. «Рафинад и мелис северных фабрикантов из колониального сахара лежат в Москве в весьма больших количествах без всякой продажи, пишет в секретном донесении стат. советн. Самойлов к управляющему м-вом финансов от 4 дек. 1852 г., потому что свекловичный сахар берет всюду верх дешевизною»[2]). Этого вопроса мы коснемся при изложении борьбы северных и южных рафинеров.

Удельный вес указанных районов сбыта сахара, так характеризуется в докладной записке Скалона: «Самый главный пункт в России для сбыта свекловичного песка есть г. Киев, каковой торговле его способствует сильное развитие свекло-сахарной промышленности и имеющиеся в Киевской губ. значительные рафинадные заводы, каковы Бобринского, Яхненко и компании и вновь устроенных Потоцкого, а также имеющиеся в соседних губерниях рафинадные заводы—Волынской—Потоцкого, Сангушки; Каменец-Подольской—Качеповского, Гейсмар и Черниг. г.—Тарновского. Второй пункт тоже значительный для сбыта—это Москва, в которой вся торговля большею частью производится через комиссионеров. В Москве устроено несколько комиссионных контор и одна из таковых купца Гофмана даже находится под покровительством Земл. О-ва. В ней имеется рафинадный завод только один и то незначительный комиссионера Гофмана, потребление же песка чрезвычайно большое для кондитерских производств, кои снабжают всю Россию вареньем, леденцами и конфектами, а также потребления на кухнях; когда накопляется оного в Москве значительное количество, то отправляется большими партиями в Петербург для продажи на рафинадные заводы, а из всего этого видно, что сбыт свекловичного песка в Москве тоже значителен, но ни в коем случае не может сравниться с торговлею Киевской, которая есть большею частью прямая между заводчиками и рафинерами, а в Москве через комиссионеров. Третий пункт, где тоже есть заведения кондитер-

[1]) Лен. Цен. Истор. Арх. б. ф. Департамента неокладных сборов № 97. Дело о пересмотре устава об акцизе с свеклосахарного производства, ч. II. О командировании Грум-Гржимайло и технолога Андреева для обозрения свеклосахарных заводов и собрания сведений с промышленности и записка о последствии осмотров, начато в 1858 г., окончено 1861 г.

[2]) Лен. Цен. Арх. б. ф. Департ. неокладных сборов. Дело № 41. Выписка из секретного донесения стат. сов. Самойлова к управляющему М-вом фин. от 4-го декабря 1852 г.

ские—город Харьков; для заготовления подобных, как в Москве товаров для ярмарок, и сверх сего покупается песок в значительном количестве на Дон и Кавказ для приготовления шипучих вин» [1]).

Кроме указанных основных пунктов сбыта песка, во всех губернских городах тех губерний, где имелось свекло-сахарное производство, местные торговцы покупали песок для мелкой распродажи, для кухонь и кондитерского производства.

В виду трудности сбыта песка, некоторые заводчики рафинировали пески на рафинадных отделениях. «Рафинад их, хотя выходит дурного качества, который можно назвать лумпом в головах, но продажа сего рафинада по дешевой цене, делает даже ущерб рафинадным заводчикам».

Таким образом намечалась такая последовательность песочных рынков по важности—Киев, Москва, Харьков, Дон и затем местные и губернские города [2]). Рафинад имел повсеместное распространение; в большей мере продажа его концентрировалась в Москве, Нижегородской ярмарке и затем на крупных украинских ярмарках.

Сахар в изучаемую эпоху продавался, главным образом, в кредит. Так как для сах. песка самым крупным рынком являлись рафинадные заводы, представляет большой интерес выяснение условий расчета в продаже песка рафинерам.

Денежные взаимоотношения рафинеров и песочников строились на таких началах: рафинеры за поставленный ими законтрактованный песок платили наличными за вычетом процентов за известное число месяцев или чаще выдавали векселя, носившие тогда название тратт, на сроки от 8 до 12 месяцев.

Банкиры дисконтировали тратты из расчета от 1% до $1^1/_2$% в месяц, иногда даже до 2%. К этому крайне высокому кредиту вынуждены были обращаться песочники, нуждавшиеся в оборотных средствах для производства. «Киевская губ., писал знаток тогдашней свекло-сахарной промышленности Витт, заключающая в себе самые большие свекло-сахарные заводы, весьма бедна в наличных капиталах; рафинеры тамошние покупают большей частью сахарный песок в кредит на тратты, значительная часть которых ежегодно продается тамошним капиталистам за самые большие проценты. Киевские Контракты есть по преимуществу время, в которое фабрикант свеклосахарный передает капиталисту небольшие свои барыши, приобретаемые неутомимым трудом в продолжении года». Небольшое число рафинеров и наоборот, значительное количество песочников, ухудшало в силу конкуренции положение последних [3]).

Сахарозаводчики, нуждавшиеся в деньгах, продавали за наличный расчет евреям свеклосахарные пески по 4 руб. за пуд, которые в свою очередь перепродавали их рафинерам в кредит на год по 5 руб. При такой операции им удавалось получить на свой капитал до 25% в год. Ростовщический торговый капитал стал интересоваться сахарной торговлей. На этом рынке в пятидесятых годах работал значительный тор-

---

[1]) Лен. Цен. Ист. Арх. ф. департ. неоклад. сборов. Дело № 41 1853 г. по отношению канцелярии Мин. Фин. Гец о понижении пошлины на привозной сахар. песок.

[2]) Витт. выше цит., стр. 8.

[3]) Котюжинский в своих мемуарах указывает на то, что местные рафинадные заводы, как единственные приобретатели песка, привыкли покупать сахар-сырец по низким ценам. Казалось, производство сырца превышало потребность и силы местных рафинадных заводов. «Мы не могли, пишет он, завязать прямых сношений со столичными промышленниками, которые из-за плохих путей сообщения не имели представления о нашей производительности». **Pamiętniki Zygmunta Kotiużyńskiego** 1826—1894. Kraków 1911. St. 26.

говый капитал. Как видно из свидетельств современников, дисконтом тратт, занимались почти исключительно местные евреи [1]). Это подготовляло почву для проникновения еврейского, а часто и иностранного торгового капитала в свекло-сахарную промышленность, носившую первоначально дворянский характер.

Об этом проникновении торгового капитала один современник пишет так [2]):

«Пользуясь частым недостатком в капиталах рафинеров, посредники явились капиталистами между ними и песочными заводчиками; потом стали покупать за собственный счет, делая нередко баснословные обороты, переезжая только из одного уезда в другой, и пользуясь неподвижностью велико- и мало-русского племени, наживали огромные суммы; потом наконец они и сами делались заводчиками, арендовали, строились, брали на года и имения и заводы и быстро наживались. С недавнего времени на эту отрасль столь развившейся и в то же время так подавленной промышленности, обратили внимание разные иностранные агенты, комиссионеры, лица торгующие под разными иностранными фирмами...

Сахар, как мы сказали, с некоторого времени сделался одним из главных предметов их внимания и многие из них, один перед другим, прежде ездили только в Киев, Харьков, в Украину, по заводам, а теперь спешат посылать туда или своих агентов или основать там дома».

По свидетельству современников, векселя, (тратты), пользовались большим доверием в крае, и имели свободное обращение. «Эти расписки, называемые траттами, ходили в торговле, как ассигнации, говорит Шипов [3]). Свободное хождение тратт содействовало притоку капиталов в свекло-сахарную промышленность. С экономической точки зрения такая система расплаты представляла факт громадной важности для развития производительных сил Правобережной и Левобережной Украины. Системой тратт распыленные капиталы привлекались в свекло-сахарную промышленность. В виду высоких процентов, обеспеченности, его высокой мобильности указанная форма помещения свободных капиталов должна была иметь широкое распространение.

Какую роль сыграл приток капиталов в развитии названной промышленности, это можно иллюстрировать соображениями, приведенными в записке Киевского губернатора о состоянии свекло-сахарной промышленности в Киевской губ. [4]) «В начале введения этой промышленности сахарные заводы строились людьми, располагавшими капиталами. Большие выгоды первых заводчиков заохотили к устройству заводов людей с несравненно меньшими средствами, и наконец впоследствии всякий, имевший малейшую возможность, устраивал в имении завод, и таким образом свекло-сахарная промышленность получила в Киевской губ. повсеместное распространение. Заводчики капиталисты, после первых лет потерь, имея в руках средства, сделали сахарное производство выгодным для себя тем более, что они были единственными производителями этой промышленности, в то время не платили акциза, впоследствии установленного. Временные потери, происходящие от неурожая свеклы и других

---

[1]) Взгляд на свекло-сахарную промышленность в России, стр. 130.

[2]) Ушаков—Свеклосахарный песок, как товар. Вестник промышленности 1860 г. август, стр. 74—75.

[3]) Шипов выше цит., стр. 13. Ср. Взгляд на свекло-сахарную промышленность в России... стр. 131.

[4]) Лен. Ц. И. Арх. фонд. неокладных сборов. № 53. Дело по отношению канцелярии Мин. фин. с предложением отношения Управ. делами Комитета Министров и извлечения из особой записки Киевского губернатора о состоянии свеклосахарной промышленности в Киевской губ.

естественных причин, для них не могли быть разорительны: имея капиталы, они выдерживают год, два и более потерь, зато впоследствии с барышем вознаграждают все потерянное. Нельзя сказать этого о заводчиках, не имеющих достаточных капиталов, тем более о тех из них, которые все средства свои употребили на постройку завода. Для поддержания их заводов необходимы ежегодный успех производительности и непременный сбыт сахара, иначе они должны войти в долги, несмотря на значительные проценты. Для заводчика деньги необходимы, ибо он должен платить наличными как за труд, так и на ремонт. К этому присоединяются другие невыгоды для сахароваров, не имеющих достаточного обеспечения. Прежде всего непостоянство цен. Цены на сахарный песок устанавливаются рафинерами, которые, видя необходимость сбыта, натурально понижают цены. В этом случае, одно только может уменьшить зависимость заводчика песка от рафинера—это продажа песка в великорусские губернии в отдаленные западные, но для этого представляется одно только время Контрактовое в Киеве.

При повсеместном распространении сахарного производства в Киевской губ. большая часть капиталов употреблена на заводы; недостаток капиталов, нужных для оборотов этой промышленности, породил необходимость прибегнуть к замене капиталов долговыми обязательствами: явились так наз. тратты, т. е. платежн. росписки, выдаваемые местными рафинерами сахароварам с обязательством уплатить деньги по прошествии известного срока, который бывает от 9 до 18 месяцев. Необходимость в деньгах заставляет заводчиков сбывать тратты до истечения срока, с потерею редко менее одного, а большей частью $1^1/_2\%$ и более процентов в месяц» [1]).

В этой официальной записке достаточно ясно характеризуется значение притока капиталов из внепомещичьей среды для быстрого развития свекло-сахарной промышленности на Киевщине, представлявшей столь ценную производительную силу районного хозяйства. Правда, капиталы эти обходились не дешево для помещиков, причиной этому была бедность капиталов на Украине и отсутствие сети кредитных учреждений в изучаемую эпоху.

---

[1]) Значение тратт в деле привлечения капиталов в свекло-сахарную промышленность отмечает сахаровар Понятовский. «Свекло-сахарная промышленность, пишет Понятовский, кроме вкладных капиталов на устройство заводов, требует огромного наличного капитала, оборотного, для расчетов за дневные работы с крестьянами. Три рафинадные завода гр. Бобринского, бр. Яхненко и Симиренко и кн. Сангушко, не имея достаточного оборотного капитала для закупки свекло-сахарных песков, переработки оных и торговли, покупали пески в кредит, что было крайне стеснительно для производителей песков, находившихся в совершенной невозможности обходиться продажею своего продукта в кредит. Для пособия своему безденежию рафинеры решились выдавать тратты на закупленные ими пески на шестимесячный, годичный и 18 месячный сроки. Получившие тратты, нуждаясь в наличных деньгах, прибегали к капиталистам, которые приобретали эти кредитные обязательства с учетом не менее 10%, а в контрактовое время (Киевская Крещенская ярмарка) и 30% смотря по нужде сбывающего. Из этого образовалась лихва, которую закон не мог преследовать, ибо тратта уважается как ценная бумага, коей курс ежедневно меняется более, чем биржевая продажа акций. Подобные спекуляции на траттах доказывают необходимость оборотного капитала, а также существование общего доверия к свекло-сахарной промышленности, ибо далее находятся в обращении одни лишь тратты сахароваров». См. Понятовский, выше цит., стр. 8—9. Понятовский указывает на то, что рафинадный завод должен иметь в продукте по крайней мере двойной капитал: один в рафинаде в руках купечества на 6-тимесячный кредит, другой в переработке и запасе песк. Тоже можно сказать и о песочниках. Последние вынуждены были продавать свои пески в кредит не на шесть месяцев, а на 12 и даже 18 месяц. Таким образом их финансовое положение было значительно тяжелее, чем рафинеров.

Едва ли нужно говорить, что изложенная система расплаты с песочниками ставила в более благоприятное положение рафинеров. Последние, покупая песок в кредит на 9, 12 и 18 месяцев, продавали сахар купцам на четыре, шесть месяцев; кроме того получали в обеспечение купеческие векселя, учитывавшиеся с более низким процентом, чем тратты.

О тяжести частного кредита для сахарозаводчиков красноречиво говорит современник Ушаков, поместивший в Вестнике Промышленности (авг. 1860 г., стр. 77), статью—«Свекло-сахарный песок, как товар».

«Помещик, сахарный заводчик, по большей части всегда в нужде; ему нужны деньги на посев, на снятие свеклы, на выкопку, на перевоз ее к заводу, на покупку свеклы, если у него мало своей, на наем рабочих, на все одним словом, производство. У него денег нет и не будет прежде, нежели он не будет иметь песка. У рафинеров тоже, по большей части нет денег в то время, когда они нужны песочному заводчику. Этим-то положением и пользуется человек, имеющий свои деньги или, как по большей части, имеющий возможность поместить на время чужие деньги... Это-то обязательство, по которому помещик отдает свой сахар, по мере его выходов, за известный задаток на пуд, на комиссию, называется контрактом. В контракте разумеется все законно. Помещик в случае неисправности, подвергается далее ответственности коммерческого суда, которым его, по неопытности, пугают, как каким-нибудь пугалом. В контракте законные шесть процентов, комиссионных два, да еще какие-нибудь два или три; скидка по 20 или 25 к. с пуда, с будущей, имеющей состояться цены, срок выставки, неустойка и тому подобное. Все законно! Но, помимо контрактов, при выдаче денег, происходят сделки еще другого рода: берут напр. один процент за время, со всей выдаваемой суммы, расходы все идут на счет получателя; уговариваются еще расходы с каждой бочки или отдельно за склад, за прием, за вес, отпуск и т. п. и все, что за исключением выговоренного, помещается в контракте и имеет законную силу...

Сколько процентов получает, так. обр. пущенный рубль?.. Законных 6, за комиссию 2, а чаще 3—9; еще какие то комиссионные 2%—11, или по особому уговору скидки по 25 к. с пуда, т. е. с 6 р. 50 к. одновременно и гуртом; потом надбавка на расходы, убавка в цене, неверные показания продажи, сделанной часто тотчас-же по получении в октябре, ноябре, а показанной в мае и в июне».

Уместно коснуться вопроса о происхождении указанной формы кредита. Нам удалось найти одно указание на происхождение тратт. Польский мемуарист Бобровский в своих воспоминаниях так описывает происхождение тратт: «Своим хлопским разумом он (Яхненко) понял, что и местные рафинадные заводы, требующие большого оборотного капитала, по крайней мере на двухлетний срок, т. е. в два раза больший по сравнению с песочными заводами не в состоянии будут конкурировать со столичными, если не найдут широкого источника кредита и на более долгий срок, чего не мог сделать государственный банк, боязливый и связанный статутом, единственное в то время кредитное учреждение. Используя тяжелое положение производителей песка, искавших для своего товара покупателей, подчас безуспешно, пришел к мысли покупать у них пески в двухлетний кредит и очень редко годичный на так называемые тратты (traîtes), которые песочники учитывали у разных местных капиталистов и ростовщиков из 10% и выше. В этой мысли нет ничего нового, если бы ее высказал какой либо финансист, знакомый с такого рода операциями, но добытая и проведенная в жизнь простым украинским холопом (едва умевшим читать и писать) свидетельствует о наличии творческой изобре-

тательности, финансового искусства и большой предприимчивости. Мысль была верная и своевременная, лучшим доказательством чего служит быстрое принятие ее местными купцами. Тратта представляла прежде всего реальную ценность, пущенную в оборот с помощью капиталов праздно лежавших или помещенных в менее доходные статьи, привлеченных на службу сахароварения, главным образом, рафинеров приманкою неслыханных дотоле процентов. Расходы по такому обороту оплачивали исключительно владельцы песочных заводов, прибыль между собой делили рафинеры и капиталисты, последние, как им казалось, без всякого риска.

Используя то доверие, которым пользовались тратты магнатов-сахароваров на Киевском рынке, на соседнем Одесском и даже на более отдаленных, начали прибегать к ним и владельцы песочных заводов. Уже не только для закупки первого продукта, т. е. песка или свеклы, а для всякого рода расходов, часто не опиравшихся на какую-либо реальную основу» [1]). Такое напряжение денежно-кредитного рынка должно было вызвать кризис, последний разразился за пределами изучаемой эпохи; о нем будет речь во втором томе.

Таким образом, внедрение тратт в оборот на рынках Правобережной Украины Бобровский приписывает фирме бр. Яхненко и Симиренко. Журавский об'ясняет появление тратт в обороте экономической необходимостью. Самый крупный расход на рафинадных заводах составляет покупка песка, на покрытие прочих расходов идет не более $^1/_7$. По его подсчетам, для двух рафинадных заводов на Киевщине необходимо для закупки песка свыше 900 тыс. р. Если бы не удалось заменить наличную форму расчета кредитом, то встретились бы затруднения для рафинадных заводов в приобретении материала, а для песочных в сбыте песков. «Это обстоятельство заставило прибегнуть к так называемым траттам— кредитным бумагам в роде переводных векселей... Тратты имеют свой кредит и торговый курс, нуждающиеся в деньгах без затруднения могут достать их, с уступкой некоторого процента, в коммерческих конторах, у капиталистов и даже в тех же местах, из которых получены ими тратты. В 1847 г. во время Контрактов было выдано таких тратт от рафинадных заводчиков здешней и других губерний на сумму до 1.030.000 р. сер.» [2]).

Нельзя не согласиться с об'яснениями Журавского. Появление на Украине рафинадных заводов, открывших возможность сбыта песка, вырабатываемого в большом количестве быстро развивавшейся свеклосахарной промышленностью, при недостатке капиталов, требовало введения кредита для взаимных расчетов песочников и рафинеров. Возможно, что бр. Яхненко и Симиренко, построившие мощный рафинадный завод, вынуждены были прибегнуть к кредитной форме расчета на более долгие сроки, чем это было принято в тогдашних кредитных учреждениях. Поскольку песочникам трудно было сбывать свой продукт на рынке, им пришлось пойти на такую форму расчета, тем более, что тратты без труда учитывались, имея свободное хождение на рынке.

О значительности капиталов, притекаемых в свекло-сахарную промышленность при посредстве тратт ясно говорит тот факт, что в 1847 г.

---

[1]) Bobrowskiego—Pamiętniki T. II. We Lwowie, 1906. Str. 32—33.

[2]) Журавский полагал, что недостаток капиталов есть причина возникновения тратт: «говоря о траттах заметим, что это обстоятельство происходит не столько от рафинадных заводов, сколько от положения вообще наших торговых оборотов, по которым никакая оптовая продажа не может быть произведена иначе как только в кредит по срокам и с уступкою некоторого процента. И если рафинадные заводы получают пески в кредит, то и с своей стороны они отдают также в кредит рафинированный сахар купцам, на сроки до 4 и 5 месяцев. Притом же они имеют своего собственного песка на пятимесячное действие заводов». См. Фундуклей выше цит. Т. III, стр. 60.

было выдано во время ярмарки тратт на 1 мил. руб., при тогдашней бедности капиталов—эту сумму нужно назвать большой. По словам Журавского, обмен тратт вызвал на Киевском рынке ажиотаж, что по его мнению, доказывало недостаток капиталов в сахарной промышленности.

«Теперь много есть капиталистов, извлекающих из обмена тратт на деньги значительные выгоды. Чтобы получить ходячею монетою за тратты, обыкновенно делается уступка $1^1/_2\%$ в месяц. Следовательно, ежели допустим, что в обмен поступает до 500.000 руб. (вероятно более) по траттам, то в восьмимесячный срок оных всего промена будет 60.000 р. сер., прямо падающих на меньшие песочные заводы, существующие здесь на весьма непрочном основании и большей частью производящие свои обороты на заемные капиталы» [1]).

Как видим в конце сороковых годов заемные капиталы обращались в значительном количестве в сахарной промышленности. Быстрый расцвет сахарной промышленности на Киевщине был вызван приливом капиталов извне. Интересно, что использован был даже Одесский рынок капиталов, где благодаря экспортной торговле капиталонакопление носило значительные размеры. Бердичевские, а позже и Одесские капиталисты направляли свои капиталы в сахарную промышленность во время Контрактов. Удобной формой для помещения этих торговых капиталов служили тратты. При помощи высоких процентов, получаемых в этой области кредита, капиталонакопление должно было расширяться; возникли коммерческие конторы, отдельные капиталисты, специализировавшиеся на этой отрасли кредита.

Почему сахаровары не могли пользоваться государственным кредитом? В 1839 г. в Киеве была открыта контора Коммерческого банка [2]): «в видах содействия развитию промышленности, к выгоднейшему направлению сельского хозяйства в западных наших губерниях, открыть в Киеве,—как центральном пункте всех сделок и условий по сему краю Контору Коммерческого Банка».

Конторе было предоставлено право выдавать ссуды: 1) под учет векселей, 2) под залог недвижимых имений; 3) под залог сельских произведений и 4) под облигации Комиссии Погашения долгов» (ст. 12).

Ссуды под залог сельских произведений Контора выдавала помещикам Киевской, Подольской и Волынской губерний на срок, от трех до шести и девяти месяцев, именно под залог хлеба, льна и пеньки, а равно овечей шерсти; «половину суммы, какая бы причиталась за произведения по установленным средним ценам, а где оных нет, по местным справочным ценам, с утверждения генерал-губернатора, с удержанием при сем учетных процентов по $1^1/_2\%$ на месяц».

Согласно этих правил не предусматривалась выдача ссуд под залог сахара, который в момент учреждения конторы начинал играть важную роль в местном товарообороте. Это обстоятельство ставило в крайне тяжелые условия сахарозаводчиков. В начале сороковых годов Киевский губернский предводитель дворянства возбудил ходатайство об изменении правил выдачи ссуд под залог сельских произведений. В этом ходатайстве было высказано пожелание о том, чтобы в конторе был разрешен учет векселей не только одних Киевских купцов, но купцов и других городов Киевской, Подольской и Волынской губ.

«Выдачи ссуд под залог товаров отвлекли бы купцов от сношения и дисконта с Бердичевскими торговыми домами, и таким образом торговля, платя правительству умеренный процент, не находила бы необходимости

[1]) Фундуклей выше цит. Т. III., стр. 59.
[2]) П. С. З. Собрание второе. Т. XIV. 1839 г., № 12.369.

возвышать цену на свои товары по случаю тягостного процента, платимого им ныне в Бердичеве».

Далее указывалось на то, что со всеми сельскими продуктами производится ныне в Бердичеве огромные обороты и тамошние торговые дома, зная, что купец не имеет иного средства дисконтировать их, «налагают на него проценты произвольные, и иногда превышающие всякое вероятие».

Из этого ходатайства выясняется та огромная роль, какую играли Бердичевские банкиры в сороковых годах в местном товарообороте. Высокие проценты, на какие жаловался предводитель дворянства, обусловливались бедностью капиталов в изучаемый период. Так как высота процента ущемляла помещиков, то последние и подняли вопрос о дополнении устава Киевской Конторы Коммерческого Банка. Из письма Киевского губернатора Фундуклея к генерал-губернатору мы узнаем, что дворяне добивались того, чтобы ссуды выдавались под сахар.

Генерал-губернатор Бибиков занялся собиранием через губернаторов сведений о том, в какой мере и в каком размере необходимы ссуды под сахар. Губернаторы запросили уездных предводителей дворянства. Из Чигиринского уезда сообщали, что сахарные заводы нуждаются в налинных деньгах, так как еще мало рафинадных заводов, а без этого песок не идет для потребления. Благодаря этому — рафинеры в известной мере являются монополистами.

Предводитель Черкасского уезда высказал пожелания о том, чтобы банк выдавал ссуды не менее 75 коп. за пуд и на срок от 3 до 9 месяцев.

Киевский губернатор Фундуклей, подводя итоги пожеланиям с мест, указывал на то, что ссуды должны быть реальны, а для этого они должны быть не в половину ценности, а в $^2/_3$ цены пробеленного сахара песка и сахара в головах. В виду того, что отсутствовала розничная торговля песком, Фундуклей полагал, что цены на сахар-песок и в головах могут быть подаваемы предводителями дворянства. Высказывались некоторыми предводителями дворянства пожелания о том, чтобы ссуды выдавались под заклад самих сахзаводов при условии их застрахования [1]).

Вопрос о выдаче ссуд под сахар Киевской Конторой Коммерческого Банка был решен только 1861 г.; в этом году для поддержания оборота свеклосахарных заводчиков была принята следующая временная мера [2]):

1) «Ныне же представить свеклосахарным заводчикам как Киевской, Подольской и Волынской так и других губерний, пользоваться в Киевской Конторе кредитом не иначе однако, как под учет векселей, на принятых в Государственном Банке правилах.

2) Для рассмотрения кредита тех из свеклосахарных заводчиков, которые обратятся в контору за ссудами на общих правилах постановленных для учета векселей, образовать при Киевской Конторе по примеру Государственного Банка Учетный Комитет из Управляющего и нынешних директоров от дворянства и купечества, с назначением в оный двух или более членов от свеклосахарных заводчиков, по соглашению Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора с местным предводителем дворянства.

3) Предоставить Правлению Государственного Банка снабдить Киевскую Контору, как потребными для сей операции суммами, так и надлежащею по производству оной инструкцией».

---

[1]) Киев. Ист. Арх. № 38 д. 1842 г. По записке Киев. губ. предвод. дворянства об изменении правил Киевской Конторы Коммерческого Банка по секрет. части канцелярии генерал-губернатора.

[2]) П. С. З. 1861 г., т. XXXVI, № 37481. О предоставлении свеклосахарным заводчикам некоторых средств к поддержанию их оборотов.

Предоставление ссуд под залог сахара Киевской Конторой Банка значительно улучшило положение сахарозаводчиков. Но изменение условий рынка ссудных капиталов уже относится к эпохе освобождения крестьян. В изучаемую эпоху сахарозаводчикам приходилось пользоваться рынком частных капиталов на очень тяжелых условиях. Тратты представляли форму использования частных торговых капиталов.

Сахарный рынок того времени нельзя назвать особенно емким; но за то он был широким, и следовательно требовал разветвленной торговой сети.

Для определения емкости сахарного рынка того времени следует выяснить размер потребления. Шипов исчислил потребление сахара в 1780 г. в 192 тыс. п., в 1804 г.—425 тыс. п.[1]). Потребление сахара на душу населения по исчислениям Шипова, выражалось в таких величинах:

Годы	На душу фунт. в год
1780	3/10
1804	4/10
1825	4/5
1844	2
1864	$3^1/_2$

Этот ряд свидетельствует об интенсивном расширении потребления сахара в России[2]).

Если в конце XVIII и в начале XIX столетия сахар потреблялся, можно сказать, в аптечных дозах; во вторую четверть века потребление достигло 2 ф. на душу—это период бурного роста свекло-сахарной промышленности. С зарождением и развитием туземной свекло-сахарной промышленности потребление сахара начало быстро возрастать в России. Все же оно было значительно ниже душевого потребления западно-европейских стран. По расчетам Н—а, для средины сороковых годов потребление сахара в главнейших странах выражалось в таких величинах[3]):

	На душу
Великобритания	21 фунт.
С. Штаты	20 „
Франция	9 „
Германия	7 „
Австрия	$2^1/_2$ „
Россия	$1^2/_3$ „

Если оставить в стороне Англию и С. Штаты, с очень высоким уровнем потребления, то даже, сравнительно с континентальными странами, как Франция и Германия, потребление сахара в России было в 4—5 раз меньшим. Наша страна занимала последнее место по уровню потребления сахара.

---

[1]) Шипов выше цит. стр. 17. Витт в выше цит. Записке о свеклосахарной промышленности в России определяет потребление сахара в 1800—1806 г. не свыше 63 тыс. п. в год.

[2]) Рост потребления сахара значительно обгонял прирост населения, как это показывает следующее сопоставление:

Годы	Потребление в мил. пуд.	в %%%	Прирост Население	в %%%
1844	2,5	125	57 мил. душ	12%
1864	5,7		64 „ „	

См. Завадзкий—Наше свекло-сахарное производство. К. 1878 г., стр. 39.

[3]) Г. Н—а. О колониальном и свекловичнм сахаре. Библиотека для Чтения, кн. XCVI, 1849 г., стр. 24.

В известной анкете о положении свекло-сеяния сделан опыт подсчета душевого потребления сахара в России в 1850 г. «Можно принять потребление колониального сахара в России, пишут авторы анкеты [1]), в 1850 г. 2.100.000 пуд. Если к этому прибавить 900 тыс. п. свекловичного сахара, то весь итог потребления сахара будет простираться до 3 милл. пуд. Следовательно, на каждого жителя в России приходится до 2 ф. сахара. В Великобритании и С. Штатах эта пропорция почти в 20 раз больше, в Голландии и Бельгии—в восемь, во Франции—в семь раз, в Германском таможенном Союзе, Испании, Португалии—вчетверо».

Для начала шестидесятых годов мы имеем официальный подсчет душевого потребления сахара: в России оно едва достигало 3 ф., между тем в Англии 32, во Франции—12, в Германском Таможенном Союзе—9, Испании—7 [2]). Эти данные также говорят о необычайно низкой норме потребления сахара в России. Приведенные подсчеты достаточно ясно характеризуют низкий уровень нашего потребления. Если же рассматривать динамику потребления сахара, то нужно установить быстрый рост потребления сахара в России с момента развития свекло-сахарной промышленности. Этот вывод находит подтверждение в росте привоза колониального сахара при значительном развитии туземной свекло-сахарной промышленности с начала двадцатых годов.

Гр. Бобринский приводит такие данные о привозе колониального сахара в Россию [3]).

Периоды [4])	Привоз колониального сахара в среднем в год в пудах
1824—1831	1.198.763
1832—1841	1.632.173
1842—1856	1.966.474
1857—1866	1.350.157

Не взирая на повышение таможенных пошлин на колониальный сахар, привоз его возрастал от одного периода к другому. Падение ввоза наметилось только после Крымской кампании. Несмотря на снижение пошлины в 1857 г. с 3 р. 80 коп. до 3 руб. с пуда, ввоз колониального сахара стал сокращаться с 1857 г. Очевидно, к этому моменту конкуренция свекловичного сахара делалась уже непосильной для колониального, даже на его традиционном Ленинградском рынке.

Рост продукции туземного сахара с двадцатых годов сопровождался и увеличением привоза колониального сахара. Это говорит о расширении рынка сбыта сахара в России.

Состав товарной массы сахара, обращавшейся на рынке в период с 1840 по 1860 г.г. и происшедшие в нем изменения характеризуются следующим сопоставлением: в 1840 г. потребление сахара достигало 1,9 мил. пуд. в том числе колониального 1,8 мил. пудов и свекловичного—150 тыс. пуд., в 1860 г. потребление сахара поднялось до 5 мил. пудов, в том числе колониального 1 мил. пудов, свекловичного 4 мил. пуд. За двадцать лет потребление увеличилось на 3 мил. пуд. или на 156%, что составляет

---

[1]) Сведения... 1849 г., стр. 80—81.

[2]) Труды комиссии, учрежденной для пересмотра податей и сборов. О таможенных пошлинах на иностранный сахар и об акцизе с сахарного песка туземного изготовления. Спб. 1863 г., стр. 11.

[3]) Бобринский—О применении системы охранительной и свободной торговли в России и о значительном понижении дохода по введении тарифа 1857 г. Спб. 1868 г., стр. 68. Сведение № XXIX.

[4]) Взяты периоды, совпадающие с изменением размера пошлин на колониальный сахар.

в год свыше 7% [1]). Расширение емкости сахарного рынка значительно обгоняло прирост населения.

В сороковом году наш потребитель снабжался, главным образом, колониальным сахаром, на долю туземного сахара приходилось 8%, в 1860 г. потребление сахара обеспечивалось уже туземной свеклосахарной промышленностью; товарная масса, обращавшаяся на рынке, на $^4/_5$ состояла из свекловичного сахара. Центр снабжения рынка передвинулся в район отечественного производства [2]).

Таким образом, несмотря на относительно небольшое душевое потребление, свеклосахарная промышленность имела благоприятные перспективы для сбыта своей продукции в виду интенсивного роста потребления сахара и в виду обширности рынка. Эта промышленность привлекла к потреблению новые слои населения. Завоевание новых потребителей происходило в изучаемую эпоху.

Директор Комитета Сахароваров указал на это обстоятельство при открытии заседаний в 1840 г. «Вопрос, от чего же и при умножении свекло-сахарных в России заводов, ни привоз иностранного сахара не уменьшался, ни цены на него не понизились, уже разрешен был неопровержимым фактом возрастающей в России привычки пить с сахаром чай, распространяющейся между самым простым классом народа. По исчислению, народонаселения в России считается 59 мил. душ обоего пола, из них 47 мил., платящих подати. Ели предположить, что и все члены прочих сословий, как-то: дворянства, духовенства, купцов, мещан и разночинцев всех—12 миллионов, пьют чай и употребляют сахар, то остальные 47 мил. жителей будут ежегодно прибавляющимися потребителями сахара» [3]).

В этом докладе совершенно правильно была подчеркнута огромная потенциальная емкость нашего рынка: если в сороковых годах пили чай с сахаром только 12 мил. душ и то больше в прикуску и приглядку, то за этой верхушкой стоял огромный резерв потенциальных потребителей, каковой выступал на рынке с под'емом благосостояния и удешевлением сахара. Исходя из этих перспектив директор Комитета полагал, что Сахароварам нет причин «опасаться совместничества новых заводов, и долго, долго оно не угасит чувства, желающего распространения свеклосахарной промышленности в России» [4]).

Низкое душевое потребление сахара было обусловлено его дороговизной. На этой точке зрения стояло в шестидесятых годах и министерство финансов, как видно из записки, представленной в Комиссию по пересмотру системы податей и сборов. Мы не располагаем исчерпывающими данными о ценах на свекловичный песок и рафинад за весь изучаемый период. Только с введением акциза (т. е. с 1848 г.) мы находим в отчетах Скалона данные, правда, весьма краткие, о ценах. До этого цены

---

[1]) Труды комиссии, учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Стр. 165.

[2]) У Буковецкого находим такие данные об удельном весе колониального сахара в потреблении:

Годы	Участие колон. сахара в потреблении в проц.
1837	95
1840	94
1851	65
1853	48

См. Буковецкий—Очерки по истории русской сахарной промышленности. В. I. Рефераты и работы 1902—1904. Студ. кружок полит экономии. Спб. 1905. Стр. 130, 131.

[3]) Землед. Журнал 1840 г. Речь директора комитета сахароваров при открытии заседаний 1840 г., стр. 14—15.

[4]) Там же.

свекловичного сахара случайно попадались в тех и других статьях, речах или расчетах себестоимости. В силу этого предлагаемый обзор цен будет неполон с точки зрения категорий времени и места.

Первые указания на цену свекловичного сахара мы находим в описании проф. Рейса завода в Алябьеве: для 1807 г. Рейсс устанавливает цену рафинада в Тульской и Орловской губ. в 25 руб. за пуд. Во время континентальной блокады, вследствии прекращения торговой связи с Англией, именно в период 1809—1811 г. [1]), за пуд сахара (рафинада) платили до 126 руб. ас. После прекращения блокады цены на сахар упали: с 1811 по 1816 г. за пуд рафинада платили не менее 80 руб. [2]) Для того, чтобы определить под'ем цен на сахар в России в эпоху наполеоновских войн, необходимо внести поправку на обесценение нашей валюты в этом периоде. Принимая во внимание средний курс серебрянного рубля, приведенный у Туган-Барановского (Бумажные деньги и металл, стр. 95), мы получим такие цены пуда рафинада.

1807 г.	16,8
1809—11 г.	40,1
1811—16 г.	25,5

И с такой поправкой получается необычайно сильное повышение цен на рафинад в эпоху наполеоновских войн [3]). Прекращение войн должно было вызвать падение цен; хотя и не так скоро цены снизились до довоенного уровня.

Мальцев для 1822 г. называет цену свекловичного рафинада в 40 руб. за пуд или 10,7 руб. сер.

Автор «Ращета о выгодах возделывания свекловицы и добывания из оной сахара в России» изд. Вол. Эк. О-ва. 1829 год, говорит, что «в Российских северных губерниях можно получать непробеленный сахарный песок ценою от 16 до 25 коп. за фунт (т. е. 6 руб. 40 коп. до 10 р. сер. за пуд. К. В.),—в средних губерниях России и всех Малороссийских, можно получать фунт сахарного не пробеленного песка от $9^1/_4$ до $20^1/_4$ к.». (т. е. 3 р. 70 к.—9 руб. сер. К. В.). В этом свидетельстве для нас ценно указание на значительную разницу цен по районам, в средней России, в частности, на Украине, цены на песок стояли более низкие, чем на севере; здесь, очевидно, сказывалась конкуренция свекловичного песка, так как в указанной полосе в двадцатых годах уже существовала свеклосахарная промышленность.

Столь широкие пределы для цен, показанные автором «Ращета», для каждой полосы нужно об'яснить тем, что взяты разные сорта песка. По словам Маслова, пуд сахарного песка стоил в 1825 г.—8 руб. 97 коп. сер. [4]). Эта цена приближается в среднем к тем ценам, какие вывел автор «Ращета».

Барон Котц доводил в 1833 г. до сведения Комитета Сахароваров, что им продан пробеленный песок в сложности по 30 руб. (8,1 руб. сер), а желтый очень посредственный по 17 руб. (4,6 р. с.). К этому он добавлял,

---

[1]) Ср. Завадзкий—Наше свеклосахарное производство: Стр. 21. Ср. Левин—Свеклосахарная промышленность в России. Спб. 1910 г., стр. 12.

[2]) Маслов—О свеклосахарной промышленности в России. Речь в Собрании Московского Общества Сельского Хозяйства 20 февраля 1854 г. В память совершившегося 20-летия со времени учреждения Комитета Сахароваров. Стр. 4.

[3]) В записке московских купеческих с'ездов приведены цены на привозной сахар в XVIII в. так: в 1713 г.—7 руб. за пуд, в 1716 г.—7 р. 20 к., в 1780 г.—7 р. 74 к. В начале XIX ст. цены резко подымаются вверх—в 1804 г.—уже 10 р. 46 к. См. Мнение московских купеческих с'ездов... стр. 10.

[4]) Московские ведомости 1847 г. № 103. Еще замечания на статью Маслова.

что местные купцы предлагали запродать по той же цене весь песок 1833 г. «К чему это», восклицает барон Котц, известно, что сахар все-равно, как наличные деньги и теряет только по курсу (все равно по курсу и деньги теряют)».

Лялин приводит для 1835 г. [1]) такие цены на песок:

№ 1—20 руб. (6,6 р. сер.)
№ 2—16 руб. (4,5 р. сер.)
№ 3—13 руб. (3,6 р. сер.)

В Москве ему удалось продать пуд пробеленного песка по 30 руб. (8,4 руб. сер.). И Лялин отмечает: «прибыльнее продавать белым песком, потому что на желтый песок в Москве только четыре покупщика, и легко можно подпасть под монополию, а на белый песок охотников много». В статье, помещенной в 1840 г. Лялин жалуется на упадок цен на свекло-сахарный песок и на трудность сбыта песка. «В декабре (1839 г.), в Харькове продавали белый песок по 28 руб. (8 руб. сер. за пуд), в январе цена упала до 26 руб. (7,4 руб. сер.), а в марте песок понизился до 23 руб. за пуд. (6,6 р. сер.). И это в неурожайный год. Что же будет в урожайный год» [2]).

Корреспондент Комитета Сахароваров сообщает в 1841 г. о том, что его песок продается в Москве от 28 до 29 руб. ассигнациями (8—8,3 р. сер.) за пуд. Свекловичный рафинад и мелис продавался на Коренной ярмарке одним рублем на пуд дешевле тростникового, приготовляемого на заводах Штиглица и Берта [3]).

В одной из корреспонденций в Комитет за 1843 г. мы находим такие данные о ценах на сахар за пуд [4]):

	ассиг.	сер.
Рафинад (на Коренной ярмарке)	37—36 р.	10,3—10,6
Полурафинад	32—34 р.	9,1— 9,7
Лумп (на месте)	30 р.	8,6
Песок (в Москве)	26 р.	7,4

По данным, приводимым в записке Министра Государственных Имуществ по вопросу об акцизе 1848 г., приводятся такие цены на сахарный песок за пуд:

1845 г.	7 р. 70 к.—8 р. 86 к.
1846 г.	7 р. 14 к.—8 р. 7½ к.
1847 г.	7 р. 21 к.—7 р. 57 к.

В конце сороковых годов цены поднялись на сахар. «В 1849 г. высшая кредитная цена, пишет Аксаков, высшему сорту на Крещенской ярмарке доходила до 45 руб. асс. (12,9 руб. сер.), в 1851 г. до 30 руб. ассигна-

[1]) Лялин выше цит. Библиотека для Чтения. 1835 год. Стр. 28, т. X.

[2]) Жалобы на упадок цен на сахар в третьем десятилетии XIX столетия раздавались и в Германии. Коппе—О свекло-сахарной промышленности в государственно-хозяйственном и промышленном отношениях. Журнал Сельского Хозяйства. 1844 г., кн. III, стр. 127. Намек на этот упадок цен находим в переписке Левшина с кн. Воронцовым. Левшин в одном из своих писем (от 15 июня 1840 г.) замечает: «Я позволяю себе думать, что упадок цен на сахар, неразрывный с умножением сахарных заводов, должен иметь даже благотворное влияние на народ: от того умножится число пьющих чай и уменьшится число пьющих много водки». Архив кн. Воронцова. Кн. 39. М. 1893 г., стр. 166.

[3]) Журнал Сельского Хозяйства. 1841 год, кн. XI, стр. 168.

[4]) Журн. Сельского хозяйства. 1844 г., кн. 4, стр. 26.

циями (8,6 руб. сер.), в 1853 г.—32 руб. ассигн. (9,1 руб. сер.), в 1854 г.—40 руб. 25 коп. (11,5 руб. сер.)» [1]). С пятидесятых годов мы располагаем более точными данными о ценах на сахар. В Киеве, представлявшем основной рынок для сахарного песка, стояли такие цены:

Цены сахарного песка за пуд руб. серебром [2])

годы	низшая	высшая
1850 г.	до 6 руб.	до 8 руб.
1851 г.	4 »	6 »
1852 г.	4 »	6 »
1853 г.	5,5 »	8 »
1854 г.	5 »	7,5 »
1855 г.	5 »	7,75 »
1856 г.	6 »	7 »
1857 г.	6 »	7,5 »
1858 г.	3 »	5,75 »
1859 г.	5,25 »	6,6 »
1860 г.	— »	6,75 »

---

[1]) Аксаков выше цит. Стр. 312.

[2]) Лен. Центр. Истор. Арх. Фонд Департамента Неокладных Сборов, д. № 97, ч. IV. Записка Грум-Гржимайло. Толпыгин приводит такое движение цен с начала девятнадцатого столетия:

годы	В С. Петербурге привозной с пошлиной	без пошлины
1800 1806 1810	126 р. ас. или 31 р. 50 к. сер.	30 р. 50 к. сер.
1811 1820	80 р. ас. или 20 р. сер.	18 р. 20 к. сер.

с 1820 по 1840 неизвестны.

1841	6,95 — 7,79	4,15 — 5,—
1942	6,86 — 8,21	4,06 — 5,41
1843	7,25 — 8	3,45 — 4,20
1844	7,25 — 7,85	3,45 — 4,05
1845	7,70 — 8,86	3,90 — 5,06
1846	7,14 — 8,71	3,34 — 4,91
1847	7,25 — 7,75	3,45 — 3,95
1848	7,36 — 8,38	3,56 — 4,58
1849	8,21 — 9	4,41 — 5,20
1850	8,22	4,42
1851	6,78— 8	2,98 — 4,20
1852	6,50 — 7,29	2,70 — 3,49
1853	7,05 — 7,46	3,25 — 3,66
1854	7,93 — 8,78	5,93 — 6,78
1855	8,15 — 9,64	6,35 — 7,64
1856	8,60 — 9,49	6,60 — 7,49
1857	8,12 — 9,38	5,12 — 6,38
1858	6,92 — 7,62	3,92 — 4,62
1859	6,93 — 7,62	3,93 — 4,62
1860	7,37 — 7,63	4,37 — 4,63
1861	7,37 — 7,75	4,37 — 4,75

В движении сахарных цен в 1850—1860 г.г. можно установить такие периоды: десятилетие открывается годом высоких цен, продолжалась та высокая кон'юнктура, какая установилась в 1849 г. С 1851 г. цены на сахар резко падают. Период низких цен сменяется пятилетием высоких цен. Резкое и стремительное падение цен произошло с 1858 г. К концу пятидесятых годов наметилась ясная тенденция к улучшению кон'юнктуры сахарного рынка, цены заметно окрепли.

В истории движения цен на сахар можно установить три периода благоприятной кон'юнктуры: один наиболее длинный—эпоха наполеоновских войн, когда цены на сахар стояли на необычайно высоком уровне; эту благоприятную кон'юнктуру свекло-сахарная промышленность использовала в крайне небольшой степени, так как свеклосахарные заводы в России насчитывались еще тогда единицами.

Второй под'ем очень краткий—это конец сороковых годов и, наконец, третья повышательная волна приходится на средину пятидесятых годов—Крымская Кампания. В общем выводе можно сказать, что на протяжении полвека цены на сахар снижались. Элиминируя кон'юнктурные колебания, можем установить в движении сахарных цен падающую вековую тенденцию. Таким образом, даже высокие цены средины пятидесятых годов стояли ниже нормальных цен тридцатых годов.

Это снижение цен шло параллельно с усилением таможенного покровительства свекло-сахарной промышленности, т. е. с значительным под'емом пошлин на колониальный песок. В период 1824—1831 г.г. была пошлина 2 руб. 50 коп. с пуда песка, в 1832—1841 г.г.—3 руб. 15 коп. и в 1842—1856 г.—3 руб. 80 коп. и только с 1857 г. было допущено снижение пошлины до 3 руб. Таким образом, значительное распространение в России и на Украине свеклосахарной промышленности обусловило медленное, хотя сравнительно и небольшое, снижение цен на сахарный песок.

Чем об'ясняются указанные повышательные волны? Под'емы цен на сахар вызывались пертурбационными факторами. Эпоха наполеоновских войн, обусловившая первую наиболее длительную повышательную волну, сопровождалась значительным вздорожанием жизни во всех отраслях.

Высокая кон'юнктура в 1848 г. была вызвана также пертурбационным фактором: Шлезвиг-Голштинское движение немецкого населения в 1848 г. против Дании, вмешательство Пруссии заставило Данию блокировать порты Пруссии, для чего были закрыты входы в пролив Балтийского моря. Вследствие этого сообщение Северного моря с Балтийским прекратилось и значит приостановился привоз колониального песка в

Цены заводские для 1851 по 1862 г. показаны для Млеевского завода.

Годы.	С акцизом.	Без акциза.
1851	5.03	4.83
1852	5	4.80
1853	5.5 0	5.30
1854	5.51	5.31
1955	7.13	6.93
1856	6.16	5.96
1857	6.29	6.09
1858	5.42	5.22
1859	6.31	6.11
1860	5.20	5.00
1861	5	4.80

Сопоставляя эти данные с теми, какие приведены в тексте, мы находим совпадение и в движении сахарных цен и в их уровне. См. Толпыгин—Сахарная промышленность от ее основания до настоящего времени. К. 1894 г., стр. 15 и д.

Ленинград [1]). Это вызвало сильный спрос на свекловичный сахар и цены на него поднялись. Значительный спрос на свекловичный сахар пред'явили в то время северные рафинеры.

В 1851 г. цены на сахар упали под влиянием отмены таможенной черты, отделявшей Царство Польское от Империи, откуда стал поступать на местные рынки, как Польский так и иностранный песок, об этом была речь при обзоре сахарных рынков. Кроме того, на падение цен оказал большое влияние необычайно обильный урожай свекловицы в 1851 г. [2]).

Под'ем цен в средине пятидесятых годов был вызван Крымской войной. Министр Государственных имуществ в своем отчете за 1854 г. писал [3]): «Свеклосахарная промышленность у нас постоянно развивается: потому, что в минувшем году, несмотря на прекращение по военным обстоятельствам подвоза тростникового песка морем, цены на сахар весьма мало поднялись против мирного времени и именно от 1 руб. до 1 руб. 30 коп. на пуд. Столь незначительное возвышение цен на сахар не столько зависило от разрешения привоза тростникового песка с уменьшенною пошлиною через сухопутные таможни, сколько от того, что в последнее время начали перерабатывать отечественный свеклосахарный песок даже Петербургские рафинадные заводы, выписывавшие прежде исключительно тростниковый песок».

Из-за военных обстоятельств министр финансов вынужден был войти в феврале 1854 г. в Государственный Совет с таким представлением: а) установленную общим тарифом в 1850 г. привозную пошлину на все сорты сахара сырца (3 руб. 80 коп. во всех портах, 3 руб. 20 коп. с темного и разного в СПБ и 3 руб. в Ц. П.) без различия понизить по привозу морем до—2 руб. 50 коп., а по сухопутному привозу в Ц. П. до 2 руб. сер.; в) рафинированный сахар оставить впредь до времени привозу запрещенным» [4]).

В марте того же года министр финансов вошел с новым представлением, в «коем повторяя предположения свои о назначении на сырец означенной уменьшенной пошлины полагал разрешить безотлагательно привоз оного через шесть сухопутных таможень Империи и дозволить ввоз рафинадного сахара в головах, с пошлиною по 4 руб. с пуда».

Мнением Государственного Совета, утвержденным в апреле 1854 г., одобрены все предположения относительно сухопутной доставки сахара сырца, что касается пошлины по привозу морем, то пересмотр ее отложен до более благоприятного времени. Привоз сахара резко упал в 1854 г.:

---

[1]) Клебановский—выше цит., стр. 354. Интересно, что это случайное обстоятельство сыграло большую роль для известной на Украине сахарной фирмы бр. Яхненко и Симиренко. Фирма переживала в этом году кризис в виду недостатка средств. Закрытие проливов повысило цены на сахар. Имевшийся на складах фирмы сахар в сотнях тыс. пудов был продан по высоким ценам и барыши получились громадные. «Это обстоятельство, замечает Клебановский, подняло дела фирмы высоко; кредит возрастал, обороты увеличивались, прогрессивно чему увеличивались затраты на постройки».

[2]) Журнал Сел. Хоз. 1852 г., кн. I. Отчет Комитета Сахароваров, стр. 99. Составитель отчета указывает еще на большой привоз сахара из-заграницы, как на одну из причин падения цен на сахар. С этим нельзя согласиться. В 1849 г. отпущено колониального сахара 2,26 мил. пудов, в 1850 г.—2,1 мил. пуд. и в 1851 г.—1,99 мил. пуд. Значит в 1851 г. привоз колониального сахара заметно упал по сравнению с 1849 г.

[3]) Извлечение из отчета Министра Госуд. Имуществ за 1854 год. С.-Петербург. 1855 год, стр. 29.

[4]) Лен. Цен. Ист. Арх. Фонд Госуд. Совета. Департамент Экономии. №147. Дело о понижении пошлины на сахар-сырец и о разрешении к привозу рафинированного сахара.

Годы	Сахар-сырец	Рафинад
1854 г.	208.414 п.	40.362 п.
1855 г.	1.152.931 п.	113.800 п.

В 1854 г. сахара было привезено почти в десять раз менее, чем в предшествующие годы. Принятая мера в 1854 г. вызвала значительное увеличение привоза сахара в 1855 г. Привоз только немногим превышал половину обычного импортируемого в Россию колониального сахара, все же эта мера дала положительные результаты и цены на свекловичный сахар снизились в 1855 г. сравнительно с 1854 г. на 50 коп. на пуде.

Полагаем, что сравнительно не высокий под'ем цен на сахар в период Крымской кампании был обусловлен указанной мерой, проведенной необычайно в спешном порядке. Заключение мира и восстановление обычного привоза сахара вызвало снижение цен на сахар-песок.

В конце пятидесятых годов намечается тенденция к повышению сахарных цен. В этом нужно видеть влияние кон'юнктуры, сложившейся после Крымской войны. Лихорадочное промышленное возбуждение и грюндерство охватило тогда наше народное хозяйство. Этот промышленный под'ем был обусловлен в известной мере экстраординарными выпусками бумажных денег. Повышательная фаза кон'юнктурного цикла падает на годы 1856—59. Перелом кон'юнктуры происходит в 1859—60 г. [1]).

Начало шестидесятых годов характеризуется депрессивным состоянием народного хозяйства. Эта депрессия усугубилась всеобщей государственной перестройкой, в особенности крестьянской реформой. С нашим внутренним кризисом совпал по времени северо-американский хлопчато-бумажный кризис. Депрессия была еще углублена дефляцией, вызванной из'ятием некоторой части билетов из обращения (в 1863 г.) и в довершение всего польским восстанием. Указания на кризис начала шестидесятых годов встречаем у тех и других современников [2]). О кризисе этого периода будет речь во втором томе.

С прекращением размена кредитных билетов (Крымская война) цены на товары стали сильно подыматься. По словам Безобразова, «все цены на русские товары страшно вздорожали сравнительно с эпохою нормального нашего денежного обращения до Восточной войны, некоторые товары даже удвоились в цене, между тем как вексельные курсы упали только на 10%, а внутренний лаж на звонкую монету был maximum 13—14%» [3]). До 1854 г. лажа на металл не было, т. к. кредитные билеты разменивались на звонкую монету. Бумажно-денежная инфляция, в связи с Крымской войной, вызывалась чрезмерными выпусками кредитных билетов [4]).

Годы	Количество кредитных билетов в обращении в (мил. руб.)	Средняя цена 1 руб. золот. в кредит.
1854	356	106
1855	511	107
1856	689	101
1857	735	104
1858	644	107
1859	638	109
1860	713	107

[1]) В. Безобразов—Народное хозяйство России. Спб. 1882 г. Приложения, стр. 151.
[2]) См. Pamiętniki Zygmunta Kotiużyńskiego. Kraków, 1911. St. 66.
[3]) Безобразов выше цит. Приложения. Стр. 203.
[4]) Туган-Барановский—Бумажные деньги и металл. Птр. 1917, стр. 112.

За четыре года (1854—57) бумажно-денежное обращение возрасло в два раза. Этот прилив в народное хозяйство денег вызвал значительный рост цен на внутреннем рынке. Под'ем цен на сахар отражал влияние бумажно-денежной инфляции.

В изучаемую эпоху при продаже сахара за наличные цены были ниже на пуде на 50—100 копеек.

В обзоре [1]) приведены такие цены в зависимости от условий расчета на Киевских заводах:

	Наличн.	В кредит
1852	4 р. — к.	5 р.
1853	4 р. — к.	5 р.
1854	4 р. 50 к.	5 р.

В Москве в 1855 г. за наличные 5 р.—5 р. 60 к., в кредит 6 р. 25 коп. И здесь скидка с цены за наличный расчет равнялась 1 руб. По принятому в Киевской губ. обычаю, песок продавался с доставкою на рафинадные заводы на расстоянии иногда до 200 верст.

На Киевском рынке цены были наиболее низкие, в Москве стояли более высокие цены; так, например, в 1853/54 г. пески до ярмарки покупались от 5 до 6 руб. 27 коп. в Киеве, в Москве за наличные до января от 6 до 6 руб. 50 коп. и затем от 7 р. до 7 р. 25 коп. в 1854/55 г., в Киеве во время ярмарки от 5 р. 10 к. до 5 р. 60 коп. на наличные и до 6 р. 25 к. в кредит. В Москве от 6 руб. 50 коп. до 7 руб. 50 коп. [2]).

Составитель обзора свеклосахарной промышленности, обратив внимание на географическую разницу цен на сахар в начале пятидесятых годов, об'ясняет ее так: [3]): при одинаковой цене в Москве, цена на песок в разных губерниях определяется, вообще удобством доставки его до Москвы; ближайшие губернии пользуются ценами высокими, отдаленные же должны довольствоваться ценами низкими.

Цена рафинада обычно превышала цену сырца на 1 руб. 50 коп. иногда и более [4]). Цены на рафинад держались между 7 руб. 25 коп. до 10 руб.

---

[1]) Обзор различных отраслей промышленности. Стр. 25.

[2]) Стоимость провоза пуда сахара из южной части Киевской губ. до Москвы исчислялась в конце изучаемого периода в 1 руб. Стоимость провоза пуда сахара из Киевской губ. в Харьков проф. Рославский определял на воловых подводах в 20 коп. сер., а на конных 40 коп. сер. с пуда. Рославский—Мысли об устройстве железной дороги из Харькова до Черного моря. Х. 1852 г., стр. 51.

[3]) См. Обзор различных отраслей промышленности... Стр. 26.

[4]) Составитель обзора свекло-сахарной промышленности сообщает на этот счет такие данные:

Столичные рафинеры довольствовались вообще 1 р. 50 к.—2 р. разницы в цене между песком и рафинадом, как видно из следующих данных:

Цена рафинада за пуд		Средн. разн. в цене песка и рафинада в руб.
в 1850 г.	9 р. 15 к. 11 р. — к.	1,88
в 1851 г.	9 р. — к. 10 р. 50 к.	2,10
в 1852 г.	9 р. — к. 10 р. 30 к.	2,40
в 1853 г.	8 р. 68 к.	1,43
в 1854 г.	10 р. 4 к.	1,77
в 1855 г.	10 р. 55 к.	1,55
в 1857 г.	11 р. 5 к.	1,55
в 1859 г.	9 р. 95 к.	2,20
в 1860 г.	8 р. 70 к. 10 р. 15 к.	1,60

«Во внутренних губерниях разница эта вообще более; имея, напр.: песок по 5 р. и 5 р. 50 к., продавать рафинад по 7 и 7 р. 50 к. считают очень невыгодным, тогда как расходы на переварку составляли едва ли 1 руб. на пуд. Поэтому естественно бы было ожидать на внутренний рафинад более низких цен, напр., рафинад киевский должен бы был продаваться в Москве, при цене песка 5 р. не

на заводах. Разница в цене рафинада из колониального и из свекловичного песка не превышала 50 коп. на пуд.

Министерство финансов в конце изучаемого периода стояло на той точке зрения, что поддержание высоких цен на сахар суживает его потребление. Ему удалось добиться некоторого небольшого понижения пошлины на сахар в 1856 г. Сторонники понижения цен на сахар находились и в Государственном Совете. Высказывался взгляд, что удешевление сахара повысит его потребление, а равно и потребление кофе и чая, до сих пор тормозившееся дороговизной сахара.

В справке, представленной в Государственный Совет в 1856 г., мы находим такое сравнительное сопоставление цен на рафинад: пуд рафинада в главнейших городах (1856 г.), со включением пошлины стоил:

Париж	6 руб. 38 коп.
Лондон	5 руб. 70 коп.
Гамбург	4 руб. 50 коп.

В Петербурге рафинад продавался из лавок по 32 коп. за фунт или по 12 руб. 80 коп. за пуд [1]). Таким образом, цена рафинада в СПБ. в два раза превышала цены рафинада в крупных Западно-Европейских центрах.

Средние цены на сахар-сырец гаванский по СПБ. прейскурантам стояли в 1854 г. 8 руб. 27 коп. за пуд, в 1855 г.—8 руб. 59½ коп., в Лондоне без пошлины сахар-сырец гаванский стоил за те же годы от 3 руб. 29 коп. до 3 руб. 32 коп., в Гамбурге от 3 руб. до 4 руб. 49 коп. Правда, в эти годы цены сахара были повышенные, но если взять и более нормальное время, то все же наши цены и на песок превышали цены крупных торговых центров Западной Европы в два раза [2]).

В записке о таможенных пошлинах на иностранный сахар, представленной в Комиссию, учрежденную для пересмотра системы податей и сборов, приводятся также данные: средние цены на Петербургской бирже в 1848—1860 г.г. песка держались между 7½—9 руб., а рафинада между 9 руб. и 11 руб., постоянно склоняясь к более высшему, нежели к низшему пределу. На биржах Лондонской, Гамбургской и Амстердамской средние цены песка не превышали 2 руб. 90 коп. и 3 руб., рафинада 3 руб. 75 коп.

дороже 7 р. 50 к., а при цене песка в 5 р. 50 к.—не дороже 8 р., между тем, московские рафинеры продают свой сахар по 9 р. и 9 р. 50 коп. Из этого правильно следует заключить, что провинциальные рафинеры не вполне еще умеют пользоваться выгодами своего положения; главнейшими к тому препятствиями служат дороговизна капитала и неправильность сбыта; рафинад их сбывается преимущественно на ярмарках». См. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности. Т. I, стр. 139. Столь значительную накидку на цену рафинада на Московском рынке нужно отнести за счет торгового капитала. Очевидно, прибыль московских торговцев свекловичным сахаром стояла на очень высоком уровне, поскольку они калькулировали свои цены, исходя из цен колониального рафинада.

[1]) Лен. Ц. И. Арх. Ф. Госуд. Совета Департ. Экон. 1856 г. № 147. Дело о понижении пошлины на сахар-сырец и о разрешении привоза рафинированного сахара.

[2]) В обзоре находим такое сопоставление цен на Гаванский песок в Петербурге, в Лондоне и Гамбурге за пуд:

	Лондон	Гамбург	Петербург	
1850	3 р. 26 к.	3 р. 03 к.	8 р. 21 к.	пошлина 3 р. 40 к. на белый песок
1851	3 р. 26 к.	2 р. 83 к.	7 ½ р. 35 к.	
1852	2 р. 90 к.	2 р. 90 к.	7 р. 25 к.	
1853	2 р. 90 к.	3 р. 78 к.	7 р. 25 к.	

См. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности. Т. I, стр. 25. Таким образом, и в начале пятидесятых годов петербургские цены на гаванский песок превышали западно-европейские цены в два раза слишком.

и 4 руб., изредка подымаясь первые до $3^1/_4$ руб. и $3^1/_2$ руб., вторые до $4^1/_2$ и 5 руб. [1]). Таким образом, и по этим данным наши цены превышали западно-европейские цены в два раза слишком.

Несомненно, столь высокий уровень цен на сахар ограничивал рынок сбыта тем более, что уровень благосостояния нашего населения был несравненно ниже уровня благосостояния западно-европейских стран. Министерство финансов к концу рассматриваемого периода сознавало необходимость снижения цен, для чего оно и выдвигало мысль о снижении пошлины на сахар. Эта мысль наталкивалась на сильное противодействие крупного дворянства, заинтересованного в высокой доходности свеклосахарной промышленности. Борьба вокруг снижения пошлин на сахар будет рассмотрена нами в следующей главе.

Цены на свекловичный сахар строились у нас в зависимости от цен колониального сахара. На ценообразование сахарного рынка решающее влияние оказывал размер пошлин на колониальный сахар. Цена на свекловичный сахар приближалась к высшему пределу, каким являлась цена в порту колониального сырца плюс пошлина, расчитанная с учетом стоимости перевозки сахара до соответствующего рынка сбыта.

Чтобы выяснить отношение рыночной цены свекловичного сахара к его издержкам производства, необходимо рассмотреть себестоимость свекловичного сахара. Вопрос о себестоимости сахара всесторонне рассматривался в последние годы изучаемой эпохи в связи с теми и другими мерами финансовой политики, с введением акциза, повышением или понижением пошлин. Поэтому в пятидесятых годах мы имеем ряд калькуляций министерства финансов и сахарозаводчиков.

От начального периода зарождения сахара до нас дошло несколько случайных калькуляций отдельных сахарозаводчиков, которые мы здесь и рассмотрим. Первые сахаровары не интересовались вычислением себестоимости единицы продукта. Их интересовала доходность свеклосахарных заводов, поэтому они занимались подсчетом расходов по заводу и вычислением его доходности. Случалось, что они не принимали во внимание при учете расходов стоимости сырья, т. е. свеклы. Первой попыткой учесть доходность свеклосахарного завода является учет Рейсса по Алябьевскому заводу (см. выше). Он перечислял все расходы по производству, начиная от оплаты мастеров, и кончая сальными свечами и не обмолвился ни одним словом о стоимости свеклы, составляющей основную и главную статью себестоимости сахара. Считалось, что свекла поставлялась именем, и что она как бы ничего не стоила заводу; завод не платил за эту свеклу наличными, как ему приходилось оплачивать другие расходы. Всего израсходовано было в 1807 г.—2.668 руб. 20 коп., выделано сахара-рафинада 307 пудов. Таким образом, себестоимость пуда рафинада обошлась Бланкеннагелю в 8,7 руб. за пуд или 5,8 руб. сер. Сюда не вошла оплата свеклы; к сожалению мы не имеем данных о количестве переработанной свеклы в 1807 г. В 1806 г. было переработано 5 тыс. четв., в 1805 г. $6^1/_2$ тыс. четв. Приймем условно, что и в 1807 .г Бланкеннагелем было переработано среднее количество в 6 тыс. четв. Мальцев полагал в конце 20 годов цену четверти свеклы в 1 руб., что по курсу серебрянного рубля составляло 27 коп. Если принять такую стоимость свеклы и для Бланкеннагеля, то ценность 6 тыс. четв. определится в 1.420 руб. Таким образом нужно прибавить еще на пуд рафинада 4,6 руб. сер., в конечном итоге себестоимость пуда рафинада определится для Бланкеннагеля в 10,4 р. сер. Себестоимость очень высокая сравнительно с теми издержками какие

[1]) Труды Комиссии. Спб. 1863 г., стр. 10.

были обычны для конца изучаемого периода. Столь высокая себестоимость Алябьевского рафинадного завода об'яснялась крайне низкой нормой выхода сахара. Чистая доходность завода Бланкеннагеля была очень высока—Рейсс определяет ее в 23½%, мы даже в 37%. Но это уже зависило от той необычайно высокой кон'юнктуры, какая совпала с началом деятельности Алябьевского завода, а с другой стороны, от большой рентабельности побочной деятельности сахароварения—изготовления сладких водок.

У второго сахаровара Мальцева, который напечатал отчет о ходе работ на своем заводе в 1829 г., покупка свекловицы уже составляет важную статью расхода. Он покупал свеклу у крестьян, платил за четверть по одному рублю[1]).

Им приводятся такие статьи расхода:

Амортизация строений завода в размере 10% от стоимости . . .	1.400 р.
Покупка свеклы, оплата труда и др. издержки	4.760 р.
Проценты на оборотный капитал	476 р.
Жалование сахаровару и смотрителю завода .	1.200 р.
Итого расходов	7.836 р.

Песка получено 820 пуд. и патоки 850 пуд. Вычитая из суммы расходом стоимость патоки 2.550 руб. (пуд. = 3 руб.), получим себестоимость пуда песка в 6,7 руб. или 1,8 руб. сер. Эта низкая себестоимость об'яснялась тем, что выход сахара у Мальцева был значительно выше, чем у Бланкеннагеля (16,7 ф. против 3 ф.) и потом удачная реализация патоки по 3 руб. за пуд, что значительно снижало расходы по изготовлению сахара.

Интересно, что расходы на сырье, составляющие в современной калькуляции сахара до 57% (1926 г.), у Мальцева не превышали 31%. На столь низкий удельный вес сырья оказывала влияние высокая норма, взятая для амортизации и высокий процент на оборотный капитал. Если внести соответствующие поправки—амортизационный процент исчислился в 5%, а процент на оборотный капитал в 6%, тогда удельный вес сырья повысится до 35%, но все же и этот процент низок. Первым сахароварам свекла обходилась дешево.

Доходность завода Мальцева также была необычайно высока: сахар им был продан по 16 руб. за пуд на 13.120 руб., патока по 3 руб. на 2.550 руб., вместе валовой доход достигал 15.670 руб.; за вычетом расходов чистой прибыли оставалось 7.834 руб. или 100% на затраченный в производстве капитал, и это при столь значительном проценте погашения основного капитала. Кстати сказать, Мальцев в своем примечании указывал, что следовало цену сахара повысить до 19 руб. за пуд на том основании, что «по прошлогодним его опытам пуд сахарного песка такого же достоинства по рафинировании оного на его фабрике дал 21 руб., а рафинировка стоит не более 2 руб. за пуд песка». Такая необычная рентабельность завода Мальцева об'яснялась очень высокими ценами на сахар, с другой стороны, сильным обесценением рубля. При падающей валюте издержки производства, в особенности в эпоху натурального хозяйства, в частности расходы на оплату свеклы и рабочих рук крепостных ни в коем случае не могли повышаться соответственно падению валюты.

[1]) Земледельческий журнал. 1829 г., кн. XXV. Отчет Мальцева о вновь устроенном заводе для выделывания из свекловицы сахарного песка (читан в годичном Собрании О-ва 30-го апреля). Стр. 77 и д.

Более детальную калькуляцию мы находим в «Наблюдениях (1830 г.) русских сахароваров Муравьева, Дружинина, Герарда, Горяинова и Безваля над разными производствами сахароварения» [1]).

Учет представлен для завода с периодом производства в 100 дней и суточной производительностью в 96 четвертей свекловицы.

	Р.	К.
Расход в сутки 96 четв. по 1 руб.	96	—
Известь, кровь, белая глина	10	—
Животный уголь	15	—
Дрова	25	—
На поправку котлов и снарядов	10	—
Освещение	1	—
Стоимость помещения завода 1000 р. на сутки .	10	—
На 100 дней производства % % с 16 тыс. р., затраченных на завод из 6% в день	9	60
Жалование мастеру рафинадчику	15	—
Содержание конторы	3	—
Оплата труда 32 [2]) женщин по 30 к. в день . . .	9	60
Оплата труда 26 [3]) мужчин по 40 к. в день . . .	10	40
Содержание 12 быков по 30 к.	3	60
Всего	218	20

Из 96 четвертей свекловицы получилось песка в формах 27 п. 28 фун Таким образом, себестоимость пуда сахара выразится в 7 р. 88 к. или 3,1 руб. сер. По этой калькуляции расход на сырье составлял уже 44%. Удельный вес сырья значительно поднялся в общей сумме затрат. В приведенной калькуляции можно установить относительную высоту расходов на оплату труда—18%, значит около 1/5 расходов падало на заработную плату и жалование. Если считать, что содержание конторы—это есть оплата труда коммерческого и счетоводного персонала, в таком случае расходы на оплату служащих в день достигнут 18 руб., т. е. только немного меньше, чем обходилась плата физического труда всех 50 рабочих—20 руб. Поражает высокая оплата мастера-рафинадчика, составлявшая 3/4 всей заработной платы носителей физического труда. Очевидно, такая высокая плата обуславливалась редкостью мастеров-сахароваров, в особенности в первое время, когда было так мало обученных этому мастерству. Характерен большой процент расходов на топливо—11,5%, об'ясняемый примитивной техникой огневого производства, требовавший большого количества дров.

Для половины тридцатых годов мы имеем два учета стоимости переработки одного берковца. Гирш, арендовавший Михайловский завод Бобринского в Тульской губ., поместил в Записках Комитета за 1835 г. отчет: переработано 31.929 четв. свеклы, выручено за 1833 г. 259.012 р. 60 к. На каждую четверть приходится выручки 8 р. 10 к. Лялин исчисляя доходность Михайловского завода, определил стоимость переработки каждой

[1]) Земледельческий Журнал 1830 г., кн. XXX, стр. 427.

[2]) Сюда входит 2 женщ. при терке, 4 для резки свеклы, 8 для подноски свеклы, 2 для обмывания мешков и прессов. Всего 16 жен. для дневной смены и 16 для ночной.

[3]) 6 мужчин к прессам, 6 к котлам, 1 в манеже у привода, всего 13 в дневной смене и 13 в ночной.

четверти самое большее 2 руб. [1]). Прибавляя сюда еще 2 руб. за берковец свеклы, уплачиваемых крестьянам, мы получим расходов на один берковец 4 руб. Нужно сказать, что плата в 2 руб. за берковец являлась для того времени очень высокой. «Завод покупает свекловицу, замечает Лялин, от крестьян экономии и платит по 2 руб. за четверть, цену неимоверно высокую, но назначенною самим графом, вероятно для того, чтобы доставить более выгоды крестьянам».

Выход сахара на Михайловском заводе достигал 18 ф. с одной четверти свеклы. В результате себестоимость пуда сахара равнялась 8,9 руб. или 2,46 руб. сер.

На основании своего опыта Лялин устанавливает для половины тридцатых годов стоимость переработки одного берковца в 1,71 к. [2]). Очевидно, в эти расчеты не вошла стоимость свеклы. Столь значительное расхождение между приведенными расчетами можно об'яснить разной оплатой труда крепостных и разной степенью использования барщинного труда. К тому же Лялин, определяя в 2 руб. стоимость переработки берковца, считал эту величину максимальной. Доходность свекло-сахарных заводов и в эти годы была огромной. Из отчетных данных того же Михайловского завода видно, что чистой прибыли на каждую четверть свеклы, переработанной на заводе, получалось 4 руб. 10 коп., т. е. «более 50% на капитал, посвященный годичному производству». Нужно иметь в виду, что Михайловский завод по тому времени являлся крупным по размерам и образцовым по производству. Что это не был исключительный доход, свидетельствует такой факт: Лялин, подвергнув тщательному анализу деятельность завода Путивльской Компании, который он близко и хорошо знал, определяет возможный чистый доход компании в 86.113 р. [3]). По его подсчетам, постройка такого завода на Украине при хозяйственном ведении дела «более не стоит, как 60 тыс. руб., оценивая все, и труд и материалы по существующим ценам». Так как Путивльский завод спешно строился, то он обошелся дороже, все же не более 90 тыс. руб. Значит его чистый доход составил бы почти 100% на вкладочный капитал. Фактически в первый год компания не могла получить более 40%, не имея того количества свеклы, какое мог бы переработать завод. Поистине, свекло-сахарная промышленность представляла золотое дно для беднеющего дворянства. Отсюда и понятно, почему с таким азартом дворяне взялись за устройство свекло-сахарных заводов конца тридцатых годов и начала сороковых годов.

С конца тридцатых годов мы имеем тщательно выполненную калькуляцию себестоимости в отчете Клепацкого за 1838 год (Недоступовский свекло-сахарный завод).

Расчет суммы, употребленной при добывании и переработке 2.100 берковцев свеклы:

---

[1]) Лялин—Свеклосахарное производство. Библиотека для чтения, т. XIV, 1836, стр. 67.

[2]) Лялин—Свекло-сахарная промышленность и новые методы производства. Библиотека для чтения. Т. X, 1835 г., стр. 24. Шишков сообщает, что на его заводе переработка одного берковца свеклы обходится в среднем для периода 1842—1849 г. в 1 р. 32 к. сер. Сведения выше цит. 1849 г., стр. 44.

[3]) Лялин.—Нынешнее состояние свекло-сахарного производства. Путивльская свекло-сахарная компания. Выгоды, какие свекло-сахарная промышленность может доставить малороссийскому краю. Библиотека для Чтения, т. 29, 1838 г., ч. IV, стр. 36—37. «Многие из русских заводов, замечает Лялин, страждут тем, что выстроив завод для работы 17 недель, после, за неимением свеклы, работают только половину этого времени». Есимонтовский, определив выручку в 1837 г. своего завода в 15.388 р., добавляет: «сумма эта оплачивает главный материал, покрывает все заводские издержки и представляет значительную выгоду производителю». Записка VI Комитета Сахароваров, стр. 41.

	руб.	коп.
13 пуд. 20 ф. семян свекловицы	549	—
20 дес. земли для посева свекловицы по 8 р.	160	—
Вспахать 20 дес., получали по 6 р. с десятины осенью	120	—
Перепахать и выскородить сии 20 дес. по 3 р. с дес.	60	—
Для посадки 20 дес. свекловицы употреблено 340 баб	84	92
Для полки употреблено 2.274 бабы . . .	669	18
30 мужчин с лошадью	36	—
Выкопать 1.254 берк.	293	90
Перевезти на завод свекловицу	120	—
Куплено свекловицы 1.100 берк. по 2 р. . .	2.200	—
Наемному сахаровару заплачено до начатия сахароварения	420	75
Для обжигу костей и оживления угля употреблено 4 чел. и одна лошадь в течение 5 месяцев	225	—
Соломы 277 возов по 60 коп. с доставкой . .	24	—
Костей 2.645 п. по 10 к.	264	50
Куплен лес, в коем вырублено дров среднего качества 141 саж., хворосту 113 саж. .	832	40
Заплачено срубить и перевезти дрова за 15 верст по 4 р., а за хворост по 2 р. 50 коп.	847	85
12 бочек для помещения патоки 80 р., 12 бочек для сахару 32 р. 20 коп., бумаги обложить бочки 14 р. 30 коп.	126	50
Рабочих людей с 6 сент. по 3 ноябр. 20 чел. по 8 р. 50 к. в месяц, считая за два месяца 340 р. и 12 баб по 6 р. 144 р. . . .	484	—
Харчи всем рабочим в два месяца и харчи ученикам	84	—
Своему сахаровару дано	50	—
Освещение завода	112	—
Лошади на машине в 2 мес. 6 лошад. . . .	60	—
Смазка машины	10	—
На капитал, употребленный для постройки завода 20.048 % %	2000	48
Итого расходов	10.000 р.	68 к.[1]).

В среднем на берковец падало расходов 4 р. 76 к. или 1 р. 34 к. сер., что вполне совпадает с той величиной, какую вывел для сороковых годов Шишков. Расходы на свеклу в этой калькуляции уже составляли 42,9%. Такое заметное повышение удельного веса расходов на сырье об'ясняется и тем, что в калькуляции Клепацкого очень тщательно посчитаны все расходы на свеклу, включая покупку семян и проч. Расходы на оплату труда рабочих и служащих составляли 12,6%, на отопление 17%. Характерно, что топливо стоило дороже оплаты рабочих. Труд оплачивался крайне низко. Это обстоятельство проливает свет на размещение свеклосахарных заводов того времени. При выборе места для постройки завода

[1]) Записки VI Комитета Сахароваров 1839 г. К 1-му протоколу, ведомость № 2, стр. 37.

важное значение имела близость древесного топлива. Это в известной мере и об'ясняет географическое тяготение свекло-сахарных заводов к лесным районам (напр. распределение заводов в Черниговщине, обоснование на Киевщине в Черкасском у. и т. д.).

Расход на тару, представляющий крайне важную статью в современной калькуляции себестоимости сахара (мешки), в изучаемую эпоху выражался в ничтожной величине 1,2%. Среди остальных расходов, очень крупную статью составляли амортизационные отчисления в размере 10% на основной капитал. Расходы на вспомогательные материалы были незначительны.

Интересно определить, во что обходился Клепацкому берковец свеклы? За покупную ему приходилось платить по 2 р. или 57 коп. сер. за берковец, заводская свекла обходилась 1.67 р. или 47 к. сер. Лялин для половины тридцатых годов определяет себестоимость берковца в 56 к.[1]). Шишков приводит такой расчет для сороковых годов в Рязанской и Тульской губ.[2]).

Одна десятина казенной меры . . .	20	руб.	— к.
Осенняя вспашка тремя парными плугами	7	„	50 „
Весною выскородить	2	„	50 „
Весною вспахать	5	„	— „
Укатать катком	1	„	25 „
Назначить ряды бороздками . . .	1	„	25 „
Посадить семена и утоптать	1	„	50 „
Семян 30 ф.	12	„	— „
Прополоть два раза и раздергать . .	12	„	50 „
Подбить мотыкой 4 раза летом—в лето	12	„	— „
Убрать, очистить и доставить на завод до 100 четвертей не далее 1 или 2 верст	25	„	— „
Ремонт орудий	2	„	50 „
Всего	104	руб. ассигнациями[3]).	
или до	30	руб. серебром.	

При урожае в 60—70 берковцев с десятины это составляет 50—43 к. сер. на берковец свеклы. У Журавского приведен ряд расчетов стоимости свеклы для сороковых годов. Цены одного берковца свеклы в среднем за семь лет обходились плантатору 56 коп. сер. Цена продажная в Черкасском уезде составляла 50—57 коп. за берковец[4]).

Стоимость берковца свеклы колебалась в зависимости от урожая. В изучаемую эпоху мы встречаем ряд указаний о невероятно высоких урожаях. Эти сообщения подверглись резкой критике Лялина[5]). «Думать, пишет он, что свекловица может родить на черноземе без удобрения, что удобренная десятина в круглом счете дает 300 четвертей—это заблуждение... передо мною лежат собственные мои записки многих лет: и я вижу, что десятина (2400 кв. саж.) на плантациях, состоящих из чернозема неудобренной земли, дает около 70 берковцев корней, но кор-

[1]) Лялин выше цит. Библиотека для Чтения. 1835 г., стр. 22.
[2]) Сведения выше цит. 1849 г., стр. 22.
[3]) Лялин выше цит. Библиотека для чтения. 1835 г., стр. 22.
[4]) Фундуклей... Ч. II, 1852 г., стр. 143.
[5]) Лялин выше цит. Библиотека для чтения. 1835 г., стр. 21.

ней весьма мелких и то в год весьма благоприятный; десятина плантаций хорошо удобренной доставляет средним числом 150 берк. очищенных корней». В примечании он указывает, что «во Франции сбор с казенной десятины достигает 82 берковцев минимум, самое большое 164 берковца, огородники под Парижем получают около 250 берковцев, но что все это значит сравнительно с тем, что получает у нас Давыдов—665 берковцев. Если б это не было напечатано, то можно было бы не верить этому» остроумно прибавляет Лялин. Обстоятельные данные об урожае свеклы в изучаемую эпоху находим в не раз цитированной нами анкете [1]).

«В Киевской губ. при заводах бр. Яхненко и Симиренко, где удобрение под свекловицу и не кладется, лучшим урожаем считается 100 берковцев с десятины. В имении Потоцкого, где также свекловица сеется без удобрения средним урожаем считается 65 берковцев. В имении Бобринских на удобренных полях при семипольном хозяйстве средним урожаем считается 85 берковцев с десятины, а в лучшем 120 берковцев»...

«В Полтавской губ. казаки считают у себя на огородах, удабриваемых под табак, средним урожаем 100 берков., самым лучшим, случающимся весьма редко, 300 берковцев, худшим—60 берков.».

В Суражском уезде Черниговской губ. в имении Есимонтовского сбор свекловицы на конопляниках подымался иногда до 150 берковцев с десятины, тогда как в поле при плодопеременном хозяйстве с удобрением урожаи не превышали 70 берковцев. В Курской губ. средний урожай ее на огородах, удобряемых под коноплю, не превышал 62 берковцев с десятины.

Авторы анкеты утверждают, что не наблюдалось разницы в размере урожая крестьян и помещиков. Иногда урожаи у крестьян даже бывали и выше. Однако, по качеству свекловицы, возделываемая на помещичьих полях считалась лучше, чем собираемая на крестьянских огородах [2]).

У Журавского приведены данные об урожаях свеклы на Смелянских плантациях в период 1840—46 гг., они колебались от 60 до 99 берков. При неурожае в 1841 г. сбор свеклы понизился до 6 берковцев. Поуездные данные за 1846 г. о сборе урожая колебались между 49 берковцами и 84 берковцами.

Приведенных данных об урожае достаточно, для того, чтобы признать, что в среднем урожай с десятины не превышал в изучаемую эпоху 60—70 берк. Исключительные урожаи свыше 100 берк. собирали с конопляников, где в виду обильного удобрения урожаи были высоки, хотя свекла собираемая с огородных земель, не отличалась высокими качествами.

Интересно, что в эпоху составления анкеты более толковые хозяева признавали разведение свеклы выгодным только тогда, «когда заводы находятся не в дальнем от их плантаций расстоянии; при расстоянии более 15 верст выгоды делаются сомнительными» [3]). Таким образом, принятый в наше время 15-верстный радиус для свекловичных плантаций был практически выработан еще в сороковых годах.

К концу рассматриваемого периода в связи с введением акциза и в особенности с пересмотром устава об акцизе на сахар, в целях его повышения обострился интерес к себестоимости. Из этого периода мы имеем ряд калькуляций, выведенных с учетом всех издержек производства. Появление таких детальных калькуляций можно об'яснить и тем, что в это

---

[1]) Сведения. 1849 г., стр. 20 и 21.
[2]) Сведения. 1849 г., стр. 23.
[3]) Там же, стр. 29.

время преобладающее значение принадлежало коммерческим свеклосахарным заводам, где надлежащим образом был поставлен учет. Естественно, при наличии хорошо поставленной заводской бухгалтерии можно было составить точную калькуляцию себестоимости. Заслуживают внимания те калькуляции, какие были представлены в министерство известным заводчиком того времени Бобринским. В деле о пересмотре устава об акцизе на сахар имеется письмо гр. Бобринского [1]). Автор этого интересного письма полагал, что «свеклосахарные заводчики выручат едва ли более 4 р. 50 к., по сему возможность увеличить акциз или понизить пошлину зависит от того, могут ли они производить пуд сахарного песка дешевле 4 руб. 50 к., т. е. той цены, по которой продается гаванский песок в торговых городах без пошлины». Вот тема, которую глава наших сахарозаводчиков развивал в своем письме. В обоснование своего положения Бобринский указывает на то, что в значительной части России песок высшего качества продавался по 5 руб. В эту цену входила и оплата акциза (30 коп. с пуда); отсюда он делает вывод, что владельцы свеклосахарных заводов в Южной России не выручают за свой песок цены, превышающей стоимость гаванского песка без пошлины, т. е. 4 руб. 50 коп.». Теперь нужно было показать, издержки производства на пуд. Бобринский прилагает к письму ведомости № 1 и № 2, в которых дает исчисление себестоимости на Смелянском заводе за две кампании с полным урожаем и слабым.

Расход на Смелянском заводе в 1857/58 гг. при полном урожае в 84.650 берков. свекловицы:

Свекла под терку, за исключением мезги	0,93,4
Дрова	0,39,3
Оплата рабочих	0,28,0
Жалование служащим	0,07,7
Провизия и порция рабочим	0,07,4
Освещение завода и проч., смазка машин	0,03,7
Работа волами и лошадьми	0,02,9
Прессовые мешки, холст и фартуки	0,05,4
Уголь животный, новый и старый	0,11,6
Известь на производство	0,03,8
Награждение	0,00,3
Мелочные расходы	0,01,1
Общие расходы	0,03,0
Пропущены по ошибке заборы из главного магазина	0,12,9
Пробы	0,02,8
Ремонт строений и посуды	0,31,3
Всего расходов	2,54,6
Полагая 8% на оборотный капитал	20,3 коп.
Итого	2 р. 74,9 коп.

Цена за пуд сахарного песка не превышала 5 руб., значит один фунт стоит $12^1/_2$ коп. Выход сахара из одного берковца Бобринский считал в 28 фунт., что составит при цене в $12^1/_2$ к. за фунт 3 руб. 50 коп.

[1]) Лен. Цен. Ист. Архив. Фонд Департамента Неокладных Сборов. 1858 г. Дело № 97 о пересмотре устава... Часть IV.

К издержкам производства нужно прибавить еще оплату акциза, составлявших на лучше устроенных заводах с максимальным выходом при

9 дюйм. прессах на берковец $8^{8}/_{10}$ коп.
при 10 и 12 дюйм. прессах $11^{4}/_{10}$ коп.

т. е. в среднем 10 коп. Таким образом всех расходов на берков. у Бобринского выходило 2 руб. 84 коп. Остается чистой прибыли для заводчика 66 коп.

Исходя из этой калькуляции, Бобринский пытался определить доходность завода: постройка завода, перерабатывающего 80.000 берк. свекловицы, обходилась не менее чем в 300 тыс. руб. Для переработки на берковец 2 р. 84 к. нужен капитал в 227.000 руб. При переработке 80 тыс. берковцев, получалось чистой прибыли 52.800 руб. (66 к. × 80.000), что составляло около 10% на весь капитал (основной и оборотный).

Бобринский добавляет, что нередкие неурожаи свеклы не обеспечивают полной нагрузки завода; в течении последних пяти лет было два года, когда понесены были большие убытки. По случаю значительного повышения цен на рабочие и заводские потребности обработка одного берковца на многих паровых заводах обходилась до 3 руб. и даже более. Из приведенной калькуляции видно, что расход на свеклу составлял 37,6%. Оплата служащих, рабочих падала на 1 берк. в размере 43,4 коп. или 15,8%, что значительно превышает ту цифру какая приведена у Витта [1]).

На топливо расходовалось на 1 берк. 39,3 коп. или 14,3%, т. е. немного меньше, чем на оплату труда служащих и рабочих. Нельзя не признать этот расход высоким.

Бобринский два раза посчитал процент на капитал оборотный; проценты на оборотный капитал им включены в себестоимость обработки берковца из расчета в 8% годовых, затем второй раз, когда он определял доходность завода, он вычислял ее по отношению ко всему капиталу— основному и оборотному. Благодаря этому у него значительно снизилась доходность предприятия. Нельзя не признать слишком высоким амортизационное исчисление в 31,3 коп. на берк. или 11,3%. В более ранних калькуляциях этот расход определялся в 10%; и тогда там приходилось указывать на чрезмерность такого погашения капитала. Правда, Бобринский признает, что через каждые 10 лет нужно производить коренные поправки. Если даже согласиться с этой оговоркой, то все же коренные поправки не означают устройства нового завода. А ведь тех амортизационных отчислений, какие он вводит в калькуляцию, вполне достаточно для покрытия стоимости всего завода в течении 10 лет. Ясно, что калькуляция, предоставленная Бобринским, является преувеличенной, а доходность значительно преуменьшенной.

Тот же Бобринский приводит исчисление себестоимости на один берковец для 1851/52 г.г. в статье, напечатанной в Журнале Сельского Хозяйства за 1856 г. [2]). Здесь представлены действительные расходы трех паровых сахзаводов в кампанию 1851/52 г.г. в коп. на один берковец:

---

[1]) При обработке на заводе пятидесяти тысяч берковцев Витт установил расход на оплату труда рабочих и служащих в 26 коп. на берковец. Витт—Допол. к руков. к сахарному производству, стр. 544. О количестве рабочего времени, затрачиваемого в изучаемый период на производство сахара, мы имеем такое указание у Толыгина; по его словам, на каждый берковец затрачивалось 3 рабочих дня, что при выходе сахара в 18 фунт. дает на 1000 пуд. сахара 6.666 дней. М. Толыгин — Сахарная промышленность от основания ее до настоящего времени. К. 1894 г., стр. 19.

[2]) Бобринский—Статистические материалы для истории свекло-сахарной промышленности в России. Журн. Сельск. Хоз. 1856 г., кн. 1, стр. 76.

	Смелянский завод с перераб. 53.700 бер.	Яблуновский завод с перераб. 59.814 бер.	Балаклеевский завод с перераб. 26.410 бер.
	на один берковец.		
Свекла	0,742	0,836	0,857
Дрова	0,327	0,378	0,358
Служащим	0,139	0,088	0,131
Рабочим	0,382	0,432	0,403
Провизия	—	0,033	0,058
Водка	—	0,014	0,013
Освещ. и смазка машин	0,89	0,047	0,058
Кровь	—	0,003	0,034
Холст, фартуки, мешки	0,36	0,063	—
Уголь животный	0,89	0,126	0,102
Известь	0,042	0,048	0,113
Мелочн. расходы	0,014	0,018	0,014
Награждение	0,017	0,003	0,017
Пробелка сахара	0,016	—	0,009
Канаты и бичевки	0,004	0,001	0,006
Ремонты и починки	0,261	0,258	0,001
Стоимость переработки одного берковца	2.158	2.348	2.174

Исходя из этих калькуляций, гр. Бобринский утверждал, что на паровых заводах переработка берковца стоит около 2 р. 25 коп., а пуд сахарного песка при выходе в 20 ф. обходится заводчикам в 4 руб. 50 коп., не считая процентов, акциза и проч. Эти данные несколько ниже тех, какие приведены в письме Бобринского. Нужно добавить одно существенное различие; в начале пятидесятых годов выход сахара взят в 20 ф., а в конце пятидесятых годов—в 28 ф. Как в том, так и в другом случае Бобринский стремился доказать, что себестоимость свекловичного сахара не ниже 4 руб. 50 коп. за пуд. Для сравнительного сопоставления можно привести калькуляцию Бобринского для того же Смелянского завода в 1859—60 г. при переработке значительно меньшего количества берковцев—34.299 берк. т. е. в два с половиною раза ниже, чем в 1857/58 г.

Свекла под терку за исключением мезги	0,92,39
Дрова	0,57,84
Жалование служащим и рабочим	0,69,44
Содержание служащих и рабочих	0,14,78
Водка	0,02,27
Освещение	0,03,71
Смазка машин	0,01,87
Награждение служащих и рабочих	0,08,67
Мешки и фартуки	0,10,86
Уголь животный	0,22,81
Уголь древесный	0,01,55
Известь	0,02,99
Кожи	0,00,58
Работа волами и лошадьми	0,03,99
Пробы	0,00,18
Ремонт	0,74,40
Разные издержки	0,04,66
Всего расходов	3,72,99
Полагая 8% на оборотный капитал	29,83
Итого	4 р. 02 коп.

При той же цене сахарного песка и принятой норме выхода получается убыток на берковец—52 коп. [1]). В приведенной калькуляции расход на сырье остался прежним, за то значительно увеличены расходы на дрова и на оплату труда рабочих и служащих.

Калькуляция гр. Бобринского вызвала возражение со стороны министерства финансов. Специалист по сахарному делу Грум-Гржимайло, прежде всего, возражает против того, что сахаровары на юге не выручают за сахар цены, превышающей стоимость гаванского песка, т. е. 4 руб. 50 коп. По расчету, составленному на основании сведений собранных Скалоном, стоимость одного пуда сахарного песка со включением акциза обходится самому заводчику (при выходе сахара из берковца 20 ф.)— 3 руб. 30 коп. и 3 руб. 63 коп. в зависимости от урожая свекловицы. По сведениям об издержках, полученных от самих заводчиков, пуд обходится до 3 руб. 66 коп. (при выходе 18 фунт.—4 руб. 6 коп.).

Грум-Гржимайло не согласен с той ценой сахарного песка, какую Бобринский положил в основу своих исчислений (4 руб. 50 коп.); он полагает среднюю цену высшего сорта сахарного песка завода Бобринского в 5 руб. 50 коп., таким образом, чистая прибыль, за исключением издержек и акциза (при максимуме в 3 руб. 66 к.), составит на пуд 1 руб. 84 коп. По его подсчетам, заводчик не только выручает стоимость гаванского песка (4 р. 50 к.), но получает премию на каждом пуде по 1 руб. в ущерб таможенных доходов казны и во вред интересам потребителей» [2]).

Для того, чтобы разобраться в этом споре следует обратиться к другим источникам того же времени. Основную статью расходов составляет свекла, какую же цену за берковец свеклы дают другие источники? Грум-Гржимайло, об'ехавший сахароваренные районы в связи с пересмотром Устава об акцизе к началу шестидесятых годов, дает такие цены свеклы в 1859 г.: в Черниговской г. они колебались по уездам от 50 до 1 р. 20 к.; высокие цены на свеклу стояли в Новгородсеверском у., а в других уездах цены были средние 50, 60, 80 и 90 к. за берковец В Киевской губ. цены на такую свеклу колебались в пределах 45 к. до 1 р. 25 к. «Если принять во внимание, что стоимость свекловицы, обрабатываемой заводчиками на наемной земле, наемными рабочими и покупными семенами, обходится в 68 коп. за берк., а на собственной земле, при обработке барщиною (курсив наш) в 50 к., то средняя цена свекловицы, покупной и непокупной вместе будет круглым счетом 60 коп. за берковец. «Нужно еще иметь в виду, что некоторые авторы указывают цену для 12 пудов берковца, другие для 10 пудового. Иногда расхождение цен вызывалось этим.

Журавский приводит покупные цены на берковец в 56 коп.,—57 коп.; для заводчиков, имеющих свои плантации, свекла обходилась дешевле: «один берковец свекловицы при среднем урожае в 67½ к. берк. на десятине обходится производителю в 36 к.» [3]).

Осведомленный автор не раз цитированной статьи «Взгляд на свеклосахарную промышленность» пишет: цена свекловицы самая высокая 85 коп. за берк. весом в 12 и 14 п., а самая низкая 50 коп. сер. берковец при весе в 10 п. (стр. 96). Таким образом из всего сказанного можно притти к выводу, что цена берковца в 93 коп., показанная в калькуляции Бобринского, высока.

---

[1]) В неурожайный год цены на сахар обычно стоят более высокие; так в 1859/60 г. высшая цена сахарного песка достигла 6 руб. 50 коп., что дает цену 28 ф. сах. в 4 руб. 62 коп. Значит и здесь остается прибыли на берковец 60 коп.

[2]) Лен. Ц. Ист. Арх. ф. департамен. неокл. сборов. Дело № 97... 1861 г., ч. II. О командировании Грум-Гржимайло и технолога Андреева.

[3]) Фундуклей выше цит. Т. III, стр. 51.

В описании Смелянских заводов, изданного Бобринским, мы находим такие данные о стоимости свеклы (Смелянский завод) [1]).

Годы	Цена (12 п.) берк. В коп.	Годы	В коп.
1840—41	47	1851—52	74
1843—43	46	1852—53	71
1844—44	46	1853—54	70
1845—45	45	1854—55	73
1846—46	45	1856—57	70
1847—47	45	1857—58	99
1848—48	50	1858 - 59	98
1849—49	40	1859 - 60	100
1850—50	71	1860 - 61	99

Таким образом, цены на свеклу заметно поднялись с пятидесятых годов. Некоторое влияние здесь оказало и падение ценности кредитного рубля, начавшееся с конца сороковых годов. Нужно иметь в виду, что в Киевском районе, цены на свеклу стояли вообще более высокие.

У Журавского мы находим такое исчисление расходов на один берковец [2]):

В Ольшамовском	1 р. 78 к.
В Медведевском	1 р. 22 к.
В Балаклеевском	1 р. 67 к.

для Смелянских заводов в 1843/44—1 р. 58 к., в 1844/45 г.—1 р. 94 к., в 1845/46—1 р. 80 к. В среднем выводе Журавский принимает расход на берковец в 1 р. 70 к. сер. Против его расчетов можно выдвинуть такое возражение: они относятся к сороковым годам, между тем калькуляция Бобринского к концу пятидесятых годов.

Расчеты Журавского можно подкрепить расчетами, приведенными в статье «Взгляд на свекло-сахарную промышленность» для начала пятидесятых годов. Минимум издержек на обработку одного берковца таков [3]):

		в %%%
Свекловица	50 к.	33,4
Рабочие	30 к.	20,0
Дрова	20 к.	13,3
Акциз	18 к.	12,0
Кости	10 к.	10,0
Мелкие издержки	5 к.	
% и ремонт	17 к.	11,3
Итого .	1 р. 50 к.	100,0

Эту калькуляцию сам автор называет минимальной. Нужно согласиться, что цены на свеклу взяты низкие. Если их повысить до 60—70 к., то общий расход на переработку берковца подымется до 160—170 к., какая цифра встречается и у других исследователей.

В докладной записке, предоставленной мин. финансов в Госуд. Совет по вопросу о понижении пошлин на колон. сахар (1856 г.) [4]), приведены такие подсчеты стоимости переработки одного берковца без акциза:

---

[1]) Головня—Смела. Киев, 1913 г., стр. 124, табл.

[2]) Фундуклей выше цит. Т. III, стр. 43.

[3]) Взгляд на свекло-сахарную промышленность в России Жур. Мануф. и торговли. 1853 г., кн. 1, стр. 97.

[4]) Лен. Ц. И. Арх. ф. Госуд. Совета Д. Э. 1856 г. № 147. Дело о понижении на сахар-сырец.

По данным министра финансов . . . . . 1 р. 32 к.
„ Шишкова . . . . . 1 „ 95 „
„ гр. Бобринского . . . . . 2 „ 27 „

Среднее из этих чисел составит 1 р. 85 к., т. е. получаем величину близкую к той, какая принята у Журавского. Характерно, что и здесь самой высокой является калькуляция того же Бобринского.

Воейков [1]) извлек из описаний имений Васильковского у. следующий расчет издержек на заводскую переработку берковца свекловицы для начала 60-х годов:

	В коп.
Свекловица	100
Топливо	45
Служащие и рабочие	50
Ремонт завода	20
Салфетки, холст, кислоты, уголь, известь, освещ. мелоч. и неопред. расходы . . .	40
Итого	2 р. 25 к.

Эта цифра ближе подходит к расчету Бобринского, хотя она относится к более позднему периоду [2]).

Однако и Воейков считает выручку с берковца при цене сахара в 5 р. 50 коп. и при выходе в 26 ф. в 1 р. 2 к., что в два раза превышает ту выручку, какую показал Бобринский.

При стоимости переработки берковца в 185 к. и при выходе сахара в $4^1/_2\%$ (18 ф.) себестоимость пуда сахара выразится в 4 р. 11 к. Норма выхода в 18 ф. низкая, мы видим, что Бобринский устанавливал выход в 28 ф., Воейков в 26 ф., Грум-Гржимайло в своей записке принимает норму выхода в 5% или 20 ф. При таком выходе у него получается средняя стоимость пуда сахара с включением акциза в 374 коп. При средней цене сахарного песка в 5 р. 25 коп. чистая прибыль с пуда достигнет

[1]) Воейков и Загоскин. Киевская губ. Статистические сведения о распределении землевладения, о ценности имений и о крестьянском деле. Спб. 1867, стр. 87.

[2]) В описании Смелянских заводов Головни находим такие данные о стоимости переработки берковца и себестоимости пуда сахара (стр. 129):

	Себестоимость на берковец	Себестоимость на пуд песка
1842 — 43	1.89	3.60
1843 — 44	1.60	3.13
1844 — 45	2.32	4.34
1845 — 46	1.80	3.27
1846 — 47	2.10	3.48
1847 — 48	2.12	3.37
1848 — 49	2.32	3.90
1849 — 50	2.82	4.66
1851 — 52	2.10	3.14
1856 — 57	2.22	2.52
1857 — 58	2.47	2.97
1858 — 59	3.13	4.25
1859 — 60	3.83	4.47
1860 — 61	2.42	3.68

Резкие колебания в себестоимости берковца и пуда сахара стояли в связи с размерами урожая: так в два соседних года в 1859—60 поступило в переработку 34 тыс. берк., в 1860—61—92 тыс. берковцев, в 1849—50 поступило в переработку 22 тыс. берк., в 1851—52—54 тыс. Указанные годы дают резкие отклонения, то вниз, то вверх. Все же к концу рассматриваемого периода можно заметить тенденцию к повышению издержек производства; в особенности со второй половины пятидесятых годов в период высокой кон'юнктуры сахарного рынка. Вообще, в периоды повышательной волны издержки подымаются.

1 р. 51 к.[1]) Автор статьи «Взгляд на свекло-сахарную промышленность» выводит минимальную стоимость свекловичного сахара в 3 р. 30 коп. с акцизом[2]).

Необходимо иметь в виду, что себестоимость сахара подымалась в годы высоких цен на сахар, напр. к концу сороковых годов, с половины пятидесятых годов. Это явление вполне естественное. Особенно значительно повышение издержек производства произошло с половины пятидесятых годов.

Можно наметить ясную тенденцию к повышению издержек производства к концу изучаемой эпохи; об'яснения этого явления нужно искать в высокой кон'юнктуре сахарного рынка со второй половины пятидесятых годов. Теория кон'юнктуры установила закономерность повышения издержек производства в периоды высоких цен. Благоприятные условия сбыта делают предпринимателей более податливыми на повышение издержек. Они охотно платят более повышенные цены за нужные им средства производства и услуги, потому что сами расчитывают на сбыт по высоким ценам. Поэтому уровень издержек в фазы под'ема нельзя считать средним. Для вывода средней необходимо учесть и годы понижений кон'юнктуры.

Наши издержки производства сравнительно с западно-европейскими того же времени нельзя не признать высокими. Тенгоборский проделал очень тщательное сопоставление стоимости свекловичного и колониального сахара на западе; выводами его и воспользуемся. Себестоимость свекловичного сахара обходилась в начале пятидесятых годов[3]):

	На пуд. руб.	коп.
во Франции по исчислениям		
Розен'а	2	85
Crespel'я	3	2
Rau в северных департаментах .	3	18
в Богемии по Krause	2	70
В среднем . . .	2	94

Если сопоставим с этой величиной нашу минимальную себестоимость пуда сахара в 3 р. 30 к., то и в таком случае мы получаем разницу между себестоимостью у нас и на Западе в 36 коп. на пуде. Если же взять среднюю себестоимость в 3 р. 74 коп., то получим превышение издержек производства у нас на 80 коп. Более высокие издержки производства в России сравнительно с западно-европейскими нужно об'яснить низкими нормами выхода сахара.

Из описания Рейсса видно, что выход сахара у Бланкеннагеля доходил до 3%. Если же мы возьмем первые годы его деятельности, то увидим, что он добывал из четверти свеклы не более $3^1/_2$ ф., т. е. меньше одного процента. По отчету Мальцева за 1827 г. берковец корней у него давал песка 13,3 ф., в 1829 году—16,7 ф., т. е. между 3—4%. Лялин для начала тридцатых годов определяет выход в 11,8 ф. или в 3%.

Шишков сообщал, что в первый год его работы (1831 г.) он имел только по 8 ф. сахара сырца из четверти свекловицы, «что по тогдашнему несовершенству производства почиталось еще порядочною работою, ибо

---

[1]) Лен. Ц. И. Арх. ф. деп. неокладных сборов... Дело № 97, ч. II.
[2]) Журн. Мануф. и Торговли. 1853 г., кн. I, стр. 97.
[3]) См. Tengoborski. Études sur les forces produktives de la Russie. T. II, Paris 1852, p. 235.

более 10 ф. желтого песка не получали»[1]). Таким образом в тридцатых годах обычным выходом было—2% [2]).

С этим совпадает и то, что Журавский говорит о Киевской губ. В начале появления в Киевской губ. свеклосахарного производства все песочные заводы устраивались на голом огне и из берковца свекловицы получалось не более 8 ф. сахарного песка. С введением паровых машин, улучшением способа хранения свеклы и пр. удалось поднять выходы до 15 ф. (1846/47 г.), при максимуме 19—20 ф., однако же и в сороковых встречались заводы, дававшие 11 ф. выхода.

При таком выходе, сбор сахара с одной десятины для половины сороковых годов в Киевской губ. по Журавскому, в среднем не превышал 25 п. 12½ ф., в лучшем случае до 38 п. сахарного песка.

В уставе 1848 г. средний выход сахара для исчисления налога был установлен в 3% или 12 ф. с берковца. Лялин относился скептически к тем отчетам, в которых сообщались высокие нормы выхода: «тому, кто ознакомился со всеми тонкостями, какие ввели на наших заводах большей частью немцы-фабриканты, позволительно сомневаться в основательности отчетов. Одна из таких тонкостей весьма обыкновенна: фабрикант уменьшает количество переработанной свекловицы, чтобы увеличить количество получаемого сахара»[3]).

Интересные данные о норме выхода сахара находим в описании Смелянского имения[4]).

Годы	Выход сах. песка из берк. свеклы в ф.
1840—41	7,6
1842—43	21,1
1843—44	20,4
1844—45	21,4
1845—46	22,0
1846—47	24,2
1847—48	25,0
1848—49	23,8
1849—50	24,2
1851—52	26,9
1856—57	35,2
1857—58	33,2
1858—59	29,5
1859—60	34,2
1860—61	26,3

Таким образом, Смелянский образцовый завод в 1840/41 г. имел выход менее 2%. В момент введения акциза на сахар норма выхода на Смелянском заводе достигала 6%. В средине пятидесятых годов поднялась до 8% и почти до 9%.

В Комиссию по пересмотру податей и налогов был представлен отделом косвенных налогов в начале 60-х годов доклад[5]), в котором устана-

[1]) Журнал Сельского Хозяйства. 1846 г., кн. 1—2, стр. 8.

[2]) Дружинин, член Комитета Сахароваров, излагая свои наблюдения над сахароварением в 1830 г., сообщал: «выходы свекловицы нашего урожая дала очень бедные и полагают, что едва ли будет 8 ф. песка из четверти». Зем. Жур. 1830 г. XXX, стр. 402.

[3]) Лялин. Неутешительные новости в свекло-сахарном мире. Библиотека для Чтения т. 42. 1840 г., прим. к стр. 26—27.

[4]) Головня. Смела к 1913 г., таб. 124 стр.

[5]) Труды Комиссии, учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. О таможенных пошлинах на иностранный сахар и об акцизе сахар. песка туземного приготовления. Спб. 1863 г., стр. 18.

вливались такие нормы выхода: «средний выход сахпеска на заводах паровых, действующих посредством улучшенных аппаратов большею частью превышал 6% или 24 ф., а на некоторых доходил до 8% или 32 ф., даже на огневых заводах этот выход всегда бывал выше 3% и по большей частью не менее $4^1/_2$ или 18 фунт. с берковца». Это мнение отдела вполне подтверждают и данные Смелянского завода. Составители Enquête sur la production... (1859) также считали, что в прилично-организованном заводе берковец свеклы давал в среднем 30 фунт. сахара; некоторые заводы получали больше [1]). Нужно иметь в виду, что выход в 8% в конце исследуемого периода получался только на лучше устроенных заводах. Отдел косвенных налогов в своей записке в Комиссию по пересмотру налога писал: «за исключением немногих заводов улучшенного устройства в Киевской и смежных с ней губ. таких высоких выходов у нас вообще не достигают, но все же самые отсталые получают более определенных ныне 12 фунт. (3%) песка из берковца» [2]). В Германии к началу шестидесятых годов средний выход песка из свекловицы определялся в 8% или 32 фунт.

Мы видим заметный прогресс в технике сахароварения в изучаемую эпоху. Поднятие выходов с 2—3% до 8—9% свидетельствует о значительном успехе нашей свеклосахарной промышленности. Правда, существовало большое количество отсталых огневых заводов, они сошли со сцены после отмены крепостного состояния, подорвавшего базу их существования. На этих заводах нормы выхода мало увеличились.

Савицкий, член Комиссии по пересмотру системы податей и сборов, горячий защитник в Комиссии огневых заводов, в своей калькуляции расходов на обработку одного берковца свеклы при огневом производстве исходил из среднего выхода в 14 фунт. т. е., $3^1/_2$% [3]). Большое количество огневых заводов снижало среднюю норму нашей свеклосахарной промышленности. В итоге, благодаря более низкому выходу сахара сравнительно с западно-европейскими странами, мы имеем и более высокую себестоимость пуда сахара.

При исчислении издержек производства сахара приходилось касаться доходности сахарных заводов. Снижение цен, наблюдавшееся в сороковых годах, и с другой стороны, повышение издержек производства должно было уменьшить доходность свекло-сахарных заводов. К концу рассматриваемого периода, мы имеем ряд данных, характеризующих доходность сахзаводов. В годовых отчетах Скалона сообщались данные [4]) средней доходности свекло-сахарного завода.

	1856/57	1857/58
Средняя ценность завода	49.281 р.	52.210 р.
Поступило свекл. на завод в берк.	11.353	9.991
Всего расходов	20.394 р.	18.825 р.
Получено пробел. песка пудов . .	5.600	5.100
Получено пробел. песка на сумму	34.215 р.	31.010 р.
Получено чистой прибыли . . .	13.821 р.	12.185 р.
Чистой прибыли на каждый берк.	1 р. 22 к.	1 р. 22 к.
На вложенный в предприятие капитал (основн. и оборотный). .	20%	17%

[1]) Enquête sur la production et le prix de Céréales en Russie 1859 Одесса (манускрипт). Annexe A.
[2]) Труды Комиссии. Стр. 36.
[3]) Там же. Особое мнение Савицкого. Стр. 231.
[4]) Лен. Ц. И. Арх. ф. департамента неокладных сборов. Отчеты Главного Инспектора за 1857/58 г. и 1858/59. Этот же расчет приводит Грум-Гржимайло в статье в Трудах Вол. Экон. О-ства. 1860 г., кн. 1.

Как в 1856/57 г., так и в 1857/58 г. получено чистой прибыли на каждый берковец по 1 р. 22 к., но в виду увеличения затрат капитала в 1857/58 г. процент чистой доходности несколько понизился. Близкую к этой величине доходность показывает и Журавский 18$^1/_3$% [1]); исходя из такого расчета, сумма вкладочного капитала для всей Киевской губ. для 1846/47 г. определяется им в 1.635.535 руб., чистый доход в 418.455 руб.[2]). Начисляя еще 6% на сумму расходов, получаем 72.984 руб. За вычетом этой суммы остается 346.191 руб. или 18$^1/_3$% на капитал, в некоторых заводах этот процент поднимался до 28$^1/_3$%. В другом месте Журавский указывает, что паровой завод при суточной переработке 250 берковцев, а за всю кампанию 30.000 берковцев приносит доход в размере 27% на вложенный капитал.

Близкую величину к этой норме дохода дают и авторы Enquête[3]). Постройка завода от 12 прессах обходится до 500 тыс. руб., процент на капитал и амортизационные отчисления на этот капитал определяется в 75 тыс. руб. Производительность такого завода выразится 75 тыс. пуд. сахарного песка. При средней цене пуда песка в 5 руб., получим валовой доход 375 тыс. руб. За вычетом издержек по производству в размере 2 руб. 80 коп. на пуд и 75 тыс. руб. (процентов с амортизации), остается чистой прибыли 90 тыс. руб. или 18%. При удешевлении издержек производства при помощи контрактов и при хорошем управлении некоторые, правда немногие, сахарозаводчики получали чистой прибыли до 2 руб. на берковец.

К этому нужно еще добавить доходы от побочных статей. Остатки от свеклосахарного производства употреблялись для выделки водок, а выжимки представляли превосходный корм для скота. Эти побочные отрасли приносили не малый доход в хозяйстве помещика-сахаровара.

Сравнительно с начальной эпохой зарождения свекло-сахарной промышленности доходность понизилась. Такой вдумчивый и осторожный сахаровар, как Лялин писал в средине тридцатых годов: «из представленных отчетов видно, что выгоды, доставляемые заводчикам простираются от 140% до 307%. Надобно согласиться, что из всех заведений ни одно теперь не может доставить таких выгод, как свеклосахарная»[4]). Барон Котц в своем отчете, напечатанном в Зем. Журн. в 1833 г. сообщал, что он получил на заводской и оборотный капитал в 54%».

Известный знаток свеклосахарной промышленности Витт писал: «По их тогдашним понятиям одного года удачной фабрикации при хорошем урожае свекловицы достаточно было, чтобы возвратить им капиталы, употребленные на устройство сахарных заводов. И в самом деле, по их расчету дрова не стоили им ничего, потому что они имели еще леса (которым сбыта не было); свекловица не стоила почти ничего (ее обрабатывали своими средствами); работники—свои крестьяне; стоило только выстроить завод. Из этого нечто рождались тысячи пудов сахара, из какого нибудь берковца свекловицы легко было выжать 20 ф. песка, а они стоили 3 руб. сер.; следовательно, каждый берковец почти дает 3 руб. сер. выгоды. Так расчитывали они и не мудрено, если казалось им, что стоимость завода может оплатиться в один год даже при посредственном урожае свекловицы»[5]). В этих словах ясно указаны причины высокой доходно-

[1]) Фундуклей т. III, стр. 45.
[2]) Фундуклей т. III, стр. 45.
[3]) Enpuête sur la Production. Annexe A.
[4]) Лялин. Свеклосахарная промышленность и новые методы производства. Библиотека для чтения. Т. X. 1835 г., стр. 5—6.
[5]) Витт—Дополнение к руководству к сахарному производству. Спб. 1854 г., стр. 5.

сти начального периода—это самоснабжение завода и с другой стороны—высокие цены на сахар.

Использование рессурсов имения, не имевших рынка сбыта, для свеклосахарного производства задерживало проникновение в новую отрасль промышленности торгового капитала. «Всякому другому, писал Журнал Сел. Хоз. в сороковых годах [1]) она (свеклосахарная промышленность К. В.) менее доступна. Это доказывается и тем еще, что по сие время не пускаются на учреждение сих заводов купцы, коим всякое фабричное дело сподручнее. Очень понятно, что первый материал заводу необходимый, происходя от земледелия и находясь в руках землевладельцев, ставит фабриканта в тягостную зависимость и положение ненадежное, если он не сам владелец земли или не имеет чем обрабатывать ее». В этих словах мы находим ясное указание на то, что еще в сороковых годах торговый капитал не интересовался этой новой отраслью промышленности.

К концу рассматриваемого периода все издержки производства стали повышаться, в частности свекла, дрова, рабочие руки. Постройка завода требовала огромных капиталов. Лялин писал в половине тридцатых годов: «Огромный завод Горяинова в Воронежской губ. стоил 18.000 руб.) [2]), в конце пятидесятых годов составители Enquête определяли стоимость хорошего завода в 500 тыс. руб. Добыть такой капитал являлось делом не легким. «Поэтическая сторона заводов, остроумно заметил Витт, превращалась в горькую прозаическую нужду в деньгах, которых тем труднее было достать, чем дурнее шел завод» [3]). Основной причиной, подрывавшей рентабельность этой новой отрасли хозяйства для помещичьего класса, являлся недостаток капитала.

Не имея достаточных капиталов, помещики прибегали к кредиту, который им обходился крайне дорого (12% и даже 18%). «При столь обременительном кредите, читаем в одной официальной записке, не удивительно, что заводчики сие ведут свои операции без должного расчета, иногда выручая богатые барыши, иногда же с трудом сводя концы с концами, впадая в долги, прибегая безпрестанно к убыточным краткосрочным займам и к опасному средству выпуску безтоварных бумаг, известных в торговле сахаром под названием тратт» [4]). Недостаток капиталов и крайняя дороговизна кредита, тормозили технические усовершенствование свеклосахарной промышленности [5]).

Если рентабельность свеклосахарных заводов и понизилась к концу рассматриваемого периода, все же она представлялась высокой. За покрытием процентов на капитал и амортизационных отчислений заводчику оставалось 18—20% на вложенные средства. И это при плохом ведении дела. Наблюдатели тогдашней свекло-сахарной промышленности говорят о плачевной администрации, массе безполезных служащих, их неопытности, нерадении, о больших потерях на постройке и после на поправках заводов, устраиваемых людьми с недостаточными сведениями [6]). При натуральном крепостном хозяйстве не приходилось думать о рационализации производства. Если все таки заводы покрывали все эти потери и приносили еще в среднем 18—20%, то это свидетельствует о высокой рентабельности новой отрасли промышленности.

---

[1]) Журнал Сельского Хозяйства 1844 г., кн. IV, стр. 49.
[2]) Лялин—Библиотека для Чтения. 1835 г., стр. 29.
[3]) Витт выше цит., стр. 5.
[4]) Труды комиссии, учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. О таможенных пошлинах на иностранный сахар. Спб. 1863 г., стр. 15.
[5]) См. Взгляд на свеклосахарную промышленность в России. Журн. Ман. и Торговли. 1853 г., кн. 1, стр. 136—137.
[6]) Фундуклей... т. III, стр. 52. Ср. Enquête sur la production. Annexe A.

Выделялись высоким доходом рафинадные заводы. В одной официальной записке нами найден такой расчет выгод рафинера: при обработке собственного сахарного песка, который обходится не дороже 3 руб. 60 к., южные рафиперы имели перед северными, покупавшими по 7 руб. 50 коп. колониальный сахар сырец, огромное преимущество в 3 руб. 84 коп., те же из заводчиков, которые обращали в рафинад покупной свеклосахарный песок, стоивший им на месте производства 5 руб. 50 коп., пользовались перед северными рафинерами преимуществом в 2 руб. на пуд.

В то время, как разница в продажных ценах туземного и колониального рафинада в среднем не превышала 50 коп., цены на рафинад держались в пределах между 7 руб. 25 коп. и 10 руб. на заводах [1]). По словам Журавского, доход, получаемый с рафинадных заводов составлял 47,9% [2]), т. е. в 2 раза выше дохода владельцев песочных заводов. Отсюда, автор делал вывод, что или цена сахарного песка может быть увеличена, или скорее цена рафинада могла бы быть значительно понижена для потребителей. Более высокая доходность рафинадных заводов об'яснялась в некоторой степени их монопольным положением. Устройство рафинадных заводов требовало больших капиталов, поэтому число их было ограничено. Они являлись основным рынком сбыта сахарного песка. Рафинеры, пользуясь своим монопольным положением, влияли на цены сахарного песка и устанавливали крайне обременительные условия расчета для песочников. Рафинадные заводы выпускали тот продукт, который находил сбыт на рынке, а песочники выпускали полуфабрикат, нуждавшийся еще в окончательной обработке. Чем можно об'яснить столь высокие цены на рафинад? Цены на свекловичный рафинад стояли в зависимости от цен на колониальный рафинад. Последние не могли быть низкими, поскольку северным рафинерам приходилось переваривать колониальный песок, обложенный необычайно высокой пошлиной. Даже после снижения в 1856 г. пошлина составляла 3 руб. с пуда. Это вызывало высокий уровень цен колониального рафинада, к этому уровню подтягивались цены и на свекловичный рафинад. Совокупность указанных условий и обеспечивала высокую доходность рафинадных заводов в изучаемую эпоху.

---

[1]) Л. Цен. Ист. Арх. Фонд Департам. Неокладн. Сборов. Д. № 97, ч. IV.
[2]) Фундуклей... т. III, стр. 61.

ГЛАВА IV.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ДО 1861 г. В ОБЛАСТИ СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Меры содействия свекло-сахарной промышленности. Указ 1800 и 1803 г. об отводе земель. Предоставление заводчикам права выкурки спирта из свекловичных остатков. Пошлины на привозной песок и рафинад. Запрещение привоза рафинада в 1811—1816 г. Докладная записка Крамера. Поворот в сторону либеральной таможенной политики в тарифах 1816 и 1819 г. Тариф 1822 г. Повышение пошлины на песок 1831 и 1841 г. Указ Сената с 1833 г. по вопросу о выделке водок из свеклосахарных остатков. Фон-Гец о таможенных пошлинах на сахар. Вопрос об обложении свекловичного сахара акцизом в начале сороковых годов. Мнение Государственного Совета об акцизе на свекловичный сахар. Ходатайство северных рафинеров 1844 г. Обсуждение вопроса об акцизе на свекловичный сахар в собрании Коммерч. и Мануфактур. Советов. Отрицательное заключение Советов по вопросу о сахарном акцизе. Мнение председателя Советов об обложении акцизом рафинадных заводов. Мнение Совета Мин. Фин. Борьба вокруг сахарного акциза во Франции. Сахарный акциз в Пруссии. Ходатайство Киевских сахарозаводчиков. Проэкт министра финан. о сахарном акцизе, о способах взимания, нормах, выхода и нормах производительности снарядов. Обсуждение проекта в Департаменте экономии Государственного Совета. Замечание мин. госуд. им. на проект Мин. Фин. Мнение Мин. Фин. по поводу замечаний Мин. Госуд. Имущ. Вторичное рассмотрение проекта в Департаменте Госуд. Экономии, в общем собрании Государственного Совета. Акцизный устав 1848 г. Указ 1850 г.—о выделке водок из свекловичных остатков. Критическая оценка устава 1848 г. О понижении пошлин на колониальный сахар. Прошение Рижских сахароваров. Ходатайства об отсрочке уплаты пошлин за сахар сырец. Обсуждение вопроса о пошлине на колониальный сахар в Мин. Фин. Докладная записка Геца. Записка Мин. Фин. в Государственном Совете. Отзыв Наместника Ц. П. о предложениях мин. фин. Изменение предложений мин. фин. под влиянием осложнений политической обстановки (начало 1854 г.). Решение общего собрания государственного Совета. Предложение мин. фин. о понижении пошлины на сахар-сырец и о разрешении к привозу рафинированного сахара. Постановление Госуд. Совета 1856 г. Общая оценка экономической сахарной политики.

Во всех странах свеклосахарная промышленность была той отраслью, какая пользовалась особым попечением правительства. Нам приходилось говорить о тех мерах поощрения, какие применялись во Франции, о той щедрой поддержке какую оказывал новой отрасли Наполеон, получивший даже эпитет крестного отца свеклосахарной промышленности. Поскольку заманчивой являлась идея освобождения от монополии стран, производивших тростниковый сахар, постольку правительства отдельных стран прилагали все усилия к тому, чтобы развить и укрепить новую промышленность.

Еще в конце XVIII века, Медицинская коллегия выпустила популярную книжку о том, как заменить колониальный сахар домашними средствами. Это начало пропаганды правительства к насаждению отечественной сахарной промышленности.

Первой существенной мерой экономической политики был указ (1800 г.) «об отводе земель в Южных краях России желающим разводить свекольные плантации».

Поводом к изданию этого указа послужил проект Московского аптекаря Биндгейма о делании сахара из белой свеклы.

Главный директор Медицинской Коллегии предложил произвести испытание сахара, изготовленного Биндгеймом. Медицинская Коллегия нашла его «не только безвредным, но и неуступающим в качестве своем сахару, из тростника добываемому. Но в то же время Коллегия приметила, что проект Биндгейма мог бы тогда принят быть во уважение, когда бы он в нем открыл методу и приемы, какие он употреблял в своих опытах: ибо тогда Коллегия, сообразив их со сведениями, какие она уже по сему предмету имеет, могла бы издать полное о сей материи сочинение в пользу желающих учредить таковое заведение».

В указе было подчеркнуто, что Биндгейм предполагал в своем проекте учредить школу доступную для всех. Это свидетельствовало о том, что он не делал из своих опытов секрета.

Далее указывалось на то, «что Биндгейму как в награду трудов его, так и в расширение его заведения отвести в южных странах России известное количество земли с тем, чтобы он мог на них без всякого платежа в казну заводить свекольные плантации, владея ими как собственностью во все то время, доколе он промыслом сим будет заниматься. Успехи его в сем и выгоды не могут долго быть сокрыты и привлекут желающих познать его заведения. В его воле стоять будет назначить за обучение известную цену».

Эта льгота предоставлялась не только Биндгейму, но и другим лицам. В четвертом пункте указа сказано: «Не только ему, но всем желающим разводить таковые плантации отводить в южных краях по нескольку десятин земли с обязательством употреблять их именно для сего промысла, и если через год не будет ничего сделано, отбирать в казну».

Вопрос о свеклосахарном производстве сильно заинтересовал в начале XIX в. и наши научные круги, как об этом свидетельствует тот факт, что Вольно-Экономическое Общество об'явило в 1801/2 г. конкурс на такую тему: «о приготовлении сахара из белой свеклы много производимо было опытов, как внутри, так и вне России и многие мнения и известия о том изданы в свет, кои, однако, отчасти одно другому противоречат. Поелику же сей предмет почитается важным, то Экон. О-ство желает получить такое сочинение, в котором бы показано было все, что касательно приготовления сахара из белой свеклы поныне известно, и то, что еще по сие время сумнению подвержено, особливо же показать, какой род свеклы к тому избрать подлежит, на какой земле и как найлучшим образом оную разводить, выгоднейшим способом сахар из оной делать. Также есть ли надежда, чтобы в которой нибудь области России добытый из нея сахар продавался дешевле обыкновенного»[1]). Как видим, еще до основания завода Бланкеннагеля в наших научных столичных кругах живо обсуждался вопрос о свеклосеянии, о подходящей почве для нее, об удешевлении сахара и пр.

По докладу мин. финансов от 14-го апреля 1803 г. было «положено отводить под разные полезные насаждения не только в южных, но и в других губерниях землю небольшими участками до 100 десятин, разве бы кто из'явил намерение соединить с тем поселение людей для работы, в таком случае отводить до 1.600 десятин, под самые насаждения должны употребить получивший меньшие участки 4-ю часть, а большие 16-ю.

[1]) Ходнев—История Вол. Экон. Общества с 1765 по 1865 г. Спб. 1865 г., стр. 395. Для сравнения можно указать на такой факт: На торжественном публичном собрании Варшавского О-ва друзей науки 10 янв. 1814 г. произнес Сташич вступительную речь, где, между прочим, говорил о сахароварении, коснувшись открытия Марграфа и Ахарда. См. Przyrembel, выше цит., стр. 108.

Срок разведению однолетних растений 2 года». Эта вторая мера шла несколько дальше первой: во-первых, она расширяла территорию для отвода земель, затем точно устанавливала высокие размеры таких отводов в особенности в случае поселения рабочих и наконец, удлинила срок разведения растений вместо одного года—два.

За этой первой мерой о бесплатном отводе земель для свекловичных плантаций, применявшейся и в других странах, последовали дальнейшие льготы в виде ссуд на устройство сахарных заводов. Первым, получившим такую ссуду был генерал-майор Бланкеннагель, которому было выдано заимообразно 50 тыс. руб.

Третьей мерой, игравшей особо важное значение в деле насаждения в России свеклосахарной промышленности, было предоставление заводчикам права выкурки спирта из свекловичных остатков и свободной продажи его. Нам известно, какое крупное значение имела эта льгота для первого завода Бланкеннагеля. Доход от продажи водок равнялся почти доходу от продажи сахара.

В период 1809—1811 гг. мы находим в Полном Собрании Законов ряд указов об учреждении теми или другими лицами свеклосахарных заводов и о выделке из свеклосахарных остатков спирта и о продаже его по установленным правилам.

В 1802 г. было об'явлено «через Ведомости, что желающие учредить у себя заводы для делания сахара из свекловицы могут надеяться по мере сего заявления получить от правительства пособия, состоящие сверх земли, в ссуде из казны денег, и в позволении выкуривать спирт».

Для первых заводов существенное значение имела выкурка спирта и приготовление сладких водок. Учреждение свеклосахарных заводов в целях использования этой привиллегии приняло столь значительные размеры, что министерство внутр. дел нашло нужным провести указ в 1811 г. о том, что сахарозаводчики, желавшие выкуривать спирт, должны были заявлять об этом мин. вн. дел для согласования этой привиллегии с откупной системой.

Несомненно, эта привиллегия сильно поддержала свеклосахарные заводы в начальный, трудный период их существования. Кстати сказать, постановлением Государственного Совета от 1810 г. было предоставлено изготовлять ром и рафинадным заводчикам, перерабатывавшим колониальный песок [1]).

Русское правительство в 1809 г. вело переговоры о переезде Ахарда в Россию, об этом имеются ясные указания в немецких архивах. Ахард получил даже двухгодичный отпуск для поездки в Россию. В своем письме к оберпрезиденту Силезии от 6 июля 1809 г. Ахард писал:

„Meine Unterhandlugen mit der Russichen Regierung, sind jetzt zu meiner vollkommenen Zufriedenheit beendigt, und meine Abreise beruht nur noch darauf, dass ich die Assignation auf die mir bewilligten Ka-

---

[1]) Архив. Госуд. Совета. Т. IV, ч. 2-я. Журналы по делам Департамента Госуд. Экон. Спб. 1881 г., стр. 1470 и д. Этой мере придавали крупное значение и во Франции. Раух, один из деятелей в области распространения свеклосахарной промышленности, писал в двадцатых годах XIX века в Annales des Sciences Economiques: «нет сомнения, что если правительство, коему принадлежит мудрая предусмотрительность для умножения источников общественного благосостояния, даст на десять лет свободу безпошлинно заводить свекловичные сахарные фабрики и добывать при том спиртовые напитки, то нет сомнения, говорю я, что сею патриотическою мерою распространится всеобщее согласие на заведение оных и в два года мы увидим фабрики во всех департаментах Франции». См. Маслов—О свекловичном сахаре. Землед. Журн. 1824 г. № X, стр. 86.

yserlichen Reisegelder, und die nöthigen russischen Pässe, fur mich und meine Familie fordere“ [1]).

Как видим, вопрос о переезде Ахарда был решен, от'езд задерживался только из-за получения прогонных и паспортных формальностей.

В письме к тому же обер-президенту от 23 сент. 1809 г. Ахард писал, что ему нужно дать совершенно определенный ответ русскому министру вн. д. кн. Куракину. Вследствие долгой неопределенности своего решения, он боялся потерять милость русского министерства [2]).

Приезд Ахарда в Россию не состоялся. Однако же этот факт ясно говорит о том, что русское правительство заботилось о развитии свеклосахарной промышленности и для этого пошло на такой важный шаг, как приглашение основоположника этой промышленности во всем мире.

После двадцатых годов крупную роль в деле развития нашей свеклосахарной промышленности стала играть таможенная политика. В начале 19 столетия наша таможенная политика подвергалась разным влияниям и носила неустойчивый характер. С начала XIX столетия до 1822 г. песок был обложен умеренною пошлиною: до 1811 г. по 1 р., с 1811 по 1816 г. около 1 руб. 60 коп. (7 руб. асс.), с 1816 г. по 1820 г. по 1 руб. 50 коп., с 1820 г. по 1821 г. по 75 коп.—в портовых и 60 коп. в сухопутных таможнях, в 1821 г. пошлина увеличена на 25 коп. с пуда, и тарифом 1822 г. разрешен привоз только к портовым таможням с пошлиною 2 руб. 50 коп. сер. с пуда. В иных размерах были установлены пошлины на сахар-рафинад. До тарифа 1822 г. привоз рафинада допускался за исключением пятилетнего периода (1811—1816 г.); пошлина по тарифу 1797 г., существовавшая до 1811 г. достигла 2 руб. 40 коп., с мелиса 2 руб., с лумпа 1 руб. 60 коп. сер. Интересно, что до введения континентальной системы рафинада привозилось больше, чем песка. В период запрещения привоза рафинада (1811—1816 г.) ввоз песка резко увеличился в среднем до 650 тыс. пуд. (в период 1806—1810,—в среднем 175 тыс. пуд.). По тарифу 1816 г. рафинад был вновь допущен к привозу с пошлиною по 3 руб. 75 коп. с пуда, которая и по тарифу 1819 г. оставалась в силе для портовых таможен, но в сухопутных уменьшена до 3 руб. 35 коп. Следует указать, что колониальный сахар ввозился, главным образом, в Ленинград (85—90% всего привоза), другие порты Рига, Архангельск, не имели сколько нибудь серьезного значения [3]).

В колебаниях таможенной политики в отношении иностранного сахара в первой четверти XIX века заслуживает упоминания эпизод запрещения привоза рафинада в 1811—1816 г.

В 1810 г. коммерции советником Крамером была подана Государственному Канцлеру записка о запрещении привоза рафинада. В обоснование этой меры приводились следующие соображения улучшение курса («должно будет пересылать менее в чужие края денег»), запасы песка имеются значительные, «почему от запрещения того нельзя ожидать недостатка всей потребности». Государственный канцлер, «уважив сие представление, присовокупляет, что при настоящем упадке нашего курса, когда к поправлению оного должно изобретать всякие способы,

---

[1]) Staatsarchiv Breslau. Rep. 199. Suppl. M. R. D. Nr. 298, [fol. 121 сообщ. R. Grotkass.

См. проф. В. Ландо—Эпоха возникновения и первоначального развития свеклосахарной промышленности Европы в свете прежних и новейших источников. Научные Записки Госуд. Экспер. Института Сахар. Промыш., т. V, в. 7, стр. 216—217.

[2]) Staatsarchiv Breslau. Rep. 199. Suppl. M. R. D. Nr. 298, fol 154/155. сообщ. R. Grotkass.

[3]) Г. Н—а. О колониальном и свекловичном сахаре. Библиотека для Чтения т. XCVI. 1849 г., стр. 36 и д.

предмет сей заслуживает особое внимание». В заключение Государственный Канцлер испрашивал разрешения «дозволять при сахарных заводах выделывать ром, отчего сократился бы привоз сей статьи и еще вящая от сего постановления произошла бы польза для нашего курса». Департамент Государственной Экономии, принципиально соглашаясь с внесеным предложением, считал нужным указать на такие соображения практического характера. «Купцы сначала зимы делают распоряжения для выписки товаров из чужих краев. На сем основании со всею вероятностью множество купцов извнутри России расположились и в рассуждении сахара. Мгновенно запрещение привоза продукта сего неминуемо расстроило бы весьма многие купеческие дома, а некоторые из них, по одному спросу о таком запрещении, большие количества сахара искупившие и цену ему уже теперь весьма возвысившие, получают непомерные барыши. К сему присоединить должно, что не приняв грузов иностранных кораблей с сахаром, тогда как они, не ожидая таких препятствий, шли с товаром сим, и вовлеча их в убытки, мы только отымем у себя способы, по обстоятельствам уже весьма ограниченные, к отпуску собственных наших произведений и, уменьшая доверие неутрального флота, уменьшим на будущее время количество кораблей, под оным к нам приходящим, к немалому ущербу нашему».

Не соглашался департамент экономии с возможностью понижения цен на рафинад. «Не видно, чтобы досель фабриканты наши когда-либо понижали цену сахару, ими выделываемому: следовательно, если не чинили они сего, когда имели столь значущее соперничество, которое составляет купечество, рафинад выписывающее—тем менее ожидать можно сего, когда весь торг сей останется в руках весьма ограниченного числа фабрикантов, и напротив, опасаться можно, что согласяся с закупщиками, возвысят они цену на сахар и составят род монополии весьма вредный. Сверх того, не должно ли предполагать, что при запрещении провоза выделанного сахара, когда песку потребуется по той же соразмерности, более теперешнего, цены на оный возрастут и, вместе с тем, возвысят цены на выделанный сахар».

Департамент Государственной Экономии, руководствуясь тем правилом, что «при издании новых по таможням распоряжений всегда назначаемы были сроки» постановил: 1) «привоз рафинада в текущую навигацию оставить на основании существующих положений; 2) мин. коммерции и тов. мин. вн. дел войти в надлежащее соображение о положении сахарных заводов в России, могут ли они, по теперешнему их состоянию, или по капиталам хозяев оных, быть достаточны для снабжения государства сахаром; 3) когда сведения сии будут удовлетворительны, то обратиться к рассмотрению, что может быть выгоднее: обложить ли рафинады еще высшими пошлинами, облегчив, сколько возможно привоз сахарного песку, или вовсе запретить привоз рафинаду и буде последняя мера признана более удобнейшею, то по окончании навигации, издать о ввозе сахара сего запрещение, приняв вместе с тем предосторожности дабы посредством сего не могло установиться монополии; 4) дозволить сахарным фабрикантам делать ром». В мае общее собрание Государственного Совета мнение это утвердило.

Эта страничка из истории таможенной политики интересна для нас тем, что она выявляет крупную роль рафинадной промышленности в начале столетия, чем и об'яснялось особое внимание к ней высших правительственных сфер. В основе таможенных мероприятий начала XIX в. лежало желание поддержать падающий курс валюты путем активного баланса. В это время еще не было и мысли о покровительстве отече-

ственной свекло-сахарной промышленности. Ни Государственный Канцлер, ни Департамент Экономии, ни Госуд. Совет не упоминают ни одним словом об отечественной свекло-сахарной промышленности [1]). Очевидно, в начале прошлого столетия промышленность эта представляла столь малозаметную величину, что высшие государственные учреждения не считали нужным уделить ей хотя бы малейшее внимание; между тем принимавшиеся меры должны были иметь существенное значение для свекло-сахарной промышленности.

В аргументации Департамента Экономии можно заметить некоторые фритредерские тенденции. Во всяком случае в 1811 г. мера предложенная Крамером, была проведена в жизнь. Разрешение к привозу рафинада с 1816 г. продолжалось только до 1822 г., когда был вновь запрещен его привоз.

Поворот в сторону либеральной политики в тарифах 1816 и 1819 г. оказал гибельное влияние на зарождавшуюся свекло-сахарную промышленность. «Все заводы, говорит Шипов [2]) кроме Мальцева и Герарда (приемника Бланкеннагеля) скоро прекратили свои действия, несмотря на то, что им дозволялось сверх добычи сахара и патоки выгонять и водку в известной пропорции. Тарифы 1816 г. и 1819 г. поставили это дело в самое критическое положение, что и старинные рафинадные портовые заводы закрывались и банкротились. Но с 1822 г. покровительственный тариф оживил сахарное дело».

Тариф 1822 г. повысивший пошлину до 2 р. 50 коп. с пуда и запретивший привоз рафинада, дал сильный толчок развитию отечественной свекло-сахарной промышленности, с одной стороны, и с другой, содействовал укреплению рафинадной промышленности, перерабатывавшей колониальный песок.

С 1831 г. пошлина на песок была повышена до 2 р. 80 к.; к этому еще добавлялось 12% карантинных, вместе таможенный сбор составлял

---

[1]) Интересно отметить, что даже в конце тридцатых годов, когда свекло-сахарная промышленность уже была достаточно развита, у нас была сделана попытка насаждения тростниковой сахарной промышленности в новом районе, именно, в Закавказьи, как это видно из указа 1837 г. «о предоставлении Зубалову, Тимашеву и Тифлискому гражданину Тер-Гукасову льгот для устройства в Закавказском крае плантации сахарного тростника и завода для рафинирования сахарного песку». П. С. 1837 г. Т. XII. № 10369.

Указанные лица вошли к мин. фин. с прошением, в коем излагали, что сделанные в Талышинской провинции опыты разведения сахарного тростника и удовлетворительные результаты доказали возможность завести в Закавказском крае плантации этого произведения в большом размере. Предполагая устроить в смежности с плантациями сахарный завод, они просили об отводе им в окрестностях Каспийского и Черного морей по 500 десятин земли для заведения в сих двух местах плантации, об уменьшении пошлины на ввозимый сырец в течение 10 лет только до 8% от цены, просили не изменять в течение того же срока в сторону понижения установленной пошлины на колониальный сахар.

Министерство высказалось за отвод земли, за допущение беспошлинного привоза в течении 3 лет 120 тыс. пуд. по 40 тыс. пуд. в год, по истечении этой льготы допущение привоза в течении трех лет такого же количества с уплатой по 70 коп. сер. с пуда. Сахар в головах, вываренный на заводе, не должен был ввозиться в Россию. Затея эта окончилась неудачей. В 1840 г. был вновь поставлен вопрос о даровании некоторых облегчений учредителям плантаций сахарного тростника и сахарного завода в Тифлисе. П. С. З. 1840 г. Т. XV, № 13269. Учредители жаловались на непосильную конкуренцию иностранного сахара. Попытки устройства сахарного завода в Закавказьи и на этот раз оказались безуспешными. Приведенный эпизод характерен тем, что он ясно показывает недооценку свекло-сахарной промышленности правительством еще в конце тридцатых годов при наличии большого количества свекло-сахарных заводов.

[2]) А. Шипов—Записка о свекло-сахарном производстве, читанная на заседании Первого Отдела Комитета Об-ства 12 февр. 1869 г., стр. 4.

3 р. 15 коп. Наконец по тарифу 1841 г. пошлина на песок была повышена до 3 р. 80 коп. Таким образом, начиная с 1822 г. правительство выступило на путь строго охранительной политики по отношению к отечественной промышленности. Необычайно высокое таможенное обложение сахарного песка держало цены на сахар на внутренних рынках на высоком уровне и обеспечивало заводчикам громадную доходность их сахзаводов.

У Тенгоборгского приведены расчеты себестоимости колониального и свекловичного сахара. Себестоимость колониального сахара в западноевропейских портовых складах достигала 2 р. 55 к. за пуд, а средняя себестоимость свекловичного сахара для западно-европейских стран им выведена в 2 р. 94 коп., таким образом пуд колониального песка стоил дешевле на 39 коп. [1]). Это сопоставление для нас важно тем, что оно показывает, что пошлина в 3 руб. покрывала не только сравнительно небольшую разницу в издержках производства тростникового и колониального сахара, но еще и обеспечивала на каждом пуде высокую прибыл, даже при поправке на более высокую себестоимость в наших условиях.

Эта строго охранительная политика сыграла огромную роль в быстром распространении свекло-сахарной промышлености в тридцатых и сороковых годах.

Заслуживает упоминания шаг В. Э. О., предпринятый в целях содействия к насаждению у нас свекло-сахарной промышленности. Весной 1829 г. «В. Эк. О—сво, относившееся в начале XIX столетия несколько скептически к свекло-сахарной промышленности, вступило на путь содействия этой промышленности.

В это время во главе его стоял выдающийся государственый деятель Н. Мордвинов, усиленно пропагандировавший идею перехода от трехполия к плодосменной системе [2]). В. Э. О—сиво обратилось к губернаторам с циркуляром, в котором отмечая «стесненное положение земледельцев и помещиков во всех почти губерниях, от понизившихся чрезвычайно цен на хлеб и другие произведения российского земледелия, и желая облегчить им путь к перемене хозяйства сообразно с обстоятельствами, предложило обращать постепенно внимание их на разные новые отрасли земледельческой промышленности особенными печатными произведениями. В следствии сего, напечатав наставление о добывании сахара из свекловицы и рафинирования оного, оно просит в. пр. сделать их известными помещикам вверенной управлению Вашему губернии, через дворянских предводителей, и разослать безденежно вместе с тем для убеждения чрезвычайной важности сей промышленности, прилагаемые при сем... экземпляров расчета, доказывающего выгоды обделывания свекловицы и получения из корней сахара. Для желающих воспользоваться наставлениями по сему предмету препровождается при сем по... экземпляров таковых наставлений, за кои, в вознаграждение издержек о-ства на напечатание их благоволите приказать вносить по 5 руб. за каждый экземпляр». Этот циркуляр подписан президентом Н. Мордвиновым и непременным секретарем Щегловым. Кстати последний в 1829 г. выпустил «Рашет о выгодах возделывания свекловицы»... И президент и секретарь В. Э. О. понимали важное значение свеклосеяния и по их инициативе о-ство предприняло такой шаг. Характерно, что и в этом циркуляре переход

---

[1]) Тенгоборский..: выше цит. рр. 225 и д.

[2]) В 1829 г. Н. Мордвинов издал брошюру «О невыгодах трехпольного хлебопашества, о пользе земледелия плодосменного и о необходимости ныне введения сего последнего в России». См. Икопников—Граф Н. Мордвинов. Спб. 1878 г., стр. 489.

к свеклосеянию и сахароварению обосновывается падением хлебных цен [1]). В этом случае мы находим новое подтверждение того депресивного состояния, в каком находилось сельское хозяйство в конце двадцатых годов. Аграрный кризис с строго протекционным направлением таможенной политики с двадцатых годов содействовал быстрому внедрению свекло-сахарной промышленности в России. Конъюнктура народного хозяйства сложилась в это десятилетие крайне благоприятно для новой отрасли промышленности.

Из эпохи тридцатых годов мы имеем интересный указ—о недозволении лицам, не имеющих свекло-сахарных заводов, иметь заведения для выделки водок из свекловичных остатков. Указом Сената от 8 марта 1833 г. постановлено: [2]) «приготовление водок из свекло-сахарных остатков предоставить тем заводчикам, кои занимаются добыванием сахарного песка и хотя в ст. 389 Свода Законов т. V устав питей и в ст. 344 акцизно-откупного положения сказано, что свекло-сахарным заводчикам и вообще производителям свекловицы не воспрещается продавать свекловичную патоку или самую свекловицу на другие заводы, имеющие для выделки свекловичных водок и спиртов особое заведение, но это..... должно только относиться к тем только лицам, кои, имея заводы для выделки сахара из свекловицы, содержат заведения для выделки водок из свекловичных остатков, но отнюдь не может служить основанием к дозволению заводить в подрыв казенного питейного откупа, особые свекловичные заводы таким лицам, кои сами добыванием сахара не занимаются и своих свеклосахарных заводов не имеют. Посему Сенат, находя правильным заключение мин. фин., определил предписать..., что лицам, не имеющим свекло-сахарных заведений, учреждение заводов собственно для выделки водок из свекло-сахарных остатков дозволено быть не может». Приведенный документ интересен тем, что говорит о достаточно широком распространении продавать на сторону свекловичные остатки для выделки водок. Это явление приняло такое распространение, что подрывало откупную систему; почему мин. фин. и нашел необходимым обратиться в Сенат за толкованием имевшихся на этот счет положений. Сенат дал ограничительное толкование относящихся сюда статей, исторически вполне обоснованное, поскольку выкурка спирта из свекловичных остатков была предоставлена сахарозаводчикам, как поощрительная мера.

Как оценивалась сахарная таможенная политика начала XIX в. позднейшими деятелями министерства финансов, на это дает ответ записка фон-Геца, крупного финансового чиновника сороковых и пятидесятых годов. По поводу снижения пошлины по тарифу 1819 г. до 75 коп. сер. с пуда Гец писал: [3]) «малозначительность сей пошлины об'ясняется тем, что в то время правительство имело в виду поощрение учреждения в портовых городах рафинадных заводов». Пошлину, повышенную Канкриным в 1823 г. до 2 руб. 50 коп. сер. Гец назвал «отменно высокой». К оправданию оной должно однако сказать, что в тогдашних финансо-

[1] Как говорит историк Вол. Экон. О-ства Ходнев, о-ство, имея в виду частые и общераспространенные жалобы земледельцев в 1823 г. на невыгодный сбыт продуктов, признало целесообразным обратить внимание помещиков на те отрасли мануфактурной промышленности, какие могут быть тесно связаны с земледелием. Желая дать сельским хозяевам руководство для свеклосеяния и изготовления сахара из свеклы напечатало два обращения, написанные непременным секретарем Щегловым: одно по обработке свеклы и изготовлению из нее сахара, другое — по рафинированию свекловичного песка. Эти обращения напечатаны в 1350 экземплярах каждое. Кроме того, в 1829 г. напечатало речь Щеглова о сахароварении в 1828 г. См. Ходнев—История Вольно-Экон. Общества. Стр. 170—171.

[2]) Журнал Мануфактуры и Торговли 1848 г. ч. IV, стр. 235 и д.

[3]) Лен. Ц. И. Арх. ф. департ. неокладных сборов. 1853 г. Дело № 41.

вых нуждах трудно было обойтись без сей меры». Повышение в 1841 г. пошлины на 3 руб. 80 коп., по мнению Геца, составляло 100% или более противу ценности товара. В этой характеристике, сделанной крупным финансовым чиновником, знавшим хорошо всю закулисную сторону финансовой политики, для нас ценно указание на то, что повышение пошлины до 2 руб. 50 коп. «отменно высокое» вызывалось фискальными нуждами, а не мерами покровительственной политики.

Гец полагал, что «не взирая даже на высокую пошлину можно было бы ожидать, хотя не быстро, но наверное, постепенно увеличивающегося привоза. Сия надежда затмевалась явлением неожиданного развития в России свекло-сахарного производства».

Оказывается, быстрое развитие в тридцатых и сороковых годах свеклосахарной промышленности представляло собой неожиданное явление для министерства финансов. Такая оценка таможенного обложения тростникового сахара говорит о том, что наши финансовые органы, повышая таможенные пошлины, вовсе не думали об интересах зарождавшейся промышленности, а были просто заинтересованы в повышении таможенных доходов. Быстрое развитие свеклосахарной промышленности под сенью высоких таможенных пошлин явилось для них полной неожиданностью.

Тот же крупный чиновник мин. фин. дает такую характеристику новой отрасли производства: «Эта промышленность, развивавшаяся у нас в широком размере не сама собою по естественному ходу вещей, но как оранжерейное растение в теплоте, под покровительством чрезмерно высокой пошлины, которою обложен привозной тростниковый сахар. Будущность сей промышленности в России никто предвидеть не может, поэтому нельзя предсказать, вытеснит ли когда-либо свекловичный сахар из употребления тростниковый и будет ли он в состоянии вознаградить причиненный им весьма значительный ущерб?» Еще в начале пятидесятых годов видный чиновник министерства финансов не понимал глубокого народно-хозяйственного значения новой отрасли производства: он сомневался еще в том, вытеснит ли свекловичный сахар тростниковый и вознаградит ли он когда-либо казну за понесенный ущерб в таможенном доходе.

Названный чиновник мин. фин., следя за ходом иностранного законодательства о свекловичном сахаре и за развитием этой промышленности в России, представил мин. фин. записку, «в коей рассматривал вопрос о свекло-сахарном производстве в отношениях народно- и государственно-хозяйственных... Обращая внимание мин. на последствия, какие упадок важнейшей отрасли внешней торговли будет иметь как на купеческое мореходство и торговлю вообще, так и в особенности на таможенный доход, советывал, не взирая на ожидаемую сильную опозицию обложить туземный сахар акцизом, на первый случай, впрочем, весьма умеренным и без лишней фискальности».

Развитие отечественной свекло-сахарной промышленности стало уже угрожать таможенному доходу, получаемому с привозного сахара. Мин. фин. начало беспокоиться об этом важном источнике дохода и пришло к выводу о необходимости обложения свекловичного сахара. Любопытно, что слухи о введении акциза на свекловичный сахар циркулировали в кругах сахарозаводчиков в начале сороковых годов [1]). Шипков писал в 1841 г.:

---

[1]) Левшин писал от 15 июня 1840 г. к кн. М. Воронцову: «Я теперь очень занят устройством в Курской деревне жены моей, свекловично-сахарного завода, к которому приготовлялся два года и который надеюсь пустить в ход нынешнею осенью. Эта отрасль промышленности развивается у нас довольно быстро и по неразрывной связи ее с земледелием, а с другой стороны, потому, что мы ни-

«впрочем не одно опасение жучка и мошки наводит на заводчиков уныние, но еще и слух, что на выделываемый сахар наложится пошлина по 1 руб. сер. с пуда» [1]).

Этот слух имел под собой основание. Как видно из записки мин. фин., имеющейся в деле о введении акциза 1848 г. [2]), мин. финансов подымал вопрос об обложении сахара акцизом в 1841 г. Для усиления государственных доходов признано было необходимым повысить пошлину и на тростниковый сахар. «Отчего свекловары получили бы новые и чрезмерные выгоды, которые с быстрым распространением сего промысла должны были устранить совершенно пошлинный доход, доставляя вместе с тем заводчикам на счет народа прибыли, как ненужные для их существования, так и несправедливые». В виду чего мин. фин. счел необходимым войти в Государственный Совет с представлением о взимании акциза с свекловичного сахара.

Мин. фин. полагал взимать акциз по 1 руб. сер. с пуда свекловичного песка и по 10 руб. за ежегодное свидетельство на каждый завод. Доход от акциза исчислен был в 150 тыс. руб. сер. Это предложение не встретило поддержки в Государственном Совете по следующим соображениям: 1-ое, 150 т. пуд. свекловичного песка составляют $^1/_{10}$ часть привоза песка колониального, следовательно, предполагаемый доход не так важен, чтобы пожертвовать ему частными выгодами поселян от возделывания свекловицы там, где хлеб, по дешевизне своей не вознаграждает издержек обработки; 2-ое, при изобилии в России земель, обращение незначительного соразмерно с общею массою количества под свекловицу не может иметь невыгодного влияния на хлебопашество; 3-е таможенный доход с колониального сахара со времени возникновения свекловичных заводов, не столько не уменьшался, но возрастал соразмерно с увеличивавшимся ежегодно привозом сахара; 4-ое, от свободного действия свекловичных заводов произошло в пользу публики удешевление колониального сахара».

Мнение Госуд. Совета о том, что никакого акциза с свекловичного сахара у нас производства, впредь до времени, не устанавливать», удостоилось 1-го дек. 1841 г. утверждения. Нужно сказать, что к этому времени акциз свекловичного сахара уже существовал и в западно-европейских странах: в Пруссии обложение продукции сахара введено 30 июля 1841 г., во Франции в 1837 г. Таким образом наше мин. финансов находилось под влиянием примеров обложения свекловичного сахара в западно-европейских странах. Важно для нас указание на то, что повышение таможенной пошлины в 1841 г. вызывалось исключительно интересами Государственной казны. Мин. фин. вовсе не думало о покровительстве свеклосахарной промышленности, наоборот, оно даже находило, что выгоды свеклосахарозаводчиков, проистекающие от повышения таможенной пошлины, несправедливы и эту несправедливость хотело исправить введением акциза с сахара. Мин. фин. тщательно оберегало источник дохода от таможенной пошлины с колониального сахара; кстати сказать,

---

каких привиллегий, ни покровительственных пошлин не просим, казалось бы что она должна заслуживать, по крайней мере, такого же покровительства, как водочные, пивные или подобные заводы. Напротив того, говорят, будто министр финансов не любит русского сахара и хочет обложить нас пошлиною. Не в подражание ли французам? Но у них есть колонии, существующие одним сахаром; а у нас ни на Курильских, ни на Амурских островах сахарный тростник не родится. См. Архив кн. Воронцова. Кн. 39. М. 1893. Письма Левшина. Стр. 166.

[1]) Журн. Сел. Хозяйства и Овцев. 1841 г. № 7, стр. 82.

[2]) Лен. Ц. И. Арх. ф. Госуд. Совета Деп. Экономии. Дело № 170. Об акцизе с свекловичного производства в России. Началось 26 мая 1847 г., кончено 26 февраля 1848 г.

этот источник являлся главнейшим в бюджете того времени. Оно опасалось, как бы развитие свеклосахарной промышленности не подорвало этот важный источник государственных доходов. Из этого ясно видно, что повышение таможенных пошлин с тростникового сахара вызывалось исключительно фискальными интересами.

В конце (декабрь 21) 1844 г. 22 Петербургских[1]) сахарозаводчика обратились в мин. фин. с прошением в котором они жаловались на то, что затратив большие капиталы на устройство заводов и платя ежегодно в казну 8 мил. руб. сер. таможенной пошлины за ввозимый песок, терпят большие убытки от усилившегося производства свекловичного сахара, «который, не платя никакой пошлины, продается на внутренних рынках по весьма низким ценам, а как свекловичная фабрикация в России не может удовлетворить вполне потребности в сахаре, то беспошлинная продажа свекловичного сахара может обратиться только в подрыв торговли колониальным сахаром, уменьшит привоз оного и таможенный доход, посему просим о наложении на свекловичный сахар акциза».

Через неделю после подачи прошения (29 декабря) мин. фин. затребовал от губернаторов верных сведений о свекловичных заводах и доложил о просьбе северных рафинеров государю. Последний предложил рассмотреть тот вопрос, по получении сведений, в собрании Комер. и Мануф. Советов. 31 декабря мин. фин. вновь отнесся к губернаторам о скорейшем доставлении требуемых сведений. К концу мая 1845 г. требуемые сведения были получены. Государь, по докладу мин. фин., повелел: «поспешить соображением о возможности обложить свекловичный сахар».

В предварительном совещании (5 июня) Советов возникли разногласия по вопросу об акцизе. Мин. фин., доводя (8 июня 1845 г.) до сведения государя о результатах совещания, настаивал на том, что «при быстром возрастании свекловичного производства, просьба сахарных заводчиков едва ли может быть оставлена без уважения. Государь соизволил отозваться, что сначала не следует облагать свекловичный сахар большою пошлиною и надобно облегчить способ взимания оной, при сем изволил коснуться вопроса, не должно ли на первый раз, обложить только те заводы, которые уже существуют, например, не менее пяти лет».

В заседаниях 28 июня и 12 июля 1845 г. Соединенные Мануф. и Коммер. Советы занялись подробным рассмотрением тех причин, какие были выдвинуты северными рафинерами в пользу введения акциза. Причины эти сводились к следующему: 1) с прекращением производства свекловичного сахара, торговля колониальным сахарным песком и сбыт рафинированного из него сахара начинают приходить в упадок; 2) привоз колониального сахара, обложенного пошлиной в 14 руб. асс. с пуда, должен значительно уменьшиться, потому, он не может продаваться на тех рынках, где есть свекловичный сахар, не подверженный никакими пошлинами и оттого продаваемый по весьма низким ценам; 3) от уменьшения привоза колониального сахара уменьшится таможенный доход; 4) заводы, устроенные для рафинировки сахара из привозного песка подвергнутся расстройству, а рабочие, снискивающие себе пропитание на сих заводах, останутся в бездействии; 5) по недостаточному производству свекло-

[1]) Видный представитель сахарозаводчиков того времени, А. Бобринский утверждал, что эта жалоба послужила поводом к обложению свекловичного сахара акцизом. Это не согласуется с тем фактом, что впервые мысль об обложении свекловичного сахара появилась в мин. фин. еще 1839 г. См. А. Бобринский—Стат. материалы для истории свеклосахарной промышленности в России. Журн. Сел. Хозяйства. 1856 г., кн. 1, стр. 71. Ср. Цехановский—Исторический обзор свеклосахарной промышленности. К. 1904 г., стр. 6.

вичного сахара в России, который едва ли может удовлетворять десятой части всего потребления, безпошлинная продажа этого сахара может быть только подрывом торговли колониальным сахаром, в случае же неурожая свекловицы потребители должны будут платить высокие цены за колониальный сахар; 6) значительное количество постоянного ввоза сахарного песка служит основанием распространения нашего мореходства и нашей внешней торговли, русские корабли с недавнего времени стали ходить прямо в Гавану, и сбывая там отечественные произведения, доставляют сюда сахарный песок; 7) во всех европейских государствах свекловичный сахар подвержен акцизу; эта мера признана необходимою как для уравнения цен на сахар вообще, так и для поддержания выгод, проистекающих от внешней торговли». Такова аргументация северных рафинеров в пользу введения акциза. Поражает необычайная поспешность с какой был дан ход прошению северных рафинеров. Обычно, всякого рода ходатайства залеживались в бюрократических канцеляриях, но судьба прошения северных рафинеров была иной; с необычайной быстротой заработала тяжеловесная бюрократическая машина. Очевидно, прошение их попало в точку—с 1845 г. началось падение таможенного дохода от привозного сахара (в 1844 г.—8,1 мил. р. или 2,1 мил. п., в 1845 г.—6,4 мил. р. или 1,7 мил. п.). Это обстоятельство сделало очень чутким мин. фин. к ходатайству о введении акциза, тем более, что в других государствах уже существовал такой налог.

По обсуждении выдвинутых причин, Советы пришли к такому заключению: 1) что с приращением производства свекловичного сахара, привоз колониального песка, а вместе с ним и таможенный доход, не уменьшался, а напротив, усиливался, чему служат доказательством виды торговли, из которых оказывается, что и в течение 20 лет с 1832 г. по 1842 г. включительно привоз сахарного песка с каждым трехлетием постоянно увеличивался на 100 тыс. пуд., а с 1842 г. на 255 тыс. пуд., несмотря на некоторое возвышение пошлины; в 1844 г. привезено 349,997 пуд. более против 1843 г. Следовательно, расширение свеклосахарного производства не сокращало привоза и скорее можно ожидать дальнейшего увеличения оного от распространения употребления свекловичного сахара, коего производится едва десятая доля против колониального (в 1844 г. выпущено первого в рафинированном виде только 143 т. п., между тем, как ежегодное производство последнего на Спб. заводах составляет 1.100.000 п.) ограничено притом известной местностью, то есть губерниями Киевской, Черниговской, Подольской, Харьковской, Воронежской и Тульской и окрестностями этих губерний, где уменьшился в некоторой мере сбыт сахара с Петербургских заводчиков, но это не может быть для них опасно потому, что они пользуются сбытом своих изделий в таких местах, куда свекловичный сахар не может быть доставляем по ценности привоза; 3) что усиленный привоз колониального песка не может послужить к дальнейшему развитию внешней торговли и купеческого мореходства России. Как средство к достижению такого развития, значительный привоз колониального сахара может иметь особую важность для тех государств, которые обладают сахарными колониями, или производят обширную морскую торговлю на собственных кораблях. Россия же не имеет сахарных колоний и товары по внешней ее торговле перевозятся большею частью, на иностранных кораблях. Потребность острова Кубы, снабжающего Россию сахарным песком, в наших отпускных товарах весьма маловажна и удовлетворяется преимущественно мореходством Соединенных Штатов Северной Америки. В 1832 г. сделан был некоторыми Петербургскими торговыми

домами опыт отправки прямо в Гаванну наших товаров и обратного оттуда на том же корабле привоза сахара, кофе и проч.; но результат оказался невыгодным, так что подобных отправок после того никто уже делать не мог».

По поводу ссылки на те страны, где уже введен акциз на сахар (Франция, Германия), Советы указали на то, что «соперничество свекловичного сахара с колониальным должно было обнаруживаться в тех государствах скорее и в сильнейшей степени, нежели в России, потому что усовершенствованные внутренние сообщения чрезвычайно облегчают движение торговли и перевозку товаров, так что свекловичный сахар на многих рынках может там состязаться с колониальным».

Советы ссылались на то, что свеклосахарные заводы в России представляют счастливый союз хлебопашества с промышленностью, доставляя крестьянину возможность приобресть верное пропитание посреди своей семьи, т. е. посреди всех побуждений к нравственной жизни и занимают уже в настоящее время до 23.000 человек, между тем как рафинадные заводы в С.-Петербурге занимая только около 2.000 чел., отвлекают их от сельской жизни. По сим соображениям соединенные Мануф. и Ком. Советы полагали, что в России еще не наступило время для обложения свекловичного сахара акцизом, но если правительство впоследствии, по финансовым видам, найдет нужным принять сию меру, то надобно будет войти в ближайшее соображение, в какой мере удобно будет установить акциз с свекловичного сахара или не представятся ли другие, более верные и выгодные источники дохода, ибо нельзя не иметь в виду, что при малом акцизе издержки на взимание его, на казенный надзор, равно как и неизбежные недоимки, особенно в случае неурожая свекловицы, могут лишить казну ожиданных выгод, не говоря уже о стеснении самой промышленности, значительный же акциз, подходящий к пошлине с колониального сахара, не принесет казне дохода, потому что будет иметь следствием упадок свеклосахарных заводов, которые в нынешнем своем положении еще не в состоянии выдержать такого налога».

Отрицательный вывод Советов в отношении акциза на сахар не был единогласен. Два члена в особом мнении «изъяснили, что с размножением беспошлинной выделки свекловичного сахара и имеющим от того последовать упадком привоза и фабрикации колониального сахару неминуемо должен будет уменьшиться таможенный доход и что для установления необходимого равновесия между колониальным и свекловичным сахаром представляются два способа: или соразмерное понижение пошлины с первого или наложение уравнительного налога на последний».

К журналу Соединенных Советов была приложена особая записка председателя, высказавшего свое мнение по поставленному вопросу. В производстве рафинада нужно различать две части: к одной относится изготовление песка, к другой его рафинирование. Первая относится к сельскому хозяйству, вторая к фабричному.

«Опасения, что всякий налог стеснит эту промышленность, которая с другой стороны возбуждает жалобы рафинирующих тростниковый сахар, обложенный высокою пошлиною, исчезнут—если две главные и одна от другой столь различные операции сего производства разделить и при наложении акциза добывание свеклосахарного песка оставить совершенно свободным от всякого налога, и одно рафинирование подвергнуть платежу оного. Это разделение послужит к распространению добывания свеклосахарного песка и обратиться к пользе рафинированных фабрик, так как и теперь из числа 206 свекловичных заводов только 60 зани-

маются рафинированием. Песок будет сбываться на большие фабрики. Издержки на перевоз его до фабрик заменят место налога и остановят необдуманные предприятия, а акциз на рафинирование свекловичного песка и самый умеренный сравняет эту фабрикацию колониального песка и прекратит жалобы фабрикантов».

Журнал Мануф. и Коммер. Советов и отдельные мнения рассматривались в Совете Мин. фин. При обсуждении этого вопроса одним из членов Совета мера, предложенная председателем, была названа примирительной, «ибо, не уничтоженная свекловичной промышленности, удовлетворяет частью требованиям фабрикантов, рафинирующих тростниковый сахар. И если бы правительства постановили силою событий в необходимость уравновесить выгоды обеих тяжущихся сторон, то принятие сей меры было бы, конечно, делом полезным и справедливым. Но настала ли ныне эта необходимость и развитие выгод свеклосахарных производителей дошло ли до той степени, что оно угрожает упадком выгодам старинных совместников? В этом позволено сомневаться. В настоящем положении дел рафинировка тростникового сахара едва ли не находится на лучшей степени процветания, в сравнении с прочими ей подобными фабрикациями. Опасения упадка оной от совместничества свекловичного сахара преждевременны: можно согласиться на одно, что прибыли фабрикантов были бы еще значительнее без возникающего соперничества свекловичных заводчиков, но прибыль есть и ныне, и прибыль весьма достаточная. К тому же за опасениями сих фабрикантов блюдет сама казна, которая неминуемо с упадком этой фабрикации почувствует и упадок в своих таможенных доходах. Тогда, нет сомнения, казна будет иметь все право принять меры, дабы свеклосахарная производительность, развившаяся и укрепившаяся под сенью охранительной таможенной системы возместила платежем акциза потерю от уменьшения привоза колониального сахарного песка, составляющего одну из главнейших статей таможенных доходов, но далеко еще то время, когда опасения могут обратиться в действительность».

В дальнейшем названный член сомневался в том, чтобы у нас свеклосахарная промышленность могла должным образом распространяться, прямо по климатическим условиям. Только малая часть губерний дает ей надежное убежище. Даже при самых благоприятных обстоятельствах она «не сделается общим и верным достоянием русской почвы, а будет разве только некоторым вспомогательным пособием сельской нашей промышленности». Как и многие другие, так и этот прогноз скромного развития свекло-сахарной промышленности был опровергнут жизнью. Свеклосахарная промышленность у нас, в особенности на Украине, стала основной отраслью народно-хозяйственной жизни. По мнению указанного члена, всякий даже малый налог лег бы бременем на производительность сельской промышленности и кроме того, он противоречил бы духу принятой у нас охранительной системы.

Большинство членов Совета мин. фин., подвергнув критической оценке доводы, приведенные в Журнале Мануф. и Коммер. Советов, признавало необходимым и своевременным обложение сахара акцизом, «но не имея в виду никаких данных к установлению такового размера, который бы, не расстраивая важной отрасли отечественной промышленности, вознаграждал бы, по возможности, казну за потери от упадка привоза колониального сахара, полагали нужным: 1) сообразить предварительно статистические сведения о свекловичном нашем производстве и акцизные по сей части системы, принятые за-границей, и особенно в Пруссии, с которой Россия имеет более общего; 2) приступив затем к составлению пра-

вил об акцизе, отстранить все крупные, стеснительные и неудобоисполнительные меры, и иметь в виду предположение предс. Мануф. и Коммер. Советов относительно распространения акциза на одну фабрикацию свекловичного сахара, из правил уже введенных по сей части в других краях, руководствоваться исключительно лишь теми, кои, хотя несколько и ограждая выгоды казны, окажутся по местным обстоятельствам менее тягостными».

Мин. фин. присоединившись к этому заключению, распорядился, о собрании всех нужных по сему предмету сведений для приступления затем к составлению соответственных для России правил об акцизе с свекловичного производства» [1]).

Представители свекло-сахарной промышленности так расценивали поход рафинеров северных и поддержку в министерстве финансов [2]):

«Наши Петербургские рафинеры и торговцы иностранным сахаром, пишет Шипов, открыли поход прямо против свекло-сахарной промышленности и нашли безкорыстную поддержку у наших так называемых экономистов, которые, участвуя в прениях в Мануфактурн. и Коммерческом Советах, открыто утверждали, что во имя начал финансовой науки, следует сдержать успехи свекло-сахарной промышленности, и для того, с одной стороны, обложить заводы акцизом, а с другой, уменьшить пошлину с иностранного сахара». Сторонники введения сахарного акциза ссылались на пример других стран, где этот налог уже существовал. Большой интерес представляет борьба вокруг акциза на сахар во Франции, которая имела свои колонии, производившие тростниковый сахар. В этой стране сталкивались интересы свекловичных и тростниковых рафинеров и ей раньше других пришлось поставить вопрос о согласовании этих интересов. Быстрое распространение свекло-сахарной промышленности во Франции с конца двадцатых годов стало затруднять сбыт в метрополии колониального сахара. Владельцы колониальных заводов обратились к метрополии с ходатайством об оказании им покровительства. В этом прошении они ссылались на правительственный акт 1717 г., которым правительство обязывалось не дозволять ввоза иностранного сахара во Францию, а получать его только из французских колоний. Теперь, указывалось в их прошении, допущен не только ввоз иностранного сахара, но во Франции продают свекловичный сахар без всякой пошлины, тогда как колониальный сахар обложен высокой пошлиной. В заключении они просили о закрытии свекло-сахарных заводов [3]). Это прошение побудило мин. торговли и фин. внести в палату проект обложения свекловичного сахара. «Этот налог необходим, говорил он, для поддержания благосостояния французских колоний, для поощрения торговли между Францией и ее колониями, для одушевления деятельности в портовых городах, и наконец, для увеличения числа купеческих кораблей, которые, занимаясь перевозкой товаров из Франции в Америку, приучали бы матросов к трудам морской жизни». Комиссия Палаты, по исследовании вопроса, пришла к такому заключению: 1) ввоз колониального песка стал с каждым годом уменьшаться:

---

[1]) Лялин в 1844 г. заметил по поводу разговоров об акцизе на сахар: «молва о налоге, так давно занимающая нашу публику, отвлекает от этой промышленности внимание многих предприимчивых людей и удерживает их от употребления капиталов для пользы промышленности, будущность которой находится в таком не разгаданном состоянии». Журнал Мин. Госуд. Имуществ кн. X. 1844 г. Свекло-сахарная промышленность во Франции. Стр. 173.

[2]) А. П. Шипов—Записка о свекло-сахарном производстве, читанная на заседании Первого Отделения Комитета Общества 12 февраля 1869 г. Стр. 9.

[3]) Лялин—Свекло-сахарная промышленность во Франции. Жур. Мин. Госуд. Им. Кн. X. 1844 г., стр. 178 и д.

в 1832 г. ввезено во Францию 82,2 мил. кил., в 1836 г.—66,2 мил. кил.; 2) казна ежегодно теряет в доходе, получаемом от сбора пошлин с колониального сахара; 3) уменьшается вывоз продуктов из Франции в колонии; 4) заметно сокращение числа кораблей, занимающихся перевозкой различных товаров из метрополии в колонии.

На основании этого доклада правительство постановило в 1837 г. ввести на свеклосахарный песок акциз в таком размере:

Свекло-сахарные заводчики уплачивают с сырца песка:

1838—1839 г.	11	фр.	на	100	кило
1839—1840 г.	16	»	»	»	»
1840—1841 г.	27	»	»	»	»

Налог на колониальный песок оставлен без изменения, именно с песка сырца, привозимого из французских колоний в Америке—49 фр. 50 сан. на 100 кил. (с пуда 2 руб. 6½ к. сер.), с острова Бурбона 42 фр. 50 с. и с белого песка 73 фр. 15 с. Сопоставление этих окладов показывает, что если взять самый высокий акциз, установленный для 1840—41 г., то и в таком случае он значительно ниже пошлины с колониального сахара. Таким образом и Франция не решилась же сразу уравнять акциз на свекловичный сахар с пошлиной на колониальный.

Введение акциза вызвало сильные протесты со стороны свекло-сахарных заводчиков и сельских хозяев. В Париж являлись со всех сторон депутации, умолявшие отсрочить исполнение закона. Ссылались на то, что свекло-сахарная промышленность еще не достигла того развития, чтобы вынести такой налог, что большая часть заводов работает неудовлетворительно. Сам Крестель, слывший под названием патриарха французских свекло-сахарных заводчиков, грозил перенести свои предприятия в Бельгию.

Какое же влияние этот закон имел на французскую свекло-сахарную промышленность? В первые годы выпуск сахара уменьшился: в 1838 г. поступило в продажу 39,2 мил. кил., в 1839 г.—22,7 мил. кил. и в 1840 г.—26,9 мил. кил. Такое резкое сокращение продукции свекловичного сахара в 1839 г. и 1840 г. во Франции было вызвано не столько акцизом, сколько засушливым летом, результатом чего был неурожай свеклы.

В 1841 г., когда акциз достиг своего максимума, продукция свекловичного сахара повысилась до 31 мил. кил., в 1842 г.—32,5 мил. кил. Только в 1845—46 г. сбор сахара превысил сбор 1839 г. В южной Франции, где свеклосеяние стояло на низком уровне, где чувствовался недостаток в рабочих руках, многие заводы закрылись после введения акциза [1]). Во всяком случае уверения, что свекло-сахарная промышленность не выдержит налога, что она погибнет, не оправдались. Введением умеренного акциза борьба свекловичных и тростниковых сахарозаводчиков во Франции не закончилась. В 1841 г. правительство снизило пошлину с иностранного песка, привозимого на французских кораблях. В начале 1843 г. был выдвинут проект скупки всех свекло-сахарных заводов и их закрытия, на что испрашивалось 40 мил. франков. Вокруг этого проекта возгорелась борьба двух партий. Даже Луи-Бонапарт выпустил брошюру в защиту свекло-сахарной промышленности. Проект был отвергнут, тогда его сторонники стали требовать повышения налога на свекловичный сахар. Палата депутатов обратилась ко всем сельско-хозяйственным обществам с

[1]) Г. Н—а считает, что из 600 сахзаводов осталось только 450. Библиотека для Чтения. XCVI. 1849 г. О колониальном и свекловичном сахаре. Ср. Kaufmann выше цит. Стр. 122.

просьбой высказать свои соображения по вопросу о повышении акциза на сахар.

Интересно мнение Центрального сельско-хозяйственного общества; последнее стало на ту точку, что нужно поддерживать обе промышленности. Поэтому, оно высказывалось за снижение с 1845 г. пошлины на колониальный сахар и постепенное повышение с 1848 г. акциза на свекловичный сахар, так, чтобы в течение пяти лет был уравнен акциз с пошлиной. Это предложение и было принято в законе 1843 г. Согласно этого закона, акциз на свекловичный сахар с 1 августа 1843 г. должен был повышаться в продолжение четырех лет ежегодно по пять франков на 100 кило. По истечении этого периода, т. е. в 1848 г. акциз сравнивается с пошлиной (49 фр. 50 сан. с 100 кил. или с пуда песка свыше 2 р. сер.).

Привозной сахар из иностранных колоний облагался почти на 24% выше. Борьба свекловичных и тростниковых рафинеров во Франции любопытна тем, что здесь та и другая промышленность являлась своей, интересы той и другой промышленности были близки стране. Отсюда понятен и тот конечный результат, к которому привела борьба, именно уравнение акциза с пошлиной. Таким образом, наше правительство имело перед своими глазами любопытный опыт с введением акциза, проделанный во Франции. Рабски следовать ему нельзя было в виду существенной разности в производственных условиях.

Следует сказать несколько слов о способах взимания акциза во Франции. С учреждения акциза на мин. фин. была возложена обязанность определить способ взимания. Проект положения о способе взимания был утвержден только в 1846 г. Всякий, желавший заняться сахароварением, должен был подать в бюро неокладных сборов подробное описание завода и обозначение числа, силы и емкости всех снарядов и помещений, служащих для сгущения и варки соков, сиропов, мелисов и других сахаросодержащих веществ. Всякий завод обязан перед началом работы получить особое разрешение от бюро неокладных сборов на каждую свеклосахарную кампанию. За выдачу этого разрешения взималось 50 франков. Главные операции производства вносились в реестр, который заводчик обязан вести по форме, определенной особым постановлением. Заводчики подвергались обыскам и поверкам чиновников бюро управления неокладных сборов, которых они обязаны допускать во все заводские помещения. Чиновники вели по каждому заводу счет производства как в соках и сиропах, так и в готовом или неоконченном сахаре. Налог исчислялся по количеству и густоте соков, подвергаемых очищению. Количество сока, подвергаемое очищению, исчислялось по емкости котлов. Перед возобновлением и окончанием работ составлялась главная инвентарная опись всем произведениям фабрики. Количества, превышающие результаты исчисления, облагались дополнительным налогом. Независимо от этих инвентарных описей, чиновники бюро неокладных сборов могли в любое время контролировать состояние счетов готового продукта и проверять остатки сахара на заводе. Обнаруженный излишек по проверке подлежал конфискации. Во время производства не дозволялся привоз на завод сахара (туземного или колониального), сиропа, мелиса и др. Сложными формальностями обставлялась перевозка сахара. В общем можно сказать, что способ взимания акциза во Франции основывался на внутреннем прямом надзоре, соединенным с весьма обременительными формами для производителей, а равно и внешнем надзоре крайне стеснительным для сахарной торговли.

Обложение акцизом свекло-сахарного песка в Пруссии, введено в 1841 г. В конвенции, заключенной (1841 г.) Пруссией с другими держа-

вами Германского таможенного Союза, было установлено: 1) что акциз с свекловичного сахара не должен превышать 1/5 талера с центнера, пока общее его производство не составляет 20% всего привоза иностранного сахара; 2/3 талера при достижении 20% привоза и более; 2) что привозные пошлины на иностранный сахар и патоку и акциз на внутренний свекловичный сахар должны быть устанавливаемы на каждые три года. По истечении трехлетия, указом 1844 г. акциз на свекловичный песок установлен в один талер с центнера. Согласно принятой норме выхода из 20 центнеров свекловицы один центнер сахарного песка, взимается с назначенной в обработку свекловицы по $1^1/_2$ зильбергроша с центнера; пошлина с иностранного сахарного песка определена в пять талеров с центнера.

В 1846 г. издано для Германского таможенного Союза новое постановление о взимании акциза с свекловичного сахара внутреннего производства. Сущность этого постановления заключалась в следующем:

1) количество акциза с сахара, приготовленного из свекловицы или другого сахаросодержащего плода, определяется на три года, считая с 1 сентября и Правительство обязано об'являть о новом акцизе по крайней мере за два месяца (8 недель) до начатия нового трехлетнего периода; 2) акциз взимается с веса употребляемой свеклы, принимая за норму впредь до усмотрения, что 20 центнеров свеклы дают один центнер сахара (5%); 3) в тех свекло-сахарных заводах, в которых свекла употребляется в свежем (не сушеном) виде, вес оной определяется до поступления в резальные или уменьшительные снаряды, посредством официального взвешивания в присутствии чиновников. Там, где свекла употребляется в состоянии сушеном, взвешивание производится в присутствии чиновников до поступления свеклы в то отделение фабрики, в котором находятся снаряды для выжимки. Для каждого центнера сушеной свеклы полагается, при расчете акциза, $5^1/_2$ центн. свежей или сырой.

Места для взвешивания свеклы должны быть ограждены от сырости, холода и сквозного ветра. Заводчики обязаны были предоставлять чиновникам квартиру. Для мелких заводов, перерабатывающих не более 10 тыс. центнеров, специальное взвешивание свеклы отменялось, уступая место общему обозрению самого производства.

Владелец свекло-сахарного завода обязан вносить акциз не позже трех дней по получении извещения о причитающемся акцизе за каждый истекший месяц. Не допускалось освобождения от платежа акциза или возвращения его, если во время или после производства материалы или изготовленные из них изделия подверглись порче.

При учреждении нового свекло-сахарного завода или при переустройстве старого, владелец обязан подать в акцизное управление своего округа за шесть недель до начала производства об'явление. Не позже как за неделю до начала производства заводчик обязан представить ведомость с копией по установленной форме, в которой указывается пространство, занимаемое снарядами, отведенное для хранения свеклы, сахара, исчисление машин и аппаратов, обозначение емкости котлов, чанов и проч. К этим ведомостям прилагаются чертежи всех фабричных помещений в двух экземплярах. Один из них, засвидетельствованный акцизным управлением, хранится на заводе. Заводчик в случае приобретения новых машин, снарядов обязан заранее уведомить акцизное управление и не имеет права пускать в ход новых снарядов или перемещать старых, пока не получит на это разрешение. О перемещении снарядов из одного помещения в другое должно было посылаться в течение трех дней уведомление. На всех аппаратах и снарядах ставился определенный номер и обозначалась

емкость их. Заводчик обязан был вести книги о ходе производства для того, чтобы из них можно усмотреть как количество поступившего в переработку сырья, так и количество изготовленных изделий. Кроме того требовалась еще подача реестров в двух экземплярах о всех запасах свеклы с обозначением места ее хранения. Из этого видно, как обременительно было применение сахарного акциза в Германии. Акциз был умеренный по 31 коп. сер. с пуда, между тем во Франции в зависимости от сортов от $187^1/_2$ коп. сер. до 241 коп. сер. с пуда [1]).

Введение в Германии даже такого скромного акциза на свекловичный сахар вызвало сокращение числа свекло-сахарных заводов: в 1841 г. число их сократилось до 135, а при повышении налога в следующем году вдвое, осталось заводов 98. Мелкие плохо оборудованные предприятия не могли выдерживать конкуренции с крупными, заново оборудованными заводами, а равно и с все расширяющимся сбытом колониального сахара [2]). В начале сороковых годов было проведено обложение свекловичного сахара и в Австрии, и здесь с единственной целью возместить казне падение дохода от пошлины на колониальный сахар [3]).

Таким образом, наше мин. фин. поставило вопрос о введении акциза на свекловичный сахар после того, как он был проведен в других странах. Пример этих стран давал почву мин. фин. для обложения свекловичного сахара.

Естественно, было ожидать, что наши сахарозаводчики поднимут голос против обложения. Министр финансов в своей записке, представленной в Государственный Совет, сообщил о том, что ему передано в 1847 г., по повелению государя отношение Киевского Генерал-Губернатора следующего содержания: «в крае начало деятельно развиваться свекловично-сахарное производство, которое доставляет владельцам несравненно боль-

---

[1]) В немецких коммерческих кругах, связанных с торговлей, раздавались голоса о повышении акциза. Любопытно сообщение в немецкой биржевой газете от 5 мая 1847 г.: «По достоверным известиям, акциз на свекловичный сахар, в Государствах Германского Таможенного Союза, составляющий ныне 1 талер с центнера, будет возвышен до трех талеров. Таковая мера оказывается во всяком отношении оправданною опытом и оную давно уже следовало принять, дабы не поощрять такой промышленности, коей польза для края весьма сомнительна, между тем как от нее происходит явный вред для государственных доходов, торговли и потребителей. Уже неоднократно доказано, сколь безрассудно в умеренном климате производить тропические продукты и, что благоразумнее на наших нивах производить свойственные нашему климату продукты, нежели такие, коих производство сопряжено с большими пожертвованиями. Правительства продолжают обременять высокою пошлиною тропический сахар (5 талеров с центнера), между тем как уступающий оному в доброте свекловичный сахар подвержен только ничтожному акцизу, таковое не соответствующее цели поощрение бесполезной промышленности причиняет государству величайший ущерб как в доходах вообще, так и в других отношениях. Уже теперь доходы Таможенного Союза сокращаются с уменьшением привоза тростникового сахара и каждый год можно ожидать нового оскудения таможенного дохода при увеличении свекло-сахарного производства. Равномерно и добыча хлебных растений должна уменьшаться год от году, если лучшая почва обращается на разведение свеклы; в чем уже теперь, очевидно, убеждаются во Франции и в самых плодородных провинциях. Прусское земледелие есть лучшая основа могущества и безопасности государства. Дальнейшее поощрение свекло-сахарного производства, как оное досело существовало, не только повлекло бы за собой новый ущерб земледелию, но вследствие такового поощрения государства Там. Союза рано или поздно сделались бы жертвою собственной неосмотрительности». Характерно, что в Германии высказывались взгляды о вреде новой промышленности; причем и здесь повторялась та же жалоба на падение таможенных доходов. Это был основной аргумент против новой промышленности. Ссылки на него встречаются во всех странах, где зарождалась свекло-сахарная промышленность.

[2]) Kaufmann выше цит., стр. 40.

[3]) Там же стр. 103.

шие выгоды, чем винокурение». Генерал-Ад. Бибиков выразил желание, «дабы правительство поощрило этот промысел покровительством своим и утвердило заводчиков в неосновательности разнесшихся слухов, будто бы сахарное производство обложено будет акцизом или пошлиною, ибо эта мера при начале развития промысла могла бы не только остановить, но и совершенно уничтожить оный, тем более, что устройство сахарных заводов обходится дорого и для получения выгод, соответственных употребленным на то капиталам, необходимо много времени, кроме того увеличение потребления сахара в народе может в некоторой степени отвлечь его от крепких напитков и тем исправить нравственные и физические его силы».

Южные сахарозаводчики заволновались от слухов о введении акциза на сахар и сочли нужным обратиться к государю с ходатайством о покровительстве этой промышленности. Выдвинут был еще новый аргумент— распространение потребления сахара может отвлечь народ от потребления спиртных напитков. Об этом говорили те, кто цепко держался за право пропинации.

Мин. фин. удачно парировал основной аргумент Бибикова, что свекло-сахарная промышленность находилась еще в начале своего развития ссылкой на цифры, приведенные в докладе Киевского Генерал-Губернатора. Он сообщил, что в 1845 г. в трех губерниях имелось 67 свекло-сахарных заводов с продукцией 221,8 тыс. пуд. песка и 153,8 тыс. п. рафинада, всего на сумму 2,5 мил. руб. «О таковой значительной промышленности нельзя сказать, что она находится в начале своего развития, напротив того она в этих губерниях достигла уже высшей степени процветания, как в отношении техническом, потому что на главных заводах Киевской и Подольской губ. употребляются новейшие системы производства, так и в отношении торговом, потому что тамошний сахар качеством и количеством вытесняет с рынков южной России колониальный сахар. Налог, если он будет умеренный, и способ взыскания, если он будет не стеснителен, не могут подорвать сей промышленности, ибо дознано из опытов Французского и Германского Таможенного Союза, что акциз свекловичного сахара, падая исключительно на потребителей, не уменьшает производства оного. У нас же при таможенной пошлине с иностранного сахара сырца в 3 руб. 80 коп. сер., равняющейся более 80% первоначальной цены этого материала, внутреннее производство свекловичного сахара пользуется со стороны Правительства покровительством более, чем достаточным».

Министр финансов находил нужным, чтобы свекло-сахарная промышленность, начавшая вытеснять с рынка иностранный сахар-песок, представлявший одну из важнейших статей таможенного дохода, возместила бы, хотя частично, падение таможенного дохода. По подсчетам, приведенным в записке, привоз в 1845 г. и 1846 г. колониального сахара уменьшился против 1844 г. на 400 тыс. пуд., а против 1842 г. на 220 тыс. пуд. Это уменьшение лишило казну дохода от 900 тыс. до $1^1/_2$ мил. руб. сер.

Мин. фин. находил, что ставка акциза в 1 руб. сер. с пуда, предположенная в 1841 г., не была соразмерна тогдашнему состоянию свекло-сахарной промышленности. Он отвергал и предложение об обложении акцизом одного рафинирования сахара по следующим соображениям: «из 730 т. п. песка внутреннего происхождения поступало в варку и рафинировку на местах производства менее половины. Обложение рафинировки налогом значительным имело бы последствием прекращение оной, а незначительный налог едва ли покрывал бы расходы казны на внутренний надзор в 60 заводах, занимающихся рафинированием свекл. песку и надзор внешний—необходимый за развозкою свеклосахарного рафинада, мелиса и лумпа. Сверх того известно, что значительная часть свекловичного песку

привозится уже в Петербург на заводы, учрежденные для рафинирования колониального песку. Сие последнее обстоятельство в особенности затруднило бы взимание акциза с свекловичного рафинада, ибо крайне было затруднительно удостоверяться из колониального или свекловичного песку рафинад и мелис выварен».

Что касается способов взимания акциза, то мин. фин. отвергал, как французскую, так и прусскую систему в виду их мелочной стеснительности, беспрерывного надзора, обысков и ревизий. Норма акциза, принятая в Германском Таможенном Союзе, с постепенным повышением соответственно увеличению внутреннего производства, по мнению министра финансов, соответствовала положению вопроса в России. В Германии акциз составлял одну пятую часть таможенной пошлины. Такой акциз не был бы обременителен и в России, где внутреннее производство сахара составляло уже 43% привоза. Исходя из этих соображений мин. фин. считал, что следовало бы определить на первый раз акциз в 1/5 часть таможенной пошлины с привозного сахара, т. е. в 76 коп. сер. с пуда. «Но приемля в уважение, что всякий новый налог должен быть при начале введения оного, по возможности умеренным, дабы не устрашить производителей— признает достаточным установить для первых шести лет следующую норму: 1) С 1-го сентября 1848 г. по 1 сентября 1850 г. по тридцати коп. сер. с пуда (8% тамож. пошлины); 2) с 1 сентября 1850 г. по 1 сентября 1852 г. по 50 коп. с пуда (13% тамож. пошлин) и 3) с 1 сентября 1852 г. по 1 сентября 1854 г. по 70 коп. сер. с пуда (18½% тамож. пошлин).

Размер сей принят за постоянный для первого 6-тилетнего периода, по истечении коего можно будет сообразно дальнейшему развитию свеклосахарной промышленности в России или увеличить акциз или на известное время оставить прежний.

Для мелких заводов с производительностью не свыше 500 п., расположенных в губерниях центральных, северных и западных, находившихся в отношении качества и дешевизны свеклы в менее благоприятных условиях, мин. фин. предлагал установить пониженный акциз: а с 1 сентября 1848 г. по 1 сентября 1850 г. по 15 коп. сер. с пуда (т. е. половина акциза, назначенного для первого 2-хлетнего периода); с 1-го сентября 1850 г. по 1-ое сентября 1852 г. по 30 коп. сер. с пуда; с 1-го сентября 1852 г. по 1-ое сентября 1854 г. по 50 коп. сер. с пуда. Вновь учреждаемые в России свекло-сахарные заводы после установления акциза освободить на два года, со дня подачи в уездные казначейства об'явлений об учреждении оных от платежа акциза, не освобождая их, впрочем, в течение двух льготных лет от взятия свидетельств на право производства. Предполагая даже, что свекло-сахарное производство в России останется в том же количестве в течении первых шести лет учреждения акциза, можно приблизительно исчислить ежегодный доход казны от акциза (кроме сбора за крепостные листы для свидетельств на право производства).

в 1849	и 1850	г.	по 219.000	руб. сер.
„ 1851	„ 1852	„	„ 365.000	„
„ 1853	„ 1854	„	„ 571.000	„

При обсуждении способов взимания акциза, министр финансов считал невозможным применение системы обандероливания готового продукта в виду об'ема той тары, в которой производится развозка песка, переработки песка в рафинад на месте производства, и невозможности обандероливания рафинада. Мин. фин. правильно полагало, что способ взимания должен быть по возможности дешевым, свободным от вмешательства в производство органов надзора, нестеснительным для сахарной торговли.

После изучения, применявшихся в России способов сахароварения, министерство финансов считало возможным установить норму выхода из одного берковца в 3% или в 12 ф. (во Франции—6%, в Германии—5%). Для установления количества свеклы, перерабатываемой в сутки, определялась производительная способность каждого вида снарядов, извлекавших из свекловичной мязги первый сырой сок, так при холодной выжимке суточная выработка каждого такого порядка устанавливалась в 25 берковцев свеклы, представляющих по указанной норме выхода (3%) $7^1/_2$ ф. белого сахарного песка в сутки; для гидравлических прессов при девятидюймовом диаметре поршня или цилиндра—25 берковцев, для 10-ти дюймового пресса—30 берковцев (9 ф. белого песка); для 12-ти дюймовых—40 берк. (12 ф. белого песка); для ручных, рычажных, нажимных и ударных прессов количество суточной выработки должно устанавливаться на основании фактической работы в течении первых трех суток производства в присутствии чиновника. Средняя суточная выработка в течении этого пробного периода и полагалась в основу исчисления количества переработанных берковцев.

Для порядка горячей выжимки, применявшейся в момент введения акциза на весьма немногих заводах, также предусматривался метод опытного установления путем проверки трехсуточной работы в присутствии чиновника.

«Следуя сим правилам, читаем в записке министерства финансов, можно определить вперед ежесуточное производство каждого завода, смотря по снарядам, употребляемым ими для извлечения первого сырого сока. К этим снарядам прилагаемы будут чиновником уездного казначейства в праздный период завода казенные печати, которые снимутся ими перед начатием работ и приложатся вторично по окончании оных. Таким образом, число суток работы снарядов, служащих для извлечения первого сырого сока, укажет количество акциза, причитающегося от каждого завода».

Выгоды такой системы взимания налога изображались в записке в таком виде:

1) Кроме снарядов, служащих для извлечения первого сырого сока, все машины для очищения, сгущения и варки соков, сиропов, патоки остаются совершенно свободными от надзора и контроля казенного, 2) самый надзор за снарядами, извлекающими первый сырой сок, будет ограничен только временною командировкою чиновника для приложения и снятия казенных печатей для первоначальной только поверки суточного производства тех снарядов, коих нельзя определить вперед единицы суточной работы и наконец, для удостоверения в том, снабжены ли заводчики свидетельствами Уездного Казначейства и сходны ли количество и нумерация снарядов с обозначением свидетельств, 3) привоз на заводы свекловицы и вывоз из оных сахарного песка, рафинада, мелиса, сиропа и патоки, равно как и все операции производства не будут подлежать никакому контролю и поверке, 4) счетоводство заводов останется неприкосновенно для чиновников и наконец 5) расходы казны по взиманию акциза ограничатся определением небольшого числа чиновников в Казначействах тех уездов, в которых находятся свеклосахарные заводы и прибавкою по одному или двух чиновников особых поручений в Казенные палаты тех губерний, в которых по многочисленности заводов, не будет возможности возлагать должность ревизоров на чиновников по питейной и табачной частям.

Записка мин. фин. подвергалась в Департаменте Экономии Государственного Совета всестороннему обсуждению. В виду того, что в составе

Государственного Совета преобладали дворяне, связанные так или иначе с сельским хозяйством, следовало ожидать, что проект мин. фин. не встретит особенно приятного приема. Крупное дворянство уже оценило все значение свеклосахарной промышленности для укрепления своего имущественного базиса и потому должно было бороться за то, чтобы проектированный анализ не лег тяжелым бременем на сахарозаводчиков, принадлежавших к тому же социальному классу.

Департамент Экономии Государственного Совета, на рассмотрение коего поступила записка мин. фин., обсудил предлагаемую меру с принципиальной стороны [1]). Обсуждение его представляет большой интерес, показывая, какие течения экономической мысли владели умами высших сановников нашего государства.

«Нет надобности указывать столь известную истину, читаем мы в заключении Департамента, что государства не могут и не должны иметь целью достижения совершенной независимости относительно снабжения себя всеми потребностями общежития и что не каждое из них способно сделаться государством мануфактурным, но если признано нужным поощрять у нас развитие мануфактурной и фабричной промышленности и если допускаются премии насчет потребителей в пользу таких фабрикаций, которые заимствуют сырье, первоначальные материалы из других государств, то едва ли справедливо было бы подавлять такую ветвь промышленности, для которой и материалы и все вспомогательные средства суть наши собственные и которая занимает десятки тысяч рук в тех местах, где кроме земледелия, нет никаких заработков, и где при том самый хлеб, по недостатку сбыта не имея цены, не вознаграждает труда земледельца. В сих видах возделывание свекловицы весьма важно, оно важно и потому, что огромные капиталы на покупку сахарного песка, ежегодно употребляемые и по незначительности сбыта наших произвеедний в Гаванну к нам почти не возвращающиеся, остались бы внутри государства; что усиление посева свекловицы содействует постепенно к водворению у нас плодопеременной системы, и что, кроме выгод помещиков и поселян от приготовления свекловицы, выгод материальных и нравственных, ибо сельские жители остаются в своих семействах, многие тысячи работников употребляются на заводах, заняты извозом сахара, доставлением костей и проч. Напротив того, заводы, для рафинировки привозного сахара, устроенные только в приморских городах: Архангельске, Риге и Петербурге, не доставляют пользы государству, они занимают лишь не более 2.000 рабочих, отвлекая их от домов и не распространяя между ними никаких полезных сведений по существу самой фабрикации, не говоря уже о неудобстве сосредоточения заводов в столице, где они много содействуют возвышению цен на дрова».

Указав преимущества свеклосахарной промышленности, Департамент Экон. оттенил, что привоз колониального сахара составляет важную статью таможенных доходов, давая в год до 8 мил. руб. сер. Свеклосахарная промышленность достигла столь значительного развития, что свекловичный сахар стал вытеснять гаванский. Поэтому Департамент Экон. полагал необходимым принять меры, если не к увеличению, то к охранению столь важной статьи доходов казны от упадка, с другой стороны, не хотел отвергать «что сия внутренняя промышленность требует возможных облегчений, дабы неизмеримостью налога не подавить ее на пути начатого усовершенствования».

Департамент Экномии нашел нужным передать записку мин. фин. на

[1]) Л. Ц. И. Арх. фонд. Госуд. Совета. Дело № 170. Список с заключения Департамента Госуд. Экономии. Спб. 1847 г.

предварительное рассмотрение другого близко заинтересованного в сахарной промышленности ведомства мин. госуд. имуществ. Нужно иметь в виду, что министерство государственных имуществ очень интересовалось указанной отраслью производства, провело специальную анкету по свеклосеянию, результаты коей были опубликованы в 1849 г. Чтобы приохотить к разведению свеклы путем обеспечения ее сбыта, министерство поручило Палатам Госуд. Имуществ собрать сведения об участках казенной земли, удобных для устройства свеклосахарных заводов и пригласить частных лиц к устройству на них заводов с разными пособиями от министерства.

Сахаровары очень высоко ценили помощь, оказываемую им мин. госуд. имуществ. Когда северные рафинеры, видя опасность конкуренции со стороны свекловичных рафинеров, начали обращаться со своими ходатайствами в министерство финансов, Шишков в заседании комитета предложил «просить О-во Сел. Хозяйства представить особенному вниманию и покровительству министра госуд. им. положение наших свеклосахарных заводов, тесно с земледелием связанных и особенно тех, при коих свекловица введена в севооборот полеводства, дабы поддержать, с одной стороны, заведенный уже в них порядок, с другой, возбудить соревнование и дать средства земледелию более и более усовершенствоваться во всех его отраслях» [1]).

Записка мин. фин. была передана на заключение мин. госуд. имуществ, представившего целый ряд замечаний по существу проекта. Свое мнение он представил «не столько по влиянию свекловичного производства на быт государственных крестьян, сколько по связи оного с сельским хозяйством всех сословий вообще».

Добывание сахара из свекловицы есть одно из мануфактурных производств, наиболее связанных с земледелием и приносящих сельскому хозяину многоразличные выгоды. В государстве, которого главный источник народного богатства есть хлебопашество,—возделывание свекловицы, а следовательно, и переработка оной на сахар, заслуживают особенного внимания и покровительства.

Всем известно по опытам последних годов, сколь владельцы земель в наибольшей части России стесняются изобилием производимого ими хлеба, низкими на него ценами и трудностью сбыта его. При таких обстоятельствах нельзя ожидать усовершенствования в сельском хозяйстве, без возможности заменять посевы хлеба возделыванием таких растений, которые бы доставляли верный сбыт, скорую выручку денег и вместе с тем наименее истощали почву. Свекловица отвечает всем этим условиям:

а) будучи производима около заводов при постоянной известности их требований, она сбывается без всяких затруднений и на самом близком расстоянии;

б) выручка денег за нее обеспечена общим обычаем заводчиков выплачивать цену ее при самом приеме на заводы по постоянной цене;

в) опытами известных агрономов Европы дознано, что из всех корнеплодных растений—свекловица наименее истощает землю, вознаграждая взятые из нее соки ботвою и обрезками корней при выкапывании их для сахарного производства, а потому она часто сеется на одной и той же земле по несколько лет сряду.

«Вместе с земледелием выиграло и скотоводство, ибо выжимки свекловичные, выкидываемые с сахарных заводов, не только дали скоту новый и отличный корм, от которого молоко и масло улучшаются, но дали возможность умножить число скота, а следовательно, увеличить количество удобрения для полей.

---

[1]) См. Журнал Сельского Хозяйства № 3. 1852 г., стр. 63.

Выгоды мелких земледельцев, массу которых составляют казенные крестьяне, были еще разнообразнее: ибо сахарные заводы открыли им разные мелочные промыслы, до того им неизвестные...

Свеклосахарное производство в России не есть плод усилий или пожертвований правительства, а проявление внутренних народных сил и потребностей; оно может у нас укорениться прочным образом и обещает в будущем многие выгоды».

В этой верной оценке роста и значения свеклосахарной промышленности для народного хозяйства России интересно то, что министерство фин. в лице его виднейших сотрудников скептически относилось к возможности укоренения у нас свеклосахарной промышленности. Министр государственных имуществ на первый план выдвинул крупное значение этой промышленности для интенсификации сельского хозяйства, логически неизбежный переход к плодопеременной системе, и место в этой системе свекловицы. Министер. госуд. имущ. оказалось более дальновидным: история развития свеклосахарной промышленности вполне оправдала его высокую оценку новой отрасли труда.

Министр госуд. имущ., поддерживая все те аргументы, какие были выдвинуты против акциза в соединенном заседании Коммер. и Мануф. Советов, прибавили к ним еще один довод: «ни одно Европейское государство не чувствует столько стеснения в хлебной торговле и ни одно не имеет столько побуждений искать земледелию поддержки». В этих словах мы находим подкрепление высказанным нами в первой главе соображениям об общем положении народного хозяйства в момент зарождения свеклосахарной промышленности.

Очень подробному анализу министр госуд. имущ. подверг основной довод мин. фин. о падении ввоза колониального сахара. Падение в 1845 г. и 1846 г. являлось, по его словам, случайным, вызванным неурожаем сахарного тростника на о. Кубе. При выводе средних величин за 4 или 5 лет, получались такие данные:

	Привоз
1835—1838 г.	6.174.233 п.
1838—1842 г.	6.995.916 п.
1842—1846 г.	7.305.914 п.

Министр госуд. им. не соглашался с тем, что продукция свеклосахарной промышленности составляла уже 43% всего привоза. Учитывая значительное количество лумпа в привозе и сопоставляя привоз сахара с продукцией в ценностном выражении, мин. госуд. им. определил это соотношение только в 28%.

Полагая, что основной причиной для введения акциза на сахар является нужда государственного казначейства в новом источнике дохода, мин. госуд. им. ставил такой вопрос, не являлся ли этот налог преждевременным и «не слишком ли быстро предположено возвышать его, ибо хотя 30 коп., акциз с берковца, определенный на первые два года из шестилетнего периода и будет сносен для заводчиков, но в последние два года, достигнув 70 коп., он уже сделается несравненно труднее и может быть решительно тягостным. Кажется, что на первое время можно было бы акциз в 30 коп. оставить постоянным на все 6 лет или покрайней мере, возвышать его в меньшей пропорции и смотреть на него более, как на опыт, нежели на решительное постановление».

Таким образом, министр госуд. им., отметив глубокое значение свеклосеяния и свеклосахарной промышленности для всего народного хозяй-

ства, считал возможным обложение, но в более умеренных размерах, чем это предполагалось в проекте мин. фин.

Министр госуд. им. находил, что проект мин. фин. содержит в себе «множество распоряжений, столь стеснительных для сахарных заводчиков, что многие из них может быть не в состоянии будут вынести всех тягостей, на них падающих не столь от налога, который впрочем в последние годы шестилетнего периода делается довольно сильным, сколько от ограничений, поверок, мелочного надзора, часто повторяемого наложением и снятием печатей и проч.». По его мнению, необходимо искать улучшения предположенной системы взимания акциза. Сомневался он, чтобы чиновники уездного казначейства успешно справились с возлагаемыми на них обязанностями. По проекту требуется, чтобы они приезжали на заводы в день начатия работ для снятия печатей с снарядов, а в день окончания оных, для наложения оных, кроме того всякий раз, когда на заводе снаряд испортится и понадобится заменить его другим, запасным снарядом, или остановить его действие, то опять следует приглашать чиновника к назначенному дню, для приложения или снятия печатей; в распоряжениях сих упущено из виду, что все заводы свеклосахарные начинают работать почти в одном месяце и, следовательно, один и тот же чиновник не может одновременно быть на 3-х или 4-х заводах, в разных местах находящихся, тем более, что те же чиновники должны надзирать и за питейною и за табачною частями в своих уездах. Заранее можно видеть, что указанные здесь формы беспрерывного надзора будут поводом к сильным и постоянным притеснениям заводчиков». Видел министр госуд. им. большое затруднение в точном вычислении силы и емкости аппаратов. Для этого нужно иметь значительные сведения в математике и опытность в сахароварении, а в уставе предполагалось использовать для этой цели тех же чиновников, которые наблюдали в уезде за питейной и табачной частью. Министр госуд. им. считал необходимым упростить многие формальности и фискальные меры, предложенные в проекте.

Мин. госуд. им. представил ряд замечаний на проект устава. Возражал он против подачи об'явлений к 1-му августу, с указанием приблизительного количества свекловицы, предположенной к переработке на том основании, что копка свеклы начинается приблизительно с средины сентября, с другой стороны, на завод поступает свекла от мелких плантаторов в течении всего производства.

Возражая против многократных запечатываний и отпечатываний снарядов, министр госуд. им. предлагал установить нормальный период сокодобывания в 100 дней и за эти 100 дней считать акциз, не считаясь с тем, работал ли заводчик несколько больше или меньше. Только в том случае, если бы заводчик, по неимению достаточного количества свеклы или по другим причинам, не мог производить работы в течении 100 дней, ему должно быть предоставлено право просить уездное казначейство о запечатании снарядов и об исчислении акциза по действительному числу дней. Заводчику следует предоставить право начинать производство работ без вызова чиновников казначейства и распечатывать все или часть снарядов. Для избежания подлогов посылать чиновников для внезапного свидетельствования заводов. Льготу для мелких заводов с продукцией до 500 пудов распространить на все губернии. Средний выход в 12 ф. мин. гос. им. считал высокой, следует ее ограничить 10 ф. с берковца или $2^1/_2\%$. По его мнению, «начисление количества сока, добываемого разными снарядами, весьма неопределительно и в некоторых случаях возвышено до такой степени, что будет невыносимо для заводчиков». Так он полагал, что для безобидного обложения гидравлических прессов

справедливо было уменьшить сделанные вычисления на 20%. Срок взноса акциза мин. госуд. им. полагал нужным отложить до 1-го июля (в проекте до 1 апреля) на том основании, что к 1 апр. значительная часть сахара на всех заводах остается непроданною.

Министр ф. представил свои об'яснения на замечания министра госуд. им. На вопрос, почему свеклосахарная промышленность должна быть поражена налогом прежде других, мин. фин. отвечал, что «свекловица, не предназначенная на сахарное производство, не подвергается налогу, равно, как и хлеб, но горячее вино, добываемое из хлеба несет издавна налог, составляющий важную часть государственных доходов. Вино есть предмет роскоши простого народа, а сахар предмет роскоши высших сословий». Как видим, в момент введения налога сахар представлял предмет роскоши, потребляемой только высшими классами. Министр финансов не приминул сослаться и на свой основной довод—падение доходов от таможенных сборов с тростникового сахара.

Министр фин. полагал, что свекло-сахарная промышленность ни по числу заводов, ни по количеству производства «не может быть почитаема младенчествующей, к тому следует прибавить, что она и по техническому устройству большей части заводов достигла уже достаточной степени совершенства. У нас известны и введены почти все изображения, сделанные по сей части в чужих краях и, если некоторые заводчики не пользуются еще усовершенствованными способами производства, то такая незаботливость их о своих интересах, не может служить причиною к освобождению их от налогов, напротив того, учреждение налога побудит их к усовершенствованию для своих же выгод».

Срок для подачи первоначальных об'явлений, по мнению министра фин., нельзя отнести далее 10 августа, так как до начала производства должен оставаться по крайней мере трехнедельный промежуток: для двухкратных поездок чиновников на заводы, и именно в первый раз для поверки об'явлений с количеством и силой снарядов и наложения на них печати, а второй раз для снятия печатей.

Мин. фин. возражал против вычисления акциза по нормальному 100-суточному периоду, а не по количеству дней, в которые снаряды оставались распечатанными. «У многих помещиков собственный урожай свеклы бывает маловажен и они приобретают этот материал в больших количествах от соседних помещиков или крестьян, у которых нет заводов. Об'явив собственный только урожай, а из числа имеющихся на заводе снарядов для извлечения первого сырого сока один какой либо пресс или порядок холодной вымочки для исчисления акциза по 100-днев. периоду, эти заводчики тем удобнее избегали бы платежа акциза за остальное производство из покупной свекловицы, что контроль производства при отсутствии принятой в уставе системы поверки оного по числу дней, в которые снаряды остались распечатанными, совершенно не возможен».

Министр фин. горячо защищал принятую в проекте устава норму выхода в 12 ф., называя ее не средней, но самой меньшей, «если же есть в России два или три завода, которые добывают не более 10 ф., то это самое доказывает, что они существовать с пользою не могут, ибо они или устроены в местах неудобных для произрастания свекловицы или работают снарядами дурными, или людьми, нерадеющими о выгодах владельцев, в этом случае сии последние примут меры к усовершенствованию своих заводов».

Министр фин. делал одну существенную уступку в виде понижения акциза именно во второй период до 45 к., а в последний до 60 к. с пуда песка.

В общем министр фин. отстаивал свой проект, решительно отклонив все сколько-нибудь существенные изменения, предложенные министром госуд. им. Для нас борьба двух министров интересна выявлением отношения правительства к свекло-сахарной промышленности. Министерство государственных имущ. выступало как горячий защитник свекло-сахарной промышленности, добиваясь всяческих облегчений в предстоящем обложении.

Департамент Экономии, обратясь вследствие представленных министром госуд. им. замечаний и об'яснений по ним министра фин. к новому рассмотрению настоящего дела, остановился, прежде всего, на основном вопросе,—должно ли и своевременно ли облагать свекло-сахарное производство налогом? Ответ на этот вопрос Департамент экономии дал утвердительный. «Налог на свекло-сахарное производство, пользующейся уже 25 лет постоянною премиею, не может не представляться справедливым и своевременным». В подкрепление этого заключения, Департамент Экономии сослался и на министра госуд. им., обязанного следить за ходом сельского хозяйства всех сословий, и оказывать ему содействие, не отрицавшего возможности и справедливости наложения акциза.

Департамент высказался за понижение акциза во второй период до 45 к., и в третий до 60 к. Для устранения затруднений при определении работы аппаратов и снарядов департамент предлагал предоставить мин. фин., во-первых, снабдить уездные казначейства подробною инструкциею, в коей со всей ясностью и полнотою должны изложены быть указания приемов измерения апаратов, способ вычисления акциза и проч., во-вторых, в продолжении шестилетнего срока действия устава посылать особых от себя чиновников для обозрения заводов и собирания сведений насчет местного применения настоящих правил, дабы по опыту можно было допустить нужные в них изменения к облегчению заводчиков без ущерба интересов казны и таким образом притти к возможности составить уже положительный во всех частях закон удовлетворительный, на ближайших практических указаниях.

Департамент Экономии высказался согласно предложения мин. госуд. им. за распространение льготы для мелких заводов на все губернии.

Были представлены в Департамент Экономии замечания на проект ст. секр. Блудова. Они направлены были, главным образом, против норм переработки, установленных в проекте устава, как слишком высоких. Блудов находил норму выхода в 3% высокой. «Если не можно для всех вообще заводов вместо 3 определяемых % назначить $2^1/_2$%, то покрайней мере поставить во внимание изложенных причин для заводов, обрабатывающих не более 3 тыс. берковцев, сей последний процент, т. е. $2^1/_2$% ».

Блуднов сделал ряд замечаний по вопросам о взысканиях в целях согласования их с новым уложением о наказаниях.

В общем собрании Государственного Совета, куда проект перешел в январе 1848 г., были внесены некоторые изменения в проект устава. Общее Собрание предложило исключить в об'явлениях, подаваемых в уездное казначейство, указание приблизительного количества свекловицы в виду того, что виды на урожай свекловицы к первому августа еще неизвестны. По вопросу о льготах мелким заводам Общее Собрание Государственного Совета считало нужным «для устранения устройства одним и тем же лицом в разных губерниях маловажных заводов, с целью избежать взноса полного акциза, присовокупить § 12 примечание, что содержащееся в оном правило (по коему заводы, производящие в год не более 500 пуд. свекловичного песку пользуются платежем уменьшенного акциза) не распространяется на заводы одному помещику и в одной и той же

губернии принадлежащие, если они в совокупности производят в год более 500 пудов свеклосахарного песка».

В Общем Собрании было принято еще одно облегчение для сахарозаводчиков. Льготу, предоставляемую для учреждаемых вновь после обнародования настоящего Устава заводов и состоящую в освобождении в первый период от всякого платежа акциза, и во взносе во второй период по 30 коп., в третий по 45 коп. сер. с пуда пробеленного песка, постановлено было распространить и на те заводы, о которых доказано будет, что они учреждены в недавнем времени, т. е., менее, чем за два года до издания настоящего устава, так чтобы таковые заводы освобождены были в первый период от всякого платежа акциза, во второй—платили по 30 коп., а в третий—по 45 коп. сер. с пуда пробеленного песка. Это важное облегчение для сахарозаводчиков, т. к. в г.г. 1846 и 1847 строительство сахарных заводов носило значительные размеры. В расширении льготы, несомненно, сказалось влияние аграрного состава Государственного Совета. Этой льготой значительно облегчалось положение сахарозаводчиков.

Государственный Совет, изменив по § 14 норму суточной выработки свекловицы на каждом порядке холодной вымочки и определив ее вместо 25 берк. в 18 берк. и затем приняв на вид, что вообще исчисление выходов сахарного песка разными снарядами требует точнейшей местной проверки, признал нужным оставить этот § в действии на один лишь год. В этом снижении нормы переработки также нельзя не видеть существенного облегчения для сахарозаводчиков. Мин. фин. вменялось в обязанность представить сведения о правильном исчислении выхода сахарного песка и предположения свои внести в Государственный Совет. Государственный Совет обратил внимание на то, что на заводе кроме продолжительных остановок, освобождаемых от платежа акциза, бывают и кратковременные остановки по причине поправок снарядов, чистки, прогула рабочих, уменьшающий период производства несколькими днями (§ 24). Оставив этот § в силе, Государственный Совет поручил мин. фин. обратить на настоящий предмет особое внимание, а в случае жалоб заводчиков, допустить в этом отношении облегчение, войти в Госуд. Совет с представлением об этом и прежде истечения шестилетнего срока. Ряд мер по взысканию был смягчен в Государственном Совете. «Возлагаемую по 54 ст. ответственность на заводчиков за их мастеров, приказчиков и рабочих в случае своевольного снятия печати, утайки снарядов и сопротивления чиновникам, едва ли можно признать мерою справедливою, ибо большая часть заводов находится в распоряжении управляющих и потому, основываясь на ст. 630, 631, 660 и 745 Уложения, обозначенное правило, как полагал Государственный Совет, пояснить тем, что владельцы заводов или содержащие их на аренде, ответствуют за своих приказчиков, мастеров и рабочих, если они сами участвуют в каком-либо нарушении».

Государственный Совет предложил мин. фин. исправить проект устава согласно сделанным замечаниям и затем внести в Государственный Совет для поднесения на подпись государю. Характерен мелкий штрих: только один из членов Госуд. Совета отказался от участия в разрешении дела по владению свеклосахарным заводом.

В сопроводительной бумаге мин. фин., отделение госуд. экономии сообщало от 10-го февраля 1848 г. «что государю благоугодно было повелеть, чтобы дело сие было представлено на высочайшее рассмотрение и утверждение по возможности скорее».

Из списка журнала Департамента Экономии Государственного Со-

вета от 19-го февраля 1848 г. видно, что мин. фин. представил означенный проект в исправленном виде. Департамент Госуд. Экономии, усматривая, что внесенный в мин. фин. проект устава об акцизе с свекловичного производства исправлен им согласно с последовавшими в Государственном Совете разрешениями, нашел возможным поднести его для подписания. Это заключение Департамента Экономии было признано Общим Собранием Совета и проект устава получил утверждение 25 февраля 1848 года.

В указе Правительствующему Сенату мы находим распоряжение о введении Устава с 1-го сентября 1848 г. в действие. На мин. фин. возлагалась обязанность перед истечением шестилетнего срока действия нового Устава, внести свои представления о дальнейших по указаниям опыта распоряжениях по этому вопросу.

Первый Устав об акцизе с свеклосахарного производства установил очень умеренные ставки налога. Приведенное нами сопоставление со ставками в других странах показывает, насколько ставки, принятые в уставе 1848 г., были низки. В особенности, если мы сравним их с необычайно высокими пошлинами на колониальный сахар. Мысль мин. фин. установить акциз в размере $^1/_5$ части таможенных пошлин после ряда изменений превратилась в первые годы в $^1/_{12}$ и только в конце шестилетнего периода в $^1/_6$. И даже этот умеренный налог был значительно снижен для мелких заводов (15 коп., 30 коп. и 45 коп.). А заводы, вновь возникающие, были освобождены от платежа акциза в течение первых 5 лет. Льгота была распространена и на заводы, построенные в течение 2-х лет перед введением акциза.

Кроме акциза с пуда сахара заводчики уплачивали особый патентный сбор. Свидетельства на заводы выдавались по особой форме, на крепостной бумаге соответственно количеству сахарного песка, которое они могут приготовлять в стодневный период извлечения первого сырого сока, от 200 до 1000 пуд. на листе в 3 руб. сер., от 1000 до 2000 пуд. 6 руб., от 2000—3000 пуд. и более—50 руб. сер. (ст. 3) [1]).

В акцизный устав было внесено (§ 55) дозволение заводчикам выделывать из свеклосахарных остатков и продавать спирт и водки не иначе, как на основании правил, изложенных в статьях 394—398 устава о питейном сборе и акцизе (Свод законов, т. V).

Норма выхода сахара в 3%, принятая в уставе, являлась низкой суточная выработка снарядов также не была высокой, к тому же еще ее понизили против первых предположений.

Представители сахарозаводчиков находили этот налог умеренным. Шипов [2]) назвал налог 1848 г. «снисходительным акцизным налогом». «Главное облегчение заключалось в установлении весьма снисходительной нормы выходов сахара из берковца свекловицы... Этою нормою полагались выходы в половину менее действительных; особенно это было выгодно для паровых, с дорогими аппаратами устроенных заводов, для коих официальная норма составляла почти $^1/_3$ действительных выходов. По свидетельству гр. Бобринского, этот акциз составлял около 20 коп. с пуда выбеленного песка».

Были приняты все меры к тому, чтобы система взимания акциза не стесняла и не отягощала хода производства. Как увидим дальше, практика внесла свои поправки, значительно смягчившие первоначальную

[1]) П. С. З. 2-е, т. 23. 1848 г. № 22024. Устав об акцизе свеклосахарного производства.

[2]) Шипов. Записка о свеклосахарном производстве, читанная на заседании первого Отделения Комитета О-ва 12 февраля 1869 г., стр. 10.

схему взимания налога. Такое мягкое отношение к свеклосахарной промышленности, выявленное в Уставе 1848 г., несомненно стояло под влиянием той основной причины, что сахарозаводчиками являлись крупные землевладельцы, дворяне, представлявшие господствующий класс в социальной и политической жизни страны. Правительство, тесно связанное с этим классом, не могло обложить его сколько-нибудь значительным налогом. Во всех странах введение акциза сопровождалось закрытием большого количества свеклосахарных заводов; у нас же, после заминки в самый год введения акциза, мы наблюдаем в дальнейшем прирост заводов. В 1848 г. действовало 340 заводов, а в 1849—50 г.—349, в 1850—51 г.—358, в 1851—52 г.—382 и т. д. Таким образом, мы имеем восходящую линию роста заводов, несмотря на то, что акциз довольно заметно повышался. Свеклосахарная промышленность продолжала и после 1848 г. быстро развиваться не только по количеству продукции, но и по числу заводов. В этом мы находим лучшее свидетельство мягкости и необременительности сахарного акциза.

Согласно статье 33 устава, управление акцизом с свеклосахарного производства находилось в руках мин. фин. по департаменту разных податей и сборов. Местное управление принадлежало казенным палатам (§ 34). В тех губерниях, где находилось более значительное число свеклосахарных заводов, как, например: в Киевской, Тульской, Воронежской, Подольской, Черниговской и Харьковской, определялись в казенные палаты особые чиновники для ближайшего надзора за исполнением всех правил по учреждаемому акцизу. В казенных же палатах тех губерний, где число свекло-сахарных заводов незначительно, должность ревизора возлагалась на чиновников особых поручений по питейной и табачным частям (§ 35). Ближайшее заведывание акцизом с сахарного песка на местах принадлежало уездным казначействам (§ 38) [1]).

Позже для надзора за сахарным акцизом была учреждена должность главного инспектора по свекло-сахарной промышленности с местом пребывания в Харькове.

При рассмотрении проекта устава в Госуд. Совете была изменена в ст. XIII норма суточной выработки свекловицы на каждом порядке холодной вымочки с 25 берк. до 18 берковц. В виду того, что исчисление выходов сахарного песка разными снарядами требовало точнейшей местной проверки, было признано нужным оставить в действии принятую статью на один лишь год и представить мин. фин. в продолжении сего срока собрать все необходимые сведения и по произведенным опытам сделать надлежащее исчисление силы прессов и количества добываемого сахарного песка посредством холодной и горячей вымочки для взимания на основании их акциза.

В исполнение этого постановления мин. фин. командировал для обозрения и описания всех свекло-сахарных заводов чиновника мин. фин., который и представил свои выводы о суточной выработке берковцев на снарядах, неподходящих под норму, назначенную в уставе.

Для периода 1848/49 г.г. утверждены мин. фин. следующие нормы [2]):

---

[1]) П. С. З. 2-е, т. XXIII. 1848 г. № 22024. В 1859 г. отделение по акцизам с табаку и свекло-сахарного производства переведено из департамента разных податей и сборов в департамент мануфактур и внутр. торговли. П. С. З. т. XXXIV. 1859 г. № 35253.

[2]) Л. Ц. И. Арх. Госуд. Совета, департамент экономии. № 62. 1849 г. Дело об определении единицы выработки количества берковцев свекловицы на снарядах, неподходящих под назначенную Уставом об акцизе свеклосахарного производства норму. См. П. С. З. 2-е. Т. XXIV. 1849 г. № 23.326. Об определении единицы выработки количества берковцев свекловицы на снарядах, неподходящих под норму, назначенную Уставом об акцизе с свекло-сахарного производства.

а) для каждого гидравлического пресса в диаметре от 6 до 9 дюймов 25 берк. На тех заведениях, на которых диаметр прессов имеет менее 9 дюймов, и владельцы коих не согласились на 25 берковцев, считать суточную выработку в 20 берк.; в диаметре от 9 до 10 дюймов—30 берк.; от 10 до 11 дюймов—35 берк.; от 11 до 12 дюймов—40 берк.;

б) для холодной вымочки по каждому порядку о 7 чанах (в диаметре 18 верш., вместимостью 5 пуд) 9 бер. 6 п. 12 ф.; о 8 чанах (вместимостью 6 п.) 10 берк. 8 п. и т. д.

в) для ручных и конных прессов; конорычажного бар. Фитингофа—20 берк., рычажного Ромера—12 берк.. простого рычажного с деревянным винтом—8 берк. и т. д.

Кроме того, мин. фин. затребовал мнения знатоков свекло-сахарного производства гр. Бобринского и Скалона по вопросу о нормах, установленных в ст. 13 устава. Отзывы их сводились к тому, что определенная в § 13 устава единица выработки свекловицы для гидравлических прессов и холодной вымочки вполне соответствует нормальной силе и емкости означенных снарядов и должна остаться неизменною на все шестилетие действия устава. По мнению указанных лиц, всякая перемена сему предмету произведет неблагоприятное впечатление, тем более, что согласно указа Сената, изданного при опубликовании устава, акциз в течение первых шести лет должен оставаться без всякого изменения, с каковым мнением, по словам Бобринского, согласны свекло-сахарные заводчики вообще.

Приняв во внимание эти отзывы и выводы обследования мин. фин. пришел к такому заключению: «определенную произведенным опытам единицу суточной выработки на снарядах, не подходящих под норму, назначенную уставом и утвержденную мин. фин. для взимания акциза в период 1848/49 г. оставить на все пятилетие, в которое акциз остается без изменения.

В продолжении того же времени не изменять размеров суточной выработки свекловицы гидравлическими прессами и холодной вымочкой, которые определены в § 13 устава и по опытам оказалось вполне соответствующим нормальной силе и емкости означенных снарядов».

Заключение мин. фин. получило утверждение Госуд. Совета (16 мая 1849 года).

В 1848 г. министерство финансов занялось еще вопросом о выделке водок из свекловичных остатков. Оно провело указ о недозволении лицам, не имевшим свекло-сахарных заведений, учреждать заводы для выделки водок из свекло-сахарных остатков [1]). Согласно ст. 398 Свода Законов, т. 5 Устава Питей и § 344 акцизно-откупного положения свекло-сахарным заводчикам и производителям свекловицы не воспрещалось продавать свекловичную патоку или самую свекловицу на другие заводы, имеющие для выделки свекловичных водок и спиртов особое заведение.

По точному смыслу указа Прав. Сената это дозволение должно относиться только к лицам «кои, имея заводы для выделки сахара из свекловицы, содержат особые заведения для выделки водок из свекловичных остатков, но отнюдь не может служить к дозволению заводить в подрыв казенного питейного откупа, особые свекловичные заводы таким лицам, кои сами добыванием сахара не занимаются и своих свеклосахарных заводов не имеют. Посему Прав. Сенат, находя правильным заключение мин. фин. о закрытии завод шт.-кап. Посельского, устроенного для выделки

[1]) П. С. З. 1848 г., т. XXIII, № 22804. О недозволении лицам, не имеющим свеклосахарных заведений, учреждать заводы для выделки водок из свеклосахарных остатков.

водок из свеклосахарных остатков, определяет: «что лицам, не имеющим свекло-сахарн. заведений, учреждение заводов собственно для выделки водок из свеклосахарных остатков дозволено быть не может».

Ограничительное толкование права сахарозаводчиков продажи свекловичных остатков для выделки водок было проведено в интересах откупщиков. Это ограничение было внесено и в положение об акцизно-откупном комиссионерстве, где в § 375 (гл. XXI) сказано [1]):

«Устройство заводов для приготовления водок и спиртов из свеклосахарных остатков представляется только лицам, имеющим свеклосахарные заводы».

Прим. к 379 ст. «На каждом свекло-сахарном заводе можно выделывать столько водок и спиртов, сколько рассудится, не ограничиваясь количеством выделываемого сахара».

Принятое примечание ясно указывало, что ограничением продажи свекловичных остатков нисколько не затрагивалось право сахарозаводчиков выделки водок. Мало того, они могли продавать свекловичные остатки и патоку на другие сахарные заводы, «имевшие для выделки свекловичных водок и спиртов особое заведение и акциз со всех водок и спиртов сего рода платить, как постановлено в главе об акцизных статьях, в 317 (с ведра по 3 р., если водки крепостью в 24 градуса)».

Для того, чтобы охранить интересы откупщиков закон предоставлял им такие права: «Местному откупщику, где находятся заводы, или поверенному его представляется иметь беспрепятственный вход в водочные заводы и надзор, чтобы не происходило на оных злоупотреблений к подрыву питейных откупов относящихся, не касаясь впрочем методы выделки водок, составляющей тайну заводчика в искусственном отношении (§ 381)».

Продажа водок из свекло-сахарных остатков находилась под контролем местных откупщиков. «Ярлыки на провоз водок, выдаваемые уездными казначействами, пред'являлись по привозу в город или на ярмарку с самими водками местному откупщику или его поверенному, для надлежащей с их стороны в сем случае поверки и свидетельства (П. С. З. 1850 г., т. XXV 2-ое собрание № 24059. О содержании чарочных откупов, гл. XIII). Правительство тщательно оберегало интересы откупщиков, ставя под их строгий контроль продажу свекло-сахарных водок.

При рассмотрении статьи 22 устава в Госуд. Совете, министру фин. было поручено войти с представлением об облегчении в платеже акциза за время непродолжительных в работе остановок, в случае жалоб заводчиков. В 1853 г. департамент разных податей и сборов сообщил Государственному Секретарю: «на существующий по сему предмету порядок жалоб со стороны свекло-сахарных заводчиков доселе не поступало и в исполнении правила о том, заключающегося в § 22 устава об акцизе с свекло-сахарного производства, никаких затруднений не происходило, но за сим министерство фин. и не признавало нужным входить в Государ-

[1]) П. С. З. 1850 г., т. XXV, № 24058. 2-е собрание об акцизнооткупном комиссионерстве... гл. XXI. О заводах для делания водок виноградных, фруктовых, и сахарных из свеклосахарных остатков. Указанное постановление внесено и в положение о продаже казенного вина и изделий из оного в великороссийских губерниях на четырехлетие с 1855 г. по 1859 г. Новым является воспрещение «употреблять другие припасы, кроме сахарных и свекло-сахарных остатков, свекловичной патоки и самой свекловицы». (§ 229). И в этом положении подчеркнуто, что «на каждом свекло-сахарном заводе можно выделывать водок и спиртов без ограничения в количестве» (прим. к § 230). П. С. З. 2-е, 1854 г., т. XXIX. Положение о продаже казенного вина и изделий из оного в Великороссийских губерниях на четырехлетие с 1855 по 1859 г. Гл. X. О заводах для делания водок из сахарных и свекло-сахарных остатков.

ственный Совет с каким-либо по означенному предмету представлением» [1]).

Для учета свекло-сахарных заводов мин. фин. возложило на Казенные Палаты ведение особой книги, образец коей был дан в 1851 г. В эту книгу, в хронологическом порядке должны были вноситься все изменения на заводах, год их основания, когда построены, закрыты, в какой период не действовали, когда перешли к другому владельцу, пользовались ли льготой и проч. Как сообщает в своей официальной записке Грум-Гржимайло, об'езжавший накануне крестьянской реформы сахарный район—Киевскую, Черниговскую и Могилевскую губ. [2]), «ни одна из казенных палат не следила с должным вниманием за происходящими на свекло-сахарных заводах переменами, и не вела книг».

Надзор в значительной мере был фиктивный. Технолог по акцизной части Андреев докладывал в 1861 г. [3]): «до сего времени свекло-сахарные заводы осматривались шестью состоящими при мне чиновниками, от которых требовалось, чтобы они в течение производства осмотрели все без из'ятия заводы. Таким образом, на долю чиновника приходилось об'ехать во время производства огромный округ, с значительным числом заводов, в самое неблагоприятное время года, по проселочным дорогам, затруднительным для проезда, встречая беспрестанные остановки при требовании обывательских лошадей и имея в своем распоряжении слишком недостаточную сумму на путевые издержки; от этого чиновники не всегда имели возможность осмотреть даже по одному разу все без исключения заводы в течение производства, а каждому заводчику было вполне известно, что по от'езде чиновника, завод его, впредь до следующей кампании, не будет подвергнут никакому осмотру, и что все об'явления о его производстве работ будут приняты законными документами без всякой проверки: отсюда проистекает полная возможность для заводчиков скрывать рабочие сутки и не об'являть о всех действующих снарядах, не опасаясь законной за сие ответственности».

Чиновник мин. фин. Скалон, назначенный для управления и надзора за сахарным акцизом в своем донесении (1853 г.) указывал на то, что уездные казначейства испытывают большие затруднения при исчислении годового акциза по суточной норме различных аппаратов, так что оказалось необходимым командировать состоящих при Скалоне чиновников на места для составления совместно с уездными казначействами ведомостей о суточном и годовом акцизе. Для уездных казначейств был крайне обременителен прием от заводчиков об'явлений о начале работ, окончании и о всех остановках. При многочисленности действовавших заводов, образование из них шести округов оказалось недостаточным. Командируемые чиновники должны были делать слишком большие разезды сначала по заводам, а потом по уездным казначействам, что крайне затрудняло для чиновников надзор за точным исполнением правил об акцизе на всех порученных им заводах, во время производства работ. Скалон предлагал образовать девять округов и назначить на каждый округ особого инспектора, который должен иметь постоянное жительство в порученном ему округе. Окружных инспекторов подчинить главному инспектору, который будет иметь ближайшее наблюдение за их дей-

[1]) Л. Ц. И. Арх. ф. Госуд. Совета. № 170. 1847 г. Дело об акцизе с свеклосахарного производства. Департамент разных податей и сборов 31-го июля. 1853 г. № 541. О кратковременных остановках работ на свекло-сах. заводах.

[2]) Лен. Ц. И. Арх. ф. департамента мануф. и внутр. торговли. Дело № 97. Часть II.

[3]) Там же. Замечания на рапорт в департамент мануф. и внутр. торговли технолога по акцизной части Андреева 14 янв. 1861 г.

ствиями, у него в канцелярии должна быть сосредоточена проверка исчисления акциза, составление стат. сведений, отчетов и проч. По его предложению, на обязанности уездных казначейств следовало оставить только выдачу свидетельств на право производства и прием от них акциза, пеней и штрафов, согласно уведомлений Окружного инспектора и предписаний казенных палат.

Уездные казначейства оказались столь неспособными к наблюдению за сахарным акцизом, что министерство вскоре нашло нужным испросить дозволение о поручении надзора за заводами самим заводчикам. На основании этого распоряжения Скалон предложил владельцам и арендаторам принять надзор за своими свекло-сахарными заводами с тем, чтобы все об'явления о производстве работ, служащие документами к исчислению акциза, подавались за подписью или управляющих или на то уполномоченных.

С 1856 г. установлено ведение на заводах журналов. Все отметки о ходе работ вносились в этот журнал, своевременно по окончании производства он отсылался к Скалону с указанием, сколько суток по собственному исчислению завод находился в действии и сколько переработано свеклы. Состоящие при Скалоне чиновники при об'езде заводов просматривали журнал и делали об этом отметки в нем.

Из доклада Главного инспектора свекло-сахарных заводов от 9 декабря 1861 г. видно, что ведение журналов оказалось весьма полезным, делая возможный контроль путем сопоставления об'явлений, поданных в уездное казначейство, с отметками в журнале. По журналу вернее и удобнее можно было исчислить количество рабочих суток и акциз.

«Польза журналов оценена, докладывал Скалон, самими заводчиками, которые почти все ведут журналы правильно и доставляют их мне своевременно и даже вслед за первым опытом введения этой меры, некоторые сами просили о присылке бланка для журнала на следующий период».

«Чиновники, осматривая заводы, делают о том отметки в журналах там, где еще не окончено производство, т. обр. журналы между прочим, дают средства наблюдать над занятиями командированных чиновников».

Из доклада Скалона мы узнаем, что заводчиков затрудняло требование о том, что они не имели права приступать к работе до получения росписки из уездного казначейства о сдаче об'явления. Мотивировали свое недовольство тем, что заводы сплошь и рядом находились вдали от города, так что после посылки об'явления приходилось по долгу ожидать возвращения посланного с распиской казначейства, особенно во время распутицы и разлива рек [1]).

Постановлением Государственного Совета от 2 ноября 1859 г., указано, что «сила снарядов, употребляемых на свекло-сахарных заводах для добывания сока из свекловицы, должна быть определяема по трехсуточному испытанию, коим проводится в известность среднее количество берковцев свекловицы, могущее переработаться в сутки в каждом из находящихся на заводе снарядов и, что сие количество, с утверждения мин. фин. следует принимать за нормальное и по оному исчислять акциз до тех пор, пока в испытанных снарядах не произойдет какое либо изменение».

Опытное установление силы снарядов вызвало критику со стороны сахарозаводчиков. Харьковский сахаровар Жуковский обратился к мин. фин. с письмом, в котором подвергает критике это постановление [2]).

---

[1]) Лен. Ц. И. Арх. ф. департ. неоклад. сборов. Дело 97... Из циркуляра чиновника мин. фин. Скалона.

[2]) Лен. Ц. И. Арх. Дело 97. Ч. IV. Письмо Жуковского

«Опыты произведенные в последние годы чиновниками сахарного акциза, не могут еще служить верным указанием выгодности производства в каждой местности; ибо опыты эти производились без знания дела и с одностороннею кажется целью, возвысить акциз и тем заслужить признательность начальства; положительно можно доказать, что опыты эти не верны, следующими доводами: 1-е, сутки или двое чиновник не мог оставаться бессменно при обработке свеклы; сделать же расчет всей работы по нескольким часам его наблюдения, будет очень ошибочно, ибо при его непрерывном присутствии и надзоре в эти часы, конечно, работа шла отлично и успешно, но так она не может итти целые сутки, когда надзор старших в заводе ослабевает, в особенности по ночам, а тем более, итти так недели, месяцы и все производство, при неизбежных остановках в заводе от повреждений разных заводских принадлежностей, на час, на полсуток, а иногда и на несколько суток, особенно в паровых заводах, где каждые почти две недели необходимо чистить печные борова и паровики, на что требуется довольно времени, чтобы печи и паровики совершенно остыли. Этих остановок в законе не положено и чиновники их в расчет не принимают, а они в 100 или 150 дней производства составляют значительную потерю времени».

Повидимому, эта опытная проверка сильно затронула интересы сахарозаводчиков. Из доклада того же Скалона видно, что такая проверка ясно показала незначительность норм, установленных в уставе, по сравнению с действительностью. Такая проверка привела к повышению обложения.

Все эти поправки устава о сахарном акцизе показывают, что этот первый опыт обложения имел ряд существенных недостатков. Мин. фин. при практическом проведении Устава в жизнь выяснило его недостатки и в конце пятидесятых годов поставило вопрос о пересмотре устава об акцизе с свеклосахарного производства. Неудобства акцизной системы 1848 г. по оценке самого мин. фин. [1]), заключались в следующем: 1) неподготовленности чиновников к контролю за свекло-сахарным производством, 2) в низком уровне норм переработки свеклы, установленном для ряда снарядов. Трехсуточное испытание на заводе гр. Бобринского показало, что выработка сахара на заводе не должна быть ниже 12.500 п., между тем по нормам устава она не могла быть исчислена выше, чем в 2.700 п., за которые причиталось акциза 1.620 р. Таким образом гр. Бобринский уплачивал 1.620 р. за 12.500 п. песка, т. е. не более 13 коп. с пуда. Этот факт показывает, насколько легко и необременительно было обложение сахара по уставу 1848 г. Отсюда можно сделать вывод и о том, насколько преуменьшенными были цифры продукции сахара, показываемые в отчетах главного инспектора.

Министр фин. указывал на ряд недостатков устава в несоответствии системы штрафов с правонарушениями. По ст. 46 всякий пустивший завод, не взяв установленного свидетельства, подвергался взысканию в 300 руб. «Не ясно ли, читаем в записке мин. фин. заводчик, не уплатив акциза, которого с иных больших заводов причиталось до 10 т. руб. в год и не получив потому свидетельства, может открыть действие своего завода, уплатив только 300 руб. штрафа. Согласно ст. 47, в случае будет доказано, что завод действовал не один год без свидетельства, взыскивается по 300 руб. за каждый год. Выходит, что заводчик, уплачивая

---

[1]) Лен. Ц. И. Арх. фонд департ. неоклад. сборов. 1858 г. № 97. Дело о пересмотре устава об акцизе с свеклосахарного производства в 1848 г.

означенную сумму ежегодно, имел полную возможность не платить акциза на основании самого же закона. По словам автора записки, встречались примеры такого самовольного уклонения от акциза.

Имелись в уставе 1848 г. и неясности. Определено взыскивать акциз со снарядов, по коих производилась тайная выделка, за 100 суток. Возникал вопрос, если следствием будет установлено, что заводчик действовал один день, нужно ли взыскивать акциз за 100 суток, как штраф, а с другой стороны, как поступать, если следствие откроет, что работа велась более 100 суток.

В уставе не было указано на то, следовало ли взыскивать акциз за действие снарядов тогда, когда работы на заводе не были успешны и сахарного песка из добытого сока не было получено?

Крайне запутанными являлись статьи устава о льготах. По ст. 12 льготы предоставлялись вновь учрежденным заводам; не ясно было, следует ли предоставлять льготу таким заводам, какие построены в замен уничтоженных. Совет министра финансов постановил предоставлять льготы в таком только случае, если вновь учрежденный завод возникает на место уничтоженного пожаром, построен в большем размере. Опять не было указано, что нужно понимать под большим размером завода— строения ли его, количество ли аппаратов, их силу. Далее какие заводы должно признавать за вновь возведенные; те ли, которые имели новое строение или на которых поставлены новые аппараты, купленные у другого заводчика, или перенесены в новое строение прежде бывшие у него аппараты.

Такого рода вопросы, возбуждая множество сомнений и недоразумений, вели большей частью к толкованиям для казны не выгодным, несоразмерно увеличивая число заводов, пользующихся льготами. Из 401 действующих заводов 126 состояло на льготе. По оценке мин. фин., казна теряла на них не менее $^1/_8$ того дохода, какой следовало бы получить.

Министерство финансов находило, что устав дал даже вредное направление свекло-сахарной промышленности. «Принятие Уставом весьма малого процента выхода сахарного песку из свекловицы, при возвышенной пошлине на сахар привозной, весьма вредит русскому хозяйству, склоняя его заниматься свекло-сахарным производством в таких местностях, которые по климатическим условиям не соответствуют этой отрасли промышленности. Хозяева, расчитывая на малый процент выхода, при дороговизне сахара, находят выгодным строить свекло-сахарные заводы и там, где свекловица не может родиться и вызревать надлежащим образом и тем отвлекают рабочие руки от другой производительности, уничтожая напрасно запасы топлива. Таким образом, развилось у нас свекло-сахарное производство в губ. Тульской и Минской; есть заводы в Тверской, Смоленской и Витебской».

В 1854 г. истекал срок действия устава 1848 г. Министерство финансов, убедившись в продолжении шести лет в необходимости изменения акцизных правил, не сочло возможным приступить к пересмотру устава по политическим соображениям (крымская война). Министерство фин. полагало, что изменения акцизных правил в отношении размера акциза и порядка взимания, должны быть внимательно соображены, «с ходом торговли иностранным сахаром, для уравновешивания оной с внутреннею у нас свекло-сахарной фабрикациею; какое же получит направление сия торговля при нынешних полит. обстоятельствах, решительно предвидеть нельзя, тем более, что теперь невозможно также определить и того, в какой именно мере может увеличиться привоз иностранного сахара дозво-

лением ввозить оный в Россию по сухопутной границе с пошлиною только по два рубля с пуда (утвер. 9-го апр. сего года, мнение Госуд. Совета) и уменьшением на оный таможенной пошлины при привозе его морем.

По сим уважениям и для избежания в настоящее время новых расходов, которые при изменении существующего порядка в управлении свекло-сахарным производством, должны по некоторым предметам потребоваться, министр финансов полагал действие устава 1848 г. оставить без изменения, впредь до того времени, пока дальнейшее развитие сего дела укажет, при более благоприятных обстоятельствах, какие меры действительно могут быть здесь полезны в государственном, общественном и частном отношении». С этим мнением согласился и Госуд. Совет 7 июня 1854 г. [1]).

Таким образом устав 1848 г., крайне выгодный для свеклосахарной промышленности, был оставлен в действии на неопределенное время.

Недостатки устава об акцизе с свекло-сахарного производства как видим, хорошо были известны мин. фин. Последнее озабочивалось их исправлением, для чего был и принят ряд мероприятий. Пересмотр устава 1848 г. задержался из-за следующего обстоятельства: в 1856 г. было утверждено мнение Госуд. Совета о понижении пошлин с сахара сырца во всех нормах до 3 руб. с пуда сроком на шесть лет; вместе с тем, было положено, существующий акциз на свекловичный сахар оставить на тот же срок без изменения. При наступлении конца означенного срока в 1862 г. мин. фин. сделал распоряжение о составлении особого комитета при департаменте мануфактур и внутр. торговли для общего пересмотра устава об акцизе со свекло-сахарного производства, возложить на тот же комитет, рассмотрение вопроса о таможенных пошлинах на привоз сахар-сырец и рафинад. Впоследствии означенный комитет был соединен с отделом косвенных сборов высоч. утвержденной комиссии для пересмотра податей и сборов. Ими совместно был разработан проект нового устава об акцизе с сахара, подвергнутый обсуждению в Комиссии в 1862 г. Таким образом, вопрос о пересмотре устава 1848 г. уже выходит за рамки периода, охваченного первым томом. Этим можно закончить рассмотрение вопроса об обложении свекловичного сахара в изучаемый период. Первый устав об акцизе с свеклосахарного производства 1848 г., принятый в виде опыта на шесть лет, просуществовал без больших изменений до 1863 г. За этот пятнадцатилетний период свеклосахарная промышленность, пользуясь необычайно выгодным и льготным для нее обложением, успела развиться в мощную отрасль народного хозяйства. В связи с общим реформаторским движением, охватившим Россию в шестидесятых годах, не мог остаться без коренной ломки и устав 1848 г., но эта тема уже выходит за рамки намеченного исследования.

Попутно с проведением акциза с свеклосахарного производства в сороковых годах шла борьба за понижение таможенных пошлин на колониальный сахар. Эта борьба заслуживает внимания историка свеклосахарной промышленности, так как акциз и пошлина на сахар—это два коррелята, тесно друг с другом связанные.

---

[1]) Л. Ц. И. Арх. ф. Государственного Совета Деп. Экономии № 122 1854 г. Дело об акцизе с свекло-сахарного производства. Ср. П. С. З. 1854 г. Т. XXIX № 28 396 Госуд. Совет мнением положил: «действие утвержденного 25 февр. 1848 г. Устава об акцизе с свекло-сахарного производства и дополнительных к оному повелений оставить без изменения, предоставив мин. фин., когда дальнейшее развитие сего дела укажет необходимость в изменениях, войти с особым о том представлением в Госуд. Совет».

Количество сахара сырца и рафинада, очищенного пошлиною в таможнях по европ. торговле с 1840 по 1862 г.г.

Годы	Сахара сырца	Пошлины	Размер пошлины	Сахара рафин.	Пошлины
	Пуды	Руб.		Пуды	Руб.
1840	1.799.712	5.778.421	По 3 р. 15 к. с пуд.	46.448 [1]	41.803
1841	1.705.299	5.466.778	по провозу морем	42.468	38.221
1842	1.922.562	7.297.922		74.750	67.275
1843	1.782.987	6.725.002		48.285	43.456
1844	2.133.584	8.069.608		60.165	54.148
1845	1.674.189	6.353.174	По 3 р. 80 к. с пуда морем	67.435	60.691
1446	1.715.058	6.479.559		73.925	66.532
1847	1.485.146	5.572 322		114.732	103.259
1848	1.717.350	6.503.507		98.332	88.499
1849	2.033.773	7.522.799		150.504	139.844
1850	1.974.984	7.409 382		56.432	152.366
1851	1.836.989	6.869.884	С желт. и красн.	75.941	203.670
1852	1.876.550	7.072.780	привоз. к Петерб.	62.685	169.249
1853	1.238.442	4.668.393	порту по 3. р. 20 к.	75.117	202.815
1854	986.441	3.519.665		144.001	441.229
1855	842.202	1.714.987	Морем тоже, по сухопут. 2 р. с п.	161.945	575.066
1856	1.128.164	2.712.849		203.579	760.807
1857	1.440.199	4.258.856		197.735	672.828
1858	1.258.914	3.732.807		11.624	47.809
1859	957.130	2.811.902	Морем 3 р., а сухопутно по 2 р. с пуда	1.408	5.716
1860	977.139	2.852.622		1.202	5.402
1861	1.092.436	3.192.933		279	1.252
1862	1.262.660	3.579.561		4.663	18.727

Количество сахара сырца и рафинада, очищенного пошлиной в таможнях по азиатской торговле с 1856 по 1862 г.г.:

Годы	Пуд. сырца	Пуд. раф.
1856	6.030	60.315
1857	1.558	84.177
1858	482	81.170
1859	580	74.695
1860	1.036	76.695
1861	2.851	65.874
1862	606	72.238

Привоз колониального сахара происходил, главным образом, в форме сахара-сырца; в небольших количествах ввозился сахар-рафинад. По азиатским таможням наблюдалось обратное отношение. С двадцатых годов привоз колониального сахара возрастал из года в год [2]). Заметное

[1]) До 1854 г. привоз рафинада дозволен был только Одесскому порту, очищался пошлиною, утвержден. 10 февраля 1821 года, по 4 руб. 50 коп. с пуда и по правилам Одесского порто-франко. С 1854 г. привоз рафинада был дозволен с пошлиною по сухопутной границе 4 р., морской—5 р.

[2]) Очищено пошлинного колониального песка, лумпа и рафинада в период до 40-х годов (в тыс. пуд.):

1824 г. — 827,8	1831 г. — 1.488,3
1825 г. — 1.122,2	1832 г. — 1.394,2
1826 г. — 1.074,1	1834 г. — 1.604,1
1827 г. — 1.022,8	1835 г. — 1.426,7
1828 г. — 1.216,1	1836 г. — 1.414,4
1829 г. — 1.458,6	1837 г. — 1.867,6
1830 г. — 1.380,2	1838 г. — 1.717,2
	1839 г. — 1.658,5

См. Бобринский—О применении системы охранительной и свободной торговли к России. М. 1868, стр. 68. Сведение № XXIX.

сокращение привоза сахара наблюдалось в трехлетие в 1845—1847 г.г. Второе падение еще большее произошло в период 1853—1856 г.г. (Крымская кампания). С 1857 г. повысился импорт колониального сахара-песка, все же он уже не достигал уровня сороковых годов. Падение привоза в 1845 г. было вызвано сильным неурожаем тростникового сахара. Мин. фин. нашел нужным испросить разрешение в 1845 г. на привоз из Англии лумпа с пошлиной, установленной для сырца [1]). Это разрешение было продлено и в 1846 г. Влияние этого момента можно проследить и на движении привоза сахара-рафинада, увеличившегося с 1845 г. Заметное увеличение привоза рафинада с 1854 г. об'яснялось допущением его привоза с пошлиной по сухопутной границе в 4 руб. с пуда, а морской— 5 руб. Указанное допущение было вызвано опасением, что цены могут сильно подняться под влиянием Крымской войны. В целях более равномерного снабжения рынка России колониальным сахаром был допущен импорт рафинада, хотя и с очень высокой пошлиной.

К концу периода импорт сахара рафинада почти приостановился. Проведение дороги между Ленинградом и Москвой облегчило проникновение на Ленинградский рынок южного рафинада и разумеется при запретительных пошлинах на рафинад и при падении цен на сахар на внутреннем рынке после Крымской войны колониальный рафинад не мог выдерживать конкуренции с свекловичным.

С половины пятидесятых годов рафинад поступал в довольно большом количестве через азиатские таможни (со включением Закавказских портов). В движении привоза рафинада в Закавказские порты не наблюдалось падающей тенденции и к концу периода. По таможенному тарифу 1846 г. для черноморских портов Закавказского края пошлина с рафинада взималась в размере 3 руб. с пуда, с песка—2 р. 50 к. [2]). Столь незначительная разница в пошлине об'ясняет преобладание в привозе в Закавказье рафинада.

Падение со второй половины сороковых годов привоза колониального сахара и связанное с этим понижение таможенного сахара выдвинуло вопрос о снижении пошлин, в целях расширения потребления сахара.

С навигацией 1847 г. окончился срок привоза в Петербургский порт лумпа; в мин. фин. возник вопрос, не следует ли понизить пошлины на сахар-сырец, желтый и красный, обложенный одинаковою пошлиною с белым голландским сырцем (3 р. 80 к.) и потому вовсе не импортировавшийся?

Независимо от этого, член Государственного Совета Тенгоборский при составлении в 1847 г. проекта нового таможенного тарифа принял обложение низших сортов сахарного песка, меньшей пошлиной против белого,

---

[1]) Какое значение имело разрешение к привозу лумпа в 1845 г., это показывает следующая справка. «Мера сия (т. е. допущение ввоза лумпа), предупредив непомерное возвышение цен на рафинированный сахар, чего без сомнения надлежало ожидать по случаю повреждения от засухи и урагана плантаций на о. Кубе, устранила огромный ущерб казны в таможенном доходе, как сие доказывается тем, что в 1844 г. привоз в Спб. порт Гаванского песку простирался до 1.906 тыс. пуд., в 1845 г. он ограничивался только 642 тыс. пуд. и хотя в том же году выписано было лумпа 1.016 тыс. пуд., но и в совокупности привоз 1845 г. был менее против предшедшего 247 тыс. пуд., а того уменьшилась и пошлина до 939 тыс. руб.».

Без допущения привоза лумпа потери казны в таможенном доходе были бы еще более значительны. Отсюда ясно, что эта мера была принята исключительно в фискальных интересах. См. Л. Ц. И. Арх., Фонд Госуд. Совета. Департамент Экономии, т. V. 1848 г. № 113 выписка из Журнала Государственного Совета 15 ноября 1848 г.

[2]) П. С. З. 2-е собрание, т. XXI, отделение второе. Утвержденный таможенный тариф для Черноморских портов Закавказского Края, стр. 267.

примерно по 3 р. 20 к. Таким образом, мысль, выдвинутая мин. фин., встречала поддержку у такого авторитетного члена Государственного Совета, каким являлся тогда Тенгоборский [1]).

Мин. фин. поручил соединенному заседанию Мануфактурного и Коммерческого Советов обсудить, какую пошлину следовало бы установить на желтый и красный сахар-сырец. После проработки вопроса в особой комиссии, куда входил и Бобринский, соединенное заседание Комитетов пришло к выводу, что разность в цене между желтым и белым песком составляла около $^1/_7$, поэтому и пошлину следовало бы понизить на $^1/_7$ т. е. с 3 р. 80 к. до 3 р. 25 к. или на 55 к.

В Россию ввозилось в это время 1,7 мил. песка; все это количество, за исключением 24 тыс. пуд., поступающих на рынок песком, перерабатывалось на 40 заводах: Спб.—31, Архангельске—2, Риге—2. В том числе было только 3 рафинадных завода, работавших с улучшенными снарядами, а прочие производили рафинад в простых котлах.

Первые, построенные в больших размерах, в состоянии были обработать около $^1/_3$ всего ввозимого песка. Только эти заводы могли выделывать с выгодою рафинад 2-го сорта из желтого песка, таким образом, всякая льгота, предоставленная желтым пескам перед белыми, была бы в пользу заводов, имевших усовершенствованные снаряды.

В Совете высказывалось сомнение в сбыте рафинада 2-го сорта, ибо у нас даже простой народ употреблял самые высокие сорта рафинада.

В случае разница между обоими пошлинами будет малая, не станут привозить желтого песка, если же она будет слишком велика, перестанут привозить белый песок. Сахар подешевеет, падение цен окажет неблагоприятное влияние на производство свекловичного сахара. Высказывавшие такой взгляд считали, что лучше установить постепенное понижение пошлины сообразно с количеством привоза желтых и красных песков.

Некоторые члены опасались, «дабы по наружному сходству низких сортов сахарного песка с белым сырцом, оные не могли быть под видом сего последнего, выпускаемы из таможни с уменьшенною пошлиною к ущербу казны и вред российской свеклосахарной промышленности». Соединенные Советы высказали пожелания о том, чтобы наблюдение за выпуском сахарного песка из таможни было поручено особым приставам, определяемым как со стороны торгующих иностранным колониальным сахаром, так и со стороны свеклосахарных заводчиков.

В заключение соединенные Мануфактурные и Коммерческие Советы пришли к такому выводу:

1) Установить 2 разряда сахарных песков, к первому отнести пробеленные или белые сырцы, ко второму непробеленные или желтые и красные.

2) Если пошлина 1-е останется 3 р. 80 к., то для желтых и красных—понизить ее до 3 р. 20 к.

3) Если по прошествии 3-х лет привоз темных и красных песков не будет равняться $^1/_3$ всего привозимого, то убавить пошлину еще на 20 к. Если и далее, по прошествии 3-х лет, привоз означенных песков не дойдет до $^1/_3$ всего привоза, то еще убавить 20 коп. сер.

4) Допущение желтых и красных сырцев с уменьшенною пошлиною ограничить на первый раз одним Петербургским портом, так как в Риге и Архангельске нет паровых заводов, которые одни могут с выгодою переваривать означенные сырцы».

---

[1]) Л. Ц. И. Арх. Фонд Госуд. Совета Департ. Экон. V. 1848 г. № 113. Дело об установлении различных пошлин на пробеленные и непробеленные сахарные пески.

В целях предупреждения злоупотреблений было выдвинуто такое предложение: ни одна партия сахара, под каким названием она не была привезена, кроме белого, не должна быть пропущена без свидетельства, подписанного тремя приставами в том, что эта партия принадлежала к разряду сахара, подлежавшего уменьшенной пошлине. Двое приставов назначались Биржевым Комитетом, третий — Комитетом сахароваров, состоявшим при Московском обществе Сельского Хозяйства; пристава избирались на один год. Приставам предлагали установить вознаграждение по 1 коп. сер. с пуда со всего количества сахара, привозимого к Спб. порту.

Мин. фин. по рассмотрении заключения Советов, высказался за уменьшение пошлины, «ибо оно поставит здешний порт по торговле сахаром, вне зависимости от Гаванского рынка, откроет возможность войти в сношение с новыми рынками и через то послужит к большему развитию самой отвозной торговли».

Мин. фин. считал возможным установить пошлину в 3 р. 20 к. в виде опыта на три года, ограничив такое уменьшение пошлины одним Спб. портом. Согласился он и на учреждение должности трех приставов.

Чем же было мотивировано такое снижение пошлины на желтые и красные пески? В записке департамента внешней торговли эти мотивы изложены в такой форме:

«При случающихся на острове Кубе неурожаях сахара, или при возвышении цен на белый Гаванский сахар вообще, может произойти не только большое затруднение для наших рафинеров иностранного сахара в приобретении сего произведения, но и чрезмерная дороговизна для потребителей колониального сахара, с весьма важным ущербом в таможенных доходах, если сахар лумп остается запрещенным к провозу, а с желтого и красного сырца не будет сделана соответственная сбавка пошлины».

Мы уже указывали на то, что в половине сороковых годов произошло заметное сокращение привоза колониального сахара, а вместе с тем и падение таможенных поступлений от иностранного сахара. Ущерб в таможенных доходах—вот основная причина в снижении пошлины с желтого и красного сырца; второй причиной, являлось желание освободиться от монополии Гаванского сахара.

В Департамент Экономии Государственного Совета, на рассмотрение которого поступила записка мин. фин., этот вопрос вызвал интересный обмен мнений.

Член Госуд. Совета, крупный экономист того времени Тенгоборский, находил, что «пошлина, которою обложен сахар в России несравненно выше, нежели где-либо в других государствах: с привозимого к нам песку взимается 3 руб. 80 коп. сер., а это составляет 72% более противу английского самого высшего в отношении сѣстных продуктов тарифа и почти 160% более против тарифов Австрии и Германского Таможенного Союза, превышая на 130% ценность самого товара. Столь высокого налога, падающего на предмет потребления даже в самом бедном классе нашего государства, где богатство так еще мало разлито в народе, нельзя не признать слишком тягостным для потребителей и вредным в самом финансовом отношении по своим последствиям уменьшенного потребления, как самого сахара, так равно чая и кофе. Положительно можно сказать, что при меньшей пошлине на сахар, потребление у нас чая и кофе при умеренной таксе на сии предметы, быстро увеличились бы, к умножению благосостояния жителей, к пользе нашей меновой торговли с Европою и Китаем и к выгодам самого государственного казначейства».

Тенгоборский выступает здесь сторонником снижения таможенных пошлин, как средства содействующего под'ему благосостояния и росту доходов казны. Мысль о том, что снижение пошлины на сахар могло бы содействовать увеличению потребления кофе и чаю была довольно широко распространена в официальных кругах.

С другой стороны, Тенгоборский не считал возможным резко изменить таможенную политику в отношении сахара. Мотивировка его заслуживает внимания: «Правительство, при недавнем еще обложении внутреннего у нас свекло-сахарного производства налогом, некоторым образом безмолвно обязалось не причинять в то же время вреда сей промышленности понижением тарифа на колониальный сахар. Теперь, конечно, надлежит ограничиться такою лишь таможенною мерою, которая имела бы целью поставить сахарную нашу торговлю в более естественное положение, посредством увеличения числа иностранных рынков для снабжения нас запасами сего продукта и тем отстранить зависимость от Гаваны, пользовавшейся доселе почти исключительно монополиею на наших рынках».

Тенгоборский делал в этом случае большую уступку отечественным сахароварам. Снижение пошлины с желтого и красного песков и у него являлось только средством избавиться от монополии Гаванского рынка.

В своих соображениях Тенгоборский ссылался на опыт допущения привоза лумпа в 1845 г. Эта мера, как утверждал он, дала повод к злоупотреблениям, «ибо весьма трудно с первого взгляда различить полурафинад от лумпа, несколько более пробеленного, вследствие сего правительство нашло нужным после четырехлетнего опыта отменить означенную меру».

Очевидно, снижение пошлины с желтого и красного сырца стояло в некоторой связи с отменой в 1847 г. допущения ввоза лумпа. Правительство взамен этого хотело выдвинуть снижение пошлин с низших по качеству песков, полагая, что здесь легче провести контроль.

В пользу принятия меры, предложенной министром фин., Тенгоборский выдвигал такое соображение:

«С тех пор, как свеклосахарное у нас производство распространилось до такой степени, что может удовлетворять более трети потребления, наши рынки будут подвергаться, при каждом неурожае свекловицы, весьма значительному возвышению цен на сахар, ежели для предупреждения сего не будет облегчена конкуренция цветного сахара-сырца понижением ныне существующей пошлины, которая для него почти тоже воспрещение».

Тенгоборский доказывал, что эта льгота не может подорвать выгод свекло-сахарной промышленности; даже при взимании с желтого песка пошлины в 3 руб. 20 коп. он оказывался обложенным по сравнению с своей стоимостью выше, чем белый песок, за который взималось 3 р. 80 к. По отношению к Лондонской цене белого Гаванского песка (2 р. 84 к.), пошлина в 3 р. 80 к. составляла 134% его ценности; по отношению к средней цене желтого песка (1 р. 88 к.) пошлина в 3 р. 20 к., составляла 170% его ценности.

«В течение четырехлетнего периода, когда ввоз лумпа был дозволен с такою же пошлиною, как и сахар сырец, производство свекловичного сахара, несмотря на беспрестанные жалобы заводчиков, не подвергались расстройству и даже не переставало получать большее развитие (за исключением м. б. нынешнего года, от худого по большей части неурожая свекловицы), между тем, как ввоз лумпа мог быть гораздо вреднее для

сей отрасли промышленности, чем умеренное на 15% понижение пошлин с цветного сырого сахара».

В специальной комиссии, где настоящий вопрос был подвергнут обсуждению, свекло-сахарные заводчики имели своих представителей, которые согласились на понижение пошлины.

Три члена Госуд. Совета (Гурьев, Опочинин и Тучков) выступали с особым мнением: «Ясным доказательством, что тариф наш вполне ограждает рафинеров от всяких убытков, не может не служить то обстоятельство, что ни со времени воспрещения привоза к нам рафинированного сахара, ни с издания настоящего тарифа, ни разу еще не возникало таких затруднений в приобретении сахара сырца, каких теперь опасаются, хотя в течение столь долгого периода неоднократно случались неурожаи на о. Кубе и цены подвергались многократным колебаниям. Истина сего подтверждается и другим фактом, таможенными отчетами, которые обнаруживают, что доселе еще не открывалось рафинерам такой необходимости обращаться к привозу желтого песку, хотя достоинством своим он весьма сближается с добротою белого».

Авторы этого мнения ссылались на то, что во Франции иностранные желтые пески оплачивались одинаковою пошлиною наравне с белыми песками, именно по 86 франк. 75 сант. за 100 кило, с красного песка взималось по 66 фран. 75 сант.; наоборот в Англии желтые пески сравнительно с красными уравнены в пошлине и уплачивались по 20 шил. за 100 кило, белые же пески по 23 шил. Предложения трех членов были таковы: 1) разделить сахарные пески, привозимые из-за границы к Спб., Рижскому и Архангельскому порту на два разряда, отнести к первому белые и желтые сырцы, ко второму красные; 2) для первого разряда оставить пошлину в 3 р. 80 к., с красного взимать 3 р. 20 коп.; 3) настоящую меру допустить в виде опыта на три года.

Внесение на рассмотрение Госуд. Совета проекта понижения пошлины на желтые и красные сырцы дало повод трем членам поставить вопрос о северной рафинадной промышленности и ее значении в системе народного хозяйства.

Высказанные ими взгляды столь интересны, что на них следует остановиться. Три названных члена обратили внимание на то,—а) что промышленность эта ограничивается 40 лишь заводами, расположенными в трех только городах, но главнейше (в числе 31) сосредоточенных в Спб.; б) что число рабочих на них не превышает 2 т. человек людей, удаленных от семейств и домов своих; в) что по свойству самой сей промышленности она не заключает в себе такого мастерства, которого изучение полезно было бы в быту поселянина: вся операция требует лишь простой черной работы, а самая промышленность, не возможная без оборота больших денежных сумм, доступна одним лишь капиталистам; г) что она истребляет огромное количество топлива и водворяясь в городах, а главнейше в столице, увеличивает цену на дрова в обременении жителей, особенно же бедного класса (цены на дрова в Спб. возросли последние два года почти вдвое); д) что из означенных числа заводов только три действуют более или менее усовершенствованными аппаратами, все же прочие употребляют для варки сахара простые открытые котлы, остановясь в фабрикации неподвижно на той же точке, на которой они были при самом начале учреждения и не заботясь вовсе о тех улучшениях, до которых отрасль сия достигла в других государствах; е) что по сей причине из данного количества сахара-сырца они добывают рафинада 10-ю % менее и следственно выписуют напрасно излишнее количество сырца, простирающееся, конечно, до 130 тыс. пудов, ценность коих до 1 мил. руб. сер. обра-

щается в пользу заграничных рынков, но в явный ущерб для государства и в отягчение потребителей».

Принимая во внимание все невыгоды рафинадной промышленности, предлагали предоставить мин. фин. при составлении нового таможенного тарифа обсудить выгоды и невыгоды означенной промышленности и представить в свое время заключение свое о том, «должно ли существующее в пользу ее воспрещение привоза к нам рафинированного сахара сохранить и на будущее время в том или ином виде». В этой оценке дана сильная критика северной рафинадной промышленности. Члены Государственного Совета выдвигали в качестве ее слабой стороны—техническую отсталость, концентрацию в городах, участие в ней одних капиталистов, истребление дров. Это заявление характерно тем, что оно рисует перелом в политике руководящих органов. Раньше относились с расположением к этой промышленности, теперь это отношение стало изменяться, уже начали находить ее отрицательные стороны. В виду того, что эта перемена в оценке раньше всего сказалась в Государственном Совете, близко стоявшем к крупному землевладению, и значит свеклосахарной промышленности, можно думать, что на такую перемену взглядов известное влияние оказало развитие южной рафинадной промышленности.

При рассмотрении вопроса о понижении пошлин на желтые и красные сырцы в Государственном Совете 15-го ноября 1848 года 10 членов, в т. ч. и Тенгоборский высказались за предложение мин. фин. Доводы, приводимые этой группой заключались в следующем: а) «в отношении к тарифу предлагаемая мера уравнивает его с системами, принятыми в прочих государствах, ибо пошлина с песку при том же высоком размере определяется соответственно с внутренним достоинством и ценностью товара, как это принято во Франции и Англии, где пошлина на сахар высока, б) в отношении к сахарной нашей торговле, раскрывая для нее свободный путь на другие рынки, она освобождает ее от стеснительной зависимости Гаванны и дает правильное направление, последствием коего должно быть расширение наших сношений с Англией и Голландией и установление новой торговой связи с Явою и Бразилиею, куда, без сомнения пошли бы наши парусные полотна, равендук и прочие товары, коих сбыт в Америку возымел уже свое начало, в) в отношении наших рафинеров, она побудила бы их, видами собственной пользы, к усовершенствованию сахарного производства и улучшенному устройству заводов; г) в отношении потребителей иностранного сахара доставила бы им облегчение, устранив повод к возвышению цен, д) в отношении казны, настоящая мера послужила бы к поддержанию тарифного с сахара-сырца сбора, составляющего главнейшую статью таможенных доходов с привозных товаров, которая постепенно упадает: ибо в трехлетний период с 1837 г. по 1839 г. привоз сахара увеличился на 16% в год предшествовавших трех лет, с 1840 по 1842 гг. увеличение ограничилось только 8%, с 1843 по 1845 гг. лишь 3%, а 1846 и 1847 гг. он уже уменьшился на 14%, отчего убыток казны дошел до 1 мил. руб. в год, тогда как во всех других государствах доход от сахара постепенно возвышается до 10% в год по мере распространения народонаселения». Таким образом, в аргументации 10 членов Государственного Совета основным доводом являлось не раз высказывавшееся соображение о падении сахарного таможенного дохода, а с другой стороны, и надежда на расширение внешних торговых связей.

Указанная группа членов Государственного Совета, говоря о влиянии этой меры на развитие свеклосахарной промышленности, отметила следующее соображение: «колониальный сахар допущен к привозу только к морским портам: отсюда ясно, что рафинированный нашими заводчиками

при провозе в центральные и западные губернии сахар, сверх пошлины 3 руб. 80 к., обременяется еще провозною платою более 1 руб. сер. с пуда, не говоря уже о комиссионерских и других издержках. Столь огромный налог на колониальный сахар естественно обращается в пользу свекловичного. По сим уважениям 10 членов считали, что дальнейшее поощрение свеклосахарной промышленности едва ли нужно, особенно когда с ним вместе казна несет потери в доходе, простирающиеся до 3 милл. руб., и терпят потребители».

Десять членов считали представление мин. фин. подлежащим утверждению при условии, чтобы был избран для желтого песка такой оттенок, который бы ясно отличал его от белого.

Другая, более значительная группа членов Государственного Совета (23), в составе ее находились Гурьев, Опочинин и Тучков, присоединились к мнению 3 членов. Заслуживают внимания соображения высказанные этой группой о свеклосахарной промышленности. «Хотя настоящее предположение не касается прямо свеклосахарной нашей промышленности, но тем не менее нельзя оставить при сем без внимания заявленное правительством свеклосахарным производителям обещание не изменять, в течении шестилетнего срока, установленного с произведений их акциза. Нет сомнения, что никакая промышленность, особенно еще возрождающаяся, не может процветать иначе, как только при постоянстве и непоколебимости постановлений о ней правительства; распространения же у нас промышленности свеклосахарной нельзя не желать в видах удержания капиталов наших внутри государства и упрочения благосостояния сельских хозяев. По сему едва ли уместно и справедливо потрясать промышленность ту в самом ее начале: ибо уменьшение пошлины, какое можно бы допустить на желтый сахар в соразмерность с его достоинством и выходами, хотя и было бы незначительно, но не менее того оно нарушило бы равновесие между новою пошлиною на иностранные пески и существующим акцизом с свекловичного сахара и уничтожило бы все расчеты производителей сего последнего. Все сии соображения приводят к тому общему результату, что в настоящем случае не представляется настоятельной необходимостью в изменении тарифной с сахарных песков пошлины».

Большинство Государственного Совета стояло на строго охранительной точке зрения, находя «что даже такое незначительное снижение таможенной пошлины могло бы поколебать в самых основаниях свеклосахарную промышленность». Если Тенгоборского и его сторонников можно назвать умеренными протекционистами, то группу в составе 23 членов нужно отнести к протекционистам, защищавшим больше интересы своего класса, чем интересы казны.

Любопытно, что государь в журнале против заключения 10 членов пометил «И я», став таким образом на сторону умеренных протекционистов.

Рассмотрев два разных мнения Государственного Совета по делу об установлении различных пошлин с пробеленных и непробеленных сахарных песков, государь повелел:

1) Разделить сахарные пески, привозимые из-за границы в Спб. порты на два разряда, отнести к первому из них пробеленные или белые сырцы, а ко второму непробеленные или желтые или красные; 2) со второго разряда взимать по 3 р. 20 к. с пуда [1]).

---

[1]) П. С. З. т. XXIII 1848 г. № 22817. Об установлении различных пошлин с пробеленных и непробеленных сахарных песков.

Утверждено было и предложение о назначении приставов для надзора за отпуском сахара из таможни, в том числе один из приставов должен был избираться Комитетом Сахароваров [1]).

Таким образом оказалось утвержденным мнение меньшинства Государственного Совета. Эта борьба в недрах Государственного Совета по такому мелкому вопросу показывает, что в этом высшем государственном учреждении уже образовалось умеренно-протекционистская группа. Столкновение двух групп должно было принять более резкий характер при постановке вопросов, затрагивающих более важные интересы свеклосахарных заводчиков.

В начале пятидесятых годов вновь был поставлен вопрос о понижении таможенных пошлин с колониального сахара по инициативе северных рафинеров, обратившихся к мин. фин. Броку с следующим ходатайством [2]):

«Стеснительное положение в настоящее время торговли сахаром, угрожающее заводам нашим совершенным падением, вынудило нас обратиться к защите вашей, предоставивши при сем главнейшие обстоятельства: выработка рафинируемого сахара из свекловицы в государстве шла доселе уравнительно с возрастающею ежегодно потребностью сахара и здешние фабриканты не имели надобности уменьшать выделку оного, но в последнее время состояние этой промышленности здесь внезапно до того изменилось, что многие из нас должны значительно ограничить производство работ на сахарных заводах, а другие, как здесь, так и в Риге вынудились вовсе прекратить их действие. Казалось бы, что с отнесением границы нашей в Ц. П. и с введением там одинакового тарифа, потребование сахара, рафинируемого в России, должно бы увеличиться, но к удивлению оказалось противное. Еще с лета прошлого года, именно с окончания покупок сахара для Нижегородской ярмарки, прекратились здесь усиленные спросы и накоплявшиеся через то запасы кое-как сбывались с рук и то при значительном понижении цен и без того уже убыточных. Заводчики успокаивали себя надеждою, расчитывая на зимние требования, но и это предположение их, не только что не сбылось, но они еще более убедились, что сбыт сахара сделался в такой степени затруднительным, что в избежание накопления небывалых запасов, достигших ныне до 240 тыс. пудов, нашли необходимым прекратить почти выделку оного... Если бы уменьшение выварки сахара производилось с намерением возвысить цену оного, то должно бы полагать, что фабриканты и достигли бы цели своей, то не взирая на ощутительное сокращение оной выработки, цены на сахар, не только что не возвышаются, а постепенно понижаясь, дошли в настоящее время до столь низкого состояния, какое когда либо существовало»... Ссылаясь на непосильную конкуренцию свекловичного сахара северные рафинеры излагают последствия гибели рафинадной промышленности, работавшей на колониальном песке. «Значительные капиталы, употребленные нами на заводы, должны быть потеряны совершенно, большое число рабочих рук, занятых этим делом, остаться без средств к пропитанию, тысячи людей трудящихся и доставляющих свои произведения, столь необходимые для сахарных заводов, каковы фабриканты и

---

[1]) Интересное указание на результаты деятельности приставов при проверке песков находим в отчете Московского О-ва Сельского Хозяйства за 1853 г. Оказывается, весьма значительное количество сахара об'явлено было непробеленным и подлежащим уменьшенной пошлине, но пристава не признали его таковым и он по уменьшенной пошлине не пропущен. «Журн. Сел. Хозяйства» 1853 г. кн. I, стр. 127.

[2]) Л. Ц. И. Арх. фонд департамента неокладных сборов. 1853 год. Д. 41. Заявление мин. фин. Броку колониальных рафинеров.

мастера, бумажные, веревочные, форменные, костяные, бочары и др. с их семействами лишатся возможности к безбедному и даже достаточному существованию, город потеряет значительный доход и самая казна понесет недоимку в пошлинном сборе, которая, постепенно возрастая, произведет ущерб и в государственных доходах, ибо лишение сего постоянного и многолетнего источника таможенного сбора, не легко заменится чем либо, и наконец, без сомнения, последуют невыгодные влияния на благосостояние и самой вообще торговли.

Предполагая сии данные близкими к осуществлению и побуждаемые необходимостью к отвращению этих разрушительных обстоятельств, мы смеем полагать, что для избежания сего в настоящее время послужат единственным средством значительное понижение пошлины на привозимый из-за границы сахарный песок назначением таковой: за сахар-сырец белый—с № 15 и выше по 2 руб. и за сырец желтый и красный с № 14½ включительно и ниже, по одному рублю с принятым повсюду голландским образцом (Standart). При сем случае осмелимся обратить внимание в. пр. на обстоятельство чрезвычайно сложное при всех переменах пошлины, но еще более при столь значительном вышеизложенном уменьшении таковой, что для избежания, столь возможно, внезапного влияния и могущих из оного произойти для производителей и фабрикантов пагубных потерь, было бы необходимо обнародовать эту меру за год вперед до вступления оной в действие».

В марте 1852 г. поступило в министерство фин. прошение рижских сахарных заводчиков, в котором они жаловались: а) что распространение в России возделывания свекловичного сахара имеет последствием уменьшение сбыта рафинируемого в Риге сахара, между тем смежная с Рижской губ. Курляндская, равно как и губ. Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская и др. наводнены сахаром из Ц. П., так что часто попадается в самой Риге привезенный из Варшавы рафинад, продаваемый по столь низкой цене, какой едва ли достигает колониальный сахар-сырец и б) что если это продолжится, то просители предвидят упадок своих заводов, который можно отвратить определением на свекловичный и колониальный сырец одинакового налога, а именно по 2 руб. сер. с пуда. Остзейский генерал-губернатор в отношении своем к мин. фин. от 17 мая 1853 г., ходатайствуя об удовлетворении упомянутого прошения Рижских заводчиков, присовокупил, что самый обширный в Риге сахарный завод уже прекратил свое действие.

Прошение северных рафинеров свидетельствует о той депрессии, какую переживала северная рафинадная промышленность вследствие конкуренции свекловичного сахара. В своей слезнице северные рафинеры, исчисляя пагубные последствия, напирали, главным образом, на упадок таможенных доходов—самое чувствительное место для мин. фин. В недрах мин. фин. это ходатайство нашло сочувственный отклик.

В секретном донесении ст. сов. Самойлова мин. фин. от 4-го декабря 1852 г. мы читаем: «рафинад и мелис северных фабрикантов из колониального сахара лежит в Москве в весьма больших количествах без всякой продажи, потому что свекловичный сахар берет всюду верх дешевизною. Так как это обстоятельство теперь связано с ущербом казенного дохода, ибо не подлежит сомнению, что в навигацию будущего года привезется иностранного сахарного песку еще менее, чем в навигацию нынешнего года, то кажется необходимо приготовить заранее представление о возвышении акциза с внутреннего свекловичного сахара до 1 руб. за пуд. При том, нужно будет водворить в самый способ взимания этого налога более точности, ибо настоящее взимание этого налога in bona fide, едва ли со-

ответствует важности предмета. Государственный Совет, отвергнув в 1848 г. мое предположение о запечатании всех снарядов в свободный от работ на заводах период летнего времени и вынудив, таким образом, покойного гр. Феодора Павловича ограничиться представлением о запечатании одних терок, открыл уклоняющимся от налога заводчикам лазейку, препятствующую усилению дохода, потому что терка свекловицы вне фабрики не сопряжена ни с какими затруднениями, но если бы запечатаны были, как я предполагал и прессы, а где оных нет и порядки т. е. чаны, в которых производится вымочка, то казна могла бы быть обезпечена в верном поступлении налога»...

Таким образом в мин. фин. была выдвинута мысль о повышении акциза. Это предположение хотя оно было секретно, стало известно южным сахарозаводчикам и последние представили свои возражения на ходатайства северных рафинеров.

Южные сахарозаводчики обратились к киевскому ген.-губ. Васильчикову с особой докладной запиской. Прежде всего сахарозаводчики указали повод к составлению своей записки:

«Некоторые лица петербургского и рижского купечества, занимающиеся торговлей и рафинированием колониального сахара, обратили внимание правительства на затруднение, которое они, с недавнего времени стали встречать в сбыте своего товара, и, приписывая это обстоятельство соперничеству свекл. сахара, просили о возвышении акциза на сей последний или о понижении пошлины на колониальный сахар.

Южные сахарозаводчики, соглашаясь с тем, что цены на сахар пали (песок, стоивший в 1850 г.—6 р., продавался в 1851 г.—4 р. 50 к.), считали, что здесь неповинна свекло-сахарная промышленность. Причина внезапного понижения цен заключалась в отмене таможенной черты, отделявшей Царство Польское от Империи, и в проникновении на русские рынки польского сахара.

По поводу упрека в чрезмерном покровительстве свекло-сахарной промышленности киевские сахарозаводчики высказали следующее: «рафинеры колониального сахара упрекают свекло-сахарную промышленность, что она пользуется покровительственною пошлиною, равняющейся 100%, ибо Гаванский песок обходится в Петербурге около 4 руб., а пошлина составляет 3 руб. 80 коп. Но многосложные обстоятельства, под влиянием коих развилась и существует наша промышленность, и между коими достаточно упомянуть о продаже на долгие сроки и большие расстояния, в такой степени изменяют теоретические соображения, что в то время, когда Гаванский сахар продается в Петербурге около 7 руб. 60 коп., здешние заводчики принуждены его сбывать по 5 руб. и даже по 4 руб. 50 к. Если же исключить из этой цены акциз, то явно, что действительное покровительство, которым пользуется свекло-сахарная промышленность, вовсе не соответствует вышеозначенному умозрительному выводу. Это понижение цен, как известно, имело разорительное действие так, что многие заводчики едва могли противустоять столь стеснительному для них положению, и посему всякое увеличение акциза или понижение пошлины усугубят тяжкое их положение и будет иметь последствием неизбежное расстройство промышленности, поддерживающей благосостояние целого края и тесно связанной с сельскими интересами оного».

Таким образом, южные сахарозаводчики решительно возражали против повышения акциза или понижения пошлин в интересах благосостояния края и сельского хозяйства.

По их мнению, огневые рафинадные заводы (северные) напрасно свои неудачи приписывали соперничеству свекло-сахарной промышленности.

«Эта промышленность развивается с равномерною постепенностью и следовательно порывных действий производить не может». Киевские сахарозаводчики, намекая на снижение пошлины на желтые пески, указывали на то, что петербургские паровые заводы приобрели весьма значительные выгоды. Они дают большие против огневых выходы, поэтому могут продавать свой товар дешевле, а посему огневые заводы не в состоянии выдерживать их соперничества. Огневые рафинадные заводы должны пенять на несовершенство употребляемых ими способов».

По мнению южных сахарозаводчиков, «ныне существующая пошлина на колониальный сахар, т. е. на такой предмет потребления, который доступен для людей уже пользующихся некоторым благосостоянием, должна почитаться самым справедливым косвенным налогом, что цены на оный никогда не были дешевле и, следовательно, потребители нисколько не нуждаются в вящем понижении цен».

В заключение южные сахарозаводчики просили ген.-губернатора «защитить промышленность и тем оказать благодеяние краю уже признательному за просвещенное его покровительство» [1]).

В этом прошении неподражаемо указание на то, что потребитель привык к высоким ценам на сахар и не нуждается в их понижении. Любопытно, что южные сахарозаводчики обвиняли в той депрессии, какую переживала северная рафинадная промышленность, паровые рафинадные заводы и предрекали гибель огневых рафинадных заводов из-за их технического несовершенства.

За этим коллективным ходатайством дворян-сахарозаводчиков последовало прошение мин. фин. Одесских купцов первой гильдии Яхненко, Симиренко и др.

Указав на затрату огромного капитала в свои свекло-сахарные заводы (800 тыс. руб.), просители указывали на то, что «участь сего капитала, обращенного в недвижимость еще до издания в 1848 г. устава об акцизе с свекло-сахарного песка, скоро будет зависить от вновь ожидаемого решения правительства о сем акцизе». Подчеркнув благотворное влияние этой промышленности на земледелие и народное богатство, Яхненко и Симиренко отметили повышение издержек производства сахара и падение цен на сахар. При таких условиях «нам и прочим владельцам свекло-сахарных рафинадных заводов коммерческого положения предстояло одно из двух: или остановить действие своих заводов до благоприятнейшего времени, или возделывать рафинад в совершенный для себя убыток». По словам просителей «производители нашего свекл. сырца в Киевской и соединенных с нею губ. всегда будут продавать свои произведения с очень малою для себя пользою, пока будет существовать недостаток в свободных денежных капиталах. Заводчики, употребив свой капитал на устройство заводов и производительные расходы, не имеют уже средств отправлять свои произведения в места выгоднейшего сбыта».

Яхненко и Симиренко обращали внимание на большие потери, с какими сопряжена была принятая система расчета при посредстве тратт.

---

[1]) Генерал-губернатор Васильчиков писал с своей стороны в защиту свекло-сахарной промышленности:

«Другие промыслы, особенно винокурение, по разным причинам, не доставляют уже им прежних выгод, а иногда и не вознаграждают труда и капитала, на них употребленного. Много еще нужно времени и счастливых стечений, чтобы свекло-сахарная промышленность тамошнего края сравнялась с иностранною и достигла цветущего состояния, и чтобы из суммы труда и издержек, ныне на нее расходуемых, она могла извлекать удвоенную пользу и удвоить итог своих произведений, к чему плодородность земли и прочие удобства представляют несомненное ручательство».

Спрашивается, если так невыгодна свекло-сахарная промышленность, то чем же можно об'яснить ее существование? «Если при всем том владельцы свекло-сахарных заводов не прекращают действия их, то причина сего заключается преимущественно в значительности земледельческих выгод, которые их имения извлекают из возделывания свеклы. Увеличение акциза с отечественного сахарного песка может уничтожить и эти последние выгоды, и тогда нельзя не ожидать быстрого упадка свекло-сахарных заводов».

Купцы, хорошо знавшие положение свекло-сахарной промышленности, считали ее слабой стороной—недостаток капиталов.

Мы видим, как быстро реагировали южные сахарозаводчики на ходатайство северных рафинеров о повышении акциза или понижении пошлин. И дворяне и купцы пустили в ход все средства для того, чтобы защитить свои заводы. Здесь ясно видна та борьба, какую вели северные и южные сахарозаводчики. Те и другие изощрялись в аргументах для защиты своих интересов. О потребителе никто не думал, считалось, что он даже и не нуждается в понижении цен на сахар. В этом споре еще была третья сторона, министерство финансов, заинтересованное в ценности и сохранности своих источников дохода.

В 1853 г. петербургские сахарозаводчики в количестве 15 человек подали мин. фин. прошение об уменьшении пошлины на иностранный сахар сырец: белый до 2 р., а желтый и красный до 1 р. 50 коп. с пуда [1]). В обосновании своего ходатайства заводчики приводили такие соображения:

а) после закупки в 1852 г. для Нижегородской ярмарки рафинада сахара, спрос на оный до того уменьшился, что для избежания накопившихся через то запасов сахара (около 240 т. п.) заводчики вынуждены были уменьшить выделку оного, а некоторые вовсе прекратили работу на своих заводах;

б) с ноября 1852 г. по май 1853 г. принятие с Петербургской таможни иностранного сахара песка уменьшилось против прежнего до 300 тыс. пудов, и несмотря на уменьшение варки здесь сахара, цены на оный, постепенно понижаясь, дошли до столь низкого состояния, какое когда либо существовало и

в) что при успешной выделке свекловицы в Царстве Польском, вытеснившей там потребление рафинада из колониального сахарного песка, здешние заводы должны притти в упадок, ибо оные не в состоянии соперничать с заводами Царства Польского при существующей ныне высокой пошлине на иностранный сахарный песок; наконец они просили об отсрочке в платеже пошлины на сахар-сырец в 1853 г. по Петербургской таможне [2]):

---

[1]) Л. Ц. И. Арх. фонд Госуд. Совета 1854 г. Дело № 26387 Департамента экономии о понижении пошлины на сахар-сырец и о разрешении привоза рафинированного сахара по сухопутной границе.

[2]) Интересную оценку домогательств северных рафинеров дает Бобринский, один из самых крупных свекло-сахарных заводчиков того времени, в записке поданной мин. фин. Он жалуется, что в сахарной промышленности «разительный пример преобладания торговых портовых интересов над сельско-производительными. Преобладание, происходящее по большей части от того, что представители торговых интересов живут в одном городе, знакомы между собой и пользуются перевесом коллективных домогательств, между тем, как свекло-сахарные заводчики, будучи рассеяны на большом пространстве почитаются безгласными, докучливыми просителями, так например в чужих краях безпрестанно приводятся в исполнение постановления, подавляющие свекло-сахарную промышленность, а у нас жалоба Спб. рафинеров о соперничестве свекловичного сахара и упадке их промышленности, была подана именно, после того года, в котором было очищено

Последняя просьба была удовлетворена. По представлению министра фин. в начале 1853 г., срок для платежа пошлины был продлен на три месяца.

Вскоре после этого восемь торговых домов, из числа означенных, обратились в мин. фин. с новою просьбою об отсрочке еще на три месяца платежа пошлины за все партии сахара-сырца, привезенные с 1852 г. В обоснование своей просьбы они ссылались на то, а) что хотя в том году привезено сюда было сахара гораздо меньше, нежели в 1851 г. (1.336.682 п. против 2.174.547 пуд.), однако, несмотря на то, не было возможности сбыть все прежние запасы по недостаточному спросу, на колониальный сахар, которого в прежние годы потреблялось ежемесячно до 150 тыс. пуд., а в последнее время только от 75 до 90 тыс. пуд., б) что главнейшая причина, уменьшившая требование на иностранный сахар, состоит в весьма сильно развившемся производстве сахара свекловичного, с которым колониальный сахар, при высокой на него пошлине, составляющей до 150% с первоначальной цены, не может выдержать соперничества, в) что колониальный сахар продается заводчиками, обыкновенно только с тем условием, что они обязываются принять сахар и уплатить за него пошлины не прежде, как в два или три месяца после покупки, на остальные же деньги за сахар заводчики выдают векселя на 9 месяцев, так что выписывающие сей сахар из-за границы могут получить обратно лишь в октябре или ноябре месяце ту пошлину за оный, которую они обязаны внести в казну в августе или сентябре; г) что как покупная цена за иностранный сахар просителями заплачена уже год тому назад, и во все это время они лишаются % с своего капитала, то из сего следует, что они охотно продали бы тотчас свой товар, если бы предстояла к тому возможность; и д) что даже в случае удовлетворения настоящей просьбы в полной мере просители должны по торговле своей сахаром понести значительные убытки». По представлению мин. фин. и эта просьба была уважена: платеж пошлин за все партии привезенного в петербургский порт иностранного сахара-сырца в навигацию 1852 г. отсрочен до 1-го ноября 1853 г.

Из этих ходатайств ясно видно, что в начале пятидесятых годов северная рафинадная промышленность и торговля колониальным сахаром переживали кризис. Основательность жалоб подтверждается тем, что министерство фин. сочло нужным допустить отсрочку платежа пошлины.

Жалобы на проникновение из Польши рафинада на внутренние рынки заставили мин. фин. произвести расследование о тайном водворении рафинадного сахара в Царство Польское и Россию. Начальник Калишского таможенного округа в Царстве Польском доносил в департамент внешней торговли, что в окрестностях реки Вислы тайный провоз сахара составляет главнейший промысел контрабандистов, прорывающихся большими вооруженными толпами. Таковой сахар развозится для продажи в разные места Цар. Польск. Также провозится контрабандный сахар в наибольшем количестве из провинции восточной Пруссии в губ. Курляндскую, Лифляндскую, Ковенскую и Виленскую по Неману, так как путь сей есть ближайший и представляет более выгод контрабанде. Начальник Вержболовского таможенного округа сообщал, что сахар рафинад водворяется контрабандою в Ц. П. в огромном количестве, несмотря на то, что свекло-сахарное производство весьма быстро развивается. Начальник Юрбургского таможенного Округа доносил, что по изда-

пошлиною более колониального сахара, чем когда-либо прежде, а именно в 1850 г.». Л. Ц. И. Арх. фонд департамента неокладных сборов. Дело № 97 1858 г. О пересмотре устава ч. IV. Из письма гр. Бобринского.

нии ныне действующего тарифа, водворение контрабанды в сей округ вообще уменьшилось, исключая только рафинад, тайный ввоз коего увеличился. Причиною сему чрезвычайная разность между нашими и заграничными ценами. В Пруссии продается в мелочной торговле (считая на рос. вес и деньги) фунт рафинада простого сорта по 10 коп., первого сорта по $10^1/_2$ коп., самого лучшего по $11^1/_2$ коп., а мелиса по 6 коп. Когда же рафинированный сахар вывозится из Пруссии за-границу, то уплаченная консумационная таможенная пошлина возвращается фабрикантам и в таком случае продают они для транзита: мелис по 2 р. $94^1/_2$ к., а рафинад по 3 руб. 24 коп. пуд, что составляет за фунт рафинада $8^1/_2$ к., а за фунт мелиса $7^1/_2$ коп. Провозимый транзитом товар должен следовать за-границу не иначе как установленным путем к пограничной Прусской таможне и потому сахар, консумационною пошлиною не очищенный, не может быть водворяем к нам контрабандою, а для такого промысла покупается в Пруссии сахар консумационную пошлину заплативший. За тайное водворение контрабандисты платят проносителю с двух голов сахара весом $1^1/_2$ пуд.—2 руб., и сверх того страховых 15% с ценности товара, так, что расходов на тайное водворение требуется на пуд по 2 руб., а на фунт 5 коп.

Как видим, водворение рафинада контрабандой в Цар. Пол. и в Россию было хорошо организовано. В виду значительной разницы в ценах контрабанда представляла большие выгоды. После снятия таможенной черты в 1850 г., отделявшей Ц. П. от России, рафинад стал проникать в Россию в большом количестве. Жалобы рижских и петербургских домов на конкуренцию водворяемого в России сахара из Польши были основательны. Некоторое представление о размерах контрабанды дают цифры конфискованного рафинада, в 1851 г. было конфисковано в Ц. П.—2,7 т. п. рафинада, в 1852 г.—2,5 т. п., по Европейской России в 1850 г.—2,5 т. п., в 1851 г.—1,4 т. п., в 1852 г.—1,9 т. п.

Министерство фин., осаждаемое такого рода ходатайствами северных рафинеров, решило подвергнуть всестороннему обсуждению вопрос о пошлине на колониальный сахар. Видному чиновнику мин. фин. фон-Гецу было поручено составить по данному вопросу доклад.

В докладной записке от 1853 г. фон-Гец подверг поставленный вопрос всестороннему освещению. «Если бы не дожидаясь полного развития туземного сахарного производства, пишет фон-Гец, министерство финансов при первых явлениях, предвещающих ущерб в таможенном доходе, решилось понизить пошлину с привозного сахара, то казна не подверглась бы столь значительному убытку от уменьшения привоза оного; свекло-сахарное производство развивалось бы у нас по естественному ходу вещей, сосредоточиваясь в больших заводах, действующих улучшенными способами фабрикации, и вовсе не учреждались бы мелкие заводы, коих существование затрудняет финансовое законодательство и все те помещики, которые, увлекаясь духом спекуляции, устроили в надежде на огромные барыши заводы в невыгодных местностях, без знания дела и без достаточных денежных средств, избегнули бы потери своих капиталов, тогда не было бы также неизбежного ныне скрытого привоза рафинада по сухопутной границе».

«Для устранения упадка таможенного дохода предполагаются разные меры, более или менее соответствующие цели, но нет панацеи, посредством которой можно было бы вдруг прекратить зло и возместить, понесенные казною потери. Во всяком случае пройдут годы, доколе таможенный с сахару доход не достигнет степени, какой он был в 1849 г.; что вопрос о сахаре требует скорого решения и что в отношении к тростни-

ковому сахару нужно предоставить возможность к выдержанию конкуренции с туземным, в том кажется все согласны. Разногласие состоит в том, следует ли понизить пошлину с привозного сахара и в какой мере и как поступить касательно акциза с свекловичного» [1]).

Были сторонники того, чтобы вовсе отказаться от акциза с свеклосахарного производства, что отняло бы у сахарозаводчиков основание для домогательств о покровительстве посредством высокой таможенной пошлины. Другие опасаясь, что от понижения таможенной пошлины не последовало бы убытка для казны, предлагали повысить акциз с свекловичного сахара. Фон-Гец считал ту и другую меру неудобоисполнимой. «Так как свеклосахарная промышленность развилась в России только вследствии оказанного ей законодательством покровительства посредством несоразмерно высокой таможенной пошлины и неосторожно предоставленных ей льгот, но ныне нельзя лишить оную возможности существования и, таким образом, принести на жертву тех, которые по доброй вере употребили капиталы свои на предприятия, доселе особенно поощряемые правительством. Если отказать от акциза с свекл. производства, понизить пошлину с привозного сахара до такой степени, что все свеклосахарные заводы должны будут упразднится, то, не говоря, уже о неизбежном общем ропоте, казна все еще не получит приращения доходов. Это легко можно доказать. Положим, что таможенный доход при нынешней пошлине составляет 7 мил. рублей, а новая пошлина определена будет в 125 коп., то какое влияние, кроме разорения свекло-сахарных заводчиков, имело бы такое понижение пошлины на каждый доход. Ответ: казна не только лишила бы себя акцизного, но и части прежнего таможенного дохода, ибо, хотя бы вследствии такой меры привоз сахара и удвоился уже в первые годы, но удвоенный привоз при новой пошлине отнюдь не дал бы прежних 7 мил. руб. и привоз долженствовал бы увеличиться по крайней мере в четыре раза, чтобы казна не была бы в убытке. Из предыдущего видно, что для избежания казенного ущерба, сбавка пошлины не должна быть несоразмерною».

«Существующий ныне умеренный акциз с свеклосахарного производства не отягощает оного; он, конечно, не приносит значительного казенного дохода, но неосторожно было бы упустить акциз из рук, такую меру нельзя будет оправдать никаким примером какого либо другого правительства. Напротив есть общепринятое правило, с которым сообразуются законодательства всех других государств. По этому правилу свекло-сахарное производство, касательно обложения его податью, должно со временем уравняться с тростниковым».

Ссылаясь на то, что в России добывается один млн. пудов сахара, т. е более $^1/_3$ всего потребленного количества, автор записки приходит к выводу, что туземное сахарное производство может существовать без несоразмерно высокого таможенного покровительства. По его мнению, настал время и для нас сообразоваться с таможенным покровительством, предоставленным свекло-сахарному производству в Австрии и Пруссии. В России акциз относится к таможенной пошлине, как 1 : $6^1/_2$, в Австрии, как 1 : $4^1/_2$, Пруссии как 1 : $3^1/_2$. Фон-Гец полагал, что и в России следует снизить таможенную пошлину на сахар-сырец на 130 коп., установив пошлину в 250 к. с пуда. При такой пошлине колониальный сахар в состоянии будет выдержать конкуренцию с туземным, с другой стороны, и свекло-сахарные производители не будут иметь основательной причины сетовать на сию меру, ибо оказываемое им таможенное покровительство

[1]) Л. Ц. И. Арх. фонд департамента неокладных сборов. Дело № 41. 1853 г.

все еще останется чрезмерно высоким и более, чем достаточным для успешного развития их промышленности».

На основании высказанных соображений фон-Гец полагал: 1) установить таможенную пошлину в 250 к. с пуда сахара-сырца, 2) такой же пошлине подвергнуть и непробеленный песок, допускаемый ныне по уменьшенной пошлине; 3) уменьшенную пошлину разрешить в виде опыта на четыре года 1853, 1854, 1855 и 1856 г. По окончании же навигации 1856 г. предмет сей следует подвергнуть новому рассмотрению; 4) акциз с свекл. производства по 60 коп. с пуда оставить без изменения и в 1855 и 1856 г. с распространением сего акциза на все без из'ятия заводы, не взирая на количество производимого ими сахара, с прекращением в 1855 г. льгот, предоставленных уставом от 25 февраля 1848 г. и новоучрежденным заводам с тем однакоже, чтобы учрежденные в 1855 г. новые заводы пользовались еще обещанною им 2-летнею льготою, по истечении же сего срока подвергнуть их равному с прочими акцизу; 5) в случае понижения пошлины на сахар-сырец у нас, уменьшит оную, по соразмерности и в Цар. Польском. В Царстве Польском взимается пошлины не по 3 р. 80 коп., как у нас, а только 3 руб. с пуда. Я думаю, что при установлении у нас пошлины в 250 к. можно понизить оную там на 2 руб. и так как по сухопутным границам трудно совершенно прекратить тайный подвоз рафинада, то кажется, полезно было бы допустить и привоз рафинада к польским таможням со взиманием двойной пошлины по примеру Австрии и Пруссии».

В Одессу допускался привоз рафинада с пошлиною в 4 р. 50 к. по тарифу 1859 г., фон-Гец предлагал установить пошлину в 5 руб. По его словам, в Одессу было привезено в 1851 г. 73.202 п. рафинада для потребления собственно в порто-франко. Так как в Одессе числилось населения 71 тыс., то, очевидно, весь ввезенный рафинад не мог быть потреблен в пределах порто-франко.

В заключении своей записки фон-Гец отмечал упадок северной рафинадной промышленности. «Здешние сахарные заводы не только лишились заказов из западных губ., но и из внутренней России поступает к ним мало требований. Спрос сахара-сырца на бирже утих с декабря мес. В здешней таможне остается около миллиона пудов неочищенного пошлиною сахарного песка. По сим причинам некоторые из негоциантов предполагают привезенный ими в прошлом году к здешнему порту сахар-сырец, неочищенный еще пошлиною, по открытии навигации вывезти обратно заграницу»...

Из докладной записки фон-Геца видно, что мин. финансов было очень обеспокоено упадком таможенных доходов от сахара. В целях поднятия этого дохода оно выдвигало те и другие меры, в конечном итоге остановилось на довольно умеренном понижении пошлины. Депрессия северной рафинадной промышленности смущала министерство финансов и оно решилось поставить вновь вопрос о снижении пошлины. Как и прежде, так и теперь мин. фин. аргументировало свою меру ссылками на западноевропейский опыт.

В записке, представленной мин. фин. в Государственный Совет, указывалось на сильное падение привоза колониального сахара в начале пятидесятых годов. «По быстрому уменьшению привоза колониального сахара и необыкновенно скорому в последние годы развитию в Империи и Царстве Польском возделывания свекловичного сахара, нельзя не опасаться еще вящего на будущее время уменьшения и даже совершенного прекращения привоза. При таких обстоятельствах должно предвидеть, что с сохранением нынешних высоких пошлин на колониальный сахар,

казна, получающая уже теперь почти только половину прежнего по этой статье дохода, могла бы лишиться оного вовсе. Озабочиваясь изысканием средств к устранению сего невыгодного для государственных доходов последствия, мин. фин. не имеет ни мало в виду ни покровительства сахароварам, употребляющим преимущественно колониальный сахар, ни ослабления их, а еще менее уничтожения отечественных свеклосахарных заводов. Напротив, он вполне разделяет, с одной стороны, мнение Наместника Царства Польского, что рафинирование сахара из колониального песка, составляя такую промышленность, которая не имеет никакого влияния на улучшение сельского хозяйства, не требует у нас особого покровительства, а с другой стороны, мнение Киевского генерал-губернатора о пользах для государства от свекло-сахарного производства. Но сообразив все данные и сведения, относящиеся к настоящему делу, мин. фин. не мог не убедиться, что нынешний высокий размер пошлины с колониального сырца, вовсе не нужен для охранения отечественной свеклосахарной промышленности, между тем, высокая пошлина сия, установленная в видах чисто финансовых, при быстром развитии свекло-сахарного производства, составляет ныне главную причину уменьшения привоза колониального сахара». К тому же, «непомерно высокая цена поощряет контрабанду иностранным рафинадом на сухопутной западной границе Империи и Царства Польского».

Указывая на то, что акциз в 60 коп. казался в свое время «достаточным для достижения некоторого совместничества при сбыте на рынках центральных губерний Империи рафинада из колониального сахара, потому, что тогда количество рафинированного на юге свекловичного сахара (не более 143 тыс. пуд.) относилось к количеству рафинированного на севере колониального сахара (в сложности не менее 1.400.000 п.), как 1 : 10, но в настоящее время рафинеры южных губерний Империи и Царства Польского взяли уже положительный верх над северными рафинерами и не подлежит никакому сомнению, что, если не воспоследует скорое понижение пошлин с колониального сахара, фабрикация из оного рафинада должна будет прекратиться совершенно по следующей причине: белый сахар сырец обходится северным заводчикам при нынешней пошлине в 7 руб. 55 коп. сер., так что при продаже их рафинада на местах производства по 9-ти даже рублей за пуд, остается им для покрытия расходов фабрикации труда и процент на капитал не более 1 р. 45 коп. с пуда, тогда, как южным рафинерам собственный свекло-сахарный песок, стоящий им вместе с акцизом 3 р. 30 коп., считая продажные цены их рафинада на местах производства не более как в 8 руб., остается 4 р. 70 коп. с пуда. Эта очевидная разница в выгодах, составляющая 3 р. 25 коп. сер. на каждый пуд, вырастает еще более у некоторых южных заводчиков, коих рафинад, благодаря техническим преимуществам их заведений, продается на внутренних рынках по одинаковым почти ценам с рафинадом, приготовленным из колониального сырца (как, например, рафинад гр. Бобринского, купцов Яхненко, Симиренко и др.). Все это доказывает ясно: во-первых, что северным рафинерам невозможно устоять против южных при сохранении нынешнего высокого размера пошлин с колониального сахара сырца, и во-вторых, что цветущее положение отечественной свекло-сахарной промышленности не нуждается вовсе в охранении оной нынешнею чрезвычайно высокою пошлиною с колониального сахара-сырца».

Низкое душевое потребление сахара, по мнению мин. фин., происходило единственно от того, что северные рафинеры, употребляющие колониальный сахар-сырец, по причине чрезмерной с него пошлины, не могли

удешевить своих произведений; рафинеры свекло-сахарного песка (как это свойственно всякой торговле и промышленности) пользовались этим выгодным для них и обременительным для потребителей обстоятельством, для извлечения из своего производства наизначительных барышей. «Но независимо от потребителей теряет в особенности казна, которая от привоза колониального сырца в 1853 г. получила пошлинного дохода с небольшим 4.600.000 р., а в 1854 г. по количеству прошлогоднего привоза получит не более 3.218.000 руб. вместо прежних 7 мил. рублей и, если оставить пошлину без понижения, подвергнется в скором времени вящему сокращению, а впоследствии совершенному прекращению этого дохода».

По мнению мин. фин., повышение акциза с свекловичного сахара даже вдвое (имен., до 1 руб. 20 к. с пуда) не покрыло бы ущерба в доходе казны от вероятного закрытия заводов, перерабатывающих колониальный сахар-сырец. Цены рафинада нисколько не понизились бы, и развивалась бы контрабанда. Кроме того, увеличение акциза было бы сопряжено с большими неудобствами для казны в правильном взимании акциза, и с другой стороны, такой акциз был бы обременительным для свеклосахарных заводов, работавших устаревшими способами.

Министерство финансов считало наилучшею мерою к охранению пользы казны и потребителей без обременения свекло-сахарных заводчиков удвоенным акцизом понижение пошлины на колониальный сырец по привозу морем по 2 р. 50 коп., по сухопутному привозу до 2 р. сер. с пуда.

Министерство фин. полагало, что такое снижение пошлины не может повредить интересам свекло-сахарной промышленности, и уменьшенная пошлина являлась все же высокой и при этих условиях в портах колониальный сырец желтый должен был обходиться не менее, как в 5 р. 55 коп., а белый в 6 руб. за пуд, между тем, юго-западным заводчикам собственный свекло-сахарный песок обходился по 3 р. 30 коп., а покупка на месте производства от 4 р. до 4 р. 40 коп. «Все лучшие рафинадные заводы, употребляющие свекло-сахарный песок, находятся в юго-западных губерниях и Царстве Польском и имеют для сбыта своих произведений такие отдаленные от северных рафинадных заводов рынки, где и после сбавки пошлины и удешевления в следствии того цен рафинада из колониального сахара, сей последний не в состоянии будет соперничать с рафинадом свекловичным. Впрочем при обширности России, полезное для потребителей соревнование между северными и юго-западными заводчиками сообразно расстоянию мест сбыта от мест производства весьма желательно».

Исправляющий должность киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, стараясь подкрепить домогательства свекло-сахарных заводчиков о сохранении нынешней пошлины с колониального сырца и о невозвышении акциза с свекл. сахара об'яснял между прочим, что «к этой промышленности обратились в Киевской губ., не только земледельцы, но также купцы и арендаторы и, что, хотя много еще нужно времени и счастливых обстоятельств, чтобы свекловичная промышленность тамошнего края могла извлекать удвоенную пользу и удвоить итог своих произведений, однако, плодородность земли и прочие удобства представляют несомненное в том ручательство. Этот отзыв главного местного начальника о несомненной возможности удвоить в том крае пользы свекловичных заводчиков доказывает ясно, что предполагаемая сбавка пошлины с колониального сырца не может нанести никакого вреда свеклосахарной промышленности и, что для скорого удвоения ее пользы не следует усердствовать важными государственными доходами».

По словам записки, «единственное от этой меры для свеклосахарных заводчиков против нынешних обстоятельств несколько невыгодное последствие будет состоять в том, что северные рафинеры, которые в настоящее время вынуждены употреблять до 20% свеклосахарного песка (стоющего им ныне с дорогим привозом от юга до севера около 7 руб.) будут заменять оный колониальным сахаром, который будет им обходиться не дороже 6 руб.». Это указание мин. фин. для нас очень ценно: в начале пятидесятых годов свеклосахарный песок проник и на петербургский рынок и стал употребляться на северных рафинадных заводах.

Предложения мин. фин. были переданы для отзыва наместнику Царства Польского. Последний полагал, что пошлина в 3 руб. сер. составляла слишком высокую премию для польских свеклосахарных заводов и высказывался за установление для Царства Польского пошлины не более, как в 2 руб. сер. Наместник не встречал также препятствий к разрешению привоза в Царство Польское рафинада с пошлиной в 4 руб., ибо, «таковая достаточно обеспечивает выгоды тамошних заводчиков. Едва ли можно расчитывать, резонно заметил наместник, на то, что разрешение привоза рафинада из-за границы с пошлиною 4 руб. сер., посодействует на уменьшение контрабанды сахаром».

В заключении наместник считал нужным указать на то, что «в настоящее время нет равномерно побудительных причин к особенному покровительству рафинадных заводов, занимающихся исключительно выварною рафинада из заграничного сахара-сырца. Этот род промышленности, не имеющий никакого влияния на улучшение сельского хозяйства, в такой только мере заслуживает поддержания, в какой он споспешествует приращению таможенного дохода и доставлению заказов тростникового сахара сырца на случай неурожая свекловицы. Но в рассуждении собственного дохода, гораздо предпочтительнее получать из-за границы рафинад, так как пошлина с рафинада почти вдвое превышает пошлину с сырца. Он высказывался за допущение привоза сахара рафинада и к портовым таможням с пошлиной на 2 руб. выше против пошлины на сахар-сырец.

Мин. фин., по принятию во внимание всех соображений, вошел 13-го февраля 1854 г. в Государственный Совет с такими предложениями:

а) Установить общим тарифом 1850 г. привозную пошлину на все сорта сахара-сырца без различия, понизить по привозу морем до 2 р. 50 коп., а по сухопутному привозу в Цар. Польское до 2 руб. с пуда;

б) К этой общей норме пошлин причислить желтый и красный сахар, пользующийся с 1849 г. при провозе через Петербургскую таможню, уменьшенною против белого сахара-сырца пошлиною, и за сим отменить, как свидетельствование в Петербургском порте, через особых приставов желтого и красного сахара-сырца, так и взимание в пользу их по одной копейке с привозных сахарных песков вообще.

О сих распоряжениях об'явить сколь можно благовременнее, но приведение оных в исполнение отсрочить до 1-го марта 1855 г., с распространением предполагаемого понижения пошлин на все те партии сахара-сырца, которые к тому числу останутся в таможенных пакгаузах, не очищенными пошлиною.

г) Рафинированный сахар оставить впредь до времени к привозу запрещенным».

Ввиду того, что надвигалась Крымская война, мин. фин. вошел 18-го марта 1854 г. с новым представлением в Государственный Совет: «Внешние политические обстоятельства приняли такой оборот, что на днях должно ожидать об'явления войны со стороны двух западных морских

держав, вследствие чего привоз иностранных товаров к нашим Балтийским портам неминуемо должен, если не прекратиться, то по крайней мере значительно измениться». Поэтому министр финансов находил нужным внести ряд изменений в свои первоначальные предположения, именно: 1) допущение сухопутного привоза сахара-сырца с уплатой пошлины в 2 руб. через шесть сухопутных в Империи таможень; 2) разрешить привоз рафинированного сахара в головах с пошлиною по 4 руб. с пуда к означенным шести таможням. Эти изменения были продиктованы опасением блокады Балтийских портов и потому решено было допустить привоз сахара через сухопутные границы.

Департамент экономии Государственного Совета нашел неудобным приступать к каким либо коренным изменениям в существующем порядке привоза сахара, частично принял предложения мин. фин.

В общем собрании Государственного Совета 5-го апреля 1854 г. было принято следующее постановление: 1) пересмотр общего тарифа 1850 г. отложить до более благоприятного времени; 2) существующую в Царстве Польском привозную пошлину по 3 руб. с пуда понизить до 2 руб. и с таковою же пошлиною допускать к привозу в Империю через шесть сухопутных таможен; 3) разрешить привоз рафинированного сахара в головах с пошлиною 4 руб. сер. с пуда через те же таможни, а также и таможни Царства Польского [1]).

Из сопоставления дат видно, что понижение пошлины с колониального сахара прошло быстро и безболезненно в Государственном Совете под влиянием надвигавшейся войны. Очевидно, неблагоприятная политическая обстановка заставила сторонников свекло-сахарной промышленности в Государственном Совете молчать.

В принятом постановлении характерно то, что Государственный Совет первоначальное предположение мин. фин. о понижении пошлины по привозу морем, нашел нужным отложить до более благоприятного времени. Следовательно, в Государственном Совете это предположение не встречало сочувствия. Государственный Совет ограничился снижением пошлин по сухопутной границе, как экстраординарной мерой, вызванной войной. Этим и можно об'яснить отчасти то, что против этой меры не возражали защитники, достаточно многочисленные, свекло-сахарной промышленности в Госуд. Совете.

Вопрос о понижении пошлин с сахара, привозимого морем, был вновь поставлен мин. фин., по окончании Крымской кампании. В 1856 г. мин. фин. вошел в Государст. Совет с докладной запиской о понижении пошлины, на сахар-сырец и о разрешении к привозу рафинированного сахара [2]). По мнению мин. фин., с возобновлением морской торговли необходимо установить соразмерность между пошлинами на сахар-сырец в портах и на сухопутной границе; если оставить нынешнюю разность в 1 р. 80 коп., в пользу сухопутной торговли, сахар будет привозиться к нам исключительно сухим путем. Невыгода этого очевидна уже потому, что через оную увеличивается цена товара от излишних издержек на провоз и от транзитной пошлины в Пруссии.

Имея в виду поддержание сей важной статьи таможенного дохода, следовало бы оставить на сырце по сухопутному привозу нынешнюю пошлину в 2 руб. сер., а по привозу морем на 50 коп. выше, т. е. в 2 руб.

[1]) П. С. З. 1854 г. т. XXIX № 28.146. Утвержденное мнение Госуд. Совета о понижении привозной пошлины на сахар-сырец и разрешении к привозу рафин. сахара по западной сухопутной границе.

[2]) Л. Ц. И. Арх. Фонд Госуд. Совета. Департамент экономии № 147. 1856 г. Дело о понижении пошлины на сахар-сырец и о разрешении к привозу рафинированного сахара.

50 коп. Это приблизительно соответствовало разности расходов между сухопутною и морскою доставкою.

Пошлина в 2 руб. 50 коп., «составляя весьма достаточное ограждение интересов наших свеклосахарных заводчиков, будет полезна и в том отношении, что северные рафинеры будут в состоянии, хотя отчасти соперничать с южными в сбыте сахара в центральных губерниях, а через это уменьшится цена на сахар и может со временем возрасти его потребление, оставшееся в России в последнее время на одинаковой ступени.

Предлагаемая пониженная пошлина все же была выше, принятой в торговле пошлины на колониальный сахар в других странах. В Англии пошлина с сырца непробеленного составляла 1 р. 01 к. с пуда, пробеленного 1 руб. 17 коп., рафинад 1 руб. 34 коп.; в Германском Таможенном союзе с сырца для рафинадных заводов — 1 руб. 50 коп., с сахарной муки—2 руб. 46 коп., с сахара в головах—3 руб. $7^1/_2$ коп., в Австрии для тех же сортов сахара—1 руб. 50 коп., 2 руб. 36 коп., и 3 руб., в Бельгии—с сахара сырца от 1 руб. 84 коп. до 1 руб. 93 коп., с рафинада 3 руб. 90 коп. В названных странах, если даже исключить Англию с ее фритредерскою политикою, пошлина на 1 руб. была ниже, проектируемой министром финансов.

Во Франции взимались дифференциальные пошлины в зависимости от места происхождения колониального сахара, флага и сорта сахара. Минимальная пошлина взималась с сырца низших сортов с острова Бурбона по 1 руб. 60 коп. на французских, так и прочих кораблях. На сырец пробеленный пошлина колебалась от 2 руб. 02 коп. до 2 руб. $55^1/_2$ коп., при перевозке на иностранных кораблях и через сухопутные границы она повышалась до 2 руб. $80^1/_2$ коп. Привоз рафинада во Францию был запрещен. Таким образом, только в одной Франции максимальная пошлина, установленная для иностранного флага и при том только для некоторых видов сырца совпадала с той, какую предлагал установить для всех видов сырца мин. фин.

Министр финансов в своем предложении, внесенном в Государственный Совет в 1856 г. по вопросу о разрешении привоза морем иностранного сахара в головах, писал следующее:

1. «Так как этот сахар допущен к привозу на сухопутной границе, то нет основания оставлять в силе запрещение привоза его морем. Это послужило бы только излишним покровительством немногих рафинерных заводов в Спб. и Риге, между тем, как снятие сего запрещения было бы в особенности полезно в случаях неурожая у нас свекловицы, когда наши рафинеры чрезвычайно возвышают цены своего сахара, к весьма чувствительному обременению потребителей.

2. Принятую по сухопутной границе разность в 2 руб. сер., между пошлинами на сырец и рафинад можно бы установить и для портов, т. е. обложить рафинад пошлиною в 4 руб. 50 коп. Разность эта составляет достаточную премию в пользу внутреннего рафинирования, ибо цена рафинада нигде не превышает цены сырца более как на 1 руб. 50 коп. с пуда и премия в 2 руб., все еще выше той, которая принята в других Европейских государствах».

Действительно, разница в пошлинах на сырец и рафинад составляла в Австрии—1 руб. 50 коп., в Германском Таможенном союзе—по 1 руб. $57^1/_2$ коп. Мин. фин. находил невозможным поднять пошлину на рафинад выше 4 руб. 50 коп., скажем до 5 руб., так как это «равнялось бы запрещению привоза морем, ибо средняя цена рафинада в Спб. составляла 10 руб. за пуд, каковая цена при убавке пошлины на сырец, 1 руб. 30 коп., понизится до 8 руб. 80 коп., между тем, иностранный рафинад

с пошлиною в 5 руб. сер., принимая во внимание средние цены заграницы (от 4 руб. 35 коп. до 4 руб. 70 коп.), обойдется от 9 руб. 55 коп., до 9 руб. 90 коп., при каковом расчете издержки за комиссию, фрахт и проч. приняты лишь в 20 коп. серебром с пуда.

Министр государственных имуществ, признанный защитник интересов свеклосахарной промышленности, представил свои возражения на это предложение мин. фин. «Имея в виду выгоды казны и потребителей, так писал мин. госуд. имущ., никак не должно упускать из виду необходимости покровительства отечественной свеклосахарной промышленности... которая, оказывая несомненно полезное влияние на усовершенствования основной отрасли нашего хозяйства—на земледелие, пускает уже и ныне в оборот ежегодно в одной Империи не менее 6 мил. руб. серебром. Значительное вдруг понижение пошлины на привозной сырец может подорвать, если не все, то многие свеклосахарные заводы и в то же время прекратить во многих местах возделывание свекловицы».

Мин. госуд. имуществ рекомендовал итти путем постепенности, «убавляя пошлины на привозной сахар и возвышая акциз на свекловичный, дабы, наконец, по указанию опыта привести пошлину и акциз в возможную соразмерность без сильных ущербов для отечественной свеклосахарной промышленности... Мин. фин. полагает, что понижение пошлины на 1 руб. 30 коп. не повредит свеклосахарной промышленности. Он основывается на том обстоятельстве, что большая часть заводов, устроенных на фабричном основании и вырабатывающих в совокупности $^2/_3$ всего количества, добываемого в Империи песка, не только не отстали от заводов в Пруссии и Австрии, но сравнялись уже несколько с лучшими заводами Франции и Бельгии и на расчете, что заводчикам самим пуд свекловичного песка обходится в 3 руб. 30 коп. вместе с акцизом...

Однако, нельзя не заметить, что, если в России дешевле земля и плата за работу, то с другой стороны, земледельческая часть свекловичного дела находится на низшей ступени, нежели за-границей, где с того же пространства земли получается в $1^1/_2$ и 2 раза больше свекловицы; сверх того у нас обыкновенные проценты на капиталы гораздо выше, а потому и коммерческий размер выручки для наших заводчиков должен быть больше, нежели заграничный».

Мин. госуд. имуществ, исчислив среднюю стоимость пуда сахара при среднем выходе в $4^1/_2$% или 18 фунтов, вместе с акцизом 4 руб. 71 коп., полагал ограничить на первый раз сбавку пошлины с колониального сахара по привозу морем 80 коп. сер. с пуда.

Вместе с этим министр государственных имуществ считал необходимым об'явить:

1. «Что правительство имеет в виду постепенно уменьшать разность между пошлиною и акцизом до известного предела, напр., до 1 руб. сер. на пуде, понижением ли первой или возвышением последнего или тем и другим вместе;

2. Что эти изменения будут делаться в определенные сроки и потому ныне устанавливаемый акциз и пошлина останутся без перемены на 6 или по крайней мере на 4 года.

Таким образом, будет дана возможность свекло-сахарным заводчикам к положительным в их предприятиях расчетам и отстранится повод к жалобам на неожиданные для них перемены тарифа, влекущие за собой чувствительные для промышленности убытки, а частью и совершенную потерю затраченных капиталов».

Мин. госуд. имуществ, защищавший и раньше интересы свекло-сахарных заводчиков, выступил и в данном случае против проектируемого

мин. фин. понижения пошлины на 1 р. 30 коп., предложив с своей стороны, более умеренное понижение в 80 коп. с пуда. Возражать против какого-бы то ни было понижения таможенной пошлины было трудно; слишком уж была высока разница в ценах на сахар на внутреннем и западноевропейских рынках, и с другой стороны, слишком уж велико было у нас таможенное обложение сравнительно с принятым в западно-европейских странах. Очевидно, и круги свеклосахарных заводчиков не считали возможным возражать против всякого понижения пошлины с колониального сахара.

Для свеклосахарных заводчиков еще большее значение имело другое предложение мин. госуд. имущ. об установлении шести или четырехлетнего срока, в каковой не должны были быть допускаемы изменения в обложении свекловичного и колониального сахара. Это страховало сахарозаводчиков на время от ясно наметившейся тенденции в министерстве финансов в сторону уравнения обложения колониального сахара и свекловичного. Ряд записок по этому вопросу достаточно ясно выявлял точку зрения мин. фин. Для свеклосахарных заводчиков было важно защитить себя, хотя бы на 4—6 лет, от возможных изменений. Можно думать, что предложение о снижении акциза на 80 коп. было уступкой министерству финансов с целью получить этот льготный срок.

Департамент госуд. экономии, установив принципиальную необходимость удешевления сахара, присоединился к взгляду мин. госуд. имуществ, высказавшись за понижение пошлины на 80 коп. Другими словами, он предлагал установить пошлину на сахар-сырец в 3 руб. сер., на рафинад в 5 руб. Означенные пошлины и акциз на сахар внутреннего производства оставить без изменения на 6 лет. Мнение Департамента экономии было принято в июне 1856 г. и в общ. собрании Государственного Совета [1]). Таким образом, предположения мин. фин. было полностью провалено: не было принято ни понижение пошлины на 1 руб. 30 коп., как проектировал министр финансов, ни установление пошлины на рафинад в 4 руб. 50 коп. Как выше было указано, министр фин. именно возражал против 5 рублевой пошлины на рафинад, между тем Государственный Совет этот размер пошлины и принял.

Госуд. Совет шел несколько дальше мин. госуд. имуществ в покровительстве свеклосахарной промышленности. Мин. госуд. имуществ соглашался на 4-хлетний срок недопущения изменений акциза или пошлины, Госуд. Совет принял шестилетний срок. Это и понятно, в Госуд. Совете сидели те, кому близки и дороги были интересы свеклосахарных заводчиков.

Этой последней мерой и кончаются в интересующий нас период меры в экономической политике в области сахарной промышленности [2]). Льготный шестилетний срок истекал только в 1862 г. Указанная дата уже выходит за рамки намеченного исследования. К концу изучаемого периода мин. фин. начало усиленно готовиться к пересмотру обложения сахара.

---

[1]) П. С. З. 1856 г. Т. XXXI, № 30696.

[2]) В 1859 г. было утверждено определение нормальной единицы выработки свекловицы на заводах, действующих холодною вымочкою и гидравлическими прессами. Как было указано в законе, «сила снарядов, употребляемых на свеклосахарных заводах для добывания сока из свекловицы, определяется по трехсуточному испытанию, коим приводится в известность среднее количество берковцев свекловицы, могущее перерабатываться в сутки на каждом из находящихся на заводе снарядов. Сие количество с утверждения мин. фин. принимается за нормальное, и по оному исчисляется акциз до тех пор, пока в испытуемых снарядах не произойдет какого-либо изменения». П. С. З. т. XXXIV, 1859 год. № 35 072.

Результатом этой подготовки явился устав об акцизе свеклосахарного производства 1863 года.

В общей оценке нашей законодательной политики в области сахарной промышленности мы приходим к таким выводам: в начальный период изучаемой эпохи, т. е. до двадцатых годов правительство свое содействие новой зарождавшейся отрасли промышленности выявляло в ссудах, отводе земель и, что особенно важно, в предоставлении права выкурки спирта из свекловичных остатков. Мы не находим указаний на то, чтобы изменения таможенной пошлины в этот начальный период преследовали интересы новой отрасли промышленности. Повышение пошлин с колониального сахара, начатое в двадцатых годах и продолжавшееся вплоть до пятидесятых, имело в виду исключительно интересы фиска. Таможенная пошлина с колониального сахара представляла в то время необычайно важный источник государственных доходов, источник, выделявшийся дешевизной, простотой и легкостью взимания налога. Правительство, нуждавшееся в деньгах после Наполеоновских войн, широко использовало этот доходный источник, повышая до самых крайних пределов пошлину с колониального сахара. В этом случае оно нисколько не думало об интересах свеклосахарной промышленности, но только об усилении доходных поступлений. Мы знаем, что еще в тридцатых годах наше правительство очень скептически относилось к возможности укоренения у нас свеклосахарной промышленности [1]). Интересно, что даже в начале сороковых годов в недрах мин. фин. находились крупные чиновники, сомневавшиеся в возможности существования свеклосахарной промышленности безчрезмерного покровительства (Фон-Гец). Переход к высоким таможенным пошлинам с колониального сахара был вызван интересами фиска, а не целями охраны от иностранной конкуренции свеклосахарной промышленности. Единственным мотивом повышения таможенных пошлин на колониальный сахар было желание поднять доходность указанной статьи. Эта фискальная мера оказалась в конечном результате и покровительственной для возникшей свеклосахарной промышленности. При наличии почти запретительных пошлин, цены на сахар на внутреннем рынке стояли высокие, что с избытком покрывало более значительные издержки производства в этот начальный период свеклосахарной промышленности, когда шли ощупью в намечении способов производства и когда поэтому неизбежны были крупные потери и убытки. Благодаря высоким таможенным пошлинам, свеклосахарная промышленность сделалась одной из наиболее рентабельных отраслей производства. Этим и можно об'яснить, почему сюда так интенсивно устремились сначала дворянские, а позже и купеческие капиталы. Наша оценка таможенной политики расходится с встречающимся в литературе взглядом, что правительство при повышении таможенных пошлин на колониальный сахар имело в виду покровительство свеклосахарной промышленности [2]). Ду-

---

[1]) Отношение мин. фин. Канкрина к свеклосахарной промышленности Шипов характеризовал в таких словах: «гр. Канкрин думал, что действительно тщетны будут усилия наших сахароваров, что они (свеклосахарные заводы) будут существовать только при покровительстве высокого тарифа и вместе с тем опасался, чтобы эта промышленность, развиваясь под таким покровительством, не подорвала источник важного государственного дохода, доставлявшей тогда более 3 мил. таможенного сбора». Шипов выше цит., стр. 6.

[2]) И. Левин в книге «Свеклосахарная промышленность в России» в повышении пошлин на привозной сахар в начале XIX столетия видит правительственное поощрение свеклосахарных заводов. См. Левин—Свеклосахарная промышленность в России, Спб., 1910 г., стр. 14. Цехановский говорит о прямом таможенном покровительстве отечественной сахарной промышленности. Русская свеклосахарная промышленность в ее прошлом и настоящем. Спб. 1911 г., стр. 6.

мается, что изложенный нами исторический очерк развития экономической сахарной политики достаточно ясно указывает ошибочность такого взгляда. Здесь, как это часто бывает в народнохозяйственной жизни, мера, принятая в одних целях, реально содействовала и другой цели. Незаметно, под благодетельной сенью таможенной пошлины на колониальный сахар укрепилась и развилась туземная свеклосахарная промышленность. Министерство финансов, невольно содействовавшее этому росту, заметило его только в начале сороковых годов, когда стал падать таможенный доход от сахарных пошлин. С сороковых годов мин. фин. начинает менять свою финансовую политику; оно борется за установление акциза с свекловичного сахара и понижение пошлины с колониального. На эту борьбу его толкало падение таможенного дохода. Северные рафинеры, можно сказать, открыли мин. фин. глаза на свеклосахарную промышленность, указав на то, что последняя служит причиною недобора в таможенном доходе с колониального сахара. С сороковых годов открывается упорная длительная борьба северных рафинеров с южными. Мин. фин., обеспокоенное падением сахарного таможенного дохода, мало верившее в жизнеспособность свеклосахарной промышленности, держало в этой борьбе сторону северных рафинеров. Эта новая фаза фискальной политики мин. фин. наталкивалась на сильное сопротивление свеклосахарных заводчиков.

Выросшие и укрепившиеся под сенью высокого таможенного тарифа владельцы свеклосахарных заводов энергично сопротивлялись попыткам изменения финансовой политики. Они находили мощную поддержку в Государственном Совете, вербовавшемся из крупных аграриев. Установление акциза на свекловичный сахар и понижение таможенной пошлины на колониальный сахар всегда умерялось и сглаживалось в заседаниях Государственного Совета.

Скромные предположения мин. фин. по акцизу или по снижению пошлин встречали противодействия в Государственном Совете. В этом случае горячим защитником интересов свеклосахарных заводчиков выступал министр государственных имуществ. И как не странно, мнения последнего по финансовым мероприятиям брали верх над взглядами, проводимыми и защищаемыми министром финансов. Последнему удавалось проводить снижение пошлины или установление ставок акциза в меньших размерах, чем это намечалось в его первоначальных предположениях.

Борьба северных и южных рафинеров закончилась победой последних. Уже в конце исследуемого периода привоз колониального сахара сырца стал резко падать. Торговля колониальным сахаром и северная рафинадная промышленность к началу шестидесятых годов сходила на нет, отмирала.

Свекло-сахарная промышленность, получившая зарождение в начале 19 столетия, к началу шестидесятых годов распространилась по значительной полосе России, и в особенности на Украине, расширялась и усовершенствовалась. Свекловичный сахар стал вытеснять тростниковый даже в столичных и северных рынках. В конечном итоге стало экономически невозможным существование северной рафинадной промышленности. В этой борьбе, тянувшейся несколько десятилетий, победил юг.

ГЛАВА V.

ИДЕОЛОГИ СВЕКЛО-САХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Печатные органы сахарозаводчиков — Земледельческий Журнал, Журнал Сельского Хозяйства. Записки Комитета Сахароваров. Дм. Давыдов. Его «Взгляд на свекло-сахарное производство». Мнение Давыдова о рентабельности свекло-сахарных заводов. Нападки на Англию. Ее сахарная монополия. Отчет Мальцева (1829 г.). Свекло-сахарная промышленность важнейшая и полезнейшая всех других. Бар. Котц—представитель мелкопоместного дворянства. Бедственное положение мелкопоместного дворянства. Необходимость соединения земледелия с фабричным промыслом. Лялин. Его мнение о бездоходности сел. хозяйства на Украине. Значение свеклосахарной промышленности для поддержания благосостояния имений. Возможный упадок ввоза тростникового сахара. Скепсис редакции—«Библиотеки для Чтения». Мнение Лялина о налоге на сахар, о свеклосеянии. Пренебрежительное отношение заводчиков к свеклосеянию. Шишков. Его биография. Его роль в истории свеклосахарной промышленности. Взгляд Шишкова на оброк и барщину. Маслов. Его мнение о развитии внутренних сил для удовлетворения необходимых потребностей. Маслов о повышении цен на сахар. Его полемика с редакцией «Московских Ведомостей». Значение свекло-сахарной промышленности для крестьянства. Возражения N. N. по вопросу о причине падения цен на сахар. Защита дешевого сахара. Взгляд Маслова на роль таможенных пошлин в деле развития свеклосахарной промышленности. Гр. Ал. Бобринский. Его биография. Его сочинение «О применении системы охранительной и свободной торговли». Гармония интересов производителей и потребителей. Ханенко. Его взгляд на значение свекло-сахарной промышленности для использования труда. Кто должен устраивать заводы, капиталисты или помещики? Свекло-сахарный завод, как рынок сбыта. Понятовский. Его мнение о снижении пошлин на колониальный сахар. Струков об искусственном насаждении свекло-сахарной промышленности. Свеклосеяние усилило тяготу барщины. Истребление лесов. Оценка свекло-сахарной промышленности московским купечеством.

Развитие свекло-сахарной промышленности в России, ее высокая доходность, ее важное значение в поддержке бедневшего дворянства, ее местная, органическая связь с сельским хозяйством—все это должно было найти отражение в литературе изучаемой эпохи. Изменения материальной базы должны были вызвать соответствующие изменения в идейных течениях. В первой половине XIX в. появились защитники этой промышленности, воспевавшие ее значение не только для самих заводчиков, но и для всего населения, для целого государства. Те и другие домогательства сахарозаводчиков находили соответствующую литературную форму, придававшую им народно-хозяйственную важность, государственную пользу.

Рядом с ростом свекло-сахарной промышленности росла и ширилась литература, воспевавшая и восхвалявшая ее значение.

Свекло-сахарная промышленность с первых же шагов своего существования приобрела свой орган в виде Земледельческого Журнала, издававшегося Московским Обществом Сельского Хозяйства, параллельно с ним при развитии деятельности Комитета сахароваров издавались еще специальные записки Комитета Сахароваров. Вышло всего семь книг за-

писок, последний том вышел в 1840 г. После этого записки печатались в самом журнале. С 1840 г. «Земледельческий Журнал» был реформирован в «Журнал Сельского Хозяйства». Эти два журнала наиболее полно отражали как деятельность Комитета Сахароваров, так и ход развития свекло-сахарной промышленности. История свекло-сахарной промышленности двадцатых, тридцатых, сороковых, пятидесятых годов в значительной мере записана на страницах двух названных журналов. Нет вопроса из области свекло-сахарной промышленности, который бы не нашел в них своего освещения. Историк свекло-сахарной промышленности находит в указанных журналах богатый и разнообразный материал.

Нам не раз приходилось отмечать значение этих журналов в деле насаждения и распространения свеклосахарной промышленности в России. Автор статьи—О возделывании свеклы (Записки I Комитета Сахароваров, приб. к Зем. Журн. 1834 г., стр. 51) пишет: «одно утешение... читать с восхищением прекрасный «Земледельческий Журнал» нашего Общества, за который оному и Вам в особенности, как издателю, все мы и потомство есть и будем весьма признательны». Так высоко современники расценивали роль и значение Зем. Журнала, вокруг которого группировались сахарозаводчики, на страницах которого выкристаллизовывалось общее мнение деятелей свеклосахарной промышленности, вырабатывалась и складывалась единая линия поведения в отношении тех и других сахарных мероприятий государственной власти.

В данной главе мы остановимся на более ярких представителях сахарозаводчиков, пользовавшихся большим авторитетом в своей среде и в глазах тогдашнего общества.

В начале тридцатых годов виднейшим представителем сахарозаводчиков являлся Дм. Давыдов, прошумевший своим изобретением в России нового метода сокодобывания при посредстве вымочки. Это изобретение, заимствованное у французов, сделало имя Давыдова широко популярным в кругах сахарозаводчиков. Этот практик-делец выступал и в печати с изложением своих взглядов и защитой интересов свекло-сахарной промышленности.

В брошюре «Взгляд на свекло-сахарное производство» (М. 1833 г.), Давыдов поставил такой широковещательный лозунг: «успех свекло-сахарного производства в Европе вернейшая, хотя не шумная победа над восточной и западною Индиею». По его словам, правительство не обращало внимания на сахарную промышленность:

1) во-первых потому, что настоящие результаты сахародобывания из свекловицы, действительно ничтожны и нисколько не оправдали первоначальных ожиданий;

2) что в предположении даже лучшего успеха, выгоды представляли сомнение для взимания налога, соответствующего собираемой пошлине с иностранных сахарных песков и

3) по неизвестности, могут ли когда нибудь собственные произведения при взимании налога выдержать соревнование с колониальным изделием и продаваемы быть с выгодою при цене, отвергающей чужеземные произведения и вместе с тем контрабанду.

В этом он справедливо видел вопрос бытия или небытия свекло-сахарной промышленности. Решение этого вопроса зависит от выходов сахарного песка: во Франции выходы достигали из 10-пудовой четверти 20 ф. или 5%, в России—12 ф. или 3%. Причины таких низких выходов Давыдов видел в примитивной технике производства.

Давыдов сообщает, что после 12-летнего труда ему удалось поднять

выходы до 24—30 ф. [1]). В доказательство рентабельности свеклосахарной промышленности при таких выгодах, Дм. Давыдов вычисляет себестоимость обработки одной четверти свеклы, включая и оплату налога, равного пошлине на колониальный сахар.

С каждой четверти при 24 ф. выхода:	
Налог в ассигн.	4 р. 50 к.
За четверть свекловицы	1 р. 10 к.
За переработку	1 р. 10 к.
Итого расход	6 р. 70 к.
Выручка за 24 ф. по $36^1/_4$ к. за фунт	8 р. 70 к.
Остается на покрытие процентов на капитал и прибыли	2 р.

«При существующем положении наших заводов, замечает Давыдов, и при высших даже ценах, редкому фабриканту очищается теперь чистой прибыли 2 р., хотя и без налога». При 24 ф. выхода казенный налог, по его словам, совершенно обеспечен.

Давыдов считает, что достаточно понизить цену до $14^1/_2$ р. асс. за пуд, чтобы отвратить навсегда привоз иностранного сахара, так как американский колонист продает на Петербургской бирже пуд белого песка, за исключением пошлины, по 15 р. асс.

«Нет сомнения, пишет он, что американский колонист должен будет отказаться от сего торга с Россиею и что контрабанды с сахаром быть уже не может».

Автор ставит вопрос, «не сократит ли этого нашего отпуска (железа, пеньки и пр.)?» По его мнению, будут покупать товары там, где цены на них выгоднее. Видный представитель наших сахарозаводчиков, окрыленный успехами своего изобретения, мечтал о полном вытеснении колониального сахара с русского рынка.

Давыдов выдвигает такой принцип развития производительных сил страны: «первый и самый естественный закон государственного хозяйства состоит в возрождении собственных способов продовольствия и в возможном освобождении от сторонней зависимости в случае разрыва мирных сношений. Континентальная система доказала, сколько нация терпит от лишения предметов, введенных привычкою в необходимое употребление».

Сахарозаводчик выступает как сторонник продовольственной автократии страны на случай разрыва мирных сношений.

«Стоит только взглянуть на таблицу ввозимых иностранных товаров, замечает далее Давыдов, чтоб увериться, что сахар составляет главнейшую статью общественных расходов. Англичане желают продавать нам ежегодно все нужное количество сахара, а мы имеем все способы, чтобы его самим производить: выбор не труден. Английское министерство употребит все средства коммерческие и дипломатические, чтоб подавить в других государствах сию новую промышленность до продажи сахарных

[1]) Широковещательные об'явления Давыдова о сделанном им открытии, значительно повысившем выходы сахара, вызвали большие сомнения у Лялина, известного в то время сахаровара на Украине. Указав на свои выходы в 16 ф., Лялин пишет: «нет сомнения, что для многих из нас несравненно увлекательнее читать, что вымочкою из берковца получается 34 ф. сырцу или все равно 17 ф. пробеленного песку. Это так увлекательно, что, право, иногда невольно злой дух шепнет завести подобный заводец». Еще резче выражается он в другом месте: «кто пишет, будто он вымочкою получает из берковца свекловицы 20 ф. сахару в головах или 17 ф. пробеленного песку, тот имеет дурной замысел разорить вас или должен быть продан в деле или служит орудием какому-нибудь спекулянту и передает своими устами его бредни». Лялин. Библиотека для чтения. 1838, прим. к 31 и к 32 стр.

песков в убыток». Как видим, автор принимает близко к сердцу интересы сахарозаводчиков. Проскальзывает у него опасение, довольно распространенное и во Франции в ту пору, что англичане всеми мерами, вплоть до бросового экспорта, будут подавлять свеклосахарную промышленность континентальных стран.

«В других государствах, пишет Давыдов, есть особый класс промышленников, но у нас в промышленность вступило дворянство для поддержания своих имуществ и кредита: нельзя, кажется, не одобрить справедливою похвалою первые шаги его на пути столь чуждом его прежним привычкам и не способствовать такому благородному намерению». Из этих слов видно, что дворянство взялось за свеклосахарную промышленность в виду упадка доходов от сельского хозяйства. По мнению автора, эту тягу к промышленности, вызванную экономической необходимостью падающих дворянских имений, следовало поддержать. В чем должна заключаться эта поддержка? «Если правительство, продолжает Давыдов, об'явит несколько лет свободных от всякого налога для всех заведений, существующих и будущих, сия промышленность примет, конечно, быстрое развитие; в короткое время число заводов совершенно пополнится. Малороссийский край особенно к тому способен, чтобы произвести 1 мил. п. песка, ежегодно ввозимого в Россию и за который мы выпускаем около 20 мил. р.». Таким образом, поддержка дворян-сахарозаводчиков сводилась к необложению их акцизом на сахар.

Увлеченный такими перспективами Давыдов верит в то, что «соревнование заводчиков понизит скоро цену на пески: тогда мы будем в состоянии выпускать их за-границу, не опасаясь стороннего соперничества, особенно, ежели при вывозе был бы возвращаем определенный налог с удержанием некоторой пошлины». Интересно, что сахарозаводчики в начальный период возникновения свеклосахарной промышленности стали мечтать о вывозных премиях. Эти мечты получили осуществление позже в восьмидесятых годах.

Этот первый идеолог свекло-сахарной промышленности утверждал с уверенностью, что «сия новая и важнейшая ветвь народных возможностей принадлежит России более, чем какой ни есть земле в Европе». Он соглашается с тем, что «первый порыв в сем предприятии был, конечно, неоснователен; заметное охлаждение, столь-же необдуманное, было неизбежным его последствием; но дань опытности заплачена большими пожертвованиями и упорною волею».

В этом первом опыте литературной защиты интересов сахарозаводчиков довольно ясно и выпукло выступает дворянская точка зрения. Дворянство, взявшись за новую отрасль производства стремилось спасти себя от разорения, оно домогалось свободы от сахарных налогов и уже мечтало о вывозных премиях.

В другом своем произведении тот же Давыдов обрушивается на англичан, готовых приложить все силы и старания к тому, чтобы уничтожить в Европе свеклосахарную промышленность («Взгляд на свеклосахарное производство и новых усовершенствованиях, сделанных по оному в России». Землед. Журнал, кн. 12, 1833 г.).

Автор подкрепляет себя ссылкой на знаменитого Домбаля, доказывавшего, что «если составляются во Франции партии противников водворения в оной свеклосахарного производства, то сии люди говорят подкупным языком в пользу тех, для кого уменьшение сбыта тростникового сахара наиболее страшно... Неоспоримо, что в сем деле интерес Англии наивеличайший». Надежда Англии на монополию снабжения Европы сахаром наталкивается на возникновение новой промышленности, «угро-

жающей совместничеством произведениям азиатским, промышленности, которая при самом ее младенчестве дает уже провидеть требования ее на успех в сем совместничестве. Удушить в колыбели сие чудовище, могущее произвесть такое перемещение в Европу одного из самых выгоднейших предметов торговли, конечно, было бы одним из отличных дипломатических действий и нет сомнения, что средства всякого рода будут употреблены для достижения сей цели».

«Вопрос о существовании или несуществовании свекло-сахарного производства в Европе не принадлежит ни Франции, ни России, ни другому какому либо государству в особенности. Это именно есть вопрос европейской колониальной торговли. В коммерческом отношении это борьба двух частей света, борьба начата гением Наполеона с властелинами всемирной морской торговли». Представитель наших сахарозаводчиков здесь рассматривал вопрос о зарождении свеклосахарной промышленности с точки зрения мирового хозяйства. Всю силу своего красноречия автор направил против Англии, занимавшей монопольное положение в морской торговле. Свекло-сахарная промышленность была призвана освободить Европу, в частности, и Россию от английской сахарной монополии. Этим подымалось значение новой отрасли промышленности в глазах общества и правительства.

Идеологический подход к свеклосахарной промышленности, только что зарождавшейся в России, можно заметить у одного из первых основателей ее Мальцева, выступившего в защиту ее интересов впервые на страницах Землед. Журнала в 1829 г., кн. XXV. Отчет Мальцева о вновь устроенном заводе для возделывания из свекловицы сахарного песка был заслушан в годичном собрании Москов. О-ства Сел. Хозяйства. Помимо данных отчетного характера мы находим ряд положений, выявляющих идеологию одного из первых наших сахароваров: «Все более и более утверждаясь», заявляет Мальцев, «в неоднократно изложенном мною мнении о выгодах, обещаемых нам выделкою туземного свекловичного сахара, не смею, однако же, с защитниками оного решительно утверждать, чтоб сахарные заводчики (напр., в случае неурожая свекловицы, или понижения цен на привозной сахар и пр.) могли без ущерба и даже с выгодой выдержать не только 66 процентный, но даже и половинный акциз, коим кто-то было погрозил нам; но это одно только частное предложение, которое не может иметь никаких последствий—я в этом твердо уверен, не сомневаясь в незыблемости благотворных правил, коими всегда руководствовалось наше мудрое правительство при распространении и усовершенствовании отечественной промышленности. Правила сии склоняли его покровительствовать шелковым и суконным фабрикантам, оказывая им значительные поощрения и пособия; согласно ли было бы с таковыми правилами не только не одобрить, но подавить каким либо налогом едва возникающую отрасль промышленности, неоспоримо важнейшую и полезнейшую всех других для России, по обширности и мало обработанности почвы ее и при ужасной дешевизне произведений земли, кои не вознаграждают потовых трудов бедного хлебопашества. Не говоря о больших отдельных от прочего хозяйства сахарных заводах, на устроение коих можно решаться одним большим капиталистам, при уверенности, что их не стеснят налогами и при возможности добывать соразмерное с заведением количество свекловицы, заключу сию статью тем, что свекловично-сахарное производство, благоразумным хозяйством соединенное с земледелием, послужит не только к улучшению оного, доставлением способов увеличить скотоводство, но умножит при том доходы помещиков, крестьян, и распространяясь, откроет обильный источник богатства народного».

Первого сахаровара тревожила мысль о возможности обложения свекло-сахарной промышленности. Мысль эту он отметал, исходя из опыта покровительства мануфактурной промышленности.

Мальцев ясно и отчетливо понимал все выгоды, какие представляла свекло-сахарная промышленность прежде всего для помещиков, а потом и для всего народного хозяйства. В оценке значения новой нарождавшейся промышленности Мальцев обнаружил большую проницательность и дальновидность.

В начале тридцатых годов большой известностью в среде сахароваров пользовался бар. Котц, представитель мелкопоместного дворянства. Как Комитет сахароваров, так и многие сельские хозяйства увлекались мыслью о выработке типа мелкого свекло-сахарного завода, который мог бы поддержать существование мелких дворянских хозяйств. Как раз Котц был таким мелкопоместным дворянином, обратившимся к свекло-сахарному производству для спасения своего существования.

Он так описывает переход к занятию свекло-сахарной промышленностью. (Факты в пользу свекло-сахарного производства в России. О начале, ходе, усовершенствовании свеклосах. завода бар. Котца в Пензенской губ. Письмо к редактору Землед. Журн. 1833 г. № 5): «84 крестьян и помещик должны распоряжаться своим хозяйством на 171 дес. 300 саж., из коих производительной земли остается 136». У него возник вопрос, «что с имением, такого рода предпринять? Сей вопрос я сделал самому себе и нашел, что, так как оно имеет столь мало земли, что хлеба произрастать может только в таком количестве, какого недостаточно будет на годовое прокормление крестьян и помещика; то нужно приобрести земли. Но окруженный со всех сторон удельными и казенными большими селениями я приобресть покупкой земель не мог». «Ежегодный опыт доказал мне все яснее и яснее, что 136 дес. земли родят как раз столько хлеба, чтобы 230 человек (считая мужчин, женщин, дворовых людей и свое семейство), хотя не могут умереть с голоду, но и сыты никак не могут быть... Прибегнуть к фабричн. промыслу мне казалось единственным спасительным средством, но и здесь я встретил много препятствий, ибо фабрики, сколько я о том имел понятий, требуют близости городов, требуют мастеровых, опытного хозяина и больших капиталов. Уездный городок наш не представляет никаких средств, к тому же селение мое отстоит от него на 25 в. Мастеровых у меня не было, а для образования их требовалось и время и новые издержки, помощь же нужна была скорая. Хозяин имения Ваш покорный слуга, вступая на 15-м году в военную службу не нажил до окончания своего военного поприща, другой опытности по фабрикам, как той, которую исключительно занимается эскадронный командир. Некоторые ремесла были мне знакомы: я знал как, что делается, но все это мне не могло служить в пользу прямо к фабричному делу. Капиталом—четвертой необходимостью, при фабричном промысле, я не владел, но имея более 200 душ я мог занять денег, нужно мне было только избрать такое производство, которое бы соображалось с местностью имения. Выбор был ограничен; речка протекающая в моем имении, так слаба, что не может привести в действие водою ни одного колеса и вода в ней очень не чиста; ибо образуется в имении, в толстом слое торфа и потому все заведения, которые требуют силы воды—водопада или даже много воды, как винокурни, были исключены из моего выбора. При том мне не хотелось крестьян своих совершенно отучить от прежних занятий и сделать из пахаря ремесленника, зная, что подобные метаморфозы весьма неприятны земледельцу и посему нужно было избрать производство такого рода, которое бы занимало крестьян моих в свободное от их полевых ра-

бот время, т. е. осенью и зимою. Проходя всю технологию со вниманием, не нашел я более соответствующего для меня занятия, как свеклосахарного заведения, которое не требует ни близости городов, ибо сырой материал есть собственность земледельца и по малой своей ценности свекловица не может быть далеко перевозима, не требует много мастеровых и равномерно небольшого капитала».

Бар. Котц натолкнулся на свеклосахарную промышленность, прочитав в Зем. Журн. отчет Мальцева. Заводом Мальцева воспользовался Котц для обучения своего крепостного, с охотой отправившегося в учение. «Как он учился, я приготовил для будущего заведения мастеровых, т. е. слесаря, столяра и гончара, это было в 1825 г. Мой человек зимой 1827 г. явился с хорошим аттестатом и прекрасною головою сахара».

Очень обстоятельно автор излагал ход своего производства, ошибки, неудавшиеся планы и пр. Для такого мелкого хозяйства представлялось сложным снабжение завода в достаточном количестве сырьем. В 1830 г., Котц решил покупать свекловицу. «Чтобы поощрить к посеву свекловицы я об'явил соседним помещикам и крестьянам цену 2 р. за берковец или четверть десяти пуд. весу, цену огромную, но по выходе сахара и по расчетам прошлого года сию цену дать было возможно»... Котц первый стал выдавать авансы крестьянам на посев свеклы.

Обстоятельное описание хода работ свекло-сахарного завода в мелком хозяйстве должно было популяризовать идею мелкого завода, как спасительного якоря для мелкопоместного дворянства. Бар. Котц дал опыт удачной эксплоатации свекло-сахарного производства в рамкам мелкого хозяйства, с использованием даже законтрактованной свеклы.

Исключительное место среди идеологов свекло-сахарной промышленности изучаемой эпохи принадлежит Лялину, сахаровару и помещику Харьковской губ. В лице его мы имеем необычайно плодовитого, вдумчивого, широко образованного и талантливого экономиста. Лялин сотрудничал в разных журналах того времени—в Библиотеке для Чтения, Журнале Сельского Хозяйства, Земледельческом Журнале и т. д. Лялин обладал уменьем подходить к каждому вопросу с оригинальной стороны, писал он живо и образно. Его статьи читаются с большим интересом. Этот помещик-сахаровар обладал логичным и ясным мышлением экономиста-хозяйственника.

Лялин в своих статьях выяснял значение свеклосахарной промышленности для Украины .Он ясно и отчетливо понимал, что земледелие при тогдашних условиях сбыта не могло быть сколько нибудь рентабельным в лесостепной полосе Украины.

«Нет ремесла, пишет Лялин [1]), нет ни одной промышленности, которая менее вознаграждала бы за труды, как хлебопашество в малороссийском крае; нет человека, который бы более чувствовал крайность и нужду, как пахарь малороссийских полей. «Он ленив, беспечен». Вряд ли это можно теперь сказать: между ними есть теперь многие, которые полюбили трудолюбие, но дело в том, что они не знают куда употребить труд».

Ознакомившись с свекло-сахарной промышленностью, Лялин пришел к выводу, что эта промышленность «скорее всех может оживить труд малороссиянина» [2]). Как показывает история свеклосахарной промышленности, это предвидение вполне оправдалось. «Свекло-сахарная промыш-

[1]) Лялин—Библиотека для чтения. 1838 г., стр. 11.
[2]) Там-же, стр. 17.

ленность, пишет Лялин в другом месте, доставит крестьянину работу, столь свойственную ему и столь обычную, и не только ему, все его семейство находит здесь средство, собственными трудами доставлять себе пропитание» [1]).

Не только для народа важна эта новая отрасль производства, но и для дворянства—на это не раз указывал Лялин. «Я желал только обратить внимание соотечественников, писал Лялин в половине тридцатых годов, на эту рождающуюся промышленность, которой выгоды могут принадлежать преимущественно России более, чем другому какому либо государству в Европе; промышленность, которая приготовляет местный источник важной части государственных доходов, раскрывает столько средств для народной деятельности, подает столь прочную надежду на успехи нашего земледелия; которая, наконец, будучи так тесно соединена с земледелием, составляет лучшее средство к поддержанию благосостояния имений, столь видимо приходящих в упадок».

Значит не только забота о благе народа, но поддержание беднеющего дворянства двигало Лялина в его пропаганде свекло-сахарной промышленности.

Значение новой промышленности для дворянства прекрасно понималось тогда. «У всех одна мысль, писал Лялин, иметь сахарный завод во что бы то ни стало. В Малороссии энтузиазм этот дошел до невероятности: здесь уже строят не по одному заводу, а вдруг разом—по три» [2]). При появлении первых заводов на Украине в конце двадцатых годов относились к ним с большим недоверием. «Одна мысль получать сахар из свекловицы, служила поводом к забавному хохоту». В тридцатых и сороковых годах это недоверие сменилось свеклосахарным энтузиазмом. Лялин, как осторожный хозяин, предостерегал дворян от грюндерства в свекло-сахарной промышленности. «Было время, когда легковерие публики смотрело на эту промышленность, как на неисчерпаемый рудник золота, когда промышленность эта служила приманкою отличительной черте нашего века—спекуляции... Мало ли являлось у нас новых методов, из которых каждая, прославляя себя, впоследствии превращалась в спекуляционный фарс» [3]).

Лялин верил в то, что Россия, добывая сахар из свекловицы, может иметь его дешевле, нежели как теперь платит за тростниковый—«И при нынешних еще младенческих способах свекло-сахарного производства английский колонист должен будет отказаться от торгу сахаром с Россией и контрабанды сахаром быть уже не может» [4]). Такое смелое утверждение для половины тридцатых годов представлялось утопическим и для редакции Библиотеки для Чтения, она нашла нужным сопроводить его таким примечанием: «эти выводы подлежат некоторым ограничениям. Автор не принимает здесь в расчет никаких издержек на комиссию, убыль и перевозку песку внутри России от заводов до больших рынков и до мест, где песок будет рафинирован. Наши огромные пространства, наши дурные дороги в климате непостоянном, наши сухопутные перевозки, чрезвычайно увеличивают издержки и требуют значительного времени, и Петербург несравненно ближе к Америке, относительно цен транспорта, чем к Малороссии и губерниям, лежащим к югу от Москвы. Автор, полагает цену транспорта песка от Вост. Индии до Петербурга, на англий-

---

[1]) Лялин—Свекло-сахарная промышленность. Библиотека для чтения. 1835. т. X, стр. 10.
[2]) Лялин—Библиотека для Чтения. 1840 г., стр. 25.
[3]) Там-же стр. 43.
[4]) Лялин—Библиотека для Чтения 1835 г. т. X, стр. 11.

ских кораблях до 5 руб. с пуда. Это слишком преувеличенно. Вся доставка пуда сахарного песку из Вост. Индии в Кронштадт стоит только 1 р. 71 к. За эту цену невсегда можно привести пуд вещей из Москвы в Петербург. Доколе свекло-сахар. заводам пуд песку на месте не будет обходиться несравненно дешевле того, во что он обходится на месте Вост. Индии, до тех пор заводы не выдержат соперничества с западными колониями без помощи запретительной системы».

Жизнь вполне оправдала точку зрения редакции: без высоких таможенных пошлин наша свекло-сахарная промышленность не в состоянии была конкурировать с колониальной.

Впрочем, в другом случае, где приходилось Лялину говорить о налоге на свекло-сахарную промышленность, он уже высказывал о ней более скромное мнение. «Однако, и то несомненно, что теперь всякий налог был бы тяжел для нее, потому, что заводов у нас еще немного , усовершенствования производства еще не везде введены; и кроме того редкий завод, при начальном ходе своем не имел убытков, значительно увеличивших вкладочный капитал» [1]).

Лялин прекрасно понимал значение для успеха свекло-сахарного производства улучшения свеклосеяния. По его словам, успех завода обеспечен только в том случае, если он устроен при имении. «Покупная свекловица всегда обходится несравненно дороже, чем собранная на своих плантациях.

Вот доказательство этого: поставщикам за берковец свеклы я плачу для своего завода один рубль десять коп.; своя же свекла, совсем очищенная, мне обходится около 60 к., полагая все в цену. Все эти соображения ведут к тому, что предприятие строит завод, надеясь на покупную свеклу, основано на весьма зыбком предположении. Завод должен иметь свои плантации» [2])...

Лялин прекрасно понимал значение свекловичного клина в севообороте. «Введение корнеплодного растения в наше полеводство, есть необходимое условие для того, чтобы вырвать наше хлебопашество из такого жалкого состояния, в каком оно теперь находится» [3]).

Вопросам свеклосеяния Лялин посвятил специальную статью в Зем. Жур. «О земледельческой части свекловично-сахарного производства» (1833 г.). «Все неудачи свекловичных заводов не должно относить собственно к сей промышленности, напротив, утверждаю, что нет промышленности выгоднее и особенно для больших экономий, как свекло-сахарное заведение».

Отметив две части свекло-сахарного производства земледельческую и заводскую, Лялин пишет далее: «не имеем никаких сведений обо всем, что составляет земледельческую часть свекловичного производства, хотя заводы у нас и разбросаны почти по всей России. При личном же моем обзоре, некоторых заводов, я никак не мог получить основательных сведений относительно сей части свеклов. производства, у иных заводчиков эта часть в совершенном небрежении, а другие уверены, что свекловица есть растение северное, неприхотливое, а садить его знает каждый крестьянин, которому и предписывается хлопотать об ней. Это заблуждение, которое рано или поздно неминуемо влечет упадок завода».

Ставя вопрос о том, какой сорт свеклы отличается большей сахаристостью, Лялин предлагает для решения этого вопроса «собрать отчеты из разных мест о богатстве сахарного вещества многих видов свекловицы,

[1]) Лялин—Библиотека для Чтения. 1835 г., стр. 15.
[2]) Лялин—Библиотека для Чтения. 1838 г., стр. 28.
[3]) Библиотека для Чтения. 1840 г., стр. 22.

и тогда из всех отчетов вывести общее заключение, могущее, хотя близко определить, где и в каком месте, какую свекловицу лучше обрабатывать. Под отчетами я здесь разумею не отчеты заводские, не могущие иметь основательной точности, но строгие опыты химические, повторенные в течение нескольких лет над всеми изменениями свеклы, опыты подобные тем, какие делал относительно сего Г. Пайень во Франции. Опыт его показывает, что сахарное вещество более всего находится в силезской свекле, потом в желтой. Этот вывод согласен с мнением принятым большею частью заводчиков, что силезская свекла есть самая лучшая для завода. Самое название показывает, что для разведения семена должны быть выписаны из Силезии, а отнюдь не от русских продавцов, у коих большею частью свекловица переродилась и различно перемешана».

Как видим, этот украинский сахаровар уже сознавал значение селекции семян, выдвигал необходимость глубокого экспериментального изучения вопроса о сахаристости свеклы. Такие взгляды, высказанные в начале тридцатых годов, говорят о вдумчивом отношении Лялина к новой отрасли промышленности. Другого сахаровара так тонко оценившего все значение агрономической части свекло-сахарного производства мы не находим в изучаемый период.

Лялин прекрасно понимал обман и шарлатанство тех управителей сахарных заводов, которые появились тогда в таком большом количестве. Поэтому рекомендовал всем намеривавшимся строить завод предварительно хорошо ознакомиться с производством. «Зная дело, Вы легко можете понять, кому вверяете устройство и управление завода; вы никогда не сделаетесь игрушкой шарлатана, и никогда не станете играть смешной роли, слушая, своего сахаровара, который, чтоб скрыть свои ошибки, бесстыдно вас обманывает в глаза».

В лице Лялина мы имеем сведущего, талантливого сахаровара того времени, экономически широко образованного.

Одним из влиятельных сахароваров своего времени являлся Николай Петрович Шишков (род. 1779 г., умер 1869 г.) [1]). Его справедливо считали передовым сельским хозяином. В 1829 г., ознакомившись со статьей о свекло-сахарном производстве, Шишков в компании с несколькими помещиками открыл в Спешневе свекло-сахарный завод. Об устройстве завода он доложил в Московском обществе сельского хозяйства, которое избрало в 1832 г. его в действительные члены. Шишков был избран первым председателем Комитета сахароваров. По поручению Комитета им был составлен в 1837 г. полный обзор техники свеклосахарного производства; в 1841 г. издан его «Опыт учета работ при свеклосахарном производстве». Свеклосахарный завод Ш. считался в свое время образцовым. К нему на завод присылались помещиками мастера для обучения; образовалось нечто в роде школы практического сахароварения.

Шишков ввел на заводе не мало и своих собственных изобретений. Самым важным из них должны считаться те изменения, которые были введены им в способе Домбаля и горячей вымочке свекловицы; работая над применением этого способа к производству с 1838 г. Ш. видел, что, с одной стороны, при горячей вымочке получается больше сока, при том более чистого, чем при холодной, но с другой стороны, ослизнение свекловицы при переноске ее из одного котла в другой мешало применению этого способа на практике. В 1840 г. руководствуясь опытами фран. сахаровара Мартеня, поставил котлы один на другой, установив между ними сообщение при помощи сифонов. Результаты превзошли ожидания Ш.

---

[1]) Русский Библиографический Словарь. Шебаков-Шютц. Спб. 1911, стр. 320.

и в 1841 г. он опубликовал свои труды, взял патент на изобретение и пригласил членов Комитета сахароваров осмотреть практическое осуществление его на своем заводе. Способ горячей вымочки Ш. пользовался довольно большим распространением.

В 1847 г. по инициативе Ш. в г. Лебедяне Тамбовской губ. было основано Лебедянское общество сел. хозяйства, состоявшее преимущественно из помещиков Тамбовской и смежных с нею губерний. Выбранный в первое же заседание 20 сент. 1847 г. в президенты, состоял в этом звании до закрытия Общества в 1865 г.

Труды Ш. по сахароварению и сельскому хозяйству сделали его одним из самых видных хозяев своего времени. Перед смертью Ш. прислал в Моск. общество сел. хоз. свою статью «Исторический обзор свеклосахарного производства в России, напечатанную в приложении к «Историческому обзору действий и трудов М. О. С. Х. с 1846—1860 г.» Горбунова.

В записках Лебедянского Общества за 1857 г. была помещена статья Шишкова—«оброк и барщина» [1]). Лебедянское Общество предложило в заседании в 1856 г. такие хозяйственные вопросы:

«Что выгоднее для владельца, иметь крестьянина на оброке или на изделии. В каких местностях, и при каких условиях то и другое доставит более дохода. Чем удобнее и выгоднее заменить барщину. Отпущением ли крестьян на оброк, с отдачею господской земли в наем или с предоставлением оной в их пользование или с устройством хозяйства на коммерческом основании». Отвечая на 1-й вопрос, Шишков приходит к выводу, «что иметь крестьян на изделии выгоднее, нежели на оброке, там, где средства имения доставляют возможность с выгодою обрабатывать землю».

Оброк может дать более дохода, по словам Шишкова, только в имениях малоземельных и местностях, в которых без особого оборотного капитала возделывание земли не оплачивает труда. У Шишкова находим такую оценку барщины: «обыкновенно невыгодою барщины почитается неохотная, и потому неуспешная работа крестьян на барщине по наряду; затем еще произвол и злоупотребление, почти неизбежное от управляющих и старост, состоящее в том, что они по своему упущению, а иногда и без желания отличиться у своего доверителя, заставляют работать крестьян более трех дней в неделю, или при народе мировоят своим родственникам крестьянам, назначая их на легкие и даже совсем ненужные и прихотливые работы; тогда, как тяжелые достаются на часть остальных крестьян. По неуравнительности и произволу в этой повинности почитают многие вольный труд более успешным и более равным. Тут есть доля правды и удаление подобных злоупотреблений поистине достойно внимания и заботы всякого благомыслящего и просвещенного хозяина».

Интересен взгляд Шишкова на труд крестьянина: «Крестьянин наш, пишет он, неприхотлив, и потому, когда у него родится достаточно хлеба на его годовое продовольствие, подати и несколько в запас, он ни за что не примется за работу. Казалось бы в урожайные годы, когда хлеб дешев, работники должны бы быть также дешевы; но напротив того, не только они дороже, и даже трудно их иметь. Это испытывают все заводчики и купцы, имеющие свои земли».

Значение достаточного предложения рабочих для устройства хозяйства на коммерческом основании нашло выявление в таких словах: «для

[1]) Шишков—Оброк и барщина. Записки Лебедянского О-ства Сельского Хозяйства за 1857 г., ч. I. М., 1858 г., стр. 244 и д.

прочного устройства хозяйства на коммерческом основании необходимо постоянное и достаточное количество работников, которых невозможно иметь, в особенности же, работниц. Основывать же свое хозяйство на временных, нанимаемых по надобности, не верно, ибо не везде и всегда их можно иметь, когда они бывают необходимы, даже и за непомерную цену. Это испытывают владельцы многоземельных имений при небольшом количестве крестьян; и мы это видим в хозяйствах купцов, владеющих большим количеством земель». Это показывает, что купеческие хозяйства испытывали в изучаемую эпоху затруднения в получении рабочей силы.

В статье «Свеклосахарное производство в России» [1]), Ш. различает в истории нашей свеклосахарной промышленности два периода—один до 1834 г., это период опытов, сопряженных с усиленным трудом, второй, с 1834 г.—период усовершенствований.

Частые неудачи тех и других сахароваров, по словам Ш., «происходили по большей части от самих хозяев прельстившихся блестящими выгодами заводов хорошо работавших, при чем не изучив самого дела, не могли следить за работами своих сахароваров, очень часто, самоучек или иностранных хвастунов, предлагавших новые улучшения, оканчивавшиеся очень часто убытками».

Ш. прекрасно понимал глубокое экономическое значение свеклосахарной промышленности в народно-хозяйственном балансе. Он провидел ее значение и в нашем экспорте.—«Усиленный труд многих деятелей все превозмог и свекло-сахарная промышленность, твердо водворившись в России, принесла огромные выгоды земледелию, промышленности, народу и самому государству; если она не будет стесняема, то верно лет через 10 или 15, когда земли истощатся в чужих краях свеклою (что уже заметно и ныне), сахар наш будет не последнею статьею внешней торговли для наших южных губерний, где обширные плодоносные земли и климат столь благоприятны для свекло-сахарной промышленности» [2]).

Роль и значение свеклосахарных заводов в системе районного хозяйства ясны и понятны Шишкову. «Заводам, говорит он, потребовалось продовольствие для рабочих, нанятых из разных местностей, явилась необходимость в разных продуктах, которые прежде не имели на местах никакого сбыта, цены местные на все земледельческие продукты возвысились, что, однако же, не было в тягость заводам, и поселянам открывались средства сбывать свои произведения легко и выгодно»...

«Довольство и благосостояние ясно отражалось на крестьянах вблизи сахарных заводов. С увеличением благосостояния крестьян, увеличился прямой и косвенный доход государства—о недоимках и слуха не было» [3]).

Ш. прекрасно понимал преобразующую роль свекло-сахарных заводов в области сельского хозяйства.

«С появлением свеклосахарных заводов, говорит он, явилось требование на свекловицу... Заводчики и другие хозяева стали вводить свекловицу в свои севообороты, что они могли делать легко и удобно, будучи обеспечены выгодным сбытом этого корнеплодного растения, а навык к работе улучшенными орудиями помог им вводить вместе с тем, в свои севообороты и кормовые травы, которые с мязгой свекловицы дали средства содержать более скота и, получая более удобрения, возделывать более ценные хлеба».

---

[1]) Шишков—Свеклосахарное производство в России, напеч. в приложении к Историческому обозрению действий и трудов Московского Общества Сел. Хозяйства с 1846—1860. Горбунова. М., 1870 г.

[2]) Там-же, стр. 35.

[3]) Там-же, стр. 38—39.

Усиленное требование улучшенных орудий и машин возродило в разных местах механические заведения, усилился привоз из заграницы иностранных земледельческих орудий. Сеяльные машины, до того весьма редкие в хозяйствах, стали быстро распространяться. Рядовая культура свекловицы обратила на себя внимание хозяев и сеялки Гаррета стали употребляться для колосовых хлебов. Таким образом свеклосахарная промышленность содействовала машинизации нашего сельского хозяйства.

«Выгоды от сахара, правильно утверждает Ш., давали с избытком способы к усовершенствованию хлебопашества; смело можно сказать, что свекло-сахарное производство много содействовало к изменению и улучшению сельского хозяйства».

Ш. правильно оценивал огромные затраты и труды первых сахароваров по насаждению этой новой отрасли промышленности.

«Блистательные результаты, доставившие России из недр ее земли сахара ценностью до 30 мил. р., не могли быть достигнуты без усиленного труда и пожертвования с неимоверною стойкостью продолжавшихся и подаривших отечеству такую богатую отрасль промышленности, которая со временем не только удовлетворит внутреннему потреблению, ежегодно усиливающемуся, но и в состоянии будет составить предмет вывозной торговли. Производительность почвы на юге России, где особенно развита свекло-сахарная промышленность, тому верною порукою, если только интриги приморских торговцев сахаром и рафинеров не будут служить препятствием к деятельному усилению производства туземного сахара» [1]).

Как видим, Ш. провидел особо важное значение свекло-сахарной промышленности для юга, т. е. Украины. Ш. являлся выразителем интересов дворян, имевших заводы сельско-хозяйственного типа. Он пользовался громадным авторитетом в кругах таких сахароваров. Член Лебедянского сел.-хоз. О-ства А. Хомяков в своем уведомлении на имя президента Общества о действиях густительного снаряда Глебова писал:

«Вам, нашему учителю в сахароварении нечего об'яснять все недостатки средств употребляемых нами, мелкими заводчиками, для выпарки и гущения соков. Эти недостатки ставят нас в совершенную невозможность сколько нибудь соперничать с крупными паровыми заводами... Кажется, мы теперь нашли выручку в изобретении С. М. Глебова... Вот, что может вполне возвратить бодрость ежегодно слабеющим мелким заводчикам» [2]).

Шишков был учитель в сахароварении мелких заводчиков. Фраза о непосильной конкуренции с паровыми заводами вскрывает нам факт умирания мелких заводов, ясно наметившийся еще до освобождения крестьян.

Энергичным поборником свекло-сахарной промышленности в изучаемую эпоху являлся Маслов, секретарь Общества Сельского Хозяйства и Комитета сахароваров...

В своих первых выступлениях (тридцатые годы) Маслов отмечал существующую в обществе борьбу мнений по вопросу о значении свекло-сахарной промышленности. «Вам известно, говорил он в одной из своих речей в обществе сельского хозяйства, каким еще сомнениям подвержена свекло-сахарная промышленность не только у нас в России, но и в целой Европе; она имеет и своих защитников и своих противников. Одни с энтузиазмом готовы выставлять ее, как самую выгоднейшую ветвь

[1]) Там-же, стр. 40.

[2]) Записки Лебедянского общества сельского хозяйства за 1857 г., Ч. I. М. 1858 г., стр. 235.

земледельческой промышленности; другие напротив находят, что нам лучше заниматься произведением хлеба и пеньки, и предоставить иностранцам снабжать нас сахаром. При таком противоречии мнений необходимо посредничество нашего О-ва, которое произносило бы свое суждение на основании фактов и большинства голосов людей, занимающихся практически свекло-сахарным производством» [1]).

Своей долголетней работой в Обществе и в Комитете сахароваров Маслов содействовал распространению в России свекло-сахарной промышленности. В сороковых годах в своем докладе в Комитете сахароваров он выразил значение свекло-сахарной промышленности в таких словах: «сахар после хлеба сделался необходимою потребностью для жизни; поставить себя в независимость от произвола других в том, что необходимо для жизни, это, конечно, такое начало государственной экономии, при котором все мелкие расчеты рафинеров с их своекорыстными жалобами на успехи нашей свеклосахарной промышленности менее, нежели второстепенные» [2]). Так искусно отводил Маслов нападки северных рафинеров на свеклосахарную промышленность.

В торжественной речи по случаю двадцатилетия со времени учреждения Комитета сахароваров, Маслов имел возможность шире развернуть свою оценку свекло-сахарной промышленности [3]). Используя ожидание войны с западными державами (1854 г.), оратор восклицает: «Скоро, может быть, запрутся наши гавани и торговые порты, пресечется свободная торговля с государствами иностранными, что было бы тогда с Россией, если-б она, во время мира, поверив наущениям чужеземного своекорыстия и недальновидным взглядам мыслителей экономистов, не позаботилась развить внутренних сил для удовлетворения необходимейших потребностей жизни...

Недальновидные экономисты советовали нам исключительно заняться земледелием, как государству земледельческому и семь зимних месяцев в году употреблять на перевозку только хлеба и сырых произведений к пристаням и иностранным конторам... Нам позволяли сажать в огородах редьку, красную свеклу и морковь, овощи, необходимые для постных дней и деревенского лакомства, но находили несообразным с земледельческим бытом нашим сеять свекловицу и извлекать из нее сахар, чтобы не обеспокоить тем плантаторов в Кубе... И в настоящее время иные готовы доказывать, что редька и бураки выгоднее и приличнее для русского хозяйства, нежели свекловица. Нашлись и писатели, цифрами подтверждающие, что сахар был бы и дешевле и доступнее народу, если-б с уменьшенною пошлиною на гаванский и кубский, он расходился по всей России только из иностранных контор и от приморских рафинеров».

Оратор подверг такой резкой критике взгляды тех, кто высказался за понижение пошлин на колон. сахар. Угроза перерыва торговых сношений с колониальными странами представляла прекрасный повод для нападок на сторонников снижения сахарных пошлин.

Указав на то, что сахар превратился в продукт широкого потребления, представляя первую потребность после хлеба и соли, Маслов ставит такой вопрос: «Что было бы с нами, если-б для удовлетворения этой потребности, мы должны были покупать теперь сахар у иностранцев, не имея своего собственного. Какою бы ценою достался нам этот чужой са-

---

[1]) Маслов—О распространении свеклосахарного производства в России и о заведении в Москве свеклосахарн. завода. Землед. Журн. 1835, кн. 21, стр. 777.

[2]) Журнал Сел. Хозяйства, 1846 г. кн. 3, стр. 248.

[3]) Маслов—О свеклосахарной промышленности в России. Речь в собрании Москов. О-ства Сел. Хозяйства, 20 февр. 1854 г.

хар в настоящее время, если бы он был весь в руках приморских иностранных контор и рафинеров, как это было до 1825 г., когда у нас не существовало своих свеклосахарных заводов, кроме небольших двух— у Герарда и Мальцева».

Утверждение, что сахар занял место в народном потреблении наряду с хлебом и солью, конечно, представляло поэтическую вольность при столь ничтожном размере душевого потребления сахара в пятидесятых годах. На душу приходилось не более 2—3 ф. Ясно, что тогда чай пили больше в приглядку, чем в прикуску.

Допуская возможность повышения цен на сахар в военное время, оратор не видел в этом ничего худого. «Если бы цена сахара, как предполагать можно и возвысилась несколько в военное время, то она послужит только к большему развитию свеклосахарной у нас промышленности и окончательно избавит Россию от иностранного сахара; деньги останутся в отечестве и разойдутся по рукам земледельцев и хозяев и внесутся в казначейство в виде податей, косвенных налогов и пожертвований». Оказывается, повышение цен на сахар ничего страшного в себе не заключает; деньги ведь останутся в стране и в конце концов попадут в казну. Перераспределение дохода, всегда витекающее из под'ема цен, мало беспокоило Маслова, так как он прекрасно понимал что перераспределение национального дохода будет на пользу сахароварам.

Используя предвоенные настроения в обществе, Маслов старается дискредитировать идею свободной торговли. Очевидно, влияние этой идеи он видел в скромных попытках мин. фин. к понижению пошлин на колониальный сахар. «И так вместо ошибочных взглядов свободной торговли, готовившей нам унизительную и разорительную зависимость от иностранцев, нам предстоит практическое решение вопроса о туземном развитии свекло-сахарной промышленности, благодетельной и для земледелия и для земледельцев. В настоящее время это развитие должно быть принято, как дело отечественное, избавляющее нас от передачи за границу 60 мил. руб. сер., чистыми деньгами, если-б у нас не было своих свеклосахарных заводов».

В пылу ораторского красноречия он слишком преувеличил цифру наших возможных платежей за границу. В редкие годы к нам ввозилось более 2 милн. пуд. сахара. При средней цене $3^1/_2$ р. за пуд сахара-сырца мы получаем всего семь милн. р. Если бы цифра привоза сахара из заграницы даже удвоилась при отсутствии отечественной промышленности, то и в таком случае нам пришлось бы платить за границу не более 14 милл. руб., но никак не 60 мил. р. сер.

В конце сороковых годов между Масловым и редакцией Московских Ведомостей возникла полемика по вопросу о свекло-сахарной промышленности. Эта полемика представляет для нас большой интерес, так как она показывает отношение некоторых кругов общества к свекло-сахарной промышленности, с другой стороны, полемика дала возможность Маслову более полно изложить свои взгляды на значение свекло-сахарной промышленности. Маслов поместил несколько писем в Московском Городском Листке (1847 г.). В первом письме (№ 162) Маслов писал:

«Черноземы наши и конопляники, наполовину обращенные под свекловицу, не мечтательно, а действительно могут нам заменить заатлантические колонии Англии и Франции, если мы воспользуемся этим сокровищем в тех губерниях, где ценность хлеба не оплачивает иногда трудов земледельца и не имеет удобного сбыта, как-то: в Курской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Харьковской и др. юго-западных губерниях».

Обосновав необходимость свекло-сахарной промышленности, Маслов пытается доказать фискальное значение этой новой промышленности.

«Капитал, употребляемый на недвижимое имение, предназначенное для возделывания свекловицы, платит государству в подушных и земских повинностях пошлину. Прибавьте к этому риск владельца земли не иметь урожая свекловицы—и вы смело можете доказывать, что туземный сахар достается нам не без пошлины внутренней, платимой с недвижимых имений, которая без сомнения равняется пошлине с привозного песка, платимой приморскими рафинерами... Крестьянин с недоимками то же, что банкрот, крестьянин исправный есть опора государственного благосостояния в массе народа; свеклосахарная промышленность поможет ему быть исправным, не удаляясь от семейства, не раздружаясь с землею, не делаясь пролетарием, или бездомным бобылем, от которого кружится голова у английских, французских и германских министров. В этом смысле туземная свеклюсахарная промышленность есть драгоценнейшее из мирных приобретений России».

В ту эпоху очень любили ссылаться на то, что свеклосахарная промышленность использует труд крестьянина, не отрывая его от земли. Появление крупных заводов коммерческого типа опровергло этот наивный взгляд; свеклосахарная промышленность в районе ее наибольшей концентрации содействовала развитию пролетариата. В устах Маслова интересен этот страх перед появлением бездомного пролетариата.

Во втором письме Маслов, забыв повидимому о наличии у нас крепостного права, возмущался тем, что производство сахара колониального поддерживается «ненавистною для человечества торговлею негров, обреченных в жертву плантаторам».

Свекловично-сахарная промышленность во всех странах Европы должна бороться с сильными неприятелями, посягающими на ее жизнь, именно с колониальными плантаторами, с их покупщиками, снабжающими Европу сахарным песком, обложенным пошлиною для доходов казны и с рафинерами приморских городов. Везде дух торгового своекорыстия пользовался опасением финансовых людей, что с производством туземного сахара, уменьшатся таможенные верные доходы.

Гр. Канкрин в 1832 г. сказал: «одно из самых неосновательных предположений русских дворян есть свекло-сахарная промышленность».

Этими словами Маслов опровергал тот основной аргумент, какой выдвигался северными рафинерами и министром фин., именно, падение таможенных доходов вследствие развития в России свекло-сахарной промышленности.

Вытеснению с рынка колониального сахара свекловичным Маслов радовался: «Выставляли на вид, что свеклосахарный рафинад гр. Бобринского, Мальцева и др. заводчиков, вытесняет их торг рафинадом из южных губерний, что свекловичный песок привозится даже в Спб., что и справедливо, но кто же из русских не порадуется этому страху иностранных негоциантов от соперничества русской свекловицы колониальному тростнику, облитому кровавым потом негров у бесчисленных кубских плантаторов».

Маслов в пылу полемики забывал о том, что и наша свекловица была облита потом крепостных, выполнявших тяжелый барщинный труд.

В письме четвертом (№ 184) Маслов об'яснял понижение цен колониального сахарного песка в сороковых годах, главным образом, влиянием конкуренции свекло-сахарной промышленности. Ранее северные рафинеры занимали на рынке монопольное положение. «Если-б можно было предположить уничтожение в России всех свеклосахарных заводов в

один год, то думаете ли вы, что мы в следующий за тем год не будем платить петербургским рафинерам несравненно дороже за привозной сахар, по какой бы цене его не продавали в Кубе или Ост-Индии. Нет, они выпишут его столько, сколько нужно для поддержания высоких цен. Это отнюдь не новость, а весьма естественный ход всякой монополии».

«Производители тростникового сахара не могут иметь влияния на петербургские цены сахара. Эти цены зависят от иностранных купцов и преимущественно от рафинеров, из рук которых сахарный песок выходит уже, как товар, удовлетворяющий потребителей. Дело другое, когда явилось 200 производителей свекловичного сахара и возникло между иностранцами и туземными рафинерами совместничество».

Поводом к полемике послужила статья, помещенная в Московских Ведомостях 1847 г. (№ 84) «Замечание на статью Маслова»—общий вывод из 25-тилетнего развития свекло-сахарной промышленности.

Автор возражал против утверждения Маслова, что падение цен вызвано влиянием отечественного свекло-сахарного производства.—«По заключении всеобщего мира в Европе цены не на один только сахар, но и на все почти колониальные товары, понижаясь постепенно, упали более нежели в половину.

Вообще говоря, цена товару определяется стоимостью его на месте производства; и если в России будут давать за товар дешевле того, что он стоит со включением провоза и прочих расходов, то иностранцы его никак не повезут... Если же иностранцы найдут средство выделывать свои товары выгоднее против прежнего и доставка их на русские рынки будет им обходиться дешевле, то цена товаров непременно должна упадать от собственного же совместничества их производителей».

«Мы желали бы, чтоб Маслов лучше обратил внимание на действительные выгоды, доставленные государству свеклосахарною промышленностью, которые по нашему мнению заключаются в том, что она занимает десятки тысяч рук в тех местах, где кроме земледелия трудно найти работу».

В 103 номере Московских Ведомостей редакция поместила ответ под заглавием «Еще замечания на статью Маслова» с таким примечанием редакции: «скромные замечания NN вызвали против себя, со стороны Маслова, целый ряд писем в защиту свекло-сахарной промышленности. Надобно заметить, что NN вовсе и не думал нападать на эту промышленность, а только справедливо восстал против совершенной превратности вывода, сделанного Масловым после 25-летних наблюдений»...

«Что касается до писем Маслова, мы при всем старании не могли открыть в них ни одного нового доказательства в пользу тех пунктов его «вывода», против которых именем здравого смысла и науки протестовал NN. Разве почесть доказательством простодушный намек на то, что иностранные рафинеры будут благодарны NN за его замечания на «Вывод». А если, вступаясь за честь нашего корреспондента, мы подымем перчатку и пригласим Маслова положительно отвечать: почему считает он русских свеклосахарных промышленников менее способными к благодарности» [1]).

[1]) Маслов, полемизируя с Моск. Ведомостями, высказал в довольно неуклюжей форме предположение относительно благодарности автору северных рафинеров.

«Я могу думать, писал Маслов, что и иностранные негоцианты, с приморскими рафинерами будут благодарны и Вашему корреспонденту N. N. и Вам, как редактору «Моск. Вед.» за напечатание и перепечатание замечаний, защищающих иностранные интересы нетолько относительно сахарной промышленности, но даже и относительно начал свободной торговли». Письмо V. Москов. Город. Листок. 1847 г. № 190.

Как видим, полемика приняла достаточно резкий характер.

Неизвестный нам автор Московских Ведомостей, возражая на письма Маслова, стал на точку зрения потребителей сахара. «Желания наши в отношении к сахару ограничиваются лишь тем, чтоб он был дешевле, какой он, свекловичный или тростниковый для нас этот вопрос решительно не имеет никакого значения. В экономии народной, мы исповедуем одно начало—начало дешевой жизни; чем дешевле жизнь, тем она привольнее, тем блага ее доступнее большинству, массе народа—тем он довольнее, тем он счастливее».

Автор, несомненно, выступает сторонником интересов потребителя,—дешевизна жизни, защищаемая им, обусловливается свободой торговли.

Приводя слова Маслова, что всякий помещик знает, во что ему обходится пуд своего сахара, автор высказал пожелание «видеть доказательство подобных расчетов, ибо весьма сомневаемся, чтоб наши помещики достигли положительных в этом вопросе результатов».

Автор далеко не разделял оптимистической оценки Масловым успехов свекло-сахарной промышленности в России. «В свекло-сахарной промышленности Маслов видит соперницу колониальных плантаций и утверждает не шутя, что, южные и юго-западные черноземные губернии наши то же для России, что заатлантические колонии для Англии и Франции... Вот оно куда пошло, можно сказать, с Гоголем. И море, и тропическое солнце, все это для нас заменяет наш чернозем, на котором, скажем, мимоходом, не могли водворить свекловицы в южных степях, страдающих от засухи».

Как видим, потребительские круги далеко не разделяли восторгов наших сахароваров о полном вытеснении колониального сахара.

По словам автора, он не являлся врагом свекловицы. «Мы только убеждены, что свекло-сахарное производство существует у нас единственно при пособии тарифа. Пусть нам докажут, в какой мере эта промышленность может вынести понижение тарифа и соперничество с колониальным сахаром, который с доставкою в Европу обходится не дороже 3 р. сер. за пуд».

Видимо, некоторые круги общества были убеждены в том, что свекло-сахарную промышленность поддерживают высокие таможенные пошлины.

Редакция Московских Ведомостей (№ 106) нашла нужным ответить отдельной статьей на 5-е письмо Маслова о свекло-сахарной промышленности. «Для соотечественников Маслова, пишет редакция, если только они не принадлежат к редакции убеждений в пользу свекло-сахарной промышленности», гораздо выгоднее покупать сахар дешевый, нежели очень дорогой. В том, что Моск. Вед. об'явили готовность отстаивать эту очевидную истину, Маслов видит только защиту иностранных интересов. Наша ли вина, что ему, как кажется, неизвестен даже тот непреложный закон экономии, по которому различные народы неразрывно между собой связаны взаимными пользами обменов, и по которому, говоря вообще, для каждого народа выгоднее покупать у других то, что при существенно благоприятных условиях обходится им гораздо дешевле».

Таким образом, Редакция Московских Ведомостей отстаивала интересы потребителей. В обоснование своих взглядов редакция опиралась на принципы свободной торговли.

Редакция по поводу черезчур усердной защиты интересов свекло-сахарных заводчиков Масловым, употребила такой язвительный аргумент: «Маслов оказал жестокую услугу этой промышленности, выставив ее перед глазами всех в таком неблагонадежном виде, как будто бы одно уже допущение иностранного лумпа с высокою стопроцентною пошлиною в

3 р. 80 к. сер. действительно угрожало свеклосахарному делу явной опасностью. За подобную услугу едва ли будут благодарны Маслову даже и сами сахаровары: это значит простирать рвение по «редакции свеклосахарных убеждений» слишком далеко и совершенно забывать об огромном большинстве беспристрастных потребителей сахара, которые чем же виноваты, что сахарный тростник гораздо сахаристее всякой свекловицы».

Без сомнения, энергичное сопротивление свекловичных сахароваров даже скромному понижению пошлин на колон. сахар должно было вызвать у современников убеждение в том, что свекловица далеко уступает по сахаристости тростнику.

Редакция Московск. Вед. полагала, что из сочинений Маслова едва ли «можно было вывести какое либо иное заключение, кроме того, что только при поддержке очень высокой пошлины на иностранный сахар свекловичное производство может служить подспорьем в некоторых хозяйствах нашей черноземной полосы. Справедливость подобного заключения подтверждали нам и некоторые свеклосахарные заводчики».

Передовые круги нашего общества не верили в возможность мощного развития свекло-сахарной промышленности в России, придавали ей только скромную роль подспорной отрасли в сельском хозяйстве и то только при наличии высокоохранительного покровительства.

В заключение редакция давала такую оценку приемов полемики Маслова:

«Во всей его полемике заметен очень странный прием: только людей, убежденных в превосходстве туземной свекловицы над сахарным тростником Америки, причисляет он к сонму истинных патриотов, а людей, сомневающихся в этом превосходстве, относит, если не к врагам отечества, то по крайней мере к поборникам иностранных интересов. Как будто бы уж и нельзя любить отечество совершенно помимо свекловицы».

Оказывается, и в ту эпоху для защиты интересов одного класса обращались к такому испытанному аргументу—как заподозрению в отсутствии патриотизма.

На редакционную статью Московских Ведомостей Маслов ответил большой статьей, помещенной в Журнале Сельского Хозяйства (1847 г. кн. 9): «О свеклосахарной промышленности, последнее письмо в Редакцию Моск. Вед.». Маслов, прежде всего, устанавливает, что увеличение пошлины за привозной сахар в 1841 г. сделано без всякой просьбы туземных сахароваров, следовательно, имело другую побудительную причину, а не охранение свекло-сахарной промышленности от иностранного соперничества. Это утверждение верное; повышение пошлин на сахар было вызвано фискальными интересами.

Маслов возражал против утверждения редакции, что свеклосахарная промышленность может существовать только при поддержке высокой пошлины. «Я думаю иначе, пишет Маслов. Если увеличение в 1841 г. пошлины 1 р. 50 к. с пуда иностранного песка не имело особого влияния на умножение свекло-сахарных заводов, то и сбавка этой пошлины в настоящее время не будет иметь никакого значения на развитие свеклосахарной промышленности вообще». Ссылаясь на увеличение выходов с 10—12 ф. до 25 ф., Маслов считал, что постепенное уменьшение и прежней 2 р. 50 к., пошлины на привозной сахар нисколько не остановило бы развитие свекло-сахарной промышленности, хотя и понизило бы цены на сахар».

В обоснование этого Маслов ссылался, во-первых, на положение земледелия в тех черноземных губерниях, которые, при избытке хлеба, в урожайные годы, не имеют возможности отвезти его на дальние рынки, а по-

тому и цена на хлеб упадает в них до 1 р. сер. за четверть ржи. Теперь сама необходимость заставляет производить из земли более ценный продукт и, когда искусство добывать сахар из свеклы сделалось известным в Курской, Воронежской, Харьковской, Черниговской, Полтавской, Киевской и Волынской губерниях, то туда наиболее стала переселяться и свеклосахарная промышленность из Тульской, Калужской, Рязанской и Орловской губерний, где она прежде развивалась и где так же укоренилась. Во-вторых, при наших трудных и дальних сообщениях извоз дешевого хлеба к местам сбыта просто разорителен для крестьянина и хозяина. Ему доводится везти на возу за 200—300 верст $2^1/_2$ четверти ржи или 25 п. муки ценностью иногда не более как на 25 и менее рублей ассигнациями, из которых, нередко, треть он должен проесть и прокормить лошадь в дороге».

«Понятно, что 25 п. сахара ценою по 25 р. перевозят на 1 лошади ценность в 626 р., и она может уже оплачивать дорогой извоз. В 3-х, недостаток внутренней промышленности в черноземных губерниях заставил хозяев и крестьян обрадоваться возделыванию, уборке и переработке свекловицы, она дает народу местные заработки».

Вот три главные причины, охраняющие свеклосахарную промышленность в России более, нежели пошлины. Пошлины имели второстепенное влияние на развитие этой промышленности. Едва ли можно согласиться с отнесением высоких пошлин на колон. сахар к второстепенным причинам. Высокий таможенный тариф сыграл громадную роль в быстром развитии свекло-сахарной промышленности. Основные причины, вызвавшие ее зарождение, отмечены Масловым верно, но без запретительных пошлин развитие этой промышленности шло бы значительно медленнее.

Сахаровары, так старательно боровшиеся в пятидесятых годах против небольшого снижения пошлин, выдвигаемого мин. фин., очевидно, не разделяли взгляда Маслова на роль и значение таможенных пошлин. И записки и речи сахароваров говорят о том, что они придавали особо важное значение высоте таможенных пошлин. Едва ли сахаровары одобрительно отнеслись к такой защите их интересов Масловым.

Вопрос о том, могла ли бы эта промышленность выдержать соперничество с колониальным сахаром при беспошлинном его привозе, Маслов находил преждевременным. «Несомненно, что те отрасли промышленности требуют большого развития и поощрения и надежнее усвояются государством, которое получает первый материал дома, не завися от иностранной торговли. В том смысле свекловичная промышленность имеет преимущество перед всеми, свойственными России. Следовательно, можно думать, что при всех возможных изменениях тарифов, свеклосахарное производство легче выдержит соперничество с иностранцами, нежели бумажные шелковые и даже льняные и пеньковые изделия».

Подчеркнув преимущество свекло-сахарной промышленности, Маслов приходит к тому убеждению, что «если не помешают свободному развитию этой промышленности и если уменье производить сах. песок сделается также общим, как винокурение, для чего нужно именно знание дела, основанное на науке и опыте, тогда многие помещики превратят свои винокурни в свекл. заводы и будут доставлять первый материал песок на большие рафинадные заводы». Тогда не нужна будет и таможенная защита. «Но теперь, когда все роды промышленности не только в России, но и во всей Европе, еще имеют нужду в охранении от сильных соперников, смешно было бы требовать от одной свекло-сахарной промышленности, едва у нас укоренившейся, чтобы она сделала исключение из общего правила»...

Причиной того, что у нас свеклосахарная промышленность не достигла того уровня, что во Франции, являлся недостаток искусства, знания, снарядов и машин. «До сих пор мы выписываем наши паровые снаряды из Бельгии, мастеров и распорядителей большими заводами из Франции. На незначительных заводах мастера по большей части самоучки. Владельцы имений, способных к свеклосахарной промышленности по большей части не живут в них; многие не знают дела и пр.

Конечно, эти препятствия постепенно преодолеваются, но они еще существуют; иначе мы бы имели не только весь сахар для нашего внутреннего потребления, но и значительный избыток для вывоза, когда бы производили его столько, сколько теперь производится во Франции. И так повторяю, что наши черноземные губернии относительно свекловичного производства могут заменить нам заатлантические колонии Англии и Франции. Это не поэзия, а настоящее дело, полезное для отечества.

Не уничижайте свеклосахарной промышленности для подспорья в некоторых хозяйствах и не думайте, что сахарный тростник слаще свекловицы, в четверти которой содержится до пуда сахара и мы хорошими снарядами уже извлекаем его до $^1/_2$ пуда».

В этих словах Маслов верно схарактеризовал положение свеклосахарной промышленности, оттенил препятствия, тормозившие ее развитие и правильно указал перспективы для будущего развития этой новой отрасли.

В заключение Маслов отстаивал свою мысль о влиянии свеклосахарной промышленности на понижение цен: «при настоящем положении нашей приморской торговли и рафинадных тайн, одно совместничество свекло-сахарной промышленности может иметь постоянное влияние на понижение цен с привозного песка и лумпа».

Приведенная полемика интересна для нас тем, что она вскрыла отношение потребительской массы к свекло-сахарной промышленности. Потребители, высказываясь за дешевый сахар, скептически относились к возможности успешного развития свекло-сахарной промышленности вне запретительных пошлин на сахар. Дороговизна сахара была чувствительной для бюджета городского потребителя той эпохи и потому он стоял за снижение пошлин на колониальный сахар и мало верил в возможность вытеснения с рынков колониального сахара свекловичным.

Среди защитников свеклосахарной промышленности особое место занимает гр. Ал. Бобринский. Бобринский Ал.[1]) (родился в 1800 г., умер в 1868 г.) по выходе из военной службы в отставку в 1828 г. поселился в с. Михайловском, Богородского у. Тульской губ,. прожил здесь до 1832 г. С 1856 г. по самый день смерти Бобринский почти безвыездно прожил в другом своем имении в м. Смеле, Черкасского у. Киевск. губ. Жизнь и деятельность А. Бобринского неразрывно связана с свекло-сахарной промышленностью. В начале тридцатых годов он устроил в с. Михайловском большой свекло-сахарный завод. В 1834 г. гр. Бобринский первый устроил на Михайловском заводе холодную вымочку, истратив на опыты и выписку из-за границы дорогих снарядов несколько десятков тыс. руб. Стремление Бобринского к совершенствованию свеклосахарного производства при помощи введения новейших машин и аппаратов имело влияние и на развитие машиностроительной промышленности. Парижское машинное заведение Дерон и Кайль, открывшее, по настоянию Бобринского, склад своих машин в его Смелянском имении, вскоре расширило свое производство до громадных размеров.

---

[1]) Русский Биографический Словарь. Спб., 1908. Бетанкур-Бякстер., стр. 112.

А. Бобринский много содействовал подготовке отечественных специалистов по сахароварению. На всех его заводах работали питомцы технологического института. Кроме того, он постоянно приглашал окончивших этот институт на практику. Пробыв несколько лет на его заводах, молодые технологи занимали места директоров на других свекло-сахарных заводах.

Для нас важно знать, как смотрел этот крупный сахарозаводчик на вопрос о протекционизме и свободе торговли. Гр. Бобринский выступает с целой теорией протекционизма, основанной на изучении научной литературы, ссылками на опыт других стран, с критикой правительственных мероприятий.

«Если бы в Англии, пишет Бобринский, кто либо из управляющих правительственным учреждением, при обзоре промышленности, дерзнул печатно заявить космополитическое воззрение, что не туземный джин нуждается в покровительстве английского правительства, а разве русская водка, то, конечно, с ним поступили бы весьма бесцеремонно. У нас же подобные заявления печатаются во всеуслышание и остаются незамеченными. Почему? Потому, что в таких заявлениях заключается мнение не одного лица, но всем известного кружка». Автор делает довольно прозрачный намек на министерство фин., начавшее с пятидесятых годов кампанию за снижение таможенных пошлин на колониальный сахар.

Обоснование введения пошлин он видит в разном уровне развития производительных сил. «Если какой нибудь народ Р. не дозрел в производительном отношении, наравне с другим народом А., дожившим до сознательного разумения, то единственный способ, чтобы вывести народ Р. из второстепенного его хозяйственного положения, в котором он ныне находится, заключается в предоставлении ему возможности получать выручку в том размере, в каком оною пользовались прежние поколения народа А., когда они находились еще в периоде ученичества. Для сего имеется в виду лишь одно средство и другого нет. Оно заключается в установлении пошлины в таком размере, чтобы она была достаточна для обеспечения выручки» (стр. 16).

Ал. Бобринский, крупнейший по тому времени сахарозаводчик, необычайно влиятельный в кругах, прикосновенных к свекло-сахарному производству, сыгравший крупную роль в истории развития этой новой отрасли народного хозяйства, выступил с большой работой, посвященной вопросам протекционизма и свободы торговли. («О применении системы охранительной и свободной торговли в России и о значительном понижени таможенного дохода по введении тарифа 1857 г. М. 1868). Хотя эта работа появилась в конце шестидесятых годов, т. е. за пределами времени, поставленного для данного исследования, мы все же считаем возможным рассмотреть его воззрения здесь, так как вся деятельность Бобринского протекала в изучаемый период.

Гр. Бобринский не боится того, что высокая пошлина может уничтожить конкуренцию. «Высокая пошлина, по его мнению, не устраняет побудительного влияния соперничества; не только беспечный фабрикант, но даже и тот, который надеясь на пошлину, устроил бы свое заведение в невыгодной местности, вынужден был бы его закрыть».

Автор допускает и обложение акцизом промышленнсоти, но только тогда, когда она достигнет известного развития.

«Когда же какая либо промышленность дозреет, под покровительством охранительной пошлины, до такой степени совершенства, что в состоянии будет вынести налог, то следует облагать ее акцизом, дабы она сделалась новым источником государственного дохода, а не понижать пошлину и тем убавлять таможенный доход».

Как видим, Бобринский выступает здесь решительным противником понижения пошлин: облагать сахар следует, но понижать пошлину не нужно.

Необходимость протекционизма автор пытается обосновать строением общества. «Если бы целое народонаселение какого либо государства было разделено на два главные разряда людей, то есть, на производителей и потребителей, то можно было бы вывести заключение, что охранительная система соответствует интересам производителей, а система свободной торговли—интересам потребителей.

В общем же строе государства производители и потребители не только не составляют двух отдельных разрядов людей, имеющих противоположные интересы, но напротив, нужды как тех и других сливаются в один общий интерес, а именно: в созидание капитала сознательного разумения, в котором, по его всеобемлющему свойству, заключается залог государственного и народного преуспеяния» ·.

Являясь сторонником гармонии интересов производителей и потребителей, Бобринский придавал особое значение, как он выражается, «капиталу сознательного разумения».

Доказывая невозможность применения к России системы свободной торговли, автор обосновывает это следующими соображениями:

«1-е, что Россия не созрела еще в производительном отношении; 2-е, что в других государствах система свободной торговли не была причиною благосостояния народов, но лишь последствием экономического строя, выработавшегося под влиянием охранительных мер, принятых правительствами в прежнее время, и затрат, произведенных предыдущими поколениями; 3-е, что у нас фритредеры, приняв последствие за причину, извратили логическую последовательность, с которою совершается переход народов от периода ученичества к периоду сознательного разумения».

Бобринский осуждает тариф 1857 г., принесший ежегодное сокращение таможенного дохода «на многие миллионы рублей и поражение русской промышленности». В обоснование этого он ссылается на мнение Московского купечества: «наша внутренняя промышленность, и без того необширная, потрясена в своем основании несвоевременным и в высшей степени нерациональным понижением тарифа в 1857 г.».

Хозяйственное общение стран, стоящих на разных ступенях развития производительных сил, Бобринский характеризует такими словами:

«В торговых сношениях двух народов, из которых один дожил до периода сознательного разумения, а другой находится еще в периоде ученичества, мануфактурные товары тяготеют от первых к последним, а суровые, напротив, от последних к первым. Такое экономическое положение обрекает народ, не созревший еще до периода сознательного разумения, на скудные заработки, выручаемые при произведении суровья, и представляет народам, созревшим до периода сознательного разумения, пользоваться значительною платою за обделку суровья в мануфактурные изделия».

Разный уровень развития производительных сил Бобринский образно сравнивает с лестницей, на которой народы занимают высшие и низшие ступени в зависимости от развития производительности труда.

«На этой лестнице верхняя ступень занята Англией, в которой народные интересы охранялись энергичными правительственными мерами вопреки космополитических воззрений, не только в то время, когда английский народ находился еще в периоде ученичества, но даже охраняются и в настоящее время. На нижней ступени стоит Турция, в которой с давнего времени существует система свободной торговли, поражающая

в зародыше всякое развитие производительности сил в народе, находящемся еще в периоде ученичества».

Несомненно, наш автор находился под сильным влиянием Фр. Листа. Идея производительных сил, разного уровня их развития в отдельных странах, связи таможенной политики с этим уровнем и наконец, воспитательный характер таможенных пошлин—все это заимствовано нашим протекционистом от Фр. Листа.

Бобринский находил, что преждевременное применение системы свободной торговли к русскому народу, не созревшему еще в производительном отношении, вызвало ряд неурядиц, затушевываемых наличием падающей валюты и общим под'емом цен в пятидесятых годах.

В период 1824—1843 г. господства охранительной системы в Россию было привезено на 116,5 мил. р. звонкою монетою более, чем вывезено, между тем, в период 1847—1866 г., когда были введены тарифы 1850 и 1857 г. вывезено из России золота и серебра на 200 мил. руб. более, чем привезено.

«Понижение пошлины с привозных товаров в России, пишет Бобринский, убавляет таможенные сборы и уменьшает косвенный налог, падающий преимущественно на людей зажиточных, и вынуждает правительство для пополнения таможенного недобора, увеличивать прямые налоги, падающие преимущественно на людей недостаточных. Следовательно, в применении фритредерской системы к настоящему хозяйственному положению России заключается не созидательная сила, но, напротив, растрата капитала сознательного разумения, начавшего уже образовываться под покровительством охранительной системы, существовавшей при гр. Канкрине».

Отстаивая охранительную систему, Бобринский берет под свою защиту интересы людей недостаточных, якобы страдающих от введения принципов свободной торговли. По этому поводу можно сказать, что тарифы 1850 и 1857 г. были все еще далеки от фритредерства. Мы знаем, с какими трудностями проходило самое скромное снижение пошлин на колониальный сахар. Поэтому говорить о том, что в России была введена свобода торговли в пятидесятых годах—это значит страдать склонностью к чрезмерным преувеличениям.

После установления общих положений, Бобринский обращается к критике правительственной политики в области сахарной промышленности. В об'яснительной записке департамента мануфактур и внутренней торговли (1862 г.) указывалось на значительный размер дохода, доставляемого казне привозным песком и вместе с тем усматривалось, что этот источник дохода, как и самый привоз сахара стал уменьшаться с 1845 г. В официальной статье «Государственная роспись» чистое уменьшение дохода казны от сокращения ввоза колониального сахара исчислялась в 4 мил. руб. сер. ежегодно. «Вследствие данного свекло-сахарным заводчикам обещания не изменять существующих цифр акциза и таможенной пошлины до конца 1862 г., положение этого дела должно было оставаться до сих пор неизменным. Но с 1863 г. будут, вероятно, приняты меры для возмещения столь значительного ежегодного ущерба».

Приведенное выше заявление вызвало такую отповедь Бобринского: «подобные заявления во имя правительства потрясают до основания кредит, один из могучих двигателей промышленного преуспеяния».

Этот виднейший представитель сахарозаводчиков изучаемой эпохи построил защиту интересов своей промышленности на базе отстаиванья вообще строго охранительной системы и не допущения каких бы то ни было фритредерских увлечений. Он боролся не за оставление пошлин на

колониальный сахар, а за сохранение строгого протекционизма, разумеется, и в отношении к сахару. Защита интересов свекло-сахарной промышленности Бобринским велась во всеоружии использования научных аргументов, выдвигаемых, в то время, в пользу воспитательного протекционизма. Книга Бобринского представляет опыт научного трактата по вопросу фритредерства и протекционизма в применении к тогдашней России.

А. Бобринский еще раньше изложил свои взгляды на значение свекло-сахарной промышленности в Журнале Сельского Хозяйства в статье—«Статистические материалы для истории свекло-сахарной промышленности в России» (1856 г., кн. I). Здесь, между прочим, Бобринский писал: «первую свою жалобу рафинеры подали в 1844 г., когда было очищено пошлиною более, чем когда либо колониального сахара, т. е. 2.154.052 п. Эта жалоба служила поводом к обложению свекловичного сахара акцизом» (стр. 71). Это указание не верно, так как нам известно, что мин. фин. еще в 1839 г. подымало вопрос об обложении сахара акцизом.

Интересное об'яснение дает Бобринский затруднениям в сбыте северного рафинада; последние, по его мнению, «происходили частью от огромного количества колониального сахара, очищенного пошлиною до 1853 г., а частью от того, что огневые рафинадные заводы терпят от соперничества паровых заводов, которые заставят современем закрыть огневые заводы».

Бобринский утверждал, что свекло-сахарная промышленность стоит менее государству, чем бумагопрядильная. Свекло-сахарную промышленность можно упрекнуть в том, что, если бы ее вовсе не существовало, то вместо 1 мил. п. ежегодно производимого свекловичного сахара, было бы привезено столько же колониального и в таком случае казна получила бы 3,2 мил. р. более таможенного дохода (пошлина 3 р. 80 к. с пуда, минус акциз 60 к.).

Этот упрек можно сделать всем другим промышленностям, не пользующимся самостоятельностью, и посему следует или отступиться от охранительной пошлины или же не упрекать одной промышленности в недостатках, свойственных целой системе. Так, напр., если бы не существовало бумагопрядильных заводов, то казна получила бы с бумажной пряжи 5 мил. руб. дохода более (стр. 81).

Как видим, Бобринский защищает интересы своей промышленности ссылкой на другие покровительствуемые отрасли индустрии; таким образом, он ставит свекло-сахарную промышленность в ряд с другими отраслями, пользовавшимися всяческим покровительством.

Он видел преимущество свекло-сахарной промышленности перед другими отраслями. «Ежели же принять в соображение, которая из них искусственно поддерживаемых промышленностей достигает самостоятельности, т. е. которая, пользуясь покровительством правительства, в состоянии будет принести дань отечеству, то, конечно, свекло-сахарное производство должно быть поставлено первым: ибо нет сомнения, что современем при большом знании дела и вообще при больших технических способах, оно будет служить важным источником госуд. дохода».

«Обширность этой промышленности, достигнувшей в течение последних двадцатипяти лет, до производства 1.000.000 п. в год, доказывается тем, что стоимость их простирается до 7.000.000 р. (гаванский песок стоит 7 р. 50 к.), т. е. превышает цену всего зернового хлеба, вывозимого из России по всему Балтийскому морю, равно как цену всех товаров, отправляемых через Кяхту и равняется почти половине ценности всего хлеба, отправляемого по Черному и Азовскому морям.

Итак свеклосахарная промышленность должна почитаться одною из самых полезнейших ветвей нашей народной производительности, заслуживающей вполне попечение правительства».

В оценке стоимости продукции Бобринский допустил одно преувеличение: он посчитал цену гаванского сахара с пошлиной, т. е. почти в два раза выше, при таком подсчете у него получилась столь высокая ценность продукции туземного сахара.

Указание на то, что свекло-сахарная промышленность должна считаться одной из полезнейших отраслей промышленности, сделано только для обоснования того, что она заслуживает полного попечения правительства. Казалось бы, что при существовавшей тогда пошлине на колониальный сахар правительственное попечение о свекло-сахарной промышленности было выявлено в достаточной степени. Если Бобринский считал нужным напоминать об этом, то, очевидно, в целях отвращения попыток мин. фин. в пятидесятых годах к понижению пошлин. Дата статьи Бобринского вполне подтверждает эту догадку. В лице Бобринского мы имеем представителя крупных сахарозаводчиков. Он выражал интересы владельцев заводов коммерческого типа.

Интересны воззрения по вопросу свекло-сахарной промышленности находим мы у одного из украинских сахарозаводчиков—Ханенко. Последний в своей статье «О пользе свекло-сахарной промышленности для Черниговской губ. (в Журн. Мин. Гос. им. 1852 г. кн. VI) указав на низкие цены на рожь, на упадок винокурения, видит спасение в свекло-сахарной промышленности.

«Заведение фабрик, пишет Ханенко, требует больших капиталов, технических знаний и торговой деятельности; все это нам еще, как говорится, не по плечу, за исключением свекло-сахарных заводов, которые ныне год от года умножаются в нашем крае. В Черниговской губ. свекловица родится хорошо почти во всех уездах. Десятина свекловичной плантации, с половинным удобрением против того, что нужно для конопляника, по меньшей мере дает 100 берковцев свекловицы; считая берковец в 65 к. сер. это дает 65 р. сер., т. е. если не вдвое, то верно одною третью более дохода против конопляника. Правда, свекловица требует более работы от взрослых и малолетних, но если эта работа неизлишняя и хорошо оплачивается, то здесь и заключается искомое разрешение вопроса: на своей земле, в своем селении, дать труду полезное направление».

Автор выдвигает значение свеклосеяния для использования труда украинского населения. Он оттеняет особенности работ на свекловичных плантациях, не отрывающих селянина от семьян. От этих слов дышет старосветской патриархальностью.

Ханенко понимает, что для распространения свеклосеяния нужен рынок сбыта. «Но выгодный сбыт свекловицы может быть только там, где не в дальнем расстоянии есть свеклосахарные заводы: следовательно эти посевы могут быть распространены только при умножении самых заводов или в той местности, где они уже находятся». Этими словами Ханенко подчеркивает тесную органическую связь свеклосеяния с свекло-сахарным производством.

Автор ставит вопрос, кто должен учреждать сахарные заводы—капиталисты или помещики?

«Свекло-сахарный завод, говорит он, не может быть учрежден без пожертвования капитала и при том капитала значительного, когда предполагается завод с улучшенными аппаратами. А так как наши помещики, по ограниченности доходов, не имеют капиталов, а напротив того большая их часть обременены долгами, то не прибегая к новым займам выгоднее всего для них было бы, если бы заводы были выстроены, в их же имениях,

или вблизи их другими капиталистами. Помещику и крестьянину выгодно было бы иметь почти у себя на рынке постоянного купца, который платил бы ему условленную цену за доставленную свеклу, за вырубленные дрова, за перевозку их, за известь, холст, кости, кирпич, за наем людей, за сено, овес, масло конопляное, бочки, веревки и наконец за перевозку сахара: весь этот доход он получал бы круглый год».

Увлечение строительством свекло-сахарных заводов тяжело отразилось на помещичьем хозяйстве в виду того, что многие помещики брались за это, не располагая нужными средствами. Такие помещики обременяли свои имения долгами и в конечном результате раззорялись. Ханенко это прекрасно понимает, и потому приходит к тому выводу, что более выгодным для помещиков представлялось бы устройство заводов капиталистами. Это мнение резко расходилось с тем ранее широко распространенным убеждением, что эта промышленность наиболее всего соответствует дворянству. К концу рассматриваемого периода это убеждение стало рассеиваться и более дальновидные помещики склонялись к тому, чтобы передать это дело в руки капиталистов. На эту перемену взглядов повлияло и то, что теперь заводы требовали затраты значительных капиталов.

Для помещичьего и крестьянского хозяйства завод, выстроенный на средства капиталиста, представлял выгодный рынок сбыта разных продуктов и помещения труда.

Ханенко переходит к обсуждению того, какой же тип сахарного завода—коммерческий или сельско-хозяйственный—более выгоден.

«Выгодно ли в нашем крае учреждение свеклосахарных заводов на коммерческом расчете? Неудачные попытки в начале учреждения таких заводов уронили совершенно доверие в пользу их. Несколько трудолюбивых хозяев, взявшись за дело с знанием и терпением, возвысили мнение о доходах свеклосахарных заводов в нашем крае безусловно. Следствием этого было учреждение многих заводов. Но с того времени обстоятельства изменились: с увеличением числа заводов цена дров и др. материалов возвысилась, цена же на сахар уменьшилась. Учреждение огромных паровых заводов, которые будут в возможности доставлять значительные выгоды и тем поддерживать низкие цены на сахар, наводит сомнение о выгоде небольших свеклосахарных заводов».

Таким образом. хотя и были успешные случаи устройства сельскохозяйств. заводов, но Ханенко, видя появление огромных паровых заводов, высказывал сомнение в том, в состоянии ли мелкие заводы выдержать конкуренцию с крупными паровыми заводами. Он приводит любопытный факт, в Новгородсеверском у. компания из четырех человек задумала устроить огневой завод на коммерческом расчете. Подсчитав расходы и возможный доход компания отказалась от своего намерения.

Все же исходя из той мысли, что свекло-сахарные заводы должны обслуживать по возможности весь край, Ханенко высказывается в пользу мелких заводов. «Чтобы эти заводы принесли пользу общую для всего края, нужно учреждение их в малых размерах, но в большем числе. Тогда сбыт на них найдут соседственные селения, ибо заводчику, перерабатывающему свои 3.000 берк., выгодно прикупать еще 2.000; или имея своих 5.000 берк. для переработки, он может делать покупку дров, которых у него недостаточно; наконец, имея землю для посева свекловицы и дрова, ему выгодно будет нанять лишних рабочих для обработки этой земли и для переработки полученной с нее свекловицы, для вырубки дров, для перевозки их и проч. Он будет получать выгоды уже сбытом главного произведения своей земли».

Учреждение сахарных заводов Ханенко оценивал с точки зрения обеспечения сбыта для помещичьего и крестьянского хозяйства. Таким образом, этот идеолог свекло-сахарной промышленности видел в устройстве сахарных заводов выход из того тяжелого положения помещичьего хозяйства, в каком оно находилось в изучаемый период вследствие отсутствия рынков сбыта для сельских продуктов и сырья.

Предположения о снижении пошлин на колониальный сахар вызвали и на Украине отрицательное отношение. «Нет сомнения, писал представитель киевских сахарозаводчиков Понятовский [1]), что одно из важнейших обстоятельств, позволяющих сахарной промышленности удерживаться на нынешней ступени развития и преуспевания в будущем—это покровительство, оказываемое ей тарифом относительно ввоза заграничного сахара. Чрезмерное уменьшение на него пошлины неминуемо повлекло бы за собою упадок нашей свеклосахарной промышленности, еще недостаточно созревшей, чтобы выдерживать конкуренцию с продуктами иностранных заводов, пользующихся удобствами нам недоступными».

Понятовский высказывает категорическое утверждение, что свеклосахарная промышленность не в состоянии конкурировать с иностранным сахаром в случае чрезмерного уменьшения пошлины.

В политике, направленной к понижению пошлин на колониальный сахар, Понятовский видел поддержку личных интересов северных рафинеров. «Для личной пользы промышляющих заграничным сахаром, которым Россия не отечество, был бы принесен в жертву возникающий вернейший и богатейший источник государственной промышленности и благосостояния земледельческого сословия». Для доказательства гибельности снижения пошлины, Понятовский не постеснялся упрекнуть северных рафинеров в отсутствии патриотизма. Так боролись сахаровары за неприкосновенность запретительных пошлин, орошавших их хозяйства даже при неумении, при бесхозяйственности, золотым дождем.

Встречались в изучаемую эпоху и голоса, не разделявшие восторгов сахароваров по поводу появления и укрепления у нас новой отрасли промышленности. С этой точки зрения заслуживают упоминания статья Струкова—«Замечание на статью Грум-Гржимайло о свекло-сахарной промышленности и о развитии ее в России, напечатанную в трудах Вольн. Экон. О-ва янв.—февр. 1860». (Журнал Сельск. Хозяйства, т. II 1860 г.). Указав на то, что свеклосахарная промышленность пользовалась и пользуется у нас особым покровительством, соединенным с большими пожертвованиями государственных доходов, автор ставит вопрос: доставляет ли свекло-сахарная промышленность государству пользу, соответственную сказанным пожертвованиям.

Весьма недавно еще было общее убеждение в пользе развития в каждом государстве производительности всякого рода для того, чтобы менее тратить денег на приобретение иностранных товаров, и обходиться своими средствами на случай войны и сопутствующих ей затруднений в заграничном торге. Лучшим для этого средством найдена была охранительная система, стесняющая международные торговые сношения. События исторические временно оправдывали такое направление, но дальнейшие последствия бывали всегда более вредны, чем полезны, доказывая, что промышленность не вполне свойственная стране, не только по почве, климату и географическому положению, но и по состоянию народного образования и общественного устройства, если и прививается искусственно, то

[1]) Понятовский—Практические замечания о свекло-сахарной промышленности в юго-западных губерниях. Труды Комиссии для описания губ. Киев. учеб. округа. Киев, 1855 г., т. III.

остается шаткою и непрочною и нарушает свободное развитие естественных богатств».

Указав отрицательные стороны протекционизма в насаждении таких отраслей промышленности, какие не имеют благоприятных условий в стране, Струков, полагал, что свекло-сахарная промышленность принадлежала именно к числу таких «искусственных производств, с ущербом государственных доходов и следственно с обременением другой производительности и общего потребления. Известно, что правительство не может жертвовать миллионами, не вознаграждая своих пожертвований из других источников, и что эти источники состоят из обычной производительности, уже обремененной прямыми и косвенными налогами. Известно и то, что исключительное развитие какой либо производительности нарушает равновесие в движении капиталов к ущербу других производств, составляющих предмет занятия большинства, в пользу небольшого меньшинства».

Автор достаточно ясно и определенно указал на те жертвы, какие несло государственное и народное хозяйство для поддержки свекло-сахарной промышленности.

Отметив, что почва и климат черноземных губерний обеспечивает выгодное производство свекловицы, не уступающей по сахаристости французской и германской, хотя и ниже сахаристости тростника, Струков полагал, что наступило время уменьшить, а затем и вовсе прекратить покровительственную систему для распространения заводов, особенно в тех губерниях, где свекло-сахарное производство может существовать только с пособием высокой охранительной пошлины, по недостаточной плотности свекловичного сока. Правда, говорят: развитие свекло-сахарного производства повело за собою многие сельско-хозяйственные улучшения в полеводстве и скотоводстве, развило большое благосостояние у соседних поселян и доставило поселянам большие заработки. Да,—таких общеместных последствий, возможных при движении огромных капиталов, привлекаемых заводским производством, можно было ожидать при дорогом покровительстве, но, к сожалению, немногие заводы пользуются выгодами свободного труда, большая же часть употребляет капиталы только на наем специального труда или на покупку предметов, которых нельзя произвести крепостным трудом, да и самый наем крепостных людей делается часто по соглашению не с рабочими, а с их владельцами. Весьма немногие ввели в полевые свои севообороты свекловицу и улучшенные орудия для облегчения и улучшения обработки ее; у крестьян же она разводится постоянно в огородах; изменения в благосостоянии крестьян, в соседстве заводов, незаметно».

Таким образом, автор подвергал сомнению влияние свеклосахарной промышленности на под'ем благосостояния крестьян. По его мнению, свеклосеяние усилило барщинные повинности и было воспето в народных песнях на Украине наряду с падежами, голодом и другими бедствиями.

Струков ставит в упрек свекло-сахарной промышленности то, что она повела за собою беспорядочное истребление лесов, невознаградимое приростом и расширяющее безлесье, до того, что местами топливом служит солома к крайнему ущербу плодородия земли.

«Если, наконец, спрашивает автор, несмотря на чрезвычайные и несомненные выгоды свеклосахарного производства в сельскохозяйственном и заводском отношении, многие заводы едва держатся по неудобству почвы, или неопытности в техническом производстве, или недостатку капиталов, за которые платят от 12 до 18% и держатся только с помощью

крепостного труда, а цена на сахар не только не понижается, но возвышается чрезмерно, то едва ли государственная и народная польза может требовать дальнейших пожертвований»...

Автор, признавая выгоды свекло-сахарного производства, видел отрицательную сторону охранительной системы в том, что благодаря ей возможно было существование слабых, маломощных заводов, поддерживаемых крепостным трудом. В виду того, что существование таких мелких заводов нисколько не содействовало снижению цен на сахар, Струков считал излишним жертвы на поддержание их с государственной и народнохозяйственной точек зрения. Автор, несомненно, отражал взгляды либеральных кругов общества, стоявших на точке зрения интересов потребителя. Резко отрицательное отношение к барщине понятно накануне падения крепостного состояния, когда передовые и мыслящие люди ясно видили экономическую невыгодность крепостного труда.

Струков не указал тех положительных мероприятий, какие, по его мнению, следовало бы применить к свекло-сахарной промышленности и к сахарной торговле. Во всяком случае он сомневался в том, чтобы установление акциза равного с пошлиной, которое должно вызвать повышение цен можно было считать «справедливым и рациональным». «Умножение благосостояния народа гораздо лучше и другими путями может обеспечить государственные финансы и кредит, чем подобные пошлины, тем более, что искусственно созданная промышленность едва ли устоит впоследствии перед естественными удобствами промышленности тростниковой, когда к ней приложатся европейские усовершенствования».

Любопытно, что даже в шестидесятых годах потребительские круги относились все еще с недоверием к отечественной сахарной промышленности, считая ее искусственной для России и полагая, что она не в состоянии конкурировать с тростниковой. Об'яснение этого явления лежит в наличии высоких таможенных пошлин на колониальный сахар и в горячей защите этих пошлин свекло-сахарными заводчиками, боявшимися самого скромного снижения пошлин.

Струков заканчивает свою интересную статью таким обращением к сахароварам: «все это я говорю не в укор свекло-сахарным заводчикам, воспользовавшимися ошибочными понятиями о выгодах искусственного развития свекло-сахарной промышленности, точно так, как пользуются откупщики монополиею сивушной продажи». Автор сравнивает положение сахарозаводчиков с положением, занимаемым откупщиками по отношению к рынку сбыта. Очевидно, эта монополия особенно была тягостна для потребителя. Последний, выведенный из терпения дороговизной сахара, об'ясняемой наличием высоких пошлин, не замечал тех положительных сторон, какие имела свекло-сахарная промышленность. По его убеждению, последняя представляла все же искусственное оранжерейное растение, взращенное под сенью высокого охранительного тарифа.

Можно указать еще на оценку свекло-сахарной промышленности, сделанную московским купечеством. Эта оценка опубликована в начале шестидесятых годов, но по существу она относится к изучаемому периоду. Имеем в виду «Мнение постоянной депутации Московских купеческих с'ездов по поводу записки, представленной правительством Таможенного союза» (1865 г.).

Московское купечество прежде всего подчеркнуло важное значение свеклосеяния в системе сельского хозяйства. «Высчитывая только прямые земледельческие выгоды от свекловицы и выработки сахару, не должно забывать, что разведение свекловицы на полях вызвало плодопеременную систему, с нею ввело травосеяние и разнообразие полевых посе-

вов. Все это вместе сделало то, что на свеклосахарное производство смотрят, как на источник обогащения, все те уголки России, где климат и почва допускают его привольное существование» (стр. 85).

Московское купечество отмечает, что в ряду наших чисто туземных промышленностей свеклосахарное производство занимает весьма важное место, ибо оно в окончательном виде дает сахару на сумму до 30 мил. руб. сер. Потом оно усвоилось Россией... с 1840 г. уже сделалось полною туземною промышленностью».

Купечество верно ценило удельный вес свеклосахарного производства в народно-хозяйственном балансе того времени и занесло его в разряд вполне туземных отраслей.

Интересной точки зрения держалось Московское купечество на мелкие огневые заводы. «Огневые свеклосахарные заводы есть дело также близкое к сельскому хозяйству, как и мелкое винокурение. Правда, что мелкий заводчик получает далеко меньшие, даже часто ничтожные барыши с своего огневого свеклосахарного завода, сравнительно с барышами большого парового завода, но за то его завод позволяет ему разнообразить его земледелие присоединением к нему нового произведения—свекловицы, о которой известный французский агроном Домбаль говаривал: «Что картофель сделал для хозяйства в Германии, то сделает свекловица в России». Ничтожность капитала, требуемого небольшим огневым заводом, нечувствительность потери при неурожае, все это вместе усилило бы такие заводы, если бы правительству угодно было при назначении акциза принять во внимание значение их в России» (стр. 99). Защита мелких огневых заводов являлась экономически реакционной в особенности после падения барщины. Здесь нашли отражения идеи, широко распространенные в помещичьих кругах, о роли и значении мелких огневых заводов для сельского хозяйства.

В своей записке купечество намечало новый район свекло-сахарной промышленности именно область Войска Донского. В этом районе могла бы обосноваться огромная выделка сахарного песка и «средняя Азия была бы местом постоянного сбыта нашего туземного сахара». Близость этого района к средней Азии—этому весьма интересному рынку и навела московских купцов на мысль об устройстве свекло-сахарных заводов на Дону. Купцы не боялись конкуренции свекло-сахарных заводов.—«Конкуренция множества сахарных заводчиков непременно удешевила бы сахар до последней возможности, и то, что терялось бы на цене сахара, выигрывалось бы на земледельческом значении свекловицы и на выкормке скота выжимками».

Московские купцы подчеркнули в своей записке еще одно последствие введения свекло-сахарной промышленности — рост потребления водки, как это витиевато выражено в записке «ясно видимые весьма благоприятные следствия финансов, в области новой акцизной системы, производимые свеклосахарною промышленностью. Правильное употребление вина, при работах на свеклосахарных заводах, не ведя к пьянству, делает то, что во всем свеклосахарном округе акцизный сбор дает доход казне далеко более, чем в других местах, не имеющих свекло-сахарных заводов, при всех прочих одинаковых обстоятельствах» (стр. 100).

Мы знаем, что порция водки входила в рацион рабочих, занятых на свекловичных плантациях и заводах. При значительном росте свеклосахарного пролетариата к концу изучаемой эпохи потребление водки должно было сильно расшириться в свекло-сахарных районах.

Купечество обращало внимание на правильный сбор податей и по-

душных повинностей в свекло-сахарных районах. «В местах, изобилующих свеклосахарными заводами, не только что пошлины собираются сполна, но туда отправляются крестьяне на работы из соседних губерний для заработка на уплату недоимок».

Наконец, в записке указывалось еще одно обстоятельство, которым «не может пренебрегать государство, обремененное долгами и сильно нуждающееся в звонкой монете: за иностранный песок платятся ежегодно миллионы рублей золотом, которого у нас нет; свой песок не нуждается в золотой монете. Другими словами, иностранный песок усиливает тяжесть нашего финансового положения, способствуя, в числе множества других привозных предметов, невыгоде нашего торгового баланса; свеклосахарный песок доставляет доход государству и богатство стране, нисколько не нуждаясь в звонкой монете, т. е. не обременяя нисколько государственного кредита» (стр. 101).

Вся эта аргументация московских купеческих с'ездов приведена для решения вопроса, полезно ли понижение пошлины на сахар для казны. Купечество пришло к «ясному и положительному ответу, что оно сильно уменьшило бы прямые доходы государства и еще более повредило бы и без того не блестящим нашим финансам, лишивши казну косвенных доходов от туземного сахара».

Этот голос купцов для нас интересен тем, что показывает отношение торговых кругов к свеклосахарной промышленности. В начальный период возникновения свекло-сахарной промышленности купечество не обращало внимания на эту отрасль производства. С развитием свеклосахарной промышленности к концу изучаемой эпохи, с появлением купеческой торговли свекловичным сахаром, купечество оценило всю важность новой отрасли туземной промышленности и стало на страже ее интересов. Свекло-сахарной промышленностью стал интересоваться не только дворянский капитал, но и торговый.

Обзор литературных течений, связанных с свекло-сахарной промышленностью в изучаемую эпоху, показывает, что новая отрасль промышленности имела горячих, убежденных защитников, широко использовавших современную печать. Большинство этих сторонников свекло-сахарной промышленности защищало свои интересы, т. е. интересы сахароваров и вместе крупного землевладения. В большинстве случаев поводом к появлению статей, сочинений авторов-сахароваров, служили те и другие правительственные мероприятия, направленные или к снижению пошлин, или к обложению свекловичного сахара акцизом. Поэтому, эти выступления носят большею частью полемический характер. Разумеется в этой полемике авторы сахаровары иногда давали преувеличенную оценку свекло-сахарной промышленности, изображая в черезчур розовых красках ее перспективы.

В литературе изучаемой эпохи нашли преимущество отражение голоса сахароваров или их сторонников. Голос потребителя редко был слышен. Все же полемика Московск. Ведом. с Масловым и выступления Струкова говорят о том, что потребитель далеко не разделял восторгов сахароваров по поводу успехов свекло-сахарной промышленности. Потребитель, уплачивая высокие цены за сахар, далеко не склонен был воспевать эту новую отрасль производства. Он даже в конце изучаемого периода стоял на точке зрения, что свекло-сахарная промышленность тепличное растение, которое не в состоянии будет вынести конкуренцию с тростниковым сахаром, раз только будут значительно снижены пошлины. Несмотря на интенсивное развитие к началу шестидесятых годов свекло-сахарной про-

мышленности, широкие потребительские круги не верили в ее жизнеспособность. История показала ошибочность этого взгляда—в настоящее время ни у кого не возникает сомнения в том, что свекло-сахарная промышленность представляет собою такую производительную силу, какая органически связана со всей системой нашего народного хозяйства.

Обзор литературных течений показывает, как изменения в экономике вызвали соответствующее отражение в литературе. Над новой материальной базой возникла и своя идеологическая надстройка.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

Введение . . . . . 5—65

Общая характеристика народного хозяйства Украины в тридцатых и сороковых годах XIX ст.

Деление Украины на три района. Крепостное состояние. Панский двор. Барщина. Трехполье. Технические культуры. Скотоводство. Положение украинской промышленности. Суконная промышленность. Упадок сукноделия. Промышленность по обработке животных продуктов. Фарфоро-фаянсовая. Винокурение. Упадок винокуренной промышленности. Табачная промышленность. Кустарные промыслы. Отход на заработки. Хлебная торговля. Отпуск пшеницы за-границу. Снижение хлебных цен в лесостепной полосе. Экспорт льняного семени, животноводственных продуктов. Ярмарочная торговля. Перевозка товаров. Аграрный кризис в лесостепной полосе Украины. Свеклосеяние и свеклосахарная промышленность, как выход из кризиса в глазах современников . . . . . 5—65

ГЛАВА I.

Исторический очерк развития свеклосахарной промышленности до освобождения крестьян.

I.

Начало св.-сах. промышленности в Германии. Московский аптекарь Биндгейм. Первый свекло-сахарный завод Бланкенгагеля. Завод Ермолаева, Кн. Мещерского. Вол. Экон. О-ство о свекло-сах. промышленности. Предоставление первым сахароварам права выкурки спирта из свекловичных остатков. Отчет Мальцева. Первые свекло-сахарные заводы на Украине. Обучение крепостных на заводах Герарда, Мальцева. Мнение мин. вн. д. и мин. фин. об успехах нашей свекло-сахарной промышленности. Чем можно об'яснить появление первых свекло-сахарных заводов в центральной полосе? Компанейские свекло-сахарные заводы. Причины, неблагоприятствовавшие развитию свеклосахарной промышленности. Первые опыты авансирования плантационной свеклы . . . . . 67—112

Стр.

II.

Комитет сахароваров. Его возникновение и первые заседания. Увлечение строительством сахарных заводов на Левобережной Украине с половины тридцатых годов. Смелянские заводы на Киевщине. Сахаромания в Киевском районе. Деятельность Комитета сахароваров со второй половины сороковых годов 112

III.

Сведения о свеклосахарных заводах в губернаторских отчетах. Справка о положении свеклосахарной промышленности в 1844 г. и в 1845 г. Свеклосахарная промышленность по данным обследования 1848 г. Развитие свеклосахарной промышленности после 1848 г. Свеклосахарная промышленность в 1856/57 г.г. Основные показатели развития свеклосахарной промышленности с 1857/58 по 1861/62 г.г. Концентрация свеклосахарной промышленности. Два типа свеклосахарных заводов — сельско-хозяйственный и коммерческий. Размещение (штандорт) свеклосахарных заводов. Сравнительная характеристика украинских свеклосахарных районов. Попытка насаждения свеклосахарных заводов в Сибири . . 143—209

ГЛАВА II.

Положение труда в свеклосахарной промышленности до 1861 г.

Использование барщинного труда на свеклосахарных заводах. Способы использования этого труда по свидетельству Эвениуса. Мнение комиссии, обследовавшей положение свеклосеяния в конце сороковых годов. Барщина на сахзаводах Полтавской, Черниговской и Киевской губ. Мнение Шишкова—о наемном труде на заводах. Покупка гр. Браницким крестьян для Смелянских сахзаводов. Конкуренция плантаторов на рынке труда. Отлив с.-х. рабочих в степь на заработки. Побеги рабочих с свеклосахарных заводов. Содержание контрактов по найму рабочих. Продолжительность рабочего дня. Обстановка труда на сахарных заводах. Жестокое обращение с рабочими. Формы и высота заработной платы. Новый быт рабочих. Технический и управляющий персонал на сахзаводах. Иностранцы-сахароварь. Оплата труда служащих на сахзаводах. Число рабочих, занятых на свеклосахзаводах. Производительность труда. Пожелания дворян сахароваров по вопросу о сроке отслуживания обученных ими мастеров. Обсуждение этого вопроса в Главном и Секретном Комитетах по крестьянскому делу. Положение 1861 г. . . . . 210—254

ГЛАВА III.

Торговля свекловичным сахаром до освобождения крестьян.

Связь функции сбыта сахара с его производством на первых свеклосахарных заводах. Москва, как рынок сбыта. Зна-

Стр.

чение ярмарок, как рынка сбыта для украинских свеклосахарных заводов. Потребление сахара-рафинада. Трудность сбыта песка. Формы сахарной торговли в пятидесятых и шестидесятых годах. Комиссионная продажа сахара в Москве. Комиссионный договор с Гофманом Комитета Сахароваров. Продажа сахара через комиссионера Гофмана. Районы сбыта сахарной продукции. Рынки сбыта рафинада. Нижегородская ярмарка. Украинские ярмарки. Продажа песков в кредит. Траты и их учет. Емкость рынка. Потребление сахара. Цены на сахар. Разница цен между Киевом и Москвой. Мнение мин. финансов о дороговизне сахара и влияние ее на потребление. Сравнение с Западно-Европейскими ценами. Ценообразующие факторы. Себестоимость сахара. Доходность свеклосахарных заводов. Стоимость берковца. Урожай свеклы. Выход сахара. Доходность свеклосахарных заводов. Доходность рафинадных заводов . . . . . 255—310

ГЛАВА IV.

Экономическая политика до 1861 г. в области свеклосахарной промышленности.

Меры содействия свеклосахарной промышленности. Указ 1800 и 1803 г. об отводе земель. Предоставление заводчикам права выкурки спирта из свекловичных остатков. Пошлины на привозной песок и рафинад. Запрещение привоза рафинада в 1811—1816 г. Докладная записка Крамера. Поворот в сторону либеральной таможенной политики в тарифах 1816 и 1819 г. Тариф 1822 г. Повышение пошлины на песок 1831 и 1841 г. Указ Сената с 1833 г. по вопросу о выделке водок из свеклосахарных остатков. Фон-Гец о таможенных пошлинах на сахар. Вопрос об обложении свекловичного сахара акцизом в начале сороковых годов. Мнение Государствен. Совета об акцизе на свекловичный сахар. Ходатайство северных рафинеров 1844 г. Обсуждение вопроса об акцизе на свекловичный сахар в Собрании Коммерческого и Мануфактурного Советов. Отрицательное заключение Советов по вопросу о сахарном акцизе. Мнение председателя Советов об обложении акцизом рафинадных заводов. Мнение Совета Мин. Фин. Борьба вокруг сахарного акциза во Франции. Сахарный акциз в Пруссии. Ходатайство Киевских сахарозаводчиков. Проект министра финансов о сахарном акцизе, о способах взимания, нормах, выхода и нормах производительности снарядов. Обсуждение проекта в Департаменте экономии Государственного Совета. Замечание Мин. Госуд. Им. на проект Мин. Фин. Мнение Мин. Фин. по поводу замечаний Мин. Госуд. Имущ. Вторичное рассмотрение проекта в Департаменте Госуд. Экономии, в общем собрании Государственного Совета. Акцизный устав 1848 г. Указ 1850 г.—о выделке водок из свекловичных остатков. Критическая оценка устава 1848 г. О понижении пошлин на колониальный сахар. Прошение Рижских сахароваров. Ходатайства об отсрочке уплаты пошлин за сахар сырец. Обсуждение вопроса о пошлине на колониальный сахар в Мин. Фин. Докладная записка Геца. Записка Мин. Фин. в Государственном Совете. Отзыв Наместника Ц. П. о

Стр.

предложениях мин. фин. Изменение предложений мин. фин. под влиянием осложнений политической обстановки (начало 1854 г.). Решение общего собрания государственного Совета. Предложение мин. фин. о понижении пошлины на сахар-сырец и о разрешении к привозу рафинированного сахара. Постановление Государственного Совета 1856 г. Общая оценка экономической сахарной политики . . . . . 311—374

ГЛАВА V.

Идеологи свеклосахарной промышленности.

Печатные органы сахарозаводчиков — Земледельческий Журнал, Журнал Сельского Хозяйства. Записки Комитета Сахароваров. Дм. Давыдов. Его «Взгляд на свекло-сахарное произвдство». Мнение Давыдова о рентабельности свеклосахарных заводов. Нападки на Англию. Ее сахарная монополия. Отчет Мальцева (1829 г.). Свеклосахарная промышленность важнейшая и полезнейшая всех других. Бар. Котц—представитель мелкопоместного дворянства. Бедственное положение мелкопоместного дворянства. Необходимость соединения земледелия с фабричным промыслом. Лялин. Его мнение о бездоходности сельского хозяйства на Украине. Значение свеклосахарной промышленности для поддержания благосостояния имений. Возможный упадок ввоза тростникового сахара. Скепсис редакции «Библиотеки для Чтения». Мнение Лялина о налоге на сахар, о свеклосеянии. Пренебрежительное отношение заводчиков к свеклосеянию. Шишков. Его биография. Его роль в истории свеклосахарной промышленности. Взгляд Шишкова на оброк и барщину. Маслов. Его мнение о развитии внутренних сил для удовлетворения необходимых потребностей. Маслов о повышении цен на сахар. Его полемика с редакцией «Московских Ведомостей». Значение свеклосахарной промышленности для крестьянства. Возражения N. N. по вопросу о причине падения цен на сахар. Защита дешевого сахара. Взгляд Маслова на роль таможенных пошлин в деле развития свеклосахарной промышленности. Гр. Ал. Бобринский. Его биография. Его сочинение «О применении системы охранительной и свободной торговли». Гармония интересов производителей и потребителей. Ханенко. Его взгляд на значение свеклосахарной промышленности для использования труда. Кто должен устраивать заводы, капиталисты или помещики? Свеклосахарный завод, как рынок сбыта. Понятовский. Его мнение о снижении пошлин на колониальный сахар. Струков об искусственном насаждении свеклосахарной промышленности. Свеклосеяние усилило тяготу барщины. Истребление лесов. Оценка свекло-сахарной промышленности московским купечеством . . . . . 375—407